Владимирский государственный университет

Государственный университет просвещения

Витебский государственный университет

Термезский государственный университет

ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора В. Ф. Киприянова

23 – 25 сентября 2025 г.
г. Владимир

Владимир 2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова»

Министерство высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан
«Термезский государственный университет»

ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Материалы XVI Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
профессора В. Ф. Киприянова

23 – 25 сентября 2025 г.

г. Владимир

Электронное издание

Владимир 2025

ISBN 978-5-9984-2299-7
© Коллектив авторов, 2025

УДК 81
ББК 81.411.2-2 + 81.411.2-3

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта
Государственного университета просвещения
Н. А. Герасименко

Доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры русского языка
Смоленского государственного университета
Н. А. Максимчук

Редакционная коллегия:

М. Вас. Пименова, д-р филол. наук (отв. редактор)
О. И. Соколова, канд. филол. наук (отв. секретарь)
Е. С. Константинов (член редколлегии)
Е. А. Кузнецова, канд. филол. наук (член редколлегии)
Е. Ю. Рыкин, канд. филол. наук (член редколлегии)
Н. А. Сафронова, канд. филол. наук (член редколлегии)

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Языковые категории и единицы: синтагматический аспект [Электронный ресурс] : материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. В. Ф. Киприянова, 23 – 25 сент. 2025 г., г. Владимир / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых [и др.]. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2025. – 571 с. – ISBN 978-5-9984-2299-7. – Электрон. дан. (4,51 Мб). – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Содержат доклады участников XVI Международной научной конференции, посвященные вопросам функционирования и взаимодействия языковых категорий и единиц на основе их синтагматических свойств в рамках принятого лингвистикой антропоцентрического взгляда на язык. Материалы конференции дают представление о современном состоянии исследований в сфере рассматриваемого комплекса языковых проблем.

Предназначены для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов и студентов.

ISBN 978-5-9984-2299-7 © Коллектив авторов, 2025

От редакционной коллегии

В 1995 г. проф. А.Б. Копелиович инициировал проведение международной конференции «*Грамматические* категории и единицы: синтагматический аспект», которая стала традиционной и регулярно проводимой (раз в два года). В 2009 г. конференция расширила свою тематику, получив название «*Языковые* категории…». За прошедшие годы проведено пятнадцать конференций, каждая из которых сопровождалась сборником материалов.

Нынешняя, шестнадцатая, Международная научная конференция посвящена 100-летию со дня рождения известного ученого Владимира Фёдоровича Киприянова (1925–1996), профессора кафедры русского языка ВлГУ, заведующего кафедрой с 1974 по 1985 г.

Сборник материалов конференции (всего 90 статей/тезисов) открывается очерком профессора *В.И. Фурашова*, посвящённым основным вехам жизни и творчества В.Ф. Киприянова. Продолжает и дополняет данный очерк статья «Типология лексических значений в трудах Владимира Фёдоровича Киприянова» (*М.Вас. Пименова*).

В последующих публикациях учёных *Беларуси* (Витебск, Минск), *Китая* (*Шэньчжень*), *Колумбии* (Богота), *России* (Белгород, Владимир, Волгоград, Вольск, Воронеж, Горловка, Донецк, Ижевск, Казань, Коломна, Липецк, Луганск, Мичуринск, Москва, Нижний Новгород, Оренбург, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Смоленск, Сургут, Сызрань, Тольятти, Уфа, Ярославль), *Сербии* (Белград), *Словакии* (Братислава), *Узбекистана* (Термез), *Украины* (Киев) рассматриваются вопросы функционирования языковых категорий и единиц различных уровней в рамках принятого современной лингвистикой антропоцентрического подхода:

фонетика: конечные консонантные кластеры в русском языке: синтагматический анализ (*Н.П. Панжиев*);

словообразование: контаминация как способ окказионального словообразования прагматонимов – фиктонимов пищевой промышленности (*Р.С. Давыдова*);

морфология, **синтаксис**: к вопросу о лексической парадигме слова и семантике синтаксической конструкции (на материале целевых конструкций в русском и белорусском языках) (*О.Г. Качан*); внутренняя и внешняя синтагматика описательных глагольно-именных оборотов в эпистолярных текстах А.П. Чехова (*Е.Н. Лагузова, М.О. Сысойкина*); реализация темпорального омокомплекса *после* (на материале НКРЯ) (*Т.В. Малинская*); собственно-, несобственно- и

контекстуально-обусловленные причинные отношения в практике преподавания РКИ (*И.В. Одинцова*); синтаксическая структура заголовка мультипликационного фильма (*Е.Н. Подтележникова*); синтаксическое функционирование независимого и «зависимого» субстантива в именительном падеже (*О.И. Соколова*, *В.О. Александрова*); семантика неодобрения в синтаксических фразеологизмах «что за + n1» (*А.П. Ушакова*); семантика и синтагматика предлога *на* в современном русском языке: от локативности к состоянию (*Л.Н. Федосеева*); особенности семантики и употребления локативных синтаксем в текстах интернет-рекламы (*Я.А.-Б. Шанхоева*);

морфологические нормы и дидактика: использование графического органайзера на занятиях по русскому языку для формирования навыка анализа нарушений морфологических норм (*Д.К. Шадиева*);

лексика, **лексикография**: функционирование в речи глаголов размещения предметов в пространстве (*Т.А. Брахим*); семантические особенности окказиональной лексики, мотивированной номинацией *провинциал* (*В.С. Бычкова*); зоонимические наименования ленивого человека в речи Пирота (*Д. Раткович*); семантика ЛСП «Театр» в рецензиях в издании «Театральный журнал» (*К.А. Ермолова*); особенности лексикона владельцев собак (*Е.П. Иванян)*; прилагательное *доскональный* в русском языке: корпусное исследование лексической семантики (*Л.Ф. Килина, А.В. Сафаргалина*); особенности употребления лексических единиц, обозначающих участников судебных процессов, в витебской деловой письменности XV–XVII вв. (*О.А. Климкович*); особенности этнографических записей крестьянина В.К. Влазнева (Зарайский уезд Рязанской губернии) (*А.Ю. Козлова*); прецедентные имена Великой французской революции в современном русском литературном языке (*А.Ю. Козлова, Е.А. Маркина*); Дмитрий Николаевич Ушаков – уникальный лексикограф советской эпохи (*И.А. Королёва*); единство материального и ментального в символическом значении языковых единиц (*Е.М. Маркова*); сочетаемость как фактор формирования специального значения слова (*М.К. Шептухин)*; о русских заимствованиях в тексте поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» (*В. Шетэля*);

фразеология, устойчивые словосочетания/формулы: взаимосвязь синтагматического и парадигматического аспектов при обучении иностранных учащихся русской фразеологии (*Н.В. Баско*); функциональные особенности фразеологизмов положительной и отрицательной оценки с частицей *не* в современном русском языке (*Е.В. Генералова*, *М.А. Филиппова*); возможности использования фразеологических единиц в художественных текстах (на примере поэтического цикла Б.Л. Пастернака «Переделкино») (*О.Ю. Казмирчук*); лексико-семантические характеристики фразеологических единиц английского языка со значением времени (*И.П Кудрявцева*); контекстуальные трансформации фразеологических единиц в заголовках российских СМИ (*Т.П. Куранова, К.О. Павлова*); устойчивые конструкции жанра акафиста: фраземы и синкретемы (*А.С. Лагутова*); помета «сочетание» в словаре языка Пушкина (исследование на материале базы данных) (*Н.А. Ребецкая*); устойчивые предложно-падежные сочетания, связанные с торговлей, в обиходном и деловом языке Московской Руси XVI–XVII веков (*А.И. Реинер*); отражение религиозного мировоззрения в деловой письменности донационального периода (*М.В. Серебряк*); новые тенденции в развитии языка, отраженные на уровне фразеологии (*Л.Г. Смирнова*);

текстология, **дискурсология**, **стилистика**: атрибутивная функция сакральной лексики в современном поэтическом субпространстве (на материале

современной поэзии о войне на Донбассе) (*Е.Н. Авдийчук*); ольфакторный модус перцепции в поэзии Ю. Мориц, посвящённый ёлке (*Г.Н. Агрова*); челобитные Владимирского края: особенности «прошивки» текста (*Е.Н. Бекасова*); метаязыковой потенциал речевых последовательностей при описании парадигматики (*С.Н. Виноградов*); язык и ментальность в естественно-научном и терминологическом творчестве М.В. Ломоносова (*И.А. Иванчук*); «одно слово» vs «одно название»: функциональная дифференциация метаоператоров в дискурсе (*М.А. Кравченко*); категориальное значение отрицательности как ментальная доминанта русского поэтического текста (*Л.А. Мелехова*); цветовая семантика пейзажа в произведениях С. Есенина, Б. Пастернака и В. Маяковского (*М.В. Панкратова*); к проблеме определения понятия речевого жанра в исследовании семейного дискурса (*А.В. Понкратенкова*); синтагматические и парадигматические аспекты в творчестве Хорхе Луиса Борхеса (*М.А. Рыбаков, Камарго Босига Я. Х.);* функционирование слов-колоронимов в русской и узбекской художественной литературе (на материале произведений В.*А.Солоухина и У. Хошимова*) (*Е.Ю. Рыкин, Ш. Худойбердиева*); лингвопрагматическая и жанрово-стилевая парадигма текстов деловой коммуникации (*Е.И. Славин*); фольклорное начало в произведениях Б.А. Пильняка: обзор возможных источников (*Т.В. Старостина*); войсковые грамоты XVIII века в аспекте категории информативности (*А.И. Чередников*); меронимы в амплификации как показатель аспекта повествования в прозе В.Ф. Пановой и В.А. Каверина (*И.Н. Юдкин-Рипун*);

лингвистическая аксиология: способы выражения оценок разных видов в произведениях С.К. Никитина (*Е.Ю. Рыкин, Т.М. Морнова*);

тропеистика: «Расплеснутое время» Б. Пильняка: лингвопоэтическое прочтение (*М.А. Дубова*); роль перцептивной лексики в рецепции лирики С. Парнок (на материале сборника «Ненужное добро») (*Е.А. Ивашевская*); реализация метафорических концепций в заголовках печатных СМИ (*Т.П. Куранова*, *М.П. Черкасова*); семантическая сочетаемость метафор и сравнений: взаимодействие парадигматики и синтагматики (на материале зооморфных компаративных тропов современной русской прозы) (*З.Ю. Петрова*);

концептология, **лингвокультурология**: происхождение лексического концепта *деревня* (*А.В. Алексеев*); образ Родины в русском языковом сознании (*А.Е. Варнаева*); предметные реалии: когнитивный и сравнительный потенциал (на примере существительного *трамвай*) (*Н.М. Девятова*); *добро* и *зло* в языковой категоризации мира средневекового книжника (*И.В. Ерофеева*); эстетический потенциал языка и ментальный образ (*Т.Е. Владимирова*); лингвокультурная грамотность в контексте белорусской ментальности (на материале учебного словаря лингвокультурной грамотности младших школьников) (*О.В. Данич*); языковой образ горловчанина в текстах печатных изданий Донбасса (на материале газеты «Кочегарка») (*Ю.Л. Дмитриева*); образ дома в повести С.А. Есенина «Железный Миргород» (*Л.В. Малахова*); звук как элемент художественной картины мира в произведениях М.А. Шолохова (*Л.А. Киселёва*, *К.А. Самигуллина*); природа и человек в лирике Ю.П. Кузнецова: ключевые слова-символы (*О.В. Ланская*); границы диалога при изучении поэтического текста (*В.А. Маслова*); концепт «Память» в художественной картине мира Иосифа Бродского (*Т.А. Пономарева*); нарратив сновидений как пропозициональная сеть (*Л.А. Усманова*); осмысление концепта «Достоинство» в «Письмах о добром и прекрасном» Д.С. Лихачёва (*Н.В. Черникова, Л.В. Бубнова*); оппозиция свои/чужие

в текстовом пространстве языка блогосферы как элемент формирования идеологической картины мира (*И.В. Чумак-Жунь, Т.В. Кан*);

«чёрная» риторика, политология, жанры медиа: новые мирные переговоры по Украине: европейский взгляд (на материале статей в *The Guardian* (*М.А. Васильева*); речевая стратегия уговаривания в русскоязычном экстремистском дискурсе (*А.Л. Дединкин*); лингвоцинизмы в рекламном дискурсе (*Н.А. Ларина, Д.А. Мичурина*); словесные способы убеждения в жанре трукрайм (на материале видеоподкаста Саши Сулим) (*Н.Ю. Темникова*, *С.Н. Дусмухамбетова*);

лингвистическая персонология: амплуа: определение и понятие (*А.В. Жаркова*); семейный язык в социокультурном аспекте (*Л.А. Киселёва*, *А.В. Коровкина*); синтаксический уровень идентификации языковой личности продуцента (на гипертекстовом материале веб-ресурсов) (*И.А. Шашков*);

лингвистическая терминология: употребление некоторых терминов графики, орфографии и фонетики в русском языке от начала XVIII в. до наших дней (*Т.А. Алиев*);

«тайные» языки: условные обозначения криминальных элементов как часть их мировидения (*М.А. Грачев*);

общее языкознание, **методология науки**: методологическое обоснование единства синтагматики и парадигматики в системной лингвистике (*М.А. Рыбаков*); приемы синтагматического и парадигматического анализа языка в древнеиндийской грамматике Панини (*О.А. Волошина*).

Следует также указать на материалы, подготовленные в рамках конференции для IV Всероссийского круглого стола «Региональная ономастика»: милитарные эргонимы в современном городском ономастиконе (*В.А. Дубинина)*; к вопросу о переименованиях в ойконимии (на материале Владимирской области) (*Е.А. Кузнецова*); языковые средства создания вымышленных топонимов в мире инобытия (*Н.Н. Немич*); принципы номинации судов русского речного флота (на материале книги А. Иванова «Речфлот») (*Т.А. Сироткина*).

Редакционная коллегия сборника материалов XVI Международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» выражает искреннюю признательность всем авторам и надеется на дальнейшее сотрудничество.

Отв. редактор М.Вас. Пименова

ФУРАШОВ Владимир Иванович *(Владимир, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВИЧ КИПРИЯНОВ

(1925–1996)

Владимир Фёдорович Киприянов, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка Владимирского государственного педагогического университета, оригинальный, самобытный языковед, автор 40 научных и научно-методических работ в области лексикологии, фразеологии, морфологии и синтаксиса современного русского языка, родился 14 марта 1925 г. в деревне Кирьянова Исетского района Тюменской области. Отец в первые годы советской власти работал председателем сельсовета, затем на уральских заводах, мать – крестьянка. Из юношеских стихов Владимира Фёдоровича можно узнать о его нежной сыновней любви и о трудной судьбе его матери: «Года твои, мать, неглубокие, / А кажешься ты уж старухою, / Как будто отравлена опием, – / И жизнь твоя в этом порукою. / В замужество, мать, тебя выдали

/ Девчонкой шестнадцатилетнею; / И ты с той поры только видела / Работу и тьму беспросветную». Счастье матери было в сыновьях – Иване, участнике двух войн, и Владимире: «И лира моя сейчас призвана / Воспеть дорогую, родимую, / В сынах своих счастье нашедшую, / Воспеть ее долю кручинную…» («Мать моя». 20 июля 1945 г.).

После смерти отца, ещё до Великой Отечественной войны, семья переехала к родственникам в г. Тюмень. С 1941 по 1943 г. Владимир Фёдорович был студентом Тюменского учительского института. Из воспоминаний профессора МГУ Веры Арсеньевны Белошапковой, работавшей в те годы в Тобольском учительском институте Тюменской области, можно составить некоторое представление об уровне преподавания и о жизни студентов и преподавателей в суровые годы войны: «В 1939 году я стала преподавателем Тобольского учительского института. Были в то время такие как бы “полувысшие” учебные заведения, с двухлетним сроком обучения, они готовили учителей 5–7 классов. Среди учебных дисциплин, которые мне пришлось вести, самым для меня трудным был курс современного русского языка. В Омском пединституте, который я только что окончила, этот курс был очень кратким и не давал сколько-нибудь основательных знаний. В те годы у студентов и у преподавателей не было солидной учебной литературы» (Белошапкова В.А. Мир его мыслей – русский язык. Страницы из жизни В.В. Виноградова // Русская речь. 1989. № 5. С. 93). И ещё: «Вести с войны в 1941–1943-м годах были мрачные, это очень угнетало. В Тобольске в то время было очень неуютно: голодно, холодно, мы сами заготавливали дрова для института, вместе с Виктором Владимировичем Виноградовым пилили их на берегу Иртыша» (Там же. С. 95).

Преподавателям кафедры русского языка Тобольского учительского института (из 5 преподавателей кафедры только один был кандидатом наук) повезло: осенью 1941 г. сюда был выслан из Москвы будущий академик В.В. Виноградов, который в 1934 г. был осужден за переписку с

Н.С. Трубецким и два года отбывал наказание в Вятке. К началу войны судимость с Виноградова снята не была, так что он считался «социально опасным элементом» и – в связи с военным временем – не мог проживать в Москве. Вскоре в Тобольск, по воспоминаниям В.А. Белошапковой, «эвакуировался Омский педагогический институт – его здание занял госпиталь, и оба вуза объединили под именем старшего из них – Омского пединститута. Виктор Владимирович стал заведующим кафедрой русского языка этого вуза» [Там же. С. 94]. Побеседовав с преподавателями кафедры, В.В. Виноградов начал работу над повышением их квалификации: сверх своей учебной нагрузки на первый год назначил для преподавателей «Общий курс истории русского языка», а на второй – «Современный русский язык».

Понятно, что не лучше обстояло дело с преподаванием русского языка и в Тюменском учительском институте, после окончания которого В.Ф. Киприянов в 1943–1945 гг. работал учителем в 8–9 классах средней школы № 21 г. Тюмени. Восемнадцатилетний учитель был почти ровесником со своими учениками, которые за строгость и серьёзность наградили его прозвищем «папаша». Преподавание в школе Владимир Фёдорович совмещал с учебой в Тюменском педагогическом институте, где в это время работал доцентом и деканом факультета русского языка и литературы эвакуированный из Москвы Николай Николаевич Прокопович, будущий доктор филологических наук, профессор МГПИ им. В.И. Ленина, один из выдающихся советских синтаксистов. В конце 60-х гг. XX в., уже будучи доцентами Владимирского пединститута, мы вместе с Владимиром Фёдоровичем были на одной из научных конференций в Москве. Мне нужно было навестить Н.Н. Прокоповича, у которого я пять лет учился в МГПИ им. В.И. Ленина, а затем три года в аспирантуре и накануне защиты кандидатской диссертации по его совету в 1965 г. приехал на работу во Владимир. Владимир Фёдорович изъявил желание поехать со мной. Между ними состоялась продолжительная беседа. Они

вспоминали суровые военные годы, голод, холод, неустроенность тогдашней жизни в Тюмени, знакомых преподавателей и студентов, а я с большим интересом слушал и был благодарен Владимиру Фёдоровичу за то, что он помог мне узнать столько нового из многотрудной жизни моего учителя.

Из скупых рассказов Владимира Фёдоровича о его студенческой жизни в Тюмени мне известно, что после занятий в холодных аудиториях ему приходилось в поисках пропитания искать случайную работу, например, пилить и колоть дрова, ездить на уборку картофеля в колхоз и т. д. Кроме того, он в составе отряда добровольцев разъезжал по области с целью оказания помощи семьям фронтовиков, готовил для фронта лыжников-десантников, участвовал в художественной самодеятельности. Сам Владимир Фёдорович в армию призван не был: будучи лыжником-перворазрядником, он часто выступал в соревнованиях и в одном из них лишился глаза, но беда не приходит одна. Вскоре после этого в поездке по железной дороге он потерял ногу (ступню и часть голени) и всю жизнь ходил на протезе.

После окончания пединститута в 1946 г. В.Ф. Киприянов продолжал работать в школе и одновременно на 1-м курсе техникума советской торговли в Тюмени, где познакомился со своей будущей женой Марией Назаровной. После свадьбы молодые переехали жить на Украину, в г. Львов, где Владимир Фёдорович работал учителем средней школы № 47 (1947–1949 гг.), но влажный климат Львова оказал вредное влияние на здоровье В.Ф. Киприянова, особенно на легкие. Семья возвратилась в Тюменскую область, в г. Ялуторовск, к родным Марии Назаровны. Владимир Фёдорович в течение двух лет, с 1949 по 1951 г., работает завучем семилетней школы № 1. Последующие семь лет В.Ф. Киприянов преподает современный русский язык в институтах г. Тобольска Тюменской области: в учительском (1951–1954) – сначала в должности ассистента, старшего преподавателя, а в конце работы в этом учебном

заведении исполняет обязанности заведующего кафедрой русского языка и литературы; в педагогическом институте – в должности старшего преподавателя и декана филологического факультета (1954–1958).

Очень важным этапом в формировании В.Ф. Киприянова как учёного-языковеда является его обучение в аспирантуре в Москве (1958–1961). Он жил в общежитии МГУ, получил возможность общаться с крупными языковедами, работать в Библиотеке им. В.И. Ленина; определилась тема его кандидатской диссертации – «Нечленимые предложения в современном русском языке». Научный руководитель В.Ф. Киприянова, доктор филологических наук, профессор МГУ Евдокия Михайловна Галкина-Федорук, одобрила тему диссертации, но предупредила: «А не боитесь поломать зубы?» Проблема нечленимых предложений, или слов-предложений, как их чаще всего называли, действительно, оказалась не из тех, которые удобны для своевременного представления кандидатских диссертаций к защите после трёх лет пребывания в аспирантуре. Владимир Фёдорович напряжённо работал над темой в течение 10 лет, изучил, как он выражался, «предысторию вопроса», поскольку истории как таковой просто не было, проштудировал горы научной литературы по общему языкознанию и русскому языку, а также по смежным наукам – философии, логике, психологии; собрал и тщательно проанализировал огромный языковой материал и получил выводы, имеющие несомненную научную значимость и ценность.

С 1961 по 1996 г. В.Ф. Киприянов работал во Владимирском педагогическом институте (с 1993 г. – педуниверситет), где прошёл путь от ассистента кафедры русского языка до профессора, а с 1974 по 1985 г. заведовал этой кафедрой. По рекомендации своего коллеги по работе ещё в Тобольском пединституте Александра Борисовича Пеньковского, будущего классика отечественной филологии и основоположника лингвистической герменевтики, разгадавшего многие загадки художественного текста и словаря пушкинской эпохи, в то время старшего

преподавателя кафедры русского языка Владимирского пединститута, Владимир Фёдорович приехал побеседовать с заведующим кафедрой русского языка доцентом Анатолием Михайловичем Иорданским с целью устройства на работу. Как вспоминал много лет спустя Владимир Фёдорович, к беседе присоединился доцент Сергей Арсеньевич Фессалоницкий, известный синтаксист и методист. Результатом двухчасовой беседы, сопровождавшейся экскурсионной прогулкой по историческому центру Владимира, было приглашение В.Ф. Киприянова на должность ассистента кафедры русского языка.

Владимирский период научной и педагогической деятельности В.Ф. Киприянова оказался самым продолжительным и исключительно плодотворным: опубликованы его основные работы (27 из 31 публикации, в том числе две книги и несколько учебно-методических пособий), а 9 работ остались в рукописи. В течение семи лет (1961–1968) он много и целеустремленно продолжает работать над своим главным научным трудом – «Нечленимые предложения в современном русском языке» (Владимир, 1968), где решены или поставлены все проблемные вопросы, связанные с научным обоснованием его оригинальной и глубоко продуманной синтаксической и общелингвистической концепции: 1) о нерасчленённой мысли, 2) о сущности грамматической предикативности, 3) о лексическом значении неполнозначных (с точки зрения функционально-семантической) частей речи – *дейктических* (местоимений-существительных, местоимений-прилагательных и местоимений-числительных, а также слов-коммуникативов как особой части речи) и *релятивных* (междометий, модальных слов, частиц, союзов и предлогов), причём дейктические части речи с функционально-синтаксической точки зрения являются самостоятельными (конструктивными), как и полнозначные (номинативные) части речи – *имена* (существительное, прилагательное, числительное), *глаголы* (инфинитив, финитив, причастие, деепричастие), *наречия* и

предикативы, а релятивные части речи – несамостоятельными (неконструктивными), служебными; 4) вопрос о семантической эквивалентности фразеологизмов релятивным словам; 5) вопрос о «логикализации» релятивных слов; 6) вопрос о квалификации междометий и модальных слов как слов релятивных (функционально-семантический аспект) и служебных (функционально-синтаксический аспект); известно, что В.В. Виноградов в книге «Русский язык: Грамматическое учение о слове» (М., 1947, с. 44) структурно-семантические типы слов разделил на *части речи* (существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, категорию состояния) и *частицы речи* (частицы, предлоги, союзы), а модальные слова и междометия не относил ни к частям речи, ни к частицам речи, то есть ни к знаменательным, ни к служебным словам; 7) вопрос о квалификации коммуникативов как особого лексико-грамматического класса слов.

Диссертация В.Ф. Киприянова, представленная для предварительного обсуждения на заседание Совета по присуждению учёных степеней секции языкознания факультета русского языка и литературы МГПИ им. В.И. Ленина, вызвала много вопросов, связанных прежде всего с такими понятиями, как нечленимость мысли, соотношение нечленимой мысли с суждением, понятием, с «логикализацией» частичных слов, модальных слов и междометий при функционировании в качестве нечленимого предложения, с лексическим значением служебных слов и с их коммуникативным значением и т. п. Председатель Совета, заведующий кафедрой общего языкознания МГПИ им. В.И. Ленина, доктор филологических наук профессор Иван Афанасьевич Василенко, прочитав на обложке автореферата заголовок «Нечленимые предложения», отодвинул в сторону автореферат и сказал Владимиру Фёдоровичу: «Не знаю таких!» В.Ф. Киприянов, возвратив автореферат на прежнее место, попросил: «Почитайте, Иван

Афанасьевич, – узнаете». Первый официальный оппонент доктор филологических наук профессор Виктор Петрович Сухотӣн высоко оценил диссертацию В.Ф. Киприянова и нашёл работу серьёзной и оригинальной. Более того, он посоветовал автору расчленить диссертацию на две части, при этом ме́ньшую представить как кандидатскую, а бо́льшую – как докторскую. Действительно, не только по объёму, но и по обилию привлечённого языкового материала, по глубине исследовательской мысли и значимости обобщений и выводов диссертация В.Ф. Киприянова больше соответствовала не кандидатской, а докторской.

В 50–60-е гг. XX в. сложилось представление о кандидатских диссертациях как основанных на большом языковом материале научных сочинениях молодых исследователей, развивающих идеи научных руководителей, то есть своего рода квалификационных работах, выполненных с ориентацией на определённую научную «школу». Помню, как сетовал мой учитель Н.Н. Прокопович на отсутствие в диссертациях некоторых своих аспирантов самостоятельности мысли: «Не люблю, когда меня повторяют: ведь мне самому интересно знать, как всё это обстоит на самом деле». При обсуждении диссертации Владимира Фёдоровича на кафедре русского языка ВГПИ перед тем, как её представить в Москву, А.Б. Пеньковский сказал, что работа Киприянова написана не для получения учёной степени, а для торжества науки. Мне приятно было услышать на одной из научных конференций в г. Орле, как Владимира Фёдоровича назвали «отцом нечленимого предложения».

И действительно, речения типа *Ого!, Разве?, Отнюдь, Конечно, Комедия!, Здо́рово!, Спасибо, Вот так клюква!, Ну и ну!* И другие в работах В.Ф. Киприянова получили серьёзное, многоаспектное освещение как коммуникативные синтаксические единицы, а также как структурный тип простого предложения. Мы привыкли к формулировкам вроде: «Предложение выражает мысль», «Предложение выражает

относительно законченную мысль» и т. п., но дефиниции понятия «мысль» в строго терминологическом смысле этого слова В.Ф. Киприянов не мог найти в работах по логике и по лингвистике, поэтому предложил своё определение: «Полагаем, что эта единица (мысль) может быть квалифицирована как определённым образом организованное единство понятий, представлений и образов в их взаимосвязях и взаимоотношениях». Отсюда следует, что «мысль и понятие – две соотносительные, но разные единицы мышления, каждая из которых существует в присущих ей формах» (Киприянов В.Ф. Нечленимые предложения в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1968. С. 7).

Слова и фразеологизмы в функции нечленимых предложений объединяются в лексико-грамматический класс *коммуникативов* по следующим признакам: 1) выражение целостной, нерасчленённой мысли, 2) неизменяемость, 3) функционирование в качестве нечленимого предложения. Слова-коммуникативы делятся на две группы: 1) *не соотносимые с другими частями речи как омонимы*: а) слова с общим значением побуждения (*цыц, ша, брысь* и др.), б) с общим значением оценки или отрицания (*амба, браво, баста* и др.), в) слова с некоторыми другими значениями (*спасибо, эврика, алло* и др.); 2) *соотносимые с формами разных частей речи как омонимы*: а) омонимичные именным словоформам (*беда, пустое, комедия* и т. д.), б) местоименным словоформам (*всё, каково, ничего, как, так*), в) глагольным словоформам (*брось(те), постой(те), помилуй(те), будет, хватит* и др.), г) наречиям (*тихо, верно, довольно, здóрово, здорóво, ладно* и др.), д) частичным словам (*а, вот, но, ну, то-то* и др.).

В.Ф. Киприянов установил место нечленимых предложений среди структурных типов простого предложения. Существовавшие об этом представления были лишены единого логического основания; например, АГ-1952–54 гг. относила их к предложениям односоставным, в работах

В.В. Бабайцевой они включены в ряд «двусоставные/ односоставные/нечленимые». Владимир Фёдорович предлагает в качестве первого разбиения признать различение членимых и нечленимых предложений, а членимые делятся на двусоставные и односоставные; дальнейшее деление внутри двусоставных и односоставных – на полные и неполные, а внутри полных и неполных различаются нераспространенные и распространенные.

В кандидатской диссертации В.Ф. Киприянова уже намечены те проблемы, которыми он занимался в течение последующих десятилетий своей жизни. В области *лексикологии* разрабатывается типология лексических значений для системного осознания особого типа лексического значения – *коммуникативного*. Выстраивается ряд функциональных типов лексических значений: номинативное, дейктическое, релятивное и коммуникативное. В области *морфологии* на основе разграничения принципов и критериев классификации слов по частям речи и классификации самих частей речи представлена оригинальная система частей речи, установлено место *коммуникативов* как особой части речи дейктического характера. В области *фразеологии* В.Ф. Киприянову принадлежит заслуга разработки проблемы фразеологизмов-*коммуникативов*. В области *синтаксиса*, помимо разработки проблемы нечленимого предложения, Владимир Фёдорович занимался *типологией сказуемого,* выделив многокомпонентное сказуемое в составе как глагольного, так и именного типов. Он различал 7 типов сказуемого: простое глагольное (*писал*), составное глагольное (*стал писать*), сложное глагольное (*хотел писать*), многокомпонентное глагольное (*хотел начать писать*), составное именное (*был учителем*), сложное именное (*вернулся учителем*), многокомпонентное именное (*хотел быть учителем*). *Словосочетание* В.Ф. Киприянов понимал широко и считал его не номинативной, а релятивной единицей; в сфере

многокомпонентных предложений им выделены три типа: 1) открытой структуры, 2) усложненные и 3) комбинированные.

Свои лингвистические идеи В.Ф. Киприянов внедрял в вузовскую практику преподавания русского языка. Ему принадлежит инициатива создания коллективного кафедрального учебного пособия «Виды лингвистического анализа» (Владимир, 1977), где 70% текста принадлежит перу Владимира Фёдоровича. В «Предисловии» к пособию отмечалось: «Преподаватели кафедры русского языка Владимирского государственного педагогического института им. П.И. Лебедева-Полянского сделали попытку согласовать и чётко определить теоретическую основу разных видов лингвистического анализа, выработать унифицированные схемы анализа и единые требования к студентам» (С. 4). Понятно, что унификация требований и схем анализа понуждала отдельных преподавателей «поступиться в учебных целях некоторыми своими научными симпатиями или антипатиями… Однако эта уступка вовсе не требовала от преподавателя полного отказа от выражения перед студентами своих методологических и научных взглядов и позиций», которые могли «быть доведены до сведения студентов в теоретических лекционных курсах, спецкурсах и спецсеминарах…» [Там же].

Лингвистические идеи В.Ф. Киприянова были хорошо известны и за пределами Владимирского пединститута. Так, например, идея нечленимых предложений, противопоставленных в системе языка членимым предложениям (двусоставным и односоставным), нашла отражение в программах педагогических институтов, утверждённых Управлением учебных заведений Министерства просвещения СССР (Программы педагогических институтов. Сборник № 2. М.: Просвещение, 1979. С. 16; Программы педагогических институтов. Сборник № 3. М., Просвещение, 1980. С. 26–27).

Проблема коммуникативов как лексико-грамматического класса слов, выражающих цельную мысль и функционирующих в качестве однословных нечленимых предложений, по мысли самого Владимира Фёдоровича, «нуждается в дальнейшем исследовании и обсуждении», а пока «трактовка соответствующего класса слов» как особой части речи «является не категорическим утверждением, а научной гипотезой» (Киприянов В.Ф. Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке. М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1983. С. 99).

В 70–80-е гг. XX в. В.Ф. Киприянов много и напряжённо работал над проблемой частей речи, в частности – слов-коммуникативов и фразеологизмов-коммуникативов в современном русском языке. В 1985 г. Владимирский пединститут проверяла очередная министерская комиссия, председатель которой при подведении итогов поинтересовался, как у Владимира Фёдоровича обстоят дела с подготовкой к защите докторской диссертации, на что был получен ответ: «Диссертация в процессе компоновки». Трудно назвать какую-либо одну причину, вследствие которой докторская диссертация В.Ф. Киприянова так и не была представлена к защите в течение последующего десятилетия его жизни (он скончался 7 марта 1996 года). Монография «Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке» была опубликована в 1983 году в Москве, в издательстве Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской; появились в центральной печати, в том числе в журнале «Филологические науки», в «Учёных записках» ряда вузов, статьи Владимира Фёдоровича по теме его докторской диссертации. Однажды (это было в конце 80-х гг.) на мой вопрос о защите диссертации он ответил так: «Мне со словами-коммуникативами уже всё ясно». Вполне возможно, что В.Ф. Киприянову не хотелось тратить время и здоровье, которое заметно ухудшалось, особенно зрение, на оформление диссертации, на поездки в Москву, на сбор документов, поиски оппонентов и проч. Во

времена так называемой перестройки процедура защиты диссертаций до такой степени формально осложнилась, что даже физически здоровые соискатели далеко не всегда благополучно завершали эти искусственно созданные чиновниками от науки «хождения по мукам». Теперь, по прошествии трёх десятилетий, принятое тогда Владимиром Фёдоровичем решение мне представляется наиболее целесообразным: он публикует важные для понимания его синтаксических построений статьи – «Словосочетание как релятивно-номинативная синтаксическая единица» (1986), «О дейктичности коммуникативов» (1989) и «Коммуникативы именного происхождения» (1990); перерабатывает написанные им разделы учебного пособия «Виды лингвистического анализа» в расчёте на его переиздание; размышляет над проблемой типологии сверхфразовых единств как синтаксических единиц высшего порядка.

В.Ф. Киприянов был опытным вузовским преподавателем с 45-летним стажем работы. На высоком научно-методическом уровне, постоянно используя новейшие достижения русистики и результаты собственных научных разысканий, он читал профилирующий курс «Современный русский язык», вёл семинарские и практические занятия, спецкурсы и спецсеминары по проблемам общей теории частей речи, общей и русской фразеологии, конструктивно сочетая теоретические положения науки с практическими нуждами вузовского и школьного преподавания. На русских, узбекских и венгерских студентов, а также на аспирантов и соискателей кафедры русского языка производила огромное впечатление самая манера чтения лекций (Владимир Фёдорович обычно не пользовался никакими записями, даже иллюстративный материал – вплоть до многокомпонентных сложных предложений – держал в памяти), он завораживал слушателей логически безупречным ходом своих рассуждений; поражало умение вычленить главное, найти единый принцип классификации материала. Лекция порой

заканчивалась словами: «Прошу запомнить и понять основное, а “лирику” почитаете в учебниках».

Тысячи учителей русского языка обязаны В.Ф. Киприянову своей лингвистической подготовкой, многие из них приобрели прочные навыки исследовательской работы как авторы курсовых и дипломных сочинений, выполненных под его руководством.

В трудные годы застоя кафедра русского языка, возглавляемая В.Ф. Киприяновым, не утратила своих традиций: продолжались поездки студентов в диалектологические экспедиции, был создан учебный историко-этнографический музей, вышли из печати четыре монографии по проблемам фразеологии, морфологии и синтаксиса современного русского языка, проводилась большая работа над словарём сравнений и словарём языка М. Горького, разработана единая система учебно-исследовательской работы студентов, внедрён в учебные занятия просеминарий, обобщён опыт вузовской методики преподавания лингвистических дисциплин, опубликованы два сборника методических статей.

В.Ф. Киприянов был социально активной личностью, а в науке – «возмутителем спокойствия». На конференциях разных уровней в его докладах и сообщениях предмет обсуждения нередко представал перед участниками с неожиданной стороны, заставляя их усомниться в незыблемости сложившихся представлений. Перед началом одной из конференций в МГПИ им. В.И. Ленина он поделился со мной своими соображениями по теме выступления: «Знаешь, как хочется запустить ежа под череп».

В течение многих лет Владимир Фёдорович был членом Научно-методической комиссии по русскому языку Министерства просвещения РСФСР, руководил координационно-методическим советом факультета, методологическим семинаром преподавателей кафедры русского языка, был председателем факультетской организации общества «Знание»,

выступал с лекциями и докладами во Владимирском институте усовершенствования учителей, в базовых школах, на школьных факультативах, перед слушателями школы молодого лектора на факультете и филологической школы для учащихся старших классов, а также перед рабочими – с беседами о культуре русской речи.

За многолетнюю плодотворную научную, преподавательскую, административную и общественную работу В.Ф. Киприянов был награждён министерским значком «Отличник народного просвещения», медалью «Ветеран труда», грамотами Министерства просвещения СССР и Владимирского горкома КПСС, другими наградами и поощрениями.

Владимир Фёдорович был не только глубоким, оригинальным учёным, талантливым педагогом, требовательным наставником студенческой молодёжи, но и скромным, добрым, отзывчивым человеком, прекрасным семьянином – внимательным мужем, заботливым отцом двух дочерей (Ольги и Натальи) и любящим дедом двух внуков (Виталия и Антона). Сколько я его помню (а мы проработали вместе более тридцати лет), он всегда много читал как специальную, так и художественную литературу, классическую и современную – так называемые толстые журналы. Даже во время непродолжительного летнего отдыха в спортивно-оздоровительном лагере педагогического института, когда портилась погода, Владимир Фёдорович организовывал чтения вслух или шахматный турнир (у него был разряд по этому виду спорта). В хорошую погоду он любил собирать грибы, ягоды, а главное – обрабатывать их, делать заготовки на зиму. Он знал толк в садоводстве; сбор и заготовку ягод и фруктов называл сладкой каторгой, но всегда с охотой этим занимался. Очень любил готовить рыбные блюда, но рыболовом не был. По состоянию здоровья он не мог участвовать в спортивных соревнованиях по волейболу, но в качестве судьи его часто можно было видеть на волейбольной площадке. Любил плавание.

В.Ф. Киприянов прожил достойную, содержательную жизнь, наполненную неустанным, каждодневным трудом исследователя и педагога, он познал радостное чувство удовлетворения, свойственное первооткрывателям, дожил до признания современниками некоторых из его лингвистических идей и их внедрения в вузовскую практику преподавания современного русского языка.

Блокнот с юношескими стихами В.Ф. Киприянова 1941–1946 гг. и другие материалы из семейного архива были любезно предоставлены мне Ольгой Владимировной Киприяновой, за что приношу ей сердечную благодарность.

Список научных и научно-методических работ профессора
Владимира Фёдоровича Киприянова

1954

1. Нужное и ценное пособие. Рецензия на книгу А.И. Кобызева «Индивидуальные задания по русскому языку для учащихся 5–7 классов» // Газета «Сталинский путь». Тобольск, 1954 г. № 34.

1960

2. Структурные типы сказуемого в современном русском языке // Вопросы современного русского литературного языка, диалектологии и методики. Материалы первой научной конференции кафедр русского языка педвузов Уральской зоны. Свердловск, 1960.

1961

3. Нечленимые предложения в современном русском языке // Вопросы современного русского литературного языка и методики преподавания его в школе. Материалы второй научно-методической конференции кафедр русского языка Уральской зоны. Свердловск, 1961.
4. Нечленимые предложения в современном русском языке как особый структурный тип простого предложения // Русский язык в школе. 1961 г. № 5.
5. Вторая научно-методическая конференция Московского межвузовского объединения кафедр русского языка пединститутов. Информационная статья (соавтор А. Б Пеньковский). Первый вариант // Русский язык в школе. 1961 г. № 6.

1962

6. То же. Второй вариант // Вопросы языкознания. 1962 г. № 2.
7. То же. Третий вариант // Филологические науки. 1962 г. № 2.

1967

8. Нечленимые предложения как коммуникативная синтаксическая единица. Статья первая // Уч. Зап. ВГПИ, серия «Русский язык». Вып. 1. Владимир, 1967.

1968

9. Нечленимые предложения в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1968.

1969

10. Нечленимое предложение как коммуникативная синтаксическая единица. Статья вторая // Уч. Зап. ВГПИ, серия «Русский язык». Вып. 2. Владимир, 1969.

1970

11. О функциональных типах лексических значений // Уч. Зап. ВГПИ, серия «Русский язык». Вып. 3. Владимир, 1970.
12. Функциональные типы как основа типологии лексических значений слов (К постановке вопроса) // Уч. Зап. МОПИ им. Н.К. Крупской, т. 278. «Русский язык». Вып. 17. Материалы научной конференции по языкознанию. М., 1970.

1971

13. Нечленимые предложения в системе структурных типов простого предложения // Вопросы синтаксиса русского языка. Материалы межвузовской лингвистической конференции по синтаксису. Калуга, 1971.
14. К проблеме лексического состава фразеологических единиц // Уч. Зап. ВГПИ, серия «Русский язык». Вып. 4. Владимир, 1971.
15. К вопросу об эквивалентности фразеологизма слову // Там же.

1975

16. Коммуникативы как лексико-грамматический класс слов в русском языке // Филологические науки. 1975. №3.
17. Фразеологизмы-коммуникативы в современном русском языке (Состав фразеологизмов-коммуникативов). Вып. 1. Учебное пособие для спецкурсов и спецсеминаров по общей и русской фразеологии. Владимир, 1975.
18. Фразеологизмы с коммуникативным значением в современном русском языке // Проблемы лексики и фразеологии. Л., 1975.
19. Редактирование учебного пособия «Методические указания и рекомендации к учебному пособию “Виды лингвистического анализа”». Владимир, 1975.

1976

20. Методические рекомендации и указания к учебному пособию «Виды лингвистического анализа». Уч. Пособие / Разделы «Орфографический анализ», «Пунктуационный анализ», «Морфологический анализ». Владимир, 1976.
21. Об одной разновидности фразеологизмов, эквивалентных по структуре предикативному сочетанию (в соавторстве с А.Б. Пеньковским) // Вопросы фразеологии. Вып. VII. Самарканд, 1976.
22. Унификация лингвистического анализа как средство улучшения самостоятельной работы студентов // Тезисы докладов зонального совещания по заочному обучению. Череповец, 1976.
23. Понятие о коммуникативации // Грамматические классы слов. Тамбов, 1976.

1977

24. Редактирование учебного пособия «Виды лингвистического анализа». Владимир, 1977.
25. Виды лингвистического анализа. Учебное пособие для студентов факультетов русского языка и литературы педагогических институтов и учителей средней школы / Разделы «Орфографический анализ», «Пунктуационный анализ» (в соавторстве с Н.И. Матвеевой), «Синтаксический анализ». Владимир, 1977.

1982

26. Из опыта проведения спецсеминара «Вопросы изучения фразеологии в школе» // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Задачи изучения русской лексики и фразеологии в высшей и средней школе». Орел, 1982.

1983

27. Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке. Учебное пособие к спецкурсу. М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1983.

1985

28. О чтении лекций по современному русскому языку // Из опыта работы кафедр русского языка и литературы. Владимир, 1985.

1986

29. Словосочетание как релятивно-номинативная синтаксическая единица // Современный русский синтаксис: словосочетание и предложение. Владимир, 1986.

1989

30. О дейктичности коммуникативов // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989.

1990

31. Коммуникативы именного происхождения // Русский язык в вузе и школе. Тезисы докладов. Владимир, 1990.

Рукописи

1. Функционирование эмоциональных междометий в качестве нечленимых предложений в современном русском языке.
2. Основные признаки предложения в русском языке.
3. О правописании слова «шов».
4. Нечленимые предложения – формулы бытовой обрядности.
5. Фразеологизмы-коммуникативы в современном русском языке (Состав фразеологизмов-коммуникативов). Учебное пособие для спецкурсов и спецсеминаров по общей и русской фразеологии.
6. Собирательные имена существительные и их место в системе семантико-грамматических разрядов существительных.
7. К вопросу о фразеологически устойчивых предложно-субстантивных сочетаний.
8. О так называемом фразеологически связанном значении.
9. Многокомпонентные сложные предложения в современном русском языке.

*Очерк публикуется по изданию: Материалы VII Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Владимир: ВлГУ, 2015. С. 190–206.

ПИМЕНОВА Марина Васильевна *(Владимир, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В ТРУДАХ ВЛАДИМИРА ФЁДОРОВИЧА КИПРИЯНОВА*

Памяти Учёного и Учителя

Среди научных интересов профессора Владимира Фёдоровича Киприянова особое место занимает вопрос о типологии лексических значений, которому посвящены следующие работы известного ученого: «Коммуникативы как лексико-грамматический класс слов в русском языке», «Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке», «О функциональных типах лексических

значений», «Функциональные типы как основа типологии лексических значений слов (к постановке вопроса)» и др. В.Ф. Киприянов предлагает оригинальную классификацию, углубляющую и расширяющую известные типологии В.В. Виноградова [3] и Б.Н. Головина [4; 5; 6; 7].

Один из аспектов классификации лексических значений В.Ф. Киприянов предлагает выделять в зависимости от функций, то есть «в зависимости от того, какие именно явления действительности и как отображаются в лексических значениях слов» [2: 23–24]. К функциональным типам лексических значений В.Ф. Киприянов относит следующие: *номинативное* – значение полнознаменательных слов, слов-названий, являющихся обобщенными наименованиями действительности (*дерево, стол, спать, безграничный, белизна, любовь, вчера, дома* и т. п.); *указательное (дейктическое)* – значение местоименных слов, слов, указывающих на явления (понятия), но не называющих их (*он, этот, мой, там, где-то, столько* и т. п.); *релятивное* – значение служебных слов, выражающих различные отношения (союзов, предлогов, частиц), и междометных и модальных слов (*а, на, будто, ой* и т. п.); *коммуникативное* – значение слов, выражающих нерасчлененную мысль и употребляющихся обычно в качестве нечленимых предложений (*нет, браво, ладно, где уж нам, надо же, пусть так, и не говорите, что за важность, очень приятно, не может этого быть, ну и что же, хорошенькое дело, шутка сказать* и т. п.), которым В.Ф. Киприянов уделял особое внимание в своих работах [2; 8; 9; 10; 11].

Второй аспект классификации лексических значений основывается на учете характера связи слова с обозначаемым явлением действительности. Это *основные* (прямые, первичные) лексические значения и *производные* (вторичные). В учебном пособии «Виды лингвистического анализа» (Владимир, 1977) отмечается, что «основное значение прямо и непосредственно связано с обозначаемым явлением

(*голова* – голова – ‘часть тела животного и человека’), а производное значения связано с обозначаемым явлением не прямо, а через посредство основного, является результатом переноса наименования с одного явления действительности на другое (голова – ‘ум’, ‘умница’, ‘передовая часть чего-либо’ и т. п.) [2: 23–24].

Третий тип классификации выделяется по характеру лексической валентности, то есть по характеру связи данного слова с другими словами в линейном ряду: *свободное* значение и *связанное* (несвободное) значение. Вслед за В.В. Виноградовым среди связанных значений указываются *фразеологически обусловленные* – значения, «реализующиеся в сочетании данного слова с определенным, ограниченным кругом слов, причем ограничения определяются не предметно-логическими связями, а закономерностями лексической системы» (***закадычный*** друг, ***безысходная*** печаль, тоска и т. п.) и *синтаксически обусловленные*, проявляющиеся в том случае, когда данное значение реализуется лишь в определённой синтаксической позиции. Например: *шляпа*$_1$ – ‘род головного убора’ – свободное значение, реализующееся при употреблении слова в роли любого члена предложения (*шляпа красива, купил шляпу, лента на шляпе, подарок – шляпа* и т. д.); *шляпа*$_2$ – ‘растяпа’ – синтаксически обусловленное значение, реализующееся, лишь когда слово употребляется в функции сказуемого или обращения (*Эх, ты, шляпа! Он просто шляпа!*) [2: 24–25].

Четвертый аспект классификации основывается на прагматическом (оценочном/эмотивном) аспекте значения, в связи с которым выделяются *нейтральные* значения, состоящие лишь из понятийного содержания, и *экспрессивно* или *эмоционально окрашенные* (*толстяк, ухмыляться, бормотать*), а также выражающие определенное отношение к обозначаемому явлению (*дрыхнуть, жрать, дитятко, клевый*) [2: 25; 18].

Необходимо подчеркнуть, что типология лексических значений В.Ф. Киприянова находит продолжение в исследованиях современных

лингвистов. В рамках современного прагматического направления лингвистики рассматривается противопоставление эмоциональных и логических значений [12], оппозиция безóбразных и образных значений активно исследуется в связи с разработкой теории метафоры [16], взаимосвязь конкретных и абстрактных значений наглядно представлена в современной шкале конкретности-абстрактности [19] и т. д. (см. также [1; 13; 17]).

Развивая предложенные классификации лексических значений, предлагаем обратить особое внимание на особые «межтиповые» значения, синкретично совмещающие в себе противопоставленные типы, например: образующие, на наш взгляд, особую лексико-семантическую категорию – *синкретсемию* (от греч. Συνκρητισμος ‘соединение’ и σημα ‘знак’), под которой мы понимаем выражаемое формами одного слова (одной лексемой) семантическое отношение нескольких генетически связанных значений (семем), которые сосуществуют в языке и одновременно актуализируются в речи (в отличие от сходных семасиологических категорий) (подробнее см. [14; 15]).

К синкретсемии с точки зрения семасиологического аспекта мы относим в том числе мотивированную языковую метафору, связанную с двумя сигнификатами и двумя денотатами, указывающими на конкретные объекты или их свойства (денотативно-сигнификативная синкретсемия), например: *ключ* (от тайн атома), *лицо* (театра)*, железные* (мускулы), *золотой* (человек), *бежит* (время), *поет* (душа), *горячо* (говорит), *ясно* (читает), *светлые* (мысли)*, горячая* (дружба), *глубокий* (взгляд) и др.

Кроме того, «межтиповое» значение имеет коннотативная лексика, выражающая нерасчлененное дескриптивно-оценочное значение и обладающая одним знаком, одним денотатом, но двумя сигнификатами, дескриптивным и оценочным (сигнификативная синкретсемия), например: *дороженька, растеряха, непутевый, любимый, растранжирить, вытолкать, низенько, звездочка, домище, теленочек,*

мужичина, березонька, зелененький, тепленький, добренький, кисленький, молоденький и под.

Кроме того, к синкретсемии с точки ономасиологического аспекта относятся также случаи связанных значений, при которых «для выявления одного значения нужны две словесные формы» [4: 10], например: *оказать уважение, принять участие, железная дорога, морской узел, бить баклуши, исполнять* (роль, обязанности, симфонию), *предпочитать* (музыку, драму, пение) и т. д. В подобных случаях одно значение (одна семема) выражается узуально закрепленными в языке формами нескольких лексико-грамматически связанных слов – несколькими лексемами (одно значение, один сигнификат, один денотат, два и более знака – структурно-синтагматическая синкретсемия).

В заключение следует отметь, что хотя «типология лексических значений в науке еще не определена» [2: 132], следование идеям профессора В.Ф. Киприянова позволяет, на наш взгляд, приблизиться к решению проблем системы значений вообще и лексических значений в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Виды лингвистического анализа: учеб. пособие для студентов фак. Рус. яз. И литературы пед. Ин-тов и учителей сред. Школы / Л.К. Андреева, В.Ф. Киприянов, Н.И. Маевская и др.; под ред. В.Ф. Киприянова. Владимир: Изд-во ВГПИ, 1977. 121 с.
3. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений // Лексикология и лексикография: избр. Труды. М.: Наука, 1977. С. 162–189.
4. Головин Б.Н. Лексическое значение и его типы // Б.Н. Головин. Введение в языкознание: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1973. С. 75–80.
5. Головин Б.Н. О минимально достаточном определении слова // Уч. Зап. Горьк. Гос. Ун-та. Вып. 52. Горький, 1961. С. 397–406.
6. Головин Б.Н. О типах лексических значений слов русского языка // Вопросы лексикологии и стилистики: уч. Зап. Горьк. Гос. Ун-та. Т. 59. Горький, 1960. С. 3–13.
7. Головин Б.Н. Проблема значения языкового знака // Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. Общее языкознание: учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1979. С. 122–141.
8. Киприянов В.Ф. Коммуникативы как лексико-грамматический класс слов в русском языке // Филологические науки. 1975. № 3. С. 79–86.
9. Киприянов В.Ф. Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке: учебное пособие для вузов. Владимир: Изд-во ВГПИ, 1983.103 с.

10. Киприянов В.Ф. О функциональных типах лексических значений // Уч. Зап. ВГПИ. Серия «Русский язык». Вып. 3. Владимир: Изд-во ВГПИ, 1970.
11. Киприянов В.Ф. Функциональные типы как основа типологии лексических значений слов (к постановке вопроса) // Уч. Зап. МОПИ им. Н.К. Крупской. Т. 278. «Русский язык». Вып. 17. Материалы научной конференции по языкознанию. М.: Изд-во МОПИ им. Н.К. Крупской, 1970.
12. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 355 с.
13. Немченко В.Н. Классификация лексических значений слов // В.Н. Немченко. Введение в языкознание: учебник для вузов. М.: Дрофа, 2008. С. 271–281.
14. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир: Изд-во СпбГУ; ВГГУ, 2007. 415 с.
15. Пименова М.Вас. Наследие Б.Н. Головина: лексическое значение и его типы // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 516–521.
16. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004. 165 с.
17. Харченко В.К. Лексико-семантический разбор // В.К. Харченко. Виды лингвистического разбора в пояснениях и образцах: учебное пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ 1983. 175 с.
18. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
19. Чернейко Л.А. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997. 320 с.

* Статья публикуется по изданию: Материалы VII Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Владимир: ВлГУ, 2015. С. 70–75.

АВДИЙЧУК Екатерина Николаевна (*Луганск, Россия*)
аспирант
Луганский государственный педагогический университет
katerina.ism@yandex.ru

АТРИБУТИВНАЯ ФУНКЦИЯ САКРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ СУБПРОСТРАНСТВЕ (на материале современной поэзии о войне на Донбассе)

Аннотация: В статье рассматриваются особенности реализации атрибутивной функции сакральной лексики в современном поэтическом субпространстве. На примере современной поэзии о войне на Донбассе исследуется, как сакральная лексика функционирует в условиях индивидуальных мироощущений, представляющих собой различные грани русской языковой картины мира. Анализируется роль сакральных слов и выражений в формировании поэтического образа, выражении авторской позиции и трансляции духовных ценностей в контексте трагических событий. Особое внимание уделяется сакральной лексике как средству организации сюжета, созданию эмоционального напряжения и углублению смыслового содержания поэтических текстов.
Ключевые слова: атрибутивная функция, сакральная лексика, словосочетание, образ, контекст.

Abstract. The article examines the features of the implementation of the attributive function of sacred vocabulary in the modern poetic subspace. Using the example of modern poetry about the war in Donbas, the author examines how sacred vocabulary functions in

the context of individual worldviews representing various facets of the Russian linguistic worldview. The article analyzes the role of sacred words and expressions in the formation of a poetic image, the expression of the author's position and the translation of spiritual values in the context of tragic events. Special attention is paid to sacred vocabulary as a means of plot organization, creating emotional tension and deepening the semantic content of poetic texts.

Keywords: attributive function, sacred vocabulary, phrase, image, context.

Проблема атрибуции словосочетаний в лингвистике изучается с различных точек зрения и на разнообразном материале. Одним из ключевых аспектов функционирования атрибутивных словосочетаний является их использование в поэтических текстах.

Становлению и характеристике атрибутивных словосочетаний непостоянного характера в русском языке посвящено множество работ как общего, так и специального характера. Некоторые исследователи акцентируют внимание на морфологическом составе атрибутивных словосочетаний. Для других центральной проблемой является роль этих словосочетаний в формировании жанровых особенностей текста. Также выделяется группа исследований, посвященных порядку слов в сочетании определяемого слова и согласованного атрибутивного определения. Например, Г.И. Климовская анализирует эту проблему через сравнение древнегреческих оригиналов и их старославянских переводов [2], а Л.М. Черняк рассматривает становление нормы современного русского языка, связанной с препозитивным положением атрибута, а также функции препозитивного и постпозитивного определения в древнерусском языке по сравнению с современным [3]. Важным аспектом исследования является также изучение семантических категорий прилагательных, входящих в атрибутивное словосочетание.

И.Ю. Абрамова в своих работах утверждает, что атрибутивные именные сочетания, соответствующие модели «прилагательное + существительное», выступают в тексте как цельные единицы и выполняют две основные функции: сообщения, или номинативную, и, являясь эмотивно отмеченными, «воздействуют», то есть создают

определенный художественный образ сакрализованной действительности [1: 17–18].

В своей статье мы совершили попытку описать особенности реализации атрибутивной функции сакральной лексики в современном поэтическом субпространстве на материале современной поэзии о войне на Донбассе.

Атрибутивная функция сакральной лексики заключается в изображении отвлеченных понятий, связанных с военными действиями, а также явлений и их признаков. Использование сакральных конструкций в современной поэзии, посвященной войне и сопутствующим темам, представляет собой многогранное явление. Религиозные образы, библейские мотивы и духовные понятия активно используются для придания глубины и эмоциональной окраски повествованию.

В контексте войны сакральные элементы служат не только для выражения ужаса и трагедии, но и для поиска высшего смысла, надежды на спасение и оправдания борьбы. Использование образов «непрощенного греха», «земного ада» и противопоставление их «Царствию Небесному» усиливает контраст между разрушением и стремлением к миру.

Обращение к религиозной символике, как в случаях с «Небесной Ратью», «Воинством Христовым» и «Богородицы покровом», создает ощущение защиты, божественного вмешательства и праведности дела. Понятия нравственности и верности, представленные через призму христианского богословия, подчеркивают духовную основу противостояния.

Особое внимание уделяется образу врага, который часто демонизируется и ассоциируется с силами зла, такими как «слуги сатаны» и «дети сатаны». Использование религиозных метафор в описании противника позволяет усилить негативное восприятие и подчеркнуть непримиримость борьбы.

Так, мы выделили следующие тематические группы атрибутивных сочетаний:

а) война: ***Грех непрощеный****, как метастаз, / Опухолью прорастет… / Мы тех, кто за нами придёт, спасем / Без наших грехов пусть растут* (А. Соболев); *Тех, что воюют на Донбассе, / Вершат опасный* ***ратный труд*** (Л. Эйда); *Бывают* ***войны неизвестные****, / бывают* ***войны мировые****, / А эту назову я –* ***честною****!* (Г. Иванов); *Уйми* ***пожар земного ада****, / Не дай нам утонуть в крови* (З. Ахильгова);

б) компоненты войны, такие как войско, оружие: *Завтра воскреснет Россия, / Будет* ***Небесная Рать*** */ Пяди её вековые / От упырей защищать* (А. Полубота); *Говорят про неё: она –* ***Бог войны****, / Кто только ей не был убит* (А. Соболев); *Их называют* ***Воинство Христово*** */ И дьяволу его не одолеть* (О. Бельзе);

в) мирное время: *Но знаем, что за днями черными / Наступит* ***Царствие Небесное*** (С. Ефимов); *О, Боже, сколько ненависти к русским … / За светлый образ* ***православной правды*** (В. Десятерик);

г) Родина и верность ей: *Одна у нас на всех* ***Святая Мать****. / Не слышишь разве, Русь от горя стонет?* (С. Тишкина) *Снова выбираю* ***путь свой узкий*** */ Россия для меня родимый дом* (А. Миронов);

д) защита: *Твоей броней незримой к бою / пусть будет пламень наших слов, / а синь небес над головою – / как* ***Богородицы покров*** (А. Агабекян); *Он огражден Великой Тишиной, / Как* ***маминым святым благословеньем*** (В. Можаева); *Ничего нет на свете сильней / Материнской* ***святой молитвы*** (Н. Попова); *И своим* ***святым Покровом*** */ Всю Россию защити* (О. Козловцева); *Вы летите,* ***стихи-капелланы****, / Защищайте молитвой солдат* (С. Тишкина);

е) Бог*: Как нас Отец между собой не делит, / Так мы верны* ***Небесному Отцу*** (Ю. Ключников); *В зареве кровавом дни и ночи / Плавится и стонет вновь земля. Светлый Сергий!* ***Преподобный Отче****! / Да прольется светом Вить твоя* (М. Шувалова);

ж) понятия нравственности и христианского богословия: *Для них всего превыше* ***Божье Слово*** */ Не запереть их в темной плоти клеть* (О. Бельзе);

з) духовные существа: *Когда на верховную встречу / доставит* ***небесный конвой****, / представ перед Богом, отвечу, / что был со своею страной* (В. Макаренков);

и) враг: *А ветер истории снова / играет нацистской волной … / Собою топя Украину / и славя* ***детей сатаны*** (А. Бабожен); *Вальяжны* ***слуги сатаны****, / у них чертовская харизма… / Не ищут русские войны, / Не терпят русские нацизма* (А. Вершинский); *Танки эшелонами / На Донбасс идут, – / Бьемся с легионами /* ***Натовских иуд*** (О. Козловцева); *Нет, это ты погодь,* ***Бандеры верный друг****, / трезубец твой сразит копьём Победоносец* (Т. Грибанова).

Атрибутивная функция сакральной лексики заключается в том, что она помогает изображать абстрактные понятия, связанные с сакральным, в контексте русской языковой картины мира. Эта лексика не только обозначает священные и духовные аспекты, но и формирует представления о морали, ценностях и традициях, которые имеют глубокие корни в культуре и истории русского народа. Сакральные слова и выражения служат не только для обозначения религиозных понятий, но и для передачи эмоциональной нагрузки, создавая особую атмосферу и связывая человека с его духовными истоками. Таким образом, сакральная лексика становится важным инструментом для понимания и интерпретации культурных и духовных реалий, отражая уникальность русской идентичности.

Итак, атрибутивные словосочетания, щедро насыщенные сакральной лексикой, представляют собой мощный инструмент в арсенале поэта. Они не просто обозначают, но и творят, формируя в сознании читателя глубокие, эмоционально окрашенные образы. Особенно ярко это проявляется в контексте русской языковой картины

мира, где сакральное тесно переплетено с историей, культурой и нравственными ориентирами.

Приведенные примеры из современной поэзии демонстрируют, как атрибутивная функция сакральной лексики оживляет абстрактные понятия, делая их более понятными и близкими. Война, мир, Родина, Бог – все эти фундаментальные категории приобретают дополнительную глубину и значимость благодаря использованию сакральных эпитетов. Так, «Небесная Рать» или «Воинство Христово» не просто обозначают войско, но и наделяют его высшим, духовным смыслом, вовлекая читателя в мир религиозных представлений и ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И.Ю. Природа и функции атрибутивных словосочетаний (на материале русского славянского пролога XVI в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 17–20.
2. Климовская Г.И. К вопросу о словопорядке в группе определяемого слова и согласованного атрибутивного определения в русском языке // Вопросы языкознания и сибирской диалектики. Томск, 1966. Вып 1. С. 70–77.
3. Черняк Л.М. Атрибутивные словосочетания в «Житии Протопопа Аввакума» // Вестник ХГУ. Сер. Филология. 1965. № 12. С. 82–92.

АГРОВА Галина Николаевна *(Вольск, Россия)*

аспирант
Самарский государственный социально-педагогический университет
galinaagrova@mail.ru

ОЛЬФАКТОРНЫЙ МОДУС ПЕРЦЕПЦИИ В ПОЭЗИИ Ю. МОРИЦ, ПОСВЯЩЁННЫЙ ЁЛКЕ

Аннотация. В статье представлены лингвистические единицы, отражающие ольфакторный модус перцепции, связанный с ёлкой, в поэзии Ю. Мориц, охарактеризованы их функции.

Ключевые слова: ольфакторный модус перцепции, синестезия, синестемия, вербализация, интерпретация, ёлка.

Abstract. The article describes the functions of linguistic units reflecting the olfactory mode of perception associated with the Christmas tree lexeme in the poetry of Y. Moritz.

Keywords: olfactory mode of perception, synesthesia, synesthemia, verbalization, interpretation, Pine tree.

Лингвистика на современном этапе развития характеризуется растущим охватом сферы своих интересов. Ряд новых исследований рассматривает языковедческие проблемы в соотнесении с человеческим фактором, в частности, с работой когнитивных структур, отвечающих за мышление, память, восприятие, представление и т. п. Как отмечала Н.Л. Зыховская, указывая на бурно развивающийся синестетический подход к литературе, «актуально и обращение к вербализации телесных ощущений и эмоций в художественных текстах как хранилищу и фундаментальному архиву саморефлексии человечества» [4: 68].

Исследование репрезентации в литературе одного из пяти механизмов чувственного познания – запаха – представляет собой комплексную задачу, поскольку опирается на научный аппарат многих сфер: социологии, психологии, лингвистики, а также химии и физики. Как обозначила В.В. Мамцева, «проблема запаха является неким аттрактором современной исследовательской мысли» [7: 14].

Таким образом, из спектра модусов перцепции для нас в данной работе представляет интерес ольфакторный модус. И.Г. Рузин доказал, что «основная природа модуса проявляется не только на уровне слова и сверхсловном уровне, но в какой-то мере определяет и внутрисловный, задавая принципы номинации перцептивных атрибутов» [11: 27].

Объектом настоящей статьи являются лингвистические единицы в поэзии Ю. Мориц, отражающие ольфакторный модус перцепции, связанный с лексемой *ёлка*.

Предметом исследования выступают компоненты метафорических сочетаний, воспроизводящих ольфакторный модус перцепции, ассоциированный с лексемой *ёлка*, распределённые по тематическим группам.

Цель работы – дать характеристику функций групп метафорических выражений, демонстрирующих ольфакторный модус перцепции, относящийся к лексеме *ёлка*, через рассмотрение корреляции между

семами 'природный' – 'рукотворный', 'запах' – 'дух', а также интерпретацию оценки интенсивности последних.

Языковым материалом исследования послужили словарные статьи и тексты поэтических произведений Ю. Мориц.

При знакомстве со стихотворениями Ю. Мориц разных лет, содержащих лексему *ёлка*, обращает на себя внимание значимость для лирической героини не только самого факта наличия в период новогодних и рождественских праздников ёлки в доме, но и ощущения натурального ёлочного запаха: *под… одеялом лежать в этом запахе ёлки…, запах ёлки в каждой щёлке, ёлки дух в моей светёлке…, …ёлка огромно пахнет!* (Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка).

Проведенное исследование позволяет обозначить функции метафорических выражений, вербализирующих ольфакторный модус перцепции, посвященный *ёлке*, в творчестве Ю. Мориц, следующим образом:

1) передача природного запаха ёлки;

2) отражение ольфакторного комплекса – сочетания натурального запаха ёлки и рукотворного аромата выпечки / теста;

3) формирование символического образа ёлочного духа, вызывающего ассоциации из сферы сакрального;

4) интерпретация оценки наличия / интенсивности запаха ёлки.

Передача природного запаха ёлки. Характерный запах, который чаще всего соотносится с праздничными ёлками, исходит от группы летучих органических соединений, называемых монотерпенами. Аромат хвои ассоциируется с детством, Новым годом и хорошим настроением, поэтому многие годы живые ели пользуются популярностью. Е.В. Душечкина в монографии «Русская ёлка: история, мифология, литература», рассказывая об истоках обычая установки в домах ёлок в канун праздников, приводит примеры зафиксированных

воспоминаний: *Слух и обоняние детей обострялись до предела: «Чувствуется приятный смолистый запах ёлки…* [1: 18]; *Этот блеск, этот свежий, такой вкусный запах ёлки восхищали меня необычайно* [1: 20]. В книге де Шоу Максвелла «Старый Майк» передаются детские впечатления героя: *То ли от приятного запаха ёлки, а может от общей суматохи перед Рождеством, но я точно помню значимость того чуда…* [6: 2]. Природный аромат ёлки обретает в сознании знаковый смысл. Речь идет о создании новой реальности, возникшей после переосмысления естественного хвойного запаха человеком. Здесь проявляет себя та символическая функция запаха, которая, по словам М.А. Епанешниковой, «наиболее полно раскрывает себя в искусстве» и отражает «окультуривание» запаха человеком [2: 16].

В языковой картине мира может воплощаться мир в целом, или его фрагмент, или его грань. У каждого отдельного человека определенной исторической эпохи под влиянием ощущений, в том числе ольфакторных, впечатлений, наблюдений, умозаключений и опыта складывается собственная, во многом уникальная, картина мира. Для Ю. Мориц гармония в ней возможна только при наличии природного запаха ёлки в период новогодних и рождественских торжеств.

Отражение ольфакторного комплекса – сочетания натурального запаха ёлки и рукотворного аромата выпечки / теста. Как говорил Б.А. Серебренников, «существует столько картин мира, сколько имеется «»призм» мировидения» [12: 32]. «Призма мировидения» Ю. Мориц позволяет рассмотреть в стихотворении «Сестре» (1966) часть языковой картины мира, передающую ольфакторный модус перцепции, соединяющий воедино природный запах ёлки и рукотворный запах теста: *Под одним одеялом лежать / В этом запахе ёлки и теста!* Здесь наблюдается явление синестемии, которое возникает, по словам Е.П. Иванян и П.С. Ивановой, когда «обонятельное ощущение сопровождается эмоцией субъекта перцепции» [5: 298]. Строки *Под*

одним одеялом лежать / В этом запахе ёлки и теста! / И, пока не поставят на место, / Будем детство свое продолжать отражают вызываемые ольфакторным ощущением радостные эмоции, озорной настрой, беспечность и умиротворение, присущие детскому возрасту.

В стихотворении «Зимний праздник» (1970) зафиксировано подобное ольфакторное ощущение сочетания запахов ёлки и пирога, но с иной эмоциональной окраской: …*от ёлки разит пирогом*…. Это метафорическое выражение иллюстрирует как явление синестемии, поскольку содержит эмоционально маркированную лексему *разит*, так и явление синестезии, выражающееся в «сопряжении значений… ольфакторного и какого-либо другого модуса перцепции» [Там же], так как налицо комплекс зрительного (*ёлка*) и обонятельного (*разит*) модусов перцепции. Н.А. Рогачева указывала, что начиная с XVII, активно – с XIX века, поэзия «осваивает запахи, не нагруженные литературными ассоциациями: природные, бытовые (в особенности – гастрономические)» [10: 4].

Формирование символического образа ёлочного духа, вызывающего ассоциации из сферы сакрального. Если лексема *запах*, согласно словарному толкованию, имеет одно значение и обозначает ‘свойство предметов, веществ действовать на обоняние’, то лексема *дух* при множестве значений является полисемантом и имеет обширный омокомплекс. *Дух* в значении '*запах'* употребляется как просторечие [13]. В стихотворении «Хвойная смола каплет со ствола» актуализировано как символическое значение слова *дух*, относящееся к предметной лексеме *ёлка*, так и его просторечное значение: *Запах ёлки в каждой щёлке, / Ёлки дух в моей светелке….* Как верно заметил В.П. Ершов, «ели-предки подчиняют себе не только время, но и пространство. Они создают особые локусы … вокруг себя, стягивают сакральное пространство» [3: 3]. «*Запах ёлки*» обладает определенным гипнотическим действием и заставляет проникнуться «*духом ёлки*». Многокомпонентная символическая

комбинация понятийных граней рассматриваемых лексем не только формирует в сознании поэтессы образ праздника, названного окказионализмом *Новогод*, но и генерирует новогоднее мироощущение, располагающее к размышлениям философского характера.

С учетом определяющей для современной лингвистики роли антропологического направления можно утверждать, что человеческий фактор является решающим в составлении языковой картины мира. И.Г. Рузин различал два вида влияния человека на язык: «феномен первичной антропологизации языка (влияние психофизиологических и другого рода особенностей человека на конститутивные свойства языка) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык различных картин мира человека: религиозно-миифологической, научной, художественной) [11: 18]. Если восприятие *ёлочного запаха* вне контекста данного стихотворения могло бы проиллюстрировать феномен первичной антропологизации языка, то влияние *ёлочного духа* здесь служит примером феномена вторичной антропологизации. «*Запах ёлки*» в сочетании с «*духом ёлки*» предопределяет возникновение состояния, когда хочется приостановить время, задуматься о вечном среди повседневной суеты. Схожее состояние фиксируется в строках Б. Пастернака: *Надо, чтоб ёлкою святочной / Вечность средь комнаты стала* (1952).

Человек смотрит на мир как через призму общественного, так и через призму индивидуального опыта. Чтобы должным образом воспринять авторские коннотации, необходима, по словам Н.А. Рогачевой, «общность опыта поэта и читателя, например принадлежность обоих к одному поколению, связанному вещами и представлением о ценности вещей» [10: 8].

Интерпретация оценки наличия / интенсивности запаха ёлки. Отсутствие возможности интерпретировать запахи лишает картину мира поэтессы жизненности, разрушает ее систему ценностей: *Сегодня не*

пахнут ёлки… Не пахнут ёлки… там, где царит мировой стандарт…. Бездействие ольфакторного модуса перцепции представляется почти физически болезненным, вызывает эмоцию страдания, перекликается с ощущением утраты восприимчивости вкусовых рецепторов: *Сегодня не пахнут ёлки, а помидор – / Кусок резины, мокрой резины вкус…* Исчезновение привычного комплекса перцептивного восприятия, идентифицирующего в индивидуально-авторском понимании ёлку, мгновенно проявляет себя через снижение художественности, резкий слог: *не пахнут ёлки, которые к Рождеству срубили там, где царит мировой стандарт*.

Для Ю. Мориц важно не только наличие естественного ёлочного аромата, но и его выраженность, интенсивность, степень. «Предметность образа, – отмечал В.Н. Носуленко, – не некоторая внутренняя организация хаоса внешних раздражителей, а органическая взаимосвязь отраженных в нем пространственно-временных и интенсивностных характеристик» [9: 12]. В произведении «Сквозеро» значимость интенсивностных характеристик описываемого явления передается через градацию: *А я обожаю ёлку в такой отсталой стране, / В такой глубокой провинции, где ёлка огромно пахнет!*

Таким образом, Ю.П. Мориц в поэзии при построении перцептивного образа ёлки как ведущий выделяет обонятельный анализатор. В рассматриваемых примерах формирование образа ёлки начинается с фиксации именно ее запаха. Ольфакторный модус перцепции, посвященный ёлке, передает, во-первых, ее природный запах, во-вторых, аккорд естественного аромата дерева и рукотворного запаха пирога / теста, в-третьих, возводит к сакральному значению духа ёлки как границы времен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Душечкина Е.В. Русская ёлка: история, мифология, литература. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 424 с.

2. Епанешникова М.А. Феномен запаха в культуре: особенности функционирования в сакральной и профанной сферах: автореф. дис. … канд. филос. Наук. Екатеринбург, 2010. 195 с.
3. Ершов В.П. Вечнозеленые, вечноживущие. Ель – дерево предков. Петрозаводск, 2017. 320 с.
4. Зыховская Н.Л. Ольфакторий русской прозы XIX века: дис. … докт. Филол. наук. Екатеринбург, 2016. 518 с.
5. Иванян Е.П., Иванова П.С. Синестезия и синестемия в сравнениях ольфакторного модуса перцепции // Горизонты современной русистики: сборник статей. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 298–303.
6. Максвелл де Шоу. Старый Майк. М.: Автор, 2023.140 с.
7. Мамцева В.В. Репрезентация ольфакторности в романтическом дискурсе: дис. … канд. филол. наук. СПб, 2018. 168 с.
8. Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru) (Дата обращения: 25.03.2025).
9. Носуленко В.Н. Психофизика восприятия естественной среды: автореф. дис. … докт. Психол. Наук. М., 2004. 48 с.
10. Рогачева Н.А. Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха: автореф. дис. … докт. Филол. наук. Екатеринбург, 2011. 52 с.
11. Рузин И.Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: дис. … канд. филол. наук. М., 1995. 201 с.
12. Серебренников Б.А., Уфимцева А.А., Телия В.Н. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 216 с.
13. Словарь русского языка: в 4 т. РАН, Ин-т лингвистич. Исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. А–Й. М.: Рус. яз. Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
14. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной…» Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. Шк., 1990. 302 с.

АЛЕКСЕЕВ Александр Валерьевич *(Москва, Россия)*

доктор филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет,
Московский городской педагогический университет,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
avalekseev74@yandex.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА *ДЕРЕВНЯ*

Аннотация. Лексический концепт *деревня* рассматривается в плане этимологии и реализации в текстах XI–XVII веков. Образная форма концепта *деревня* определялась расширением денотата от этимологического признака ‘расчищенная от леса пашня’ до синкретичного указания на обрабатываемую землю и прилегающие жилые постройки. Понятийная форма концепта ‘незначительный населенный пункт’ фиксируется в позднем старорусском языке. Символика слова *деревня* связана с его исторически изменчивой культурной значимостью, в которой совмещались признаки ‘источник благосостояния’ и ‘место, пригодное для жизни’.

Ключевые слова: лексический концепт, культурная значимость слова, символическое значение, историческая лексикология, этимология.

Annotation. The lexical concept “derevnya” is considered in terms of etymology and implementation in texts before the 17th century. The imagery form of the concept was

determined by the expansion of the denotation from the etymological feature of ‘arable land cleared from the forest’ to a syncretic indication of cultivated land and adjacent residential buildings. The notional form of the concept ‘insignificant settlement’ is fixed in the late Old Russian language. The symbolism of the word “derevnya” is associated with its historically variable cultural significance, which combined the signs of a ‘source of prosperity’ and a ‘place suitable for life’.

Keywords: lexical concept, cultural significance of the word, symbolic meaning, historical lexicology, etymology.

Предложенное описание лексического концепта опирается на теорию «концептуального квадрата» [5: 42] и на понимание концепта как исторической суммы актуальных и узуальных номинативных и символических значений [1: 143]. Номинативные значения определяют границы применимости слова по отношению к предметному миру, то есть содержание образной и понятийной форм концепта. Символические значения выражают культурную оценку объектов действительности и могут быть выявлены по отношению к этимологии слова и по отношению к его образному синкретизму, однако узуальный характер приобретают в период после формирования понятия. Такие узуальные значения составляют символическую содержательную форму концепта.

Для лексического концепта *деревня* отчетливо зафиксированы в письменности его предметно-образная и понятийная формы, ясна их эволюция: от осмысления обработанного земельного надела (пашни) до выделения сельского населенного пункта (незначительного, административно подчиненного). Признаки культурной коннотации (означаемое символических значений) также выявляются достаточно надежно, однако время, последовательность экспликации и культурный контекст этих признаков представляются противоречивыми. То есть не ясны обстоятельства зарождения концепта *деревня* (этимологическое символическое значение) и его окончательного оформления (первоначальное соотношение узуальных символических значений).

Мотивирующий признак внутренней формы, кажется, не вызывает сомнений: слово *деревня* восходит к глаголу *драть* (праславянское **dirati*) и обозначало землю, подготовленную к сельскохозяйственной

обработке на лесной территории в результате «выдергивания», уничтожения прежней растительности. То есть словом *деревня* называли пашню на месте вырубки: ср. русские диалектные формы *драть* ‘вспахивать новую землю, пахать целину’, *драться* ‘пробираться через чащу’ [12: 218], а также промежуточную именную форму **dirva* ‘раскорчеванный участок’, отраженную в форме *деревки* ‘расчищенное под пашню место в лесу’ [2: 228, 230]. Однако слово *деревня* ‘населенный пункт’ отсутствует во всех других славянских языках, в том числе в украинском, а в древнерусском языке *деревня* встречается в единственном контексте в «Повести временных лет» (ПВЛ). Вместе с тем соответствие приведенной глагольно-именной словообразовательной цепочке обнаруживается в литовском языке: *dìrti* ‘сдирать’ – *dirvà* ‘пашня’ – dirvìnis ‘пашенный’ [10: 501, 505; 2: 228].

Пример в ПВЛ, *деревнѣ*, иногда признается «сомнительным (возможно – результат порчи текста)» [11: 242–243], что в целом поддерживает мысль о балтийском происхождении русского слова *деревня* [2: 230]. Однако причины, по которым П.Я. Черных признавал летописное употребление сомнительным, не вполне ясны: лексема присутствует и в Лаврентьевском списке, и в Ипатьевском, следовательно, как можно предполагать, восходит к первоначальным спискам ПВЛ. Причем во втором случае список представляется более точным: *пожгоша манастырь Стефанечь (и)* ***деревнѣ****, и Германечь,* 1096 г. [7: 220]. Союз *и*, указанный в скобках, присутствует в Лаврентьевской летописи, но отсутствует в других списках той же редакции (Радзивиловском и Академическом) – как и в Ипатьевской летописи. Можно предположить, что союз отсутствовал и в первоначальном тексте, а форма **дьрьвьнѣ* являлась уточняющим дополнением: были уничтожены сельскохозяйственные угодья с прилегающими постройками, относящиеся к Стефанову монастырю. Это хорошо соотносится с первоначальным значением слова *деревня,*

которое обозначало не столько постоянный населенный пункт, сколько постройки, расположенные рядом с обработанным участком земли; такая территория не обладала самостоятельным статусом и принадлежала к какому-либо селу – или к монастырю, как в приведенном примере.

Именно такое значение отмечается у слова *деревня* со времени его регулярной письменной фиксации в старорусском языке: *И али на том сели на Мидни з* ***деревнѧми****, и с пу[сто]шьми и с лесом и со всѧким угодием.* Грамота 1380–1417 гг. [8: 454]; *Что их села на Воре Петровское, Муромцово, Путилово, Борково и* ***деревни*** *тех сел… Что их села в Переславском уезде в Верхдубенском стану и в-ыных городех село Семеновское да Сватковское з* ***деревнями****…* Жалованные грамоты 1462–1466 гг. [6]. Таким образом, летопись так же, как и памятники деловой письменности, отражает раннее значение слова *деревня* – ‘место сельскохозяйственных работ: пашня с прилегающими постройками’. Во втором по древности летописном примере *деревня* упоминается в качестве единицы налогового обложения (в погодной записи 1384 года): *Бысть дань великая тяжкая… со всякие* ***деревни*** *по полтинѣ.* Симеоновская летопись по списку конца XV – начала XVI века [9: 221]. Конечно, летописные примеры в погодных записях только условно отражают древнейшую письменную фиксацию, поскольку известны они по более поздним спискам. Собственно древнейшие рукописи относятся, как уже указано, к деловой сфере, ср. первую фиксацию, по данным словаря: *Се далъ есмь с[ы]ну своему болшему Семену. Можаескъ. Коломъну со всими коломеньскими волостми…* ***деревни****. Маковець. Лѣвичинъ. Скулневъ. Каневъ. Гжелю.* Грамота 1339 года [8: 454].

Слово *деревня* в его древнейшем значении долгое время не фиксировалось в письменности, поскольку соотносилось с хозяйственно-бытовым дискурсом; для подобных контекстов не характерно выражение отвлеченных культурных ценностей. Вместе с тем сопоставление

летописных и деловых примеров позволяет выделить древнерусскую и старорусскую культурную значимость концепта *деревня*, выраженную потенциальным символическим значением: ‘возделанная заселенная хозяйственная территория, сельский участок => источник благосостояния, дохода’. Сопоставление древнейших контекстов слова *деревня* с его последующим семантическим развитием позволяет также отметить и более позднее, собственно старорусское, символическое значение: ‘возделанная территория, пашня => место, пригодное для жизни, сельская родина’.

Время экспликации второго символического значения связано с периодом, когда деревня стала осознаваться как самостоятельный населенный пункт, маркером чего в тексте является, в частности, использование имен собственных. Именно такой контекст содержится в первой письменной фиксации, в грамоте 1339 года. Однако общий обзор духовных и договорных грамот показывает, что указанный контекст является нетипичным и не вполне ясным. В подавляющем числе случаев слово *деревня* используется в контексте без имени собственного и с указанием на принадлежность к какому-либо селу; преимущественно применяется устойчивая конструкция *съ деревнѧми*, указывающая на принадлежность пахотной (иногда промысловой) хозяйственной единицы к тому или иному населенному пункту: *Выпрѧжшково на Студенцѣ з **деревнями*** (1401–1402 гг.); *Ковѣзинское село з **деревнѧми** и с луги* (там же); *Малино со всѣми **деревнѧми*** (1406–1407 гг.); *селомъ Коломеньскимъ з **деревнѧми*** (1433 г.) [4]. Приведенный выше список (от *маковець* до *гжелю*) с некоторым варьированием воспроизводится в нескольких грамотах XIV века. Слово *деревня* выглядит как обобщающее слово, предваряющее список имен собственных. Однако, например, статус населенного пункта *Гжелѧ* определяется по-разному в различных грамотах. В документе 1358 г. *Гжелѧ* входит в тот же список, однако в грамоте 1389 года это название вписано до обобщающего слова и

относится тем самым к «волостям»: *А волости Коломеньскиѣ: Мещерка… Гжелѧ,* ***деревни*** *Лгъвичин, Скулневъ, Маковець…* [4: 33]. В грамоте 1406–1407 гг. *Гжелѧ* вновь замыкает список: ***деревни*** *Скулневъ… Мгъзынѧ, Гжелѧ*; однако в той же грамоте *Гжелѧ* употребляется в устойчивом сочетании, позволяющем определять ее как село: *Гжелѧ со всгъми* ***деревнѧ[ми]*** [4: 56].

Таким образом, неустойчивость употребления слова *деревня* в ранних старорусских текстах позволяет предполагать, что именно в это время происходила замена различительного номинативного признака: ‘пахотная земля’ → ‘населенный пункт’. Такое изменение должно было сопровождаться трансформацией культурной значимости. Первое символическое значение ‘сельский участок => источник дохода’ необходимо, следовательно, считать элементом древнерусской культуры. Оно должно было сохраняться в качестве потенциального и позднее, однако уже с раннего древнерусского времени заменялось, видимо, новым: ‘сельский участок => место для жизни’.

Осталось понять степень актуальности для древнерусского языка древнейшего, этимологического, символического значения, определяемого внутренней формой, ‘выкорчеванный участок => пахота, хозяйство земледельца’. Судя по тому, что исходная форма с глухим полногласием, **дьрьвьня*, не зафиксирована в письменности, в древнерусском языке уже не осознавалась этимологическая связь *драть → дерев(к)и → деревня*. Следовательно, символическое значение ‘выкорчевка => цивилизация земледельца’ уже утратило свою актуальность, осталось частью архаичных культур, связанных с первоначальным освоением лесной территории, – региональной общеславянской или даже древнейшей балтославянской. Можно предположить развитие паронимической аттракции в древнерусском языке: при фонетическом сближении результатов первого и второго полногласия (*дерев – *дьрьв*) возникла новая мотивированность ‘пашня и

поселение среди деревьев, в лесу’. В дальнейшем в юго-западных древнерусских диалектах в результате паронимического отталкивания слово *деревня* перестало употребляться для обозначения территории, ср. в украинском языке: *деревня* ‘спиленные деревья, лес для строительства’ [3: 286]. В северо-восточных говорах смысловая связь *дерево* ‘лес’ – *деревня* ‘территория, селение’, видимо, не противоречила наблюдаемым реалиям.

Таким образом, в истории слова *деревня* наблюдается эволюция как номинативной части лексического концепта, так и его символических признаков. Предметно-чувственный образ опирался на балто-славянские традиции земледелия и преобразовывался в старорусской практике: ‘расчищенный от леса участок’ → ‘пашня’ → ‘поселение при пашне’ → ‘небольшое, административно зависимое поселение’. Культурная значимость слова отражала изменения в хозяйственном статусе деревни: ‘окультуренное место’ → ‘источник дохода’ → ‘сельская родина’. В поздний старорусский период, в XVI–XVII вв., наметилось развитие нового потенциального символического значения: ‘незначительный населенный пункт => периферия, отсутствие важных (государственных) дел’. Ср. в контексте: *И суд у них был во сто осмом году, а судил их боярин князь Ондрей Васильевич Трубецкой <…>. И князь Ондрей Трубетцкой отпросился у государя в* ***деревню****.* Разрядная книга (1598–1602) [6]. Подобные признаки культурной значимости приобрели актуальность уже позднее, в XVIII веке и в современном русском языке, и отразились в узуальном символическом значении ‘деревня => невежество, некультурность’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.В. Культурная значимость слова как предмет русской исторической лексикологии: дис. … докт. Филол. наук: 10.02.01: в 2-х тт. М., 2022. Т. 1. 317 с.
2. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 13. М.: Ин-т рус. яз. Им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2019. 376 с.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови. К.; Ірпінь: Перун, 2004. 1425 с.

4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: АН СССР, 1950. 587 с.
5. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 444 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/new/ (дата обращения: 01.05.2025).
7. Полное собраніе русскихъ летописей, издаваемое Государственной Археографическою комиссіею Россійской академіи наукъ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Вып. 1. Петроград: Б. и., 1923. 319 с.
8. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 2. М.: Русский язык, 1989. 494 с.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 404 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1993. 624 с.
12. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 5. М.: Наука, 1978. 232 с.

АЛИЕВ Тельман Асад оглы *(Владимир, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
telmanasad@ruambler.ru

УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ ГРАФИКИ, ОРФОГРАФИИ И ФОНЕТИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ОТ НАЧАЛА XVIII В. ДО НАШИХ ДНЕЙ

Аннотация: В статье рассматриваются причины определенных изменений в фонетической терминологии и основные этапы становления современной фонетической, графической и орфографической терминологии. Говорится об активном участии в выработке норм русского письма В.Н. Татищева, В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: буква, грамматика, графика, двугласные, звук, орфография, письмена, просодия, реформа, терминология.

Abstract: The article examines the reasons of certain changes in phonetic terminology and the main stages in the development of modern phonetic, graphic and orthographic terminology. It discusses the active participation of V.N. Tatishchev, V.K. Trediakovsky and M.V. Lomonosov in the development of Russian writing standards.

Keywords: letter, grammar, graphics, two-vowel, sound, spelling, writing, prosody, reform, terminology.

Начало XVIII века в России характеризуется сильным влиянием грамматик Лаврентия Зизания (Грамматика славенская. 1596 – Вильно) и Мелетия Смотрицкого (Грамматика славенская. 1648 – Москва). Однако в это же время раздаются голоса о необходимости переработки грамматик, приведения их в соответствие с нормами русского языка. И.Т. Посошков

в своем сочинении «Проект о школах» пишет: «И в начале гсдрь сего дѣла требѣ потщатися ежебъ состроити граматика на славенском языке з добрымъ исправлениемъ и просодию бъ исполнить чтоб мочна было во чтении и во глаголании гласъ произносить по разуму речи» [3: 8].

Остро ставился вопрос как о несоответствиях в русской графике («понеже азбука есть не евангелское слово, ни от бога она составлена, но от учителей и елико имъ вмѣнилось, толико тогда и положилось, а всемъ намъ зримо что есть много лишнихъ писменъ, а многих нужныхъ нашему языку россійскому своиственныхъ не положено» [3: 8]), так и о сложностях в орфографии («…тесноту такую писание содержитъ яко мнози речи пишутся измененіемъ противъ глаголания настоящаго, а иныхъ речей и написать теми нашими писмены невозможно» [3: 8]).

После реформы русской графики, проведенной Петром I в 1710 году, появляются публикации, связанные с изменениями в русском алфавите, а также проблемами соотношения между письменной и устной речью.

Сложившаяся к тому времени фонетическая терминология, как и вся грамматическая терминология, подвергается определённым изменениям, связанным уже с другим подходом к фактам русского языка.

Уже в начале XVIII в. Фонетика начинает формироваться как наука. Именно с этим связаны определенные изменения в фонетической терминологии.

Самое активное участие в выработке норм русского письма принимают В.Н. Татищев, В.К. Тредиаковский и М.В. Ломоносов.

Становление фонетики как науки в русском языкознании можно в первую очередь связать с именем В.К. Тредиаковского.

Во всех грамматиках XVII века отсутствует чёткое и последовательное терминологическое противопоставление понятий «звук» и «буква». Предшественники В.К. Тредиаковского отмечали различие между произношением и написанием, дифференцировали понятия «звук» и «буква», но в грамматической терминологии это не

нашло своего отражения, да и сами фонетические воззрения были крайне расплывчаты и неопределённы.

Именно в начале XVIII века впервые в русском языкознании определяется соотношение между звуком («звоном») и буквой: звук первичен, а буква вторична и служит для обозначения звука, то есть буква есть письменный знак звука. В.К. Тредиаковский разграничивает «произношение» и «написание».

В начале XVIII века в русских памятниках определяются физиологические и акустические свойства звуков. Для обозначения звука в начале XVIII века используется термин «звон».

Уже в первой половине XVIII века у термина «правописание» появляется коррелят «произношение». Причем, хотя и непоследовательно, но термин «правописание» связывается с терминами «буква», «литера», а термин «произношение» с термином «звон».

Термин «произношение» имеет следующие синонимы: «изглашение», «изречение», «правоизглашение», «выговор».

Термин «орфография» в начале XVIII века встречается в варианте «ортография» (в греческом слове ὀρθός буква θ читалась как [т] или как [ф]): «ортография церьковная»; «Ортография не весьма вещь исправная» [5: 69–170] («новая Ортография» [5: 170]. Наряду с ним употребляется термин «правописание»: «О всемъ, что касается до нашихъ буквъ и правописания» [5: 170]. Термин «ортография» более употребителен, чем термин «правописание». «Употребление конкретной формы зависит от точки зрения автора» [1: 175].

В начале XVIII века впервые в русском языкознании отмечается наличие в русской орфографии двух принципов написания слов: 1) «писания по кореню» или по «произведению», иными словами, морфологический принцип; 2) «по органу» или «по звонам», то есть фонетический принцип.

Таким образом, В.К. Тредиаковский выдвигает мысль о необходимости фонетического принципа написания по органу, по звонам, то есть по произношению.

Фонетический принцип рассматривается с двух точек зрения: во-первых, с точки зрения произношения (как произношу, так и пишу), что обозначается термином «по органу», и, во-вторых, с точки зрения слухового восприятия (как слышу, так и пишу).

Термином «одногласные буквы» называются те буквы русского алфавита, которые обозначают один звук, термином «связные буквы» – буквы, обозначающие сочетание звуков, термином «безгласные буквы» – Ь и Ь знаки (для их обозначения используются также термины «знак отолчения» – Ъ и знак «отончения» – Ь).

В литературе XVIII в. Термин «гласные» имеет, в соответствии с традицией, заложенной Лаврентием Зизанием и Мелетием Смотрицким, синоним – «самогласные». Последний указывает на значение ‘собственно гласные’, без Ъ и Ь, не имевших к этому времени звукового соответствия, о чём писали грамматисты XVII века.

В начале XVIII века В.К. Тредиаковский прямо писал, имея в виду *Ъ* и *Ь,* что они обозначают всего лишь признаки твёрдости и мягкости предшествующих согласных. Эти буквы Тредиаковский не только не относит к гласным, он считает, что они «знакі отолшченія і отонченія растворенаго способомъ звона, не долженствуют числится между буквами въ Алфавите, но токмо почітаться за страсті, ілі ізмѣненія согласныхъ буквъ… Следовательно (*Ъ*) и (*Ь*) не буквы» [5: 176].

Впервые в русском языкознании именно В.К. Тредиаковский обосновал функции и определил место мягкого и твёрдого знаков (*Ь* и *Ъ*) в русской графике. *Ъ* – это «отолчения знакъ», а *Ь* – «знакъ отончения». «Безъ перваго отолшчаюшчаго знака можно бы намъ бесконечно пробыть» [5: 220].

В.Н. Татищев также предлагал исключить буквы Ъ и Ь из алфавита, предлагая при этом заменить одну из них диакритическим знаком над соответствующей согласной: «ь и ъ хотя изъглашеніем и разумом различествуетъ оные оба оставить нетрудно и писать без ь, а вмѣсто ъ над предложенною буквою ставить точку яко пол и пол’, тверд и тверд’» [2: 87].

Термины «гласные» и «согласные» определяются в начале XVIII века иначе (традиционное определение, принятое в ранних грамматиках, также широко используется), чем в XVII веке: «Называють гласными те буквы, которые значатъ простый нашъ звонъ» [5: 173], «но те все согласными именуются, которые означають растворение, или способ нашего звона» [5: 173]. Таким образом, «гласные» обозначают «звон», а «согласные» – способ «звона».

Большое внимание уделялось уже в начале XVIII в. Артикуляционной характеристике звуков.

Артикуляционная характеристика гласных русского языка в начале XVIII века ограничивается противопоставлением гласных как отверстых, то есть по степени раствора рта. Отверстые – это гласные, полуотверстые – «двугласные»: «Гласные изрядно названы быть могут отверстыми, двугласные полуотверстыми».

Данная классификация определяет согласные по пассивному органу речи (исключая языковые). Термины, обозначающие данные понятия, вполне адекватны признакам соответствующие согласных.

Не вписывается в данную классификацию признак «языковые», хотя согласные, характеризующиеся по этому признаку, действительно являются переднеязычными, но на этих основаниях в группу язычных можно было бы включить и другие язычные согласные.

В начале XX века звонкие согласные назывались «звучными» (или голосовыми), а глухие – «отзвучными» (безголосными) [4: 14].

Вместо термина «ударене» употреблялись термины «просодия» или «сила»: нѣтъ въ нашей ортографіі ні острыя, ні тяшкія, ні облеченныя просодіі ілі по нашему сілы» [5: 117], вместо «наречия» – «выговор»: «что въ московскомъ выговорѣ всѣ (о) неударяемыі за (а) проізносятся. Прімѣръ: малака вмѣсто молоко» [5: 191].

Здесь однозначно определяется функция мягкого (Ь) знака как буквы, служащей для обозначения мягкости предшествующей согласной. Твёрдый (Ъ) знак предлагалось на конце слова не употреблять.

Нельзя не отметить то, что В.К. Тредиаковский определяет закономерность позиционных чередований глухих и звонких согласных (в терминологии XVIII века твёрдых и мягких) в русском языке: «Выговор российский соединяет мяхкие буквы съ мяхкими, а твердые съ твердыми» [5: 192], а причиной этому служит то, что «всегда коренная буква господствуетъ надъ другою, и делаетъ ея того класса, когораго она сама, то есть мяхкая, или твердая» [5: 193].

Учёные начала XVIII века в вопросе определения функций и места Ъ и Ь были намного дальновидней многих создателей грамматик середины и конца XVIII века и вплоть до начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев Т.А. О вариантности в употреблении некоторых лингвистических терминов // Новая экономика и региональная наука. 2016. № 2 (5). С.172–176.
2. Письмо В.Н. Татищева к В.К. Тредиаковскому. Цит. По кн. Обнорский С.П. и Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка Ч. 2. М., 1948.
3. Посошков И.Т. Проект о школах. Цит. По кн. Обнорский С.П. и Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 2. М., 1948.
4. Русский язык. Опыт практического учебника русской грамматики. Этимология в образцах (с приложением словаря). Составитель Кон. Федр. Петров. Двадцать седьмое издание. М., 1915 г.
5. Тредиаковский В.К. Разговор между чужестранным человеком и Российским об ортографии: старинной и новой, и о всем, что принадлежит к сей материи. 1748. URL: https://books.google.ru/books?id=k3VpAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

БАСКО Нина Васильевна *(Москва, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
ninabasko@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ СИНТАГМАТИЧЕСКОГО И ПАРАДИГМАТИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности обучения иностранных студентов русской фразеологии с применением методического подхода, который базируется на взаимосвязи парадигматических и синтагматических отношений фразеологических единиц. Выявляются трудности, возникающие у студентов при изучении фразеологических единиц русского языка, и их причины. Указываются пути решения возникающих проблем на занятиях по русскому языку как иностранному. Рассматривается практическая реализация лингвометодического подхода, основанного на взаимосвязи парадигматических и синтагматических отношений фразеологических единиц, на примере учебного пособия по русской фразеологии для иностранных студентов.

Ключевые слова: фразеологическая единица, русский язык как иностранный, парадигматика, синтагматика, коммуникация.

Abstract. The article examines the possibilities of teaching foreign students Russian phraseology using a methodological approach based on the relationship between paradigmatic and syntagmatic relations of phraseological units. The difficulties that students encounter when studying phraseological units of the Russian language and their causes are identified. Ways to solve problems that arise in classes on Russian as a foreign language are indicated. The article examines the practical implementation of the linguo-methodological approach based on the relationship between paradigmatic and syntagmatic relations of phraseological units, using the example of a textbook on Russian phraseology for foreign students.

Key words: phraseological unit, Russian as a foreign language, paradigmatics, syntagmatics, communication.

У каждого народа коммуникация обусловлена национально-культурной традицией. Иностранные студенты, обучающиеся в российских университетах, являются представителями различных национальных культур, поэтому для них овладение коммуникативными навыками на русском языке – трудная задача. В соответствии с программой учебного курса по русскому языку как иностранному, целью обучения иностранных студентов русскому языку является формирование коммуникативных навыков учащихся в социально-бытовой, учебной и профессиональной сферах.

Статья посвящена вопросу обучения иностранных студентов русской фразеологии с применением методического подхода, базирующегося на взаимосвязи парадигматических и синтагматических отношений фразеологических единиц.

Фразеологические обороты занимают особое место среди языковых единиц, обеспечивающих коммуникацию. Как номинативная единица, выполняющая в предложении синтаксическую функцию (в качестве члена предложения), фразеологизм является языковым ресурсом, позволяющим осуществлять полноценное общение. Незнание иностранцами русских фразеологизмов, непонимание их значения и правил употребления в речи создаёт языковой барьер между участниками коммуникации. Важной задачей преподавателя РКИ является выявление трудностей, возникающих у студентов-иностранцев при изучении русской фразеологии, и объяснение специфики фразеологизмов как языкового средства, обеспечивающего коммуникацию на русском языке.

Опыт работы с иностранными учащимися на занятиях по русскому языку и культуре речи показывает, что трудности при изучении фразеологических оборотов русского языка обусловлены, прежде всего, лингвистической природой этих языковых единиц, особенностью их семантики, идиоматичностью их значения. Непонимание специфики семантики фразеологизмов как особых языковых единиц, в свою очередь, создаёт предпосылки для ошибок в употреблении фразеологических единиц в речи.

Соответственно, задачами преподавателя при обучении студентов-иностранцев русской фразеологии должно стать, во-первых, объяснение специфики семантики фразеологического оборота как особой коммуникативной единицы, что поможет студенту осмысленно выбрать фразеологизм, подходящий по значению в конкретной ситуации общения или в тексте, и, во-вторых, обучение студентов синтаксическим связям

фразеологической единицы, что поможет сформировать навык использования фразеологизма в общении на русском языке.

Решению этих методических задач способствует изучение важнейших аспектов языка – парадигматики и синтагматики применительно к фразеологическим оборотам русского языка. Если в парадигматике рассматриваются отношения между единицами одного уровня, объединёнными в группы на основе семантического сходства (синонимия) или противопоставленности друг другу (антонимия), то в синтагматике рассматриваются правила сочетаемости языковых единиц друг с другом, которые возникают между последовательно расположенными единицами в реальном потоке речи или в тексте.

Исследование синтагматических характеристик различных единиц языка (слова, морфемы, словосочетания, предложения) позволило выявить следующую закономерность: в отличие от языковых единиц, обладающих преимущественно парадигматическими связями (морфема) или же чисто синтагматическими связями (предложение), слово рассматривается как единица, которой присущи и те и другие связи. В одной из своих научных работ профессор А.А. Уфимцева пишет, что «наряду с парадигматической ценностью слово обладает другим видом реляционной значимости – синтагматической, неким смыслом, возникающим на основании индивидуального значения слов при их сочетаемости в линейном ряду. Синтагматика слова составляет важный аспект определения его лексического значения» [3: 141].

Вывод о единстве, взаимосвязи двух типов значений, которыми обладают лексические единицы языка, может служить теоретической базой при обучении иностранных студентов как лексике, так и фразеологии русского языка. Знание парадигматических отношений, свойственных фразеологической единице, помогает выбрать подходящий по значению, «правильный» фразеологизм среди других фразеологизмов при построении фразы. Знание синтаксических связей

фразеологического оборота помогает составлять предложения, соединяя фразеологизм с другими элементами речи в правильной последовательности.

Принцип взаимосвязанного рассмотрения парадигматических и синтагматических отношений в сфере лексики и фразеологии, важнейших аспектов системного изучения языка, был положен в основу лингводидактического описания русской фразеологии в учебном пособии для иностранцев «Русские фразеологизмы в ситуациях» [1].

Анализ фразеологических оборотов русского языка с точки зрения парадигматики показал, что русские фразеологизмы наиболее логично и последовательно объединяются в группы на основе семантической противопоставленности друг другу, антонимии. «В основе антонимии лежит ассоциация по контрасту, отражающая существенные различия однородных по своему характеру предметов, явлений, действий, качеств и признаков» [2: 6–7].

Это обстоятельство послужило мотивом сформировать общую структуру и тематику уроков учебного пособия на основе одного из видов парадигматических отношений фразеологических единиц – систематизации фразеологизмов с точки зрения их взаимной противоположности, антонимии. В качестве примеров можно привести следующие темы уроков пособия: «Фразеологизмы для обозначения расстояния» (далеко – близко), «Фразеологизмы для обозначения количества» (много – мало), «Фразеологизмы для обозначения качества и оценки» (высокое – низкое) и др. Так, на основе противопоставления фразеологизмов, обозначающих количество (много – мало), в пособии даётся описание антонимических групп фразеологических единиц. В первой группе представлены фразеологизмы, обозначающие большое количество: ***непочатый край, конца-краю не видно, полон рот*** (забот, хлопот), ***по горло*** (дел, работы), ***яблоку негде упасть*** (о людях), ***куры не клюют*** (о деньгах), ***хоть пруд пруди, сколько душе угодно***. Во

второй группе даётся описание фразеологизмов, обозначающих малое количество (***по пальцам можно пересчитать, кот наплакал, в обрез, капля в море***).

На основе синтагматических отношений фразеологических единиц – сочетаемости фразеологизмов с другими языковыми единицами в речи – базируется описание синтаксических связей фразеологической единицы в пределах каждого урока. Например, в уроке «Фразеологизмы для обозначения места и расстояния», называя фразеологические обороты, указывающие на близкое расстояние, показываются их синтаксические связи: ***в двух шагах*** *от чего*, ***рукой подать*** *до чего*, ***под рукой*** *у кого*, ***под (самым) носом*** *у кого.* Пример: – *Ты ищешь интернет-кафе, а оно у тебя* ***под носом****, на другой стороне улицы*. Называя фразеологические обороты, указывающие на большое расстояние, также демонстрируются их синтаксическая сочетаемость: ***на краю света*** *от чего****, за тридевять земель*** *от чего.* Пример: *Мы купили квартиру в новом районе города, теперь живём* ***за тридевять земель*** *от дома родителей*.

Система учебных заданий каждого урока, нацеленная на усвоение теоретического материала, построена в учебном пособии по принципу возрастающей сложности: она начинается с языковых заданий в форме теста и заканчивается коммуникативными заданиями на составление диалогов, типичных для различных ситуаций общения, в которых русские люди обычно используют фразеологические единицы. Поскольку фразеологизмы как носители национально-культурной семантики отражают характер образного мышления народа, в учебных заданиях пособия уделяется внимание сопоставлению фразеологических оборотов русского языка с аналогичными по семантике фразеологическими оборотами родного языка учащихся. При этом акцентируется внимание на сходстве и различии отражения

парадигматических и синтагматических отношений фразеологизмов единой тематики двух языков – родного языка учащихся и русского языка.

Наблюдения над процессом обучения иностранных учащихся русской фразеологии, формированием у студентов коммуникативных навыков показывают, что знание синтагматических и парадигматических отношений фразеологических оборотов чрезвычайно важно для овладения полноценной коммуникацией на русском языке. Представление о специфике парадигматических и синтагматических отношений русских фразеологизмов, рассмотрение их в единстве, во взаимосвязи способствуют более точному пониманию семантики фразеологических оборотов и овладению сочетательными свойствами русских фразеологизмов (лексической и грамматической сочетаемости), их синтаксическими связями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баско Н.В. Русские фразеологизмы в ситуациях. Учебное пособие по русской фразеологии и развитию речи. М.: Русский язык. Курсы, 2011. 160 с.
2. Новиков Л.А. Русская антонимия и её лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка; под ред. Л.А. Новикова. 2-е изд., испр. И доп. М.: Русский язык, 1984. С. 5–30.
3. Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований / АН СССР, Ин-т языкознания / отв. Ред.: Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1980. С. 140–188.

БЕКАСОВА Елена Николаевна *(Оренбург, Россия)*

доктор филологических наук, доцент,
Оренбургский государственный педагогический университет
bekasova@mail.ru

ЧЕЛОБИТНЫЕ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ: ОСОБЕННОСТИ «ПРОШИВКИ» ТЕКСТА

Аннотация. Челобитные в древнерусской письменности занимают особое положение в кругу памятников делового языка в связи с сочетанием достаточно жёстких начального и конечного протоколов и весьма креативных казусной и мотивирующей частей, что позволяет выявить специфику совмещения стандартного и индивидуального и определить их пределы. При постоянной эволюции жанра от XIV в. До конца XVIII в. Раскрытие его потенциальных возможностей падает на XVII в., что определяет выбор для исследования параметризации текста оригинальных и разнообразных в тематическом плане владимирских челобитных, которые ярко

проявляют специфику жанра, в том числе в отборе диагностирующих лексических единиц.
Ключевые слова: частно-деловые документы, параметризация текста, лексика, челобитные XVII в., Владимирский край.

Abstract. Petitions in Old Russian writing occupy a special position in the circle of monuments of the business language in connection with the combination of a rather rigid initial and final protocol and a very creative incident and motivating parts, which makes it possible to identify the specifics of combining the standard and individual and determine their limits. With the constant evolution of the genre from the XIV century. To the end of the XVIII century. The disclosure of its potential falls on the XVII century, which determines the choice for the study of parameterization of the text of the original and thematically diverse Vladimir petitions, which clearly show the specifics of the genre, including in the selection of diagnosing lexical units.
Keywords: private business documents, text parameterization, vocabulary, petitions of the 17th century, Vladimir Territory.

Структура челобитных не только сложилась в XVI в., но и прошла определённую «кодификацию» текста, о чем свидетельствует образцовое для того времени Послание Ивана IV назначенному им царём Симеону Бекбулатовичу. Несмотря на до сих пор не выявленные обстоятельства и цели написания данного документа от «*Иванца Васильева с своими детишками, с Иванцом да с Федорцом*», он представляет чёткий каркас челобитной, включающей дату, общепринятый формуляр начального и конечного протоколов, а также ряд особенностей, обусловленных требованиями оформления основной части. В этом плане показательны своеобразные лексические единицы, которые насквозь «прошивают» весь текст челобитья, создавая определённые корреляции по отношению к новоявленному царю Симеону Бекбулатовичу и Иванцу, что приводит к оппозиции *своего/чужого* с помощью активизации диминутивов, ср.: с твоими государевыми приказными ***людьми*** *ослободил; пожаловал изо всяких* ***людей*** *выбирать и приимать –* ***людишок*** перебрать; дворовых ***людишок***; о *людишках* памятьми ссылатиса; переберем ***людишка***; А которых ***людишок*** *приимем, и ты б, государь, милость показал,* ***вотчинишок*** *у них отнимати не велел; а ис* ***поместьишок*** *их им*

хлебишко *и* ***денженка*** *и всякое их* ***рухлядишко*** *пожаловал, велел отдати, и* ***людишок*** *их не ограбя велел выпустити* [12: 187–188] и др.

В конце челобитья маркированность «собственности» усиливается использованием местоимений: т*ех* ***наших*** *людишок, которые учнут от* ***нас*** *отходити, пожаловал не приимал; как* ***нам своих*** *мелких людишок держати: по* ***наших*** *ли диячишков запискам и по жалованьишку* ***нашему*** [12: 188].

Оставляя в стороне вопрос о цели написания Иваном IV челобитья-«перевертеня» и причинах точного следования формуляру документа, подчеркнём, что характерное для челобитных особое лексическое наполнение исследователями чаще всего рассматривается как желание «расположить адресата к оказанию милости просителю», отсюда «диминутивные формы антропонимов типа *Митька, Сенька, Ивашко, Фролко*, которые подчеркивают незначительность просителя наряду с пренебрежительными наименованиями его родственников и имущества (*женишко, детишки, сынишко, животишки, домишко* и пр.)» [13: 25].

С другой стороны, такая традиция идёт от предшествующих челобитью жалобницах, свойственных тому периоду жизни, когда князь, государь, господин и пр. воспринимался как «хозяин, глава дома», к которому обращается младший с жалобой, просьбой защитить себя и наказать обидчика, что осмысливается как проявление «простодушного и прямодушного наивного детства общественного развития» [5: 51]. Сохранение в XVI и даже в XVII в. «собственно домашнего строя жизни» [5: 52] позволяло закрепить выработанные в жалобницах приёмы «изъявления обиды <…> в широком диапазоне оттенков чувства и переживаний – от сетования, печали и просьбы о помощи до ропота, упреков и хулы» [7: 252].

Возможно, прагматическая специфика самоидентификации челобитчика и парадигмы его жизни была также обусловлена древнерусским синкретизмом, «имеющим предопределённую

нерасчлененность мировосприятия объективной природы» [10: 329], что позволяло вкладывать в употребление диминутивов разные оценки и модификации смыслов на фоне предписываемой стандартности в креативных челобитных-«перевертенях» «яростивого царя» [1], челобитьях на Ерша Ершовича, «Калязинской челобитной» и пр.

Такие особенности выстраивания текста и его параметризации [4: 7–8], где наиболее яркой чертой становится сквозная «прошивка» определёнными лексическими единицами, дают основание обратить внимание на реальные челобитные периода их расцвета в XVII в., среди которых выделяются оригинальные и в тематическом плане разнообразные памятники, связанные с основной территорией древней Северо-Восточной Руси. Материалом исследования послужили челобитные Владимирского края, опубликованные в книге «Памятники деловой письменности XVII в.» [9: 149–220].

Анализ челобитных Владимирского края показывает их маркированность прежде всего формулой самоидентификации адресанта, в которой диминутив личного имени выступает как один из важнейших диагностических признаков челобитья, например: *Афонка* Гневышев*, Андрюшка* Родионов*, Бориско* Васильев, *Васка* и *Петрушка* Афанасьевы, *Ганка* Карпов*, Гараска* Григорьев*, Ивашко* Федоров*, Марица* Петрова*, Митька* Тереньев*, Куземка* Иванов, *Лучка* Савин сын*, Лаврюшка* Иванов*, Наумка* Иванов*, Петрушка* Иванов*, Постничко* Кирилов*, Стенко* Иванов, *Сенко* Лукоянов*, Фетка* Ефтифеев, *Феофанка* Протопопов и под. Отсутствие имён подобного типа в челобитных Устюга Великого квалифицируются как явление исключительное [15: 88]. Однако надо отметить, что среди владимирских челобитных есть тексты с дефектным начальным протоколом – без указания имени адресата и адресанта: «бьют челом и являют старосты твои Шуи посаду земскои староста ***имрек***» [9: 203] (см. также словесную челобитную [9: 212]).

По мнению С.С. Волкова, «“полуимя” употреблялось всеми обращающимися с челобитьем или со служебным донесением (отпиской) независимо от их социального положения» [3: 140]. Однако во владимирских челобитных встречаются и отступления, которые касаются некоторых церковных иерархов, ср.: *дьячек Васка Бабухин*, *подячишко Федка Кощеев – поп Лукоянище, поп Иванище, поп Алексеище – поп Роман, поп Тимофей.* Следует также отметить, что в «поручных» челобитных ставятся немодифицированные имена поручителей, чаще всего людей церковного звания, например: челобитчик поп *Роман* – и руку приложил поп *Роман*; поп *Андрей* (*Ияков, Иван, Семен, Антон* и др.) в детей своих дхвных место руку приложил; (писал) диак *Иван* Лунин и под.

Показательно, что в заручных челобитных (подписанных челобитчиком или челобитчиками) сохраняются полуимена, например в Челобитной ростовских посадских людей: «бьют челом сироты твои ростовцы посадские *людишка* земской *старостишко* ***Митрофанко*** Кичигин и во всех посадцких достальных людей место… К сеи челобитнои староста ***Богданко*** руку приложил Целовалник ***Неустроико*** руку приложил ***Богдашко*** руку приложил ***Полуня*** руку приложил (*Оска, Климко, Фетка, Тренка, Гришка, Петруша, Бориско, Грязнушька, Васка, Гаврилко, Богдашко*)» [9: 157–158].

На смену прагматической субъективности отношений адресата и адресанта приходит установка на объективизацию изложения жалобы, при этом во владимирских челобитных не были встречены ожидаемые в отношении к обидчику «пейоративность именования, гиперболизация признаков лица» [15: 89], наоборот, в этом случае последовательно выдерживается нейтральность антропонимов, которая выделяется на фоне полуимён типа *Васка, Андрюшка, Ивашко*, в результате чего проявляется особая маркированность «прошивок» челобитья в координатах «свой – чужой» [2: 21], ср.: «бьет челом и являет холоп твои… губнои староста ***Мурзишко*** Ковалев на товарыща своего на

губново ж старосту на **Фрола** Кишкина» [9: 156]; «бьет челом… сирота твоя… ***Олферко*** Данилов снъ Третяков на товарищей своих на **Прокофя** Иванова сна Ворошилова да на **Романа** Иванова сна Халуянкина» [9: 160]; «бьет челом… холоп твои ***Ивашка*** Григорьев сын Лупандин… на **Микифора** Петрова сна Дурасова» [9: 173] и под.

Такая своеобразная «игра» вариантами личных имён, по справедливому утверждению С.Н. Смольникова, свидетельствует о том, что «модификаты личных имен в старорусском языке обладали широким спектром прагматических характеристик, проявляющихся в контексте, поскольку документы отражали разные сценарии социальных отношений, разное распределение социальных и коммуникативных ролей, в которых выступали именуемые» [15: 22–23].

Однако в двух из ста представленных в «Памятниках деловой письменности» челобитных зафиксированы полуимена обидчиков: «***Федка*** Осмин снъ Макарова на соседа своего на **Илю** Овдокимова сна Малыгина и не ег *детеи* на ***Гришку*** да на ***Матюнку***» [9: 154] (ср.: «***Герасимко*** Степенов… (на) *дети* Горностаева **Василеи** да **Борис»** [9: 151]); «***Сенька*** Аникеев ***Томилко*** Захаров… били челом на ***Фетку*** Василева да вдову ***Настасицу*** Салаутину с ***Ыгошкою*** и ***Миткою*** Салаутиными» [9: 185]. В некоторой степени деминутивы могут быть объяснены тем, что относились к детям и к наводившим порчу, что было записано попом Иваном, однако скорее всего здесь сработала аналогия именования участников противостояния, обусловившая нарушение принятого стандарта. Данные исключения только подчёркивают типичное антропонимическое противостояние, с одной стороны, просителя в его роли несчастного и обездоленного перед тем, кто обязан пожалеть и защитить, а с другой – эмоционально нейтрализованного стандартным именем его обидчика, которого не жалко справедливо наказать.

В типичном для имён челобитчиков эмоционально-оценочном ключе подаются сопровождающие их термины родства, должности или

выполняемых обязанностей, например: *жонка Феколка*; *девка Марица*; *слушка Андрюшка* Родионов*; бобылки Томилко* Потапов да *Левка* Федосеев и пр. Некоторые номинации, видимо, не позволяли образовывать диминутивы: иконописец *Ивашко* Михаилов, понамарь *Терешка* Осипов, сторож *Стенка* Калашников, посадский человек *Лучка* Григорьев. При наличие соответствующего коррелята встретилась только *вдова Лукерица* Захарева.

Возможны случаи вариативности, касающиеся прежде всего некоторых именований челобитчика и демонстрирующие разную степень использования диминутивов, ср.: земской *старостишко* / земской *староста* [15: 3] – *губной староста / губной старостишко* [7: 1]; *крестьянин / крестьянишко, крестьянец* [12: 2] и др. Следует обратить внимание на корреляцию словосочетаний посадские *люди / посадские людишки* в тексте челобитной 1619 г., где идёт чёткое противостояние челобитчиков – «*сироты твои* шуяня ***посадцкие людишка Рамашко*** да ***Максимко*** да ***Фетка*** Ивановы дети Родионова», которые бьют на «шуян же на ***посадцких людеи*** на **Михаила** Нежданова сна Губина» [9: 153].

Надо особо подчеркнуть, что распространённость полуимен и сопровождающих их диминутивов относится исключительно к адресанту, его родственникам и имуществу (*сынишко, женишко, детишка, дочеришко, людишка; оброчишко, рухледишка, дворишки, домишко, дрвншка, запасец* и под.), что, как считают исследователи, определяется проявлением «субъективного начала» в деловом документе [14: 10], желанием реализовать ожидание «милостивого отеческого отношения к обиженному» [15: 89] и создать «интимизацию отношений между участниками речевого общения» [3: 75], а также «стремлением вызвать жалость, сочувствие, пробудить желание оказать необходимую челобитчику помощь, удовлетворить его претензии и нужды» [6: 22].

С другой стороны, надо учесть точку зрения М.Вас. Пименовой, которая на основе анализа устойчивых сочетаний в текстах челобитных

Владимирского края XVII в. Указывает на их значимость «как этикетных средств номинации, выполняющих эмоционально-экспрессивную, стилистическую и информативную функцию» [11: 329.]. Безусловно, в этом случае мы имеем дело со сложившимися вследствие длительного отбора стратегиями жалобщика-просителя, в результате которых «составитель текста предлагал адресату принять не только само челобитье, но и выраженные в нем оценки» [15: 88]. Показательны в этом плане сквозные «прошивки» диминутивами, связанными с челобитчиком: «биют челом и плачются *сироты твои*… ***старостишка Васка*** Коробов… и достолных **людишак**» [9: 150]; «бьет челом… *сирота твоя* бедная и беспомочьная з **детишками** *своими сама сема* Петровская **женишко** Офонасева сна Миронова ***Паранка*** Конилдова **дочеришко**» [9: 150]; «бьет челом *холоп* ***Ивашка*** Григорьев сын Лупандин… **рухледишка** *мое* разабрали» [9: 173]; «бьет челом ***Фетка*** Игнатев **ремеслишка** *свего* отстал» [9: 198]; «бьет челом… Семенов человек Яковлевича Молвянинова ***Герасимка*** Степанов… отказал **усадище, дрвншко»** [9: 151] и др.

На фоне концентрации таких лексем стоит отметить в Челобитной владимирских оброчников не зафиксированный в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» диминутив *оброчничишки*: «бьют челом сироты владимирские ***оброчничишки*** *старостишко Сергеико* Шохов» [9: 149] (ср.: *оброчник* при *оброк, оброчишко, оброчек*).

Диминутивы как маркеры челобитчиков в обязательном порядке «прошивались» приложениями – «формулами вассальной зависимости» [3: 44]: *сирота, холоп, богомолец, нищий* и др., которые приложимы к той самоиндификации челобитчика, которую он принимает в надежде на помощь от адресанта. Во владимирских челобитных распространены приложение *сирота* в значении ‘беспомощный’, ‘беззащитный’, реже – *богомолец*, обычно в отношении к церковным лицам (подробнее см. [8: 327–328]). Достаточно в этом плане привести фрагменты начального

протокола челобитных, например: «Црю гсдрю и великому кнзю *Михаилу Федоровичу* всеа Русии бьют челом и являют ***сироты твои***… посадские ***людишка*** Ромашко да ***Максимко*** да ***Федка*** Ивановы дети Родионова… на посадских **людей** на **Михаила** Нежданова **сна** Губина да на **сна** ево на **Степана** да на **Бориса** Нежданова ж **сна** Губина» [9: 153]; «Црю гсдрю и великому кнзю *Михаилу Федоровичу* всеа Русии бьют челом ***сироты твои***… ***старостишка*** посадския ***людишка*** земскои ***старостишко Куземка*** Кузмин… (на)… **Михаило** Беклемешева, подьячего **Петра** Копнина, губного **старосту Матфея** Кроткого» [9: 152–153] и под.

Оппозиция своего/чужого касается и сквозных «прошивок» основной части, поддерживаемых также противостоянием местоимений *мы/они*, *те*; *твои* (царя)*/свои* (принадлежащие обвиняемым), ср.: *мы* ***сироты*** *твои* посацкие ***людишка*** бредем … на *нас* на ***сирот*** *твоих* на посадских ***людишек***… вели государь *тог* **Михаила** Беклемешева да **Матфея** Кроткого да подьячего **Петра** Копнина от *нас* свести чтоб и досталные ***людишка*** розно не разбрелись – **Михаило** Беклемешев с товарищи отсылают от *себя* **людей** *своих* проч… и всякую **рухляд** с ними посылают на иные городы… *они тех своих* **людей** выимают [9: 152–153].

Таким образом, челобитные Владимирского края показывают, что в структуре текста чётко проявляются диагностирующие лексические единицы, которые создают особый диминутивный «рисунок» в координатах *свой/чужой* в атмосфере ожидания защиты и наказания. Они «прошивают» весь текст насквозь – от начального протокола до заручных подписей, что позволяло челобитчику устанавливать с царём, государем, архиепископом, архимандритом, игуменом / игуменьей, митрополитом и др. семейные отношения, подчеркивать их ответственность за попавшего в трудную жизненную ситуацию и нуждающегося в их жалости и милосердия человека, независимо от его социального положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е.Н. Креативный челобитчик // Уральский филологический вестник / Урал. Гос. Пед. Ун-т. Вып. 2: Материалы Международной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы нового научного направления» 27–28 апреля 2018 г. / гл. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург [б.и.], 2018. 562 с. (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 2 (27)). С. 36–45.
2. Бекасова Е.Н. Модуляции диалога с властью в русских челобитных // Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110). С. 16–24.
3. Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Монография. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1974. 164 с.
4. Горбань О.А., Косова М.В., Шептухина Е.М. Структурная разметка деловых документов в диахроническом лингвистическом корпусе: проблемы и решения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20. № 4. С. 5–18. DOI: https://doi.org/10.15688/ jvolsu2.2021.4.1
5. Забелин И.Е. Государев двор, или дворец. М.: Книга, 1990. 416 с. (Историко-литературный архив).
6. Качалкин А.Н. Содержательно-стилевые свойства деловых текстов XVII века // Русская речь. № 6. 2014. С. 69–76.
7. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2-х тт. СПб.: Златоуст, 2014. Т. I. 592 с.
8. Крымская С.М. Устойчивые сочетания как этикетные единицы во владимирских памятниках деловой письменности XVII века // Государство. Общество. Церковь. Материалы международной научной конференции. Владимир: Аркаим, 2020. С. 324–330.
9. Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край; под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1984. 367 с.
10. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как явление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–40.
11. Пименова М.Вас. Синкретемы с устойчивым книжным атрибутом в памятниках деловой письменности Владимирского края XVII в. // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы одиннадцатой Международной научной конференции. Владимир: ВлГУ, 2015. С. 406–410.
12. Послания Ивана Грозного / Подг. Текста Д.С. Лихачёва и Я.С. Лурье; под ред. В.П. Андриановой-Перетц (репринтное воспроизведение издания 1951 г.). Санкт-Петербург: Наука, 2005. 716 с.
13. Руднев Д.В., Садова Т.С. Метафора государства и способы ее выражения в русской деловой речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 4. С. 21–36. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2
14. Садова Т.С., Руднев Д.В. Из истории русских просительных жанров: лингвистический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.493
15. Смольников С.Н. Антропонимия в разных типах деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв. Монография. Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2005. 118 с.

БРАХИМ Тахир Араби *(Москва, Россия)*

аспирант
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
tahir.brahim2012@gmail.com

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО КЛАССА ГЛАГОЛОВ УДАЛЕНИЯ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ: ЯДРО И ПЕРИФЕРИЯ

Аннотация. Глаголы, обозначающие удаление, представляют собой обширный и семантически неоднородный класс лексики, играющий ключевую роль в описании различных процессов перемещения, изъятия, устранения и прекращения существования объектов или явлений. Контрастивный анализ таких семантических классов позволяет выявить как универсальные, так и язык специфические особенности их организации, что имеет важное значение для теории семантики, лексикографии и преподавания иностранных языков.
Ключевые слова. Контрастивный анализ, семантика, языкознание, периферия, ядро, лексема.

Abstract. Verbs denoting removal represent a large and semantically heterogeneous class of lexical items that play a key role in describing various processes of displacement, removal, elimination, and cessation of existence of objects or phenomena. A contrastive analysis of such semantic classes allows us to identify both universal and language-specific features of their organization, which is important for the theory of semantics, lexicography, and the teaching of foreign languages.
Keywords. Contrastive analysis, semantics, linguistics, periphery, core, lexeme.

Контрастивный анализ является одним из ключевых методов сравнительно-сопоставительного изучения языков. Данный подход предполагает выявление сходств и различий между двумя или более языковыми системами с целью установления универсальных черт и национально-специфических особенностей в их структуре и функционировании. Результаты контрастивного анализа находят широкое применение в различных областях языкознания и смежных дисциплин. Они используются в практике преподавания иностранных языков, переводческой деятельности, лексикографии, а также в теоретических исследованиях, направленных на моделирование процессов порождения и восприятия речи, изучение универсальных и специфических характеристик языковых систем.

Глаголы удаления представляют собой важную лексико-семантическую группу, объединяющую языковые единицы, обозначающие перемещение объекта в пространстве с исходной точки. Данный семантический класс отражает базовые представления человека о пространственных отношениях и является одним из ключевых элементов языковой картины мира.

В русском языке ядро семантического класса глаголов удаления представлено широким кругом лексических единиц, объединенных общим инвариантным значением перемещения объекта из одного пространственного локуса в другой. К наиболее репрезентативным глаголам этого ядра относятся следующие: *удалять, отдалять, отнимать, отбирать, уносить, увозить, убирать, выводить, выносить, вывозить, изымать, извлекать, устранять*.

Семантическая структура данных глаголов включает ключевой компонент значения «переместить объект с одного места на другое». Однако при этом в их семантике могут эксплицироваться дополнительные оттенки значения, отражающие различные аспекты процесса удаления. Так, для части ядерных глаголов характерно указание на насильственный, принудительный характер совершаемого действия (например, *отнимать, отбирать*), в то время как другие лексемы (такие, как *уносить, увозить, выносить, вывозить*) не содержат подобной семантической спецификации.

Также некоторые ядерные глаголы удаления в русском языке могут дополнительно передавать значение полного или частичного устранения, избавления от объекта (*изымать, извлекать, устранять*). Эти лексемы, помимо общего для класса семантического компонента ’перемещение’, включают также сему ’удаление, удаление из владения, исключение из наличия’.

Таким образом, ядро семантического поля глаголов удаления в русском языке характеризуется высокой степенью семантической

разработанности и содержит глагольные лексемы, отражающие различные аспекты процесса перемещения объекта из одного локуса в другой, в том числе с акцентированием идеи насильственного, принудительного характера действия или полного исключения объекта из ситуации [3].

Ядро семантического класса глаголов удаления во французском языке также представлено разнообразным набором лексических единиц, объединенных общей семантикой перемещения объекта из одного места в другое. К ключевым ядерным глаголам этого класса относятся: *éloigner, écarter, soustraire, retirer, ôter, emporter, enlever, expulser, extraire, éliminer*.

Данные глаголы передают значение отделения, отчуждения, отделения объекта от его исходной локализации. В их семантической структуре ведущим является компонент ’изъять, убрать, переместить объект из одного места в другое’. Вместе с тем можно отметить некоторые дополнительные семантические нюансы, характерные для части ядерных французских глаголов удаления.

Так, глаголы *éloigner, écarter* акцентируют идею удаления объекта на некоторое расстояние, его отдаления от исходной точки. Лексемы *soustraire, retirer, ôter* подчеркивают значение изъятия, извлечения объекта, его отнятия, отделения от чего-либо. А глаголы *emporter, enlever, expulser, extraire, éliminer* могут содержать в своей семантике дополнительные компоненты, связанные с полным, окончательным удалением, устранением объекта из ситуации.

Таким образом, ядро семантического класса глаголов удаления во французском языке также характеризуется семантической разработанностью и включает разнообразные лексические единицы, отражающие различные аспекты процесса перемещения объекта из одного локуса в другой, с акцентом на идеях отделения, изъятия, извлечения и полного устранения.

При сопоставительном анализе ядерных глаголов удаления в русском и французском языках можно выявить как сходства, так и различия в их семантической структуре и особенностях употребления.

В русском языке ядро семантического класса глаголов удаления представлено лексемами *брать, взять, отбирать, отнимать, похищать, красть*. Данные глаголы объединяются общим значением перемещения объекта из сферы контроля одного субъекта в сферу контроля другого субъекта [7]. При этом для большинства из них характерна сема насильственного, незаконного характера действия (за исключением *брать* и *взять*).

Во французском языке ядро семантического класса глаголов удаления составляют лексемы prendre (брать), voler (красть), dérober (похищать), ravir (отбирать, похищать), arracher (вырывать). Данные глаголы также объединяются общим значением перемещения объекта из сферы контроля одного субъекта в сферу контроля другого. Однако в отличие от русских аналогов французские ядерные глаголы в меньшей степени акцентируют сему насильственности или незаконности действия.

Сравнительный анализ показывает, что русские и французские ядерные глаголы удаления в целом демонстрируют сходную семантическую структуру, но при этом различаются степенью выраженности семы насильственности. Французские глаголы в этом отношении являются более нейтральными, в то время как русские ядерные глаголы в большей мере эксплицируют негативную коннотацию незаконного, принудительного характера действия [1].

Помимо ядерных глаголов удаления, в русском языке существует целый ряд глагольных лексем, входящих в периферию данного семантического класса. Эти глаголы также обозначают процесс отделения, удаления, отторжения одного объекта от другого, но отличаются более специфическими, дополнительными оттенками значения.

К периферийным глаголам удаления в русском языке можно отнести такие лексемы, как: *вынимать, извлекать, изымать, отнимать, отбирать, отрывать, отделять, отсоединять, отщеплять, высвобождать, освобождать, очищать, очищаться, избавляться, отказываться, откладывать, убирать, удалять, устранять* и другие. Каждый из этих глаголов имеет свои семантические нюансы и особенности употребления.

Так, глаголы *вынимать, извлекать, изымать* подразумевают более сложное, целенаправленное действие по извлечению, изъятию предмета из какого-либо пространства, вместилища. Глаголы *отнимать, отбирать* указывают на насильственное, принудительное лишение кого-либо или чего-либо [6]. Глаголы *отрывать, отделять, отсоединять, отщеплять* акцентируют внимание на разъединении, разъединении, разделении целого на части. Глаголы *высвобождать, освобождать, очищать, очищаться, избавляться* подразумевают процесс освобождения, избавления от чего-либо, очищения от чего-либо.

Глаголы *отказываться, откладывать* описывают ментальные, волевые действия по прекращению владения, пользования, использования чего-либо. Глаголы *убирать, удалять, устранять* характеризуют физическое действие по перемещению, устранению, удалению предмета из определенного пространства.

Таким образом, глагольные лексемы периферии семантического класса удаления в русском языке отличаются более детализированной, специализированной семантикой, отражающей различные аспекты и способы осуществления процесса отделения, изъятия, устранения одного объекта от другого.

Во французском языке глагольные лексемы, относящиеся к периферии семантического класса глаголов удаления, являются более многочисленными и разнообразными по сравнению с ядерными глаголами. Помимо ключевых ядерных глаголов, таких как *enlever, retirer,*

éloigner, ôter, французский язык располагает широким спектром периферийных глаголов, отражающих различные нюансы семантики удаления [8].

К таким периферийным глаголам можно отнести:

- *dégager* – высвобождать, очищать от чего-либо;
- *débarrasser* – избавляться, устранять, освобождаться от чего-либо;
- *détacher* – отсоединять, отделять;
- *extraire* – извлекать, вынимать;
- *expulser* – выталкивать, изгонять;
- *expédie* – отправлять, высылать;
- *éliminer* – устранять, удалять, избавляться;
- *dépouiller* – лишать, обирать, раздевать;
- *délivrer* – освобождать, избавлять;
- *dégarnir* – обнажать, очищать, лишать.

Данные глаголы отражают более конкретные и специфические способы удаления, отличающиеся от общих ядерных глаголов. Они могут передавать такие смысловые оттенки, как ’высвобождение, очищение, отделение, извлечение, изгнание, отправление, устранение, лишение’ и т. д. Таким образом, периферийные глаголы удаления во французском языке характеризуются более детализированной семантической структурой и расширяют возможности выражения значений удаления.

Анализ семантической структуры глаголов удаления в русском и французском языках позволяет выявить ряд важных особенностей, характеризующих ядерные и периферийные лексемы данного семантического класса.

Ядерные глаголы удаления, такие как русские *убрать, вынуть, удалить* и французские *retirer, enlever, ôter*, отличаются наиболее четко выраженной и универсальной семантикой перемещения объекта с одного места на другое. Они обладают широкой сочетаемостью, способны сочетаться с различными объектами и обстоятельствами, передавая

базовое значение удаления или изъятия чего-либо из определенного пространства [4].

В отличие от ядерных, периферийные глаголы удаления, например русские *выкинуть, стереть, изъять* и французские *jeter, effacer, confisquer*, характеризуются более узкой и специфической семантикой. Они часто связаны с дополнительными оттенками значения, такими как насильственность, необратимость, эмоциональная оценка действия и т. д. Периферийные глаголы, как правило, сочетаются с более ограниченным кругом объектов и в меньшей степени допускают варьирование обстоятельств.

В ходе проведенного контрастивного анализа семантического класса глаголов удаления в русском и французском языках было выявлено, что данный класс в обоих языках характеризуется наличием ядра и периферии. Ядро в русском языке составляют глаголы *брать, взять, вынуть, вытащить, изъять, отнять, снять, удалить, удалять, убрать, убирать*, а во французском – enlever, retirer, ôter, supprimer, retrancher [5]. Несмотря на определенные семантические различия, данные глаголы в обоих языках объединены общим значением физического или ментального действия по перемещению объекта из одного местоположения в другое. Периферия класса в русском языке представлена более разнообразными в семантическом плане глаголами, такими как *выкинуть, вычеркнуть, высвободить, демонтировать, демонтировать, изъять, исключить, устранить*, тогда, как во французском языке на периферии находятся, главным образом, глаголы с более специфическими значениями, такие как *dégager, soustraire, extraire, effacer, écarter* [2]. Данные глаголы периферии в обоих языках отличаются более узкой или более специализированной семантикой по сравнению с ядерными. Проведенный анализ также показал, что семантическая структура ядерных и периферийных глаголов удаления в русском и французском языках характеризуется определенными

особенностями. Ядерные глаголы, как правило, имеют более общее, недифференцированное значение, тогда как периферийные глаголы обладают более специфическими семантическими компонентами, связанными с манерой, интенсивностью, целенаправленностью, эмоциональной оценкой и другими аспектами действия удаления. Таким образом, сопоставительный анализ семантического класса глаголов удаления позволил выявить как общие, так и отличительные черты в структурной организации данного класса, а также особенности семантической структуры ядерных и периферийных глаголов в сравниваемых языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2-х т. М.: Школа «Языки русской культуры»; Восточная литература, 1995. Т. 1. Лексическая семантика. 481 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. URL: http:ligramota.ruIslovariIinfoIbtsI
3. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
4. Васильев Л.М. Теория семантических полей II Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105–113.
5. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков: учебник. Изд-е 3-е, стер. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
6. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1993. 248 с.
7. Ефремова Т.Ф. Современный словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: https:lidic.academic.ruIcontents.nsfIefremova/
8. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
9. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

БЫЧКОВА Валентина Сергеевна *(Тольятти, Россия)*

старший преподаватель
Тольяттинский государственный университет
valciria96@outlook.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ, МОТИВИРОВАННОЙ НОМИНАЦИЕЙ *ПРОВИНЦИАЛ*

Аннотация. Тезисы посвящены анализу окказиональной лексики, мотивированной лексемой «провинциал», в текстах социальных сетей, блогах и форумах. Исследование основано на структурно-словообразовательном,

контекстуальном и аксиологическом подходах. В результате анализа выявлено 50 окказионализмов, полученных различными словообразовательными способами (аффиксация, сложение основ и др.). Установлено, что данные единицы, несмотря на различные семантические особенности, соотносятся с толкованиями производящей единицы и обладают выраженной оценочностью, что подтверждает аксиологический потенциал исходной лексемы.
Ключевые слова: оценка, аксиология, окказиональная лексика, деривация, семантика.

Abstract. The theses focus on the analysis of occasional vocabulary derived from the lexeme provincial in social media texts, blogs, and forums. The study is based on structural-word-formation, contextual, and axiological approaches. The analysis identified 50 occasionalisms formed through various word-formation processes (affixation, base composition, etc.). It was established that these units, despite their semantic diversity, correlate with the meanings of the base lexeme and exhibit pronounced evaluativity, confirming the axiological potential of the original lexeme.
Keywords: evaluation, axiology, occasional vocabulary, derivation, semantics.

В современном русском языке активные деривационные процессы отражают изменения в культурной и социальной жизни общества [4]. Лексема *провинциал* мотивирует появление значительного числа окказиональных производных. Подобные дериваты не только расширяют языковые границы языковой системы, но и демонстрируют её гибкость и способность адаптироваться к новым условиям коммуникации. Они также «создают и модифицируют новые знания о мире, актуализируют скрытые и периферийные смыслы, причём инновационные оттенки смыслов задаются автором намеренно» [3: 10]. Актуальность исследования обусловлена возрастающей частотностью окказиональной лексики в различных типах дискурса – от художественных произведений до интернет-коммуникации [1; 2]. Исследовательская задача исследования – выявить семантические особенности окказиональной лексики, мотивированной лексемой *провинциал*, в сетевых текстах и проанализировать их оценочный потенциал. Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении окказиональной лексики, мотивированной номинацией *провинциал*: основным методом исследования является структурно-словообразовательный анализ, дополненный контекстуальным и аксиологическим подходами.

Структурно-словообразовательный анализ позволил выявить модели образования окказионализмов (аффиксация, сложение и др.). Контекстуальный анализ помог определить их прагматические особенности, а аксиологический – выявить оценочные компоненты.

В результате анализа сетевых текстов, обнаруженных при помощи поисковой системы Яндекс (комментарии и посты в социальных сетях, блоги, форумы и т. д.), в том числе неофициально произведенных литературных произведений, зафиксировано 50 окказионализмов, полученных различными словообразовательными способами (сложение, аффиксация и т. д.). Выявленные окказионализмы (*провинциалолюб*, *провинциалище*, *провинциалец*, *полупровинциал*, *провинциалофил*, *провинциалград* и др.) демонстрируют разнообразие семантических значений, которые, однако, остаются связанными с двумя аспектами толкований лексемы *провинциал*: «житель провинции» и «человек с поведением и привычками, характерными для провинции». Практически все окказионализмы обладают явно выраженной эмоциональной окраской. Наличие оценки у окказиональных производных свидетельствует о том, что исходная лексема *провинциал* также обладает оценочным потенциалом, который становится одним из мотивирующих факторов для формирования новых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова И.В. Современные тенденции процесса окказионального словообразования в Интернет-общении // Litera. 2018. № 3. С. 281–288.
2. Воробьева Т.А. Лингвокреативный потенциал семантических окказионализмов в художественном тексте // Вестник Череповецкого государственного университета, 2024. №. 6. С. 24–33.
3. Ляхович И.В. Окказиональная деривация как способ и средство создания языковой картины мира (на материале языка поэтических текстов В. Хлебникова): дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2003. 186 с.
4. Рацибурская Л.В. Активные деривационные процессы в современном русском языке (на материале медийных текстов) // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания: (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 28–30 сентября 2016 года. Нижний Новгород: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство “Деком”», 2016. С. 365–369.

ВАРНАЕВА Анна Евгеньевна *(Смоленск, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Смоленский государственный университет
anna6772@mail.ru

ОБРАЗ РОДИНЫ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. Предметом статьи стал образ Родины как один из ключевых образов русского языкового сознания. Его содержание было определено на основе анализа паремиологического фонда русского языка, являющегося самобытным средством выражения мировоззрения народа. Установлено, что Родина для русских людей – это высшая ценность, без которой невозможно жить. Это родное, дорогое сердцу место на земле, тыл и опора. Только здесь нам хорошо, только здесь мы можем и должны по-настоящему себя реализовать. Любовь к Родине так же естественна, как любовь к матери, а потому защита Отечества – смысл жизни русского человека.

Ключевые слова: языковое сознание, концепт, образ Родины, духовно-нравственная ценность, пословица.

Abstract. The subject of the article is the image of the Motherland as one of the key images of the Russian linguistic consciousness. Its content was determined based on the analysis of the paremiological fund of the Russian language, which is an original means of expressing the worldview of the people. It has been established that the Motherland for the Russian people is the highest value, without which it is impossible to live. This is a native, dear place for heart on earth, a rear and a support. This is the only place where we feel good, and this is the only place where we can and should truly realize ourselves. Love for the Motherland is as natural as love for the mother, and therefore the protection of the Fatherland is the meaning of a Russian person's life.

Keywords: linguistic consciousness, concept, image of the Motherland, spiritual and moral value, proverb.

Для развития человечества на современном этапе характерны две противоположные тенденции: глобализация и активные процессы сохранения и защиты этнической самобытности. Рост национальной идентичности как формы «конечного, наиболее развитого состояния этнического самосознания» [4: 255] объясняется тем, что именно этносы, частью которых человек является уже по факту своего рождения, способны реализовать присущую каждому потребность принадлежать к определенной устойчивой социальной группе и задавать систему жизненных ценностей, позволяющих ориентироваться в нестабильном мире.

В вопросах осмысления культурного своеобразия народа, укрепления национального самосознания неоценимую помощь может оказать обращение к изучению родного языка. Первым в мировой лингвистике эту мысль высказал и обосновал выдающийся немецкий лингвист В. Фон Гумбольдт, который утверждал: «Среди всех проявлений, посредством которых познается дух и характер народа, только язык и способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны» [3: 69].

«Слово незримыми нитями связано с культурой народа – носителя данного языка: бытом, религией, философией, наукой, искусством и литературой» [9: 86]. Язык объективирует духовную и материальную жизнь своего народа, а значит, анализ языка – это важнейший источник ее истинного познания.

Изучение единиц и правил языка в аспекте того, как они репрезентируют национально специфичный взгляд народа на мир, по-другому, существующую в сознании носителей этого языка картину мира, представляет этнолингвистический подход к их рассмотрению. Сама эта картина мира, ввиду того что она диктуется языком, называется языковой. И, наконец, сознание, которое овнешняется, то есть выражается внешними, языковыми, средствами, также называется языковым.

Как известно, понятие языкового сознания было введено в психолингвистическую науку в 90-е годы XX века Е.Ф. Тарасовым, который понимал его как «образы сознания, овнешняемые языковыми знаками» [8: 10]. Использование психолингвистами понятия «образ сознания» вместо применяемого лингвистами понятия «значение» позволяет описывать не только осознаваемые, но и неосознаваемые носителями языка знания.

Понятию «образ языкового сознания» в когнитивной лингвистике соответствует понятие «концепт», который представляет собой ментальное образование, определенный объем информации об

окружающем мире, отдельный смысл, закрепленный в средствах языка, чаще всего в слове. «Информация об окружающей действительности в процессе изучения синтезируется (концептуализируется) до уровня концепта. В виде концепта она хранится в сознании человека, а его объективизация осуществляется при помощи упрощения сложного ментального образования до более простого точного смысла в каждом акте общения и наименования» [5: 96].

Предметом нашего исследования стал образ Родины как один из самых важных образов русского языкового сознания. Его особая значимость определяется тем, что Родина является одной из базовых национально специфичных духовно-нравственных ценностей русского народа. Это то ключевое понятие, которое объединяет русскую нацию, соединяет жизнь разных поколений, формирует чувство уважения к нашей культуре и истории, гордости за героическое прошлое страны и ответственности за ее будущее. Спецификой воспитания подрастающих поколений в нашей стране является то, что особое место в этом процессе отводится формированию чувства патриотизма, искренней любви к своей Родине.

О повышенном внимании государства к защитникам Родины, преклонении перед их подвигом свидетельствует подписание 16 января 2025 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Указа, согласно которому 2025 год объявлен Годом защитника Отечества. Данное решение было принято «в целях сохранения исторической памяти, в ознаменование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, в благодарность ветеранам и признавая подвиг участников специальной военной операции» [10].

Анализ репрезентации в языковом сознании образа Родины осуществлялся на базе изучения посвященного ей корпуса русских пословиц. Их лексикографическим источником стало наиболее полное

собрание данных народных изречений – «Пословицы русского народа» В.И. Даля [7].

Привлечение для этнолингвистического анализа фразеологического компонента языковой системы закономерно и объясняется тем, что «фраземика – это величайшая сокровищница и непреходящая ценность любого языка. В ней, как и положено сокровищнице, хранится многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа, его история, нравственные ценности, религиозные воззрения и верования» [1: 6]. Пословицы же как один из типов фразеологических единиц являются ярким самобытным средством, во всей полноте отражающим духовно-нравственные ориентиры русского народа.

В связи с этим следует подчеркнуть, что такой лингвистический путь характеристики национальных ценностей «исключает любую субъективность в рассматриваемом вопросе, а значит, обладает большой доказательной силой» [2: 199].

Анализ образа языкового сознания традиционно начинается со словарного определения обозначающего его знака. Лексема *родина* имеет следующие два значения: 1) ‘Отечество, родная страна’; 2) ‘место рождения, происхождения кого-чего-нибудь’ [6: 681].

Как видим, данные дефиниции содержат только необходимую предметную информацию, передаваемую анализируемым словом. Значительно более богатым в содержательном, в том числе и коннотативном плане, предстает образ Родины в русских пословицах.

В них, наряду с лексемой *родина*, используются такие синонимичные ей слова и словосочетания, как *Отчизна*, *родная (родимая*, *своя) сторона (сторонка*, *сторонушка)*, *земля-матушка*, *родимая земля*. Нередко данный образ в условиях имеющегося противопоставления обозначается с помощью контекстуальных синонимов (*хвали заморье (чужую сторону), а сиди* ***дома****!*), местоимений

(*за морем веселье, да чужое, а у* ***нас*** *и горе, да свое*; *на чужой стороне и весна не красна.* ***Наша*** *весна красным красна*). В некоторых пословицах та или иная информация о родине передается посредством их переносного значения (*без корня и трава (полынь) не растет*; *всяк кулик свое болото хвалит*; *глупа та птица, которой гнездо свое немило*).

При этом следует заметить, что в ряде народных изречений лексема *родина* и заменяющие ее языковые единицы могут быть поняты только в одном из приведенных выше словарных значений: как ‘Отечество, родная страна’ (*первое дело в жизни – служить Отчизне*) или как ‘место рождения’ (*мила та сторона (не забудешь ту сторону), где пупок резан*).

Однако во многих пословицах реализуются одновременно два значения: речь в них идет и о малой, и о большой Родине: *всякому мила своя сторона*; *с родной сторонки и ворона (и собачка) мила*; *своя земля и в горсти мила*. Данный факт можно объяснить тем, что эти два значения очень тесно связаны: любовь ко всей стране и отдельному месту на ее карте, где человек родился, нередко невозможно разделить. В подтверждение этого достаточно вспомнить слова известной всем песни, написанные М. Матусовским: «С чего начинается Родина? С картинки в твоем букваре, С хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе…»

Изучение русских пословиц о Родине позволяет утверждать, что для нашего народа Родина представляет безусловную наивысшую ценность: *золоту – старости нет, Родине – цены нет.* Для русского человека противоестественно жить без Родины: *человек без Родины, что соловей без песни*; *рыбам – море, птицам – воздух, а человеку – Отчизна*.

Родина – это родное, любимое и дорогое для человека место на земле, его дом, где ему хорошо: *велика святорусская земля, а везде солнышко*; *от Родины теплом веет*; *при солнце тепло, при Родине добро*; *родная сторона – золотая колыбель*; *всякому мила своя сторона. Любит и нищий свое хламовище*; *на родной стороне и камешек знаком*;

с родной сторонки и ворона (и собачка) мила; *своя сторонушка и собаке мила*; *ближняя соломка лучше дальнего сенца*; *за морем теплее, а у нас светлее (веселее)*; *дома все споро, а вчуже житье хуже*.

Все другие места на земле – чужие для русского человека, поэтому там ему быть хорошо не может: *горе в чужой земле безъязыкому*; *своя сторона по шерсти гладит, чужая насупротив*; *чужбина – калина, Родина – малина*; *на чужбине и сладкое в горчицу, а на Родине и хрен за леденец*; *на чужой стороне и весна не красна*; *на чужой стороне и солнце не греет*; *чужая сторона и без ветра сушит и без зимы знобит*; *за морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое*; *в чужом месте, что в лесу. Чужая сторона дремучий бор*; *скучно Афонюшке на чужой сторонушке*; *на чужой стороне и ребенок ворог*; *на чужой стороне и сокола зовут вороною.*

Оказавшись на чужбине, русский человек тоскует по родной земле: *на чужой стороне Родина милей вдвойне*; *на чужой сторонушке рад своей воронушке*; *и кости по Родине плачут*; *жил-был молодец, в своей деревне не видал веселья, на чужбину вышел – заплакал*; *на чужбине и собака тоскует*.

Человек может реализовать свои способности и быть полезным только на родной земле, именно здесь он должен прикладывать свои силы, и именно здесь он будет наиболее успешен: *где родился, там и пригодился*; *где сосна взросла, там она и красна*; *хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома*; *как дверь ни открывай, она возвращается к своему порогу*.

Любой человек силен своей Родиной: *держись за землю-матушку – она одна не выдаст*; *без корня и трава (полынь) не растет*; *в родном гнезде и воробей силен.* А Родина сильна единством своего народа: *если дружба велика, будет Родина крепка*.

В связи с тем, что Родина для русского человека – это его родное место на земле, тыл и опора, в наших пословицах образ Родины

передается через образ матери: *родимая сторона – мать, чужая – мачеха*; *Родина любимая – мать родимая.* Любовь к Родине для русского человека так же естественна, как любовь к матери.

А значит, Родину нельзя не любить (*худая та птица, которая гнездо свое марает*), и долгом и смыслом жизни русского человека является ее защита: «именно мыслью сердца руководствуется герой, жертвующий жизнью ради Родины» [9: 239]. В этой жертвенности состоит специфика любви по-русски: *Счастье Родины дороже жизни*; *Родину любить – Родине служить*; *жить – Родине служить*; *Родина – мать, умей за нее постоять*; *береги землю родимую, как мать любимую*; *для родной Отчизны не жаль и жизни*; *первое дело в жизни – служить Отчизне*; *для Родины своей ни сил, ни времени не жалей*; *кто Родине служит верно, тот долг исполняет примерно*; *сражайся смело за родное дело*; *за край свой насмерть стой*; *боевые рубежи крепко держи*; *с родной (родительской земли) – умри, не сходи! У своего гнезда и ворона орла бьет.*

В русском народе защитникам Отечества всегда воздавалось особое уважение и почет: *красна девушка косами, а солдат орденами.* Русский народ помнит и свято чтит тех, кто отдал свои жизни, защищая Родину, благодарен им и гордиться их подвигом: *любовь к Родине побеждает смерть; Любовь к Родине сильнее смерти*.

Именно преклонением перед беспримерным подвигом наших солдат, массовым героизмом народа в годы Великой Отечественной войны объясняется то, что праздник 9 мая, День Великой Победы стал частью культурного кода нашей нации. Для русских людей это родной и священный праздник. По последним опросам, 70% наших граждан считают его главным праздником страны.

Смелость, мужество, отвагу и доблесть русских людей в борьбе с врагами Отечества отражают наши пословицы: *враг боек, да наш народ стоек*; *храбрым счастье помогает*; *смелость города берет.*

Итак, анализ образа Родины, представленного в фонде русских пословиц как самобытного средства выражения мировоззрения нашего народа, позволил осмыслить, что она значит для русского человека. Родина для нас – наивысшая духовно-нравственная ценность, без которой невозможно жить. Это родное, любимое, дорогое место на земле, наш дом, тыл и опора. Только здесь нам хорошо, только здесь мы можем по-настоящему реализовать себя и только здесь должны прикладывать свои силы. Любовь к Родине для русского человека так же естественна, как любовь к матери, а потому смыслом его жизни является защита своего Отечества. Герои, погибшие за Родину, вечно живут в памяти народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2009. 344 с.
2. Варнаева А.Е. Русский язык о духовно-нравственных ценностях своего народа // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 197–201.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. Яз.: под ред. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
4. Гуриева С.Д., Синельникова Е.С. Этнопсихология и кросс-культурная психология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2020. 384 с.
5. Литус Е.В. Основы лингвокультурологии: учебное пособие. М.: Флинта, 2023. 252 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополн. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Пословицы русского народа: сб. В. Даля. В 2-х тт. Т. 1. М.: Художественная литература, 1989. 431 с.
8. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания; под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 7–22.
9. Троицкий Е.Ф. Русский язык и Православие: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2022. 454 с.
10. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501160039?ysclid=maigb2oh68271271351 (дата обращения: 30.04.2025).

ВАСИЛЬЕВА Мария Алексеевна *(Нижний Новгород, Россия)*

аспирант
Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Николая Александровича Добролюбова
mavasileva@lunn.ru

НОВЫЕ МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ ПО УКРАИНЕ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ В THE GUARDIAN)

Аннотация. В данной статье рассматриваются новые мирные переговоры по конфликту в Украине с акцентом на европейскую перспективу, основываясь на материалах издания The Guardian, которое признано авторитетным. Проанализированные страницы электронной британской газеты, опубликованные в течение марта 2025 года, показали, что европейские масс-медиа склонны к негативной оценке внешнеполитических решений президента США Дональда Трампа, касающихся новой стадии мирных переговоров по Украине. Характерной чертой публикаций является использование речевой агрессии для формирования негативной картины мира у читателей.
Ключевые слова: речевая агрессия, масс-медиа, оценочность, дискредитация, манипуляция.

Abstract. The article considers new peace talks on the conflict in Ukraine with a focus on the European perspective, based on the materials of The Guardian, which is recognized as authoritative. The analyzed pages of an electronic British newspaper published during March 2025 showed that the European mass media are inclined to negatively assess the foreign policy decisions of US President Donald Trump regarding the new stage of peace talks on Ukraine. A characteristic feature of the publications is the use of verbal aggression to form a negative picture of the world among the readers.
Key words: speech aggression, mass media, evaluation, discredit, manipulation.

Одной из главных черт современных западных СМИ можно назвать активное употребление слов и выражений с высокой степенью экспрессивности и оценочности. Инструментом проявления негативной оценки часто является вербальная агрессия, которая влияет на реципиента, формируя его картину мира. Речевая агрессия создает отрицательный образ при описании определенной личности. Именно потому европейские газетные издания прибегают к различным средствам речевой агрессии при описании политических событий. Таким образом, авторы статей в газете ставят перед собой цель – поставить под сомнение репутацию и намерения того или иного политического деятеля. Если в течение всего периода проведения специальной военной

операции внешним врагом для запада был Владимир Путин, то теперь с начала срока своего президенства в США Дональд Трамп сталкивается с жесткой критикой со стороны европейских СМИ. Негативная оценка действий президента США только усилилась после его решения организовать мирные переговоры по Украине для скорейшего завершения конфликта.

Материалом исследования послужили статьи в британской газете *The Guardian,* признанной одной из самых популярных и авторитетных газет Европы. Для анализа были отобраны статьи из разделов *Ukraine*, *Donald Trump*, *Trump's administration*, опубликованные в течение марта 2025 года. *И*сследование показало, что статьи содержат следующие посылы:

1. Трамп – эгоистичный, самовлюблённый автократ, который стремится построить свою империю на юридически оспариваемых указах, ограничении свободы слова и запугивании жителей штатов и западных лидеров.

2. Президент США хочет осуществить финансово выгодную сделку во время конфликта России и Украины.

3. Сближение Дональда Трампа с Владимиром Путиным говорит о том, что эти политические лидеры преследуют одинаковые цели. Это создаёт угрозу безопасности Европы.

4. Внешняя политика Трампа направлена не на оказание поддержки Украине, а на подчинение страны, разоряемой войной.

Приведем наиболее яркие примеры, содержащие тезис № 1.

(1) *Entering the magnificent great hall of the US Department of Justice, Donald Trump* ***stopped for a moment to admire his portrait*** *then took to a specially constructed stage where two art deco statues, depicting the "Spirit of Justice" and "Majesty of Justice",* ***had been carefully concealed*** *behind a blue velvet curtain. // Войдя в великолепный большой зал Министерства юстиции США, Дональд Трамп на мгновение*

***остановился, чтобы полюбоваться своим портретом**, а затем поднялся на специально построенную сцену, где две статуи в стиле ар-деко, изображающие «Дух правосудия» и «Величие правосудия», **были тщательно скрыты** за синим бархатным занавесом* [8].

(2) ***Eviscerating** the federal government and **subjugating** Congress; **defying** court orders and **89hashkov89s89ing** judges; **deporting** immigrants and **arresting** protesters **without due process**; **chilling** free speech at universities and cultural institutions; cowing news outlets with **divide-and-rule**. Add a rightwing media ecosystem **manufacturing** consent and obeyance in advance, along with a weak and divided opposition offering feeble resistance. Join all the dots, critics say, and **America is sleepwalking into authoritarianism**. // **Потрошение** федерального правительства и **подчинение** Конгресса; **игнорирование** судебных постановлений и **делегитимация** судей; **депортация** иммигрантов и **аресты** протестующих **без надлежащей правовой процедуры**; **ограничение** свободы слова в университетах и культурных учреждениях; **запугивание** новостных агентств принципом «разделяй и властвуй». Добавьте к этому праворадикальную медиа-экосистему, заранее создающую иллюзию согласия и повиновения, а также слабую и разобщенную оппозицию, оказывающую жалкое сопротивление. Соедините все точки, говорят критики, и **Америка, как во сне, скатится к авторитаризму*** [Там же].

(3) ***Donald Trump's imperial presidency** is a **tawdry**, **threadbare** affair. **The emperor** has no clothes to cloak **his counterfeit rule**. **Lacking crown and robes**, he resorts to **vulgar** ties and baseball caps. **His throne** is but a **bully pulpit**, **his palace** a **pokey**, **whitewashed** house, **his courtiers mere common hacks**. **His royal edicts** – executive orders – are **judicially contested**. And while he **rages like Lear**, **his critics are publicly crucified or thrown to the lions** at Fox News. // **Имперское президентство Дональда Трампа** – это **безвкусное**, **изношенное** мероприятие. У*

императора *нет одежды, чтобы скрыть свое* ***фальшивое правление****. Не имея* ***короны*** *и* ***мантии****, он пользуется вульгарными галстуками и бейсболками. Его* ***трон*** *– всего лишь* ***грубая кафедра****, его* ***дворец*** *–* ***убогий, побеленный дом****, его* ***придворные*** *–* ***обычные халтурщики****. Его* ***королевские указы*** *– распоряжения исполнительной власти –* ***оспариваются в судебном порядке****. И пока он* ***бушует, как Лир****, его критиков* ***публично распинают или бросают на съедение львам*** *в Fox News* [9].

В данных высказываниях мы наблюдаем разнообразные средства выражения речевой агрессии: насыщение текста негативной информацией за счет глаголов с отрицательной семантикой (пример № 2), едкая ирония, обличающая эгоцентричность и тягу к империализму (примеры № 1 и № 3). В этих же отрывках мы видим, что президент США сравнивается с королем, у которого нет права на «правление». Более того, автор статьи использует прецедентное имя и прецедентную ситуацию для формирования негативных ассоциаций у читателей (*And while he* ***rages like Lear****,* ***his critics are publicly crucified or thrown to the lions*** *at Fox News*).

Президента США обвиняют в стяжательстве, желании обогатиться за счёт существующего конфликта (тезис № 2):

(1) ***Trump’s interest in Ukraine has initially focused on a money-making scheme*** *in which Kyiv would hand over a proportion of the country’s mineral wealth to the US. //* ***Интерес Трампа к Украине изначально был сосредоточен на схеме зарабатывания денег****, в рамках которой Киев передал бы часть минеральных богатств страны США* [10].

(2) *Now* ***he wants its nuclear power plants****, too. This is not about* ***making peace****. It’s about* ***making money****. // Теперь* ***он хочет заполучить и атомные электростанции****. Речь идет не о заключении мира****. Речь идет о зарабатывании денег*** [9].

Кроме того, согласно проанализированным статьям, цель Дональда Трампа – не только завладеть ресурсами Украины, но и пошатнуть безопасность Европы и её положение на политической арене (тезис № 3).

(1) *After **Trump's apparent alignment with Russia**, the polling, carried out between 26 February and 4 March, found majorities in all five countries believed **the US president had become a "very big or fairly big threat to peace and security in Europe"**. // После **очевидного сближения Трампа с Россией** опрос, проведенный в период с 26 февраля по 4 марта, показал, что большинство во всех пяти странах считают, что **президент США стал "очень большой или довольно большой угрозой миру и безопасности в Европе"*** [6].

(2) *Russian and US delegations have sat down to **discuss Ukraine's future without Ukraine or the EU's input**. Eighty years down the line, **Europe is no longer seen as relevant by the great powers**. // Делегации России и США сели за стол переговоров, чтобы **обсудить будущее Украины без участия Украины или ЕС**. Спустя восемьдесят лет **великие державы больше не считают Европу актуальной*** [5].

(3) … ***Trump has been more willing to build a rapport with the Russian leader**. // … **Трамп был более склонен к налаживанию отношений с российским лидером*** [10].

(4) *He has **rattled** longtime allies in Europe over whether the US remains committed to Nato and he has **sided with Russia** in talks to end the war in Ukraine. // Он **напугал** давних союзников в Европе вопросом о том, сохраняют ли США приверженность НАТО, и **встал на сторону России** в переговорах о прекращении войны на Украине* [8].

(5) *Trump has long **shown an affinity with autocrats such as Putin, Xi Jinping of China and Kim Jong-un of North Korea**. // Трамп уже давно **демонстрирует близость к таким диктаторам, как Путин, Си Цзиньпин из Китая и Ким Чен Ын из Северной Кореи*** [8].

Заметим, что стремление Дональда Трампа наладить политические отношения с Россией воспринимаются Европой как потенциальная опасность для стран НАТО. Из-за этого президент США, как и В.В. Путин ранее, получает в *The Guardian* ярлык «автократа».

Наконец, американский президент обвиняется в желании подчинить Украину и использовании грубой силы для достижения цели (тезис № 4).

(1) *Some of Trump's recent remarks have raised concerns that* ***the US may prioritise securing a deal over protecting Kyiv's interests****. // Некоторые из недавних высказываний Трампа вызвали опасения, что* ***США могут отдать приоритет заключению сделки, а не защите интересов Киева*** [7].

(2) *In an implicit reference to* ***Trump's attempts to force Ukraine into peace talks with Russia****, he added: "Peace cannot be concluded at any price" // Намекая на* ***попытки Трампа принудить Украину к мирным переговорам с Россией****, он добавил: «Мир не может быть заключен любой ценой»* [4].

(3) *In a* ***travesty of negotiation****,* ***he cedes territory to Putin, bullies Kyiv's leaders into seething submission, then makes a grab for Ukraine's mineral wealth. //*** *В качестве* ***пародии на переговоры он уступает территорию Путину, запугивает киевских лидеров, заставляя их безоговорочно подчиниться****,* ***а затем пытается завладеть минеральными ресурсами Украины*** [9].

Подводя итоги, следует отметить, что сейчас наблюдается возрастание информационного давления со стороны европейских СМИ на президента США. Согласно результатам анализа статей в газете *The Guardian,* речевая агрессия, которая раньше была направлена на дискредитацию внешнеполитического имиджа России и В.В. Путина [2; 3], сменила вектор – в «императорских замашках», алчности, отсутствии гуманности и игнорировании буквы закона обвиняется Дональд Трамп. Реализация агрессии происходит на лексико-стилистическом и

прагматическом уровнях. Лингвистическими средствами являются негативно окрашенные глаголы и эпитеты, метафоры. На прагматическом уровне используются речевые импликатуры, построенные на антитезе, навешивание ярлыков, построение черно-белого мира, где есть два полюса: Путин и его союзники, и Украина и поддерживающие её страны НАТО.

Таким образом, за счёт частотности употребления вышеописанных средств и тактик в массовом сознании формируются нужные адресату идеологемы, которые составляют «правильную» и выгодную для автора картину мира [1: 9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Романова Г.В. Формирование идеологем при использовании устойчивых выражений в средствах массовой информации периода СВО // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 6–13.
2. Торбик Е.М. Репрезентация вербальной агрессии в публичном политическом дискурсе // Вестник ЮурГУ. Серия «Лингвистика». 2024. Т. 21, № 2. С. 36–42.
3. Шипилова Д.С., Пешкова Н.В. Лингвистическая реализация речевой агрессии, направленной на дискредитацию внешнеполитического имиджа современной России в англоязычном дискурсе (на материале американских СМИ) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 76–88.
4. Chrisafis A. Macron warns Russian aggression ‘knows no borders’ in televised address // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2025/mar/05/macron-will-make-televised-address-to-ease-french-voters-concerns-about-trump (дата обращения: 07.03.2025).
5. De Vries C. The US embrace of Russia is an existential threat to the EU. Germany must step up to save it // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/mar/06/us-russia-eu-germany-donald-trump-friedrich-merz-military-economic (дата обращения: 07.03.2025).
6. Henley J. Majority of western Europeans think Trump is threat to peace, survey finds // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/us-news/2025/mar/06/donald-trump-threat-to-peace-ukraine-talks-survey-western-europeans (дата обращения: 07.03.2025).
7. Sauer P., Walker Sh., Smith D. Vladimir Putin agrees to 30-day halt to attacks on Ukraine’s energy grid // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2025/mar/18/trump-and-putin-to-hold-high-stakes-call-on-ukraine (дата обращения: 18.03.2025).
8. Smith D. The Trump administration is descending into authoritarianism // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/us-news/ng-interactive/2025/mar/22/trump-administration-authoritarianism (дата обращения: 22.03.2025).
9. Tisdall S. Donald Trump’s imperial presidency is a throwback to a greedier, pernicious age // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/mar/22/donald-trump-peace-imperialism-ukraine-gaza (дата обращения: 22.03.2025).
10. Walker Sh., Holmes O. US and Ukraine continue negotiations after marathon day of peace talks // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2025/mar/11/kyiv-ready-achieve-peace-crunch-us-ukraine-talks-russia (дата обращения: 11.03.2025).

ВИНОГРАДОВ Сергей Николаевич *(Нижний Новгород, Россия)*

доктор филологических наук
независимый исследователь
vinogradov54@mail.ru

МЕТАЯЗЫКОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЧЕВЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ ПРИ ОПИСАНИИ ПАРАДИГМАТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются средства выражения парадигматики в речевых (синтагматических) последовательностях на материале поэтического дискурса. Отмечается, что парадигматика может реализовываться в линейной организации речи, в которой парадигматические единицы объединяются инвариантами и выступают как метаязыковые средства описания вариантов выбора. Охарактеризованы некоторые языковые свойства речевых последовательностей парадигматически связанных лексических единиц. Сделан вывод о том, что метаязыковые свойства парадигматических речевых последовательностей играют важную роль в решении лингвистических задач.
Ключевые слова: парадигматика, инвариант, речевые последовательности вариантов, метаязыковой, дискурс.

Abstract. The article considers means of expressing paradigmatics in speech (syntagmatic) sequences in poetical discourse. It is noted that paradigmatics can be contained in the linear organization of speech, in which paradigmatic units are united by invariants and act as metalinguistic means of describing choice options. Some linguistic properties of speech sequences of paradigmatically related lexical units are characterized. It is concluded that metalinguistic properties of paradigmatic speech sequences play an important role in solving linguistic problems.
Keywords: paradigmatics, invariant, speech sequences of options, metalinguistic, discourse.

Ф. де Соссюр дал следующую характеристику синтагматики и парадигматики: «Синтагматическое отношение всегда in praesentia: оно основывается на двух или большем числе членов отношения, в равной степени наличных в актуальной последовательности. Наоборот, ассоциативное отношение соединяет члены этого отношения в виртуальный, мнемонический ряд; члены его всегда in absentia» [9: 156]. Согласно этим пояснениям, в речевой последовательности непосредственно наблюдаемы только синтагматические отношения. В настоящее время ассоциативные отношения принято называть парадигматическими.

Б.Н. Головин, развивая положения Ф. де Соссюра об ассоциативных (парадигматических) отношениях, характеризует их так: «Любая

парадигма… представляет собой совокупность вариантов, объединённых общим для них устойчивым инвариантом и закономерно чередующихся в процессе речевого функционирования языка. Члены одной и той же парадигмы связаны тождеством инварианта и противопоставлены теми или иными различиями. Члены парадигмы избираются говорящим или пишущим в зависимости от коммуникативных задач высказывания, а также структурных свойств членов и парадигмы в целом» [1: 205].

В.М. Солнцев даёт определение инварианта как абстрактного обозначения одной и той же сущности в отвлечении от её конкретных модификаций (вариантов) [4: 80–81]. При таком понимании инвариант является названием, знаком: «Как название инвариант имеет словесную форму существования» [4: 81]. Возникновение инварианта – когнитивный процесс, а инвариант – результат и орудие этого процесса. Далее под инвариантом будем понимать обозначение класса вариантов, отражающее некоторую общность элементов данного класса.

Парадигматический выбор требует выбора одного варианта на каждом шаге развёртывания речи, но в речевой последовательности существуют структуры, включающие разные варианты выбора речеобразующих единиц. Так, некоторые синтаксические структуры (однородные и уточняющие члены предложения, двусоставные предложения с составным именным сказуемым и др.) могут выражать парадигматические варианты. Например: *А у Ули глаза были большие, тёмно-карие, – не* ***глаза****, а* ***очи*** (А.А. Фадеев «Молодая гвардия») (*глаза* и *очи* – синонимы); *Давай* ***поговорим*** *или, лучше всего,* ***помолчим*** [6: 343] (***поговорить*** и ***помолчать*** – варианты, выражающие инвариант «действия, связанные со звучащей речью»). Речь может, помимо вариантов, включать их обобщение – инвариант, например: *К* ***коммуникативным качествам речи*** *относятся её* ***правильность****,* ***точность****,* ***логичность*** *и т. д.* (***правильность***, ***точность***, ***логичность*** – варианты, ***коммуникативные качества речи*** –

инвариант). Но в таких случаях налицо противоречие между единичностью выбора речевой единицы и множественностью возможных вариантов её выбора в речевой последовательности. Это противоречие требует разъяснения.

Как известно, язык представляет собой «систему систем» (подсистем), и если его рассматривать «изнутри», то он распадается на множество семиотических систем, которые, взаимодействуя между собой, обладают относительной самостоятельностью. Способы установления иерархии подсистем могут быть различными (например, уровни языка по его структурным единицам – фонетика, морфология, синтаксис и др.; уровень наблюдения и уровень представления; и др.). Одно из возможных членений в языковой «системе систем» – язык-объект и метаязык. Речевое выражение парадигматических отношений содержит метаязыковые средства описания парадигматики: «Перечисление… парадигматических вариантов в речевой цепочке – метаописание языковых единиц, из которых может делаться выбор. Линейная последовательность парадигматических вариантов – элемент метаязыка, описывающая процесс этого выбора, а выбранный вариант – элемент языка-объекта» [2: 77]. Таким образом, когда мы рассматриваем парадигматику в языке и в линейной речевой последовательности, мы имеем дело с разными подсистемами из языковой «системы систем». В языке парадигматические отношения находятся in absentia, а в речевом метаописании – in praesentia. Разумеется, в речи парадигматические единицы и отношения присутствуют частично, фрагментарно, в виде «осколков», «обломков» парадигм. Инвариант парадигматических единиц также далеко не всегда имеется в речи. Степень представленности парадигматики в речи определяется коммуникативными задачами, дискурсом, отражённым в речи и в тексте.

Целью данной статьи является изучение речевых последовательностей как метаязыковых средств выражения

парадигматики на материале поэтического дискурса. При исследовании использовались общенаучные методы наблюдения и описания, дискурсивный метод, методики внеязыкового и внутриязыкового соотнесения, методика оппозитивного противопоставления.

С точки зрения Р.О. Якобсона, поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации [10: 204]. Это означает, что те единицы, которые в языке связаны отношением выбора, то есть парадигматически, и, по Соссюру, в высказывании находятся in absentia, в речевой организации поэтического произведения, при комбинировании речевых элементов в линейной последовательности высказывания, оказываются in praesentia. Эта концепция получила дальнейшее развитие у Ю.М. Лотмана [5: 73–74], который даёт следующие пояснения. В поэзии вторичная смысловая парадигма, отражающая поэтическую картину мира, реализуется в тексте целиком. Это наглядно видно в следующем примере Ю.М. Лотмана: *Мне не смешно, когда маляр негодный / Мне пачкает Мадонну Рафаэля, / Мне не смешно, когда фигляр презренный / Пародией бесчестит Алигьери* (А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»). Лексические и грамматические параллелизмы в этом отрывке подчёркивают наличие нескольких рядов парадигматических отношений: *негодный – презренный* (языковые синонимы), *маляр – фигляр* (языковой синонимии нет, инвариант – «отрицательно характеризуемый деятель искусства»), *Рафаэль – Алигьери* (языковой синонимии нет, инвариант – «высокий художник»). Анализ содержания этого эстетически значимого отрывка с использованием инвариантов позволяет Ю.М. Лотману вывести следующий художественный смысл: «Мне не смешно, когда бездарность оскорбляет гения» [5: 74]. «Бездарность», «гений», «оскорблять» – инварианты, реализуемые в данном поэтическом отрывке.

Чем, с точки зрения Ю.М. Лотмана, отличается вторичная смысловая парадигма от общеязыковой? На поэтический текст

накладываются добавочные, дополнительные по отношению к языку, ограничения (соблюдение метро-ритмических норм, организованность на всех уровнях). Однако наложение на текст дополнительных (поэтических) ограничений приводит не к уменьшению, а к резкому росту возможностей новых значимых сочетаний элементов внутри текста. Это происходит потому, что в эстетически значимых текстах любые элементы речи могут возводиться в ранг значимых. Усложняется не только количество элементов, но и система их сочетаний. В том числе появляются новые парадигматические оппозиции.

Основным механизмом реализации вторичной смысловой парадигмы Ю.М. Лотман называет параллелизм [5: 74], который, очевидно, является знаковой (семиотической) основой описания поэтической парадигматики. Параллелизм по своему воплощению включает различные языковые и речевые проявления: риторические фигуры, синтаксические структуры, речевые последовательности рядоположных элементов, даже простое нахождение языковых и речевых элементов внутри одного и того же эстетически значимого отрезка, который представляет собой линейную речевую последовательность.

Рассмотрим метаязыковой потенциал поэтической парадигмы на примерах из поэтических текстов (стихотворений Н. Рубцова) [8], в которых имеются языковые средства, формально выражающие границы парадигматического ряда, его элементы и его инвариант. Опираясь на эти языковые средства, можно реконструировать фрагменты метаязыка (кавычками выделяются названия стихотворений и инварианты, отсутствующие в тексте, полужирным курсивом – варианты и инварианты, присутствующие в тексте). Перечислим некоторые языковые средства, в которых воплощаются фрагменты поэтических парадигм.

1. Элементы поэтических парадигм, представленные во всём эстетически значимом тексте. Начало стихотворения: ***Осень**! Летит по дорогам / **Осени** стужа и стон! / Каркает около стога / Стая озябших*

ворон. Конец стихотворения: *Жнивья, деревья и стены / В мокрых сетях полутьмы / Словно бы ждут перемены – / Чистой, веселой* ***зимы****!* («Осень! Летит по дорогам…»). Слова *осень* и *зима* встречаются только в этих частях стихотворения. Они формально не образуют грамматических конструкций и риторических фигур, но парадигматически связаны («время года» – их инвариант, выражающий существенную часть тематики данного поэтического текста).

2. Элементы поэтических парадигм, являющиеся частями словосочетаний и других грамматических конструкций. Например: ***Дремлет*** *на стене моей / Ивы* ***кружевная тень*** («В горнице»). Здесь представлены грамматическая основа предложения (*дремлет тень*) и атрибутивное словосочетание (*кружевная тень*). Б.А. Плотников отмечает, что «в конкретном словосочетании за внешней формой грамматического подчинения прилагательного существительному легко обнаруживается несложная семантическая операция, заключающаяся в том, что с помощью этого прилагательного как бы выводится одно из семантических свойств, потенциально присущее значению данного существительного» [7: 107]. В.Г. Гак утверждает, что в правильном словосочетании два слова должны иметь одну общую сему, и называет это явление основным законом семантического сочетания [3: 375]. Но наличие общей семы – проявление общности слов, наличия инварианта. При этом у слов *дремать*, *кружевной* появляются речевые значения (‘находиться в неподвижном состоянии’ и ‘быть подобным кружеву’), которые возникают в поэтическом контексте и характеризуют также другое слово этой грамматической конструкции. «Нахождение в неподвижном состоянии» и «нечто подобное кружеву» – инварианты, характеризующие эти грамматические конструкции. Употребление слов *дремать* и *кружевной* в данном примере метафорично (олицетворение, метафорический эпитет).

3. Элементы поэтических парадигм, представленные риторическими фигурами (синтаксическими параллелизмами, анафорами, эпифорами и т. д.). Риторические фигуры нередко содержат текстовые повторы, которые выражают инвариантные свойства текстовых единиц: *Черны мои* ***черновики****. / Чисты* ***чистовики****. <…> Мне спать велят* ***чистовики****, / Вставать –* ***черновики***. («Окошко. Стол. Половики…»). Инвариант слов *черновик* и *чистовик* – «объект и результат работы поэта», а сами эти слова, встречающиеся в параллельных синтаксических конструкциях, – парадигматические варианты, которые отражают речевое содержание стихотворения (повседневный труд поэта). Пример, содержащий анафору: *Филя* ***любит скотину****, / Ест любую еду, / Филя* ***ходит в долину****, / Филя* ***дует в дуду****!* («Добрый Филя»). Словосочетания *любить скотину*, *есть любую еду*, *ходить в долину*, *дуть в дуду* – парадигматические варианты с инвариантом «характеристика персонажа». Наличие инварианта отражено в повторах имени персонажа. В следующем примере из стихотворения «Поэзия» инварианты имеются в тексте: *Теперь она* [**поэзия**. – С.В.], *как в дымке, островками / Глядит на нас, покорная судьбе, / Мелькнет порой лугами, ветряками – / И вновь закрыта дымными веками… / Но тем сильней* ***влечёт*** *она* ***к себе****! / Мелькнёт покоя сельского страница, / И вместе с чувством древности земли / Такая* ***радость*** *на душе струится, / Как будто вновь поёт над полем жница, / И дни рекой зеркальной потекли…* Инвариантами являются языковые единицы *радость*, *влечь к себе* и – если учесть название стихотворения – *поэзия*. Эти единицы выражают существенное содержание данного стихотворного текста, а их конкретизации «расшифровывают» их смысл.

Приведённые примеры свидетельствуют, что парадигматика может реализоваться не только в ситуациях выбора, но и в линейных речевых последовательностях. Эта способность парадигматики обусловлена свойствами языка как конгломерата подсистем, к которым относятся, в

частности, метаязыковые средства описания языка. Линейная последовательность парадигматических вариантов является метаязыковым средством описания парадигматических отношений и участвует в решении лингвистических задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. 416 с.
2. Виноградов С.Н. Парадигматический ряд как средство организации поэтической речи // Язык – текст – дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля). Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 76–82.
3. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 367–395.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. М.: Эксмо, 2023. 480 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Лтд., 1992. 960 с.
7. Плотников Б.А. О форме и содержании в языке. Минск: Вышэйшая школа, 1989. 254 с.
8. Рубцов Н.М. Улетели листья…: Стихотворения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. 366 с.
9. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
10. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Евгеньевна *(Москва, Россия)*

доктор филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов
yusvlad@rambler.ru

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКА И МЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА

Аннотация. Исследовательский интерес к ментальному образу мира предопределил обращение к архаичной ступени эволюции человека, для которой характерна общая тенденция сакрализации и гармонизации бытия. Возникавшее при этом «чувство прекрасного» (А.В. Окладников) стимулировало развитие эстетической способности, а на ее основе – становление языка и речи. Следовательно, изучение современного русского языка предполагает его рассмотрение как лингвоэстетического феномена, уходящего корнями в сакральный образ мира.

Ключевые слова: русский язык, культура, сознание, эволюция, эстетический, первобытный, сакральный.

Abstract. The research interest in the mental image of the world predetermined the appeal to the archaic stage of human evolution, which is characterized by a general tendency to sacralize and harmonize existence. The resulting “sense of beauty” (A.V. Okladnikov) stimulated the development of aesthetic ability, and on its basis – the formation of language and speech. Consequently, the study of modern Russian language

presupposes its consideration as a linguistic phenomenon rooted in the sacred image of the world.
Keywords: Russian language, culture, consciousness, evolution, aesthetic, primitive, sacred.

Первобытная ментальность как целостное единство сознательного и бессознательного, чувственного и рефлексивного, логического и эмоционального изначально развивалась в одухотворяемом мире природы, а при переходе к собирательно-охотничьему способу бытия – и почитании первопредка-тотема. Так в процессе психобиологической эволюции в сознании сформировались сакральное мировосприятие и специфически человеческая «способность эстетического отношения к действительности, чувство прекрасного» [4: 24].

В итоге, с одной стороны, ощущения, эмоции и переживания стимулировали активную деятельность экспрессивно-мимических, жестовых и голосовых средств самовыражения как реакцию на эстетические впечатления. А с другой – возникший в сознании сакральный образ мира пробуждал творческие способности. Это позволило исследователям сделать важный вывод: «категория прекрасного лежит в самой сущности человеческого труда, в природе которого заключено эстетическое начало» [1: 30].

В подтверждение сошлемся на такие высокохудожественные объекты, как пещерные росписи и петроглифы со сценами охоты, статуэтки «женщин-прародительниц», тотемов животных и птиц, а также разнообразные орудия труда, охоты и рыболовства, свидетельствующие об определенном уровне развития языка и речи.

И здесь перед нами встает вопрос о соотношении развивавшихся изобразительной и словесной творческих способностей. В поисках ответа обратимся к Е.М. Мелетинскому, который занимался изучением происхождения языка и палеолитического искусства на материале женских статуэток. Согласно его заключению, в эпоху палеолита «словесное искусство, по-видимому, возникло позже некоторых других

видов искусства, так как его материалом, первоэлементом является слово, речь» [3: 52].

Концепция эстетических истоков сознания и речевой деятельности получила убедительное подтверждение в исследовании В.С. Ежова на тему «Архетипические основания эстетического сознания». А выявленные в первобытной практике формальные признаки эстетического (гармония, симметрия, ритм, пропорция, соразмерность, своевременность, целесообразность и целостность) позволили автору обосновать «онтологический статус эстетического сознания как феномена», который раскрывает «родовую сущность человека» [2: 5].

Предпринятое рассмотрение глубинных основ языка делает актуальным изучение современных языков и, в частности русского языка, как лингвоэстетического феномена, что предполагает особое внимание к его сакральным истокам и унаследованному лексико-грамматическому строю, развивавшемуся «по законам красоты». В заключение отметим, что принятие теоантропокосмической парадигмы (В.И. Постовалова) открывает перспективы целостного осмысления эволюции русского языка как многомерной духовной реальности [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г.Д. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа. М.: Искусство, 1972. 200 с.
2. Ежов В.С. Архетипические основания эстетического сознания: автореф. дис. … докт. Филос. Наук. М., 2012. 38 с.
3. Мелетинский Е.М. Возникновение и ранние формы словесного искусства // История всемирной литературы: В 8-ми тт / АН СССР; Ин-т мировой лит. Им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. В 9 т. Т. 1. 1983. С. 23–52.
4. Окладников А.П. Утро искусства. Л.: Искусство, 1967. 135 с.
5. Постовалова В.И. Теолингвистика. Истоки. Основания. Концепты. М.: Издательство Братства святителя Алексия, 2022. 1048 с.

ВОЛОШИНА Оксана Анатольевна *(Москва, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
МГУ им. М.В. Ломоносова
Совместный университет МГУ-ППИ, Шэньчжень, Китай
oxanav2005@mail.ru

ПРИЕМЫ СИНТАГМАТИЧЕСКОГО И ПАРАДИГМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЯЗЫКА В ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ ПАНИНИ

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения методов синтагматического и парадигматического анализа языка в древнеиндийской грамматике Панини. Синтез словоформы путем присоединения аффиксальных морфем к корню предписан правилами синтагматического сочетания, тогда как морфонологические чередования звуков или выбор нужного аффикса из фиксированного списка продиктован законом парадигматических отношений языковых единиц.
Ключевые слова: синтагматический и парадигматический анализ языка, древнеиндийская грамматика.

Abstract. The article considers the possibility of applying the methods of syntagmatic and paradigmatic analysis of language in the ancient Indian grammar of Panini. The synthesis of a word form by attaching affixal morphemes to the root is prescribed by the rules of syntagmatic combination, whereas morphological alternation of sounds or the choice of the desired affix from a fixed list is dictated by the law of paradigmatic relations of linguistic units.
Keywords: syntagmatic and paradigmatic analysis of language, ancient Indian grammar.

Методы синтагматического и парадигматического анализа языка были сформулированы в рамках структурной парадигмы в языкознании в начале XX века, однако правила сочетания единиц при образовании синтагмы и одновременно механизм чередования единиц в процессе синтеза словоформы были описаны еще в древнеиндийских грамматиках, в частности в Аштадхьяи Панини (V в. до н.э.).

В работе демонстрируются приемы синтагматического и парадигматического анализа языка в грамматике Панини.

В сутрах грамматики описаны правила присоединения аффиксальных морфем к корню для образования именной или глагольной основ разного типа, а также синтеза словоформы путем присоединения словообразовательных и словоизменительных морфем. Аффиксальные морфемы обозначаются в грамматике термином *pratyaya*,

так же называется операция присоединения аффиксальных морфем к корню при образовании основ.

Синтез именной или глагольной основы происходит путем последовательного присоединения основообразующих и словообразовательных аффиксов к корню, затем словоизменительный аффикс завершает морфологическое оформление словоформы.

В жесткой последовательности аффиксальных морфем каждая морфема занимает отведенное ей место в морфологической структуре слова, поэтому пропуск морфемы в цепочке воспринимается как значимое отсутствие – нулевой аффикс (lopa).

С другой стороны, при синтезе словоформ осуществляется операция ādeça, предписывающая замену одного элемента другим. Например, при чередовании фонем в морфеме или при выборе падежной флексии именной словоформы или личного глагольного окончания. То есть при синтезе словоформы осуществляется выбор необходимой единицы из фиксированного списка.

Приведем пример синтеза глагольной словоформы настоящего времени *parasmaipada* 3 лица единственного числа от √*khād* – *есть, питаться*.

1) Элемент *khād* – исходная единица синтеза словоформы представлена в списке корней 1 класса в перечне *дхату патха,* следовательно, согласно сутре 1.3.1, этот элемент является корнем *dhatu*;

2) Для образования глагольной словоформы к корню прибавляется показатель *La* – формальное обозначение глагольных грамматических категорий наклонения и времени:

√ *khād* + *La;*

3) из списка аффиксов *La* для образования основы настоящего времени мы выбираем аффикс настоящего времени *LaṬ* (согласно сутре 3.2.123 *vartamāne LaṬ*), при этом технические показатели *a* (согласно

сутре 1.3.2) и Ṭ (согласно сутре 1.3.3) претерпевают элизию (сутра 1.3.9: *tasya lopaḥ*):

√ *khād* + *LaṬ;*

4) для формирования основы настоящего времени (по сутре 3.1.68) после корня перед флексией действительного залога настоящего времени появляется аффикс *çaP*:

√ *khād* + *ÇaP* + *LaṬ;*

5) технические маркеры этого аффикса при образовании основы подвергаются элизии (по сутре 1.3.9) и оставшийся тематический гласный *-a* присоединяется к корню для образования основы настоящего времени:

√ *khād* + *a* + *LaṬ;*

6) оставшееся техническое обозначение *LaṬ* заменяется на одну из 18 флексий глагольного спряжения по сутре 3.4.78: *tiP, tas, jhi, siP, thas, tha, miP, vas, mas, ta, ātām, jha, thās, āthām, dvam, iṬ, vahi, mahiṄ* (совокупность личных окончаний обозначается пратьяхарой tiṄ).

√ *khād* + *tiṄ*

Эти окончания классифицируются по трем лицам (1.4.101) и трем числам (1.4.102). Для образования нужной нам формы мы из этого перечня флексий выбираем окончание действительного залога 3 лица единственного числа. По правилу 1.4.108 техническое обозначение *L* заменяется на *tiP* для выражения необходимых нам грамматических значений лица, числа и залога:

√ *khād* + *tiP*

Аффиксы в символическом обозначении с техническими показателями выстраиваются в цепочку:

√ *khād* + *La* > √ *khād* + *çaP* + *LaṬ* > √ *khād* + *çaP* + *tiP*

И реализуются в словоформе настоящего времени *parasmaipada* 3 лица единственного числа √ *khād* + *a* + *ti* > √ *khād* + *a* + *ti* (*он ест, питается*).

Синтез словоформы опирается на законы синтагматического сочетания морфем, а также на парадигматические законы чередования единиц (взаимозамены единиц) в синтагме, по правилам выбора варианта из конечного списка единиц.

Таким образом, в древнеиндийской грамматике в V в. до н. э. при описании синтеза словоформы из морфем были разработаны методы синтагматического и парадигматического анализа языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошина О.А. Типы правил-сутр в грамматике Панини // Индоевропейское языкознание и классическая филология 23. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. Санкт-Петербург. 2019. 170–177.
2. Димри Дж. Панини и его «Восьмикнижие» // Народы Азии и Африки. М. Наука. 1973. № 6. 96–103.
3. Sharma R.N. 1990-2003. Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. New Delhi. Vol. 1–2. 1990. (The second edition – 2000), Vol. III. 1995. (The second edition – 2002). Vol. IV. 1999. Vol. V. 2001. Vol. VI 2003.

ГЕНЕРАЛОВА Елена Владимировна *(Санкт-Петербург, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

ФИЛИППОВА Мария Алексеевна *(Санкт-Петербург, Россия)*

студентка 4 курса, бакалавриат
Санкт-Петербургский государственный университет
mari.filippova.al@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ С ЧАСТИЦЕЙ *НЕ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение вопроса функциональной реализации фразеологических единиц отрицательной и положительной оценки с частицей *не* в современном русском языке, извлеченных из академических словарей русских фразеологизмов и словарей фразеологических неологизмов с учетом данных словарей разговорной речи. В работе описаны синтаксические функции фразеологизмов рассматриваемой группы и отмечена полифункциональность ряда единиц. По результатам квантитативного анализа выделены функциональные группы фразеологизмов, которые считаются доминантными.

Ключевые слова: фразеологическая единица, аксиология, положительная и отрицательная оценка, лексико-грамматическая классификация, синтаксическая функция.

Abstract. The article is devoted to the functional classification of phraseological units containing the particle *not* with the semantics of negative and positive valuation in modern Russian, extracted from academic dictionaries of Russian phraseology and dictionaries of phraseological neologisms, including data from dictionaries of colloquial speech. The study describes the syntactic functions of the phraseological units within the examined group and highlights the multifunctionality of several units. Dominant functional groups of phraseological units are identified.
Keywords: phraseological unit, axiology, positive and negative connotation, lexico-grammatical classification, syntactic function.

Антропоцентричность современного подхода к изучению языка стимулирует развитие аксиологии как аспекта лингвистического анализа, открывающего новые горизонты для изучения связей между языком и обществом. Согласно исследованию Е.М. Вольф, оценка как семантическое понятие включает в себя ценностный аспект значения языковых выражений, условно обозначаемый схемой «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой» [2: 5]. Аксиологическая оптика позволяет рассматривать язык как поле «диалога» между лингвистикой и социологией; «и лингвокогнитивная наука, и лингвоаксиология, и исследования, посвященные тексту, дискурсу, а также различным тезаурусам языка, так или иначе касаются понятия ценности как основополагающего смысла, влияющего на развитие семантического плана языка» [5: 37].

Важную роль в построении языковой картины мира играют фразеологические единицы (далее – ФЕ) оценки, разнообразные с точки зрения семантики, структуры, грамматических и стилистических характеристик. Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования комплексного подхода к интерпретации ФЕ с частицей *не* в аспекте аксиологической оценки и их прагматической функции.

Настоящая работа посвящена анализу лексико-грамматических особенностей фразеологизмов с семантикой положительной и отрицательной оценки, обязательной структурной особенностью которых является наличие отрицательной частицы *не*.

Материал исследования составила группа единиц, извлеченная путем сплошной выборки из словарей фразеологических неологизмов («Новая русская фразеология» В.М. Мокиенко, «Словарь новых фразем и коллокаций русского языка» М.С. Добровой), словарей современной русской идиоматики («Фразеологический словарь русского языка» А.В. Жукова, «Академический словарь русской фразеологии» А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского) и разговорной речи («Толковый словарь русской разговорной речи» Л.П. Крысина, «Большой словарь русской разговорной речи» В.В. Химика) с обращением к контекстам Национального корпуса русского языка и открытых интернет-ресурсов для уточнения особенностей функционирования единиц. В ходе исследования были отобраны и проанализированы 87 ФЕ.

Наиболее объемную группу формируют единицы, эквивалентные наречию или слову категории состояния. Данные фразеологизмы в настоящем исследовании с учетом работ Г.И. Пановой и П.А. Городнянской считаются единицами наречно-конверсионного характера. Среди них различаются две подгруппы: адвербиально-предикативные единицы, которые могут существовать в двусоставном предложении в функции собственно предикатива, и адвербиально-предикативные единицы, которые могут существовать в безличном предложении в функции слова категории состояния [10: 62]. Наибольшим количеством единиц отмечена первая группа адвербиально-предикативных фразеологизмов, эквивалентных наречию. Единицы, входящие в данную группу, составляют 52% от всего пользовательского подкорпуса (напр.: *не по нутру, не в радость, не к масти).* Рассмотрим два примера использования единицы рассматриваемого типа в функции обстоятельства и сказуемого:

1) ФЕ *не в масть* в функции обстоятельства: *Опять я чего-то* ***не в масть*** *брякнул* [vk (01.11.2012)]. (Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru));

2) ФЕ *не в масть* в функции сказуемого: *Чую – **не в масть** все, линять пора* [А. Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)].

Группа адвербиально-предикативных единиц, функционирующих как слова категории состояния, представлена значительно меньшим числом единиц. К ней относятся фразеологизмы *не по себе, даром не надо, не место.*

При этом особого внимания заслуживает ряд ФЕ с широким спектром функциональной реализации. Так, ФЕ *не кайф*, *не в кайф, не по кайфу, не по приколу* могут выполнять синтаксические функции и предикативного наречия, сказуемого в двусоставном предложении (напр.: *Папаше это явно **не в кайф**, но что делать* [И.В. Козлов. Пальмы, Львы и Медведи // «Волга», 2011]), и слова категории состояния в безличном предложении (напр.: *Что-то мне без спиртного **не в кайф**, – честно признался Стась* [Е. Сухов. Делу конец – сроку начало (2007)]). Вероятнее всего, подобная особенность объясняется семантической полифункциональностью компонентов ФЕ (*кайф, прикол*), обозначающих одновременно способность объекта вызывать положительные эмоции и характеризующих внутреннее состояние удовлетворения. Суммарно адвербиально-предикативные фразеологизмы составляют 61% от общего числа ФЕ.

Группа единиц, использующихся для характеристики объекта, составляет 13% общего состава подкорпуса. К атрибутивно-предикативному типу могут быть отнесены 11 единиц (напр.: *не из той оперы, не лыком шит, не какой попало*). Так, ФЕ *не из той оперы* может функционировать как определение (напр.: *Ой, это че-то **не из той оперы*** [Звездатая жизнь // Аргументы и факты, 2002.08.08]) или предикатив (напр.: *Павел Андреевич, это **не из той оперы**!* [В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]).

Стоит отдельно отметить полифункциональность части ФЕ, образованных по общей схеме *не* + N_1 (напр.: *не айс, не вау, не фонтан,*

не комильфо). Данные единицы могут считаться как атрибутивно-, так и адвербиально-предикативными в зависимости от контекста реализации, поскольку обладают общей функцией характеристики объекта или действия. Это свойство также характерно для ФЕ *не в лучшей форме,* в зависимости от контекста выполняющей функцию обстоятельства, определения или предикатива. Приведем пример полифункциональности одной из единиц рассматриваемой группы в зависимости от контекста:

1) в функции определения: *Сапер: Пару дней назад покупал полтонны пшеницы по 9.5 за кг с доставкой, но качество* ***не фонтан*** [Инвестиции в сельское хозяйство. Начало (2014–2015)];

2) в функции сказуемого: *Еда –* ***не фонтан****, но вполне съедобна, на уровне турецких трехзвездочников «все включено»* [А.С. Шигапов. Бангкок и Паттайя. Путеводитель (2013)];

3) в функции обстоятельства: *ИМХО тяжело возвращаться в клуб у которого дела щас идут явно* ***не фонтан*** *и надо снова налаживать игру, да и в сборной ему тоже тяжело будет, не будет права на осечку…* [Футбол-4 (форум) (2005)].

Выделяется группа субстантивных ФЕ, обладающих этой функцией за счет наличия в их составе относительного местоимения (*что, кто*). Группа субстантивных фразеологизмов отрицательной оценки состоит из единиц, характеризующих плохое или посредственное качество чего-либо: *не Бог весть кто*, *не Бог весть что, не знамо что, не ахти что*. Субстантивные единицы положительной оценки характеризуют высокое качество объекта: *не что придется, не что попало, не кто придется, не кто попало.* В предложении рассматриваемые единицы могут употребляться в функции:

1) подлежащего (напр.: ***Не Бог весть что****, конечно, – он попытался скрыть волнение за напускной небрежностью* [Н. Дашевская. Скрипка неизвестного мастера (2015)]),

2) дополнения (напр.: *К тому же семья наша простая и пища простая, ели, что бог посылал, а посылал он нам* ***не бог весть что****, особенно в войну, и в мировую и в гражданскую* [А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]),

3) сказуемого (напр.: *По меркам той эпохи дачка отменная, по нынешним* ***не бог весть*** *что* [И. Васюченко. «Ковчег», 2014]).

Фразеологизмы субстантивного типа составляют 9% от общего числа единиц.

Относительно небольшую группу из 13 единиц (15%) составляют процессуальные фразеологизмы оценки с частицей *не*. Данные единицы описывают впечатление неудовольствия, вызванного конкретным раздражителем (*не греет, не катит*), плохое качество чего-либо или кого-либо (*никуда не годится, в подметки не годится, гроша [ломаного, медного] не стоит, [даже] рядом (близко) не стоял (лежал), говна не стоит, не смотрится*), способность объекта оказывать негативное влияние на будущее (*добром не кончится, до добра не доведет, стыда не оберешься*). При этом группа оценки способности объекта оказывать негативное влияние на будущее практически полностью состоит из процессуальных единиц. Все единицы закономерно фиксируются в функции сказуемого (напр.: *Золото* ***до добра не доведет*** [А. Купер. Истопник // «Дальний Восток», 2019]).

Таким образом, во-первых, рассматриваемые ФЕ выполняют разнообразные синтаксические функции. В ходе анализа материала описаны единицы, эквивалентные существительному, глаголу, наречию, прилагательному и слову категории состояния. Во-вторых, стоит отметить, что единицы рассматриваемой группы часто полифункциональны: часть единиц совмещает атрибутивно-предикативные и адвербиально-предикативные функции (то есть функции характеристики объекта или действия) в зависимости от контекста. В-третьих, анализ материала позволяет сделать вывод о

явном преобладании адвербиально-предикативных и атрибутивно-предикативных ФЕ среди единиц положительной и отрицательной оценки, что логически соотносится с модальностью оценочных фразеологизмов, их способностью давать характеристику объекта или действия.

Лексико-грамматическая классификация оценочных ФЕ обусловлена их семантическими особенностями. Фразеологизмы оценки, анализируемые в настоящей работе, относятся к разряду стилистико-функциональных единиц (в идеографическом спектре адекватных экспрессивно-эмоциональной матрице, то есть не обозначающих новые явления, выполняющих функцию экспрессивной «перезарядки» фразеологизмов [8: 68]). Этим обусловлено малое количество субстантивных фразеологизмов при объемно и разнообразно представленной группе адвербиально-предикативных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академический словарь русской фразеологии / А.Н. Баранов, М.М. Вознесенская, Д.О. Добровольский и др. М.: ЛЕКСРУС, 2020. 896 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
3. Доброва М.С. Словарь новых фразем и коллокаций русского языка. Оломоуц: Университет им. Ф. Палацкого, 2022. 400 с.
4. Жуков А.В. Фразеологический словарь русского языка. М.: Флинта, 2017. 758 с.
5. Идеографическая картина современной фразеологической неологии: Коллективная монография / А.С. Алешин, Х. Вальтер, Е.В. Генералова [и др.]. СПб: Издательство «ЛЕМА», 2025. 199 с.
6. Крысин Л.П. Толковый словарь русской разговорной речи / Л.П. Крысин, М.Я. Гловинская Е.И. Голанова и др. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. 882 с.
7. Мокиенко В.М. Новая русская фразеология. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2003. 168 с.
8. Мокиенко В.М., Вальтер Х. Третье тысячелетие в зеркале словарей русских и немецких фразеологических неологизмов // Русский язык и культура. Взаимосвязи и взаимодействие: Материалы VI Международного педагогического форума. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 58–72.
9. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 10.02.2025).
10. Панова Г.И., Городнянская П.А. Функционально-семантическая типология лексикализованных предложно-падежных сочетаний наречного характера // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 2. Филология. С. 60–64.
11. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.

ГРАЧЕВ Михаил Александрович *(Нижний Новгород, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
ma-grachev@mail.ru

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КАК ЧАСТЬ ИХ МИРОВИДЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются в диахронии условные обозначения криминального мира с точки зрения их мировоззрения. Предметом исследования являются условные языки, тарабарские языки, цифровые обозначения, система подчёркиваний в записках и посланиях высших представителей криминального мира. Элементы перечисленных систем позволяют определить мировоззрение их носителей, выявить особое отношение к законопослушному обществу в целом и систему ценностей.

Ключевые слова: условные обозначения, мировоззрение, афоризмы, криминал, кодекс АУЕ.

Abstract: The article examines the conventions of the criminal world in diachrony from the point of view of their worldview. The subject of the research is conventional languages, gibberish languages, digital symbols, the system of underscores in notes and messages of senior representatives of the criminal world. The elements of these systems make it possible to determine the worldview of their bearers, to identify a special attitude to the law-abiding world as a whole and a system of values.

Keywords: conventions, worldview, aphorisms, crime, AUE code.

К условным обозначениям криминальных элементов относятся условные и тарабарские языки, цифровые обозначения, татуировки, система подчёркиваний и написания ключевых слов с заглавных букв.

Мало разработанной темой в отечественной лингвистике и криминалистике является собственно условный язык. Он представлял собой меткие афористичные выражения, нередко близкие к пословицам и поговоркам. В настоящее время они почти не употребляются.

Известно, что поговорками украшал свою речь знаменитый московский вор и сыщик Ванька Каин. Что-то похожее имеется у А.С. Пушкина в «Капитанской дочке» и у А.К. Толстого в романе «Князь Серебряный», см. текст:

из «Капитанской дочки»: *Хозяин вынул из ставца штоф, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо, произнёс: «Эхе, – сказал он, – опять ты в нашем краю! Отколе Бог принёс?» Вожатый мой мигнул значительно и*

отвечал поговоркою: «***В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком – да мимо. Ну, а что ваши***?»

«Да что наши! – отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. – ***Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте****». – «Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять)* ***заткни топор за спину: лесничий ходит****»* [5: 48];

из романа А.К. Толстого «Князь Серебряный»:

– Кто едет? – спросил грубый голос.

– ***Бабушкино веретено*****!** – отвечал младший из новых товарищей князя.

– ***В дедушкином лапте***! – сказал грубый голос.

– *Откуда Бог несёт, земляки*?

– ***Не тряси яблони! Дай дрожжам взойти, сам-четверт урожаю***! – продолжал спутник князя [7: 94].

У В.И. Костылёва в романе «Жрецы» также используется условный язык: *Он* (Ванька Каин – М.Г.) *заговорил ни для кого не понятной скороговоркой:* «***Пол да серед сами съели, печь да полати в наём отдаём и идущим мимо милости подаём, и ты будешь нашего сукна епанча. Поживи в нашем доме, в котором довольно: наготы и босоты, изнавешены шесты, а голоду и холоду – амбары стоят. Пыль и копоть, притом нечего лопать***» [5: 62].

Этот «язык» имеется и у современных криминальных элементов зафиксированы в художественной литературе, см. отрывок:

Тут вот привет вам пришёл. Из камеры. Интересуются здоровьичком, – услышал фартовый. И тот же голос продолжал: – ***Табачку вам хотели передать. Говорили, что уважаете самосад? Но мы отказали. Рановато, мол, ответили. А уж так просили, говорили, что с семи трав собран. Особый сорт****.*

Бурьян чуть не подскочил. Узнал. С семи трав… Семеро на воле…

– Его, говорили, на воле лишь крепкие мужики курят, лешачьей породы. Потому отказали, что крепкого вам нельзя…

«Пахан на воле! – понял Бурьян. И надежда на возможность побега вновь закралась в сердце. – Только бы на катушки встать скорее, чтоб из больнички смыться» [4: 164].

Однако в силу своей замкнутости и трудности в запоминании условных фраз данный «язык» употребляется в криминальной среде сравнительно редко. Гораздо более известен тарабарский язык, употребляемый различными преступными сообществами.

Так, современные шулеры (карточные мошенники) используют систему прибавления к каждому слогу маскировочного звукового комплекса: разбивают слова на слоги и к каждому слогу прибавляют – *ко.* В связи с этим фраза: *Ты меня не знаешь*!» будет иметь следующий вид: *Коты комеконя коне кознакоешь*! Эта фраза может быть произнесена, например, в купе поезда, где двое шулеров обыгрывают жертву и куда внезапно врываются сотрудники уголовного розыска. Известно, что организованное шулерство карается законом, а в данном случае можно констатировать случайное стечение обстоятельств, случайную встречу и спонтанную игру. Фраза произносится быстро, натренированное ухо слушателя-шулера уловит смысл, а неопытный оперативник навряд ли может понять.

Исследователь Н.А. Еременко (см. его работу «Природа жаргонов, арго и тарабарщины») писал: «Так система «рун» отличается подстановкой «рун» после каждого слога: «*Дайрун дварун рубрунлярун нарун кируннорун*». Фраза произносится быстро в непонятной интонации, что требует длительной тренировки речи и слуха для понимания её» [3: 8].

В типологическом плане приведённые примеры тарабарских языков близки так называемым детским тайным языкам. Систему их образований хорошо описал Г.С. Виноградов в работе «Детские тайные языки». Он

утверждал, что нужда в непонятном для непосвящённых средстве общения через слово рождает *тайные языки* [1: 714–715].

По его мнению, наибольшую группу образуют языки, которые составляются при помощи так называемых маскировочных слогов или замкнутых слов (*уток*), при этом за основу берутся общенародные лексемы. Существуют, как утверждает Г.С. Виноградов, следующие разряды тарабарских языков.

1. С односложным *утком* (язык на *то*, *тутни-язык, язык-вахара*); языки с двусложным *утком*. Они имеют следующее строение: каждый слог основы отделяется двумя слогами *утка*. Образец: *Ты/фита ку/фита да/фита шла/фита*? (Ты куда шла?). К ним же относятся языки *драга, шицы, фара*; языки с многосложным *утком* (языки *ведива, вампа*).

2. С приставными слогами. Наиболее распространёнными оказываются языки на *вер, о, бер, ши, щи*.

3. С меной окончания основы (*фарты, харки, енции*), например: *Яхарки совсехарки, непонимахарки тебяхарки* – ‘Я совсем не понимаю тебя’; язык *шоцы* (образован следующим образом: после слова или слога прибавляется двусложный уток, содержащий финаль *-цы*, например: *Шайдацы шилкувицы и шожикноцы шожалуйстапоцы* (дай вилку и ножик, пожалуйста); оборотные (обратные) языки (проговаривание слов сзаду наперёд) [1: 718].

Особое место занимает собственно тарабарский язык, следы которого уходят в седую старину, когда русские дипломаты использовали тарабарскую грамоту. Его суть: заменяются десять согласных, идущих от начала русского алфавита, согласными, идущими от его конца, при этом сохраняются гласные.

Первый ряд: *б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н*;

Второй ряд: *ш, щ, ч, ц, х, ф, т, с, р, п*.

Примеры: кама/щамлтий яфы/т («тарабарский язык»).

Современные уголовники для сокрытия тайных целей нередко используют цифровые обозначения.

В практике Московского уголовного розыска имел место следующий случай: «В общественный транспорт, где переодетые оперативники безуспешно пытались поймать воров-карманников, входил неприметный мужчина и кричал: «*Два-тридцать восемь* или *четыре-тридцать восемь*!» Воров задержали, когда расшифровали этот код. «Неприметный мужчина», член шайки, знал в лицо всех оперативных работников, и первая цифра обозначала их число, а две последующие – Петровку-38, где и находится Московский уголовный розыск (МУР). Иными словами, смысл был следующий: «Два, четыре человека с Петровки-38». В этом случае к ним типологически близки арготические слова и выражения: *двадцать шесть*! – сигнал опасности (на улице Огарёва, 26 находилась полиция); *два с боку* – тюремный надзиратель; сигнал опасности (у дореволюционного тюремного надзирателя имелись две нашивки на рукаве) [2: 127].

Существуют также способы письменной связи – при помощи определённых символов, рисунков и шифров.

По поводу символики организации АУЕ единого мнения нет. Однако если у молодого человека имеются криминальные татуировки, то можно предположить, что он контактирует с профессиональными уголовниками. Наиболее распространёнными татуировками у молодых членов организации АУЕ, являются восьмиконечные звёзды на ключицах и коленях – неподчинение официальным властям, церковная символика, изображения на предплечье оскаленных хищных животных – *барса, тигра, волка* – символы отрицательного отношения к правоохранителям и рядовым арестантам. Цель нанесения подобных татуировок – выделиться среди сверстников, романтизировать преступную деятельность

Профессиональные уголовники активно стремятся распространять среди новичков-арестантов и молодёжи условные элементы их субкультуры. Приведём примеры из письменных источников с условными обозначениями профессиональных преступников. Начнём с того, что с заглавной буквы пишутся наиболее важные названия реалий жизни профессиональных уголовников, в том числе *положенцев, стремящихся, смотрящих* и *воров в законе*.

В переписке одной чертой подчёркиваются общие («*людские*») реалии для всех арестантов и начинающих уголовников среди молодёжи, двумя чертами – *воровское*, тремя чертами – слова, связанные с понятиями веры в Бога, и волнистой линией – всё то, что связано с правоохранительными органами. Вот примеры записей с расшифровкой для арестантов-новичков:

Приветствуем Всех порядочных Арестантов, Мужиков, Кто впервые в неволе! Всех, кто живёт Нашей Жизнью Воровской!

Всех, для Кого Воровские традиции Святы и Незабвенны. К Вам это обращение касаемо Уклада Жизни Нашей в неволе.

– Святое, ---- Людское, == Воровское, ~~ Мусорское

Х – Хата Воровская, Х – светлая хата

Хооо – Котёл (Главная хата на продоле)

 # – Карцер, Кича, С.Б.спец-БЛОК,

 # # # – камышовка мусорская,

Б.С. – бывший сотрудник, # # – Мусора,

Д.Н.О. – Дом Наш общий,

О – общий.

Задачи подобной переписки-шифра – объединить всех арестантов в одну группу и руководить ими (см. выражения *дом общий* – ‘исправительное учреждение’; *наша жизнь воровская)*, а также настроить против правоохранительных органов (см. слова: *мусора* – ‘работники

правоохранительных органов', *мусорское* – 'имеющее отношение к правоохранительным органам').

Заметим, что типологически лексика кодекса АУЕ повторяет слова и выражения *воров в законе* прошлого – 30–70 гг. XX в., см. *вор благородный, вор идейный, вор законный, вор порядочный* – это обозначения всех тех прошлых *воров в законе*, которые жили строго по правилам профессиональной преступности и не нарушали *воровские законы*. В то же время в записках (*прогонах*) современные профессиональные преступники обращаются ко всем арестантам, согласным жить по *воровским законам*, в том числе и к рядовым осуждённым (*мужикам*). Это делается с целью объединения всего уголовно-арестантского мира.

В кодексе АУЕ ключевыми словами и выражениями являются *честь, порядочность, достоинство, гады, суки, обиженные* (их бьют тапками, не называя *пидорами* (не является нецензурным, жаргонное выражение, образованное от устаревшего слова «педераст» – М.Г.), у них есть свой *смотрящий кур. Человечность, Порядочность, Люди, Человек*, образ Жизни, *Здравые Арестанты, Воры, Воровской сказ* (закон), *здравые арестанты, люди, Общее, Людское; Наша сила. Наша Людское, Общее*. *Гадов* бьют ногами, *сук* – палками. Поступок *негодяйский*.

Как видим, здесь явное извращение принципов жизни и морали законопослушных людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов Г.С. Детские тайные языки: Краткий очерк // Русский школьный фольклор. От «вызывания» Пиковой дамы до семейных рассказов. М, 1998. С. 711–742.
2. Грачев М.А. От Ваньки Каина до мафии: прошлое и настоящее уголов. Жаргона. С-Пб.: Авалон, Азбука-классика, 2005. 380.
3. Еременко Н.А. Природа жаргонов, арго и тарабарщины: Доклад по научно-исследовательской работе». Ленинградский гос. Ун-т им. А.А. Жданова, 1957. 34 с.
4. Колычёв В.Г. Мы – одна бригада. М.: Эксмо, 2005. 347 с.
5. Костылёв В.И. Жрецы: Роман. Саранск: Мордов. Кн. Изд-во, 1986. 303 с.
6. Пушкин А.С. Капитанская дочка. М: Наука, 1964. 284 с.
7. Толстой А.К. Князь Серебряный. Повесть времен Иоанна Грозного. М: Худож. Лит., 1966. 380 с.

ДАВЫДОВА Римма Сергеевна *(Тольятти, Россия)*

аспирант, ассистент
Тольяттинский государственный университет
e-mail: vs.rimma@bk.ru

КОНТАМИНАЦИЯ КАК СПОСОБ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ПРАГМАТОНИМОВ – ФИКТОНИМОВ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. В данной статье на примере прагматонимов – фиктонимов пищевой промышленности рассматривается контаминация как один из способов окказионального словообразования. В работе выявлены общие тенденции данного способа словообразования, а также его взаимосвязь с другим способом окказионального словообразования – графиксацией.
Ключевые слова: прагматоним, фиктоним, окказиональное словообразование, способы окказионального словообразования, контаминация, синкретизм, аппликация, амальгамация.

Abstract. In this article, using the example of pragmatonyms – fictonyms of the food industry, contamination is considered as one of the ways of occasional word formation. The paper identifies the general trends of this method of word formation, as well as its relationship with another method of occasional word formation – graphing.
Keywords: pragmatonym, fictonym, occasional word formation, methods of occasional word formation, contamination, syncretism, application, amalgamation.

В лингвистической русистике на данный момент не сформирована единая точка зрения на понимание термина «фиктоним». Ученые-лингвисты предлагают различные трактовки данного термина, среди которых выделяются две основные.

В соответствии с первой фиктонимы понимаются как имена собственные, фигурирующие в художественных произведениях [17]; прецедентные имена [20]; имена фольклорных героев, героев мифов и легенд, названия мест действия литературных произведений [19]; вымышленные имена собственные [15]. Данной точки зрения в рассмотрении фиктонимов придерживаются А.В. Суперанская, Е.А. Флейшер, Т.В. Федотова, О.Б. Переход.

Иной точки зрения придерживаются В.М. Калинкин [4], Н.Д. Осипова [10; 11]. В.М. Калинкин рассматривает фиктонимы как онимы, выдуманные автором и не фигурирующие в реальном ономастиконе

языка [4]. Н.Д. Осипова определяет фиктонимы как искусственно придуманные онимы, при этом отмечая, что их создание тесно связано с явлением персонификации [10].

Языковым материалом исследования послужили 113 прагматонимов – фиктонимов пищевой промышленности 80 российских производителей. Методом сплошной выборки с официальных сайтов российских производителей, сайта «WikiProm», Fabricators.ru, интернет-выставки «Производство России» были выявлены прагматонимы – фиктонимы наименования следующих групп продуктов: детское питание, молочная продукция, мороженое, готовые завтраки, мучные кондитерские изделия и конфеты.

В процессе изучения номинативных тенденций фиктонимов особое внимание привлек вопрос их словообразования. Исследованием окказионального словообразования занимались такие ученые, как Н.А. Янко-Триницкая [22], [23], Е.А. Земская [2], И.С. Улуханов [18], Р.Ю. Намитокова [9], Т.В. Попова [16], С.В. Ильясова [3] и М.У. Калниязов [5; 6]. Ими были разработаны различные классификации неузуальных способов образования новых слов. Опираясь на данные классификации, были выявлены способы, с помощью которых фиктонимы наименования пищевой промышленности образуются наиболее часто. Одним из таких способов окказионального словообразования фиктонимов стала контаминация. Данным способом образовано 16 номинаций, что составляет 14% от общего числа выявленных фиктонимов.

Термин контаминация в лингвистической русистике чаще всего используется в словообразовательном аспекте. В.П. Москвин дает контаминации достаточно пространное определение: «образование новой номинативной единицы в результате нарочитого объединения» [8: 343]. И.В. Пекарская, трактуя контаминацию как «принцип построения языковой и речевой единицы» [13: 269], отмечает, что языковые или речевые единицы, участвующие в образовании нового слова, должны

быть близки структурно, функционально или ассоциативно [13]. А.Н. Жукова обращает внимание на состав основ исходных слов и указывает, что данный способ словообразования заключается в слиянии «двух усеченных основ исходных слов, или полной основы с усеченной с целью создания новой лексемы, способной совместить и выразить суммарное значение входящих в нее структурных компонентов» [1: 14–15]. Н.В. Коновальцева определяет контаминацию как «образование, при котором соединение двух узуальных слов порождает окказионализм, состоящий из основы одного и лишь части другого» [7: 21], подчеркивая при этом разницу между контаминацией и междусловным наложением: «Внешняя форма одной из основ при контаминации не сохраняется, чем данный способ и отличается от междусловного наложения» [7: 21].

Вслед за И.В. Пекарской в процессе классификации контаминантов мы будем отталкиваться от способа их образования: синкретического (сложение или сращение слов), аппликативного (наложение) или амальгамативного (разнородная смесь различных языковых или речевых единиц в одной речевой) [12].

Контаминантов, имеющих синкретичный характер, на материале прагматонимов – фиктонимов пищевой промышленности выявлено не было.

Вторую группу составляют контаминанты аппликативного характера («два слова накладываются друг на друга с общей частью» [14; 95]) – 2 номинации: готовые завтраки *«Хрутка»* – предположительно образованы от глагола *хрустеть* и существительного *утка* (на упаковке изображен персонаж этой серии продукции – белый утенок); конфеты *«Шокорешки»* – наложение слов шоколадный и орешки.

Третья группа представлена контаминантами амальгамативного характера, составляет 12 номинаций и в свою очередь подразделяется на две подгруппы.

Первая включает в себя контаминанты, образованные посредством замены буквы, антиэллипсиса (вставкой) или эллипсисом (сокращением) [14]: мороженое *«Криспер»* – в данной номинации мы можем наблюдать наложение трех созвучных английских слов с разными значениями: *creesper* (с англ. – ползун), *crisp* (с англ. – хрустящий), кроме того на упаковке изображен *крипер* (от англ. Creeper – рептилия) – зеленое четырехногое существо из компьютерной игры Minecraft; мороженое *«МоКоКо»* – в качестве одного из исходных слов выступает слово *молоко*, второе, предположительно – *корова*; вафли *«СчастСливкино»* – наблюдается наложение слова *сливки* на слово *счастливый,* также в слове появляется топонимический формант *-ин(о),* характерный для названий сельских поселений [21]; слоеные изделия *«СлоНеные завтраки»* – посредством наложения слов *слоеный* и *слон* создается юмористический эффект; мармелад *«Мур-мелад»* – наложение звукоподражательного слова *мур* и слова *мармелад*; конфета *«Хрустофор Колумб»* – наложение слова *хруст* и *Христофор*.

В основе следующей группы контаминантов лежат слова, одно из которых в процессе амальгамации теряет свою часть или же оба слова теряют какой-либо сегмент [14: 96]: готовые завтраки *«Сытопуз»* – предположительно, от словосочетания *сытое пузо*; кукурузные палочки *«Маккорн»* – задействована фамилия индивидуального предпринимателя *Макеев* и переведенное на английский язык слово *кукуруза (corn)*; мороженое *«Снегуру»* – производители, используя прием персонификации, в рекламных слоганах называют вымышленного героя, изображенного на упаковке товара *снежный гуру*; вафли *«Мяфли»* – в названии заложена характеристика продукта – *мягкие вафли;* вафли *«Сладонеж»* – легко считывается одно из исходных слов *сладкий* и возникают ассоциации с топонимом *Радонеж*; конфеты *«Медофеты»* – изготавливаемое на частной пасеке лакомство, включающее в свой

состав мед, что и отражено в названии продукта – *мед* + усеченная основа слова *конфеты*.

Таким образом, выявленный языковой материал показал, что контаминация как способ окказионального словообразования активно применяется при номинации продуктов пищевой промышленности. Образованные данным способом прагматонимы – фиктонимы можно разделить на несколько групп в зависимости от способа совмещения единиц. Примечательно, что контаминантов, образованных посредством синкретизма, выявлено не было. Немногочисленная группа номинаций образована с помощью аппликации (2 номинации). Самой же объемной оказалась группа, включающая в себя контаминанты амальгаматического характера (12 номинаций). В целом, контаминация как способ окказионального словообразования активна для такого современного и креативного вида прагматонимов, как фиктонимы пищевой промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жукова А.Н. Семантические и прагматические характеристики лексической контаминации в современном английском языке: дис. канд. филол. наук: Самара, 2010. 150 с.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 220 с.
3. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2013. 296 с.
4. Калинкин В.М. Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки // Логос ономастики. 2008. № 2. С. 96–101.
5. Калниязов М.У. Окказиональные и потенциальные слова в языке современной периодики: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1978. 19 с.
6. Калниязов М.У. Окказиональные слова, созданные по конкретному слову-образцу // Вопросы стилистики. Саратов, 1976. С. 134–138.
7. Коновальцева Н.В. Окказиональное словообразование в языке и речи: Очерки по русской окказиональной дериватологии. Самара: Изд-во СамГПУ, 2003. 166 с.
8. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: общ. И част. Классификации. Терминол. Слов. М.: Ленанд, 2006. 373 с.
9. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону, 1986. 156 с.
10. Осипова Н.Д. Социокультурное значение фиктонимных прагматонимов – названий конфет в современном русском дискурсе / Поволжский педагогический вестник. Самара, 2020. Т. 8. № 1 (26). С. 61–66.
11. Осипова Н.Д. Русские отонимные прагматонимы – наименования конфет: комплексная характеристика: дис. канд. филол. наук. Самара, 2022. 238 с.

12. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2000. Часть 2. 344 с.
13. Пекарская И.В. Культура русской речи: энцикл. Слов.-справ.; под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 837 с.
14. Пекарская И.В. Лексическая контаминация как принцип и орнаментальный элокутив: к проблеме соотношения понятий и типологии. Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2013. С. 90–98.
15. Переход О.Б. Окказиональные имена собственные в романе-фэнтези М.Г. Успенского «Невинная девушка с мешком золота». Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. С. 272–275.
16. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта: Наука, 2005. 166 с.
17. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований / отв. Ред. А.П. Непокупный. М.: ЛКИ, 2007. 2-е изд. 256 с.
18. Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // Вопросы языкознания. М., 1984 № 1. С. 44–54.
19. Федотова Т.В. Источники эргонимической номинации // Научный вестник Южного института менеджмента. 2018. № 2. С. 98–104.
20. Флейшер Е.А. Основы прецедентности имени собственного: автореф. дис. … канд. филол. наук. С.-Петерб. Гос. Ун-т. Санкт-Петербург, 2014. 24 с.
21. Цеханович М.А. Суффикс -ск- в русской топонимии и проблема наложения морфем в оттопонимических прилагательных. Вестник ПСТГУ. III Филология 2007. Вып. 3 (9). С. 14–22.
22. Янко-Триницкая Н.А. Междусловное наложение // Развитие современного русского языка 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975. С. 253–257.
23. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001. 470 с.

ДАНИЧ Оксана Владимировна (*Витебск, Республика Беларусь*)

кандидат филологических наук, доцент
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
odanich@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ГРАМОТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (на материале учебного словаря лингвокультурной грамотности младших школьников)

Аннотация. В статье рассматривается содержание понятия лингвокультурной грамотности и ее основных составляющих: базовых фоновых культурных знаний и нравственных ценностей, характеристика которых позволяет определить их как составляющие ментальности, в данном случае, белорусской. Предлагается путь формирования данных феноменов на материале оригинального лексикографического представления объектов духовной и материальной культуры – словаря лингвокультурной грамотности. Словарь предназначен для работы с детьми младшего школьного возраста как наиболее сенситивного к социокультурному образованию.

Ключевые слова: лингвокультурная грамотность, белорусская ментальность, младшие школьники, учебный словарь.

Abstract. The article examines the content of the concept of linguistic and cultural literacy and its main components: basic background cultural knowledge and moral values, the characteristics of which make it possible to define them as components of the mentality, in this case, the Belarusian one. The author suggests a way to form these phenomena based on the original lexicographic representation of objects of spiritual and material culture – the dictionary of linguistic and cultural literacy. The dictionary is designed to work with children of primary school age as the most sensitive to socio-cultural education.

Keywords: linguistic and cultural literacy, Belarusian mentality, elementary school students, educational dictionary.

Содержание понятия ментальности продолжает оставаться открытым, поскольку является предметом интереса представителей многих областей научного знания: философии, психологии, этнопсихологии, культурологии, лингвокультурологии, когнитивистики, педагогики и др. Остановимся на дефиниции, предлагаемой «матерью всех наук» – философией. Ментальность – это «образ мышления, общая духовная настроенность и способ поведения человека, группы, которые большей частью связаны с определёнными ценностными акцентами в отношениях к действительности [4]. Ключевым аспектом ментальности, по нашему мнению, является ее способность определять особенности поведения и человека как представителя конкретного этноса, и целого этноса. Безусловно, ментальность носит национальный характер, поэтому и является ключом к пониманию души народа, и помогает прогнозировать возможные пути его развития.

Близкими к понятию ментальности являются «нрав», «национальный характер», «национальный дух», «менталитет». Достаточно распространенным является синонимичное употребление терминов «ментальность» и «менталитет» (С.Б. Переслегин, В.В. Веселова, Р.Г. Шарипов и др.), но, согласно мнению ряда исследователей (П.К. Дашковского, Г.В. Акопова, Т.В. Ивановой, А.В. Метелева), такое отождествление является недостаточно корректным, поскольку содержание этих понятий зависит как от отрасли

знания, в рамках которой рассматриваются эти феномены, так и применяемого методологического аппарата. Предметом нашего научного интереса является еще одно понятие, связанное с национальными особенностями освоения действительности и бытования в ней, – культурная грамотность, которая является основой, необходимой базой для формирования общей культуры личности. Поскольку для нас неоспоримым является взгляд известных философов языка, культуры и образования (В. Фон Гумбольдта, Л. Витгенштейна, К. Леви-Стросса, М. Хайдеггера, М. Пьюзо) на язык как универсальное средство присвоения культуры, формирования ее уровня, то более точным будет употребление термина «лингвокультурная грамотность».

В нашем понимании, лингвокультурная грамотность – это степень владения базовыми фоновыми культурными знаниями, приоритетными нравственными ценностями, читательскими умениями, важнейшими языковыми и речевыми нормами, что составляет основу общекультурной компетентности личности [1]. Содержание лингвокультурной грамотности носит национально окрашенный характер, ведь объем культурных знаний и система нравственных социально одобряемых ценностей могут существенно отличаться для разных наций. Таким образом, ядро, основа лингвокультурной грамотности – базовые фоновые культурные знания и нравственные ценности – могут быть включены в состав ментальности.

Распространенным является представление о возрасте от 3-х до 14-ти лет как максимально благоприятном для обучения, воспитания и формирования ментальности личности в рамках определенной этнокультурной общности. Тогда и формирование лингвокультурной грамотности должно приходиться на ранние периоды развития человека – дошкольный, младший и средний школьный возраст. В силу перехода от наглядно-образного к словесно-логическому мышлению, активному развитию эмоциональной и когнитивной сфер личности, закладыванию основ нравственного поведения и усвоения моральных норм, младший

школьный возраст является максимально сенситивным к внешнему воздействию, направленному на формирование и дальнейшее развитие социальных аспектов: усвоение национальной картины мира, стереотипов, эталонов, ценностных ориентиров. В этом случае одним из путей успешной социализации ребенка будет работа над формированием его лингвокультурной грамотности. Организация этого процесса может быть локализована как в учебной деятельности младшего школьника, так и во внеучебной.

Формирование лингвокультурной грамотности в учебной деятельности белорусских младших школьников осуществляется средствами целого ряда учебных предметов: русского и белорусского языков, литературного чтения (русского и белорусского), учебного предмета «Человек и мир», «Моя Родина – Беларусь», изобразительного искусства, музыки. Внеучебная деятельность также обладает огромным потенциалом для формирования уровня общей культуры ребенка: организация работы факультативов (факультативных занятий), таких, например, как «В мире культуры», «Мой край», «Азбука нравственности», «Будущее начинается сегодня», «Речевой этикет» и др.; тематические классные часы, кружки, секции, клубы, студии, экскурсии, игры, викторины, соревнования, конкурсы, олимпиады, спартакиады, квесты, квизы, праздники, акции и др.

Методическое обеспечение формирования лингвокультурной грамотности требует особого внимания. Одним из универсальных учебно-методических средств, ориентированных на общекультурное и гражданско-патриотическое образование младших школьников, является разработанный нами «Учебный словарь лингвокультурной грамотности младших школьников» [2].

В данном словаре фоновые культурные знания, являющиеся основным компонентом лингвокультурной грамотности, представлены как наиболее ценные сведения из разных сфер деятельности человека,

необходимые для того, чтобы ребенок мог свободно ориентироваться в окружающей действительности и адекватно общаться с представителями, как минимум, своей этнокультурной общности. Это представление базируется на положениях распространенной теории культурной грамотности американского педагога и культуролога Э.Д. Хирша, воплощенной в знаменитом «Словаре культурной грамотности» («Новом словаре культурной грамотности» (2002)), а также в многочисленных национальных словарях подобного типа: голландских, шведских, немецких, российских и др. Наиболее ценные сведения о белорусской культуре в контексте мировой, необходимые и доступные для усвоения детьми младшего школьного возраста, представлены в словаре двумя группами:

1) наименования объектов духовной и материальной собственно белоруской культуры: прецедентные имена (*Евфросиния Полоцкая, Франциск Скорина, Янка Купала, Якуб Колас, Марк Шагал, Радзивиллы);* природные объекты *(Беловежская пуща, Брестская крепость, Нарочь, Березинский заповедник)*; исторические памятники (*Хатынь, Брестская крепость);* народные праздники (*Коляды, Купалье, Радуница, Дожинки*);

2) названия универсальных объектов духовной и материальной культуры, которые являются особенно значимыми для конкретной культуры (в нашем случае, белорусской): общечеловеческие символы (*Родина, культура, язык*); восточнославянские символы (*азбука, нить, дом, человек, дерево, мост, хлеб, книга, рубашка, колокол*; белорусские национальные символы: *аист, василек* и др).

Именно формирование и дальнейшее пополнение багажа фоновых культурных знаний является приоритетной задачей деятельности, направленной на общекультурное развитие младших школьников. Каждый из объектов мировой и национальной культуры может стать предметом изучения в образовательном процессе любого формата: от

традиционного урока до тематического классного часа, квеста или виртуальной экскурсии.

Не менее важным для формирования уровня общей культуры, основой которой является лингвокультурная грамотность, мы считаем построение системы нравственных ориентиров. Особенно это актуально для детей младшего школьного возраста, когда активно присваиваются духовно-нравственные ценности, предлагаемые школьнику извне. Поэтому в «Учебным словаре лингвокультурной грамотности младшего школьника» представлены базовые нравственные ценности (*совесть, дружба, труд, доброта, честность)*, владение которыми обеспечит гармоничное духовное развитие личности будущего взрослого, от которого зависят пути развития общества в целом.

Содержание и особенности структуры словаря, в частности, его интерактивная форма, позволяют это сделать. Словарная статья имеет сложную многокомпонентную структуру: заголовочная единица; ее толкование на уровне, доступном пониманию детей младшего школьного возраста; информационный текст, раскрывающий основные характеристики этого объекта культуры; иллюстрация употребления этого наименования в составе фразеологизмов и паремий как наиболее культурно-национально окрашенных единиц языка; ассоциативный ряд с наименованием-стимулом; словообразовательное гнездо, которое помогает глубже осознать место слова-наименования в национальной языковой картине мира, и художественный текст, в эмоционально-образной форме дополняющий понимание ценности изучаемой культурной реалии. Заметим, что каждая часть сопровождается практическими заданиями, которые направлены на закрепление полученных знаний.

Такой путь формирования основных компонентов лингвокультурной грамотности как составляющих белорусской ментальности представляется нам эффективным, поскольку соответствует основным

характеристикам этого феномена: «Ментальные нормы являются эмоционально насыщенными, трудно формулируемыми и, как правило, зафиксированными в передающихся от поколения к поколению социокультурных императивах поведения: обычаях, традициях, верованиях. Ментальные характеристики чаще всего проявляются не столько на уровне строгого формально-логического анализа, сколько «проговариваются» в пословицах, поговорках, мифах, былинах, преданиях, сказках, анекдотах» [3: 30].

Таким образом, содержание понятия лингвокультурной грамотности, сущностные характеристики ее основных компонентов (базовых фоновых культурных знаний и нравственных ценностей) позволяют увидеть целевой ориентир процесса формирования этого феномена, а именно: становление основ национального менталитета (ментальности) на ранних этапах развития личности, в нашем случае личности детей младшего школьного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данич О.В. Лингвокультурная грамотность младших школьников: содержание и структура понятия // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. 2024. № 3. С. 68–76.
2. Данич О.В. Учебный словарь лингвокультурной грамотности младших школьников Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. 145 с.
3. Кириенко В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы. Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого. 2009. 319 с.
4. Философский словарь. URL: https://www.harc.ru/slovar/1249.html (дата обращения: 08.05.2025).

ДЕВЯТОВА Надежда Михайловна *(Москва, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
deviatovan@mail.ru

ПРЕДМЕТНЫЕ РЕАЛИИ: КОГНИТИВНЫЙ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ (НА ПРИМЕРЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *ТРАМВАЙ)*

Аннотация. В докладе на примере существительного «трамвай» рассматривается роль предметных реалий в жизни человека, их когнитивный и сравнительный потенциал. Как привычная реалия в жизни человека,

сопровождающая его на протяжении длительной истории, трамвай приобрел культурно значимые смыслы, стал частью поэтического языка. Когнитивный и сравнительный потенциал имени выявляется в результате синтаксического анализа многообразных употреблений номинации.
Ключевые слова: предметный мир, трамвай, когнитивный и сравнительный потенциал имени, культурно значимые смыслы.

Abstract. Using the noun “tram” as an example, the report examines the role of objective realities in human life, their cognitive and comparative potential. As a familiar reality in human life that accompanies it throughout its long history, the tram has acquired culturally significant meanings, becoming part of the poetic language. The cognitive and comparative potential of the name is revealed as a result of a syntactic analysis of the diverse uses of the nomination.
Keywords: object world, tram, cognitive and comparative potential of a name, culturally significant meanings.

1. Предметный мир составляет наше естественное окружение и отражает особенности человеческого взгляда на мир, русское национальное сознания.

2. Трамвай как часть предметного мира служит человеку средством передвижения, проявляя таким образом свое инструментальное предназначение: Трамвай – «городская наземная электрическая дорога, а также ее вагон или поезд» [3: 805]. Толкование не учитывает всех значимых признаков единицы: перевозит людей, имеет определенный маршрут движения, исходный и конечный пункт, движется с определенной скоростью, останавливается на остановках, имеет номер.

3. В зависимости от ситуации, в которой используется предмет, он создает разный оценочный контекст [1].

Предметная сущность имени определяет характер его синтаксического поведения, концептуально значимые смыслы.

4. Одно из частотных употреблений существительного – предметный субъект, функциональное назначение которого передается глаголами движения: *трамвай едет, подходит к остановке, набирает скорость, трамвай тащился еле-еле, трамвай заносит на поворотах.* Скорость трамвая может меняться и восприниматься по-разному человеком: *трамвай тащится и трамвай бежит*. Большая скорость делает трамвай опасным средством передвижения: *попал под трамвай*.

Движение трамвая сопровождается резкими звуками: *трамвай грохотал, зазвенел.*

5. Пространство трамвая человек воспринимает как пространство обжитое. Здесь проходит часть жизни человека. В трамвае читают, уступают места, забывают вещи. Здесь продолжается обычная жизнь: *думала о нем на работе, в трамвае, стоя в очереди за продуктами.* Здесь происходят и судьбоносные встречи.

6. Признак «наполненность трамвая» – наличие в нем пассажиров – реализуется как признаки пространства: *пустоватый дневной трамвай, подошедший трамвай брали с боем, переполненный трамвай, народу в трамвай набивалось много.* Например: *Нас в набитых трамваях болтает. / Нас мотает одна маета. / Нас метро то и дело глотает, / Выпуская из дымного рта* (Е. Евтушенко).

Трамвай ходит с промежутками, поэтому трамвая ждут: *из-за поворота показался трамвай, из-за угла вынырнул трамвай.*

7. Синтаксема ***в трамвае*** передает локативное значение и называет пространство нахождения пассажиров и способ перемещения – *ездить в трамвае*. Как локативный субъект, ***в трамвае*** выступает как субъект состояния: *В трамвае душно, тесно*.

8. Синтаксема ***в трамвай*** обозначает начальный пункт движения: *войти, сесть в трамвай, прыгнуть на ходу в трамвай.*

Синтаксемы *в трамвай, на трамвай* в ряде случаев выступают как синонимичные. Ср.: *сесть в трамвай / на трамвай.* Однако *на трамвай* имеет и отличное значение. *На трамвай* не воспринимается как внутреннее пространство, а представляет директивную синтаксему, обозначая направление движения.

9. В сравнительные конструкции т*рамвай* входит в разных своих формах: *как трамвай, как в трамвае* и др. Компаративная константа сравнительной конструкции актуализует центральные признаки концепта:

теснота, грубо вести себя, душно, однако сравнительный потенциал трамвая значительно беднее его когнитивного потенциала.

10. Когнитивный потенциал имени объясняет жизнь концепта в русской литературе: трамвайная вишенка (О. Мандельштам), символ жестокого времени и судьбы поэта, неотвратимость судьбы (М.А. Булгаков), повседневная жизнь (Б. Окуджава) [1], детство (А. Тарковский) [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Девятова Н.М. О сравнительном потенциале отдельных тематических групп лексики в лирике Б.Ш. Окуджавы // Русская словесность, 2025. № 1. С. 40–46.
2. Казмирчук О.Ю. Интерпретация мотива детства в книге А.А. Тарковского «Зимний день» // Новый филологический вестник. 2006. № 1 (2). С. 129–135.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов; под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд. М.: Русский язык. 1991. 917 с.

ДЕДИНКИН Александр Леонидович *(Витебск, Беларусь)*

кандидат исторических наук, доцент
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»
alexanderdedinkin@yandex.by

РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ УГОВАРИВАНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ЭКСТРЕМИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматриваются способы речевого воздействия в русскоязычном экстремистском дискурсе (на примере речевой стратегии уговаривания и её тактик). Речевая стратегия содействует выполнению поставленной коммуникативной цели, а речевые тактики являются конкретными речевыми действиями, направленными на выполнение определённой задачи в рамках той или иной стратегии. Тактиками, реализующие стратегию уговаривания, являются обращение к эмоционально-чувственной сфере адресата; «авторитетным» источникам; здравому смыслу и компетентности адресата; групповым ценностям, которых придерживается адресат.

Ключевые слова: экстремистский дискурс, прагматика дискурса, речевое воздействие, речевая стратегия, речевая тактика, уговаривание.

Abstract. The article examines the methods of speech influence in the Russian-language extremist discourse (using the example of the speech strategy of persuasion and its tactics). A speech strategy contributes to the fulfillment of a set communicative goal, while speech tactics are specific speech actions aimed at fulfilling a specific task within the framework of a particular strategy. Tactics that implement a strategy of persuasion include appealing to the addressee's emotional and sensory sphere; "authoritative" sources; the addressee's common sense and competence; and the group values that the addressee adheres to.

Keywords: extremist discourse, pragmatics of discourse, speech impact, speech strategy, speech tactics, persuasion.

Речь человека обладает определённой суггестивностью. С её помощью собеседнику можно что-либо внушить, в чём-либо убедить или к совершению чего-либо побудить. Речевое воздействие проявляется в эксплицитной или имплицитной формах, осуществляется через просьбы, угрозы, обещания и другие коммуникативные приёмы.

Существуют разные подходы к определению понятия *речевое воздействие*. Так, Е.Ф. Тарасов рассматривает его как отношения между коммуникантами, детерминированные какой-либо целью [4: 3–14]. По мнению О.С. Иссерс, субъект речевого воздействия влияет на мировоззренческие установки и поведенческие паттерны собеседника, а объект, соответственно, испытывает со стороны субъекта «давление» [1: 114–123]. С точки зрения В. Петренко, речевое воздействие связано с перестройкой индивидуального сознания объекта [2: 18–31]. И.А. Стернин полагает, что важнейшими условиями эффективности речевого воздействия являются достижение цели и сохранение баланса отношений между собеседниками [3: 16–28]. С подобным подходом автора применительно к экстремистскому дискурсу трудно согласиться, так как при нарушении коммуникативного равновесия (например, в случае с использованием адресантом манипулятивных техник) воздействие на адресата может быть результативным, и, соответственно, вполне эффективным.

Речевое воздействие в рамках экстремистского дискурса реализуется через набор речевых стратегий и тактик. Под *речевой стратегией* понимаем совокупность речевых актов, содействующих выполнению поставленной коммуникативной цели. Соответственно, *речевая тактика* является конкретным речевым актом, направленным на выполнение определённой задачи в рамках реализации той или иной стратегии.

Экспертная практика позволила нам выявить три ключевые стратегии, которые характерны для речевого поведения экстремиста: уговаривание, дискредитация и запугивание. Наши наблюдения основаны на результатах 64 судебных лингвистических экспертиз, которые были проведены автором в 2018–2025 гг. (проанализированы 488 вербальных и креолизованных текстов).

Стратегия уговаривания имеет отличия от схожих по целевым установкам просьбы и убеждения. Так, по сравнению с просьбой, уговаривание реализуется не в один, а в несколько коммуникативных ходов. Также при воздействии на собеседника при уговаривании используются определённые доводы, что отсутствует в случае выражения просьбы. В отличие от убеждения, посредством которого адресант апеллирует к разуму адресата, уговаривание воздействует в первую очередь на его эмоциональную сферу, а логические доводы в этом случае являются лишь факультативным средством.

При использовании стратегии уговаривания в рамках русскоязычного экстремистского дискурса ставится цель побудить адресата к совершению каких-либо противоправных действий. Автор текста при выборе данной стратегии исходит из того, что определённые пресуппозиции у коммуникантов не коррелируют и читатель (слушающий) может отказаться выполнять то, что ему предлагается.

На основе анализа материалов из экспертной практики предлагаем выделить следующие тактики в рамках стратегии уговаривания:

5. *Обращение к эмоционально-чувственной сфере адресата.*

В русскоязычном экстремистском дискурсе адресант апеллирует к эмоциям адресата, который тем самым побуждается к выполнению действий или принятию решений, которые полностью или отчасти не соответствуют его интересам.

Так, для мобилизации адресата против общего «врага» в экстремистских текстах провоцируется такая эмоция, как *гнев*:

Цыгане, которые год за годом загаживают всё в наших городах, ещё и безнаказанно совершают преступления. Сколотили банды… Они открыто торгуют наркотиками, разрушая жизни молодых ребят. Неужели никто об этом не знает? Власти закрывают на это глаза, а правоохранительные органы либо бездействуют, либо сами оказываются замешанными в их преступных схемах. Наши дети становятся жертвами этой отравы, а цыгане живут в роскоши, построенной на крови и слезах наших матерей. Почему мы должны мириться с этим? Почему никто не останавливает это всё? Хватит терпеть! Хватит страдать!

2. Обращение к здравому смыслу и компетентности адресата.

Используя данную тактику, адресант, во-первых, создаёт видимость того, что его позиция опирается на неопровержимые доказательства, подразумевая, что адресат – разумный человек, который обязан согласиться с приведёнными аргументами:

Каждый здравомыслящий человек понимает, что текущая ситуация в стране неприемлема. Власть, которая печётся только о своём кошельке и годами игнорирует интересы народа, продолжает вести себя как абсолютно бесконтрольная сила. Разве это не очевидно, что коррупция, беззаконие и произвол стали нормой? Разве можно закрывать глаза на то, как нас грабят и народ остаётся в нищете? Хватит уже спать! Мы же умные люди… Это мы герои своей страны! Не позволяйте себя обмануть пропагандой, которая пытается скрыть правду. Не верьте телевизору! Пришло время действовать, настал наш час, и только от нас теперь зависит, сможем ли мы остановить этот жуткий беспредел и стать свободными…

6. *Обращение к «авторитетным» источникам.* В русскоязычных экстремистских текстах подобная тактика используется

для убеждения читателя в достоверности и обоснованности высказывания:

Многие известные историки, такие как Дэвид Ирвинг, указывают на то, что нацистская Германия была примером эффективного государственного управления. В своих работах автор подчёркивает, что экономика Третьего рейха была быстро восстановлена после кризиса, а безработица была сокращена до минимума благодаря грамотной политике национал-социалистов… Подумайте, что-то в этом есть… Не пора ли перенять этот опыт?

7. Обращение к групповым ценностям.

Рассматриваемая тактика используется в русскоязычном экстремистском дискурсе для усиления воздействия на аудиторию, формирования чувства принадлежности к группе и побуждения её членов к действиям, которые продиктованы соответствующей деструктивной идеологией.

Авторы экстремистских текстов апеллируют к чувству принадлежности по национальному, религиозному, идеологическому и иным признакам (*Мы, русские, должны защитить нашу землю от всякой инородной мрази*).

В экстремистских текстах автор обращается к нравственным ценностям группы, чтобы оправдать свои действия и придать им видимость справедливости (*Мы должны бороться за справедливость и очистить нашу землю от черножопых, даже если это требует жертв*).

Экстремисты опираются на чувство долга перед группой, чтобы побудить адресата к тем или иным действиям (*Ты обязан защитить своих братьев и сестёр, иначе ты просто… предатель*).

Для вовлечения адресата в «общее» дело используется идея коллективной ответственности, что исключает его «нейтральную» позицию (*Если ты не с нами, то ты против нас!*).

В русскоязычных экстремистских текстах часто подчёркивается исключительность группы, её «великая» миссия, что усиливает чувство превосходства над другими общностями (*Мы избранные, нам суждено изменить мир!*).

Авторы экстремистских текстов осуждают оппонентов, угрожают тем, кто не разделяет взгляды группы (*Тот, кто не поддерживает нашу борьбу, тот достоин только одного… полного презрения*).

Как видим, обращение к групповым ценностям является действенным инструментом манипуляции общественным сознанием. Подобные высказывания создают иллюзию единства «мы-сообщества», содействуют формированию у адресата чувства долга перед группой и страха перед возможностью быть из неё исключённым. Для реализации поставленных задач в экстремистском дискурсе используются номинации, которые содействуют формированию у адресата чувства принадлежности к группе («мы», «братья», «соотечественники», «друзья»), а также эмоционально-экспрессивные номинации («великолепные», «прекрасные», «изумительные» (люди), «герои», «русские богатыри» и т. д).

Таким образом, использование стратегии уговаривания в рамках экстремистского дискурса представляет собой серьёзную угрозу как для отдельных индивидов, так и для общества в целом. Понимание методов реализации этой стратегии позволяет разработать эффективные меры противодействия, которые могут снизить уровень радикализации и предотвратить распространение насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
2. Петренко В.Ф. Структура сознания в речевом воздействии // Оптимизация речевого воздействия: сб. тр. М.: Наука, 1990. С. 18–31.
3. Стернин И.А. Речевое воздействие как интегральная наука // Речевое воздействие: сб. науч. Тр. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2000. С. 3–6.
4. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / отв. Ред. Ф.М. Березин, Е.Ф. Тарасов. М.: Наука, 1990. С. 3–14.

ДМИТРИЕВА Юлия Леонидовна *(Горловка, Россия)*

доктор филологических наук, доцент, профессор,
Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова
juls88dmutrieva@yandex.ru

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ГОРЛОВЧАНИНА В ТЕКСТАХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ ДОНБАССА
(на материале газеты «Кочегарка»)

Аннотация. В статье языковой образ рассматривается как единица метаязыка лингвистического исследования. Автором проанализированы работы учёных, посвящённые образу человека, приведены три базовых параметра данного образа. Языковой образ определяется как вербализированное восприятие феноменов окружающего мира. Одной из основных особенностей его формирования является отклик на языковой материал. В работе выявлены и описаны средства экспликации образа горловчанина. В их числе конкретные имена существительные, относимые к лексико-семантическим группам «Род деятельности» и «Член семьи», имена собственные. При репрезентации образа горловчанина в газетных текстах приводится дифференциация на «своих» (горловчан, земляков) и «чужих» (врагов).

Ключевые слова: языковой образ, признак, лексема, лексико-семантическая группа, образный ландшафт.

Abstract. In this article, the linguistic image is considered as a unit of the metalanguage of linguistic research. The author analyzes the works of scientists dedicated to the image of a person, and presents three basic parameters of this image. A linguistic image is defined as a verbalized perception of the phenomena of the surrounding world. One of the main features of its formation is the response to linguistic material. The paper identifies and describes the means of explicating the image of a Gorlovka resident. These include concrete nouns belonging to the lexico-semantic groups “Occupation” and “Family member,” and proper nouns.

Keywords: linguistic image, feature, lexeme, lexico-semantic group, figurative landscape.

Языковой образ трактуется как выраженное средствами языка зрительное восприятие человеком феноменов онтологического мира и, прежде всего, себя, своего места в социуме и действительности. Он является объектом рассмотрения философов, психологов, филологов, культуроведов и т. д., поскольку представляет собой «пример аналоговой репрезентации» [7: 42]. Средства выражения такого примера фиксируются как в языке произведений конкретного автора (например, С.А. Есенина), так и в лексической и грамматической системе русского языка. Так, образ человека репрезентируется в сознании носителей русской лингвокультуры как лексемой *человек*, так и рядом синонимов и

описательных конструкций, которые объединяются в лексико-семантические и, шире, тематические группы (например, лексико-семантическая группа «Названия лиц» в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой включает подпарадигмы «Реальные лица, люди», «Названия собственно оценки, обращения», «Совокупности лиц» и «Религиозные, мифологические, сказочные, фантастические человекоподобные существа»). Наконец, исследователи описывают особенности функционирования в системе русского языка в диахроническом аспекте тех или иных наименований, эксплицирующих образ человека (например, изложенная В.В. Виноградовым в «Истории слов» специфика использования лексемы *личность* и соотношение объема значения данного вербального знака в разные века в русском литературном языке [1: 271–309]).

Обращаются ученые и к описанию внутреннего мира человека, репрезентированного лексемами *душа, сердце, интеллект* и т. д. (см. работы А.Д. Шмелёва, Е.В. Урысон, Т.В. Бахваловой и т. д.). Напротив, отношения с внешним миром исследуются Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гаком, Ю.Д. Апресяном и др. Ю.С. Степанов, также обращаясь к изучению данного образа (константы в терминологии филолога), выделяет «три линии естественной параметризации, или аспектации» [6: 552]: это отношение человека к внутреннему и внешнему миру, к другим людям и, наконец, к социуму.

Однако языковой образ горловчанина как образ человека, проживающего в конкретной местности, ранее не был объектом исследовательского интереса, что обусловливает актуальность нашей работы.

Цель статьи – выявление и описание средств экспликации образа горловчанина. Материалом изучения послужили тексты локальных СМИ, в частности газеты «Кочегарка ДНР» (№ 9 (516) от 05 марта 2025).

Будучи итогом познавательной деятельности, образ тесно связан с ощущениями и модальностями восприятия, трактуемыми в качестве доминант познания объектов окружающего человека мира. При анализе образа учитываются следующие параметры его формирования: предметность, чувственность, означенность, выделение фигуры и фона. Соответственно, содержание образа одновременно и объективно, поскольку содержит чувственно познаваемую информацию о действительности и человеке, и субъективно, т.к. поступающие данные всегда интерпретируются познающим субъектом. Кроме того, в содержание образа входят сведения об объекте, зафиксированные в опыте этноса. Например, лексема *человек* интерпретируется как ‘живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда’ [4: 67]. В приведённой словарной дефиниции зафиксированы как представления человека о самом себе, так и эксплицированы означенность, чувственность и предметность образа.

Однако лексемы *гражданин, душа, индивид, индивидуал, индивидуальность, индивидуум, лицо, личность, микрокосм, особа, персона, смертный, субъект, тип, фигура,* элемент, относимые Н.Ю. Шведовой к общим обозначениям человека, репрезентируют образ человека вообще, релевантным для нас является анализ средств экспликации жителя определенной местности, который в текстах горловской газеты «Кочегарка ДНР» выражен как словом *горловчанин*, так и рядом других средств. Отметим, что ключевое слово рассматриваемого образа не зафиксировано в толковых словарях русского языка. Его значение выводимо из корня, называющего территорию проживания, и суффикса со значение принадлежности к указанной местности. Ср.: ***Горловчане*** *– пример мужества и стойкости русского народа* (Кочегарка ДНР, № 9 (516) от 05.03.2025); *«Кочегарка» продолжает знакомить* ***горловчан*** *с героическим и без преувеличения*

земляками (Там же); *В роте было много* ***горловчан*** *совершенно мирных профессий, никогда не державших в руках оружия* (Там же); *В начале февраля 2022 года, с момента полномасштабной эскалации вооруженного конфликта, тысячи* ***горловчан****, не раздумывая, откликнулись на призыв к мобилизации…* (Там же).

Отметим, что в предложении *«Кочегарка» продолжает знакомить* ***горловчан*** *с героическим и без преувеличения земляками* (Там же), образ горловчанина эксплицирован также лексемой *земляк*, то есть ‘уроженец одной с кем-нибудь местности’ [4: 192], относимой, согласно концепции Н.Ю. Шведовой, к подпарадигме «реальные лица, люди».

В текстах новостного издания анализируемый образ вербализован словосочетанием *житель нашего города*, то есть «тот, кто живёт, проживает» [4: 70] в городе Горловка. Ср.: *Немало среди* ***жителей нашего города*** *тех, на чью судьбу выпало защищать Отечество с оружием в руках в советские годы* (Кочегарка ДНР, № 9 (516) от 05.03.2025). В приведенном примере выражено также членение на «своих» и «чужих»: так жители города причисляются к «своим», родным и близким по духу. «Чужие» же эксплицируются в текстах при описании врагов. Ср.: …*принимая самый тяжелый удар* ***киевских нацистов*** (Там же); *Рискуя своей жизнью под постоянными обстрелами и беспилотниками* ***врага****, Илья проявил настоящий героизм…* (Там же).

В современных лингвистических исследованиях (см. работы Ю.Н. Караулова, Е.Г. Беляевской, М.Я. Розенфельд, Ю.Л. Дмитриевой и др.) образ включают в число базовых единиц промежуточного языка, который присущ тезаурусному уровню (уровню знаний о мире) языковой личности. Рассматриваемый феномен позволяет соразмерно отобразить объект действительности и воссоздать его из коллективного опыта, закрепленного в естественном языке. В теории языкового образа аксиоматичен тезис о том, что его составляют признаки познаваемого объекта, которые выражаются языковыми средствами. Так, образ

горловчанина, кроме указанных выше наименований, в текстах «Кочегарки ДНР» эксплицирован конкретными именами существительными, называющими социальный статус или род деятельности человека, и онимами. Ср.: *Именно такими качествами и обладает* ***Олег Сладкевич*** *–* ***директор*** *общеобразовательной школы № 42,* ***педагог*** *с большим стажем,* ***учитель-методист*** (Кочегарка ДНР, № 9 (516) от 05.03.2025); *Это и* ***учителя****, и* ***руководители кружков****, и* ***слесаря****, и* ***сторожа*** (Там же); *А два* ***человека*** *и сейчас служат. Наш* ***учитель истории Александр*** *– интеллигентный, воспитанный* ***человек****, грамотный* ***педагог****, был ранен, но продолжает служить. Второй* ***парень*** *–* ***учитель по труду и информатике, Евгений****, также на фронте* (Там же); *За долгие годы войны пришлось видеть вас в самых разных образах: вы и* ***медики,*** *и* ***волонтеры****, и* ***связисты****, и* ***снайперы****…* (Там же); *Никуда не ушли и тыловые обязанности:* ***коммунальщики, преподаватели, продавцы, почтальоны*** (Там же).

В предложениях образ горловчанина выражен как словами лексико-семантической группы «Род деятельности» (*директор, педагог, руководитель, коммунальщик, продавец, снайпер* и т. д.), так и собственными именами (*Олег Сладкевич, Александр, Евгений*).

Кроме того, в текстах газеты образ горловчанина эксплицирован лексемами, указывающими на возрастную дифференциацию жителей города. Ср.: *Примечательно, что этот заезд – уже третий по счету с начала текущего года: в гостях* ***юные горловчане*** *проведут три недели* (Кочегарка ДНР, № 9 (516) от 05.03.2025); ***Человек*** *активной жизненной позиции, душой болеющий за свой* ***коллектив****, за* ***учеников****, требовательный, но справедливый, завоевал всеобщее уважение к себе* (Там же).

Наконец, в рассматриваемом издании образ горловчанина эксплицирован также лексемами лексико-семантической группы «Члены

семьи». Ср.: *Вы – преданные **жены**, любящие **мамы**, заботливые **бабушки**, чуткие **сестры*** (Кочегарка ДНР, № 9 (516) от 05.03.2025); *Однако оставить службу пришлось, и тут горловчанин признается: серьезную поддержку почувствовал уже сам – от **близких**, от волонтерских и общественных организаций…* (Там же).

Б.М. Гаспаров отмечает, что языковые образы возникают в ответ на языковой материал, а также выступают в качестве стимула для его интерпретации. Так, образ горловчанина репрезентирован в текстах издания локальных СМИ также формой *люди*, которая называет множество живых существ и репрезентирует также образ человека. Однако в определенном контексте указанная форма множественного числа эксплицирует образ горловчанина: *«Я люблю свой город и наших **людей**»* (Кочегарка ДНР, № 9 (516) от 05.03.2025).

Итак, языковой образ характеризуется рядом параметров и включает признаки познаваемого объекта, которые выражаются языковыми средствами. Образ горловчанина в текстах новостного издания г. Горловки «Кочегарка ДНР» выражен словами лексико-семантических групп «Род деятельности», «Член семьи», а также лексемами, выражающими отношение человека к себе подобным и к социуму. Кроме того, в новостных текстах зафиксировано представление о свойственном русской лингвокультуре членении на «своих» и «чужих». Однако данное описание не является исчерпывающим. Перспективно описание связи образа горловчанина с образным ландшафтом города и, шире, родного края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. История слов / отв. Ред. Академик РАН Н.Ю. Шведова. М.: 1999. 1138 с.
2. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. 352 с.
3. Дмитриева Ю.Л. Средства экспликации образа горловчанина в текстах локальных СМИ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020. № 25-1. С. 233–235.

4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Том I: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М. 807 с.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь [в 5 т.]; Под общ. Ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
7. Тарасова И.А. Когнитивные проекции образа // Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности: сб. научн. Тр. Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. С. 40–47.

ДУБИНИНА Виктория Александровна *(Луганск, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»
dubinina_v@mail.ru

МИЛИТАРНЫЕ ЭРГОНИМЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ

Аннотация. В статье анализируются милитарные эргонимы в системе современного городского ономастикона. Акцентируется внимание на том, что милитарные эргонимы являются неотъемлемой частью языка города, отражая как историко-культурный контекст, так и современные тенденции развития социума. Их использование свидетельствует о важности военной тематики в общественном сознании и влиянии на культурное пространство современного города. Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней предпринята попытка анализа структуры, семантики, особенностей функционирования милитарных эргонимов Луганска; в научный оборот введен новый материал, изучение которого углубляет теорию эргонимии.

Ключевые слова: милитарный эргоним, ономастикон, язык города, структурно-семантические особенности.

Abstract. This article analyzes military ergonyms within the system of contemporary urban onomastics. It emphasizes that military ergonyms are an integral part of the urban linguistic landscape, reflecting both the historical and cultural context and current trends in societal development. Their use highlights the significance of military themes in public consciousness and their influence on the cultural space of the modern city. The scientific novelty of the study lies in its attempt to analyze the structure, semantics, and functional features of military ergonyms in Luhansk. New material is introduced into scholarly discourse, contributing to the advancement of ergonymy theory.

Keywords: military ergonym, onomasticon, urban language, structural and semantic features.

Город, как особое коммуникативное пространство, вызывает все больший интерес исследователей, т. к. оно «позволяет представить город в виде многослойного коммуникативного образования, которое формирует вокруг себя особый вид дискурса – урбанистический,

репрезентирующий актуальное описание речевых проявлений различных коммуникативных пространств» [1: 30]. Язык города состоит из литературной речи (вариант кодифицированного литературного языка), живой разговорной речи и ономастикона, который включает наименования различных объектов.

Ономастикон современного города формируется под влиянием культурных, социальных и исторических процессов, происходящих в обществе. В.А. Никонов, анализируя особенности онимов, указывает на их историческую и социальную обусловленность: «Личные имена существуют только в обществе и для общества, оно и диктует неумолимо выбор их, каким бы индивидуальным он ни казался» [4: 8].

В нашем исследовании мы рассмотрим не всю систему городского ономастикона, а его составную часть – эргонимы. Современная эргонимия (совокупность эргонимов, функционирующих в рамках какого-либо населенного пункта) находится в состоянии «номинационного бума», т. к. экономические, социокультурные и территориальные факторы влияют на формирование/трансформацию языка города. Через эргонимы (наименования делового объединения людей – любых союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, заведений, кружков и т. п. [5: 151]), которые являются частью «городского текста», можно проследить изменения, происходящие в городе, исследовать особенности мировосприятия горожан, их менталитет. По мнению Ж.К. Гапоновой, «Номинативное пространство города становится предметом рассмотрения лингвистов в связи с его возможностью быть транслятором человеческих ценностей того или иного временного периода» [2: 100].

Одним из феноменов современного ономастикона является функционирование в городской среде *милитарных эргонимов* – названий предприятий, организаций, учреждений и т. п., в которых отражаются мотивы, образы, термины или символика, связанные с военной сферой,

армией, вооружёнными силами, боевыми действиями, участниками войн или военной тематикой в целом. Эти названия отражают современную социокультурную среду города, являются частью картины мира его жителей, что создает уникальное коммуникативное пространство. По мнению В.С. Григорьевой, «Картина мира, складывающаяся в мышлении носителя языка, требует адекватного выражения языковыми средствами» [3]. Появление милитарных эргонимов – это в том числе результат языкового развития.

Изучению эргонимов посвящены работы Л.Г. Викуловой, Р.И. Козлова, М.Г. Курбановой, Т.В. Лариной, Н.В. Матюшиной, И.М. Петровой, Н.В. Подольской, Е.Ю. Прокуровской, А.В. Суперанской, М.В. Шимкевич, Т.В. Шмелевой и др. Несмотря на наличие большого количества трудов по вопросам эргонимии, а также комплексных исследований эргонимов различных городов Российской Федерации, милитарные эргонимы ещё не становилась объектом специального рассмотрения в исследованиях.

Цель статьи – описание структурно-семантических и функциональных особенностей милитарных эргонимов в системе городского ономастикона. Материалом для нашего исследования послужили милитарные эргонимы г. Луганска (ЛНР).

С 2014 года Луганск оказался в эпицентре военных событий, что неизбежно отразилось на городском ономастиконе, в том числе на эргонимах. Милитаризация пространства выразилась в появлении и активном функционировании большого количества организаций с ярко выраженной военной или околовоенной идентичностью. Подобные названия не только подчеркивают принадлежность к военному дискурсу, но и становятся маркерами новой реальности. Они выполняют функцию символической поддержки тех сложных социокультурных, политических, экономических трансформаций, которые происходят в условиях военных действий – героизация участников, память о «павших», мобилизационный

настрой и т. п. Эргонимы становятся не просто названиями, а знаками времени, отражающими изменения городского ландшафта под влиянием военного конфликта.

Милитарные эргонимы г. Луганска широко представлены в названиях различных объектов городской среды:

– коммерческие структуры: торговые центры, агентства недвижимости, магазины военного снаряжения, инструментов и техники *(«Военторг», «Военторг № 1», «Адмиралъ», «Разведка», «Арсенал», «Комбат», «Легион», «Бастион» «Аврора», «Спарта», «Полигон»)*.

– Образовательные учреждения: школы, военно-патриотические клубы, спортивные клубы *(«Кадетский корпус», «Спартанец»).*

– Производственные предприятия: заводы и компании, связанные с оборонной промышленностью *(ООО ЛЗТА «Маршал»).*

В последнее время наблюдается заметный рост числа организаций, магазинов и брендов, занимающихся продажей военной экипировки, тактической одежды, средств индивидуальной защиты и связанных с этим товаров. Названия этих предприятий имеют ярко выраженную милитарную семантику.

Можно выделить несколько типов *милитарных эргонимов*:

1) э*ргонимы, связанные с военными званиями, должностями или титулами*. Одним из ярких примеров такого типа наименований является *«Адмиралъ»* – название, которое отсылает к высокому военному чину, а добавление окончания -ъ в современном языке возрождает архаическое написание, придавая слову устаревший, книжный оттенок. *«Маршал»* – крупное производственное предприятие Луганска, занимающееся изготовлением трубопроводной арматуры. Использование данных эргонимов связано не только с прагматическими целями (привлечение внимания, формирование образа), но и с глубинными слоями коллективного сознания общества, где военная тематика занимает значимое место;

2) *эргонимы, связанные с военной техникой, вооружением, армейским снаряжением или фортификационными сооружениями*. Например, магазин *«Арсенал»* – наименование, которое указывает на широкий ассортимент оружия, военной техники и снаряжения. Название агентства недвижимости *«Бастион»* – апеллирует к семантике защиты, надёжности, неприступности, силы, что способствует созданию у адресата определённых установок: доверия, чувства безопасности;

3) *эргонимы, связанные с армейской подготовкой, действиями или стратегией*. *«Разведка»* – название, связанное с армейской деятельностью. Слово означает операцию по сбору разведывательной информации, которая нацелена на стратегическое мышление, тактическое мастерство, хитрость. *«Комбат»* – универбат (сокращение от командир батальона). Данный эргоним отсылает к названию командующей должности в армии, это не просто номинация, а культурный знак, несущий в себе богатый комплекс лингвистических, исторических и идеологических смыслов;

4) *эргонимы, связанные с историей или мифологией, имеющие военный подтекст*. *«Спарта», «Спартанец»* – эргонимы, которые происходят от названия древнегреческого полиса, известного своим военизированным общественным устройством, культом дисциплины, физического совершенства и безоговорочной преданности государству. Спартанское воспитание стало символом идеальной воинской подготовки, суровости и самопожертвования. Наименование «Спарта» несёт в себе культурную нагрузку и выступает своеобразным ценностным ориентиром. *«Аврора»* – название торгового центра. В римской мифологии Аврора – это богиня утренней зари, которая олицетворяла пробуждение, начало дня и обновление. В мифологической традиции Аврора ассоциируется с красотой, светом и надеждой. Однако в русском культурном сознании слово «Аврора» также неразрывно связано с именем легендарного крейсера, ставшего символом Октябрьской

революции 1917 года. Залп с «Авроры» был сигналом к началу штурма Зимнего дворца и стал одним из ключевых символов революционного перелома в истории России. Таким образом, эргоним является насыщенным культурным знаком, сочетающим в себе два пласта культурной семантики: мифологический и историко-революционный;

5) *эргонимы, связанные с армейскими частями или группами*. Эти эргонимы используют понятия, связанные с военными подразделениями. *«Легион»* – происходит от названия военной части, известной своей дисциплиной и эффективностью. Эргоним *«Легион»* представляет собой яркий пример милитарной номинации, глубоко укоренённой в культурной памяти и обладающей значительным символическим потенциалом;

6) *эргонимы, связанные с торговлей или снабжением*. Например, *«Военторг»* – универбат (сокращение от военная торговля). Это слово обозначает торговлю военным снаряжением и обмундированием. В эргонимии оно имеет прямое значение, связано с продажей широкого ассортимента армейских товаров.

Таким образом, милитарные эргонимы являются неотъемлемой частью городского пространства Луганска, они выполняют не только номинативную, но и культурно-репрезентативную функцию. Их использование отражает не только структурно-семантические особенности городской ономастики, но и глубинные установки общественного сознания, в котором милитарный дискурс занимает значимое место. Анализ подобных наименований позволяет глубже понять механизмы формирования языковой картины мира в контексте города, находящегося в зоне боевых действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Викулова Л.Г., Макарова И.В., Гедгафова Н.А. Лингвосемиотический ландшафт публичных территорий малого города // Научный журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2024. Вып. 3 (63). С. 29–36.

2. Гапонова Ж.К. Эргонимы на вывесках провинциального города: лингвокультурологический аспект // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 99–104.

3. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: ТГТУ, 2007. URL: window.edu.ru, свободный.
4. Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 280 с.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. Ред. А.В. Суперанская. Изд. 2-е, перераб. И доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

ДУБОВА Марина Анатольевна (*Коломна, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Государственный социально-гуманитарный университет
dubovama@rambler.ru

«РАСПЛЕСНУТОЕ ВРЕМЯ» Б. ПИЛЬНЯКА: ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Аннотация. В статье предпринята попытка лингвопоэтического прочтения рассказа Б. Пильняка «Расплеснутое время». Осуществляется рецепция произведения на основе исследования центрального художественного образа текста, объективируемого заголовочным комплексом, и его роли в раскрытии авторского замысла. На примере синтагмы «расплеснутое время» демонстрируются функционально-стилевые свойства языковой единицы, включенной в художественный текст. Рассматривается роль языковой единицы в раскрытии идейно-художественного своеобразия рассказа и в создании эстетического эффекта.
Ключевые слова: расплеснутое время, заголовочный комплекс, метафора, семантика, синтагматика, функционально-стилевая роль, Б. Пильняк.

Abstract. The article attempts a linguapoetic reading of B. Pilnyak's story «Spilled Time». The work is perceived based on the study of the central artistic image of the text, objectified by the title complex, and its role in revealing the author's intention. Using the example of the syntagma «spilled time», the functional and stylistic properties of the language unit included in the artistic text are demonstrated. The role of the language unit in revealing the ideological and artistic content of the story and in creating an aesthetic effect is considered.
Keywords: spilled time, title complex, metaphor, semantics, syntagmatics, functional and stylistic role, B. Pilnyak.

Рассказ «Расплеснутое время» одного из известнейших писателей 1920-х годов Б. Пильняка, имя которого употреблялось в одном ряду с А.Н. Толстым, С.А. Есениным, Е. Замятиным и др., был создан в 1924 году. Его заголовочный комплекс составляет метафора, что в целом свойственно авторской манере писателя (достаточно вспомнить названия его произведений: «Человеческий ветер», «Повесть непогашенной луны», «Голый год» и др.; метафоричность как черта авторского стиля

была отмечена многими исследователями творчества Б. Пильняка [1; 2; 3 и др.]). Заглавие, как известно, является сильной позицией любого текста, в том числе и художественного, заключая в себе в сжатом виде семантический стержень произведения, проецируясь на все содержание, в котором оно разворачивает свои смыслы или семантические планы. Как подчеркивала С.Ю. Грякалова, «особое внимание Пильняк уделял композиции и названиям, которые становились смысловой доминантой повествования, «формулой» авторского сознания, соединяющим звеном всех уровней организации текста» [3: 71]. В случае интересующего нас рассказа в заголовочном комплексе использована модель атрибутивно-объектного словосочетания (см. заглавия рассказов «Большое сердце», «Синее море», «Старый сыр», «Целая жизнь», «Лесная дача», «Большой шлем» и др.), довольно актуальная для писателя. Однако в «Расплеснутом времени» мы наблюдаем, пожалуй, единичное употребление в качестве зависимого компонента причастной формы страдательного залога, что, безусловно, семантически важно для автора с точки зрения развития сюжета и раскрытия идейно-тематического содержания текста, где акцентируется значение «процессуального признака», динамичности, которыми наделяются «расплеснутые» *время* и *мысли* – центральные словесные образы рассказа. Кроме того, заглавие «содержит отсылку к философской проблематике» [4: 65] – постижению сущности времени.

Основу сюжета составляют авторские размышления о времени, о себе и о своем творчестве, поводом к которым выступает присланное автору на адрес редакции письмо от девушки Валентины Тезки, с которой его свела судьба в 1919 году и мимолетное знакомство с которой он вспоминает.

Повествователь, за которым легко угадывается сам Б. Пильняк, признается, что вынужден сражаться за каждую свободную минуту, которую мог бы посвятить творчеству. Отсюда – и название

произведения: «Расплеснутое время», то есть время, которое «он вынужден беречь, как драгоценную жидкость в кувшине, но которое… его постоянно так и подмывает «расплескать», растратить по тому или иному поводу» [8]. В начале произведения писатель сокрушается о потерянном времени, когда невозможно «сидеть за столом», погрузившись в творчество, а «*нужно идти в редакцию за гонораром, в район за паспортом*» [9: 478]. И вывод категоричен: «*чтобы писать – надо никуда не спешить и беречь свой кувшин мозгов,* ***не расплескать***» [9: 478].

Автор употребляет словоформу «расплеснутое» в соответствии с задокументированным словарным значением: расплескать – «плеща, разбрызгать» [7: 573]. И эта аналогия мгновений времени с каплями воды, которые брызжут и быстро высыхают, проецируется автором на его размышления о жизни в целом и писательском труде в частности.

Применительно к творчеству Б. Пильняка «заглавия… четко распределяются по трем … параметрам: время, пространство и человек» [3: 114]. В этом рассказе акцентируется временной план, который раскрывается в двух плоскостях: прошлое и настоящее. Намеченная в заглавии перспектива *растраченного времени* находит завершение в открытом финале рассказа: «… *правильно ли я сделал,* ***расплескав*** *мое тесное время этим рассказом*» [9: 486]. При этом время неминуемо оказывается связанным с пространством и с человеком, вписанным в пространственно-временной континуум, поскольку осознание каждым из нас самого себя неминуемо связано с понятием времени. Как верно подметил Г.С. Прохоров, время «обладает пространственной перспективой, поскольку оно – тоже вид растяжения» [10: 15], более того – «время – это «пространство» для совершения выбора, пространство жизни как процесса» [10: 16].

В едином семантическом ключе, заданном заглавием произведения, время наделяется единственной атрибутивной характеристикой (оно *чрезвычайно тесно* [9: 478] и *тесное* [9: 486]): *тесное* –

«1. Недостаточное по пространству, непросторное, 2. Узкое, жмущее» [7: 691], которая проецируется на «напряженную жизнь» [9: 478] – именно с этого утверждения и начинается авторское повествование.

Время в рассказе включает в себя и краткий отрезок жизни повествователя, за которым угадывается сам Б. Пильняк, и историю случайной попутчицы Тезки, которая неожиданно напомнила о себе письмом автору, и жизнь старика-писателя, который «*не был талантливым писателем, революция его не печатала, – он писал только для себя, в стол для смерти*» [9: 486]. Применительно к этим двум героям мы наблюдаем противопоставление временных планов: Валентина видит смысл жизни в остроте переживаний, которую можно ощутить лишь в скорости времени, тогда как старый писатель «живет в “медленном” времени… он сочиняет бестелесную медленную прозу в духе романов XIX века» [5: 64].

Лексико-семантическую группу «время» преимущественно составляют лексемы со значением физического и биологического времени, реже – времени как движения и социального времени. Таким образом контекстуальное употребление лексемы «время» реализует спектр значений: «время как бытие, время как историческая эпоха, время как момент действия, время как продолжительность/промежуток» [6: 132].

«Расплеснутое время» проецируется на «расплеснутые мысли», поскольку, как пишет автор, «*мозг, **как кувшин с водой**, может наполняться только до пределов*» [9: 478], и именно поэтому его «*надо беречь, чтобы **не расплескать** мыслей*» [9: 478], «*надо никуда не спешить и беречь свой кувшин мозгов, чтобы **не расплескать***» [9: 478]. Эта акцентируемая автором ассоциация человеческого мозга с кувшином с водой, объективируемая неоднократно повторяющейся в тексте сравнительной конструкцией, передает ценность и важность писательского труда, вследствие плодотворности которого «*книжек на полках растет все больше, по полкам книг уползаешь все выше*» [9:

478]. Она же раскрывает семантику заглавия: «расплеснутое – как кувшин с водой». И, судя по всему, результатом творчества и становится «расплеснутое время», потраченное на написание произведений, потому что «*не так уж страшно, что растут мои полки лет и книг и что скучно бывает беречь* ***кувшины мозгов***» [9: 484]. И некоторые из этих книг упоминаются в рассказе, в частности, книга «Былье» и роман «Голый год», о которых ему в письме пишет Валентина Тезка.

Так сходятся воедино разные временные пласты и типы времени: время повествователя, время Валентины и время старого писателя, время писем Тезки и время творчества рассказчика, настоящее и прошлое и т. д.

И нам, читателям, предстоит ответить на этот скрытый вопрос, сформулированный в финале рассказа. Еще раз повторим его: «… *правильно ли я сделал,* ***расплескав*** *мое тесное время этим рассказом*» [9: 486]. На наш взгляд, звучит он гораздо шире, охватывая все творчество писателя. И ответ на него нам подсказывает сам автор: «… *в моем «разнообразии» бытия, в том «кувшине», который нельзя опрокинуть, – и очень большое однообразие, и всегдашняя радость все* ***расплескать***» [9: 481].

В это же семантическое поле встраивается топоним Плес, упоминаемый Тезкой в письме как место, где она была счастлива, поскольку здесь воедино сошлось все: «*природа, молодость, красота переживаний, – ну, чего бы еще надо. Казалось, любили друг друга безумно*» [9: 483]. Если обратиться к семантике нарицательной лексемы «плес» – это «широкое водное пространство между островами» [7: 450]. Тогда как топоним Плес номинирует один из древнейших городов на Волге, расположенный в Ивановской области. И снова аналогия: бескрайность времени – безбрежность водного простора. Так выстраивается ассоциативная цепочка: *расплескать – расплеснутый – кувшин с водой – Плес – Волга*.

Время встраивается еще в один семантический ряд: время – мысли – написание книг: «*пишу книги, пишу про свою и чужую жизнь, плету вымыслы с явью*» [9: 482]. Так соединяется время жизни писателя с художественным временем, над которым он получает власть, приобретая возможность его трансформировать: расширять и сужать, удлинять и сокращать, творя свою, авторскую, модель мира.

Подводя итоги нашим размышлениям, подчеркнем, что осуществленный с применением лингвопоэтического инструментария анализ рассказа Б. Пильняка «Расплеснутое время» продемонстрировал функционально-стилевую нагрузку художественного образа «расплеснутого времени» и его роль в раскрытии авторского замысла и идейно-художественного своеобразия произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анпилова Л.Н. Проза Бориса Пильняка 1920-х годов. Опыт русского экспрессионизма: монографический очерк / ИФИОС УрО РАО «Словесник»; ГОУ ВПО «Урал. Гос. Пед. Ун-т». Екатеринбург, 2008. 162 с.
2. Веселова Н.А. Система заглавий в поэтике Бориса Пильняка // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы. Межвузовский сборник научных трудов. / отв. Ред. А.П. Ауэр. Вып. 3–4. Коломна: Издательство КГПИ, 2001. С. 113–117.
3. Грякалова Н.Ю. Проза Бориса Пильняка 20-х голов: к проблеме авторского сознания // Борис Пильняк: опыт сегодняшнего прочтения (По материалам научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения писателя), ИМЛИ им. М. Горького РАН. М.: «Наследие», 1995. С. 71–80.
4. Дубова М.А. Концептуальное содержание лексемы «жизнь» в рассказе Бориса Пильняка «Человеческий ветер» // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2021. № 1 (41). С. 65–68.
5. Дьячкова Е.Б. Проблема времени в произведениях Б. Пильняка // Борис Пильняк: опыт сегодняшнего прочтения (По материалам научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения писателя), ИМЛИ им. М. Горького РАН. М.: Наследие, 1995. С. 63–71.
6. Журавлева Н.С. Лексико-семантическая группа «время» в проекте идеографического словаря языка И.А. Ефремова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора К.А. Войловой (г. Москва, 27 февраля 2025 г.) / отв. Ред. О.В. Шаталова. М.: Государственный университет просвещения, 2025. С. 128–134.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов; под ред. Чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
8. Панфилов А.Ю. Булгаков и Пильняк (заметки к теме). URL: https://samlib.ru/p/panfilow_a_j/chicherin7.shtml?ysclid=m8ab9uueuk17169676

9. Пильняк Б.А. Расплеснутое время // Пильняк Б. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Машины и волки: Роман; Повести; Рассказы / Состав., коммент. К. Андроникашвили-Пильняк. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. С. 478–487.
10. Прохоров Г.С. Время как стержень художественного мира в прозаической книге Бориса Пильняка «Былье» // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы: сборник научных трудов / отв. Ред. А.П. Ауэр. Вып. VI. Коломна: Мос. Гос. Обл. соц.-гум. Инст-т, 2011. С. 11–22.

ЕРМОЛОВА Карина Андреевна *(Москва, Россия)*

аспирант
Государственный университет просвещения
shasharina_ka@mail.ru

СЕМАНТИКА ЛСП «ТЕАТР» В РЕЦЕНЗИЯХ В ИЗДАНИИ «ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ»

Аннотация. В статье рассматриваются семантические особенности лексико-семантического поля «Театр» в театральных рецензиях, опубликованных в издании «Театральный журнал». Определяются и рассматриваются семантические группы ЛСП «Театр» (‘Театр как деятельность’, ‘Роль театра в обществе’, ‘Театр как объединение людей’, ‘Театр как искусство’), выявляются их содержательно-прагматические особенности, а также языковая репрезентация. В структуре выявленных семантических групп выявляются особенности лексической сочетаемости лексемы «Театр», выявленные словосочетания распределены по семантическим группам.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексико-семантическое поле «Театр», театральная рецензия, семантический аспект, лексическая сочетаемость.

Abstract. The article examines the semantic features of the lexical-semantic field “Theater” in theater reviews published in the publications in “Theater Magazine”. The semantic groups of the lexical-semantic field “Theater” are defined and examined (‘Theater as an activity’, ‘The role of theater in society’, ‘Theater as an association of people’, ‘Theater as art’), their substantive-pragmatic features, as well as linguistic representation, are revealed. In the structure of the identified semantic groups, the features of lexical compatibility of the lexeme “Theater” are revealed, the identified word combinations are distributed among semantic groups.

Keywords: lexical-semantic field, lexical-semantic field “Theater”, theater review, semantic aspect, lexical compatibility.

Лексико-семантическое поле как объект исследования отражает свойственную языку и человеческому мышлению системность. С.Г. Шафиков подчеркивает, что именно аналитический подход отражает системные свойства языка и мышления людей [12: 14]. С точки зрения И.М. Кобозевой, семантическое поле представляет собой «совокупность

языковых единиц, объединённых общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [3: 99].

Ключевая целеустановка рецензии – проинформировать читателя о предмете рецензии, обосновать свою оценку, тем самым воздействуя на читателя, на его восприятие реальности в отношении описываемого объекта [8: 6]. Т.В. Маркелова делает акцент на том, что категория оценки в коммуникации в целом и в рецензиях в целом – основа прагматики рецензий. Оценка как таковая – субъективна, в ней отражается личность отдельного человека – автора текста [6: 25]. В.И. Карасик подчеркивает, что ключевая прагматическая задача текста рецензии состоит в выражении субъективной оценки через призму примеров, деталей, особенностей предмета рецензии. Более того, оценка дается последовательно, логично и исчерпывающе [2: 119]. В структуре и семантике рецензий также прослеживается и выраженный аксиологический компонент [7: 41]. Используемые в тексте рецензий лексемы, которые напрямую выражают ее содержательные особенности, находятся в системных отношениях друг с другом, что отражает системность как отличительное свойство и языка в целом, и картины мира отдельного человека [4: 11].

С точки зрения лингвистики, для рецензии как жанра характерны речевые формы оценочного описания, оценочного рассуждения. Важную роль при этом играют стилистические приемы разных уровней языка, которые позволяют раскрыть выразительный потенциал языка и выразить авторские интенции в полной мере [1: 42]. Оценка может быть положительной, отрицательной либо нейтральной, а также – рациональной или эмоциональной, эстетической и этической [9: 72]. Применительно к рецензии эти виды оценки в текстах этого жанра проявляются по-разному, под влиянием фактора субъективного восприятия объекта оценки, а также прагматических целей выражения оценки.

Театральная рецензия в полной мере соответствует жанровым особенностям рецензии как таковой. Ее характерная особенность состоит в том, что предметом этой рецензии является постановка, спектакль. Для современных театральных постановок характерна концептуальная нагруженность, и именно это находит свое отражение в рецензии, которая в значительной степени делает акцент на символическом пласте познания мира через призму творчества конкретного автора [11: 21].

В Малом академическом словаре русского языка лексема «театр» имеет следующие значения: 1) «Род искусства, художественное отражение жизни посредством драматического действия, осуществляемого актерами перед зрителями. 2) Учреждение, организация, занимающиеся устройством представлений. 3) Здание, в котором происходят представления, а также само представление, спектакль. 4) Место, где происходит, развертывается что-л. 5) Совокупность драматических произведений (писателя или литературной школы) [5].

В связи с этим необходимо обратиться к текстам театральных рецензий, опубликованных в издании «Театральный журнал», с целью выявить семантические аспекты ЛСП «Театр». Был выявлен ряд семантических аспектов рассматриваемого лексико-семантического поля.

‘Театр как деятельность’.

Театр имеет цель: *Их тандем сразу обозначил* ***главную цель театра*** *– сохранить традиции, заложенные Сергеем Образцовым* [10]. Словосочетание «цель театра» показывает, что театр сам по себе – специфический вид деятельности, характеризуемый целенаправленностью.

Театр – функционирующая система: *Спектакль «Про маму», вошедший в* ***репертуар театра*** *из режиссёрской лаборатории «Ликбез», поставлен по мотивам фильма Киры Муратовой «Долгие*

проводы» [10]. Системность театра выражается и словосочетанием «репертуар театра», которое отражает сформированную и разработанную систему представлений и спектаклей, ставящихся в театре, и этот аспект отражает деятельностную природу театра.

Театр расширяется и завоевывает новые пространства: *«Спящая царевна» – премьера заключительная для сезона и первая для* ***нового пространства театра****, которое называется «Арт-клуб»* [10]. Театр как деятельность завоевывает новые пространства и вбирает в себя новые смыслы, что следует из словосочетания «пространство театра».

‘Роль театра в обществе’.

У театра есть свое место в общественной и культурной жизни: *… удержать* ***позицию театра*** *как флагмана среди кукольных театров страны* [10]. Словосочетание «позиция театра» показывает, что успешный театр имеет свое место в искусстве и в сознании зрителей.

Театр меняется вместе с обществом: *В сувенирах соединяются сразу две* ***театральные эпохи****: времена тех, кто помнит ещё ефремовское здание «Современника», и пора молодых зрителей* [10]. Связи театра с обществом проявляются в их взаимосвязи: театр меняется вместе с обществом – меняется общественный контекст – меняется и эпоха в театре.

Театр воспринимается субъективно: *Уверена, каждый зритель найдет своё «Воскресение» в зависимости от собственных* ***театральных предпочтений*** [10]. Театр зрителями воспринимается субъективно, с учетом опыта и представлений, а также вкусов каждого отдельного человека. Эта идея выражена словосочетанием «театральные предпочтения».

Театр влияет на жизнь города: *Ко времени прихода во МХАТ Павел Александрович Марков был весьма заметной фигурой в* ***театральной жизни Москвы*** [10]. Влияние театра на общество состоит в том, что он формирует социальную группу театралов, эта идея выражается через

словосочетание «театральная жизнь (города)». То есть театр как вид искусства и учреждение влияет на общество и городскую жизнь.

Театр как особое пространство: *Они исходят из **ауры театра**, из его вибраций, которые рождают ответную вибрацию зрителя* [10]. Театр описывается и воспринимается как специфическое пространство с особенной атмосферой, что следует из словосочетания «аура театра». Оно отражает особенности в восприятии театра в обществе с акцентом на его необычности и непохожести на привычную жизнь.

‘Театр как объединение людей’.

Театр – это его сотрудники: *Работа с **труппой театра**, приглашёнными артистами, организация творческих лабораторий, направленных на развитие самых разных способностей у актёров, – всё это обязанности главного режиссёра* [10]. Словосочетанием «труппа театра» выражается идея о том, что театральная жизнь и театральное искусство создается усилиями и талантами сотрудников театров.

*В 2022 году выпускники Московской школы нового кино – студенты актёрской лаборатории Юрия Муравицкого создали свою независимую **театральную группу*** [10]. Аналогично предыдущему примеру, словосочетание «театральная группа» подчеркивает важность влияния совокупного усилия актеров театра на его успешность и дальнейшее развитие.

В театре есть символические личности: *Я уже не говорю о **звёздах театра**: Александре Новикове и Евгении Филатове. Всем нашлась интересная работа* [10]. Словосочетание «звезды театра» применяется для обозначения наиболее известных, именитых актеров театра, которые воспринимаются как символы.

‘Театр как искусство’.

*Как атомы создают материю, так сцены, реплики и движения актёров создают **театральное представление*** [10]. Использование

словосочетания «театральное представление» в этом примере призвано показать, что театральные смыслы передаются при помощи постановок.

Театральное искусство имеет свои методы воздействия: *В своей трактовке режиссёр сделал акцент на вневременном характере сюжета – **ход**, к которому на **театре** прибегают всё чаще* [10]. Словосочетание «театральный ход» призвано подчеркнуть, что в театральном искусстве есть свои методы и ходы воздействия на зрителей.

Единого метода и подхода в театре нет: *Также пьеса подвергалась многочисленным **театральным интерпретациям*** [10]. При помощи словосочетания «театральные интерпретации» было показано в тексте рецензии, что каждый режиссер, каждый театр по-разному интерпретирует реальность или источник, на котором создано представление, что отражает множественность подходов и взглядов, свойственных театральному искусству как таковому.

*Причиной аномального явления стало желание режиссёра Ивана Пачина создать спектакль для подростков, раскрывающий научные темы **театральным языком*** [10]. Словосочетанием «театральный язык» автор рецензии показывает, что у каждого актера и режиссера есть собственный стиль и метод изложения информации и репрезентации образов.

Театр динамичен: *Разумеется, в Театре эстрады всё равно будут показывать «Здрасьте, я Ваша тётя», но большинство сегодняшних **театральных новинок** серьёзны* [10]. Словосочетание указывает на факт постоянного появления новых спектаклей и развития новых идей в театральном творчестве.

Театральное искусство как действо: *Он направил звук и слово навстречу друг другу, но произошедшая встреча так и не дала вспышки цельного **театрального действа*** [10]. Словосочетание «театральное действо» отражает тот факт, что спектакли в театре – это творческий

феномен, который характеризуется подготовленностью и торжественностью.

Театральное искусство имеет свое место для самовыражения актеров: *Со **сцены театра** обретали телесность слова Островского, Брехта, Гоголя, Шолохова, Сухово-Кобылина, Арбузова, Розова и многих других драматургов* [10]. Словосочетанием «сцена театра» показывается идея о том, что в театре есть место, на котором актеры и режиссеры могут самовыразиться и вступить в опосредованный диалог со зрителем. Словосочетание соотносится со строением здания театра и функциональных задач его отдельных элементов.

Таким образом, проведенное исследование показало, что словосочетания, особенности и проявления лексической сочетаемости русского языка напрямую связаны с теми смыслами, семантическими компонентами отдельно взятых ЛСП, которые могут быть выражены в их составе. При изучении текстов театральных рецензий и интерпретации особенностей ЛСП «Театр» в них были выявлены следующие семантические компоненты: ‘Театр как деятельность’, ‘Роль театра в обществе’, ‘Театр как объединение людей’, ‘Театр как искусство’. Каждый из выделенных семантических компонентов имеет свои смысловые особенности и семантические подкатегории, выражаемые и вербализированные наиболее уместными по структуре и смыслу словосочетаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниловцева А.А. Речевой жанр литературной рецензии как поле реализации активных процессов в современном русском языке // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. Ереван: Российско-Армянский университет, 2023. С. 38–43.
2. Карасик В.И. Дискурсивная специфика речевого жанра «рецензия» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 3 (54). С. 117–132.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2004. 350 с.
4. Колесникова С.М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке. М.: Флинта, 2016. 279 с.
5. Малый академический словарь русского языка. URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (дата обращения: 28.04.2025).

6. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: Московский гос. Ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. 297 с.
7. Милованова М.С. Общая и русская лингвоаксиология. М.: ИЯзРАН; Ярославль: Канцлер, 2022. 389 с.
8. Мошникова Н.Н. Лингво-когнитивный аспект исследования дискурса театральной рецензии: на материале современных англоязычных печатных СМИ: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
9. Никонова М.Н. К вопросу о категории оценки в современной лингвистике // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Омск: Сибирский юридический университет, 2024. С. 70–75.
10. Театральный журнал. URL: https://journal.theater/ (дата обращения: 28.04.2025).
11. Фадеева И.В. Жанр рецензии в парадигме театральной журналистики. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. 68 с.
12. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. Уфа: Изд-во БашГУ, 1999. 32 с.

ЕРОФЕЕВА Ирина Валерьевна *(Казань, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет
erofeeva89@mail.ru

ДОБРО И *ЗЛО* В ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА СРЕДНЕВЕКОВОГО КНИЖНИКА

Аннотация. В статье исследуются формы словесной концептуализации ключевых понятий этического сознания *добро* и *зъло* в важнейших письменных памятниках средневекового периода – летописях. Отсутствие индивидуализации в древнерусской литературе определяло восприятие добра и зла как совокупности благоприятных или негативных факторов, обусловливавших существование людей в сложных жизненных обстоятельствах эпохи средневековья. Выражающие данные понятия лексические единицы *добро* и *зъло* и их производные представлены в летописных текстах преимущественно в социальном или религиозном смысле.

Ключевые слова: языковая картина мира, этическая категория, лексическая семантика, летопись, средневековье.

Abstract. The article examines the forms of verbal conceptualization of the key concepts of ethical consciousness, good and evil, in the most important written monuments of the medieval period – chronicles. The absence of individualization in Old Russian literature determined the perception of good and evil as a set of favorable or negative factors that determined the existence of people in difficult life circumstances of the Middle Ages. The lexical units good and evil and their derivatives expressing these concepts are presented in chronicle texts mainly in a social or religious sense.

Keywords: linguistic picture of the world, ethical category, lexical semantics, chronicle, Middle Ages.

Древнерусские памятники, прежде всего документально-исторического содержания, представляют объективные свидетельства

восприятия мира человеком средневекового периода, отражают внешние и внутренние его свойства сквозь призму языкового выражения. Как и в любой картине мира, особое значение в этом восприятии имеют этические категории, важнейшее место среди которых занимает оппозиция *добро – зло*. Данные категории охватывают все стороны человеческой жизни: социальную, общественную, религиозную, духовную, бытовую, личную. Они возникли вместе с самим человеком и сопровождают его на протяжении всей жизни человеческого общества.

Добро и зло относятся к основополагающим идеям христианской картины мира, и их представленность в языковой форме отражает суть данных явлений, о чем известный философ и лингвист В.В. Колесов говорит так: «Русский человек реалист, он полагает, что идея столь же реальна, что и вещь, и даже важнее вещи, потому что она способна породить множество конкретных вещей. С помощью Слова» [4: 51]. Догматизм православия, по его словам, устремлен к чувству, а потому к глубинам духа, и в этом его отличие от схоластики западного мира [4: 51].

Языковая репрезентация понятий *добро – зло* в древнерусской литературе отражает специфику их философского осмысления в средневековый период. Данные категории применимы только к человеку – с их помощью не могут быть охарактеризованы явления. «Добро и зло осознаются как особого рода ценности, которые не касаются природных или стихийных событий и явлений» [1: 188], они характеризуют сознательные действия, поступки, которые соотносятся с определенными, заложенными в сознании идеалами.

Отсутствие психологизма и индивидуализации в древнерусской литературе обусловливает использование лексем, представляющих категории добра и зла, преимущественно в социальном или религиозном смысле. Столкновение двух традиций: языческой и христианской – также отразилось на смысловом содержании ключевых этических категорий. Само провозглашение этических принципов христианства имело важное

идеологическое значение, способствовало принятию принципов новой религии.

Средневековые тексты демонстрируют преломление угла зрения человека средних веков через призму нового христианского учения. Этимологически слово *добро* связано, по мнению большинства ученых, с корнем *доба* ‘пора, время’, что говорит о первоначально прагматическом смысле самого слова *добро*, имевшем значение ‘годный, подходящий’ [8: 258]. Позже значение расширяется до ‘доброкачественный, добротный’, и лишь в религиозной традиции происходит переосмысление заложенного в первообразном *доба* содержания как меры всех вещей, установленной свыше при их сотворении. Так возникает христианский смысл понятия *добро* ‘доброта, милосердие’. Слово *зъло* этимологически связано с такими корневыми образованиями в других индоевропейских языках, в которых выражалась идея бесчеловечности, черствости, несправедливости, лжи [10]. Под влиянием прогресса в общественных отношениях понятия добро и зло стали ключевыми нормативно-оценочными категориями морального сознания, культурными универсалиями, представленными в любом языке.

Сформировавшаяся у славян во многом под влиянием христианского вероучения дихотомия добра и зла охватила практически все сферы жизни человеческого общества. При анализе особенностей функционирования лексем *добро* и *зъло* в летописных сводах обнаруживается следующая картина. По данным НКРЯ, лексема *добро* фиксируется в древнерусских летописях 130 раз, *зъло* – 238 раз; в летописях старорусского периода *добро* 321 раз, *зъло* – 950 раз [6]. При анализе отдельного памятника также сохраняется подобное распределение: так, в Московском летописном своде 1479 г. лексема *добро* употреблена 38 раз, *зъло* – 130 раз [6]. Как видно, количество словоупотреблений лексемы *зъло* значительно (в 2–3 раза) превосходит словоупотребление лексемы *добро*.

Обе лексемы могли выступать как с отвлеченным значением: *добро* ‘все хорошее, доброе, честное, благопристойное, счастье’, *зъло* ‘все дурное, плохое, вредное’, так и с конкретизированными значениями: *добро* ‘имущество, богатство’, *зъло* ‘противозаконный поступок, грех, вина’, ‘несчастье, беда, напасть’ [7].

В средневековой литературе явления раскрывались с двух сторон: временной и вечной. С одной стороны, в летописях описывались реально произошедшие события: войны, столкновения князей, их победы и поражения, засухи, народные волнения и т. д. С другой стороны, в них показывалась «извечная борьба зла с добром, это стремление Бога исправить людей, наказывая их за грехи или заступаясь за них» [5: 358]. При этом добро воспринималось как путь к Божеству, зло – как отпадение от Божества [1: 191].

В летописных текстах часто лексемы *добро – зъло* выступают в эксплицированной оппозиции: *А ты сѣди, аже не поедешь* ***добромъ****, а* ***зломъ*** *пакъ поѣдешь же, посемь посла ко братоу своемоу* (Волынская летопись) [5]; *Лоукавыи бо пронырливыи дьяволъ, не хотяи* ***добра*** *межи братьею, хотяи приложити* ***зло*** *къ* ***злоу*** (Киевская летопись) [6]. «Оппозиция добра и зла включалась в систему концептуально значимых противопоставлений небесного и земного, Бога и дьявола, верха и низа, души и тела» [2: 561].

Лексема *добро* выступает преимущественно при глаголе *хотѣти*, обозначающем состояние изъявления воли: *Противяху же ся святѣи богородици и правдѣ божьеи, слушающе злых человѣкъ развратниковъ, не* ***хотящихъ добра*** *завистью граду тому и живущимъ в немъ*; *Они же рекоша: “ты ему* ***добра хощеши****, а онъ главы твоеа ловит”* (Московский летописный свод 1479 года) [6]. В составе устойчивой формулы *хотѣти добра* происходит конкретизация понятия «добро» прежде всего в социальном плане как проявления доброй воли, благожелательного отношения, сопровождающего взаимодействие исторически значимых

лиц: князей, церковных деятелей или же целых социальных групп. В конструкции с отрицанием не *хотѣти добра* субъектом волеизъявления часто является дьявол как воплощение злых сил, раздора, ненависти. Именно с его желаниями летописцы связывают причины междоусобиц, столкновений, волнений и мятежей в Древней Руси: *Искони же вселукавыи диявол* ***не хотяи добра*** *всякому христьянину и не терпя любве межи братии* (Московский летописный свод 1479 года) [6].

Также лексемы *добро* и *зъло* часто выступают в составе устойчивой формулы *(съ)творити добро (зъло)*. В сочетании с глаголом созидательной деятельности *сътворити* сами лексемы приобретают обобщенно-конкретизированное значение: *И* ***створиша*** *много* ***добра****, а оуже бяше при конци городъ сии* (Новгородская I летопись) [6]; *И Святославъ Всеволодичь емуже азъ много* ***добра створих*** (Суздальская летопись) [6]; *И много* ***зла створиша*** *около Новагорода* (Суздальская летопись) [6]; *Река кияномъ: «Братие моя, не мозите сего* ***створити зла****, ни оубиваите Игоря»* (Киевская летопись) [6].

В процессе творческого переосмысления византийского духовного наследия средневековые мыслители приспосабливали его основные положения к интеллектуальным и духовным запросам самого русского общества. «Русские книжники активно осваивали византийские традиции, но освоение это не было простым копированием на базе воспринятых философских и богословских традиций, – они выстраивали свои оригинальные концепции, активно используя собственный исторический опыт» [3: 210]. Для их освоения необходимы были наиболее точно передающие нюансы смысла языковые единицы, что способствовало активизации словотворчества в сфере отвлеченных понятий. В языке русских летописей фиксируется значительное количество производных образований от основ слов *добро* и *зъло.* Их возникновение и распространение находится в русле общих тенденций, свойственных языку изучаемого периода, среди которых поиск средств выражения

необходимого содержания, калькирование с греческих источников, синонимия словообразовательных типов в адъективном словопроизводстве и др.

Особенно часто основы *добр-* и *зъл-* представлены в композитном словообразовании. Наиболее распространенным сложным словом с основой *добр-* является лексема *добродѣтель* (в древнерусских летописях она фиксируется 24 раза, в старорусских летописях – 93 раза) [6]. Данный композит мог выражать как конкретное значение ‘добро, польза’: *Богъ поставилъ насъ волостели, в месть злодѣемъ и в* ***добродѣтель*** *благочестивымъ* (Киевская летопись) [6], так и обозначать качество, присущее истинному христианину, ‘добродетель, нравственное совершенство’ [7]: *В неиже сконча животъ свои, живъ в* ***добродѣтели****, не выходя ис печеры* (Лаврентьевская летопись) [6]; *Занеже бѣ любимъ всѣми…за премногую его* ***добродѣтель*** (Суздальская летопись) [6]. Сложное слово *доброденьство* употребляется в древнерусских летописях один раз в значении состояния ‘благополучие, счастье’: *И исполни лѣта его в* ***доброденьствѣ*** *и посѣдѣ Кыевѣ на отни столѣ* (Суздальская летопись) [6]. Также в древнерусских летописях отмечается композит ***добросердие*** (два словоупотребления) со значением качества ‘благосклонность, отзывчивость’: *И плакашася по немь вси смолнянѣ, поминающе* ***добросердье*** *его* (Киевская летопись) [6]. В летописях старорусского периода количество сложных слов с первой частью *добр-* значительно увеличивается, к их числу относятся: *добродьньствие, добродѣи, доброволье, добролюбивыи, доброкозньныи, добромыслящии* и под.

Сложные слова от основы *зъл-* в летописях древнерусского периода также представлены единичными примерами. Например, сложное слово *злодѣи* с личным значением преимущественно характеризует исторических личностей, но в то же время традиционно используется для наименования врага христианства – дьявола. В более поздних

летописных сводах сложные слова с основой *зъл-* получают широкое распространение. Так, в «Московском летописном своде 1479 года» отмечаются сложные слова *зломыслие, злокозньство, злочестье*, а также словообразовательные синонимы *злохитрие* и *злохитрьство.* Лексемы *злохитрие* и *злохитрьство* имели сходные значения, одно из которых обозначало злой умысел как проявление дьявольских козней '*козни дьявола, колдовство*', второе значение – уже безотносительно к источнику зла '*коварство, хитрость*' [7]. Обе лексемы использовались для характеристики качеств вражеских к русским князьям народов: *И таковою кознью многы грады и земли поима и повоева не токмо силою, но и* ***злохитрьствомъ*** *симъ* (Московский летописный свод 1479 года) [6]. Во всех зафиксированных в летописях примерах данные сложные слова выступают в творительном падеже. По мнению А.А. Шахматова, «дополнение в творительном падеже обозначает представление, способствующее развитию глагольного признака, видоизменяющее или определяющее его проявление» [9: 340]. То есть при глаголах *поимати, повоевати* рассматриваемые дополнения раскрывают характер проявления действий военного характера, на которые влияют не только физические, но и моральные качества летописных персонажей.

Образование *зломыслие* имеет более конкретизированную семантику 'злой умысел' [7]: *Всемогыи же и милостивыи и благословении человѣколюбець богъ, видѣвъ того немилосердие и на своего господина* ***зломыслие*** *и братубьение, преложи на кротость безбожных сердца* (Московский летописный свод 1479 года) [6]. Синонимичны ему образования *злокозньство* 'козни, коварство' и *злочестие* 'бесчестие, коварство': *Князь Глѣбъ Рязаньскии Володимерич, наущенъ сотоною на братоубииство, имѣя споспѣшника брата своего Костянтина и с ним дьявола, иже прельсти ихъ своим* ***злокозньством****, вложи има в помыслъ избити братию свою и прияти себѣ всю власть* (Московский летописный свод 1479 года) [6]. Распространенность сложных слов с

корнем *зъл-* в контекстах военного содержания согласовывалась с публицистическим пафосом летописей, их политической направленностью.

Таким образом, в языковой категоризации мира древнерусского и старорусского периодов лексемы *добро* и *зъло* и их производные представлены прежде всего при описании событий социального, военного и религиозного значения. В большинстве случаев они не выражают отвлеченно-обобщенного, философского смысла, а представлены с результативным значением: лексема *добро* обозначает результат действия блага, лексема *зъло* – противоположных добру сил. Эти значения чаще всего реализуется в синтактической функции прямого дополнения при глаголах *хотѢти* и *сътворити*. Категории добра и зла рассматривались в эпоху средневековье прежде всего в утилитарном аспекте как совокупность благоприятных или негативных для человека факторов, обусловливавших его существование в тяжелых внешних обстоятельствах. Большинство сложных слов, включавших основы *добр-* и *зъл-*, выражали качественную семантику, с их помощью давалась характеристика историческим личностям, религиозным подвижникам и врагам Русской земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 2000. 472 с.
2. Ерофеева И.В., Иванова Т.К. Представление о добре в языковой картине мира русского средневековья // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы VII Конгресса РОПРЯЛ. 2022. № 7. С. 560–565.
3. Ионайтис О.Б. Философия истории в средневековой Руси (XI-XVII вв.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2013. № 3 (118). С. 196–211.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
5. Лихачев Д.С. Первые семьсот лет русской литературы // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2022. С. 347–376.
6. НКРЯ // https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP (дата обращения 25.04.2025).
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. В 30-ти тт. М.: Наука, 1975–2019. URL: https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii (дата обращения 28.04.2025).
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х тт. М.: Русский язык, 1999. Т. I. 624 с.

9. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
10. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/ (дата обращения: 05.05.2025).

ЖАРКОВА Алина Васильевна
(*Витебск, Республика Беларусь*)

аспирант
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
zharkovaalinka@yandex.by

АМПЛУА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОНЯТИЕ

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию понятия амплуа как одной из категорий в теории языковой личности. Актуальность настоящей статьи заключается в необходимости комплексного изучения данного феномена. В статье приводятся наиболее релевантные определения понятию амплуа, описываются сферы его употребления. Приводится ряд теорий, концепции которых описывают явления, сходные с планом содержания понятия амплуа. В заключении автором осуществляется дифференциация понятий амплуа и лингвокультурный типаж.
Ключевые слова: амплуа, лингвокультурный типаж, архетип, физиогномика, внешние данные.

Abstract. This article is devoted to the study of the role concept as one of the categories in the theory of linguistic personality. The relevance of this article lies in the need for a comprehensive study of this phenomenon. The article provides the most relevant definitions of the role concept, describes the areas of use. A number of theories described phenomena similar to the role concept are given. In conclusion, the author differentiates the concepts of role and linguacultural type.
Key words: role, linguacultural type, archetype, physiognomy, look.

Спустя без малого сорок лет с момента опубликования книги Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987 г.) понятие языковая личность в плане его содержания и интерпретации испытало огромное количество индивидуально-авторских трансформаций и приобрело новые смыслы. В поле теории Ю.Н. Караулова возникли новые понятия, такие как речевая личность, языковой (речевой) портрет, лингвокультурный типаж, имидж, амплуа.

В рамках исследования понятия лингвокультурный типаж как смежного в ряду феноменов, возникших в ходе развития теории языковой

личности Ю.Н. Караулова, в данной статье мы произведем попытку его дифференциации с таким понятием, как амплуа.

В первую очередь, обратимся к определениям. Так, «Большой энциклопедический словарь» дает данному понятию следующую дефиницию. Амплуа (франц. Emploi – букв. *Применение*), относительно устойчивые типы театральных ролей, соответствующие возрасту, внешности и стилю игры актера: трагик, комик, герой-любовник, субретка, инженю, травести, простак, резонер и др. В XX в. Это понятие выходит из употребления [1]. Дефиниция в первую очередь рассматривается в контексте театрального искусства. Театральные роли условно градуируются согласно воплощенному в них типизированному образу/характеру, будь то представитель той или иной социальной группы, либо обладатель тех или иных морально-ценностных качеств, имеющих стереотипно-ассоциативное визуализированное представление в коллективном сознании. В театральной традиции, существующей еще со времен античности, актеры, играющие ту или иную роль, должны были соответствовать ей по определенной внешности, подчас даже с учетом очень специфических визуальных особенностей, обладать соответствующим темпераментом, голосом, пластикой. На этом основании актера и соотносили с тем или иным амплуа. По настоящее время данный принцип также актуален: основное значение в определении актера на роль играют как соответствие внешних данных образу, который он воплощает, так и общепринятому и индивидуально-авторскому представлению. По утверждению теоретика театра Ю.М. Барбоя, амплуа является одним из компонентов структуры сценического образа: «во всякой роли непременно есть – и играется актером – нечто такое, что значимо соединяет эту роль с рядом других, аналогичных, и то, что принадлежит данной роли индивидуально. Нет ни амплуа вне конкретных его носителей, ни отдельной роли вне амплуа, нет, наконец, персонажа сцены, который не был бы построен вне этой

системы» [3: 77, 79]. В данном контексте вполне уместно упомянуть взгляды на феномен амплуа выдающегося деятеля театрального искусства, актера и режиссера В.Э. Мейерхольда, изложенные в брошюре «Амплуа актера» (1922 г.). Так, через систему амплуа была показана связь между типологией драматургических сюжетов и актерской типологией. В.Э. Мейерхольдом была сделана попытка создать вневременную, «вечную» таблицу из семнадцати пар мужских и женских амплуа, с помощью которых возможно охватить весь корпус драматической литературы от античности до современности [7]. Среди перечисленных В.Э. Мейерхольдом амплуа находим героя и героиню, влюбленного и влюбленную, шута/дурака или клоуна, злодея и интригана. К критериям распределения актеров к тому или иному амплуа относились такие специфически внешние, а подчас сугубо физиолого-анатомические характеристики, как рост, тип фигуры, комплекция, пропорции тела, размер головы, форма черепа, овал лица, длинна шеи, длина ног и рук (не короче определенной длины для амплуа героя или героини), выразительность запястий и пр. Огромное значение придавалось чертам лица вплоть до мелких нюансов, музыкальным характеристикам голоса: высоте, тембру, наличию обертонов, диапазону звучания. Уделялось внимание врожденному ритмико-пластическому рисунку тела актера. Предъявляемые требования к актерам были изложены в разработанной В.Э. Мейерхольдом таблице мужских и женских амплуа, насчитывающей 17 таковых.

Рассматривая понятие амплуа в плане содержания и, в частности, систему амплуа В.Э. Мейерхольда, вполне очевидной представляется ее корреляция с предложенной К. Юнгом системой архетипов – мощных первичных психических образов, глубинных поведенческих матриц, фундаментальных повторяющихся тем, которые проявляются в разных культурах, религиях или исторических периодах, мифах, нарративах, в любом традиционном художественном образе [6: 21–22]. В системе

архетипов, разработанных К. Юнгом, также находим Героя как воплощение благородства и истинных мужских качеств, Трикстера как воплощение озорства, творчества и бунта, что часто ассоциируется с нарушением социальных норм и устоев, Мудреца как персонификацию жизненной мудрости и зрелости, Тень как бессознательную противоположность того, что индивид настойчиво утверждает в сознании. Каждый из данных архетипов коррелирует с амплуа Героя, Шута/Дурака/Клоуна, Ученого, Злодея и Интригана соответственно. Данную сравнительную параллель можно продолжить. При этом явно прослеживается общее начало, соединяющее концепции авторов воедино.

Общеизвестно, что архетипичность как эстетическая категория широко используется при анализе фольклора и мифологии разных народов мира. Существенные разработки в этом направлении осуществлялись такими исследователями как С.С. Аверинцев, Ю.М. Лотман, Е.М. Мелетинский, В.Н. Топоров, М. Элиаде. Под архетипом они понимали образно-семиотическое вместилище культурной памяти народа, обеспечивающей преемственность в жизни человеческого рода, непрерывную связь времен. Архетипом именовались не только «вечные образы» как «матрицы первосмыслов», с определенной закономерностью повторяющиеся в новых исторических обстоятельствах, но и образы-символы, лейтмотивы, обладающие мифо-суггестивной природой, укорененные в национальном культурном пространстве и приобретающие черты универсалий. В драматургии архетипическая подоплека образов также имеет место. Поэтому вполне правомочно проводить четкие параллели между системой амплуа В.Э. Мейерхольда и архетипом К. Юнга и рассматривать архетип как «инструмент исследования», позволяющий проникнуть в глубинную структуру художественного образа, раскрыть его «внутреннюю форму».

Последователями К. Юнга (Э. Нойманн, Х.Г. Байнес, Дж. Хендерсон, Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, А.Н. Веселовский), была сформулирована концепция национально-культурных архетипов, руководствуясь которой мы склонны утверждать, что внешние представления, визуализированные в том или ином архетипе, равно как и в амплуа, являются продуктом коллективного национально-культурного сознания. Опыт и представления, сформированные в нем, передаются на генетическом уровне из поколения в поколение, имея при этом определенную визуализированную оболочку, сконцентрированную в том числе в конкретных чертах внешности. Таким образом, в человеческом сознании импульс, вызванный при наименовании той или иной черты характера или рода деятельности, порождает поток ассоциаций и идентифицируется с внешностью ее владельца. Соответственно, в разных национальных культурах внешние свойства, присущие тому или иному образу, будут временами кардинально разниться. Так, к примеру, общехристианские визуальные представления о библейских героях в сознании представителей христианской религии будут общими. Однако национальные визуализированные образы, воплощающий, такие понятия, как красота, мужественность в представлении носителей разных культур будут отличаться. Русская красавица и красавица востока, безусловно, будут выглядеть по-разному. Равно как и мужественность в представлении носителя русскоязычной культуры будет ассоциироваться с внешностью русского богатыря, также имеющего определенную внешность (рост выше среднего, «косая сажень в плечах», светлые волосы, большие светлые глаза и пр.) Система амплуа В.Э. Мейерхольда в основе внешнего описания ее образов имеет скорее усредненные европейские черты (в том числе, приведенные авторами в текстах произведений), однако и несет в себе национально-специфический характер.

Взаимосвязь внешности человека с присущими ему чертами характера и поведенческими сценариями известна давно. На основе подобных корреляций строится концепция физиогно́мики – учения, предметом которого является определение типа личности человека, его душевных качеств и состояния здоровья по анализу внешних черт лица и его выражения. Согласно определению, физиогномика – учение об однозначности связи внешнего облика человека с типом его личности, благодаря чему по внешним признакам можно установить психологические характеристики индивида [8, с. 521]. Физиогномика как наука наиболее активно развивалась в Китае и получила там широкое распространение. Попытки определить связь между внешностью и характером человека предпринимали еще Аристотель и его последователи в этом направлении – Полемон (II в. Н. э.) и Адамантий (IV в. Н. э.). Чтение «с лица» привлекало людей и в Средние века (Ибн Сина и ряд ведущих алхимиков), и в эпоху Возрождения (Иоанн Дуне Скотт и Леонардо да Винчи). Концепция физиогномистов определенным образом соотносится с сутью понятия амплуа: наличие определенных внешних черт индивидуума свидетельствует о внутреннем содержании его как личности.

В более узкой плоскости научного знания, такой, в частности, как криминалистика, взаимосвязь внешних данных и свойств личности ее обладателя, также рассматривалась. К примеру, имя Чезаре Ломброзо (Lombroso), итальянского врача-психиатра и антрополога ассоциируется с разработанной им теорией, подразумевающей следующие постулаты. Изучая взаимосвязь личности преступника и совершенного им преступления, Ломброзо исходил из предположения о наличии у оного специфических анатомо-физиологических признаков, предопределяющих совершение преступления. Особый тип «преступного человека» совершает преступления, по теории Ломброзо, не из-за социально-психологических причин, а в результате генетических

предначертанных наклонностей. Некоторым людям как бы предопределено судьбой совершать тяжкие преступления. На основании антропологических измерений, произведенных с помощью прибора «краниографа», предназначенного для измерения размеров частей лица и головы, Ломброзо была выдвинута гипотеза о существовании «прирожденного преступника», обладающего особыми физическими чертами. По данным антрополога, для человека с преступными наклонностями характерны, например, взгляд исподлобья, более резкое очертание лицевого угла, сплющенный нос, низкий лоб, большие челюсти, высокие скулы, редкие волосы на бороде и пр. Перечисленные особенности он относил к атавистическим чертам личности. На основании антропологических обследований преступников им были разработаны специальные таблицы направлений признаков прирожденных преступников. Данная теория в истории криминалистики и смежных с ней направлений в психологии не получила подтверждения. Однако сам факт ее существования, опирающийся на конкретные исследования, в основе которых лежит процесс идентификации, позволяющий утверждать определенную взаимосвязь внешности и поведенческих проявлений личности, представляет интерес.

Таким образом, в общем понимании понятие амплуа представляет собой устойчивый типизируемый конгломерат в структуре личности, характеризующий ее сугубо внешнюю сторону и темперамент. Однако эти внешние черты имеют прямую корреляцию с характером и «внутренним содержанием». Образно-ассоциативное представление, присущее тому или иному амплуа, хранится в национальном коллективном сознании. Амплуа воплощает в себе внешние национальные черты. Оно изначально эмоционально окрашено. При сопоставлении феноменов лингвокультурный типаж и амплуа, безусловно, общим будет являться факт типизации личности. Лингвокультурный типаж представляет собой типизированный по определенному принципу на основании общности

черт и свойств культурно значимый и узнаваемый образ. Амплуа же является одним из компонентов структуры лингвокультурного типажа, соответственно, также обладает присущими ему признаками: ассоциативностью, хрестоматийностью, рекурентностью, знаковостью, типичностью и прецедентностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амплуа. Текст: электронный // Толковый словарь русского языка. URL: https://556.slovaronline.com/1293%D0%90%D0%9C%D0%9F%D0%9B%D0%A3%D0%90 (дата обращения 26.03.2025)
2. Амплуа. Текст: электронный // Большой Энциклопедический словарь: универс. Справ. Изд. URL: https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/2415%D0%90%D0%9C%D0%9F%D0%9B%D0%A3%D0%90 (дата обращения 26.03.2025)
3. Барбой Ю.М. Структура действия и современный спектакль. Л.: ЛГИТМиК, 1988. 201 с.
4. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест, 1998. 800 с.
5. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
6. Лейбин В.М., Карл Густав Юнг. Аналитическая психология и психотерапия: Хрестоматия. СПб.: Питер, 2001. 512 с.
7. Купцова О. Амплуа. Текст: электронный // Энциклопедия Кругосвет: универс. Науч.-поп. Энцикл. ULR: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/AMPLUA.html (дата обращения 26.03.2025).
8. Хигир Б.Ю. Физиогномика. М.: АСТ, 2006. 640 с.

ИВАНЧУК Ирина Анатольевна *(Санкт-Петербург, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
кафедры журналистики и медиакоммуникаций СЗИУ РАНХ и ГС
ivanchukia@rambler.ru

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ М.В. ЛОМОНОСОВА

Аннотация. В статье освещается орбита ментальности патриотизма М.В. Ломоносова как в системе понятийных категорий, так и в ракурсе глубинных научных проблем. Проявление ментальности представлено на различных уровнях употребления языка: словообразовательном, грамматическом, стилистическом, синтаксическом. Определены направления актуализации концепта «радость» – основы идиостиля М.В. Ломоносова в художественном, риторическом и научном творчестве. Стилистическая реформа М.В. Ломоносова рассматривается на микро- и макроуровне.

Ключевые слова: ментальность, патриотизм, терминология, концепт, радость.

Abstract. The article highlights the orbit of the MV Lomonosov's patriotism mentality, both in the system of the conceptual categories and in the aspect of the deep scientific

problems. The manifestation of the mentality is represented at various levels of the language use – the word-formation, the grammatical, stylistic, syntactic. The directions of the actualization of the concept of Joy are presented, which are the foundations of Lomonosov's ideostyle in the artistic, rhetorical, and scientific creativity. Lomonosov's stylistic reform is considered at the micro and the macro levels.
Key words: mentality, patriotism, terminology, concept, joy.

Многогранность дарования ученого, внесшего неоценимый вклад в самые разные сферы естественных и гуманитарных наук, в развитие национального литературного языка, литературы и поэзии, горячая любовь гения к России, клятвенное признание – «*не премину в науках посильно упражняться в пользу Отечества*» – сделали имя М.В. Ломоносова на многие века бессмертным. Всепоглощающая жажда нового фундаментального знания и ментальный патриотизм – векторы динамики развития личности великого ученого [3]. Академик В.И. Вернадский справедливо связывает системность постановки и решения задач научного творчества М.В. Ломоносовым с проблемой создания особого русского научного языка: «*В Ломоносове мы видим могучего создателя русского научного языка, из которого непосредственно вышел язык современного русского образованного общества*» [2: 15]. Среди филологических достижений М.В. Ломоносова велика значимость создания им терминологического аппарата широкого круга наук; непреходяще – практическое внедрение новых форм научного красноречия в российском образовании. Изначальный методологический принцип М.В. Ломоносова – морально-нравственное стремление неустанной и многотрудной заботы об интересах Отечества. Ментальное поведение любой прогрессивной личности мотивировано ценностными мотивами жизни, нравственными ориентирами. Ментальный патриотизм академика определяет понятийные основания глобальных научных проблем России; он также находит проявление на различных уровнях употребления языка – словообразовательном, лексическом, грамматическом, стилистическом, синтаксическом.

Терминологическое творчество М.В. Ломоносова – продолжение лингвистической деятельности Петра Великого, видевшего в создании русской научной терминологии одну из главнейших задач развития науки и культуры. О размахе этой работы можно судить по судьбе огромного ряда терминов, введенных М.В. Ломоносовым в соответствии с названными принципами и оставшихся до наших дней в терминологических системах различных наук. Таковы: *«стекло», «земная ось», «удельный вес», «магнитная стрелка», «гашеная и негашеная известь», «воздушный насос»* и др. Столь же активны в современном словаре заимствования, подвергшиеся максимальной ассимиляции: «*диаметр», «барометр», «квадрат», «радиус вертикальный, горизонтальный» и др*. [7: 132–134]. Стиль ломоносовского научного повествования – сочетание конкретных реалий и образных картин. Таков фантастический сюжет описания сечений флорентийского руинного мрамора (основную смысловую функцию выполняют в тексте прилагательные и причастия («краеугольный», «продолговатый», «темножелтый», «обрушившийся» и др.): «*Плитка четвероугольная, продолговатая, из флорентийского мрамора высечена, на которой каменные горы, обрушившиеся здания и облака в их натуральном виде представлены, цвету темножелтого»* [8]. Поэтизация научного понятия может иметь и конкретную стихотворную форму. Таково «Письмо о пользе стекла» (1752 г.) – просветительская поэма, написанная в стиле дружеского послания И.И. Шувалову. М.В. Ломоносов защищает учение Коперника и Кеплера о солнечной системе: «*Европа ныне в то всю мысль свою вперила // И махины уже пристойны учредила. // Я, следуя за ней, с Парнасских гор схожу, // На время ко Стеклу весь труд свой приложу*» [5: 143–144]. Минеральные каталоги М.В. Ломоносова – создание первого в истории русской науки корпуса терминов геологии, минералогии и кристаллографии. Точность терминологического описания, унификация словоупотребления в

словарной статье, устранение терминологической избыточности и приближение к западноевропейским образцам – основные направления редактуры, вносимой М.В. Ломоносовым в Минералогический каталог (ср. замену системы прилагательных-характеристик «глиноватый», «жиловатый», «кремневатый», «шишковатый», «перoватый» на единое понятие – «слоеватый») [9: 10].

Научное красноречие. В.И. Аннушкин справедливо считает, что термин «слово» у М.В. Ломоносова имеет следующее значение: «это и словесный дар, свойственный человеку, и речь, и вся совокупность словесных произведений, и сама творческая способность человека мыслить и выражать мысль в речи» [1: 82–83]. Именно в этом филологическом триединстве следует воспринимать естественно-научное творчество М.В. Ломоносова, представленное жанрами *Слово*; *Размышление; Рассуждение («*Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (1735 г.), «Вечернее размышление» (1743 г.); «Рассуждение о большей точности морского пути» (1759 г.). Произнесенное в «*вожделенний день тезоименитства е. и. в. […] Елисаветы Петровны*», *«*Слово о пользе химии» – совершеннейший памятник ораторской прозы М. В. Ломоносова, гимн величественной науке – химии, приводящий слушателя к глубинным нравственным размышлениям и политическим выводам.

Вопросы развития научного знания, благотворность их влияния на личность нашли отражение и в панегирическом красноречии М.В. Ломоносова. М.В. Ломоносов изображает торжественное шествие наук: «*О вы, счастливые науки! //* Прилежны простирайте руки *//* И взор до самых дальних мест…» *(*«Ода, в которой ее Величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском Селе августа 27 дня 1750 года) [4: 140]. Одушевление понятия порождает метафоричность научного текста. Используя риторическое обращение к неодушевленному предмету – различным наукам и знаниям

– Химии, Метеорологии, Математике – М.В. Ломоносов усиливает эмоциональное звучание контекста, создавая образец научной риторической поэзии: *(о Метеорологии*) «…*Наука легких метеоров, // Премены неба предвещай // И бурный шум воздушных споров // Чрез верны знаки предъявляй…»* [4: 141].

Рефлексивный патриотизм – специфика академической мысли и особенность мотивационной энергетики М.В. Ломоносова – утверждение всего, что мешает наиболее полному осуществлению миссии приносить пользу России. В этом контексте актуализируется концепт «радость» – основа идиостиля М.В. Ломоносова и в художественном, и в риторическом, и в научном творчестве. Радость открытий, смелость научного познания, величие и сила разума человеческого рождает мудрость философского понимания научного творчества. Исторические корни светоча науки России навсегда связаны с архангельским Севером, однако идеи европейских влияний никогда не были чужды М.В. Ломоносову. В годы обучения в Марбургском университете (1736–1739 гг.) происходит осмысление М.В. Ломоносовым научно-философских трудов Галилея, Данте, Уинстона, формируются основы научной терминологии. Исследование стиля работ М.В. Ломоносова «О превращении твердого тела в жидкое» (1737–1738 гг.), физической диссертации о различии смешанных тел (расширение вопроса о строении материи) свидетельствует, что научный анализ текстов выдающегося исследователя необходимо проводить в системе изучения культурологического окружения Марбурга середины XVIII в.

Представляется значимым сопоставление различных систем и программ обучения в Марбургском университете; осмысление влияния Христиана Вольфа, его рационалистической и телеологической философии, отразившихся не только в стилистике естественно-научных трудов, но и в процессах общего научного становления М.В. Ломоносова как ученого. Все эти факторы помогут увидеть ментальное единство двух

культурно-научных основ терминологического и научного творчества, проливающее свет на проблему единичного, особенного и общего в понимании основных направлений развития научного знания М.В. Ломоносовым [2: 19].

Велика роль Ломоносова в формировании культуры научного исследования. Ментальное своеобразие проявилось и на уровне морфологии и синтаксиса. Анализ текста научной диссертации М.В. Ломоносова «О превращении твердого тела в жидкое» (Марбург, 1738 г.) позволяет увидеть в структуре собственно-научного подстиля всевозможные элементы популяризации, определить роль «микроединиц» – словосочетаний, особое значение в структуре которых приобретает прилагательное-характеристика. Стилистику повествования определяет научная лексика, поэтому наиболее частотны в тексте именные словосочетания – терминологические понятия-определения: «*твердое тело – жидкое тело*»; «*в противоположных направлениях*»; «*силы одинакового стремления*»; «*различное сопротивление*»; «*непостоянная жидкость*» и пр.

М.В. Ломоносов впервые вводит в собственно-научный текст элементы популяризации (образность, разговорность, чужую речь): «*Бехер в своей Подземной физике, книга 1, отд. 5, гл. 3,4 объясняет различие твердости твердых тел в следующих словах: «Твердое состояние, – говорит он, – противопоставляется жидкому; его низшая степень твердости есть свертывание, когда частицы, хотя и сцепляются, но легко подвергаются разделению. Третья степень есть затвердевание, когда тела связаны весьма плотно, как камни, металлы»* [6: 11]. Страстность изложения научной истины – в нарушении строгих канонов научного стиля, появлении в тексте диссертации эмоциональных характеристик ученых-исследователей: таково сочетание существительного и эпитета-характеристики, выраженного прилагательным в превосходной степени («*опытнейший Бургаве»).*

Как известно, особо значимой в систематизации русской речевой культуры является категория разговорности. В сравнении с иными риторическими универсалиями (метафорой, повтором, синтаксическим параллелизмом, тропами) функционирование которых носит универсальный характер в различных языковых культурах, проявление разговорности в научном тексте М.В. Ломоносова находит иное выражение: на фоне строгих научных стандартов, соответствующих выводу теоремы («*что и требовалось доказать…*»), появляются эмоционально-характеризующие определения («*предсуществующая жидкость», «знаменитый Вольф*»), разговорная лексика («*собираются в пузырьки*», «*душистые испарения*»), иронично-оценочные характеристики. Разговорные конструкции выполняют и роль обращения к читателю (*«через час или два ты найдешь всю воду воспринявшей соль»).*

В сочинениях М.В. Ломоносова в оригинальной форме представлена интертекстуальность научного текста (ссылки на имена предшествующих исследователей). В освещении проблемы создания научного текста М.В. Ломоносовым возможно говорить об «идиостиле» как отражении ментальности – многоаспектном проявлении языковой личности автора в структуре, семантике и прагматике текста. Хотя сам М.В. Ломоносов считал, что место первым подаёт идеи, основной метод реализации личности великого ученого всё же другой – динамичная социализация целей, определявшая предметы и масштабы новаторской многократной деятельности М.В. Ломоносова в жизни Российской Академии наук и общественного служения, прославившего его в умах и сердцах последующих поколений [3].

Стилистическая реформа М.В. Ломоносова проявлялась на макро- и микроуровне (специфика словосочетаний играет важную роль в терминологическом творчестве М.В. Ломоносова, начиная с марбургского периода научного становления). Словосочетание «существительное +

прилагательное» получает определяющую функцию и в структуре терминов-определений; эта тенденция развивается во всем последующем терминологическом творчестве – в трудах по физике, химии, филологии, минералогии. В естественно-научных трактатах и статьях М.В. Ломоносова формируется культура научного творчества. Энциклопедическим ученым были заложены основы национально-патриотического мировоззрения; ментальная мотивация к познанию научной истины позволила безукоризненно точно определить глобальные проблемы научного знания, актуальные и в современном развитии фундаментальной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннушкин В.И. Основы русской филологии. Курс лекций. М.: Флинта: Наука, 2015. 128 с.
2. Вернадский В.И. О значении трудов М.В. Ломоносова в минералогии и геологии // Словарь языка М.В. Ломоносова: Минералогия. СПб, 2010. С. 5-20.
3. Залывский М.Н. Ментальный патриотизм мировоззрения и научной деятельности. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnyy-patriotizm-mirovozzreniya.
4. Ломоносов М.В. Избранные произведения. М.: Советский писатель, 1965. 578 с.
5. Ломоносов М.В. Сочинения. М.: Современник, 1987. 430 с.
6. Ломоносов М.В. Труды по физике и химии. (1738-1746). ПСС в 11 тт. Т 1. М.-Л.: Изд.-во АН СССР,1950. 630 с.
7. Меншуткин Б.Н. Михайло Васильевич Ломоносов. Жизнеописание: [очерк] / сост. Б.Н. Меншуткин. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1911. 160 с.
8. Описание фотографии образцов мрамора Минералогического музея А.Е. Ферсмана. РАН. Инвентарный номера. Размеры. ПДк-2095.13х18 см, 15х15 см.
9. Словарь языка М.В. Ломоносова / гл. ред. Акад. Н.Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 5: Минералогия М.В. Ломоносова: коллективная монография / отв. Ред. С.С. Волков. СПб.: Нестор-История, 2010. 472 с.

ИВАНЯН Елена Павловна *(Самара, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Самарский государственный социально-педагогический университет
elogos@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОНА ВЛАДЕЛЬЦЕВ СОБАК

Аннотация. В статье рассматривается специфика русского лексикона владельцев собак в сфере современного русского кинологического жаргона. Выделяются, во-первых, общие признаки этой специфики для речедеятелей разных типов речевой культуры (диминутивы, эвфемизация, употребление терминов родства в переносном значении вследствие общего экстралингвистического фактора

антропоморфизма собаки владельцем), во-вторых, отличные, свойственные только обиходному типу (отсутствие метарефлексивов) или свойственные элитарному и литературно-жаргонизирующему типу (аугментативы, языковая игра, высокий стиль).
Ключевые слова: кинологический жаргон, эвфемизация, мелиорация, антропоцентризм, диминутивы, аугментативы, типы речевой культуры.

Abstract. The article discusses the specifics Russian lexicon of dog owners in the field of modern Russian cynological jargon is considered in the article. There are, firstly, common features of this specificity for speakers of different types of speech culture (diminutives, euphemization, the use of kinship terms in a figurative sense due to the general extralinguistic factor of the anthropomorphism of the dog by the owner), and secondly, distinct, characteristic only of the everyday type (absence of metareflexives) or characteristic of the elite and literary jargonizing type (augmentatives, language game, sublime style).
Keywords: cynological jargon, euphemization, land reclamation, anthropocentrism, diminutives, augmentatives, types of speech culture.

Исследования феномена собаки ведутся в разных науках, в том числе лингвистических изысканиях. Собака рассматривается как фрагмент русской языковой картины мира [5], как гештальт в среде охотников [2], в художественном тексте [12], в когнитивной лингвистике [10]. Кинологическому жаргону посвящена статья И.М. Фатеевой [9], в которой привлекаются лексикографические источники. Языковые средства и специфическая лексика зоозащитников и их противников в аспекте реализации идеологического конфликта представлены в статье Т.Г. Путилиной [6].

Между тем лексикон владельцев собак в современном русском кинологическом жаргоне ещё не становился предметом специального исследования.

Сам феномен такого лексикона обусловлен экстралингвистическим фактором, а именно тем, что в настоящее время, по замечанию исследователей, собака становится социальным конструктом городской культуры [11].

В качестве языкового материала данного исследования послужила интернет-коммуникация кинологической направленности второго и третьего десятилетия XXI в., отраженная на многочисленных сайтах, блогах, пабликах, а также данные, приводимые учеными в связи с кинологической тематикой.

Примечательно, что лексикон владельцев собак социально дифференцирован, соотносится с типом речевой культуры речедеятеля, нередко с уровнем достатка, а значит и с тем фактом, является ли домашний питомец породистым или беспородным. Есть общие черты лексикона владельцев собак и дифференцированные.

Общим важным фактором особенностей лексикона владельцев собак является антропоморфное атрибуирование домашним питомцам человеческих качеств [11], то есть речь идет об антропоморфном представлении собаки [1: 19]. В связи с этим изучаемый лексикон включает лексемы *папа, мама, сынок, дочка* в переносном значении, в распространенной ситуации, когда владелец собаки, общаясь с домашним питомцем, номинирует себя родителем, а питомца своим ребенком.

Достаточно распространенной является имитация диалога межвидовой коммуникации ‘человек – собака’, в которой хозяин ведет диалог, подобный игре в шахматы с самим собой. См. пример имитации такого «диалога» владелицей собаки: – *Бедный* ***сынок****! Тебя* ***мама*** *совсем забыла, да? Тебе скучно? Считаешь, что* ***мама*** *перестала о тебе заботиться? Нет! Нет, ты же видишь, я на работе! Я стригу тётю. Скоро закончу и накормлю тебя.* В речи владельцев собак может присутствовать имитация «прямой речи». Ср., попутно об этом: [2]. См. также пример из работы Н. Славгородской [8].

Обсуждение в чатах «собачников» содержит речевые штампы хозяев собак, которые сходны с речевыми штампами, употребляемыми родителями в отношении детей. Подписчики каналов отмечают, например, что употребляют такие выражения: – *Это кто у нас такой красивый? Кто это? Это наш* (далее – кличка).

Распространенными именованиями домашнего питомца являются номинации, пришедшие из «сетевого общения»: *пёсель пёся, собакен.* Как отмечает О.С. Иссерс, «появившись в сети и получив одобрение

сетевого сообщества, языковая единица молниеносно распространяется и тиражируется независимо от актуальной коммуникативной потребности пользователей» [4: 45].

Особенности современного русского лексикона владельцев собак проявляются в: 1) ориентации на эвфемизмы и эвфемизацию речи; 2) табуизации ряда лексем; 3) тенденции к мелиоративным наименованиям; 4) применении слов – диминутивов; 5) употреблении терминов родства в переносном значении.

В обиходном типе речевой культуры отсутствуют саморефлексия, метаязыковые рефлексивы, доминируют диминутивы в обозначении собак: *дворняжка, бедосик.* Отметим, что при этом наблюдаются диминутивные формы как первой, так и второй деривационных ступеней названных лексем: *дворняга – дворняж**ка** – дворняжечк**а**; бедняга – бедняж**ка** – бедняжечк**а***. Как правило, речедеятели обиходного типа речевой культуры являются владельцами беспородных собак. Среди некоторых из них существует табу на произнесение словосочетания *беспородная собака.* Вместо него предлагается словосочетание, указывающее, на какую порода похожа данная собака, например, *овчаро**ид**, лайко**ид**.* О таких неологизмах в сфере кинологического жаргона см. [6]. Полагаем, что в подобных жаргонных лексемах заметны черты мелиорации, вербального улучшения: собака не беспородная, она почти что овчарка; почти что лайка.

Для элитарного и литературно-жаргонизирующего типов речевой культуры характерны такие мелиоративные номинации, как некоторые формы аугментативов. Например, кавказскую овчарку называют *кавказ**ина**.*

Другой особенностью лексикона хозяев собак является эвфемизация в сфере кинологического дискурса. Так, «Словарь эвфемизмов русского языка» фиксирует заменяющее обозначение «*девочка* вместо *сука.* О собаке, кошке» [3: 105]. Отметим, что в речи хозяев собак не применяется другой эвфемизм, заменяющий прямую

номинацию, *самка* [3: 383]. Соответственно эвфемистически о кобеле говорят *мальчик* [Там же]. Попутно отметим, что в жаргоне кинологов помимо терминов *кобель* и *сука* применяются номинации *самец, самка.*

У речедеятелей литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры лексикон владельцев собак разнообразнее по оценочной шкале, употребляются и лексемы высокой окрашенности и, напротив, сниженные, внелитературные. См. пример, содержащий элементы высокого стиля в межвидовой коммуникации ‘человек – собака’: *На прогулке с тибетским мастифом Агатом выговариваю ему за сброшенную с вешалки одежду: «**Сокровище моего сердца**, я понимаю, ты **беспокоился**, почему я не вернулась домой вовремя. Но ты не мог бы проживать свои эмоции социально приемлемым способом, пожалуйста?» Поймала полный ужаса взгляд подростка мужского пола, сидящего на лавочке с пивом.*

Ср. с контрастным примером команды: *не жрать!* (чтобы собака не пыталась рыться в мусорном баке). См. пример, содержащий всю палитру вокативов: *Зовешь его: Рекс, Рес**енька**, Ресь**ка** – 0 эмоций. Терпение заканчивается, «**сволочь мохнорылая**!» (дворняга с терьерской бородой) – сразу тут как тут*.

См. пример применения в лексиконе хозяев собак «языка нянь», или так называемого детского языка, а точнее назвать речевого поведения взрослого, ориентированного на разговор с маленьким ребенком. Подписчица канала пишет, как она общается со своим домашним питомцем: *А у кого коготочки? **У кого такие ушки? Кто потягуси?** Комдивчик* мальчик – потягуси! *Здоровый волч**ар**а (немецкий овчарк бывшего мужа) с пастью, как у крокодила. Правда, добр**ейш**ий и умн**ейш**ий пес.* В русском дискурсе уже выработались речевые штампы названного речевого поведения, оформленные в риторические приемы.

Приведенный пример богат средствами выразительности: содержит элементы «языка нянь», отражая антропорфизм межвидовой

коммуникации; с одной стороны, диминутивы; с другой стороны, – аугментатив; качественные прилагательные в форме превосходной степени (*добрейший*, *умнейший*), гиперболу (*как у крокодила).*

В целом, диминутивы речедеятелей литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры более разнообразны, например, *собаченька*, *собачка*.

Представители элитарного типа речевой культуры в своем кинологическом лексиконе формулируют синонимические ряды для обозначения намерения пойти гулять с собакой, чтобы собака от радости раньше времени не носилась по квартире или по дому. Так, в чате блогера писательницы Юлии Рублевой на пост «Лексическая деградация собачника в ходе формирования привязанности к питомцу» [7], имитирующий научную речь, подписчики делятся своими наработками лексикона «собачника»: *Когда наша кавказина освоила базовые:* ***гулять, прогуляться, проветриться, подышать*** *(и сносила полдома от радости, даже если это не ей предлагали)) Так у нас в лексиконе появились:* ***до сосны, до угла, под ёлочку, пробежаться, выскочить, до корпусов*** *и т. п.* См. другой пример: *Понимаю! Мы тоже очень осторожно произносим слово «гулять», потому что начинаются скакания! Говорим с дочкой:* ***когда пойдем гэ****? И хихикаем.* Приведенные примеры являются иллюстрацией тактики умолчания, применения тайноречия.

При необходимости указать пол домашнего питомца речедеятели элитарного типа речевой культуры способны применять грамматическую языковую игру, например, называя питомца *овчар.*

Эвфемизируя, речедеятели элитарного типа речевой культуры создают лексико-семантические неологизмы, например: *Когда завели пёсю, начиталась, что для быстрого туалета надо придумать определенные слова. Решили с мужем, что все, что связано непосредственно с туалетом – низкого пошива, придумали команду*

*«**давай – давай**!» Это провал был. Собака быстро привыкла, справляла нужду, но, оказывается, в таком сочетании мы часто употребляли эти слова в быту. Собака в шоке, не понимала, что мы от неё хотим дома*.

Подведем итоги. Особенности современного русского лексикона владельцев собак имеют как общие черты (антропоморфизм, применение терминов родства в переносном значении, элементы «языка нянь», употребление слов – диминутивов), так и различные, соотносимые с типом речевой культуры речедеятелей (лишенные метарефлексивов у обиходного типа; наличие аугментативов, подбор синонимических рядов в целях тайноречия, разнообразие диминутивов – у элитарного и литературно-жаргонизирующего типов речевой культуры, средства выразительности, грамматическая языковая игра).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозёрова Н.Н., Шапочкин Д.В. Некоторые аспекты исследования кинологического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 11 (226). Филология. Искусствоведение. Вып. 53. С. 17–20.
2. Ерофеева И.В. Бочаров В.Н. *Собака* как гештальт в языковой картине мира охотника: дискурс специализированных журналов // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 1. С. 30–40.
3. Иванян Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2021. 464 с.
4. Иссерс О.С. Дай Бог не последний! (о вирусной эвфемизации в контексте массовой речевой культуры) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи. М., 2017. С. 43–52.
5. Маругина Н.И. Концепт «Собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. 2009. № 2 (6). С. 11–30.
6. Путилина Т.Г. Лексема «собака»: языковое выражение идеологического конфликта // Лингвокультурология. 2020. С. 62–80.
7. Рублева Ю. Лексическая деградация собачника в ходе формирования привязанности к питомцу. https://t.me/zamuzh_rubleva (дата обращения: 15.03.2025).
8. Славгородская Н. «Без бумажки ты… метис»: собачья жизнь в документах российских кинологических организаций // Антропологический форум. 2022. Спецвыпуск. С. 140–172.
9. Фатеева И.М. Специфика стилистических наименований в кинологической терминосистеме (профессионализмы, профессиональный жаргон и командные термины) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (7). С. 148–152.
10. Фатеева И.М. Лингвокогнитивный механизм топонимизации в отраслевой терминосистеме // Культура и цивилизация. 2016. № 2.
11. Федорович Е.Ю. Три стороны одной и тои ̆же привязанности: люди и их домашние питомцы // Психология и психотерапия семьи. 2019. № 3. URL: http://familypsychology.ru https://familypsychology.ru/review/people-and-their-pets (дата обращения: 15.03.2025).

12. Ivanyan E.P. The story of M. Bulgakov «The heart of a dog» in the paradigm of methods of Russian fiction: linguopoetic aspect // Русистика без границ. София. 2020. Т. 4. № 1. С. 63–74.

ИВАШЕВСКАЯ Елена Александровна *(Коломна, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
florizelena@mail.ru

РОЛЬ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В РЕЦЕПЦИИ ЛИРИКИ С. ПАРНОК (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «НЕНУЖНОЕ ДОБРО»)

Аннотация. В статье предложена рецепция поэтического сборника С. Парнок «Ненужное добро». Автор акцентирует внимание на роли перцептивной лексики в репрезентации образа лирической героини и ее возлюбленной. Исследуются лексемы, объективирующие разные виды восприятия: зрительное, слуховое, вкусовое, обонятельное, иначе говоря, анализируется художественная картина мира с позиций субъекта перцепции.

Ключевые слова: перцептивная лексика, картина мира, рецепция, С. Парнок.

Abstract. The article offers a reception of one of S. Parnok's poetry collection «Unnecessary Goodness». The author focuses on the role of perceptual vocabulary in representing the image of the lyrical heroine and her lover. The lexemes that objectify different types of perception are studied: visual, auditory, gustatory, olfactory, in other words, the artistic picture of the world is analyzed from the standpoint of the subject of perception.

Keywords: perceptual vocabulary, picture of the world, reception, S. Parnok.

София Парнок (1885–1933) – поэт, литературный критик, автор оперных либретто, переводчик, один из, к сожалению, малоизвестных широкому читателю, ярчайших поэтов эпохи Серебряного века. При её жизни в печати вышло пять поэтических сборников: «Стихотворения» (1916), «Розы Пиерии» (1922), «Лоза» (1923), «Музыка» (1926), «Вполголоса» (1928). Так называемые «веденеевские циклы» («Большая Медведица» и «Ненужное добро»), написанные в 1932–1933 гг., – лучшее, что было создано С. Парнок, – были обнаружены только в 1974 г. С.В. Поляковой, первым биографом поэтессы.

Наш научный интерес связан с изучением функционирования перцептивной лексики в авторском идиостиле С. Парнок на материале сборника «Ненужное добро».

В первую очередь отметим, что перцептивная лексика – это лексика с семантикой чувственного восприятия, которая представляет собой значительный пласт словарного состава любого языка и играет важную роль в формировании языковой картины мира [8: 80]. В научной литературе выделяются такие модусы перцепции [7: 79], как зрение, слух, осязание, обоняние и вкус. Перцептивность занимает определённое место в системе поэтического текста, в формировании индивидуально-авторского стиля поэта, является одним из средств создания художественного образа и его характеристики [9: 6], так как именно процессы восприятия помогают формировать картину мира, преломленную свозь призму восприятия субъекта перцепции [2: 32]. Наиболее разработанными, научно обоснованными и универсальными в плане передачи авторского мировосприятия считаются зрительная и звуковая картина мира [1: 475]. Это обусловлено в первую очередь экстралингвистическими факторами: запах, вкус, осязание в психологии традиционно относят к периферийным перцепциям.

Наши наблюдения над функционированием перцептивной лексики в поэтическом идиолекте С. Парнок позволяют утверждать, что для неё значимы как зрение и слух, так и осязание, обоняние и вкус, что указывает на синестетическое восприятие картины мира, объективированное в созданном поэтессой художественном пространстве, призванном выразить, казалось бы, непередаваемую полноту чувств лирической героини.

Адресат стихотворений сборника «Ненужное добро» – Н.Е. Веденеева, ставшая в 1931–1932 гг. главным в жизни С. Парнок человеком. Изменение традиционной коллизии «он и она» на «она и она» было с её стороны смелым и даже безумным шагом. Об этом очень точно сказала С.В. Полякова: «Нарушив этот негласный запрет, С. Парнок оказалась в русской литературе как бы иностранкой, пренебрегшей «условиями игры» и как ни в чем ни бывало заговорившей о вещах, о

которых полагалось молчать, чтобы не оскорбить господствующих художественных привычек и нравственных норм» [4: 61]. Тем не менее в этой откровенности видится не эпатаж, а последовательное воплощение в жизнь значимой для С. Парнок идеи отражения в поэтическом творчестве души творца.

Невероятное по своей силе чувство, пришедшее в жизнь С. Парнок «невпопад», выражается и с помощью перцептивной лексики:

Сквозь все, что я делаю, думаю, помню,
Сквозь все ***голоса*** *вкруг меня и во мне,*
Как миг ***тишины****, что всех* ***звуков*** *огромней,*
Как ***призвук****, как* ***привкус****, как* ***проблеск*** *во* ***тьме****, –*
Как звездами движущее ***дуновенье****, –*
Вот так ворвалась ты в мое бытие, –
О, радость моя! О, мое вдохновенье!
О, ***горькое-горькое*** *горе мое!* («Сквозь все, что я делаю, думаю, помню…» [3: 281]).

Лексемы визуальной, аудиальной, тактильной и густуальной перцепции, употребленные в рамках одного контекста, призваны как можно более точно, детально воссоздать образ возлюбленной, оказывающийся необъятным, непостижимым, дарующим одновременно и радость, и горе, как и в следующем стихотворении, раскрывающем силу нахлынувшего на лирическую героиню чувства:

Вижу*: ты выходишь из трамвая – вся любимая!..*
Взгляда от тебя не отрываю *– вся любимая!..*
Ты – орлица с ледников Кавказа, – где и в ***зной зима****…*
Все пять чувств ты опьяняешь сразу *– вся любимая!* («Вижу: ты выходишь из трамвая – вся любимая!..» [3: 278]).

Необычный с точки зрения лексической сочетаемости редиф «вся любимая», подчеркивающий полноценность восприятия, созданную при помощи перцептивной лексики, выделен ещё и знаком тире,

выражающим, на наш взгляд, порыв к возлюбленной, «одержимость» лирической героини ею. Облачение страсти в твердую форму стиха – своего рода попытка сдержать рвущиеся наружу слова: именно в веденеевских циклах, которые, по словам Е.А. Романовой, «впервые прорывают крепко слаженную плотину внутренних запретов» [6: 370], лирическая героиня С. Парнок как никогда ранее раскованна и свободна. В этой связи акцентируем внимание на лексеме «опьяняешь», которая находится в одном семантическом ряду с такой концептуально значимой в лирике поэтессы перцептивной лексемой со значением вкуса, как «вино».

Эта лексема является одной из доминантных в создании образов лирической героини и её возлюбленной в художественном мире С. Парнок и занимает важное место в её критических статьях. Например, в «Днях русской лирики», образ «вина страсти» она использует в разговоре об А.А. Ахматовой: «„Проклятый хмель“, – так определяет Ахматова в стихах 18-го года любовь, – перебродил, сахар молодого вина испарился, и вот оно, благородное, лишенное всякой сладости, сухое вино страсти» [5: 5]. Ряд сравнений, в основу которых положена эта лексема, создаёт в стихах цикла «Ненужное добро» образ возлюбленной. Например:

Она беззаботна ещё, она молода,
Ещё не прорезались зубы у Страсти, –
*Не **водка**, не **спирт**, но уже не **вода**,*
*А пенистое, озорное, **певучее «Асти»*** («Она беззаботна ещё, она молода…» [3: 292]).

Или в стихотворении «Дай руку, и пойдем в наш грешный рай…», где перцептивная лексема «старое вино» обретает контекстуальный синоним «зрелые познания»:

Мы на год старше, но не всё ль равно –
*Старее на год **старое вино**,*

*Ещё **вкусней познаний зрелых яства**,*

Любовь моя! Седая Ева! Здравствуй! [3: 289].

Прибегая к аллюзиям на ветхозаветный сюжет, в том числе с помощью словообразовательной пары «вкусить» – «вкус», С. Парнок создает оксюморонный образ «грешного рая», с которым ассоциирует свою любовь к Н.Е. Веденеевой, в котором всеми органами чувств можно ощущать счастье:

Дай руку, и пойдем в наш грешный рай!..

Наперекор небесным промфинпланам,

Для нас среди зимы вернулся май

*И **зацвела зеленая** поляна,*

*Где яблоня над нами вся **в цвету***

***Душистые** клонила опахала,*

*И где земля, как ты, **благоухала**,*

И бабочки любились на лету… [3: 289].

Здесь эмоциональное состояние передано в первую очередь знаками цветовых и обонятельных ощущений, наряду с предшествующими знаками вкусового восприятия.

Обратим также внимание на синестетический образ **певучее «Асти»** и отметим, что эпитет «певучая» в лирике С. Парнок частотен, что обусловлено широтой контекста его употребления: «певучими» в её художественном мире могут быть *сумрак* [3: 89], *море* [3: 90], *рука* [3: 94], *дверца* [3: 138], *волна* [3: 146], *тишина* [3: 147], *день* [3: 165], *рай* [3: 175], *вино* [3: 115, 292]. Таким образом, на лексическом уровне передаётся многомерность восприятия лирической героиней мира, в котором, тем не менее, очень важно уметь слышать и так сложно быть услышанной.

С присущей С. Парнок музыкальной чуткостью поэтесса вслушивается в звучание главного в этот период жизни слова – «Веденеева»:

Еееe, еееe –

*Как **поют** четыре Е!*

*Каждое из них **лелею***

*И от каждого **хмелею**, –*

Не житьё, а житие!

***Слышу музыку** во сне я:*

*«Еееe», – **стонет** стих…* («Вам со стороны виднее…» [3: 276]).

Лингвопоэтические средства, образно интерпретирующие объективную действительность при помощи лексики, которая актуализирует смыслы слухового восприятия, в этом стихотворении оказываются весьма многообразны. С. Парнок не просто выстраивает ассоциативный ряд на основе приёма ассонанса (*лелею*, *хмелею*), но и утрирует этот приём: с одной стороны, как будто обнажает значение ассонанса («как поют четыре Е»), с другой – углубляет его благодаря антитезе «житьё – житие», при этом классическая антонимичная пара приобретает новое, исключительно личное для лирической героини звучание и значение.

Самой рекуррентной языковой единицей с семой ‘звук’ в художественном мире С. Парнок является лексема «музыка», репрезентирующая один из доминантных мотивов лирики поэтессы, тесно взаимосвязанный с мотивами любви и творчества:

Прощай и ты, Седая Муза,

Огонь моих прощальных дней,

*Была ты **музыкою музык***

Душе измученной моей! («Тоскую, как тоскуют звери…» [3: 293]).

Лирическая героиня обращается к возлюбленной, ставшей для нее источником вдохновения и той, кем она жаждет быть услышанной:

Слушай, слушай, слушай!

Моя любовь:

…Тебе – мой стих! («Седая роза», [3: 291]).

Однако даже в тех произведениях, в которых формально преобладают аудиальные лексемы, восприятие мира лирической героиней остается всесторонним, например, за счет расширения семантики перцептивной лексики, как, например, в стихотворении «Прямо в губы и тебе шепчу – газелы…»:

*Бродит, колобродит старый **хмель** – газелы –*

*И **пою** тебя, моя газель, – газелой!* [3: 288].

Полисемантичная словоформа «пою» в соответствующем контекстуальном окружении репрезентирует синестезию в ощущениях лирической героини, а также ее стремление любым возможным способом поделиться этими чувствами с адресатом, который, к несчастью, часто оставляет их без ответа. Не случайно «**глухонемой**» называется возлюбленная в стихотворении «Да, ты жадна, глухонемая…» [3: 273]. В этом эпитете – боль лирической героини, тем важнее для нее суметь правильно подобрать слова, и в этих попытках, порой мучительных, находит отражение осмысление процесса творчества С. Парнок, которая, обращаясь к поэту в стихотворении 1927 г. «Огромный город. Ветер. Вечер…», призывает:

*…внятно **выговори слово**,*

*Как **говорил бы для глухого**,*

Который …

***Видит** лишь, как **слово дышит**…* [3: 248].

Другими словами, по твердому убеждению поэтессы, только слово, учитывающее способность другого его воспринять, может стать настоящим, даже пророческим, позволить высказать, услышать и увидеть истину. В свою очередь многомерность восприятия мира позволяет С. Парнок создавать синестетические поэтические образы, в связи с чем

важную роль в рецепции стихотворений сборника «Ненужное добро» играет перцептивная лексика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л.Г. Идеографическое описание русской лексики как способ выявления базовых категорий и ключевых концептов // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 475.
2. Дубова М.А. «Лесная дача» Б. Пильняка: роль перцептивной лексики в рецепции рассказа // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. Москва – Пенза, 2024. С. 30–38.
3. Парнок С.Я. Вполголоса. М.: ОГИ, 2010. 312 с.
4. Парнок С.Я. Собрание стихотворений / Подготовка текста, предисл. И примеч. С.В. Поляковой. СПб.: Инапресс, 1998. 538 с.
5. Полянин А. В поисках пути искусства // Северные записки. 1913. № 5–6.
6. Романова Е.А. Опыт творческой биографии Софии Парнок. «Мне одной предназначенный путь…». СПб., 2005. 402 с.
7. Рузин Д.Н. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 79–100.
8. Тун Хуэй. Лексика с семантикой чувственного восприятия и аспекты её лингвистического изучения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2016. № 9. С. 80–85.
9. Широлапова Н.Ю. Языковые средства выражения семантики перцептивности в поэтических текстах XX века // Наука и Образование. 2019. Т. 2. № 2. С. 109–113.

КАЗМИРЧУК Ольга Юрьевна *(Москва, Россия)*

кандидат филологических наук, преподаватель
Московский городской педагогический университет
kaznirchuk@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЦИКЛА Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ПЕРЕДЕЛКИНО»)

Аннотация. В данной статье анализируются только те стихотворения из цикла Б.Л. Пастернака «Переделкино», в которых используются фразеологические обороты. В процессе анализа выявляется, для решения каких поэтических и эстетических задач Пастернак прибегает к художественно-философскому опыту, отразившемуся в устойчивых языковых единицах. В результате становится очевидно: поэт прибегает к помощи фразеологизмов в тех текстах, где речь идет о победе жизни над смертью, то есть об обретении доступного человеку бессмертия.

Ключевые слова: фразеологический оборот, Б.Л. Пастернак, поэтический цикл, цикл «Переделкино», название стихотворения, лирический герой.

Abstract. This article analyzes only those poems from B.L. Pasternak's cycle "Peredelkino" in which phraseological phrases are used. In the process of analysis, it is revealed to solve which poetic and aesthetic problems Pasternak resorts to artistic and philosophical experience, reflected in stable linguistic units. As a result, it becomes obvious: the poet resorts to the help of phraseological units in those texts where it is about the victory of life over death, that is, about gaining immortality accessible to man.

Key words: phraseological turnover, B.L. Pasternak, poetic cycle, cycle "Peredelkino", title of the poem, lyrical hero.

Общеизвестно: фразеологические обороты – это важнейший и интереснейший компонент лексической системы любого языка, и русский язык содержит большое количество фразеологических единиц [2: 8]. Фразеологические единицы привлекают внимание как обычных носителей языка (ведь чаще всего фразеологизмы используются именно в повседневной речи), так и внимание профессионалов-филологов. Интерес к этим языковым единицам ничуть не случаен, ведь во фразеологизмах в яркой степени проявляется такое качество языка, как способность в образно-символической форме сохранять информацию о жизненном опыте, накопленном предшествующими поколениями (опыте уникальном, свойственном носителям именно этого языка, представителям именно этой культуры [1: 30–31; 3: 62–63; 6: 223–224]). Действительно, полноценное знакомство с той или иной культурой немыслимо без освоения такого компонента, как фразеологические единицы. Фразеологические обороты используются в различных сферах языка, в данной статье предпринимается попытка осмысления особенностей их функционирования в художественных текстах, в качестве исследуемого материала будет привлекаться поэтический цикл Б.Л. Пастернака «Переделкино» (этот цикл входит в книгу «На ранних поездах», впервые изданную в 1943 г.).

Прежде чем размышлять о роли фразеологических оборотов в «переделкинских» текстах, необходимо сказать несколько слов о том, как возник этот цикл и насколько его возникновение было значимо для Пастернака. В конце 1940 г. поэт с почти детским восторгом (такая восторженность была ему свойственна), писал двоюродной сестре,

филологу О.М. Фрейденберг, с которой был очень дружен, что длительное проживание в писательском поселке «Переделкино» способствовало возвращению к поэтическому творчеству [11: 625]. Здесь нужно напомнить: в конце 30-х годов Б.Л. Пастернак практически не писал оригинальных стихотворений, работая только над прозой или поэтическими переводами. Впоследствии именно цикл «Переделкино» Пастернак выделял как начало нового творческого периода, в котором ему наконец удалось добиться искомой «простоты» поэтической формы, не мешавшей читателю постигать истинный смысл произведения [11: 625].

И еще несколько замечаний о структуре поэтического цикла как такового, подобные «теоретические» отступления необходимы для полноценного понимания творчества Пастернака, поскольку поэт ценил не единичные поэтические произведения, пусть и очень удачные, а циклы и книги стихов. Любой поэтический цикл представляет собой строго организованное художественное целое, составляющие цикл тексты постоянно соотносятся друг с другом (дополняют, уточняют, или, напротив, опровергают), в результате чего все стихотворения обретают новые семантические коннотации, появление каковых немыслимо вне циклического единства [9: 97].

Композиция поэтического цикла Пастернака «Переделкино» основана на идее смены времен года [4: 100; 5: 254; 9: 98]: цикл открывает стихотворение о весне, за ним следуют стихотворения об осени, зиме и лете, а завершается цикл очередным «весенним» текстом. Что же касается фразеологизмов (далее речь пойдет лишь об этих лексических единицах), то впервые они появляются в стихотворении «Ложная тревога» (третье стихотворение цикла). Посредством этого стихотворение в цикл вводится тема осени, осенний мир трактуется здесь как нечто принципиально дисгармоничное: *И ранние потёмки / В саду и на дворе, / И мелкие поломки, / И всё как в сентябре* [11: 25]. Предельным

выражением дисгармонии в стихотворении Пастернака становится смерть, которая приближается к лирическому герою (максимально возможная степень приближения смерти характеризуется через устойчивые обороты, *всею кровью* и *видеть в упор*): *Когда рыданье вдовье / Относит за бугор, / Я с нею* ***всею кровью*** */ И* ***вижу*** *смерть* ***в упор*** [11: 25]. В последних строках сообщается: герой ощущает приближение собственной смерти в силу того, что зима для него равносильна той самой смерти, однако за зимой последует весна, а значит, дисгармония смерти будет побеждена. Идея преодоления смерти присутствует в самом названии стихотворения, ведь состояние тревоги трактуется в нем как нечто ложное.

В 4-м стихотворении цикла, в стихотворении «Зазимки», также используется фразеологический оборот. В стихотворении описывается перемещение во времени (наступление зимы), что заявлено в самом названии, и освоение некоего нового пространства: герой «Зазимок» покидает свой дом и соприкасается с миром природы. Отдельные элементы природного мира (покрытая льдом река и ночной небосвод) в «Зазимках» уподобляются зеркалу (о так называемых «предметных» сравнениях см. наработки Н.М. Девятовой [7: 49; 8: 130]). Столь уникальное «зеркало» предназначается для берёзы (не менее уникальной героини этого стихотворения). Фразеологизм («чудеса в решете») вводится в заключительном четверостишии: *Она подозревает в тайне, / Что* ***чудесами в решете*** */ Полна зима на даче крайней, / Как у неё на высоте* [11: 26]. В этой строфе Пастернак пытается описать чуть снисходительное отношению природы к человеку (представителем «природного» начала в данном случае становится береза), снисходительная интонация создается благодаря введению в текст фразеологического оборота. Фразеологизм *чудеса в решете* традиционно несет в себе некую «ироническую» смысловую окраску, его обычно употребляют в тех случаях, когда заходит речь о предметах или

явлениях странных, нелепых, смешных, почти абсурдных. Б.Л. Пастернаку удивительным образом удается «переместить» смысловой акцент: поэт пишет не о нелепости, не о чепухе, а о доступном человеку (лирическому герою цикла) чуде. В стихотворении «Зазимки» приближающаяся зима является чудом.

Подобная трактовка семантически противопоставляется финалу стихотворения «Ложная тревога». Анализируя особенности функционирования фразеологического оборота в стихотворении «Зазимки», необходимо учитывать специфику происхождения устойчивого словосочетания «чудеса в решете». Этот оборот восходит к одному из самых популярных видов гаданий: гадание с решетом и разноцветными бобами (в зависимости от того, какого цвета зерно вынималось из решета, гадавший получал тот или иной ответ на свой вопрос). Тема гадания реализуется и в пастернаковских «Зазимках» (ср. перечисление топосов и предметов, непосредственно связанных с гадательной практикой: река, зеркало и перекресток). Примечателен и еще один факт: до того как Б. Пастернак включил стихотворение в «переделкинский» цикл, оно несколько раз публиковалось под другим названием – «Зимние праздники», а именно во время «зимних» праздников (на Рождество и на Святки) люди активно гадали.

Целая серия фразеологических оборотов используется в 6-м из «переделкинских» стихотворений, в «Инее». Ожидая все ту же зиму, лирический герой Б. Пастернака призывает: *Расстраиваться не надо: /* ***У страха глаза велики*** [11: 27]. Фразеологизм *у страха глаза велики* используется в тех случаях, когда говорящий уверен: опасения слушающего надуманы, предполагаемая угроза преумножена в несколько раз, человеку нечего бояться. В стихотворении «Иней» фигурируют ещё несколько устойчивых словосочетаний: *…****Как вкопанный будешь стоять****. / Опять эти* ***белые мухи****… / …И белому мёртвому царству, /* ***Бросавшему*** *мысленно* ***в дрожь****…* [11: 27–28]. Два

фразеологических оборота из трех процитированных (*стоит как вкопанный* и *бросать в дрожь*) характеризуют состояние страха, герой Пастернака боится осенне-зимнего мира, поскольку осень и зима ассоциируются у него со смертью. В художественном универсуме цикла «Переделкино» зима уже трактовалась как смерть (ср. проанализированную ранее «Ложную тревогу»), потому Пастернак и выбирает фразеологизмы, семантически связанные с категорией страха [10: 230], более того, оборот *стоит как вкопанный* непосредственно связан с проблематикой смерти (закапывание человека в землю – один из древнейших способов казни). Еще один используемый Пастернаком фразеологизм, *белые мухи* (так говорят о редких, но крупных снежинках), является «временным» маркером, маркером поздней осени, пугающей пастернаковского героя (о фразеологизме «белые мухи» см подробнее [3: 62]. И все же лирический герой «Инея» уверен в том, что зима-смерть – это временное явление. Зимний мир в стихотворении Пастернака сравнивается с пушкинской строфою о спящей царевне, причем царевна именуется не «мертвой» (как в названии сказки А.С. Пушкина), а спящей (сон – своеобразный аналог смерти, но сон заканчивается, спящий просыпается) [4: 101].

Цикл Б.Л. Пастернака «Переделкино» включает в себя 11 стихотворений, в любом цикле особенно значимо центральное стихотворение, в данном случае это стихотворение «Город». В стихотворении осмысляется оппозиция «город – пригород» [9: 100], при этом Пастернак вновь использует фразеологический оборот: в первых строках рассказывается о том, что зима в деревне надоедает *хуже горькой редьки*, то есть зимой лучше жить в городе. Здесь стоит уточнить: редька – один из самых распространенных продуктов в русском крестьянском быту, редьку ели во время долгих постов, вот почему она становится метафорой чего-то наскучившего, надоевшего. Однако в заключительных четверостишиях герой признается: в детстве он тоже

любил город [5: 261; 9: 100], сейчас же ему ближе пригород, дача (эта позиция полностью совпадает с жизненными установками Пастернака, которому нравилось круглый год жить в дачном поселке Переделкино). Так при помощи фразеологизма «озвучивается» общепринятая точка зрения, которую не разделяет герой Пастернака.

Тема зимы развивается в двух последующих стихотворениях цикла, «Вальс с чертовщиной» и «Вальс со слезой». Эти стихотворения объединяются общей темой (зима, а конкретнее, новогодние праздники), сходным «музыкальным» названием и большим количеством использованных в них фразеологизмов. В «Вальсе с чертовщиной» устойчивые обороты (*к шапочному разбору*, *до третьих петухов*) используются Пастернаком вполне традиционно, они маркируют «предрассветное» время, период «исчезновения» нечистой силы, пытающейся ночью контактировать с человеком (ср. первую сцену из переведенного Б. Пастернаком шекспировского «Гамлета»).

В «Вальсе со слезой» главной героиней становится новогодняя елка (ср. березу из «Зазимок»), а герой признается в любви к столь необычной героине. Уникальность наряженной к празднику елки Пастернак демонстрирует через последовательное (от одной стихотворной строки к другой строке) отрицание «морали», заключенной в пословице про яблоню и яблоневые плоды: *Яблоне – яблоки, елочке – шишки. / Только не этой. Эта в покое* [11: 33]. Далее Пастернак «отрицает», «перестраивает» еще один оборот: *Эта совсем не такого покроя…* [11: 33]. Поэт «изменяет» не только форму и семантическое содержание нескольких устойчивых словосочетаний, он «изменяет» финал андерсеновской сказки про елку (стихотворение «Вальс со слезой» ориентировано на знаменитый сюжет Г.Х. Андерсена, но у Пастернака елка не гибнет, а только рождается). В стихотворении Пастернака «превращение» смерти в рождение становится возможным благодаря модификации формы и содержания нескольких фразеологизмов. Нетрудно заметить: в цикле Б.Л. Пастернака

«Переделкино» устойчивые обороты используются в тех стихотворениях, где описываются осень и зима.

В художественном универсуме цикла чередование времён года свидетельствует о бессмертии природы, к такому же «бессмертию» стремится и лирический герой цикла [9: 98]. Для достижения искомого бессмертия лирическому герою (а значит, и самому автору) нужно «пережить», «преодолеть» осень и зиму, доступным поэту «языковым» способом разрешения этой проблемы становится последовательная и достаточно разнообразная работа с фразеологическими оборотами, что лишний раз доказывают принципиальную значимость этого элемента языковой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрашина Е.Н. Методические возможности изучения лингвокультурологического потенциала фразеологизмов в условиях цифрового образования // Проблемы современного филологического образования: сб. науч. Статей XI Всерос. Научн.-практ. Конф. Москва; Ярославль, 2021. Вып. 19. С. 28–35.
2. Абрашина Е.Н. Типы значений фразеологизмов: проблема формирования и разграничения // Русистика и компаративистика: сб. науч. Ст.: В 2-х кн. Вып. VII – Кн. 1: Лингвистика. М., 2012. С. 7–12.
3. Авдеева О.И. «Когда летают белые мухи?» (о фразеологических наблюдениях В.И. Зимина и А.С. Спирина) // Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Ильича Зимина, г. Москва, 26 ноября 2021 г. / под общ. Ред. О. И. Авдеевой. М.: МПГУ, 2022. С. 59–67.
4. Аксёнова А.А. Реминисценции сказки А.С. Пушкина о мёртвой царевне и семи богатырях в стихотворении Б.Л. Пастернака «Иней» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. Т. 23. № 2. С. 99–105.
5. Альфонсов В.Н. Поэзия Бориса Пастернака. Санкт-Петербург, 2001. 384 с.
6. Горелкина А.В. Фразеологизм как фрагмент языковой картины мира и хранитель культурной информации (лингвокультурологический и методический аспекты) // Проблемы современного филологического образования: Сборник научных статей. Выпуск XVII. М., Ярославль, 2019. С. 221–232.
7. Девятова Н.М. Предметный мир сравнения // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 2 (46). С. 48–58.
8. Девятова Н.М. Сравнение в динамической системе языка. М., 2017. 320 с.
9. Казмирчук О.Ю. Две редакции стихотворений Б. Л. Пастернака «Лето» и «Город»: трансформация первоначального замысла в контексте поэтического цикла // Новый филологический вестник. 2012. № 1 (20). С. 96–103.
10. Кораблёва Е.А. Семантическая организованность процессуальных фразеологизмов, выражающих чувство страха в русском и английском языках // Вестник ЧГПУ. 2008. № 9. С. 227–234.
11. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений. В 5-ти тт. Т. 2. М., 1989. 703 с.

КАМЫШЕВА Светлана Юрьевна *(Москва, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент,
руководитель Центра языковой политики и международного образования
Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
skamysheva@yandex.ru

КАНАФИНА Зарина Талапкеровна *(Алматы, Казахстан)*

преподаватель кафедры русского языка и литературы
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
zarinakanafina100@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И НОМИНАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ: ВЛИЯНИЕ НА КОММЕРЧЕСКУЮ ОНОМАСТИКУ И ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ

Аннотация. Авторами рассматривается влияние государственной языковой политики на процессы коммерческой номинации в городском пространстве. На материале эргонимов Казахстана и с привлечением сопоставительного анализа с российским опытом показано, как языковая политика оказывает воздействие на выбор языка, структуру и стилистику эргонимов. Подчеркивается роль коммерческих наименований как индикаторов языковой ситуации, культурных предпочтений и общественных установок. Особое внимание уделено социолингвистической реакции населения на эргонимы, отражающей ценности и идентичности полиэтнического общества.

Ключевые слова: языковая политика, ономастика, эргонимы, коммерческая номинация, лингвистический ландшафт, социолингвистика.

Abstract. Authors examine the influence of state language policy on commercial naming practices in urban spaces. Using the material of ergonyms in Kazakhstan and drawing on a comparative analysis with Russian experience, the study demonstrates how language policy affects the choice of language, structure, and stylistic features of ergonyms. The role of commercial names is emphasized as indicators of the linguistic situation, cultural preferences, and public attitudes. Special attention is given to the sociolinguistic response of the population to ergonyms, reflecting the values and identities of a multiethnic society.

Keywords: language policy, onomastics, ergonyms, commercial naming, linguistic landscape, sociolinguistics.

Городская ономастика, и в особенности коммерческая номинация/эргонимия, представляет собой важнейший индикатор языковой политики и культурных трансформаций. Визуально-речевая среда города формируется через множество имен – вывесок, брендов, названий, – которые отражают предпочтения номинаторов, статус языков, глобальные и локальные тенденции. В условиях полиэтничности и глобализации особенно актуальным становится исследование

взаимосвязи между государственной языковой политикой и повседневными номинативными практиками. Особенно это касается стран бывшего СССР, так как там наблюдаются «изменения этноязыкового ландшафта ввиду существенных демографических и социальных сдвигов», что отмечала в еще в 2021 году глава казахстанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы Э.Д. Сулейменова на встрече участников Международного конгресса «Языковая политика стран СНГ» в Алматы [1].

Эргоним как «имя собственное деловых объединений людей» стал отдельным объектом лингвистических исследований в рамках ономастики в конце XX века. Это было связано с новыми социально-экономическими и политическими реалиями, расширением предпринимательской деятельности в процессе глобализации, коммерциализации и, как следствие, трансформации не только городской, но и языковой среды, стремительно заполнявшейся новой, заимствованной иностранной лексикой и авторскими текстами [3: 47].

Проанализировав эргонимическую лексику, наполняющую лингвистический ландшафт городов Казахстана и России, а также по результатам социологического опроса, выявлены следующие тенденции в эргонимике казахстанского и российского обществ.

Языковая политика напрямую влияет на выбор языка и формы эргонимов, особенно в условиях официального двуязычия (Казахстан), так как проводится с целью сознательного воздействия на язык, его функции, ход развития языка/языков [4: 254].

Эргонимы отражают текущую языковую ситуацию: доминирование русского языка в эргонимике Северного Казахстана, рост числа эргонимов на казахском языке, в том числе на латинице (неофициальной). Наименования на английском языке активно продолжают проникать в лингвистический ландшафт как России, так и Казахстана, наполняя его элементами массовой культуры (поп-культуры).

Отсутствие регулирования приводит к лингвистическим нарушениям и снижению языковой культуры в городской среде (вульгарный нейминг, орфографические ошибки, устность: *«Панаехали», «Подпивас», «Фифа», «Презервативная»*) [2].

Результаты социологического опроса показывают высокую чувствительность населения к языку и эстетике названий. По мнению респондентов, нейминг должен соответствовать эпохе и направлению деятельности организации и нести положительные смыслы.

Коммерческая ономастика выполняет идеологическую и идентификационную функцию, влияя на общественное сознание: *«Мне кажется, название должно давать хоть какую-то информацию о заведении, хотя бы на подсознательном уровне. Я, к примеру, не пойду в кафе «Лариса» или «Снежана» и т. п., потому что такие названия создают впечатление, что заведение было открыто в 90-х и с тех пор ничего не поменялось. Противоположностью можно назвать такие заведения, как «Хачапури Хинкальевич» или «Лепим-Варим», которые сразу дают подсказку, какая там кухня» (мнение респондента)* [3: 50].

Необходима интеграция коммерческих наименований в сферу деятельности ономастических комиссий и нормативных актов.

Таким образом, коммерческие наименования представляют собой не только результат рыночных стратегий, но и значимый канал репрезентации языковой политики и культурных приоритетов. Они формируют облик города, влияют на языковую социализацию и требуют внимания со стороны специалистов, занимающихся регулированием ономастики. Значимость исследования эргонимической лексики обуславливается необходимостью глубже понять механизмы номинации и выработать рекомендации по формированию гармоничного языкового ландшафта на уровне коммерческой номинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С.В. Казахстане состоялся конгресс ведущих лингвистов стран СНГ // Комсомольская правда. 2021. URL: https://www.kp.kz/online/news/4498665
2. Елистратов В.С., Пименов П.А. Нейминг: искусство называть: учебно-практ. Пособие. 2-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2014. 293 с.
3. Камышева С.Ю., Канафина З.Т. Номинативная ситуация города в аспекте языковой политики // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом № 1/2024. С 46–52. DOI: 10.37632/PI.2024.30.91.008
4. Сүлейменова Э.Д. Әлеуметтік лингвистика терминдерінің сөздігі. Словарь социолингвистических терминов. 2-басылымы, өнделген / Э.Д. Сүлейменова, Н.Ж. Шәймерденова, Ж.С. Смағұлова, Д.Х. Ақанова. Астана: «Арман-ПВ» баспасы, 2019. 394 с.

КАЧАН Ольга Георгиевна *(Минск, Беларусь)*

кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка
olyakahan339@gmail.com

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ СЛОВА И СЕМАНТИКЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ
(на материале целевых конструкций в русском и белорусском языках)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой дефиниции семантики слова и семантики синтаксической конструкции. Отмечается, что вопросы определения лексического значения слова и синтаксической семантики не имеют и сегодня однозначного решения как в русском языкознании, так и в белорусском. Семантика синтаксической конструкции не складывается из суммы значений лексем, входящих в состав синтаксической конструкции, но зависит от лексической и грамматической парадигм её компонентов. Определить структуру синтаксической семантики можно на основе дифференциальных семантических признаков.

Ключевые слова: семантика слова, синтаксическая семантика, синтаксическая конструкция, дифференциальные семантические признаки, семантические разновидности.

Abstract. The article discusses issues related to the definition of the word semantics and the semantics of syntactic construction. It is noted that the issues of determining the lexical meaning of a word and syntactic semantics still have no unambiguous solution in both Russian and Belarusian linguistics. The semantics of the syntactic construction does not consist of the sum of the values of the lexemes that make up the syntactic construction, but depends on the lexical and grammatical paradigms of its components. It is possible to determine the structure of syntactic semantics on the basis of differential semantic features.

Key words: word semantics, syntactic semantics, syntactic construction, differential semantic features, semantic varieties.

Семантический аспект исследования грамматического строя языка всегда интересовал лингвистов. Описанием логико-семантических, ономосиологических, коммуникативно-информативных и других аспектов синтаксиса занимаются многие учёные, однако остаются открытыми вопросы о соотношении лингвистических категорий и понятий в философии, логике, психологии, о соотношении синтаксической семантики и лексики [1: 24; 2: 206].

Определение семантики слова и семантики синтаксической конструкции и сегодня вызывает много споров, несмотря на то что самостоятельность этих языковых единиц является бесспорным фактом. Дефиниция лексического значения слова, в котором два понятия «лексическое значение слова» и «смысл слова» подаются как тождественные, требует уточнения, поскольку лексическое значение слова складывается не только из его общего значения (смысла) в языке, а и из разнообразных контекстуальных, ситуационных и переносных значений, которые слово приобретает при использовании его в речи [4: 27]. Это значит, что значения единиц речи являются вариантами общего лексического значения слова и составляют лексическую программу слова, или его лексическую парадигму. В речи значение слова актуализируется и приобретает своё более конкретное вариативное содержание за счёт особенностей коммуникативной ситуации и лексической сочетаемости слова.

Семантика синтаксической конструкции и выбор той или иной синтаксической формы её выражения связаны с лексическим значением компонентов синтаксической единицы и их делением на лексико-грамматические классы (работы Р.А. Будагова, А.В. Бондарко, В.Г. Адмони, Г.А. Золотовой, С.В. Степанюка, В.Н. Мигирина, И.И. Дяговца, А.Е. Михневича и др.).

Изучение лексико-грамматических классов семантически однородных слов, которые принадлежат к одной части речи и

характеризуются способностью вступать в сочетание с другими классами слов, необходимо для исследования структуры синтаксической семантики. Чтобы ответить на вопрос, какая синтаксическая семантика передаётся, например, волитивными глаголами, можно провести семантическую экспликацию глаголов и сочетаний: рус.: *хотеть, стремиться, стараться, намереваться, иметь в виду, иметь намерение, предпринимать попытки;* бел.: *хацець, імкнуцца, старацца, намервацца, мець на ўвазе, мець намер, рабіць спробы*. Анализ показывает, что лексико-грамматический класс волитивных глаголов можно условно разделить на глаголы, которые 1) обозначают действия, мотивированные волей (*стремиться*), 2) которые обозначают состояние воли, детерминирующее будущее состояние (*хотеть*), 3) которые называют состояние воли, указывающее на будущее активное действие (*намереваться*). Тот факт, что все волитивные глаголы имплицируют наличие сознания, требуют позиции целевого инфинитива, позволяет утверждать, что данные глаголы и сочетания участвуют в выражении синтаксической категории цели.

Исходным звеном в анализе семантики синтаксического материала выступают дифференциальные семантические признаки синтаксической категории цели. Впервые метод дифференциальных семантических признаков для определения категории цели был использован С.В. Степанюком [3: 78]. Сами дифференциальные семантические признаки выявляются в результате разложения на семантические множители (экспликации) понятия цели в логике и философии.

Дифференциальные семантические признаки целевой синтаксической семантики распределены между главным и зависимым компонентами синтаксической конструкции. В главном компоненте находят своё выражение такие семантические признаки цели, как сознательное действие, объективно-необходимое, активное (выражается глаголом чаще в настоящем или прошедшем времени), в зависимом

компоненте – желаемое действие, планируемое, действие, которое будет иметь место в будущем (выражается глаголом чаще в форме инфинитива или отглагольным существительным). Методом сопоставления наборов дифференциальных семантических признаков целевой синтаксической семантики и дифференциальных семантических признаков конкретной синтаксической конструкции можно определить, выражает ли данная синтаксическая единица цель.

Семантическая макросистема синтаксической категории цели, построенная на основе дифференциальных семантических признаков, последовательно и полно представлена в русском и белорусском языках. В её структуру входят семантические разновидности целевой семантики, расположенные в порядке её усложнения. Для конструкции с чисто целевым значением характерен полный набор дифференциальных семантических множителей, но если к набору дифференциальных семантических множителей добавляется, например, признак модальности (необходимости, долженствования), который передаётся словами: рус.: *необходимо, нужно*; бел.: *неабходна, трэба*, то в данном случае цель сочетается со значением необходимости и целевая семантика с оттенком назначения осложнена значением естественного результата: рус.: *необходимо было возить брёвна из лесу, чтобы заработать денег на отдачу долга*; бел.: *неабходна было вазіць бярвенне з лесу, каб зарабіць грошай на аддачу даўгоў*.

Поскольку синтаксическая семантика может быть структурирована в той мере, в какой её составляющие и отношения между ними выражены языковыми средствами, то система значений определяется только через анализ синтаксических конструкций. Последовательное обращение к рассмотрению синтаксических конструкций разных уровней (в том числе сложного синтаксического целого) и их лексического состава в русском и белорусском языках способствовало выявлению динамизма во взаимодействии единиц при эксплицитном и имплицитном выражении

целевой семантики. Именно такая система значений синтаксической категории и даёт основу для выявления синонимических и вариантных отношений внутри системы, и что не менее важно, возможность для типологического сопоставления с соответствующей синтаксической категорией в других языках.

Результаты исследования позволяют утверждать, что категория цели в современных русском и белорусском языках характеризуется высокой степенью развития на синтаксическом уровне, где она представлена хорошо сложившейся, имеющей полевую структурированность системой значений, что указывает на возможность членения, описания и даже формализации синтаксической семантики вообще и целевой в частности. Как показывает фактический материал, в русском и белорусском литературных языках все семантические разновидности целевой синтаксической семантики передаются синтаксическими средствами.

Как и в русском, так и в белорусском языке семантическая макроструктура категории цели состоит из двух семантем. Синкретизм целевого значения имеет место в том случае, когда отсутствует один из дифференциальных признаков или заменяется другим, или добавляется новый дифференциальный признак. Но при всех изменениях значение цели остаётся главенствующим, а смежное является дополнительным: ядерное чисто целевое значение, случаи синкретизма значения цели (объектно-целевое значение, цель, осложнённая значением естественного результата; цель с оттенком назначения; назначение; назначение с оттенком естественного результата; значение финального интереса). В том случае, когда значение цели совмещается со смежным «на равных правах», имеет место случай совмещения целевого значения с другим синтаксическим значением (цели и места, цели и времени, цели и образа действия, цели и причины, цели и следствия, цели и условия). Нет сомнения, что семантическая макроструктура включает и более частные

семантические разновидности и случаи совмещения, (например, значение цели с оттенком назначения, осложнённое значением естественного результата, или объектно-целевое значение с оттенком естественного результата (рус.: *позаботиться, чтобы кусок земли вернули*; бел.: *паклапаціцца, каб кавалак зямлі вярнулі*).

Описать синтаксическую целевую семантику в целом, в полном её объёме не представляется реальным, поскольку семантические сдвиги в ней происходят постоянно и закономерность этих сдвигов носит объективный характер. Синтаксическая семантика не имеет строгих границ, и поэтому одна из задач – постоянно их уточнять, расширять в результате сравнения, соотнесения семантики конкретных синтаксических конструкций с дифференциальными категориальными семантическими признаками, исследовать и описывать ту часть целевой семантики, которая материализуется в реальных языковых формах, используемых в речи, а также изучать сами эти формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. О синтаксической семантике как семантике синтаксических структур. // Вести АН СССР, серия литературы и языка. № 1. М., 1979. С. 24–33.
2. Баранов М.Т. Логико-предметные категории и способы их выражения в языке и речи // Программы для общеобразовательных школ, гимназий, лицеев. М.: Дрофа, 2000. С. 206–218.
3. Степанюк С.В. Дифференциальные признаки синтаксической категории цели // НДВШ, серия «Филологические науки». 1976. № 1. С. 76–82.
4. Супрун А.Е. Принципы сопоставительного изучения лексики // Методы сопоставительного изучения языков. М.: Наука, 1988. С. 26–31.

КИЛИНА Лилия Фаатовна *(Ижевск, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Удмуртский государственный университет
kilin_74@mail.ru

САФАРГАЛИНА Арина Владимировна *(Ижевск, Россия)*

студент
Удмуртский государственный университет
safargalinarina@gmail.com

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *ДОСКОНАЛЬНЫЙ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Аннотация. В статье на материале Национального корпуса русского языка рассматриваются особенности употребления прилагательного *доскональный* в текстах XVIII–XXI вв. В ходе исследования установлено, что в семантике прилагательного с течением времени произошли изменения: первоначальное значение ‘совершенный’ утрачено, закрепилось значение ‘тщательный, основательный’, с акцентом на процессе, а не на результате. Отмечено также, что частотность употребления слова *доскональный* к XXI веку возрастает, при этом лексическая сочетаемость единицы сужается: от широкого круга существительных (включая одушевленные) к преимущественной сочетаемости с определенными отглагольными существительными, особенно со словом *знание*.

Ключевые слова: корпус, прилагательное, значение, сочетание, употребление.

Abstract. The article discusses the functional specifics of the adjective doskonalnyi (thorough) in texts of the XVIII–XXI centuries contained in the Russian National Corpus. The study found that the semantics of the adjective have changed over time: the original meaning ‘perfect’ has been lost, and the meaning ‘thorough, substantial’ has been consolidated, with an emphasis on the process rather than the result. It is also noted that the frequency of using the word doskonalnyi has increased by the 21st century, while the lexical compatibility of the unit has narrowed: from a wide range of nouns (including animate ones) to predominant compatibility with certain verbal nouns, especially with the word znaniye (knowledge).

Keywords: corpus, adjective, meaning, collocation, usage.

Сегодня многие лингвисты активно применяют в своих исследованиях корпусные методы, благодаря чему появляется возможность пересмотреть ставшие уже традиционными точки зрения на то или иное языковое явление, определить особенности функционирования языковых единиц, используя новые способы анализа данных. Корпус является важнейшим источником для получения информации о различных изменениях, происходящих в языке, который «в корпусе представлен как единое целое, существующее на протяжении

длительного временно́го отрезка, в разных индивидуальных, локальных, стилистических вариантах и т. п.» [3: 499].

Данное исследование посвящено анализу семантики русского прилагательного *доскональный*, которое было заимствовано в XVII в. Из польского языка, где *doskonały* ‘совершенный’ восходит к *doskonać* ‘совершить, закончить’, префиксальному производному от *konać* ‘кончать’ [6]. При освоении этого заимствования в русском языке добавился суффикс -н-, прилагательные с таким суффиксом обычно имеют значение ‘характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом’, например, *больной, заметный, проездной* и др. [4: 288]. Однако глагола, являющегося производящим для прилагательного *доскональный*, в русском языке никогда не было, поэтому отсутствует и прямая связь с каким-либо действием, внутренняя форма прилагательного никак не отражает его лексическое значение ‘подробный, тщательный, основательный’ [1].

Чтобы проанализировать особенности употребления прилагательного *доскональный* в русском языке, мы обратились к Национальному корпусу русского языка (далее НКРЯ) [2]. Первое употребление той или иной лексической единицы сегодня можно легко найти в Панхроническом корпусе НКРЯ, который объединяет тексты исторических корпусов и Основного корпуса. Кроме того, с недавнего времени первое употребление наглядно представлено в Портрете слова. Так, мы обнаружили, что рассматриваемое нами прилагательное впервые встречается в тексте 1699 года (здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка): *А, хотя ж и не была оказия до битвы, однако ж с практики взял* ***доскональную ведомость*** *и познание и есть способным достаточно.* Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699). В данном примере прилагательное употребляется в сочетании с существительным ***ведомость***, которое в то время имело значение ‘осведомленность, знание чего-л., осведомление’

[5]. В Основном корпусе прилагательное зафиксировано первый раз в тексте 1717 года, это второй по хронологии пример: *По повелению вашего превосходительства с пушечным мастером Витверком говорил, чтоб его призвать в Петербурх, но он сказал, что для многаго дела ехать сам не может и послать* ***доскональнаго мастера*** *не имеет, об учениках хотел мне в неделю дать отповедь*. В.Н. Татищев. Письмо Я.В. Брюсу (1717). В этом случае прилагательное в сочетании с существительным *мастер* обозначает человека, который искусно владеет какими-либо навыками, достиг совершенства в том или ином деле.

В связи с тем, что примеры употребления прилагательного *доскональный* зафиксированы в текстах, созданных в течение нескольких веков, мы посчитали необходимым установить временные рамки (XVIII–XIX вв., XX в., XXI в.) и сделать разные выборки.

В текстах XVIII–XIX вв. (1700–1899 гг.) слово *доскональный* имеет достаточно широкую сочетаемость и используется, как правило, в функции определения в сочетании с существительными *доклад, образ, сведения, разбор, разузнания, причина*, а также характеризует одушевленные существительные *знаток* и *мастер* (пример с этим словом – первое употребление в Основном корпусе): *Впрочем,* ***доскональная причина*** *чрезвычайного усердия ярославского полового, если раскусить его хорошенько, окажется не такою бескорыстною, как показалось с первого разу, при сравнении его с разносчиком.* И.Т. Кокорев. Ярославцы в Москве (1849); *Поди, Селифошка, угощаться станешь? – спрашивает его целовальник, как* ***доскональный знаток*** *человеческой натуры*. И.В. Омулевский. Ученые разговоры (1883).

В текстах XX в. (1900–1999 гг.) прилагательное обычно сочетается с отглагольными существительными (*анализ, изложение, исследование* и др.), то есть со словами, обозначающими действие или процесс, при этом наиболее частотными являются сочетания с существительными *знание* и

изучение: *И в то же самое время лечит! Тем самым – с* ***доскональным знанием*** *дела! Врубаешься?* Алла Боссарт. Повести Зайцева // «Дружба народов», 1998; ***Доскональное изучение*** *одного только звена цепочки давало бы возможность вытянуть и все остальные звенья.* В. Манько. Симметрия в микромире // «Химия и жизнь», 1966. Однако в этой же выборке есть примеры, в которых прилагательное употребляется в сочетании с одушевленными существительными *знаток, следопыт, сухарь, старичок*, причем 2 примера встречаются в художественных произведениях одного автора: *Но стоит поднести лупу* ***досконального следопыта*** *к любой точке, и вас поразит гармония слагающих частей, глубина мотивировок, филигранность отделки и, наконец, величайшее разнообразие, искусно втиснутое в предельную простоту, где любой зритель отыщет себе сюжет сообразно своей мерке и вкусу.* Л.М. Леонов. Вор. Части 1–2 (1927|1959); *К удивлению своему, Иван Матвеич выяснил, что выстрел прогремел из стен Лесонаучного комитета, в частности от Чередилова, только что назначенного в заместители председателя; в должности же последнего многие годы сидел, уже не подымаясь,* ***доскональный*** *и незлобивый* ***старичок*** *академик Тараканцев, однокашник покойного В.В. Докучаева.* Л.М. Леонов. Русский лес (1950–1953).

В текстах XXI в. (с 2000 г.) больше всего примеров (почти половина всей выборки) приходится на сочетание с существительным *знание*, кроме того, в целом сохраняется тенденция употребления слова *доскональный* с отглагольными существительными, но не встречаются примеры сочетаний с одушевленными существительными: *В первом ему предложили фотографии радужек 15 пациентов, которые прошли* ***доскональное обследование***. Алексей Водовозов. Пациент Разумный. Ловушки «врачебной» диагностики, о которых должен знать каждый (2016); *Несмотря на различные репрессивно-идеологические кампании сталинского и последующего времени, в этом сегменте высшего*

образования царила атмосфера строгой науки, от учеников требовали ***досконального знания*** *источников и всей литературы по избранной теме.* Андрей Николаевич Медушевский – ученый и общественный деятель (2015).

Следует также отметить, что, согласно данным НКРЯ, количество употреблений прилагательного *доскональный* увеличивается от века к веку: самое редкое употребление отмечается в текстах XVIII–XIX вв., индекс частотности (IPM) здесь – 0,11, в текстах XX и XXI вв. примеров уже больше (IPM 0,33 и IPM 0,59 соответственно).

Сопоставив данные, полученные нами при анализе текстов разных веков, мы обнаружили, что прилагательное *доскональный* изначально сочеталось с отглагольными существительными. Данный факт можно объяснить тем, что исконное значение прилагательного, обусловленное его происхождением в языке-источнике, – ‘совершенный’, иными словами, рассматриваемая нами единица использовалась для характеристики того или иного действия, доведенного до конца, то есть до совершенства. Сегодня *доскональный* употребляется, когда речь идет об основательном подходе, а не о достижении идеального результата, кроме того, с течением времени сочетаемость прилагательного стала более узкой: оно перестало употребляться в сочетании с одушевленными существительными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 12.03.2025).
2. Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения 12.05.2015).
3. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Из корпусных наблюдений над лексикой: о семантической эволюции и лексических маркерах // La 223hashk et Fesprit – entre langue et culture: Etudes a la memoire de Jean Breuillard Vol. LXXXIII. Issue 2–3. P.: Institut d’etudes slaves, 2012. С. 499–533.
4. Русская грамматика: В 2-х тт. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980. 792 с.
5. Словарь русского языка (XI–XVII вв.) // Этимология и история слов русского языка. URL: http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii (дата обращения: 12.05.2025).
6. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. URL: https://lexicography.online/etymology/shansky/ (дата обращения: 12.03.2025).

КИСЕЛЁВА Лариса Айратовна *(Уфа, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Уфимский университет науки и технологий
larisakiseleva2015@yandex.ru

КОРОВКИНА Анжелика Валерьевна *(Уфа, Россия)*

магистр
Уфимский университет науки и технологий
lika.lika.01.01@mail.ru

СЕМЕЙНЫЙ ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается роль семейного языка как важного элемента социокультурной идентичности. Установлено, что семейный язык формирует культурные и социальные связи между поколениями, а также влияет на передачу традиций и ценностей. Подчеркивается необходимость сохранения и поддержки семейного языка как важного ресурса для культурного многообразия и социальной устойчивости.
Ключевые слова: семейный язык, языковой портрет семьи, ритуальность, семейная реликвия, семейный климат, семейная идентичность.

Abstract. This article examines the role of family language as an important element of sociocultural identity. It has been established that family language forms cultural and social ties between generations and influences the transmission of traditions and values. The need to preserve and support family language as an important resource for cultural diversity and social sustainability is emphasized.
Keywords: family language, family language portrait, ritual, family heirloom, family climate, family identity.

Язык является «основной общественно значимой формой отражения окружающей человека действительности и самого себя» [1: 424]. Развитие языка неразрывно связано с развитием общества: любые изменения в последнем так или иначе репрезентируются в языковой системе, так как одна из ее главных функций – выражать знания о постоянно меняющемся мире. Здесь уместно вспомнить мнение И.А. Бодуэна де Куртенэ, который писал: «Так как язык возможен только в человеческом обществе, то, кроме психической стороны, мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную» [3: 15]. Язык играет ключевую роль в формировании культурной идентичности, отражая традиции, ценности и нормы, передаваемые из поколения в поколение.

В данной статье мы рассмотрим то, какие факторы оказывают влияние на семейный язык и какое значение он имеет для социокультурной динамики.

Феномены семьи и семейного языка исследуются в рамках различных научных дисциплин (социологии, антропологии, психологии, лингвистики и т. д.), что позволяет нам глубже понять их роль в обществе. Проанализировав социологические теории, отметим, что при рассмотрении семьи исследователи делают акцент именно на родстве людей, на семье как социальном институте (малой ячейке общества), поднимают проблемы современных семей, связанные с нестабильностью отношений людей, которая в некоторых случаях приводит к недопониманию.

В современном мире язык играет важную роль в рамках семьи, выполняя множество функций, поэтому невозможно не оценить его значимость в новых реалиях. По мнению Р.Р. Чайковского, «внутрисемейный язык – это оригинальный вариант общенационального языка в сфере семейно-бытового общения; проблема семейного варианта языка – белое пятно в современной социальной лингвистике, а изучение функционирования языка в малых группах – интересный предмет для социологического анализа» [11: 110–112]. Семейный язык варьируется в зависимости от социального статуса, образования и культурного фона членов семьи.

Язык в семье играет ключевую роль в создании и поддержании социальных связей между ее членами. Он не только служит средством общения, но и формирует атмосферу доверия, взаимопонимания и эмоциональной близости. С самого раннего детства, почти с рождения, дети перенимают нормы поведения, происходит формирование нравственности. Главным в этом становлении является коммуникация детей с родителями, поскольку семейная культура передается от поколения к поколению: «Ребенок учится языку потому, что ему надо

участвовать в совместной деятельности со взрослыми, а для этого надо понимать, что ему говорят, и говорить самому» [8: 9]. Семейный язык человек усваивает с раннего детства, не обучаясь этому, ведь он находится в соответствующей языковой среде (это так называемый «первый язык») [2: 278]. В семье мы обращаем внимание на окружающих нас людей, их самочувствие, эмоциональное состояние и т. д. Например, когда кто-то в семье заболевает или же просто спит, мы стараемся говорить тихо, чтобы человек в данный момент чувствовал себя комфортно. Если в семье праздник, то, напротив, эмоции переполняют нас и мы стараемся говорить как можно громче. Все эти особенности принято называть термином «ритуальность». Коммуникация в семье связана с позицией по отношению к собеседнику. При общении с родителями мы используем лексику, с помощью которой можно проявить уважение, благодарность и т. д. В беседе с братом или сестрой мы находимся на одном уровне, следовательно, ведем разговор иначе, употребляя слова, более понятные для людей нашей возрастной категории. Данное взаимодействие обозначается термином «языковая социализация» [4: 100].

Г.Н. Волков пишет о том, что в давние времена воспитание проводилось «через слово, дело и действие, общение, обычаи, пример» [5: 22]. От старшего поколения младшему передавались определенные нравственные устои и качества. Значимость семейных ценностей и традиций заключается в том, что «они несут на себе символическое отражение истории семьи и рода» [9: 219]. Как отмечает О.А. Карабанова, «реликвия рассматривается семьей как талисман, приносящий счастье и оберегающий от неудач. Реликвии могут являться предметом семейной гордости, подтверждать статус семьи, ее достижения и уникальность и, таким образом, укреплять чувство семейной идентичности» [7: 90].

Говоря о языке внутри семьи, В.В. Звягинцева определяет его как «речевую деятельность во всей совокупности текстов,

объединенных сферой семейных отношений, выступающей в виде процесса и результата, включающей как экстралингвистический, так и лингвистический аспекты (с социальным контекстом, обусловливающим выбор языковых средств)» [6: 147]. Общие языковые практики в семье могут включать использование родного языка, специфических фраз, шуток и даже диалектных элементов. В би- и полилингвальных семьях, в которых родитель/родители используют более одного языка, могут возникать смешанные формы общения. Это проявляется в использовании кодового переключения, когда члены семьи переходят с одного языка на другой в зависимости от контекста общения.

Важно отметить, что в настоящее время мы сталкиваемся с проблемами, которые обусловлены спецификой контактов детей и родителей. «На виду» члены семьи могут вести себя в соответствии с моральными нормами, показывая тем самым, что внутри их «маленькой ячейки» всё обстоит благополучно, но в рамках внутрисемейной жизни диалог меняется: в речи могут присутствовать бранные и обсценные слова, которые не слышит чужое ухо. Я.Т. Рытникова справедливо пишет о том, что «изменение семейного климата, отсутствие ориентации на совместное времяпрепровождение, снижение ценности родственного общения характеризуют русский семейный быт сегодня» [10: 177], поскольку ранее «семья все более удалялась на периферию общественных ценностей и, соответственно, менялось ее место в системе ценностных ориентаций, особенно у наиболее активных групп городского населения» [Там же].

Развитие языка приводит к тому, что в повседневной речи появляются новые слова и выражения, которые оказывают воздействие на человека: он их запоминает, использует в общении с другими людьми, в том числе в домашней обстановке. Таким образом, политические, экономические и культурные изменения в обществе

оказывают влияние не только на деловую речь, но и на семейный язык. Именно поэтому перед исследователями открываются новые возможности изучения семейного языка в социокультурном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М.: РГГУ, 2002. 275 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1963. 384 с.
4. Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка: учебное пособие. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
5. Волков Ю.Г. Социология: учебник для студентов высших учебных заведений. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 571 с.
6. Звягинцева В.В. Обращение в семейном дискурсе: дис. … канд. филол. наук. Курск, 2011. 147 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_33430086
7. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие. М.: Гардарики, 2004. 320 с.
8. Негневицкая Е.И., Шахнарович А.М. Язык и дети. М.: Наука, 1981. 111 с.
9. Резницкая Г.И. Особенности семейного дискурса и его роль в процессе социализации ребенка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 586. С. 219–231.
10. Рытникова Я.Т. Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения // Жанры речи. 1997. № 1. С. 177–188. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36422416
11. Чайковский Р.Р. Язык в семье как разновидность социолекта // Вариативность как свойство языковой системы. М.: Наука, 1982. С. 110–112.

КИСЕЛЁВА Лариса Айратовна *(Уфа, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Уфимский университет науки и технологий
larisakiseleva2015@yandex.ru

САМИГУЛЛИНА Карина Альбертовна *(Уфа, Россия)*

магистрант
Уфимский университет науки и технологий
samigullinakarina@bk.ru

ЗВУК КАК ЭЛЕМЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.А. ШОЛОХОВА

Аннотация. Статья посвящена роли звука в художественной картине мира романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Исследуется, как акустические образы передают атмосферу эпохи, внутренний мир персонажей и динамику событий. Автор анализирует языковые средства звуковой репрезентации – звукоподражания, метафоры, ритмические конструкции, диалектные особенности. Рассматриваются функции звука на разных уровнях текста – фонетическом, лексическом,

синтаксическом. Особое внимание уделяется взаимодействию звуков природы, человеческой речи и тишины. Работа расширяет понимание авторской поэтики и значимости акустических образов в русской литературе XX века.
Ключевые слова: звуковая картина мира, акустические образы, языковая репрезентация, звукоподражания, ритмическая структура.

Abstract. The article is devoted to the role of sound in the artistic worldview of M.A. Sholokhov's novel *And Quiet Flows the Don*. It explores how acoustic imagery conveys the atmosphere of the era, the inner world of the characters, and the dynamics of events. The author analyzes linguistic means of sound representation–onomatopoeia, metaphors, rhythmic structures, and dialectal features. The functions of sound are examined at different levels of the text–phonetic, lexical, and syntactic. Special attention is given to the interaction of natural sounds, human speech, and silence. This study expands the understanding of Sholokhov's poetics and the significance of acoustic imagery in 20th-century Russian literature.
Keywords: soundscape, acoustic imagery, linguistic representation, onomatopoeia, rhythmic structure.

Для каждого художественного произведения характерна своя звуковая картина мира, которая играет важную роль в формировании у читателей объёмного восприятия событий, характеров и окружающей среды.

Целью данного исследования является изучение языковых средств, которые использует М.А. Шолохов при передаче звуковых образов романа, а также выявление их функций в художественной картине мира «Тихого Дона». В ходе анализа рассматриваются различные способы звуковой репрезентации: звукоподражательные слова, метафоры, синтаксические конструкции, передающие ритм звучания, а также использование диалектных особенностей языка. Исследование основано на методах лексико-семантического анализа, стилистического и когнитивного подходов.

Термин «художественная картина мира» один из ключевых в лингвистике и литературоведении, так как он представляет собой совокупность представлений об окружающей действительности, зафиксированных в языке и художественном тексте. Особую роль играют сенсорные образы, которые передают различные аспекты восприятия:

- зрительное (визуальное) восприятие – описание форм, цветов, движения;

– звуковое восприятие – передача шумов, голосов, акустических эффектов;

– тактильное, вкусовое и обонятельное восприятие – описание ощущений, связанных с прикосновением, вкусом и запахами.

Звуковые образы в литературе выполняют множество функций: они передают атмосферу, отражают внутреннее состояние персонажей, символизируют определённую идеологию.

С точки зрения лингвистики, звуковая репрезентация в художественном тексте может быть выражена на различных уровнях:

– *фонетический уровень*: использование аллитерации и ассонанса для создания звуковых образов;

– *лексический уровень*: применение звукоподражательных слов и метафор для передачи звуковых явлений;

– *синтаксический уровень*: использование повторов и ритмических конструкций для имитации звуковых ритмов.

Л.П. Якубинский отмечает: «В художественной речи звуки приобретают самостоятельную ценность, становясь важным элементом художественной выразительности» [5: 56]. Учёный также исследовал фонетическую экспрессию, которая придаёт тексту особую выразительность, например, сочетание звонких и глухих согласных может передавать ощущение напряжение, ощущение тревоги или, напротив, спокойствия.

С точки зрения лингвистики, звуковая репрезентация в художественном тексте охватывает несколько уровней языковой системы, каждый из которых играет особую роль в формировании художественной выразительности.

1) *Фонетический уровень*. Здесь звуковая организация проявляется через

– *аллитерацию* (повторение одинаковых или близких согласных звуков)**.** Группы согласных звуков могут создавать различные звуковые

эффекты, звонкие сонорные согласные («л», «р», «м», «н») передают мелодичность, плавность, а также эмоциональную взволнованность, шипящие («ш», «ж», «ч») и свистящие («с», «з», «ц») используются для передачи тревожной, напряжённой атмосферы, эффекта шёпота, скрежета, шороха. Кроме того, аллитерация создаёт имитацию звуков природы или различных шумов. В эпической и лирической поэзии она часто используется для создания звукового фона (вой ветра, шум дождя, рокот грома);

– *ассонанс* (повторение одинаковых или близких по звучанию гласных звуков). Ассонанс способен делать художественный текст более напевным, плавным или, наоборот, рваным и напряжённым. Например, повторение «а» или «о» в эпическом произведении создаёт эффект торжественности и монументальности. Гласный «у» ассоциируется с унынием, тоской и плачем. Ассонанс также способствует воспроизводству звуков природы;

– *ритмическую структуру*, которая влияет на восприятие текста, делая его либо плавным, либо прерывистым в зависимости от авторского замысла. Ритмическая организация текста влияет на восприятие читателем текста на эмоциональном и смысловых уровнях, например, прерывистый, рваный ритм передаёт напряжение, тревожность, динамику событий. Ритмическая структура текста создаётся за счёт чередования ударных и безударных слогов, изменения длины фраз, повтора звуковых конструкций и варьирования синтаксических структур. Частая смена коротких предложений передаёт суету, спешку, беспокойство.

По словам А.Н. Веселовского, «звуковая организация текста, особенно ритмика и аллитерация, играет важную роль в формировании экспрессивности художественной речи» [1: 205].

8. Лексический уровень.

На этом уровне звуковая репрезентация проявляется через

– *звукоподражательные слова* («журчать», «грохотать», «шептать»), которые воссоздают акустическую картину событий.

– *эпитеты и метафоры,* в которых присутствует звуковая образность (например, «гулкая тишина», «песня ветра»).

3) Синтаксический уровень.

Этот уровень звуковой репрезентации включает

– *повторение звуковых конструкций* – ритмические повторы усиливают художественное воздействие текста.

– *интонационные особенности*, которые выражаются через расстановку пауз, знаков препинания, изменение темпа речи персонажей.

4) Фразеологический уровень.

Звуковая репрезентация также проявляется через устойчивые выражения, связанные со звуковым восприятием:

«Ни зги не видно», «гробовая тишина», «гул стоял в ушах» – фразеологизмы, усиливающие звуковые образы.

Пословицы и *поговорки* со звуковыми мотивами, отражающие народное восприятие акустического окружения.

Таким образом, звуковая организация текста не ограничивается одним уровнем языка, а формируется комплексно, задействуя фонетику, лексику, синтаксис и фразеологию.

Обратимся к роману М.А. Шолохова «Тихий Дон». С помощью звуковой палитры писатель передаёт атмосферу казачьего быта, величие природы, драматизм исторических событий и переживания персонажей. Например, в сцене утреннего пробуждения писатель детально передаёт звуковой фон: *Будет бить в нём перепела, будет звенеть над ним апрельский жаворонок. И так же будет светить ему солнце, и тот же будет баюкать его ветер* [4: 67].

Акустическая среда в «Тихом Доне» создаётся не только за счёт звуков природы, но и за счёт описания «шума человеческой жизни», который наполнен традиционными казачьими песнями, цокотом копыт,

свистом плёток. В мирное время чаще всего слышны пение, смех, переговаривание казаков, особенно выразительно писатель описывает звучание народных песен, передающих национальный колорит, внутренний мир персонажей и их переживания: *Неизъяснимо родным, теплым повеяло на Григория от знакомых слов давнишней казачьей и им не раз игранной песни* [4: 114]. В другом эпизоде автор подчёркивает, как изменились песни казаков под влиянием войны: *Вечерами, проходя мимо просторного заводского сарая, где селилась сотня, Листницкий чаще всего слышал одну песню, тоскливую, несказанно грустную* [4: 278]. С наступлением сражений звуковая картина меняется, теперь становятся слышны стоны раненых, звон сабель, топот коней. В сценах сражений Шолохов использует резкие, отрывистые описания звуков, чтобы передать хаос и смертельную опасность боя: *А было так: столкнулись на поле смерти люди, ещё не успевшие наломать рук на уничтожении себе подобных, в объятом их животном ужасе натыкались, сшибались, наносили слепые удары, уродовали себя и лошадей и разбежались, вспугнутые выстрелом, убившим человека…* [4: 304]. После окончания боя наступает тишина, подчёркивающая опустошение и скорбь: *Где ещё недавно гремела пальба, теперь стояла зловещая, мёртвая тишина. Только ветер гулял по выжженной степи* [4: 310]. Подобные звуковые контрасты помогают раскрыть трагедию происходящего.

М.А. Шолохов использует множество языковых средств репрезентации звукового мира в романе. Звукоподражательные слова, как правило, применяются для передачи естественных звуков природы, быта и военных действий. *На Дону – плавный шелест, шорох, хруст. Будто внизу за хутором идет принаряженная, мощная, ростом с тополь, баба, шелестя невиданно большим подолом* [4: 78], – *шорох*, *хруст*, *шелест* воспроизводят реальные звуки, усиливая ощущение погружения в сцену. Также Михаил Шолохов использует метафорические

приёмы для передачи звуковых явлений в романе. *Гром обрушился с ужасающей силой, молния стремительно шла к земле. После нового удара из недр тучи потоками прорвался дождь, степь невнятно зароптала* [4: 104] – этот отрывок демонстрирует то, как автор через метафоры и олицетворение передаёт мощь стихии, атмосферу надвигающейся грозы. Глагол *обрушился* придаёт природному явлению вес, плотность, он воспринимается не просто как звук, а как реальная сила, несущая разрушение. Происходит персонификация молнии, которая движется, как живое существо: *Молния стремительно шла к земле* [4: 104]. *Степь невнятно зароптала* [4: 104] – особая метафора, наделяющая степь способностью выражать эмоции. Глагол *роптать* создаёт эффект недовольства или тревоги, будто степь реагирует на внезапную бурю. Этот фрагмент наполнен напряжённостью и тревогой. Стихия представляет собой живую, яростную силу, а степь выступает не пассивным фоном, а существом, переживающим происходящее. Описание грозы предвещает опасность, разрушения, символизирует надвигающиеся изменения.

Кроме того, М.А. Шолохов активно использует синтаксические конструкции для передачи динамики и ритма звучания. Например, короткие, отрывистые предложения помогают передать тревогу, напряжение, быструю смену событий: *Пуля чиркнула по плечу. Григорий рванулся. Вперед! Вперед! В ушах звенело. Вокруг – смерть* [4: 289]. Длинные предложения создают эффект плавности, протяжённости звука: *Степь, залитая золотистым светом, дышала жаром; с реки тянуло влагой, и в этом неслышном движении воздуха, в каждом колебании травы и шелесте колосьев звучала вечная музыка жизни* [4: 305]. Нарастающее напряжение создают повторы: *Гул усиливался… Гул рос… Гул заполнял все вокруг* [4: 269]. Риторические вопросы и восклицания подчёркивают эмоциональность и экспрессивность речи героев: *Где*

теперь его дом? Где тот Дон, что он знал? Разве все осталось прежним?! [4: 620].

Одной из ключевых черт прозы Шолохова является использование народной казачьей речи, которая полна диалектных слов, фразеологизмов и пословиц, включающих в себя звуковые образы. Это создаёт эффект живой речи, передаёт аутентичность донского казачества, делает повествование выразительным и эмоциональным. В речи персонажей часто встречаются устойчивые выражения с упоминанием звуков, отражающих специфику казачьей культуры: *Орёт, как резаный* [4: 147], *Засвистело у висков* [4: 159]. Писатель часто вводит в речь казаков пословицы и поговорки, в которых упоминаются звуки природы и бытовые шумы: *Где громче кричат, там меньше делают* [4: 98]. Диалектные слова в речи героев создают реалистичную звуковую картину мира: *Ты мне гутари, да не тараторь!* [4: 105], *Старый казак басил, голосом гремел на всю хату* [4: 46].

Звуковая картина мира в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» играет ключевую роль в создании художественного образа действительности. Звуки делают пространство более ощутимым, подвижным и эмоционально насыщенным. Природные шумы, голоса людей, раскаты грома формируют звуковую картину мира, в котором разворачиваются судьбы героев. Анализ звуковых образов в романе позволяет глубже понять авторскую манеру письма. Шолохов не просто описывает события – он заставляет читателя их слышать. Использование звукоподражательных слов, метафор, диалектизмов и народных выражений придают тексту образность, ритмичность и национальный колорит. Таким образом, звуковая ткань произведений Шолохова – это не просто фон, а полноценный выразительный инструмент, который передаёт настроение, атмосферу, ритм эпохи и внутренний мир героев.

ЛИТЕРАТУРА
1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Л.: Искусство, 1970. 384 с.
3. Михальская Н.П. Принципы звуковой организации художественного произведения // Филологические науки. 2011. № 5. С. 78–86.
4. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман в четырех книгах. М.: Художественная литература, 1984. 768 с.
5. Якубинский Л.П. О звуковой стороне языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 210 с.

КЛИМКОВИЧ Ольга Александровна *(Витебск, Беларусь)*

кандидат филологических наук, доцент
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
olga-klimkovich@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ, В ВИТЕБСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XV – XVII ВВ.

Аннотация. Разнообразная юридическая лексика является характерной чертой судебной старобелорусской письменности. Анализ опубликованных и архивных текстов из актовых книг, которые были созданы в Витебске, отражает диахронические особенности употребления такой лексики. В работе рассматриваются как отдельные лексемы, так и разнообразные устойчивые единицы, обозначающие истцов, ответчиков, свидетелей, судей, адвокатов в книгах витебских воевод и книгах Витебского земского, гродского и других судов.

Ключевые слова: историческая стилистика, судебная письменность, актовые книги.

Abstract. A diverse legal vocabulary is a characteristic feature of the judicial Old Belarusian script. The analysis of published and unpublished texts from the assembly books that were created in Vitebsk reflects the diachronic features of the use of such vocabulary. The paper examines both individual lexemes and various stable units denoting plaintiffs, defendants, witnesses, judges, lawyers in the books of Vitebsk voivodes and the books of Vitebsk Zemsky, City and other courts.

Keywords: historical stylistics, judicial writing, assembly books.

Особенности использования лексики в различных актовых книгах Великого Княжества Литовского рассматривались в работах таких лингвистов, как В.М. Лозовский [2], Т.Г. Трофимович [4], Н.В. Полещук [3], А.А. Дерунова [1]. Целью нашей статьи является анализ особенностей употребления лексем и устойчивых единиц, которые используются для обозначения участников судебных процессов в актовых книгах Витебска.

Рассматриваемые нами актовые книги относятся к таким группам, как судебные книги великокняжеских наместников (БА II; КВЗС), книги

Витебского гродского суда (ИЮМ, вып. 20; КВГС), книги Витебского земского суда (ИЮМ, вып. 1, 2, 21, 22, 28, 31), книга Витебского подкоморского суда 1642–1647 гг. (КВПС). Тексты датированы первой половиной XV – концом XVII вв.

В исследованных документах встретились термины и устойчивые сочетания, служащие для именования

1) лиц, осуществляющих судебное разбирательство, участвующих в деятельности судебных органов: *воевода*, *маршалокъ*, *державца*, *судья*, *городничий*, *детский*, *тивунъ*, *подсудокъ*, *подкоморий, енералъ*, *подскарбий*, *вижъ, секретаръ*: *Ѣ ѢАнъ Юръевичъ Глебовича,* ***воевода*** *Витебъский,* ***маръшалокъ*** *г[оспо]д[а]ря короля его милости Жыкгимонта… Который жо* ***децкий*** *вчинилъ ми шкоды на пять копъ грошей кром стравы, штожъ есми стравилъ, неделю целую ждучи вашей м[и]л[о]сти, нашого* ***воеводы*** (БА, II, с. 5); *…* ***сѫдьею*** *и* ***секратаромъ*** *его ласное милости* (КВГС, с. 107). Эти лексемы также входят в состав различных устойчивых сочетаний (*подскарбий земский*, *судья высожоный*), употребляются при распространенном именовании лиц высокого социального статуса: *я, Матеи Воитеховичъ Яновича,* ***воевода*** *витебъскии,* ***маршалокъ*** *г(о)с(по)д(а)ра короля его милости,* ***державъца*** *волъковыскии и wболецъкии* (КВЗС, с. 213);

2) лиц, осуществляющих запись и удостоверение документов: *дьякъ*, *писаръ*, *печентаръ*. Лексема *дьякъ* ‘пісар, грамацей’ (ГСБМ, 9, с. 131) употреблялась в устойчивых сочетаниях *дьякъ местский*, *дьякъ посутный,* где прилагательное *местский* обозначало городского писаря, а *посутный* – писаря судебного. Лексема *печентаръ* ‘асоба, якая пацвярджала дакумент сваёй пячаткай’ (ГСБМ, 9, с. 131) фиксируется в книгах Витебского земского суда с конца XVI в.;

3) лиц, обратившихся с жалобой, иском. Обнаруживаются случаи употребления лексем и сочетаний, которые называли и истца, и ответчика: *сторона* ‘удзельнік судовага працэсу’ (ГСБМ, 32, с. 429), *обема*

сторонами, *обедве стороне*: w*беими сторономи сутяжими* (КВЗС, с. 205). В XVII в. для обозначения одной из сторон судебного процесса используется сочетание *сторона позваная:* цяжэбны бок, які выклікаецца ў суд для дачы паказанняў (ГСБМ, 32, с. 431). Только для обозначения лица, обратившегося в суд, используются лексемы *истецъ: Я знаю, 238hashko по зяти своемъ по* ***истъцы*** *тобе ручылъ…* (КВЗС, с. 62), в конце XVI – начале XVII в. *актор*ъ ‘ісцец’ (ГСБМ, 1, с. 92), устойчивые сочетания *сторона поводовая*, *сторона жалобная*, *сторона ображоная*, *сторона укрывжоная*: *панъ писар* ***стороною*** *будучы* ***укрывжоною***… (КВПС, л. 322) (примеры из скорописных неопубликованных текстов поданы в упрощенной записи)**:** *ко самъ* ***актор*** *тое справы на жалобы* ***стороны поводовое*** *становил* (КПВС, л. 322), *а* ***стороне ображоной*** *двести копъ грошей* (ИЮМ, 31, с. 19);

4) лиц, выступающих ответчиками. Как и в случае с обозначением истцов, фиксируются сочетания *сторона одпорная, сторона обжалованая*;

5) лиц, выступающих в роли свидетелей, среди которых были как те люди, которых приглашали истцы и ответчики, так и те, кого вызвали по решению суда. Распространены лексема *сведокъ*, сочетание *люди добрые*: *на штожъ маеть* ***людей добрых[ъ] светковъ*** (БА, II, с. 23), *и Никифор того зятя своего Анъдреика з жоною и з детьми перед* ***людми добрыми*** *в мене выручылъ* (КВЗС, с. 61). Единичны случаи употребления лексем *борышникъ* ‘пасрэднік, сведка пры гандлёвай зделцы’ (ГСБМ, 1, с. 199), *заводца* ‘чалавек, на якога спасылаўся ў судзе адказчык за крадзеную ці спрэчную рэч як на першага ўладальніка ці гаспадара, ад якога тая рэч набыта’ (ГСБМ, 10, с. 132): *и просилъ насъ Молодень, абыхъмо ему роки положили, на который роки маеть того* ***заводцу*** *перед нами ставити, хто ему того чоловека заставилъ* (КВЗС, с. 202);

6) нарушителей закона, преступников: *злодей*, *тать*, *человекъ подеизроный*, *лихий человек*, *розбойникъ*, *розбойца*: *«идучи намъ к Ризе*

и будучи на Друи, Федко Кострыца мене зсоромотилъ и звалъ мя ***лихимъ чоловекомъ, злодеемъ, татемъ****, а я естемъ чоловекъ добрыи, неподеизроныи, не* ***злодеи*** *и хочу ся того справити»* (КВЗС, с. 152), в XVII в. употребляется лексема *прынцыпалъ* ‘зачыншчык якой-небудзь крымінальнай справы’ (ГСБМ, 28, с. 371);

7) доверенных лиц, адвокатов: *умоцованый* дериват от старопольского *умоцовати* ‘1) умацаваць, 2) зрабіць стойкім, 3) запэўніць’ (ГЭС, с. 940): *тогды водлѣгъ дохованя* ***ѣмоцованого*** *стороны поводовое и водлѣгъ права артыкѣлѣ пѧтого з роздѣлѣ девятого* (КПВС, л. 322).

По происхождению среди исследованной лексики выявляются слова, пришедшие из древнерусского *тивунъ* (ГЭС, с. 910), из старорусского *дьякъ* (ГЭС, с. 214), из старопольского *державца* ‘правіцель; уладальнік’ (ГЭС, с. 181), *подскарбий* ‘дзяржаўны казначэй’ (ГЭС, с. 677), *подкоморий* ‘галоўны межавы суддзя’ (ГЭС, с. 674), *печентаръ* (ГЭС, с. 654), *заводца* (ГЭС, с. 252), *розбойца* (ГЭС, с. 812), из других языков через старопольский: *актораъ* (ГЭС, с. 16), *енералъ* ‘галоўны судовы выканаўца’ (ГЭС, с. 233), *прынцыпалъ* (ГЭС, с. 754) – из латинского через старопольский, *маршалокъ* из древневерхнемецкого через старопольский или непосредственно из древневерхненемецкого (ГЭС, с. 472).

Анализ отдельных лексем и устойчивых сочетаний, обозначающих участников судебных процессов, приводит к следующим выводам:

1) прослеживается тенденция к формированию терминологических устойчивых сочетаний, обозначающих истцов, ответчиков, лиц, вызванных на суд: если в текстах первой половины XVI в. употребляется лексема *сторона*, сочетание *сутяжие стороны*, то в текстах XVII в. используются сочетания *сторона укрывжоная*, *сторона поводовая*, *сторона позваная*, *сторона одпорная* и др.;

2) судебные дела в первой половине XV в. рассматривались назначенными великим князем лицами, в текстах употреблялись

названия их должностей: *воевода*, *маршалокъ*, а в конце XVI – XVII вв. Отмечаем в витебской письменности те лексемы, которые обозначают лиц, связанных с судебной деятельностью: *подсудокъ*, *подкоморий*, *енералъ*;

3) значительная часть выявленной терминологии по происхождению связана со старопольским языком: заимствована из старопольского, пришла из других языков через старопольский, образована от старопольских заимстованных слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дерунова А.А. Способы организации текста в актовых книгах Могилевского магистрата // Язык и ментальность в диахронии URL: сб. науч. Тр. По итогам IV Всерос. Науч. Семинара для молодых ученых с междунар. Участием, посвящ. 90-летию со дня рождения В.В. Колесова. Владимир, 2024. С. 535–541.
2. Лозовский В.М. Юридическая терминология в языке белорусских письменных памятников XV–XVII вв.: автореф. дис. … канд. фил. Наук. Минск, 1966. 20 с.
3. Паляшчук Н.В. Прыходна-расходныя кнігі горада Магілёва: структура і лексічны склад. URL: http://elib.bspu.by/handle/doc/15488 (дата обращения 02.05.2025).
4. Трофимович Т.Г. Актовые книги городских магистрантов как источники по истории языков Великого княжества Литовского. URL: http://elib.bspu.by/handle/doc/6993 (дата обращения 02.05.2025).

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

БА, II – Беларускі архіў = Archivum alboruthenicum = Weissrussisches archiv: у 3 т. Т. 2: XV–XVI ст.: матэрыялы і дак. Да гісторыі Беларус.-Літоўс. Дзяржавы і г. Магілёва з архівасховаў Магілёва, Масквы і Кракава. Мінск: Ін-т беларус. Культуры, 1928. 391 с.
ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы: вып. 1–37. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–2017.
ГЭС – Гістарчна-этымалагічны слоўнік іншамоўнай лексікі ў старабеларускай мове. Мінск: Беларуская навука, 2025. 1078 с.
ИЮМ – Историко-юридические материалы, извлечённые из актовых книг губерний Витебской и Могилёвской: в 32 т. Витебск, Типография губернского правления, 1871–1906.
КВГС – Книга Витебского гродского суда 1684–1687 гг. Национальный исторический архив Беларуси. Коллекция цифровых копий. Ф. 1. Оп.1. Д. 3.
КВЗС – Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Клочко. 1533–1540 (Литовская метрика. Книга 228. Книга судных дел № 9. М.: Наука, 2008. 525 с.
КВПС – Книга Витебского подкоморского суда 1642–1647 гг. Национальный исторический архив Беларуси. Коллекция цифровых копий. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.

КОЗЛОВА Анна Юрьевна *(Коломна, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
anna_ko65@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ КРЕСТЬЯНИНА В.К. ВЛАЗНЕВА (ЗАРАЙСКИЙ УЕЗД РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ): ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА

Аннотация. В статье рассматриваются два варианта «Алфавитного списка старинных местных слов, употребляемых здешними жителями в разговорной речи», созданные В.К. Влазневым – крестьянином-краеведом Зарайского уезда Рязанской губернии в конце XIX – начале XX в. Этнографические записи не опубликованы и не введены в научный оборот. Исследуются особенности лексического состава «Алфавитного списка», способы подачи диалектного материала и особенности его толкования. Анализ текста показал, что автор «Алфавитного списка» обладал интуитивными знаниями о структуре значения слова, о парадигматических отношениях в лексике, но не всегда точно подавал прямое значение слова, выводил его из контекстов, в которых оно использовалось в переносном значении или очень далеком от основного значения.

Ключевые слова: историческая диалектология, толковый словарь диалектных слов, языковая рефлексия носителя диалекта, зарайские говоры Рязанской губернии.

Abstract. The article examines two versions of the “Alphabetical list of the ancient local words used by the local residents in colloquial speech” created by V.K. Vlaznev, a peasant and local historian of the Zaraysk district of the Ryazan province in the late 19th – early 20th centuries. Ethnographic records have not been published or introduced into scientific circulation. The article examines the features of the lexical composition of the “Alphabetical list”, the methods of presenting dialect material and the features of its interpretation. Analysis of the text showed that the author of the “Alphabetical list” had intuitive knowledge of the structure of the meaning of the word, the paradigmatic relations in the vocabulary, but did not always accurately present the direct meaning of the word, deduced it from contexts in which it was used in a figurative meaning or very far from the main meaning.

Keywords: historical dialectology, explanatory dictionary of dialect words, linguistic reflection of a dialect speaker, the Zaraysk dialects of the Ryazan province.

Василий Кузьмич Влазнев (1839−1905) – крестьянский поэт, журналист, исследователь истории городов и сел Рязанской и других российских губерний. Он родился в крестьянской семье в селе Верхний Белоомут Зарайского уезда Рязанской губернии, отхожий промысел мужчин его семьи – портновское дело. В.К. Влазнев только год в детстве на родине учился в местном приходском училище, в 10 лет был отдан к мастеру для обучения ремеслу в Москву. Уже взрослым В.К. Влазнев посещал в Москве общеобразовательную воскресную школу. В середине

60-х гг. XIX века В.К. Влазнев вернулся в Белоомут, где владел мастерской по резному иконостасному и позолотному делу, одновременно занимаясь журналистской и литературной деятельностью.

Недавно нам удалось обнаружить, что В.К. Влазнев предоставил список местных слов для Словаря русского языка, составленного Вторым отделением Императорской академии наук под редакцией Я.К. Грота [2, т. 2, вып. 1: XIII]. Эта рукопись составляла 4 листа. И, начиная со второго тома, в указанном словаре есть словарные статьи, основанные только на материалах В.К. Влазнева. В дальнейшем эта рукопись послужила источником для Словаря русских народных говоров [1, вып. 1: 100]. А.А. Шаблин указал, что существуют и другие неопубликованные этнографические записи В.К. Влазнева, которые крестьянин-краевед сделал для Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева [5: 196]. Они хранятся в Архиве Института этнографии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая (АИЭА) и в Архиве Российского этнографического музея (АРЭМ). Неизданные и не введенные в научный оборот этнографические материалы В.К. Влазнева насчитывают более 100 рукописных листов.

Цель статьи – указать некоторые лексические и семантические особенности этнографических записей В.К. Влазнева.

1. С точки зрения жанровой принадлежности в записях В.К. Влазнева представлены самые разнообразные тексты: пословицы, поговорки, детские дразнилки, описание свадебного обряда, семиковские песни и др. Примечательно, что в рукописи, присланной для Словаря русского языка под редакцией Я.К. Грота, а также в двух других документах находится «Алфавитный список старинных местных слов, употребляемых здешними жителями в разговорной речи». Нам удалось de visu ознакомиться с двумя вариантами этого алфавитного списка, которые находятся в АРЭМ (АРЭМ, Ф.7, Оп. 1, Д. 1441 (19.10.1898)) (далее – АРЭМ) и АИЭА (АИЭА, Ф. 60, Оп. 1, Д. 408 (5.08.1901)) (далее –

АИЭА). «Алфавитный список» представляет небольшой толковый словарь, в котором по алфавиту даются не только слова, но и устойчивые выражения и фразеологизмы, к каждой из лексических единиц дается толкование ее значения, сделанное В.К. Влазневым.

Полностью состав слов в списках не совпадает, хотя большинство лексических единиц присутствует в обоих. По-видимому, в черновых записях автора были только леммы, потому что, во-первых, слова в разных рукописях могут толковаться по-разному: *прила* – ‘самодур’ (АРЭМ, Л.6) и *прила* – ‘настойчивый в своих мнениях и действиях’ (АИЭА, Л. 3 об.); во-вторых, они могут быть представлены в разных грамматических формах: *изгиляться – ‘входить в роль шута’* (АРЭМ, Л. 3) и *изгиляется – ‘гримасы дѣлаетъ и вообще частями своего тѣла производитъ смѣшныя позы и движенія’* (АИЭА, Л. 2); в-третьих, слова могут даваться и, соответственно, толковаться то с частицей *не* (с приставкой *не-* для существительных и прилагательных), то без нее: *очунелся – ‘пришел в память’* (АРЭМ, Л.5) и *неочюнѣеся – ‘не скоро придешь въ память, въ здравый разсудокъ отъ сильнаго удара, нанесенного человѣкомъ и также отъ удара бѣды-невзгоды’* (АИЭА, Л. 3).

2. Диалектные слова и выражения даются в кавычках, с передачей особенностей произношения; орфография объяснений и толкований традиционная, в соответствии с нормами литературного языка. Ср. передачу окончаний прилагательных в форме м. р., ед. ч., И. п.: *«Вёрчинай» − вертлявый* (АРЭМ, Л. 9).

3. В записях В.К. Влазнева в основном встречаются два типа толкования лексического значения слова: 1) с помощью синонима: *«гамазить» – чешется* (АРЭМ, Л. 2); 2) описательный: *«вызвѣздилъ» – высказалъ рѣзко* (АРЭМ, Л. 2). Но зачастую к указанным способам толкования лексического значения прибавляются этнографические данные: *«жердѣй» − высокорослый. Хотя слово жердѣй происходит от*

жерди высокой, но по народному суевѣрію жердѣи – великаны, которые во время Святокъ бываютъ видимы на землѣ въ разныхъ величинахъ, на прим., если онъ станеть къ дереву – равенъ ему; станетъ къ избѣ или къ колокольнѣ – равенъ имъ и т. п. (АРЭМ, Л. 9).

Стремясь точно объяснить значение слова, В.К. Влазнев очерчивает сферу употребления реалии: *«Бѣликнуть нѣчемъ» – сдѣлать нѣчемъ какого либо дѣла, на прим. Дровъ наколоть, потому что топоръ тупъ или ножницы, или худы, плохи чашки, горшки и т. п.; или же со всѣмъ не имется необходимыхъ вещей въ домашнемъ обиходѣ* (АИЭА, Л. 1).

4. Иногда в словарной статье может быть приведен контекст, характерный для функционирования этого слова: *«едикуль» – холодная камера, острогъ, въ которые если кто попадетъ, – крестьяне говорятъ: попалъ въ «едикуль»* (АРЭМ, Л. 9).

5. В.К. Влазнев, по-видимому, имел какие-то общие представления о парадигматических отношениях в лексике – синонимии, антонимии, омонимии.

Синонимы, как правило, даются им в одной словарной статье: *«вѣчки», «кытки» – вѣтви вербы, с которыми въ Вербное Воскресеніе ходятъ въ церковь* (АИЭА, Л. 2); *«вѣшалка», «повѣса» – избѣгающій прилежнаго труда и ведущий беззаботную и вѣтренную жизнь* (АИЭА, Л. 2).

Омонимы представлены в разных словарных статьях: *«локчетъ» − локаетъ собака или кошка жидкій кормъ. «Локчетъ» − также говорятъ и въ томъ случаѣ, когда соднѣетъ кокая либо часть тѣла отъ пота или отъ царапины на тѣлѣ* (АИЭА, Л. 2 об.).

6. Автор «Алфавитного списка» приводил не только прямое значение слова или выражения/фразеологизма, но и переносное: *«бѣлый–кипень» − кипящая вода въ печи; сильно поблѣдневшій человѣкъ отъ испуга и бѣды приравнивается къ этому слову* (АРЭМ,

Л. 1); *«Озадки» – задняя часть двора, огорода, поля и пройденный путь жизни* (АИЭА, Л. 3) (Ср. в СРНГ: *Озадки* – 5. ‘Последний, дальний загон (участок, полоса земли) в поле’ и 7. ‘Воспоминания о прошлом; сожаления’ [1, вып. 23: 83]).

7. В некоторых случаях В.К. Влазнев попытался дать этимологию слова: *«жировой» – незаконнорожденное дитя, о матери которого говорят, что с жира родила его* (АИЭА, Л. 1 об.).

8. Проверка лексики «Алфавитных списков» была проведена по СРНГ [1] и по Словарю говора д. Деулино [3]. Анализ показал, что некоторые лексические единицы в СРНГ известны только по сообщению В.К. Влазнева: например, *егутка* (*егутки*) во всех значениях, кроме «в виде прозвища» [1, вып. 8: 318]. Совпадения со Словарем говора д. Деулино незначительны (например, *колотырный, междворка, наянный, непитущий* и т. д.), хотя д. Деулино находится совсем недалеко от с. Белоомута. Это можно объяснить тем, что информанты жили в разные эпохи, занимались разными видами деятельности и т. д.

Но уже на данном этапе исследования можно высказать некоторые замечания по особенностям подачи слов и их значений в «Алфавитных списках» В.К. Влазнева.

1) Если Словарь говора д. Деулино в течение длительного периода времени составляли профессиональные диалектологи, которые записывали слово в различных контекстах, выявляли его основные семы и могли перепроверить материал, то В.К. Влазнев такими возможностями и теоретическими сведениями не обладал. В связи с этим толкование слова в его Алфавитных списках может не совпадать или даже противоречить тем значениям, которые представлены в Словаре д. Деулино или в СРНГ. Так, например, в Словаре говора д. Деулино *колотырный* – ‘любящий торговаться’ [3: 234], у В.К. Влазнева – ‘необстоятельный человек’ (АИЭА, Л.2) (Ср. значения слова *колотырный* в СРНГ: 1. ‘Бедственный, нищенский’. 2. ‘Колотырный промысел –

торговля мелочью’. 3. ‘Торгующийся из-за каждой копейки, не уступающий в цене’. 4. ‘Вызывающий смуту, раздор, занимающийся наговорами, сплетнями, делающий подлости, стремящийся причинить другим неприятности’. 5. ‘Сварливый, бранчливый’ [1, вып. 14: 188] – общее значение ‘необстоятельный человек’ В.К. Влазнева применимо ко всем указанным значениям).

Приведем другой пример. У В.К. Влазнева: *«лылы» – доровое угощеніе* (АИЭА, Л. 2 об.). В СРНГ такого значения у этого слова нет, но значение, указанное В.К. Влазневым, соотносится со значением 4. ‘Праздное времяпрепровождение, бездельничанье’ СРНГ [1, вып. 17: 221]. В Словаре говора д. Деулино есть другой фонетический вариант этой лексической единицы – *лалы*, в словарной статье которой представлен только фразеологизм *на лалах (жить)* – ‘праздно, не трудясь, за чужой счет’ [3: 268]. Вероятно, значение слова *лылы* В.К. Влазнев формулировал для своего словаря, буквально выводя его из общего значения фразеологизма, толкуя его по-своему. Нам представляется, что указанное В.К. Влазневым значение неточное: анализ словообразовательного гнезда с корнем *лал-* по СРНГ показывает, что общее значение корня – ‘говорить, болтать’ [1, вып. 16: 251–252].

2) «Алфавитные списки» АРЭМ и АИЭА по объему превышают алфавитный список, присланный для Словаря русского языка, составленного Вторым отделением Императорской академии наук под редакцией Я.К. Грота; они более поздние и по времени создания: алфавитный список для словаря относится к 1897 г., список АРЭМ датирован 19.10.1898, список АЭИА – 5.08.1901. Поэтому нами обнаружено достаточно большое количество слов, которые не были учтены в Словаре Я.К. Грота и в СРНГ. В качестве таких можно указать лексические единицы *естрепка* (‘растрепанный, не оккуратный человѣкъ’), *ералашникъ* (‘болтливый и лживый человѣкъ’), *кучура*

(‘женщина слишкомъ прикрывающая свое лицо’), *кутавка* (‘то же самое’), *лихоботья* (‘худое носильное платье, рубище’), *прила* (‘настойчивый въ своихъ мнѣніяхъ и действіяхъ человѣкъ’), *пёрка* (‘то же самое’), *прохинаръ»* (‘плутоватый человѣкъ’) и т. д.

3) Село Белоомут, а также села Дединово, Ловцы и Любичи, язык которых описывал В.К. Влазнев, формально находятся на территории рязанских говоров, на левом берегу Оки, на Мещёрской стороне. Однако к середине XV в. По Оке организуется береговая служба, что во многом могло повлиять на состав населения прибрежных сел, а также на особенности их языка. По нашим наблюдениям, в указанных селах по крайней мере на рубеже XX–XXI веков в речи старшего поколения было распространено умеренное яканье. Можно заметить, что в алфавитных списках В.К. Влазнева есть слова с особым значением, которое СРНГ указывает только для тульских говоров: *«костоломы» – колѣки перехожіе* (АИЭА, Л. 2); *«труболётка» – нечистоплотная женщина, уподобляется вѣдьмѣ, летающей въ трубу* (АИЭА, Л. 4 об).

4) Примечательно, что В.К. Влазнев в алфавитных списках приводит просторечные значения литературных слов, распространенных в данной местности. Это могут быть церковнославянизмы: *«оглашенный» − непослушный, своевольный* (АРЭМ, Л. 5); *«содомъ» − слово это принаравливаютъ къ большой шумной толпѣ, къ большому семейству, къ артели и т. п.* (АРЭМ, Л. 11), а также другие слова литературного языка той эпохи: *«стрекулистъ» – одетый въ короткое платье* (АРЭМ, Л. 7) (Ср. Толковый словарь под редакцией Д.Н. Ушакова: ‘Мелкий чиновник, приказная строка’ [4, т. 4: 553]; СРНГ: 1. ‘Щеголь, франт’. 2. ‘Легкомысленный, болтливый, ненадежный человек’. 3. ‘Вздорный, сварливый, задиристый человек’ [1, вып. 41: 311]); *«фармазонъ» – именемъ этимъ называютъ человѣка тогда, когда онъ въ постный день позволяетъ себѣ ѣсть скоромную пищу и мало ходить въ церковь* (АРЭМ, Л. 8); *«химикъ» – скрытный, молчаливый* (АРЭМ, Л. 8).

Таким образом, анализ двух вариантов «Алфавитного списка старинных местных слов, употребляемых здешними жителями в разговорной речи» (1898 г. и 1901 г.) показал, что в них содержится лексический материал, еще не введенный в научный оборот; их составитель – крестьянин-краевед В.К. Влазнев обладал интуитивными знаниями о структуре значения слова (прямое и переносное), о типах толкования слов, о парадигматических отношениях в лексике. Однако не всегда значение слова, которое он давал в своем алфавитном списке, являлось основным значением: зачастую В.К. Влазнев формулировал его, опираясь на контексты, в которых слово употреблялось в переносном значении или очень далеком от основного значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. Л., СПб., 1965–2021.
2. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук / Ред. Я.К. Грот. СПБ., тип. Имп. Академ. Наук. Т. 1–9. 1891–1930.
3. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Материал собрали и словарь сост. Г.А. Баринова, Т.С. Коготкова, Е.А. Некрасова [и др.]; под ред. И.А. Оссовецкого. М.: Наука, 1969.
4. Толковый словарь русского язык: в 4 т.; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Рус. словари, 1994.
5. Шаблин А.А. Влазнев В.К. Сельский краевед в пореформенной России. Коломна-Рязань: Русское слово, 2011. 208 с.

КОЗЛОВА Анна Юрьевна (*Коломна, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
anna_ko65@mail.ru

МАРКИНА Елизавета Алексеевна *(Коломна, Россия)*

магистрант
Государственный социально-гуманитарный университет
markinaliza01@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются прецедентные имена Великой французской революции *Робеспьер, Марат, Дантон*, анализируются случаи их употребления в современном русском литературном языке начиная с 2000-х. Исследование дает представление об одной из форм отражения Великой французской революции в современной языковой картине мира.
Ключевые слова: прецедентное имя, Великая французская революция, коммуникация.

Abstract. The article examines the precedent names of the Great French Revolution-Robespierre, Marat, Danton-and analyzes instances of their usage in contemporary Russian literary language starting from the 2000s. The study provides insight into one of the forms of reflecting the Great French Revolution in the modern linguistic worldview.
Keywords: precedent name, French Revolution, communication.

Великая французская революция – историческое событие, само ставшее прецедентным. Оно всколыхнуло общественность Российской империи в конце XVIII века, и эта реакция отразилась в России XIX века в политических взглядах, философских концепциях, изобразительном искусстве, музыке, литературе, о чем очень ярко рассказал в монографии «Мгновенье славы настает… Год 1789-й» Н.Я. Эйдельман [4].

Задача настоящей статьи – анализ функционирования трех прецедентных имен – *Робеспьер, Марат, Дантон*, являющихся символами Французской революции, в современном русском литературном языке начала XXI века. Исследование проведено на материале Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), в основном корпусе по источникам, датирующимся с 2000 года [3].

При анализе мы будем следовать теории прецедентности Ю.Н. Караулова, где прецедентное имя – «широко известные имена собственные, которые могут использоваться в качестве особых культурных знаков, своего рода символов определенных качеств» [2: 40]. Использование в художественных и публицистических текстах прецедентных имен в современной лингвистике получало разные толкования – как «ономастическая метафора», «интертекстема», «антономазия» или «аллюзия».

Развивающий теорию прецедентности Д.Б. Гудков разграничивает денотативное (указывает непосредственно на денотат – индивидуальное имя собственное) и коннотативное (метафорическое) употребление [1: 154], то есть первичное и метафорическое значение прецедентного имени [2: 53].

Робеспьер

Самая частотная по употреблению оказалось фамилия одного из самых влиятельных деятелей революции *Максимильена* ***Робеспьера*** – 117 примеров, распределение по функциональным жанрам следующее: публицистика – 66%, художественная литература – 16%, учебно-научная – 9%. (Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 10.05.2025.).

Семантический анализ прецедентного имени *Робеспьер* позволил выявить следующие особенности его использования в русском литературном языке начала XXI века.

1. Денотат – историческая личность.

Задолго до попытки ***Робеспьера*** *установить государственный культ Верховного Существа в практике французской революции стали проявляться элементы сакрализации нового порядка, элементы новой гражданской религии* [Владимир Легойда. Религиозность в безрелигиозную эпоху. Статья вторая // «Альфа и Омега», 2000].

2. «Палач», «кровавое чудовище», отправляющий людей на гильотину и казненный сам.

*Ну да, того самого **Максимилиана**, который сначала отправил на гильотину Демулена, Дантона, Людовика XVI и Марию-Антуанетту, а потом и сам подставил шею под тяжелый нож… Его во Франции еще при жизни иначе как кровавым чудовищем не называли. Ну а у нас – ради Бога. У нас палачей любят…* [Ночной ковбой с улицы Робеспьера // «Криминальная хроника», 2003.06.24].

В этом контексте имя собственное имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию, часто встречается в публицистике для обращения к образу, неразрывно связанному с террором. В массовом сознании типична коллокация *Робеспьер* – террор.

3. Имена собственные, возникшие в результате трансономизации – переноса антропонима на иные объекты номинации: улицы, средства передвижения и т. д. *Пыхтя, подошел **«Робеспьер»** – древний колесный пароходик, на котором, наверно, катались еще в свое время вязниковские да мстерские купцы* [Андрей Пермяков. Петушки – Москва. Поехал // «Волга», 2016].

4. Обозначение активного революционного деятеля крайних взглядов.

*Появились группировки. Выделялись свои **Робеспьеры** и Талейраны. Все смелее подымались головы на собраниях* [Вениамин Смехов. Театр моей памяти (2001)].

5. Казненный революционер, свергнутый диктатор.

*Но если свержение **Робеспьера** заняло около двух суток, то «термидор» в нашей стране потребовал нескольких лет – и завершился свержением Троцкого со всех высоких постов, он был исключен из партии, арестован и впоследствии выслан из страны* [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)].

Употребление воплощает иллюстрацию афоризма «Революция пожирает своих детей», прочно закрепившегося в лексиконе. Робеспьер – один из наиболее известных для широкого круга казненных революционеров, ко всему прочему еще с термидорианской реакции его имя связано с лексемой «диктатура».

Марат

Второе по частотности употребления имя собственное – *Жан-Поль Марат.* Марат был одним из лидеров якобинцев, известен под прозвищем «Друг народа». Распределение контекстов в соответствии с функциональными стилями: публицистика – 69%, художественная литература – 24%, учебно-научная литература, реклама, электронная коммуникация – по 2,4%. Всего – 83 примера.

1. Денотат – историческая личность.

Революция показала, сколь значительна в процессе общественных преобразований роль трибунов, таких как ***Марат****, Мирабо, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст и других, делавших историю* [Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 1 (2001)].

2. Имена собственные, возникшие в результате трансономизации – переноса антропонима на иные объекты номинации: улицы, средства передвижения и т. д. *Она попросила остановить на углу Разъезжей улицы и Марата* [С.И. Шуляк. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // «Волга», 2013].

3. Журналист и врач.

Независимый журналист в эмиграции должен или замолчать раз и навсегда или очень скоро может оказаться за полшага до государственной измены, точнее… за полслова», эти слова ***Марата*** *были написаны им не об эмигрантах роялистах, а о себе самом* [Елена Съянова. Анатомия вождя // «Знание-сила», 2013].

В этом контексте прецедентное имя указывает на историческую личность, но при этом акцентируется деятельность Жан-Поля Марата как журналиста или врача.

5. Радикальный революционер, сторонник крайних мер.

*Среди журналистов той далекой поры были опьяненные кровью безумцы типа **Марата** и Эбера, требовавшие 300 тысяч отрубленных «голов во имя покоя, свободы и счастья человечества», но были и люди в обыденной жизни вполне симпатичные, такие, например, как Камилл Демулен* [Анатолий Кучерена. Бал беззакония (2000)].

5. Убитый Шарлоттой Корде. А *в ноябре ей стало все противно и, как Шарлотта Конде, она мечтала убить **Марата**, только не знала, кто в России Марат – Ленин или Троцкий?* [Алексей Варламов. Пришвин, или Гений жизни // «Октябрь», 2002].

Прослеживается коллокация: Марат – убитый, Шарлотта Корде – убийца.

Дантон

Жорж-Жак Дантон был одним из основателей Первой французской республики, сопредседателем клуба кордельеров. В текстах начала XXI века отмечено 64 примера использования имени собственного Дантон: публицистика – 72%, художественная литература – 28%.

1. Денотат – историческое лицо.

*И французские выписки из документов для книги **о Дантоне**, которую Йозеф собирался писать для одного советского издательства* [Николай Климонтович. Парадокс о европейце // «Октябрь», 2013].

2. Убитый в ходе революции революционер.

*Иные из них (вроде того же Шенье) были революционерами, но позднее, успев посеять бурю, пожинали плоды смерти – и **Дантон**, и Демулен, и Сен-Жюст, и Шомет, и жирондисты, и Эбер, и еще многие другие* [Б.М. Носик. Прогулки по Парижу. Левый берег и острова (2001)].

Авторство афоризма, упомянутого ранее, иногда приписывают Дантону, и подобно Робеспьеру его воспринимают реально существовавшим доказательством справедливости утверждения.

3. Оратор.

18 апреля он пытается посетить городок Сен-Клу, однако революционная толпа со знаменитым оратором Дантоном во главе не дает ему покинуть дворец Тюильри [Кирилл Кобрин. Музей // «Октябрь», 2002].

В цитате акцентируется одно из качеств, которое выделяется как яркая характеристика исторической фигуры.

4. Памятник в Париже.

Дантон указывает на другую сторону улицы, где расположен вход во двор Коммерс-Сент-Андре [Алексей Тарханов, Алексей Асланянц, Дмитрий Бегляров. Париж (2015)]

Памятник Дантону был установлен в честь столетия Французской революции. Может использоваться для обозначения конкретного места.

1. Анализ употребления прецедентных имен собственных *Робеспьер, Марат, Дантон*, связанных с Великой французской революцией, в современном русском литературном языке показал, что преобладающей сферой их использования является публицистика. Именно в публицистике отмечается метафорическое употребление указанных прецедентных имен.

2. В советские годы Н.Я. Эйдельман рассматривал эти имена как идейные и событийные символы: «стадию Марата и Робеспьера» [4: 185]. Современные публицистические контексты показывают, что они продолжают оставаться таковыми, но с некоторыми семантическими и коннотативными изменениями. Современные авторы не затрагивают философских и политических взглядов французских революционеров. Чаще всего имя *Робеспьера* и имя *Марата* может употребляться в обозначении людей радикальных взглядов, и такое выражение используется и понятно до сих пор. Ряд употреблений отсылает к эпизодам судьбы (казнь, убийство) или ярким личностным чертам.

3. Для нашей действительности имена Робеспьера и Марата оказались более известны широкому кругу, а следовательно, более частотны. Это объясняется остатками влияния марксизма-ленинизма. И сейчас они являются хрестоматийными примерами революционеров, но из-за смены идеологических парадигм на первый план выходят отрицательные ассоциации и коллокации. Употребление данных имен собственных влечет обращение, в подтексте или нет, к их политическим взглядам и судьбе. Имя Дантона менее характерно в отечественной коммуникации, обстоятельства его жизни мыслятся лишь в контексте афоризма «Революция пожирает своих детей», либо в научном или околонаучном дискурсе.

4. В публицистических контекстах происходит деонимизация прецедентных имен, что подчеркивается грамматическими средствами использования имени собственного во множественном числе (*робеспьеры, мараты, дантоны*).

5. Денотативное употребление типично для научных, учебных, научно-популярных текстов, стремящихся к нейтральности.

6. Трансонимизация прецедентных имен Великой французской революции – традиция советского прошлого страны, когда имена революционеров имели идеологическую окрашенность, так как их образы тогда героизировали. Сейчас эти онимы (топонимы, названия пароходов и др.) воспринимаются как устаревшие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 286 с.
2. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. Гос. Пед. Ун-т»; Ин-т социального образования, 2007. 207 с.
3. Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Донина О.В., Кузнецова Ю.Н., Ляшевская О.Н., Орехов Б.В., Подрядчикова М.В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. Вопросы языкознания, 2024. № 2. С. 7–34.
4. Эйдельман Н.Я. Мгновенье славы настает… Год 1789-й. Ленинград: Лениздат, 1989. 300 с.

КОРОЛЕВА Инна Александровна *(Смоленск, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Смоленский государственный университет
innakor@mail.ru

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ УШАКОВ – УНИКАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОГРАФ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. В статье рассматривается личность уникального лексикографа XX века Дмитрия Николаевича Ушакова, анализируются основные принципы создания его «Толкового словаря русского языка», первого серьезного труда послереволюционного времени. Представлены новшества в создании системы стилистических и эмоционально-экспрессивных помет на материале образца словарной статьи с главным словом БАБА и его семантического поля.

Ключевые слова: лексикография, Дмитрий Николаевич Ушаков, «Толковый словарь русского языка», принципы использования стилистических помет, образец словарной статьи.

Abstract. The article examines the personality of Dmitry Nikolaevich Ushakov, a unique lexicographer of the twentieth century, and analyzes the basic principles of creating his “Explanatory Dictionary of the Russian Language,” the first serious work of the post-revolutionary period. Innovations in the creation of a system of stylistic and emotionally expressive manure are presented based on a sample dictionary entry with the main word BABA and its semantic field.

Keywords: lexicography, Dmitry Nikolaevich Ushakov, “Explanatory dictionary of the Russian language”, principles of using stylistic labels, sample dictionary entry.

Практически все исследователи отмечают, что Дмитрий Николаевич Ушаков является одной из самых заметных фигур отечественной лексикографии. Он был любимым учеником великого русского ученого Филиппа Федоровича Фортунатова, ведущим профессором Московского государственного университета, долгое время возглавлял Московскую диалектологическую комиссию. Ушаков был прекрасным наставником: в числе его лучших учеников С.И. Ожегов, Г.О. Винокур, Р.О. Якобсон. Сергей Иванович Ожегов, следуя ушаковским традициям, в дальнейшем составил популярный до настоящего времени однотомный словарь (1949 год).

Среди филологических словарей самыми универсальными являются толковые словари, которые являются для пользователей уникальным источником знаний о семантике слов – единиц языка. Это

издания лингвоцентричные в подходе к описанию засвидетельствованных слов и фразеологичных единиц. В них содержатся самые разноплановые сведения, комплексная информация, описывающая сведения из всех языковых уровней [1: 55].

Ушаков явился новатором в четком разграничении толковых и энциклопедических словарей. Выделено важное качество, принципиально отличающее эти два вида лексикографических трудов: «…новый «Толковый словарь» не есть энциклопедический словарь, то есть он не должен давать и не дает ни анализа, ни полного описания предметов и явлений; он «толкует» значение слова или различные его значения, если их несколько, и указывает случаи употребления слов…» [4: XII].

Также был задекларирован для толковых словарей принцип нормативной направленности. Обязательно следует «придать словарю характер образцового, в том смысле, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык». В толковом словаре следует «обращать внимание на написание, произношение, ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, имеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства» [Там же].

Очень большой заслугой Ушакова является впервые в лексикографической практике введенный принцип объяснения оттенков значения слова, что позволило в дальнейшем лексикографам глубоко и широко представлять семантическую структуру слова. Для этого в словарной статье был введен знак //, за которым и отмечаются оттенки в значении слова.

Это введение обогатило и упорядочило структуру словарной статьи.

Все богатство стилистических помет (в дальнейшем не все лексикографы следовали такому разветвленному их применению) можно представить на примере слова *баба*, которое весьма привлекательно для

этнолингвистических исследований: **БАБА[1]**, бабы, ж. 1. В устах «господ» (прежде) и в крестьянском быту – замужняя женщина (противоп. Девка). *Долго он не мог распознать, какого пола была фигура – баба или мужик.* Гоголь. *Всех баб и девок согнали на барщину. Рядом дышит перепуганная баба, дочь толкается, топочут перепуганные сыновья* (описание избы). Безыменский.

2. Жена (простореч.). *Без бабы остался, сам хозяйничает.*

3. Вообще женщина (разг. Вульг.). Вздорная баба. Здоровенная баба. *У меня есть ум, и меня ценят бабы.* М. Горький.

4. перен. Мужчина робкого нрава, слабый, нерешительный (разг. Презрит.). *Он такая баба, всякому в обиду дается.*

5. Подвесной молот, тяжелая чугунная гиря для забивания свай (ср. копер (тех.)) [4: 73].

Даны фразеологизмы. **Бой-баба**, бой-бабы, ж. (разг.) – женщина бойкая, разбитная, решительная. **Каменная баба** (археол.) – каменное изваяние в виде человеческой фигуры. **Тесная баба** – мальчишеская игра, состоящая в том, что на скамью усаживается как можно больше ребят и с двух концов тискают весь ряд, пытаясь его столкнуть. **Баба-яга**, бабы-яги, ж. – мифологическое существо в русских народных сказках, изображаемое в виде злой и безобразной старухи-колдуньи, едущей в ступе и заметающей след помелом. **Снежная, снеговая баба** – кукла из снега [4: 73–74].

Дан и омоним: **БАБА[2]**, бабы, ж. Сорт высокого сдобного кулича. Ромовая баба [4: 74].

Как видим, статья очень объемная, с многочисленными практическими пометами, позволяющими правильно использовать слово в речи.

Сразу следует сказать о неоднозначном представлении цитат в словарных статьях. Они даются, но далеко не везде. Ушаков считал, что главное – дать толкование слова и так называемые формулы, то есть

словосочетания. Например, ВНУШАТЬ. *Внушать к себе страх* [4: 321]. И читателю все понятно, как употреблять слово в речи. Поэтому, как видно из приведенной словарной статьи, цитаты есть не везде, иногда авторы сами придумывают контекст, и этого достаточно. Однако в дальнейшем лексикография пошла по пути цитирования. Мы считаем, что оба пути правомерны. Без объемных цитат в тексте словаря экономится много места, что позволяет расширить словарный состав словаря. В Словаре Ушакова представлено 85 289 слов [1: 57].

Если говорить об Ушакове-лексикографе, то необходимо отметить и еще один его важный вклад в создание словарей. Это его участие в создании «Словаря русского языка» С.И. Ожегова. Пожалуй, и сегодня этот словарь является самым популярным и востребованным в практике.

Именно Дмитрию Николаевичу Ушакову принадлежала сама идея составления и издания так называемого «Малого толкового словаря русского языка» (обратим внимание, что он появился менее чем через десять лет после выхода в свет последнего тома «ушаковского словаря» (1940–1949 год). Сергей Иванович Ожегов одним из первых поддержал эту идею, и именно Ушаков и Ожегов начали разрабатывать концепцию Словаря. Естественно, в Комиссии по созданию Малого словаря были и другие члены, но главными идеологами явились два великих лексикографа, чьи имена сохранила история, – Дмитрий Николаевич Ушаков и Сергей Иванович Ожегов. Именно Ушаков в 1940 году был назначен главным редактором Словаря. Он был уже прекрасно зарекомендовавшим себя лексикографом, членом-корреспондентом АН СССР. Его заместителем стал С.И. Ожегов [2; 3].

Однако война не позволила реализовать все, как было задумано, ибо на 5 лет работа была отложена, а сам Дмитрий Николаевич умер в 1942 году. И в соответствии с принципами, выработанными совместно с Ушаковым, Сергей Иванович Ожегов вместе со своим коллективом все же закончил и выпустил так называемый «Малый словарь» С.И. Ожегова в

1949 году. Это была большая лексикографическая победа! Так, при жизни Ожегова вышло 6 изданий его труда, что свидетельствует о необыкновенной востребованности этого популярного среди пользователей труда.

Вот несколько словарных статей из Словаря, входящих в семантическое поле слова *баба*:

БАБЕНКА, бабенки, ж. (разг. Фам). Бойкая и еще не старая женщина [4: 75].

БАБЁШКА, бабёшки, ж. (разг фам. Презрнебреж.). То же, что бабёнка [Там же].

БАБИЙ, бабья, бабье (разг.). Прил. К *баба*. *Сорок лет – бабий век.* Пословица. *Бабьи сплетни. Бабье дело.* Фразеологизм: **Бабье лето** – ясные теплые дни в начале осени [Там же].

БАБИЩА, бабищи, ж. (разг. Презрит.). Рослая толстая баба, женщина с грубым обращением [Там же].

БАБКА[1], бабки, ж. 1. То же, что бабушка (простореч.).

2. Женщина, занимающаяся подачей помощи при родах (обл.). Фразеологизм. Повивальная бабка (офиц. Дореволюц.). Акушерка [Там же].

БАБКА[2]. Бабки, ж. (разг.). Уменьш. К *баба* [Там же].

БАБНИК, бабника, м. (разг. Фам. Неодобрит.). Любитель женского общества, волокита, ловелас [Там же].

БАБНИЧАТЬ, бабничаю, бабничаешь, несов. 1. Заниматься профессией повивальной бабки (обл.).

2. Быть бабником (простореч. Неодобр.) [Там же].

В каждом практически слове присутствуют точные и разнообразные пометы, гораздо объемнее, чем в других словарях. Да и сами экспрессивные слова не все в дальнейшем лексикографируются.

Есть и омонимы.

БАБКА[2]. Бабки, ж.

1. Надкопытный сустав ноги у животных // Кость этого сустава употребляется для игры. Игра в бабки.

2. Маленькая переносная наковаленка для отбивания стальных кос (обл.).

3. В токарном станке – стойка, посредством к-рой укрепляют обтачиваемую вещь (тех.) [Там же].

БАБОЧКА, бабочки, ж. (простореч.). Ласковое обращение к молодой женщине [Там же].

БАБУСЯ, бабуси, ж. (разг. Фам.). Ласкат. К *бабушка* [Там же].

БАБУШКА, бабушки, ж.

1. Мать отца или матери.

2. Обращение к старой женщине (простореч.).

Фразеологизм. **Бабушка ворожит** – см. ворожить. **Бабушка надвое сказала** (разг.) – неизвестно, будет или нет [Там же].

БАБЬЁ, бабья, мн. Нет, собир. (разг. Фам. Презрит.), бабы [Там же].

ЛИТЕРАТУРА

1. Леденева В.В. Лексикография современного русского языка. М.: Высшая школа, 2008. 648 с.
2. Никитин О.В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1(7). С. 195–228.
3. Никитин О.В. Отечественная лексикография в 1930-е гг.: борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова) // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 27–40.
4. Толковый словарь русского языка; под ред. Проф. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935. 824 с.

КРАВЧЕНКО Михаил Александрович *(Ростов-на-Дону, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Ростовский государственный университет путей сообщения
mak@rgups.ru

«ОДНО СЛОВО» VS «ОДНО НАЗВАНИЕ»: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МЕТАОПЕРАТОРОВ В ДИСКУРСЕ

Аннотация. В работе представлены результаты изучения функциональных особенностей метаоператоров «одно слово» и «одно название». Несмотря на семантическую близость образующих их компонентов, они выполняют в метаязыковом плане противоположные функции. Оба метаоператора отражают результаты метаязыковой рефлексии говорящего, но дают разную оценку соответствия выбранного знака экстралингвистической реальности. Метаоператор «одно слово» манифестирует полное соответствие избранной номинации обозначенному ею фрагменту внеязыковой действительности. Метаоператор «одно название», наоборот, свидетельствует о несоответствии знака денотату.
Ключевые слова: метаоператор, рефлексивность, метаязыковая рефлексия, полифункциональность.

Abstract. The paper presents the results of studying the functional features of the “one word” and “one name” meta-operators. Despite the semantic proximity of their constituent components, they perform opposite functions in the metalanguage plan. Both meta-operators reflect the results of the speaker’s metalanguage reflection, but they give a different assessment of the correspondence of the chosen sign to extralinguistic reality. The meta-operator “one word” manifests the full conformity of the chosen nomination with the fragment of extra-linguistic reality indicated by it. The meta-operator “one name”, on the contrary, indicates that the sign does not correspond to the denotation.
Keywords: meta-operator, reflexivity, metalanguage reflection, polyfunctionality.

Современная коммуникативная практика характеризуется повышенной рефлексивностью. Объектом рефлексии говорящего все чаще выступает не окружающая действительность, а сам языковой код. Это свидетельствует о сформировавшейся тенденции к росту высказываний с внутренней референцией или, иными словами, высказываний метаязыковой направленности. Последние апеллируют не к объективной или субъективной реальности, а к языку как средству её осмысления и воплощения.

Следует отметить, что высказывания о мире и высказывания о языке, как правило, тесно переплетены в семантической ткани текста. В целом ряде контекстов их разграничение может вызывать серьезные

затруднения. Однако в большинстве случаев результаты метаязыковой рефлексии маркируются в дискурсе с помощью специальных показателей, которые принято называть метаоператорами. Именно они задают метаязыковую рамку высказывания.

Термин *метаоператор* (*метатекстовый оператор*) впервые был употреблен А. Вежбицкой в широко известной работе «Метатекст в тексте» [2: 417] для обозначения знаковых средств, сигнализирующих о наличии в тексте отрезков метаязыкового содержания. На актуальном этапе развития науки о языке этот термин широко используется в исследованиях, связанных с изучением проявлений метаязыковой рефлексии говорящего. Метаоператор рассматривается как показатель, маркер имевшей место операции метаязыкового характера.

Метаоператоры образуют транскатегориальную группу языковых единиц, объединенную на базе функциональных признаков. Они все чаще становятся объектом специального изучения в лингвистике. При построении классификаций метаоператоров учитываются их особенности, связанные с уровнем эксплицитности / имплицитности выражаемой рефлексии, с отнесенностью к уровням языка (лексическому или грамматическому), с распределением по известным лексико-грамматическим разрядам и категориям. Наиболее глубокой и последовательной из них следует признать типологию метаоператоров, предложенную М.Р. Шумариной, в основание которой положен принцип определения способов экспликации метаязыковой рефлексии в тексте. Автором установлено своеобразное функциональное поле метаоператоров с выделением его центра и периферии. В соответствии с разработанной классификацией метаоператоры таксономизированы на три группы: собственно, метаоператоры, аналоги метаоператоров и нулевые метаоператоры [9: 79–113].

Ранее было установлено, что большинство метаоператоров обладают свойством полифункциональности [3]. Исследования

отдельных метаоператоров свидетельствуют, в частности, о способности метаоператоров «так называемый» [7], «собственно говоря», «строго говоря» [8], «так сказать» [1], «если угодно» [4], «скажем так» [6], «дословно» [5] выполнять разнообразные функции метаязыкового характера. Однако наличие общей тенденции к полифункциональности метаоператоров не исключает возможности четкого проявления функциональной дифференциации между метаоператорами. Считаем, что ярким примером в этом отношении выступает функционирование метаоператоров «одно слово» и «одно название». Структурное сходство конструкций и семантическая близость их компонентов не стали препятствием для их глубокой функциональной дифференциации при отражении в дискурсе результатов метаязыковой рефлексии. Несмотря на то, что оба метаоператора транслируют метаязыковую оценку коммуникативного шага, а именно степень соответствия знака внеязыковой реальности им обозначенной, каждый из них маркирует противоположные оценки.

Объектом проведенного нами исследования выступили высказывания, в пространстве которых использовались метаоператоры «одно слово» и / или «одно название». Предметом исследования явились функциональные особенности указанных метаоператоров. Цель работы состояла в определении функций каждого из метаоператоров.

В качестве эмпирического материала нами привлечены данные, представленные в Национальном корпусе русского языка (основной подкорпус). Мы обращались к изучению только тех случаев, в которых конструкции «одно слово» и «одно название» выступали именно в роли метаоператоров. Количественный состав конкорданса метаоператора «одно слово» (611 текстов и 723 примера) свидетельствует о его значительном превосходстве в частотности по сравнению с метаоператором «одно название» (125 текстов и 132 примера).

Указанный объем корпуса примеров составил эмпирическую базу исследования.

В ходе изучения языкового материала нами было установлено, что метаоператоры «одно слово» и «одно название» образуют метаязыковую рамку разных оценок соответствия знака его денотату. «Одно слово» вводит положительную оценку, сигнализирует о точной передаче экстралингвистического содержания. «Одно название», наоборот, маркирует негативную оценку глубины и полноты соответствия использованных в тексте элементов языкового кода обозначенному фрагменту внеязыковой действительности.

Метаоператор «одно слово» подчеркивает, что в выбранном говорящим знаке сосредоточена вся суть передаваемого факта, события, явления. Подобная исключительность знака особенно видна в высказываниях, описывающих саму рефлексию, сам процесс выбора номинации: *По-моему, есть только* ***одно слово****, которое может описать этот сериал –* ***УЖАС****!* (Национальный корпус русского языка; далее – НКРЯ); *В «ночной» я говорю о том, что, когда оглядываюсь назад, когда оцениваю всю прошедшую жизнь, в голову мне чаще всего приходит* ***одно слово – «крах»*** (НКРЯ).

Однако чаще «одно слово» употребляется в метаязыковых высказываниях, в которых отражается уже результат рефлексии по поводу выбора знака. Сама метаязыковая рефлексия при этом остается «за кадром». Положительную оценку может получать как семиозис, связанный с обозначением наблюдаемых фрагментов действительности: *Ну у вас и вид с этими мешками…* ***Одно слово, бомжи!*** *Милиционер, наверное, подумал то же самое* (НКРЯ); *Даже под тулупом видно: такая грудь – на троих бы хватило.* ***Одно слово – кровь с молоком*** (НКРЯ), так и выбор средств для передачи сложных понятий, отношений, связанных с трансляцией социальных и культурных реалий: *Для нас пришло прекрасное время новых впечатлений, надежд.* ***Одно слово –***

молодость… (НКРЯ); *И вдруг все всколыхнулось.* ***Россия, одно слово*** (НКРЯ).

Метаоператор «одно название» вводится в текст для констатации несоответствия избранных языковых средств обозначенной ими экстралингвистической действительности. Метаоператор указывает на фактическое отсутствие предмета, признака или свойства, к которым отсылает выбранное слово: ***Кирпичного завода****, по сути, не было,* ***одно название*** (НКРЯ); *… Нет тут* ***власти*** *никакой,* ***одно название*** (НКРЯ).

Зачастую в метаязыковых высказываниях с метаоператором «одно название» отмечаются причины выявленного несоответствия между знаком и денотатом. Во-первых, указанное несоответствие может объясняться фактором времени, под действием которого происходят изменения (трансформация) денотата, а изначальная связь между знаком и реальностью теряется: *Здание строилось так долго, что к его открытию от легендарной* ***труппы осталось одно название*** (НКРЯ); *Они же несли и гарнизонную службу в* ***крепости****, от которой, впрочем,* ***осталось одно название*** (НКРЯ).

Во-вторых, негативная оценка соответствия знака и денотата может каузироваться отсутствием у обозначаемого фрагмента внеязыковой действительности объективных признаков, позволяющих обозначить его соответствующим словом: *Сама* ***лестница – одно название****,* ***несколько перекладин, ни площадок, ни перил*** (НКРЯ); *Тринадцатого декабря решетовцам пришлось схватиться с немцами в жестоком бою у деревни Шевелево.* ***Деревня – одно название: всего-то несколько домов***… (НКРЯ).

В-третьих, факт несоответствия избранной номинации внеязыковым реалиям в отдельных случаях эксплицируется нарушением социальных, национально-культурных или вовсе субъективных представлений о свойствах объекта, обозначаемого определенным знаком. Иными словами, импликационал знака вступает в противоречие с

характеристиками объекта, что влияет на негативную метаязыковую оценку. Так, в приведенных ниже примерах в качестве причин денотативного несоответствия при употреблении слов «зарплата» и «господа» выступают представления о «достойном» размере заработной платы и представления об образе жизни и поведенческих привычках господ: *МИНИМАЛЬНАЯ зарплата с 1 января увеличена до 200 руб.* ***Зарплата эта – одно название. На самом деле от ее повышения ни жарко ни холодно*** (НКРЯ)*; Где это они?* ***Одно название, что господа… Нонче наш-то моду выдумал: сам дрова колет!..*** (НКРЯ).

Подводя итоги исследования, отметим, что метаоператоры «одно слово» и «одно название», несмотря на семантическую близость образующих их компонентов, выполняют в метаязыковом плане противоположные функции. Оба метаоператора отражают результаты метаязыковой рефлексии говорящего, но дают разную оценку соответствия выбранного знака экстралингвистической реальности. Если метаоператор «одно слово» манифестирует полное соответствие избранной номинации обозначенному ею фрагменту внеязыковой действительности, то метаоператор «одно название», наоборот, свидетельствует о несоответствии (неполном соответствии) знака денотату.

Сам по себе интересен также тот факт, что в конкордансе употреблений названных метаоператоров нами не обнаружены случаи их функциональной субституции. Иными словами, их функции четко разграничены: один метаоператор не способен взять на себя роль другого. Позволим себе высказать предположение о том, что указанная функциональная дифференциация обусловлена влиянием культурных императивов, опредмеченных в языковой материи. Изучаемые метаоператоры ориентированы на разные культурные представления о сущности знака. Так, в метаоператоре «одно слово» зафиксированы фидеистические представления о сущности слова-знака, согласно

которым слово и обозначаемый предмет обладают единой природой и неразрывно связаны между собой. В метаоператоре «одно название», напротив, проявляется взгляд на знак как на оболочку, оторванную от означаемого, а потому знак потенциально способен на «семиотический произвол» и денотативное несоответствие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова-Бегларян Н.В. *Так сказать* – рождение прагматического маркера (об активных процессах в русской устной речи) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. научных статей. М.: Флинта, 2021. С. 73–85.
2. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: «Прогресс», 1978. С. 402–424.
3. Викторова Е.Ю. Прагматическая полифункциональность дискурсивных слов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. № 2. С. 18–22.
4. Кравченко М.А. *Если угодно*: филологический этюд к портрету метаоператора (на материале национального корпуса русского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2023. Вып. 9. № 4. С. 57–67.
5. Кравченко М.А. Семантика и прагматика метаоператора «дословно» // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков в свете современных тенденций: материалы VII международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: РГЭУ РИНХ, 2024. С. 37–42.
6. Подлесская В.И. *Скажем так*: дискурсивные маркеры, восходящие к глаголам речи в русском языке // Вопросы языкознания, 2024. № 2. С. 52–82.
7. Розина Р.И. *Так называемый*: семантика вводных метаязыковых оборотов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2009». М.: РГГУ, 2009. Вып.8 (15). С. 426–431.
8. Шилихина К.М. *Собственно говоря, строго говоря, в сущности*: метакоммуникативные маркеры в устном и письменном медиадискурсе // Журналистика в 2019 году: Творчество, профессия, индустрия. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. С. 487–489.
9. Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.

КУДРЯВЦЕВА Ирина Петровна *(Москва, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
ikudriavtseva@bk.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СО ЗНАЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ

Аннотация. Рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ) современного английского языка, передающие значение времени и не включающие в свой состав субстантивные компоненты, обозначающие время. Данная статья представляет развитие темы диссертационного исследования автора «Фразеологические единицы современного английского языка с компонентом, обозначающим время: time, hour, minute, moment, second» [1], а также может использоваться как подготовка материала для «Идеографического словаря фразеологических единиц английского языка со значением времени». Отобранный материал представлен в виде фразеосемантических групп с учетом структурных характеристик и синонимическо-антонимических связей.

Ключевые слова: фразеологическое значение, фразеологическая единица, время, длительность.

Abstract. The article considers English phraseological units with the meaning of time and without substantive components denoting time. This article presents the development of the author's thesis research "Phraseological units of modern English with a component denoting time: time, hour, minute, moment, second", as well as the preparation of material for the "Ideographic dictionary of English phraseological units denoting time". The selected material is presented in the form of phraseosemantic groups, taking into account structural characteristics and synonymic-antonymic relations.

Keywords: phraseological meaning, phraseological unit, time, duration.

Автор данной статьи придерживается метода фразеологической идентификации профессора А.В. Кунина, предполагающего широкую трактовку понятия фразеологической единицы [2]. Материал исследования отбирался во фразеологических словарях английского языка методом сплошной выборки и семантического анализа фразеологического значения [3; 14; 16]. Отобранный материал представлен в виде фразеосемантических групп с учетом структурных характеристик и синонимическо-антонимических связей. Перевод в основном дается по англо-русскому фразеологическому словарю [3]. Этимологические комментарии делаются на основе перечисленных в литературе источников. Словарные пометки типа амер. (американизм, тж.

AmE = American English), жарг. (жаргонное выражение, тж. Slang), книжн. (книжное выражение), разг. (разговорное выражение), ср. (сравним), уст. (устаревшее выражение, тж. Old-fashioned), шотл. (шотландский), шутл. (шутливое выражение), этим. (этимология) даются в принятой сокращенной форме.

Наиболее многочисленная фразеосемантическая группа (более пятидесяти единиц) отражает *отношения во времени*. А именно: *начало или конец, одновременность, своевременность, несвоевременность***.** Рассмотрим подробнее.

Начало или конец обозначают адвербиальные ФЕ: *back to the drawing-board* – ‘разг. Все начинается *сначала’***,** этим. «from design and engineering, to get back to a project on a drawing-board for revision, corrections or a fresh start» [23]; *from the get-go* – ‘амер. С самого *начала’*;

субстантивные ФЕ: *the beginning of the end* – ‘начало *конца’*; *In this generation, the children understand Navajo but don’t speak it, and that’s the beginning of the end* [14: 23]; *the fag end of sth* – ‘самый *конец’*; *I was sitting at my desk in* the fag end of the afternoon*, and not working very hard* [14: 112]; the last grasp/the last lap – *‘конец* долгого процесса или периода времени’; *We climbed into the little jolting local train for* ***the last lap*** *of our journey* [14: 201];

глагольные ФЕ *to go out in a blaze of glory* – ‘завершить работу или выступление удачно, вызывая восхищение’ (ср. Уйти красиво); *In a film like this you just know the young pilot is going to lead a raid on the bridge, crash his plane, and* ***go out in a blaze of glory*** [14: 29];

адвербиальные ФЕ: *in the long run* – ‘в *конце* концов’, этим. «from long distance racing when participants conserve energy for finish stages of the race» [23]; *I do hope, sir, you will give this woman up. She can do you no good* ***in the long run*** [8: 13].

Одновременность описывается адвербиальными ФЕ*: all at once* – ‘1) вдруг, сразу, неожиданно; 2) одновременно, в одно и то же время’; *He looked startled, suspicious, wary and sullen,* ***all at once*** [18].

Своевременность, пунктуальность описывают адвербиальные ФЕ: *(right) on the button* – ‘амер. Жарг. Точно, пунктуально, минута в минуту’; *I caught Kearns* ***right on the button*** *and sent him straight up a good six inches before he swayed against the corner of Wolfe’s desk* [22]; *on the dot* – ‘разг. Точно, пунктуально, минута в минуту (тж. On the dot of seven, eight, etc)’; *He arrived* ***on the dot of seven*** *looking very handsome in his new suit* [14: 92]; *on the nose* – ‘вовремя, минута в минуту’; *When I get a hunch I play it* ***on the nose*** [6].

Противоположное значение *несвоевременности, когда уже почти поздно,* передают следующие единицы: *be nip and tuck* – ‘амер. В последний момент, почти опоздать’; *It was* ***nip and tuck****, but we got to the airport just before take off time* [14: 244]; *cut it fine / cut it close* – ‘рассчитать в обрез, свести к минимуму (о времени)’; *I wasn’t late, but* ***was cutting it a little fine****, and Alan was already in the office by the time I arrived* [14: 77]; *under the wire* (тж. Get in under the wire) – ‘амер. Разг. В последнюю минуту’, этим. «possibly from horse racing, a winner should cross the finish line under the strung wire to mark the end of the race» [23]; *They extended the competition for two days so we could raise more money, and we got it in just* ***under the wire*** [14: 387].

Следующая многочисленная фразеосемантическая группа со значением *короткой продолжительности* насчитывает около сорока единиц. Короткая продолжительность представлена значительным количеством адвербиальных фразеологических единиц, начинающихся с предлога: *at one (fell) swoop / at a swoop* – ‘одним ударом, одним махом, в один момент, сразу’, этим. «comes from a line in Shakespeare’s play “Macbeth”» [14]; *at/on short notice* – ‘в короткий срок, за короткий промежуток времени, незамедлительно, тотчас же’; *I ran into various*

difficulties, including resistance to summons ***on such short notice*** *with which I was in complete sympathy*» [17]; «*before* you can / could say Jack Robinson – ‘разг. Немедленно’, этим. «from 18th cent, Jack Robinson is considered a common English name which is easy to pronounce» [12]; *in a flash* – ‘сразу, моментально, в один миг (ср. В мгновение ока)’; *I knew now what I was going to do. It had come* ***in a flash*** [8]; *in a jiffy* – ‘разг. Одним духом, моментально, в один миг, мигом’, этим. ‘jiffy is supposed to mean «lightning» in early slang’ [12]; *in the short order* – ‘немедленно, тотчас же, незамедлительно, без промедления’, этим. «from English law» [12]; *on the spot* – ‘немедленно, сразу же’; *The car looked OK, so he bought it* ***on the spot*** [14: 322].

Фразеосемантическая группа со значением *повторяемости* насчитывает около двадцати единиц и обозначает *постоянство, непрерывность, регулярность.* В группу входят адвербиальные ФЕ: *again and again* – ‘снова и снова, то и дело’; *Before he did a job, she coached him, going over every detail with him* ***again and again*** [10]; *all along* – ‘разг. Все время, с самого начала, всегда’; *I ask Miss Lasher because she knew* ***all along*** *that I was lying* [19]; *all over again* – ‘снова, еще раз, заново, с начала до конца’; *They had reviewed his whole life, from birth to date,* ***all over again*** *but with an entirely different approach* [17]; ***a****ll the way down the line / right down the line / all along the line* – ‘от начала до конца, целиком и полностью’; *Whatever Annie and I have done in our lives, we’ve competed with each other* ***right down the line*** [14: 212]; *for good (and all)* – ‘навсегда, раз и навсегда, окончательно’; *The sound of its motor died, and with it blonde Agnes wiped herself off the slate* ***for good****, so far as I was concerned* [4]; till (until) kingdom comes – ‘разг. Всегда’, этим. «from the Lord’s Prayer» [16].

ФЕ библейской этимологии *world without end* – ‘бесконечно, всегда, вечно, на веки вечные’, этим. «библ. In saecula saeculorum» [15].

Отметим, что выразительной в данном ряду является ФЕ *for keeps*, обозначающая что-то постоянное, приобретенное раз и навсегда,

например, в результате выигрыша. ФЕ *for keeps u for good* являются синонимами. Используются для обозначения владения чем-то на долгосрочной основе. Также обозначает длительность родственных отношений. Приведем несколько контекстов употребления: *I am sorry, but you are stuck with me. As my husband you have me* ***for keeps****. I know it's a hideous table, but it's also a family heirloom, so we've got it* ***for keeps*** [13].

К этой же группе повторяемости относим синонимичные адвербиальные ФЕ со значением *нерегулярности: by/in fits and starts* – 'урывками, нерегулярно, неравномерно', этим. «from late 1500s, «fit» meaning «seizure»» [15]; *ever and anon* – 'книжн. Время от времени, по временам', этим. «anon – late old English straightway, forthwith» [15]; *every so often* – 'время от времени, иногда'; ***Every so often*** *we got a work from him* [7]; *off and on / on and off* – 'время от времени, иногда, изредка, с перерывами, нерегулярно' (синонимично ФЕ *now and then*); *I had known him* ***off and on*** *for the past four years* [7].

Фразеосемантическая группа, обозначающая *долгую продолжительность*, близка по значению фразеосемантической группе со значением регулярной повторяемости. Её представляют всего несколько ФЕ. Субстантивные и адвербиальные: *long haul* – 'сравнительно большой срок' (антоним short haul), этим. «from long-haul trucking» [23]; *So… I pulled out from Paradise Palms in the Buick for* ***a long haul*** *to California* [9]; *till (until) the cows come home* – 'разг. Бесконечно долго, до бесконечности, целую вечность' (ср. До второго пришествия); *You can argue* ***until the cows come home****. I won't change my mind* [14: 71]; *till (until) / when hell freezes (over)* – 'разг. «пока ад не замерзнет», то есть до бесконечности, до скончания века'; "*When are you going to apologize to Carl?", "When* ***hell freezes over***" [14: 168].

Еще одна группа фразеологических единиц описывает *шкалу времени*, то есть настоящее, прошлое и будущее (около сорока единиц). *Настоящее***,** настоящий момент, современность обозначают

адвербиальная и глагольные ФЕ: *to date (up to date)* – ‘до сих пор, до настоящего времени’; *I looked at the register again. It wasn’t* ***up to date*** *but the party on the couch seemed enough explanation for that* [5]; **k***eep up to date (smth)* (ант. Go out of date – устареть, выйти из моды) – ‘пополнять последними данными, не отставать от жизни’; *I* ***kept up to date*** *on it both by reading the newspapers and by making jaunts down to Homicide headquarters* [17].

Прошлое описывают субстантивные ФЕ: *a fly in amber* – ‘редкий, диковинный’, этим. «the image is of the fossilized bodies of insects which are often found in amber» [16]; *a tale that is told* – ‘нечто эфемерное, проходящее, дела давно минувшие’, этим. «библ. Psalms XC, IX» [3];

адъективные ФЕ: *dead and buried (dead and gone)* – ‘давно прошедший, дело прошлое’, этим. «библ. Умер и погребен» [3]; *knee-high to a grasshopper* – ‘крошечный, маленький, когда пешком под стол ходил’; *On the pumpkin-like head was the kind of hat the cloak-and-dagger boys used to wear when I was* ***knee-high to a grasshopper*** [11];

адвербиальные ФЕ: *all over* – ‘в прошлом’; *Win, lose or draw, they’d crucify her. And when it was* ***all over*** *it wouldn’t make a damn bit of difference…*[5]; *before (or since) the rinderpest* – ‘давным-давно’, этим. «rinderpest (чума рогатого скота) is a contagious disease of cattle, the 1896 epidemic in Africa gave rise to this expression» [16]; *of yore* – ‘книжн. Во время оно, давным-давно’, этим. «from the 12th cent., yore – time past, former times» [15];

глагольные ФЕ: *take a trip/walk/stroll down memory lane* – ‘проводить время, вспоминая прошлое’; ***Take a trip down memory lane*** *at the reunion of the class of ’68 at the White Lion Hotel on August 14 th* [14: 361].

Будущее ближайшее или отдаленное описывают глагольная ФЕ *take a rain check (on sth)* – ‘амер. Перенести приглашение и т. п. на другой день, в том числе в качестве вежливого отказа’, этим. «a rain check is a ticket given to spectators at US sporting events enabling them to claim a refund

of their entrance money or gain admission on another occasion if the event is cancelled because of rain» [16]; *“Care for a drink?” “I’ll* ***take a rain check on*** *it”* [14: 280];

адвербиальные ФЕ: *at hand (close/near at hand)* – ‘вскоре (ср. Не за горами, на носу)’; *Mrs. Poor, who was rapidly becoming Martha to me, tried to horn in, but bigger and louder people than her had failed at that when orchid time was* ***at hand*** [20]; *down the line/road* (also further down the line/road; somewhere along the line) – ‘в будущем’ (синон. Down the track); *Maybe ten years* ***down the road*** *we’ll have enough money to move to somewhere warm* [14: 213]; *in the short run/term* – ‘в ближайшее время, в ближайшем будущем’ (ср. In the long run/term); *It is by no means certain that better schooling would,* ***in the short term,*** *produce a new generation of entrepreneurs in Nigeria, but over a long period of time it would have enormous benefits* [14: 292].

Следующая, средняя по наполняемости (около двадцати единиц), фразеосемантическая группа обозначает *отрезок времени***,** который может быть определен действием, бездействием или состоянием. Сюда входит субстантивная ФЕ *a point of no return* – **‘**момент, с которого возвращение назад невозможно’ (ср. все пути отрезаны) [этим. Из авиации, о нехватке горючего на обратный путь [3]]. Целый ряд глагольных фразеологических единиц обозначает бездействие, пустую трату времени, топтание на месте: *back and fill* – ‘мешкать, топтаться на месте’; *bark/bay at the moon* – ‘тратить время попусту’; *be preaching to the converted* (AmE be preaching to the choir) – ‘учить ученого, зря тратить время и усилия’; *drag your feet/heels* – ‘тянуть время, делать с неохотой’; *kick your heels* (AmE cool your heels)» – ‘томиться в ожидании’; *Ben’s plane had not come in. I guessed he was probably still* ***kicking his heels*** *in a Spanish airport* [14: 166].

Исследуемый материал завершается немногочисленной группой, которая *субъективно* описывает *время* как хорошее, плохое, трудное или

затянувшееся. ФЕ со значением приятного, хорошего времени: *be living large* – ‘жить на широкую ногу в свое удовольствие’*;* ***I’m living large and enjoying every minute of it*** [14: 216]; *get away from it all* – ‘скрыться от суеты, сменить обстановку, проводить время отдыхая’; *When we want to relax and* ***get away from it all****, we go to the mountains* [14: 135]. ФЕ со значение неприятного, сложного периода в жизни: *go through a bad/difficult/sticky patch* (also hit a bad/difficult/sticky patch – ‘попасть в полосу неудач, переживать трудное время’; *It may be difficult to persuade your bank manager to help you* ***through a sticky patch*** [14: 258]; **a** *rough/bumpy ride* – ‘сложный период, мучительный опыт’; *Investors face* ***a bumpy ride*** *as the market continues to react to political developments* [14: 285]; *a watched pot never boils* – ‘посл. Кто над чайником стоит, у того он не кипит; когда ждешь, время тянется медленно’; *There is no point in checking the post so often –* ***a watched pot****, and all that* [14: 270].

Итак, больше всего ФЕ (около сорока) обозначают короткую длительность. Многочисленная фразеосемантическая группа составом (около пятидесяти единиц) обозначает различные отношения во времени (вовремя, поздно, почти поздно). Всего было выделено семь фразеосемантических групп: 1) отношения во времени (начало/конец «back to the drawing-board»/«the last grasp»; своевременность «on the dot»; одновременность «all at once»; почти поздно «cut it fine»); 2) благоприятное время «wait in the wings»; 3) короткая длительность, мгновенность «like winking»; 4) повторяемость (постоянно, «again and again»; иногда «every so often»; никогда «when the sea gives up its dead»); 5) долгая продолжительность «since Adam was a boy»; 6) шкала времени (настоящее «live in the present»; прошлое «a tale that is told»; будущее «down the line/road»); 7) определенный отрезок времени (ожидание или пустая трата времени «bark/bay at the moon»; 8) субъективно оцениваемое время (приятное «have a ball»; неприятное «a rough/bumpy ride»).

ЛИТЕРАТУРА
1. Кудрявцева И.П. Фразеологические единицы современного английского языка с компонентом, обозначающим время: time, hour, minute, moment, second: дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 178 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. Иностр. Яз. 2-е изд., перераб. М.: Высш.шк., Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
3. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Живой яз., 1998. 944 с.
4. Chandler R. «The Big Sleep», Aegtus, 2020. 177 p.
5. Chandler R. «The Little Sister», Vintage Crime, 1998. 256 p.
6. Chase J.H. «Blondes Requiem», Gallimard, 1969. 180 p.
7. Chase J.H. «A Coffin from Hong Kong», Panther Books, Granada, 1962. 155 p.
8. Chase J.H. «Eve», Panther, 1969. 134 p.
9. Chase J.H. «I'll Get You for This», Jarrolds Ltd, 1946. 241 p.
10. Chase J.H. «No Orchids for Miss Blandish», Panther, 1961. 138 p.
11. Chase J.H. «You Never Know with Women», Harlequin, 1976. 256 p.
12. English Language and Usage. URL: https://www.englishstackexchange.com (дата обращения 12.10.2024).
13. The Free Dictionary by Farlex. URL.: https://idioms.thefreedictionary.com (дата обращения 12.10.2024).
14. Longman Idioms Dictionary. Pearson Education, England, 2000. 398 p.
15. Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com (дата обращения 12.10.2024).
16. Oxford Dictionary of Idioms. Oxford University Press, 4th ed., edited by John Ayto, 2020. 429 p.
17. Stout R. «And Be a Villain», Crimeline, 1994. 228 p.
18. Stout R. «The Black Mountain», Crimeline, 1997. 213 p.
19. Stout R. «Black Orchids», Crimeline, 1992. 209 p.
20. Stout R. «Instead of Evidence», The American Magazine, 1946. 74 p.
21. Stout R. «Might as Well Be Dead», Crimeline, 1992. 226 p.
22. Stout R. «Three at Wolfe's Door», Crimeline, 1995. 240 p.
23. The Village Idiom/ URL: https://www.thevillageidiom.org (дата обращения 12.10.2024).

КУЗНЕЦОВА Екатерина Александровна *(Владимир, Россия)*

кандидат филологических наук
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
e.a.kuznetsova@list.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРЕИМЕНОВАНИЯХ В ОЙКОНИМИИ (на материале Владимирской области)

Аннотация. В статье рассматриваются случаи переименования населенных пунктов во Владимирской области. Выделяются основные причины переименования: административные изменения, политический фактор (использование топонимии как идеологического средства), неблагозвучие исконных названий. Подробно рассмотрены новые ойконимы, заменившие неблагозвучные названия, выделены их семантические особенности.

Ключевые слова: ономастика, топонимия, топоним, ойконимия, ойконим, переименования, Владимирская область.

Abstract. The article examines cases of renaming settlements in the Vladimir region. The main reasons for renaming are highlighted: administrative changes, political factors (using toponymy as an ideological tool), and the cacophony of original names. New oikonyms that replaced cacophonous names are examined in detail, and their semantic features are highlighted.
Keywords: onomastics, toponymy, toponym, oikonymy, oikonym, renaming, Vladimir region.

Известный исследователь топонимии Владимирской области В.В. Носкова писала: «Любая топонимическая система включает в себя разновременные и разноязычные названия» [2: 147]. Ойконимия Владимирской области, то есть совокупность названий населенных пунктов (деревень, сел, поселков, станций, городов) региона, формировалась не одно столетие, в связи с чем испытывала влияние различных исторических факторов. К числу таких факторов следует отнести активное переименование населенных пунктов, которое наблюдалось в период существования Советского Союза. Под переименованием в ономастике (науке о собственных именах) понимается «замена данного имени объекта другим», ср., напр.: *Нижний Новгород – Горький, ул. Тверская – ул. Горького* [3: 110]. Вопрос о переименованиях в топонимии вообще (сюда относится, например, переименование улиц) и в ойконимии в частности (переименование населённых пунктов) до сих пор остаётся достаточно спорным. Чаще всего новое название, заменяя по тем или иным причинам старое, уже не сохраняет информацию о географических, исторических, социальных и культурных реалиях местности.

Отечественный ономаст А.В. Суперанская в книге «Что такое топонимика?» рассуждала: «Что происходит с человеком, если он меняет имя и фамилию? Казалось бы, он остается тем же самым, однако вместе со старым именем уходит в прошлое знакомый образ, а новое имя связывается с новым периодом в его жизни» [4: 143]. Сопоставляя смену человеком имени или фамилии с переименованием в топонимии, исследователь указывала: «Нечто подобное происходит и при изменении

названий географических объектов. Вместе со старым названием уходит в прошлое информация, связанная с объектом и закрепленная в его названии. А поскольку топоним всегда продукт своей эпохи, то перемена названия создает иллюзию, что перед нами новостройка, а не город с многовековой историей» [4: 144].

Причины переименования в ойконимии могут быть разные. А.В. Суперанская называет две основные причины. Во-первых, это бывает удобно или даже необходимо, когда изменяется административный статус объекта [4: 144]. Этим во многом объясняется появление большого количества так называемых «красных» названий на месте бывших поселений при заводах и фабриках. Так, например, населенный пункт на месте современного поселка *Красное Эхо* в Гусь-Хрустальном районе в самом начале XX в. Назывался *Ново-Дмитровский завод* – по предприятию, которое здесь существовало. Поселок *Красный Богатырь* в Судогодском районе в XIX – первой четверти XX в. Имел название *Александровский стекольный завод*, поскольку производство и поселение при нем образовывали одно целое. В Ковровском районе когда-то существовало поселение, которое в статистических справочниках значилось под названием *Нечаевский завод*, впоследствии поселок получил название *Красный Маяк*. В Ковровском районе располагался также *поселок при Вознесенском хрустальном заводе*, который после установления советской власти был переименован в *Красный Октябрь.*

Как мы видим, кроме административной причины (изменение статуса поселения) на появление названий в указанных примерах оказал влияние также фактор использования топонимии как средства политической пропаганды. Это относится ко многим названиям, которые появились во времена СССР. Качественное прилагательное *Красный*, которое вошло в состав названий множества населенных пунктов по всей стране, отражало, по мысли властей, революционный подвиг народа,

но вовсе не сохраняло в памяти потомков историю самих поселений, получивших это название, ср. напр.: поселок *Красное Пламя* в Александровском районе (ранее *Ермолка*), поселок *Краснознаменский* в Камешковском районе (ранее *Великово*). Некоторые названия во Владимирской области не были образованы под влиянием идеологии новой власти, а лишь получили в свой состав прилагательное *Красный*, ср., напр.: поселок *Красная Горбатка* (ранее деревня *Горбатово*).

Идеологическими причинами обусловлены также переименования, в результате которых в основу названия были положены имена или фамилии известных революционных деятелей. Во Владимирской области подобному переименованию подверглось село Ундол, ныне – город Лакинск. Именем местного большевика Михаила Лакина сначала была названа ткацкая фабрика, впоследствии ойконим долгое время существовал в форме Лакинский (так назывался рабочий посёлок), а затем получил современный вид – Лакинск.

Еще одной причиной переименования может быть не вполне благозвучное исходное название. А.В. Суперанская так писала об этом: «Иногда топонимы, веками удовлетворявшие всех, вдруг начинают казаться неподходящими с эстетической точки зрения» [4: 146.]. Так, в середине 1960-х гг. согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР «О переименовании некоторых населенных пунктов Владимирской области», были переименованы многие сельские поселения региона. Остановимся на этих ойконимах более подробно.

Некоторые населенные пункты, подвергшиеся эстетическому переименованию, получили названия получили названия, обусловленные советской идеологией. При этом ойконимом могла стать традиционная для советской топонимии номинация, ср., напр.: деревня *Красный Луч* (ранее деревня *Лачуги*), поселок *Красный Маяк* (ранее деревня *Нечаево*), село *Красное Заречье* (ранее деревня *Кобелиха*), деревня *Октябрьская* (ранее деревня *Холуй*), поселок *Октябрьский* (ранее деревня *Лосево*).

Кроме того, в качестве нового названия могли использоваться такие слова или сочетания слов, которые отражали идеологически окрашенное восприятие действительности, ср., напр.: деревня *Приволье* (ранее деревня *Объедово*), деревня *Рассвет* (ранее деревня *Огрызково*), деревня *Ясные Зори* (ранее деревня *Сварухи*).

Некоторые переименования в ойконимии Владимирской области не предполагали появления нового идеологического названия, а лишь заменяли неблагозвучный, по мысли властей, ойконим более нейтральным. В этой группе переименований можно выделить следующие подгруппы:

1. Часть названий были даны по соотношению с другим географическим объектом, ср., напр.: деревня *Берёзовая Роща* (ранее деревня *Блудово*), деревня *Заболотье* (ранее деревня *Гришки*), деревня *Залесье* (ранее деревня *Акулиха*), деревня *Заполье* (ранее деревня *Мочалки*), село *Заречное* (ранее деревня *Перники*), деревня *Зелёные Пруды* (ранее деревня *Горелые Рылухи*), деревня *Крутые Горки* (ранее деревня *Голобоково*), деревня *Лесная* (ранее деревня *Тряпилово*), деревня *Лужки* (ранее деревня *Кошкинка*), деревня *Полевая* (ранее деревня *Клячино*), деревня *Прибрежная* (ранее деревня *Марьин Оселок*), деревня *Ручейки* (ранее село *Пьянцыно*).

2. Некоторые ойконимы были образованы от наименований флоры, что можно рассматривать как попытку дать название, характеризующее особенности ландшафта (зачастую условно), ср., напр.: деревня *Дубки* (ранее деревня *Погорелка*), деревня *Калинино* (ранее деревня *Кобылино*), деревня *Кленовка* (ранее деревня *Мироедово*), деревня *Липки* (ранее деревня *Разоприха*), деревня *Новоберёзово* (ранее деревня *Сидорова Саранча*), деревня *Рябиновка* (ранее деревня *Скалозубово*), деревня *Терновка* (ранее село *Вошня*), деревня *Цветково* (ранее деревня *Сопелькино*).

3. Имеются также ойкномы, которые образованы от названий животных, что демонстрирует попытку дать традиционные для нашей местности названия (ср. другие ойконимы, образованы от наименований животных), ср., напр.: деревня *Грачевка* (ранее деревня *Злыднево*), деревня *Пчелкино* (ранее деревня *Бараково-Саранча*), деревня *Скворцово* (ранее деревня *Рылово*), деревня *Шмелево* (ранее деревня *Кривоногово*).

Таким образом, становится ясно, что так называемых идеологических переименований во Владимирской области сравнительно немного. Большую часть составляют переименования, связанные с неблагозвучием старых названий. При этом вопрос об эстетических переименованиях является достаточно дискуссионным, поскольку представления о так называемом неблагозвучии могут быть весьма относительными. Отметим также, что некоторые решения о переименовании в ойконимии Владимирской области были вполне рациональными, ср., напр.: *Лесной Бор* (бывший поселок *Химустановка*), *Подлесный* (бывший поселок *Смолоустановки*).

Размышляя о влиянии переименований советской эпохи на топонимическую систему нашей страны, М.В. Горбаневский и В.П. Нерознак в своей работе «Советский “новояз”» на географической карте» отмечают: «Практически каждое историческое наименование является интересным памятником языков, истории, культуры, географии, национального менталитета. Зачастую такие названия являются свидетельствами о прошлом, сопоставимыми по ценности с крупными архитектурными памятниками, произведениями народного фольклора или изобразительного искусства минувших эпох. Поэтому они также нуждаются и в сохранении, и в защите, а порой и в реставрации» [1: 5]. Вероятно, некоторые ойконимы Владимирской области, замененные новыми, можно было бы назвать неблагозвучными, но они сохраняли историю конкретной территории, аккумулировали сведения о

географических особенностях местности, социальном составе населения, его культуре, традициях и обычаях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбаневский М.В., Нерознак В.П. Советский «новояз» на географической карте: О штампах и стереотипах речевого мышления. М., 1991. 64 с.
2. Носкова В.В. Способы образования и основные структурные типы и модели владимирских топонимов // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы шестой международной научной конференции. Владимир: ВГПУ, 2005. С. 146–150.

3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.
4. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 177 с.

КУРАНОВА Татьяна Петровна *(Ярославль, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского
kuranova.mk-28@mail.ru

ПАВЛОВА Ксения Олеговна *(Ярославль, Россия)*

студент
Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЗАГОЛОВКАХ РОССИЙСКИХ СМИ

Аннотация. В статье анализируются контекстуальные трансформации фразеологических единиц в заголовках прессы. Особое внимание уделяется таким способам преобразований устойчивых сочетаний, как замена и перестановка компонентов, расширение структуры, эллипсис. Приведенные примеры позволили продемонстрировать, как различные типы фразеологических модификаций способствуют более яркому и запоминающемуся представлению информации в заголовках современных СМИ. В ходе исследования установлена роль фразеологических инноваций в обогащении журналистского языка, их воздействие на выразительность и привлекательность для аудитории.

Ключевые слова: печатные СМИ, газетный заголовок, способы трансформации ФЕ, замена и перестановка компонентов ФЕ, расширение структуры фразеологизма, эллипсис.

Abstract. The article analyzes the contextual transformations of phraseological units in the headlines of the press. Special attention is paid to such methods of transformation of stable combinations as replacement and rearrangement of components, expansion of structure, ellipsis. The examples provided made it possible to demonstrate how different types of phraseological modifications contribute to a more vivid and memorable presentation of information in the headlines of modern media. The study established the role of phraseological innovations in enriching the journalistic language, their impact on expressiveness and attractiveness to the audience.

Keywords: print media, newspaper headline, ways of transformation of FE, replacement and rearrangement of FE components, expansion of phraseological unit structure, ellipsis.

Настоящая статья посвящена трансформации фразеологических единиц в заголовках прессы. Выбор газетных заголовков в качестве объекта исследования обусловлен их особой коммуникативной функцией – привлечением внимания читателя и лаконичным выражением сути новостных событий.

Материалом для исследования послужили заголовки периодических изданий «Аргументы и факты», «Известия», «Коммерсант», «Совершенно секретно». Всего было собрано и проанализировано 50 фразеологических единиц.

Сбор эмпирического материала осуществлялся методом сплошной выборки, обеспечивающим репрезентативность данных. Анализ фразеологических единиц включал в себя описание способов их трансформации и определение частотности употребления различных видов преобразованных фразеологизмов в языке прессы.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что самым частотным типом трансформации фразеологических единиц в анализируемых изданиях является **замена компонентов**.

В газетном заголовке фразеологизм *«без вины виноватые»* был трансформирован в *Без воды виноватые* [АиФ, № 49, 04.12.2024]. В исходном выражении, означающем ‘обвинен напрасно’ (иноск.) [3], произошла замена компонентов «вины» на «воды», которая создала игру слов, привязав фразу к контексту проблем с водоснабжением. Трансформация сохранила структуру и общее значение несправедливости, но направила его на конкретную ситуацию: люди оказались «виноватыми» (то есть испытывающими проблемы), не имея доступа к воде, но не являясь причиной этих проблем.

Замене также подверглось выражение *«голод – не тетка».* Трансформируя известный фразеологизм, автор не изменяет основной

семы оборота: *Холод – не тетка* [АиФ, № 51, 18.12.2024] – это все также указание на суровость и отсутствие снисходительности в отношении определённой ситуации [2], но при этом сместился акцент на последствия зимней непогоды. Замена «голода» на «холод» позволила придать выражению актуальность в контексте обсуждаемой проблемы, создав таким образом образную аналогию и эмоциональное воздействие на читателя.

В выражении *350 по лавкам* [АиФ, 20.12.2024] наблюдается замена компонента в устойчивом сочетании *семеро по лавкам*. Исходный фразеологизм, означающий ‘большую семью, часто с детьми’ [5], был трансформирован, что привело к усилению эффекта многочисленности, создавая гиперболическое представление о количестве животных – обитателей приюта для животных из Курской области и придавая заголовку экспрессивный характер. При этом сохраняется общая образность и отсылка к исходному фразеологизму, что делает заголовок запоминающимся и привлекающим внимание читателя.

Фразеологизм *руки в боки* подвергся фонетической трансформации (замене звуков) и превратился в *Руки в боги* [Коммерсант, № 239, 25.12.2024]. Исходное выражение, означающее ‘выражение гордости, спеси, высокомерия (опираясь кистями рук в бока)’ (прост. Ирон.) [5], было трансформировано, что создало каламбурный эффект и отсылку к скульптурам античных богов, на которые смотрел Владимир Путин в Эрмитаже. Замена «боки» на «боги» изменила значение фразеологизма, придав ему ироничный оттенок, подчеркнув контраст между реальной позой и высоким статусом богов, а также связь с контекстом посещения музея президентом.

Маск всему голова [Коммерсант, № 239, 25.12.2024] – в статье о недовольстве европейцев влиянием Илона Маска на их политику обыгрывается выражение *хлеб всему голова*. При трансформации путем замены компонента сохранились структура и общий посыл

фразеологизма – ‘указание на первостепенную важность чего-либо’, но был перенесен акцент на конкретную личность – Илона Маска. Данная модификация придала фразеологизму ироничный и сатирический оттенок, отражая недовольство европейцев и подчёркивая значимость Илона Маска в их глазах, но с негативной коннотацией.

Как карта спляшет [Коммерсант, № 100, 10.06.2024] – результат трансформации известного фразеологизма *как карта ляжет.* Преобразование исходного выражения, которое означало ‘как получится, смотря по обстоятельствам’ (разг.) [4: 278], произошло за счет замены глагола *ляжет* на *спляшет*. Это сохранило общий смысл неопределённости и зависимости от случая, но добавило к нему динамичный, театральный оттенок. Данная замена создала ассоциацию с танцем, сценой и представлением, что напрямую связано с балетной постановкой «Пиковая дама».

В газетном заголовке фразеологизм *«заоблачные перспективы»* подвергся лексической трансформации и превратился в *Заяблочные перспективы* [Коммерсант, № 97, 05.06.2024]. Исходное выражение, означающее ‘очень высокие, невероятные возможности или планы’, было преобразовано, в результате чего фраза сохранила общий смысл, связанный с большими возможностями, но приобрела конкретный ироничный контекст, связанный с яблоками – темой разговора президента с министром сельского хозяйства. Замена «заоблачных» на «заяблочные» создала каламбурный эффект, а также приземлила высокие, «заоблачные» планы до уровня конкретной сельскохозяйственной продукции.

В газетном заголовке фразеологизм *как песок сквозь пальцы* подвергся фонетической трансформации и превратился в *Как песо сквозь пальцы* [АиФ, № 46, 15.11.2023]. Исходное выражение, означающее ‘что-то, что легко и быстро теряется, утекает’, было преобразовано, в результате чего общий смысл «легко уходящего» сохранился, но возник

конкретный экономический контекст, связанный с аргентинской валютой «песо». Замена «песка» на «песо» создала каламбурный эффект и чётко связала метафору с темой статьи о финансовой нестабильности Аргентины.

Фразеологизм *делу время, потехе час* лексически трансформировался, превратившись в *Дому время, ипотеке час* [Известия, 14.09.2023]. Исходное выражение, означающее, что ‘для каждого занятия есть своё подходящее время’ [2], было преобразовано путём замены слов «делу» на «дому», а «потехе» на «ипотеке». Ритмическая и синтаксическая структура фразеологизма сохранились, но смысл модификация изменила, придав ему конкретный экономический контекст, связанный с жилищными кредитами и покупкой дома. Такая замена создала каламбурный эффект и связала метафору с темой статьи о внезапном росте интереса к ипотеке после повышения ключевой ставки.

В попытке адаптировать сакральное к политическому произошло любопытное лингвистическое смещение: фразеологизм *наставить на путь истинный* трансформировался в *Наставить на путь ценностный* [Коммерсант, № 210, 14.11.2024]. Первоначальное выражение, предполагающее ‘воздействуя каким-либо образом, побуждать кого-либо изменить поведение в хорошую сторону, склонить к хорошему’ (книжн.) [5], уступило место конструкции, более созвучной государственным и социальным нарративам. Замена «истинного» на «ценностный» не просто меняет семантику, но и переносит акцент с духовных ориентиров на систему социальных, моральных и патриотических ценностей, принятых в обществе и в данном контексте продвигаемых через молодёжную политику. Трансформированный фразеологизм утрачивает свою универсальность и становится инструментом конкретной идеологии, направленной на формирование определённого мировоззрения у молодого поколения. Теперь это не путь к вневременной истине, а путь к

ценностям, определяемым семьёй и отечеством, что в контексте заголовка может звучать несколько директивно.

Единожды встретился такой способ трансформации, как *перестановка компонентов* в заголовке *Новый друг лучше старых двух* [Совершенно секретно, 01.08.2024]. Здесь исходный фразеологизм *старый друг лучше новых двух*, подчёркивающий ‘ценность давних отношений и проверенной дружбы’ [2], был трансформирован. Замена «старого друга» на «нового друга», а «новых двух» на «старых двух» полностью меняет смысл пословицы, выражая неприязнь к старым связям и подчёркивая предпочтение новых. В контексте газетного заголовка эта трансформация указывает на то, что Саудовская Аравия, угрожая распродажей европейских активов, демонстрирует, что новые связи и выгоды важнее старых партнёрских отношений с Евросоюзом. «Новый друг лучше двух старых» в данном контексте символизирует переход к новым союзникам и демонстрацию готовности пожертвовать старыми отношениями ради новых выгод, делая заголовок провокационным и подчёркивая резкое изменение отношений между Саудовской Аравией и Евросоюзом.

Менее распространенным приемом в прессе является *расширение фразеологизмов путем добавления новых компонентов.* Такой подход позволяет трансформировать привычные выражения, наполняя их новым семантическим содержанием и повышая интеллектуальный уровень статьи.

Так, выражение *Руки в б/у брюки* [АиФ, № 46, 12.11.2024] – структурно-семантическая трансформация оборота *руки в брюки*, которая означает ‘быть без дела; ничем себя не обременять’ [5], которая сохраняет основное значение фразеологизма, но за счет добавления новых элементов делает смысл заголовка более конкретным, позволяя читателю сразу понять, о чем пойдет речь в статье.

Материалы исследования показали ограниченное применение *эллипсиса (сокращения фразеологизма),* зафиксированного в одном из заголовков: *Свято место пусто* [Совершенно секретно, 20.02.2023], которое является переложением фразеологизма *свято место пусто не бывает* [2], означающего ‘неизбежное заполнение вакуума, любой пустующей ниши’. В заголовке фраза теряет этот общий смысл и приобретает контекстуальный: «свято место» теперь напрямую связано с Алжиром и его ролью на геополитической арене, а не с абстрактным положением дел. Таким образом, заголовок сфокусирован на неожиданности действий Алжира в контексте исторических отношений и взаимовыгодного сотрудничества с Россией. Возникает подозрение, что пустоту, образовавшуюся из-за отказа Алжира, «перехватила» другая сторона.

Проведённый анализ показывает, что публицисты при работе с фразеологическими единицами чаще всего прибегают к структурным и структурно-семантическим трансформациям. Эти преобразования затрагивают как внешнюю форму фразеологизма, так и его смысловое содержание. В частности, среди наиболее распространённых приёмов модификации ФЕ выделяется замена одного или нескольких компонентов в составе устойчивого выражения. Реже журналисты используют расширение состава фразеологизма, добавляя новые компоненты, что позволяет придать выражению новый, оригинальный оттенок, и приемы эллипсиса, предполагающие сокращение фразеологической единицы. Прием контаминации, когда два фразеологизма объединяются в один – не был отмечен. Кроме того, было зафиксировано использование приемов смешанной трансформации [1]. Таким образом, работа с фразеологизмами в публицистическом тексте характеризуется гибкостью и разнообразием, направленными на создание экспрессии и актуализацию смысла.

ЛИТЕРАТУРА
1. Куранова Т.П. Способы трансформации фразеологических единиц в современных газетных заголовках (на примере печатных изданий «Аргументы и факты», «Правда») // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. № 2 (33). С. 97–105.
2. Михельсон А.Д. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона / создан на основе 3-х томного издания. М.: Си ЭТС: Бука, 2008. (Библиотека справочников и словарей; Вып. № 2). URL: https://rus-michelson-tolk-old-dict.slovaronline.com (дата обращения: 06.03.2025).
3. Михельсон М.И. Большой толково-фразеологический словарь: в 3-х т.: 216 тыс. рус. слов, 44 тыс. иностранных слов. М.: ЭТС, 2004.
4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 784 с. URL: https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/ (дата обращения: 27.01.2025).
5. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Фёдоров. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с. URL: https://phraseology.academic.ru/ (дата обращения: 06.03.2025).

КУРАНОВА Татьяна Петровна *(Ярославль, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского
kuranova.mk-28@mail.ru

ЧЕРКАСОВА Мария Павловна *(Ярославль, Россия)*

студент
Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В ЗАГОЛОВКАХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Аннотация. В статье рассмотрены концепции метафоризации, позволяющие понять механизмы создания и восприятия метафорической образности в языке современных СМИ. В качестве языкового материала были использованы заголовки статей печатных изданий «Аргументы и факты», «Коммерсант», «Российская газета», «Комсомольская правда». Приведенные примеры позволили продемонстрировать, как различные типы метафор способствуют более яркому, эмоционально насыщенному и запоминающемуся представлению информации в заголовках современной прессы. Установлена роль метафоры в обогащении журналистского языка, ее воздействие на выразительность и привлекательность для аудитории.

Ключевые слова: метафора, концепции метафоризации, коннотативная концепция метафоры, дескриптивная концепция метафоры, печатные СМИ, газетный заголовок.

Abstract. The article discusses the concepts of metaphorization, which make it possible to understand the mechanisms of creating and perceiving metaphorical imagery in the language of modern media. The headlines of the articles published by “Arguments and Fakts”, “Kommersant”, “Rossiyskaya Gazeta”, and “Komsomolskaya Pravda” were used as language material. The examples provided made it possible to demonstrate how different types of metaphors contribute to a more vivid, emotionally intense and memorable presentation of information in the headlines of the modern press. The role of metaphor in

enriching journalistic language, its impact on expressiveness and attractiveness to the audience is established.
Keywords: metaphor, concepts of metaphorization, connotative concept of metaphor, descriptive concept of metaphor, print media, newspaper headline.

В статье рассматривается вопрос функционирования метафоры в языке современных СМИ. *Объектом исследования* являются заголовки печатных изданий, а *предметом исследования* – метафора и ее роль в формировании смысла и эффективности заголовков газет.

Материалом настоящего исследования послужили заголовки статей, опубликованных в изданиях «Аргументы и факты», «Коммерсант», «Российская газета», «Комсомольская правда» с 2019 по 2024 г. Общий объем языкового материала – 64 метафорические единицы.

Филолог В.П. Москвин в исследованиях русской лингвистической теории ставил вопрос о номинативной основе метафоры. В качестве производящей указывается два вида лексики – коннотированная и дескриптивная. Эти же виды и представляют собой метафорические концепции [3].

Коннотативная концепция метафоры имеет основой ассоциативное осложнение слова, которое происходит вследствие «обрастания» коннотациями – ассоциативно-оценочными признаками. Они могут иметь статус «потенциальных сем». Примечательно то, что данная концепция реализуется в культурах разных народов, религиях, философии и фольклоре. На основе метафорических ассоциаций возникли аллегорические персонажи, фольклорные герои, а в настоящее время они являют себя в русских народных пословицах и поговорках.

В издании «Аргументы и факты» встречаются статьи на схожую между собой тематику с заголовками ***Кошка-антистресс.*** *Могут ли домашние животные лечить от болезней и депрессии?* (АиФ, 2022, № 21) и ***Специалист на все лапы.*** *Как животные исцеляют психику* (АиФ, 2022, № 35). На этом языковом материале мы можем наблюдать

устоявшиеся ассоциации о возможном лечебном воздействии домашних животных, в особенности кошек. Метафоры *кошка-антистресс* и *специалист на все лапы* демонстрируют проявление ассоциативно-оценочных признаков. Данная лексика также имеет название *маркированная* [1: 346].

Далее рассмотрим *иконическую (дескриптивную) концепцию метафоры.* Дескриптивная, то есть описательная лексика, отражает мир в сенсорных образах. В таком случае метафорический перенос основан на сходстве материальной, визуальной характеристики: форме, размере, цвете, движениях и других аспектах изображаемого объекта, которые могут быть «пойманы» глазом и другими органами чувств. Большая часть метафор создана именно на основе дескриптивной лексики.

В издании «Коммерсант» опубликована статья под названием ***Нервная почва*** *огорода* (Коммерсант, 2019, № 21), а в газете «Аргументы и факты» – статья *Как* ***реанимировать*** *посадки, пострадавшие от заморозков?* (АиФ, 2023, № 66). В обоих случаях перед нами предстает антропоморфная метафора, выражающая чувственно-наглядный опыт, перенесенный в тексты публикаций.

Построение метафорической классификации В.П. Москвина основывается на пяти критериях: тематическом, семантическом, функциональном, структурном, контекстуальном [3]. Рассмотрим, как они реализуются в заголовках анализируемых изданий.

2. Тематический:

– антропоморфные *(Куда* ***шагают*** *новостройки?, Жизнь* ***шла*** *наперекор всему)* (АиФ, 2021, № 50), (АиФ, 2024, № 4);

– зооморфные *(****Подползает*** *Новый Год)* (Коммерсант, 2024, № 242);

– машинные или технические *(Турбины* ***набирают обороты****,* ***Летайте поездами*** *России, На чем деревня* ***въедет*** *в будущее?)* (Российская газета, 2024, № 172), (Российская газета, 2024, № 292), (АиФ, 2021, № 26);

– пространственные *(Деньги **на вырост**, Москву **насквозь пронзит** новое подземное метро, **Трещина** в образовании)* (Российская газета, 2023, № 216), (Комсомольская правда, 2022, № 71), (АиФ, 2022, № 4);

– медицинские *(Острая недостаточность. Как **медицина заболела** дефицитом кадров, **Закрытый перелом** цен)* (АиФ, 2022, № 14), (Российская газета, 2024, № 263);

– спортивные *(Кошелек **в нокауте**)* (АиФ, 2019, № 33);

– экономические *(С Думой о **бюджете**, **Цифровой** ангел вам в помощь)* (Российская газета, 2024, № 220), (Российская газета, 2024, № 233);

– финансовые (***Курс** остается верным, У граждан подрезали **Qiwi-кошельки**, **Инвестиции** всех стран, соединяйтесь*) (Российская газета, 2024, № 288), (Коммерсант, 2024, № 49, (Коммерсант, 2024, № 31);

– военные *(Поступь **Багратиона**, Пластик **наступает**)* (АиФ, 2024, № 25), (АиФ, 2019, № 38).

2. Семантический – группировка по значению и количеству (*Африка **белых** ночей* – цвет как основание для объединения, ***7 черных** пятниц на неделе* – объединение по цвету и количеству) (Коммерсант, 2022, № 231).

3. Функциональный:

– декоративные *(Сквозь туман **углистый** путь блестит)* (Коммерсант, 2024, № 197);

– эвфемистические *(**«Зимняя сказка»** завалила Москву по уши)* (Коммерсант, 2023, № 78);

– пояснительные или дидактические *(Когда появятся **«таблетки от старости»**?, Как справедливо поделить **«бюджетный пирог»**?)* (АиФ, 2022, № 9), (АиФ, 2021, № 43);

– оценочные *(Батареи **дают жару**)* (АиФ, 2019, № 47).

3. Структурный:

– простые *(Заголосилась Россия, Кабинет с видом на завтра, Наведут тишину, Кому в столице светит семейная ипотека?)* (Коммерсант, 2021, № 54), (Комсомольская правда, 2022, № 23), (Комсомольская правда, 2022, № 49);

– развернутые метафоры или «цепочка метафор» *(Букву закона переводят в цифру, В Китай нам прорубить окно, Экономика без мигрантов заболеет? Даже не чихнула!)* (Российская газета, 2024, № 165), (Российская газета, 2024, № 219), (Комсомольская правда, 2024, № 62).

4. Контекстуальный:

– замкнутая метафора: присутствует и субъект, и объект сравнения *(Корабли нашей славы)* (Коммерсант, 2023, № 59);

– незамкнутая метафора или метафора-загадка: присутствует только объект сравнения *(Поступь **Багратиона**)* (АиФ, 2024, № 25).

В заключение сделаем краткие выводы. В данной работе была рассмотрена метафорическая классификация В.П. Москвина, показавшая, что метафоры являются не просто украшением речи, а выполняют важные когнитивные и коммуникативные функции. Выбранные концепции метафоризации позволили более глубоко понять механизмы создания и восприятия метафорической образности. Приведенные примеры продемонстрировали, как различные типы метафор способствуют более яркому, эмоционально насыщенному и запоминающемуся представлению информации в заголовках печатных СМИ, а подобранный языковой материал явился демонстрацией и наглядным доказательством выделенных В.П. Москвиным типов метафор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.
2. Куранова Т.П., Скалепова А.В. Использование метафор в заголовках печатных СМИ // Политическая лингвистика. 2024. № 6 (108). С. 101–110.
3. Москвин В.П. Русская метафора: очерк семиотического описания. Изд. 5-е. М.: URSS, ЛЕНАНД, 2019. 348 с.

ЛАГУЗОВА Евгения Николаевна *(Ярославль, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского
laguzova.e@mail.ru

СЫСОЙКИНА Мария Олеговна *(Ярославль, Россия)*

магистрант
Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского
rotfront31@yandex.ru

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ СИНТАГМАТИКА ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ОБОРОТОВ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ А. П. ЧЕХОВА

Аннотация: В статье анализируются особенности синтагматики описательных глагольно-именных оборотов в эпистолярном наследии А.П. Чехова. Цель статьи заключается в выявлении особенностей сочетаемости описательных глагольно-именных оборотов с объектом, а также сочетаемости именного компонента оборота. При исследовании языкового материала использовались методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов. Установлено, что функционирование описательных глагольно-именных оборотов в эпистолярных текстах А.П. Чехова характеризуется преобладанием эмоционального над рациональным.

Ключевые слова: описательные глагольно-именные обороты, эпистолярный стиль, внутренняя синтагматика, внешняя синтагматика.

Abstract: The article analyzes the features of the syntagmatics of descriptive verb-noun phrases in the epistolary heritage of A.P. Chekhov. The purpose of the article is to identify the features of the compatibility of descriptive verb-noun phrases with the object, as well as the compatibility of the nominal component of the turnover. The methods of observation, generalization, and interpretation of the results were used in the study of linguistic material. It has been established that the functioning of descriptive verb-noun phrases in Anton Chekhov's epistolary texts is characterized by the predominance of the emotional over the rational.

Keywords: descriptive verb-noun phrases, epistolary style, internal syntagmatics, external syntagmatics.

Описательные глагольно-именные обороты (термин П.А. Леканта [1: 236]), закрепившиеся в строгих стилях речи, способны употребляться как изобразительно-выразительные средства в языке выдающихся художников слова (см., например, в: [1: 163–175; 2; 5: 50–61]). В эпистолярных текстах описательные глагольно-именные обороты (ОГИО)

реализуют разнообразные оценочные значения, отражая тенденцию сближения книжно-письменного языка с разговорной речью [5: 50, 60].

В аксиологической интерпретации высказывания с ОГИО значима роль внутренней и внешней синтагматики. Внутренняя синтагматика определяется валентностью именного и глагольного компонентов ОГИО. Внешняя синтагматика ОГИО опирается на контекст [1: 121].

Обратим внимание на некоторые синтагматические свойства ОГИО в письмах А.П. Чехова, которые считаются образцом эпистолярного жанра.

Особенностью стиля А.П. Чехова является употребление именного компонента ОГИО в переносном значении. Это значение актуализируется в контексте. Ср.: *Редакция отвечает за каждую строчку вместе с автором; виноваты она и автор, третьи лица тут лишние. Кто не согласен, тот может писать особую статью, а* ***делать вылазку*** *из оврага не подобает. (*А.П. Чехов – А.Н. Плещееву 13 ноября 1888 г. Москва). Описательный глагольно-именной оборот ***делать вылазку*** состоит из семантически опустошенного глагольного компонента *делать,* сохраняющего родовую архисему ‘действие’ и обозначающего действие субъекта, и существительного *вылазка,* являющегося военным термином, который означает ‘выход части войск из осаждённого укрепления для нападения на осаждающего неприятеля’ [6, т. 1: 276]. В данном контексте актуализируется переносное значение существительного – ‘нападка, неожиданный выпад против кого-н., выходка’ [6, т. 1: 276]. Однако существительное *вылазка* приобретает определённые коннотации, связанные с неожиданностью и агрессивностью действий.

Экспрессия создаётся нарушением объектной валентности ОГИО. Во-первых, добавляется лишняя синтаксема, несвойственная употреблению ОГИО в литературном языке. Ср.: 1) ***Чувствую*** *сильный* ***позыв*** *к своей скромной и кроткой беллетристике, но во всем теле разлита такая лень, что просто беда. (*А.П. Чехов – А.С. Суворину 4

февраля 1889 г. Москва). Глагол *чувствовать* имеет значение ‘испытывать какое-н. эмоциональное, нравственное состояние’ [4: 256]. Существительное *позыв* – ‘ощущение необходимости удовлетворить потребность или совершить физиологическое отправление’ [6, т. 3: 244]. В данном контексте слово *позыв* обозначает тягу к литературному творчеству. Интересно, что саму объектную синтаксему автор характеризует через определения, свойственные одушевленным существительным, – *скромная, кроткая.*

Ср. также: 2) *Конечно, политика интересная и захватывающая штука. Непреложных законов она не даёт, почти всегда врёт, но насчёт шалтай-болтай и изощрения ума – она неисчерпаема и материала даёт много. Я бы занялся ею охотно, рекомендовал бы её и Алексею Алексеевичу, который* ***чувствует*** *к ней* ***зуд****. (*А.П. Чехов – А.С. Суворину 4 января 1889 г. Москва*).* – ОГИО ***чувствовать зуд*** обозначает действие, замкнутое в сфере субъекта, не переходящее на объект. Зуд – *‘сильное, непреодолимое стремление, желание’* [6, т. 1: 1121]. В толковом словаре существительное имеет пометы *разговорное*, *фамильярное*. Негативная оценка субъекта состояния возникает на основе ассоциации с прямым значением имени. Объектную позицию занимает местоимение *(к) ней,* заменяющее существительное *политика.* Сочетание нарушает привычную коллокацию, что делает его более выразительным и запоминающимся. Это может быть воспринято как стилистический приём, который подчёркивает остроту чувства или настойчивость в стремлении участвовать в политической жизни.

Во-вторых, нарушается семантическая синтагматика. Ср.: *Театр – это змея, сосущая Вашу кровь. Пока в Вас беллетрист не победит драматурга, до тех пор я буду есть Вас и* ***предавать*** Ваши ***пьесы проклятию*** (А.П. Чехов – И.Л. Леонтьеву (Щеглову) 20 декабря 1888 г., Москва).

ОГИО ***предавать проклятию*** имеет ярко выраженную негативную коннотацию, обусловленную семантикой имени: проклятие – ‘выражение кому-н. безусловного и бесповоротного осуждения, знаменующего полный разрыв, отторжение (от себя, от общества; книжн.)’ [6, т. 3: 948]. Необычно то, что позицию объектной синтаксемы занимает неодушевленное существительное. Обычно объектом проклятия выступают живые существа, а также предметы религиозной или сакральной ценности. Пьеса является результатом творческой деятельности и может быть дорогой автору, но не воспринимается как объект, который можно предать проклятию в прямом смысле слова. Пьесы скорее могут быть *подвергнуты критике, запрещены, забыты, отвергнуты публикой*, но не прокляты. ОГИО *предавать проклятию* более уместен для книжной речи, но в данном случае описательный оборот помещен в несвойственный контекст. Использование ОГИО *предавать проклятию* в сочетании с объектом *пьесы* является стилистическим приёмом, направленным на преувеличение негативных последствий, которые могут постигнуть пьесы. За счёт такого рода гиперболизации всё высказывание приобретает ироническое значение, поскольку речь идет о незначительной критике пьес с целью убедить собеседника перейти к беллетристике.

ОГИО, изначально лишённый оценочной семантики, может включаться в ироническое высказывание под воздействием расширенного контекста, не связанного с валентностью ОГИО.

Ср.: Прежде чем приступить к роману, надо приучить свою руку свободно передавать мысль в повествовательной форме. Этой ***дрессировкой*** *я и* ***занимаюсь*** *теперь.* (А.П. Чехов – А.С. Суворину 28 ноября 1888 г., Москва).

В русском языке *дрессировка* связана с обучением животных и подразумевает строгость, систему и профессионализм [6, т. 1: 800]. Необычность обусловлена тем, что объектом дрессировки становится не

животное, а рука и, опосредованно, процесс письма. Автор использует существительное *дрессировка* как метафору для описания процесса обучения и самосовершенствования в литературе. В данном случае справедливо говорить о сознательном снижении пафоса: вместо того чтобы говорить о развитии писательского мастерства или совершенствовании техники письма, автор употребляет более приземленное и даже ироничное существительное *дрессировка*, которое позволяет избежать излишней патетики.

Рассмотренные особенности внутренней и внешней синтагматики ОГИО: соединение в структуре ОГИО разностилевых элементов, актуализация переносного значения ОГИО в контексте, нарушение объектной валентности – демонстрируют преобладание эмоционального над рациональным в эпистолярных текстах А.П. Чехова. В письмах проявляется тонкое чувство языка и необыкновенный юмор писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лагузова Е.Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации: монография. М.: МГОУ, 2003. 245 с.
2. Лагузова Е.Н. Стилистическая значимость аналитических конструкций в драматических произведениях А.Н. Островского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 20–28.
3. Лекант П.А. Описательные глагольно-именные обороты в функции сказуемого. М.: МГОУ, 2002. С. 234–244.
4. Русский семантический словарь, Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений; под общ. Ред. Н.Ю. Шведовой. Том. 4. Глагол. М.: Азбуковник: ИРЯ РАН, 2007. 924 с.
5. Смирнова М.А. Оценочные значения описательных глагольно-именных оборотов в эпистолярных текстах конца XIX – первой половины XX в. // Синтаксис русского языка: традиционное и новое: монография / М.Н. Кулаковский, Е.Н. Лагузова, М.А. Смирнова, А.П. Ушакова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. С. 50–61.
6. Толковый словарь русского языка; под ред. Д.Н. Ушакова: В 4-х т. М., 1935–1940. Т. 1, 1935. 1562 с. Т. 3, 1939. 1424 с.
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / Акад. Наук СССР. Ин-т мировой лит. Им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974–1983.

ЛАГУТОВА Анастасия Сергеевна *(Москва, Россия)*

аспирант
Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина
lagutovaas@gmail.com

УСТОЙЧИВЫЕ КОНСТРУКЦИИ ЖАНРА АКАФИСТА: ФРАЗЕМЫ И СИНКРЕТЕМЫ

Аннотация. Указывается значимость теолингвистического подхода при изучении акафистов, приводятся примеры употребления устойчивых единиц в тексте данного гимнографического жанра. Проводится разграничение общих и частных узуальных фразем, окказиональных фразем а также синкретем в акафистах. Делается вывод о том, что в акафистах могут встречаться устойчивые конструкции разного образования: традиционно-исторические синкретемы, а также частные и окказиональные фраземы, позволяющие вербализовать духовные подвиги или чудеса прославляемых святых.

Ключевые слова: теолингвистика, акафист, хайретизм, фразема, синкретема, религиозный дискурс.

Abstract. The significance of the theolinguistic approach in the study of akathists is pointed out, and examples of the use of stable units in the text of this hymnographic genre are given. A distinction is made between general and private ordinary phrasemes, occasional phrasemes and syncretemes in akathists. It is concluded that akathists can contain stable constructions of different formation: traditional-historical syncretemes, as well as private and occasional phrasemes that allow verbalizing spiritual feats or miracles of glorified saints.

Keywords: theolinguistics, 300hashkov, chairetism, phraseme, syncreteme, religious discourse.

На сегодняшний день изучение акафистов с позиции теолингвистического подхода представляет особый интерес для исследователей. Хайретизмы, являясь неотъемлемой частью акафиста, представляют собой микротексты, которые образуются «как другими текстами этого жанра, так и – шире – прочими гимнографическими и богослужебными текстами» [3: 21], а также базовыми образами-символами и конструкциями вторичной номинации. Поэтому перед гимнографами встает задача подбора таких устойчивых словосочетаний, которые смогли бы во всей полноте «доступно донести подвиг того или иного святого до реципиента в иносказательной форме» [2: 191].

Конструкции, содержащиеся в основных частях хайретизмов, можно обозначить термином Н.Ф. Алиференко *фразема*: «устойчивое сочетание

слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов» [1: 23]. Предполагается, что использование той или иной фраземы в гимнографическом тексте обусловлено влиянием *агиосемы* – минимального дифференциального значения, определяющего чин святости прославляемого святого и *агиосememы* – интегрального значения, связанного с категорией святости и характерного для религиозного дискурса в целом. При этом сами фраземы могут быть узуальными – общими в рамках жанра, отсылающими к маркерам сакральности и прецедентным текстам, а также окказиональными – встречающимися только в данном акафисте и отражающими индивидуальное событие или уникальное чудо из жизни святого. Выбор общей узуальной фраземы обуславливает влияние агиосememы, в то время как окказиональной – влияние агиосемы.

Отдельные узуальные акафистные фраземы при классификации сопоставимы с *синкретемами* – устойчивыми единицами древнерусского текста, которые «отличаются прежде всего с семантической точки зрения, поскольку реализуют отражающее древнюю концептуальную форму ментальности» [4: 441]. При этом, в отличие от фраземы, синкретическое значение основывается не на метафоре, а на метонимии. Поскольку жанр акафиста развивается с древности, в подражание первому неседалену Пресвятой Богородице, ряд общих узуальных конструкций «закрепляется» за чинами святости и духовными подвигами святых, что выражается в тексте при помощи «формулы-синтагмы». Так, среди общих узуальных конструкций акафистов синкретического образования можно выделить следующие примеры: синкретемы с устойчивыми сравнениями (*яко* ***звезда*** *богосветлая*, *яко* ***кокош****, птенцы своя охраняющий* и др.), синкретемы с постоянными эпитетами (***добрый*** *хранителю*, ***верный*** *служителю* и др.), синкретемы с парными именованиями (***щит и меч*** *очищения, …поучавыйся* ***день и нощь*** и др.) и пр.

Таким образом, в акафистах могут встречаться устойчивые конструкции разного образования: традиционно-исторические синкретемы, а также частные и окказиональные фраземы, позволяющие вербализовать духовные подвиги или чудеса прославляемых святых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс. Учебное пособие для студентов филологических специальностей вузов М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.
2. Бугаева И.В., Лагутова А.С. Когнитивная метафора в религиозном дискурсе (на примере жанра акафиста) // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2024. №4(60). С. 190–195.
3. Людоговский Ф.Б. Структура и поэтика церковнославянских акафистов. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. 352 с.
4. Пименова М.Вас. Устойчивые лексико-семантические единицы и их фиксация в исторических словарях // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований, 2013. Т. 9. № 2. С. 439–449.

ЛАНСКАЯ Ольга Владимировна (*Липецк*, *Россия*)

кандидат филологических наук, учитель
Муниципальное бюджетное общеобразовательное
учреждение средняя школа № 14 г. Липецка
o.vlad.lanskaja@rambler.ru

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК В ЛИРИКЕ Ю.П. КУЗНЕЦОВА: КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА-СИМВОЛЫ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые слова в поэзии Ю.П. Кузнецова, слова-символы *рябина*, *дерево*, *туман*, *душа*, *камень*, *обрыв*, *тень* и другие, с помощью которых характеризуется пространство и время в художественном мире поэта. Исследуемые в тексте лексические единицы создают образы реальные и мифологические, объясняющие связь человека с природой, тайнами бытия.
Ключевые слова: пространство, время, слова-символы, сема, образ.

Abstract. The article examines key words in the poetry of Yu.P. Kuznetsov, symbolic words such as rowan, tree, fog, soul, stone, cliff, shadow and others, which characterize space and time in the poet's artistic world. The lexical units examined in the text create real and mythological images that explain the connection between man and nature, the mysteries of existence.
Keywords: space, time, symbolic words, seme, image.

В программной статье «Воззрение» Кузнецов писал, что поэзия – это тайна, что она «не поддается определению» [8: 153], связана с мифическим сознанием, символом.

По П. Флоренскому, символы «суть органы нашего общения с реальностью. Ими и посредством их мы соприкасаемся с тем, что было отрезано … от нашего сознания. Изображением мы видим реальность, а именем – слышим ее; символы – это отверстия, пробитые в нашей субъективности» [13: 316]. По мнению В.В. Колесова, символ воспринимается как «»идейная образность», как образ, прошедший через понятие и сосредоточенный на типичных признаках культуры, как знак знака» [5: 67].

Как «идейная образность» воспринимается символ у Кузнецова. Так, в стихотворении «Рябины куст. Размытые строенья» (1970) создается особое художественное пространство. В комментариях исследователя Е.В. Богачкова указано, что в этом произведении «представлен сквозной для творчества поэта образ пустоты» [7: 2, 200], один из главных в поэзии Кузнецова, что «ощущение духовного и физического пространства … взаимосвязаны» [7: 2, 200]. При этом главное для поэта – «обнаружение и заполнение «пустот» – прежде всего в духовном пространстве» [7: 2, 200].

Открывает стихотворение ключевое слово *рябина*. Рябина используется «в магии и народной медицине <…> в качестве оберега» [2: 419], при общении с нечистой силой. В стихотворении Кузнецова *куст рябины* фиксирует реальное пространство, в котором все изменяется, превращается в нечто воздушное, акварельное, теряющее свои очертания. Возникают волшебные пустоты на основе незавершенного действия, порождают они безмерную высоту:

Рябины куст. *Размытые строенья.*
Столбы ***пустого*** *воздуха стоят.*
Как высоки воздушные деревья!
Земли не достигает листопад [7: 2, 200].

Несмотря ни на что, это пустота с опускающимся туманом, странно звучит, завораживает, изменяет человека. В ней он превращается в сизую, полусквозную тень, своего двойника, связанного с потусторонним миром [10: 458]. Это пространство таинственного скольжения, которое воспринимается через слух:

*И **слышно**, как на землю оседает*
***Туман** за полосою полоса.*
Тень** спутника скользит **полусквозная
*И **сизая** по **сизые** глаза* [7: 2, 200].

Слова *туман* и *тень* имеют семы 'мрак' и 'мгла' [13: 4, 43, 119], символизируют тайну, опасность, нечто непредсказуемое, потустороннее пространство.

Мир лирического героя связан с и состоянием его души. Отсюда использование слова *горечь* (в значении ‘горькій вкусъ, качество, свойство всего, что горько’, а также ‘недоброжелательство’ [4: I, 383]), синтезирующее реальное и духовное: *горечь ягод*, *пронзительная горечь* и *горечь скупого слова*.

Пустота также реализуется в пространстве и времени: в движении облаков и в мгновении:

*И **горечь ягод** и **скупого слова***
***Пронзительная горечь глубока**.*
От одного мгновенья до другого
***Порожние** проходят облака* [7: 2, 200].

Особый мир создан Кузнецовым в стихотворении «Горные камни» (1970). В комментарии к этому произведению написано, что поэт «использовал образ <…> из рассказа Андрея Платонова «Такыр» (1934)»: *… Заррин-Тадж села на один из корней чинары, который уходил вглубь, точно хищная рука, и заметила еще, что на высоте ствола росли камни. Должно быть, река в свои разливы громила чинару под корень горными камнями, но **дерево въело себе в тело те огромные камни**,*

окружило ***их терпеливой корой****, обратило его, освоило и выросло дальше, кротко подняв с собою то, что должно его погубить* [8: 2, 186] (см. об этом: [3]).

Открывает текст название «Горные камни». Определение *горные* символизирует «устойчивость, неизменность, нерушимость» [6: 52], центр мира. Связана данная лексическая единица и с символом воскресения из мертвых, со свободой [6: 52–53].

В основе образов, созданных в произведении, лежит конфликт, связанный с противопоставлением «дерево – камни», приемом «поглощения», фиксирующим борьбу противоположностей:

В ***горной*** *впадине речка ревела,*
Мощный корень ***камнями*** *дробя.*
Но зеленое ***дерево*** *въело*
Перекатные ***камни*** *в себя* [7: 2, 185].

Как известно, камень – это основа, оплот, «мистическое вместилище жизненной силы» [15: 53]. В славянской мифологии камень – «один из первоэлементов мира < … > символ мертвой природы» [9: 214]. Особое внимание обращается на его свойства: «твердость, прочность, долговечность, неподвижность, неподверженность изменениям» [9: 214]. Камень трактуется как «ось мира и уподобляется **дереву мировому** и **горе**» [9: 214].

Дерево также универсальный символ, «один из элементов традиционной картины мира, моделирующий его пространственный и временной образы» [1: 133].

Образы дерева и камня в тексте воспринимаются как единство и борьба противоположностей. С ними связаны боль и страдания, тайна бытия. Это живой, мыслящий, страдающий мир, связанный с поиском истины. Отсюда использование в тексте глаголов *дышит*, *кричит*, *скрежещут*, словосочетания *просит ответа*, фиксирующих одухотворенность окружающего человека мира:

*Что там **дышит** и **просит ответа**,*

*И от боли **кричит** в забытьи?!*

*Это **камни скрежещут** от ветра,*

*Это, **дерево, камни** твои* [7: 2, 185].

С тайной бытия связано и стихотворение «На склоне вереск, крут обрыв…» (1972). Начинается произведение с пейзажной зарисовки, с помощью которой объясняется состояние души лирического героя. Слова *душа* (в значении ‘безсмертное духовное существо, одаренное разумомъ и волею’ [4: I, 504]) и *Север* (в значении ‘одна изъ четырехъ странъ света, противоположная югу’ [4: IV, 378]) выступают в тексте как текстовые антонимы. В то же время данные лексические единицы, дополняя друг друга, свидетельствуют о единении человека и природы.

Как антонимы воспринимаются также слова *обрыв* (с семой 'склон горы') и *равнина* (с семой 'ровное место'). Перечисленные номинации связаны со словами *порыв*, *высь*, *полет* (с семами 'пространство', 'свобода', 'мечта', а также 'вдохновение', 'радость', 'ликование', 'восторг', 'ярость'). Обращает на себя внимание и слово *серьезность*, которое через прилагательное *серьезный* восходит к слову *суровый* [4: IV, 178]:

*На склоне вереск, крут **обрыв** …*

Суровый острый воздух.

***Души** рассеянный **порыв**.*

*И **Севера серьезность**.*

*Крива сосна, безмерна **высь**,*

***Равнина** ждет полета* [7: 3, 39]:

Ключевыми словами в тексте являются номинации *ворота* и *свист*. Они символичны. Слово *ворота* имеет семы 'открытие нового', 'пространство', 'Отечество', напоминает о доме, своем пространстве. *Свист* же, которое восходит к *свистать* (в значении ‘испускать острый, резкій, пронзительный звукъ’ [4: IV, 150]), приобретает в тексте семы 'воля', 'опасность', 'нечто неизведанное', 'предупреждение', 'иной мир':

*И только **свист**, и только **свист**,*

*И **Севера ворота*** [7: 3, 39].

О неизведанном, о жизни, о том, какой она будет, написано философское стихотворение «Полная или пустая…» (1970). Образы осени, заходящего солнца, улетающих птиц символизируют угасание природы. Используя метафоры «солнце горит», «птица растаяла», «перья летят», «окна горят», эпитеты «полная, пустая (жизнь)», «последняя (стая)», автор создает картины, ассоциирующиеся со временем, когда человек подводит итоги своей жизни и в то же время думает о будущем:

Полная *или* ***пустая****,*
Что эта ***жизнь*** *нам сулит?*
Осень. ***Последняя стая****.*
Солнце *все ниже* ***горит****.*
Терпкое солнце деревни.
Окна *до неба* ***стоят****.*
Птица ***растаяла*** *в небе –*
Перья *от птицы* ***летят*** [7: 2, 135].

О смысле жизни и смерти размышляет Кузнецов и в стихотворении «Над родиной встанет солнце» (1970). Пространство в этом произведении детализированное, фиксируется ключевыми словами *солнце*, *скала*, *крыша*, *звезда*, которые приобретают символические смыслы. *Солнце* над родиной символизирует жизнь, тепло, свет [11: 442], любовь и надежду; *скала* над морем – преграду; *крыша* – дом; *звезда* – «предопределенность человеческого жизненного пути» [6: 90]; *ворон* – смерть; *дым* – разрушение, неблагополучие. Данные номинации соотносятся с противопоставлениями «родина – чужбина», «родина – море», «звезда – крыша», «ворон – дым», «женщина – мужчина»:

Над родиной *встанет* ***солнце****,*
Над морем *встанет* ***скала,***
Над женщиной *встанет* ***крыша,***
А над ***мужчиной*** *–* ***звезда****.*

***Ворон** взлетает над прахом,*

*А **над чужбиной – дым**.*

И вырвет дубы с корнями

Над именем бедным моим [6: 2, 188].

В творчестве Кузнецова ключевые слова в тексте приобретают символическую природу, восходящую к мифологии и фольклору. С помощью слов *туман*, *тень*, *свист*, *дерево* и *камень*, словосочетаний *пустой воздух*, *воздушные деревья* создается образ таинственного мира, отражающий состояние души лирического героя, его духовные поиски. Представление о пространстве и человеке, их неразрывной связи создается также и с помощью ключевых слов *солнце*, *скала*, *крыша*, *звезда*, которые восходят к таким понятиями, как «Отечество», «жизнь» и «смерть», «познание тайн мира».

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т.А. Дерево // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. Отношения, 2002. С. 133–136.
2. Агапкина Т.А. Рябина // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. Отношения, 2002. С. 419.
3. Анкудинов К.Н., Бараков В.Н. Юрий Кузнецов: Очерк творчества. Москва – Вологда: «Свеча», 1996. 103 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.
5. Колесов В.В. Слово и дело: из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2004. 703 с.
6. Копалинский В. Словарь символов. Калининград: ФГУИПП «Янтар. Сказ», 2002. 267 с.
7. Кузнецов Ю.П. Стихотворения и поэмы. Том 1–3. М.: Литературная Россия, 2011.
8. Кузнецов Ю.П. Тропы вечных тем: проза поэта. М.: Литературная Россия, 2015. 720 с.
9. Левкиевская Е.Е. Камень // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. Отношения, 2002. С. 214–215.
10. Левкиевская Е.Е. Тень // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. Отношения, 2002. С. 458–459.
11. Топорков А.Л. Солнце // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. Отношения, 2002. С. 442–443.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004.
13. Флоренский П.А. Имена: Сочинения. М.: Эксмо, 2006. 896 с.
14. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Торгсинг», 2003. 591 с.

ЛАРИНА Надежда Альбертовна *(Москва, Россия)*

доктор филологических наук, доцент
Московский университет имени А.С. Грибоедова
larina-n-a@mail.ru

МИЧУРИНА Дарья Алексеевна *(Москва, Россия)*

аспирант
Московский университет имени А.С. Грибоедова
d-mich2007@yandex.ru

ЛИНГВОЦИНИЗМЫ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвоцинизма в рекламном дискурсе. Проявления лингвоцинизма в рекламных сообщениях рассматриваются как использование цинизма в рекламной коммуникации и как попытки обращения к понятиям, граничащим с нарушением нравственности. По итогам проведенного исследования мы пришли к выводу, что лингвоцинизм в рекламе представляет собой опасное для общества явление, так как затрагивает не только языковую сферу, но и оказывает влияние на сознание массовой аудитории.

Ключевые слова. Лингвоцинизмы, рекламный дискурс, этические нормы, язык рекламы, обесцененная лексика.

Abstarct. The article is devoted to the study of linguocynicism in advertising discourse. Manifestations of linguocynicism in advertising messages are considered as the use of cynicism in advertising communication and as attempts to address concepts bordering on violation of morality. Based on the results of the study, we came to the conclusion that linguocynicism in advertising is a dangerous phenomenon for society, since it affects not only the linguistic sphere, but also affects the consciousness of the mass audience.

Keywords. Linguocynicisms, advertising discourse, ethical norms, language of advertising, devalued vocabulary.

Языковая культура общества, «исторически складывающаяся и являющаяся средством его национальной самоидентификации, напрямую связана с его общей культурой, так как вносит вклад в его развитие, устанавливает место человека в обществе, помогает его социализации путем приобретения навыков коммуникативного опыта» [2: 33], играет важную роль, формируя наше восприятие реальности. В эпоху «стремительной глобализации и цифровизации современного общества особое звучание приобретает» [3: 21] актуализация дискурсивного подхода к изучению языка.

Термин «лингвоцинизм» в научный лексикон был введен А.П. Сковородниковым [8: 53]. Исследователь понимал под «лингвоцинизмом» различные языковые формы, которые содержат проявления противоречий по отношению к нормам нравственности или признаки обесценивания общепризнанных ценностей.

Лингвоцинизмы имеют широкую сферу присутствия в языковом пространстве. Они могут представлять собой:

– отдельные слова. В контексте нашего исследования мы понимаем под словом единицу речи, которая в звуковой или письменной форме передает понятие о предмете или явлении [11];

– словесные выражения, определяемые нами как совокупность слов, которые транслируют определенное значение или сообщение. В эту группу мы также включаем афоризмы и пословицы;

– словосочетания. С позиции лингвоэтики понятие «словосочетание» можно рассматривать как синтаксическую конструкцию, которая образуется за счет соединения слов на основе различных видов грамматической связи [4];

– предложения, которые как научная категория имеют множество трактовок. Для нас важно толкование «предложения» как законченного сообщения о чем-либо [11];

– микротексты, понимаемые как сверхфразовое единство [6].

В целом А.П. Сковородников относит к лингвоцинизмам этико-речевые ошибки, представляющие собой отдельные категории речевых ошибок, связанных с нарушением нравственных норм языковой культуры [9].

В современном рекламном дискурсе создатели различных форм рекламы прибегают к лингвоцинизмам с целью привлечь внимание аудитории через попирания нравственных устоев или путем создания нравственно-когнитивного диссонанса.

В рекламной коммуникации наиболее востребованными являются две категории приемов, связанных с лингвоцинизмом:

- *подмена понятий;*
- *использование обсценной лексики*.

Поясним. Подмена понятий представляет собой минипулятивный прием, состоящий подмене негативного смысла понятия позитивным. Важным аспектом является предоставление реципиенту возможности выбрать смысл согласно его нравственной картине мира.

В настоящее время в рекламной коммуникации и в средствах массовой информации наблюдается тенденция к эксплуатации темы полового влечения, что повлекло за собой появления в лингвистике специального термина для обозначения этого явления – «сексплуатация» [5: 54].

Наиболее часто лингвоцинизмы встречаются в таких видах рекламы, как интернет-реклама, наружная реклама и телевизионная реклама. Для последней характерно обращение к приемам лингвоцинизма при создании видеороликов. Гораздо реже они встречаются в радиорекламе или рекламных объявлениях, размещаемых в печатных СМИ.

Рассмотрим несколько примеров использования лингвоцинизмов в рекламной коммуникации.

Первой группой, которую мы подвергнем анализу, будет категория наружной рекламы, где важны две составляющие: как сам текст, так и изобразительный ряд. В качестве примеров использования лингвоцинизма приведем два различных рекламных сообщения. В первом случае речь идет о рекламе спортивного клуба. Текст сообщения: *Выбирай где* ***надраться****. Карты за 6000 на 6 месяцев*. Изображение разделено на две части, на первой изображен бар, на второй – спортивный ринг.

В рекламном сообщении использован приеме «подмены понятий» в отношении термина «надраться», обладающим в русском языке несколькими значениями. В литературной речи глагол «надраться» понимается как «подраться вдоволь, досыта» [11]. Второе значение просторечное – напиться пьяным. Негативный и позитивный оттенок понятия также был отмечен на рекламном макете специальными значками в виде «X» и «V», отсылающими соответственно к правильным и неправильным действиям. Цинизм представленного рекламного сообщения лежит не только в лексической плоскости, с точки зрения ценностной картины мира речь идет о противопоставлении здорового образа жизни, связанного с посещением спортивного клуба, и алкогольной зависимости, ассоциирующейся с посещением питейных заведений.

Второй пример связан с сексплуатацией. Рекламный щит стоматологической клиники содержал следующий текст: *Имплантация зубов – **вставляем** с гарантией*. При этом на рекламном щите были изображены фигуры мужчины и женщины в позе, которая может трактоваться как изображение врача в момент выполнения стоматологических манипуляций и пациента в стоматологическом кресле, так и как изображение акта соития. В контексте изображения слово «вставлять» приобретает двойное значение. Цинизм ситуации заключается в отождествлении медицинских манипуляций с действиями сексуального характера.

Посмотрим на проявления лингвоцинизма в телевизионной рекламе. В данной категории, в отличие от наружной рекламы, акцент делается не на различных значениях употребления слов, а на скрытом смысле микротекстов видеоролика и маскировки сообщений.

В качестве примера приведем рекламный видеоролик слабительного средства «Фитомуцил», созданного агентством Medialeaks. Сюжет ролика построен на визите девушки, одетой в костюм,

ассоциирующийся с фекалиями, к психотерапевту, которому пациентка жалуется, что она причиняет боль и что с ней тяжело. Совет психолога: быть мягче и все выйдет в лучшем виде. Текст ассоциируется с различными аспектами дефекации, подкрепляя тем самым видеоряд. Отождествление девушки с фекалиями неэтично и наносит вред психологическому состоянию реципиентов, относящих себя к женскому полу, так в сознании индивида, с точки зрения психологии, отождествление с фекалиями носит параноидальный характер и связано с ощущением грязи [1].

Второй пример – видеоролик рекламы продукции Башкирской содовой компании, построенный на представлении различных вариантов применения пищевой соды. В тексте видеоролика присутствуют такие слова *Россия не для умных, Россия – для смекалистых*. Цель – рассказать, для чего можно использовать пищевую соду, если проявить сообразительность. Фактически создатели текста отрицают наличие ума у населения России, оставляя за скобками науку и известных современных ученых. Прилагательное «смекалистый» означает рассудительный, сообразительный [10], тем самым когнитивные способности нации в тексте видеоролика принижаются.

Подводя итог анализу использования лингвоцинизмов в рекламной коммуникации, согласимся с утверждением Е.Е. Прониной, что реклама, выступая видом творческой деятельности и одновременно являясь формой массовой пропаганды, может представлять угрозу психической безопасности человека [7: 6].

Нельзя не согласиться и с известными исследователями, утверждающими, что обращение в рекламной коммуникации к табуированным темам может приводить к психическим расстройствам, связанным с психосоциальной дезадаптацией (депрессивным состояниям, появлению навязчивых идей, формированию маний и страхов), неадекватному поведению [7: 30]. В этой связи полагаем не

этичным и не допустимым использование лингвоцинизмов в рекламном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Perls F.S. Ego, hunger and aggression London.: Allen & Unwin, 1947. 273 с.
2. Дубова М.А. Языковая культура в современном российском обществе // Экология языка и речи: Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы РФ, доктора филологических наук, профессора Нины Георгиевны Блохиной. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 31–34.
3. Дубова М.А., Ларина Н.А. Развитие речи дошкольников: методика работы с текстом // Педагогическое образование и наука. 2021. №6. С. 20–25.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энцикл., 1990. 682 с.
5. Лопухина Н. С. Конец эпохи «Нельзя…» // Журналистика и культура русской речи. 2005. № 2. С. 53–60.
6. Москальская О.И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков М.: Высшая школа, 1981. 183 с.
7. Пронина Е.Е. Психологическая экспертиза рекламы: теория и методика психотехнического анализа рекламы. М.: Рип-холдинг, 2000. 99 с.
8. Сковородников А.П. К определению термина «Лингвоцинизмы» // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 49–54.
9. Сковородников А.П. Этико-речевые ошибки // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А. П. Сковородникова, 2-е изд. М.: Флинта, 2009. 479 с.
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
11. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. Энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 3: П – Ряшка / Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; Сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. Изд-во иностр. И нац. Слов., 1939. 1424 с.

МАЛАХОВА Любава Владимировна *(Горловка, ДНР)*

аспирант
Донецкий государственный педагогический университет имени В. Шаталова
khoryakovalyubava@gmail.com

ОБРАЗ ДОМА В ПОВЕСТИ С.А. ЕСЕНИНА «ЖЕЛЕЗНЫЙ МИРГОРОД»

Аннотация. В работе рассматриваются средства репрезентации образа дома в повести С.А. Есенина «Железный Миргород». К ним относятся слова *библиотека*, *комната для отдыха*, *танцевальный зал*, *коридор*, *кабина*, обозначающие типы комнат. Автор отмечает, что данные помещения описываются при помощи прилагательных, которые указывают на размер и предназначение анализируемых комнат и выражают соответствующие когнитивные признаки.
Ключевые слова: образ, проза, когнитивный признак, лексемы, языковые средства.

Abstract. The article considers the means of representation of the image of the house in S.A. Yesenin's story «Iron Mirgorod». They include the words library, recreation room, dance hall, corridor, cabin, denoting the types of rooms. The author notes that these rooms are described with the help of adjectives that indicate the size and purpose of the analysed rooms and express the corresponding cognitive attributes.
Keywords: image, prose, cognitive attribute, lexemes, linguistic means.

Образ нередко становился объектом изучения лингвистов, философов, литературоведов, психологов и т. д.

В психологии образ трактуется как мысленное воспроизведение присутствующих объектов и событий [3: 252]. Главная задача образа – это запечатление в сознании событий и явлений реальной жизни в форме ментального изображения, которое представляет собой проекции сцен из окружающего нас мира.

Литературовед Л.И. Тимофеев определяет образ и как конкретное, и как обобщенное отражение человеческой жизни, которое сформировалось с помощью воображения и обладает художественной ценностью [4: 241].

Также существует языковой образ. Так, советский и российский лингвист Н.Ф. Алефиренко трактует его как «вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет,

свет, объем и положение в пространстве поименованного предмета» [1: 18–19].

В художественной картине мира С.А. Есенина образ дома является одним из значимых. Средствами репрезентации образа дома в повести «Железный Миргород» являются наименования и описания типов комнат. Ср.: *Я шел через* ***громадные залы специальных библиотек****, шел через* ***комнаты для отдыха****, где играют в карты, прошел через* ***танцевальный зал****, и минут через пять чрез* ***огромнейший коридор*** *спутник подвел меня* ***к*** *нашей* ***кабине*** [2: 162]. Залы библиотек описаны при помощи прилагательных *громадные,* указывающее на размер библиотеки, и *специальных*, выражающее представление о предназначении для чего-то конкретного. Также коридор описан при помощи прилагательного *огромнейший*, которое тоже указывает на размер помещения.

Итак, образ дома в повести С.А. Есенина «Железный Миргород» репрезентирован словами *библиотека*, *комната для отдыха*, *танцевальный зал*, *коридор*, *кабина*. Данные помещения описаны с помощью прилагательных *громадные*, *специальных*, *огромнейший*, которые указывают на размер и предназначение комнат. Также в значении анализируемых лексем выделяется общий когнитивный признак ‘помещение, комната’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. Отд-ние лит. И яз. Рос. Акад. Н аук [и др.]. М.: Academia, 2002. 391 с.
2. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7-ми тт. Т. 5. Проза. Подготовка текста и коммент. С.И. Субботина. М.: Наука-Голос, 2005. 560 с.
3. Солсо Р. Когнитивная психология. СПб., 2006. 589 с.
4. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы: учебное пособие / Л. И. Тимофеев. 5-е изд., испр. И доп. М.: Просвещение, 1976. 448 с.

МАЛИНСКАЯ Татьяна Владимировна *(Москва, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Государственный университет просвещения
htgytdf@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО ОМОКОМПЛЕКСА *ПОСЛЕ* (на материале НКРЯ)

Аннотация. В статье анализируется темпоральный омокомплекс *после*, в который входит наречие, составной союз, предлог в составе синтаксемы и субстантивного оборота. Рассматривается структура и значение исследуемых темпоральных единиц, а также выявляются особенности их употребления. Языковым материалом послужили примеры из текстов основного корпуса НКРЯ. Отмечается, что темпоральность эксплицируется всеми единицами омокомплекса, но реализация конкретного омонима в контексте отражает особенности неизосемического средства репрезентации значения времени.

Ключевые слова: наречие, предлог, составной союз, темпоральная синтаксема, темпоральный субстантивный оборот.

Abstract. The article analyzes the temporal homocomplex after, which includes an adverb, a compound conjunction, a preposition as part of a syntaxeme and a substantive turnover. The structure and significance of the studied temporal units are considered, as well as the peculiarities of their use are revealed. The language material was provided by examples from the texts of the main body of the NCRE. It is noted that temporality is explicated by all units of the homocomplex, but the implementation of a specific homonym in the context reflects the peculiarities of the representation of the non-semantic meaning of time.

Keywords: adverb, compound conjunction, preposition, temporal syntaxeme, temporal substantive turn.

В современной лингвистике проблема репрезентации времени неизосемическими единицами является актуальной. Вызывают интерес омонимичные слова, которые актуализируются в конкретных контекстах. Целью статьи является анализ валентностных возможностей омокомплекса ***после***, эксплицирующих значение темпоральности.

В толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова выделяются следующие омонимы:

1. Наречие. «Спустя некоторое время, позже, потом» [1].

2. Предлог, (кого-чего). «По окончании, совершении, истечении чего-л.; по исчезновении, уходе кого-л.» [1].

3. Союз *после того как*. «Вслед за тем» [1].

Ф.И. Панков описывает лексему ***после*** как бифункциональное наречие-предлог, функционирующее и как наречие, и как предлог. «Традиционно такие лексемы рассматриваются как предлоги, если управляют падежами, и наречиями, если не управляют» [5: 17].

Я тебе это ***после*** *расскажу, для чего я в хиромантика преобразился и для чего я ещё в доктора преображуся* (Сумароков). *Я вам* ***после*** *отдам, когда будете в вагон садиться* (Островский). *Недаром же я теперь навеки бросил и барина и всех своих! Хочу остепениться, земли* ***после*** *куплю* (Данилевский). В приведённых примерах наречие *после* является присловным распространителем глаголов совершенного вида *расскажу, отдам, куплю*. Исследуемая лексема оттеняет длительность временного промежутка до совершения действия, переданного предикатами. Т.Е. Шаповалова отмечает локализованность действия во времени. Так наречие *после* эксплицирует «отнесённость события к будущему времени» [7: 46] и представляет отношения временного следования событий.

Б.Ю. Норман сравнил наречия с «синтаксическими маргиналами». «Если предикатно-актантная структура образуется обычно глаголами и существительными, то прилагательные и наречия в эту элитную сферу допускаются редко» [4: 195]. Учёный доказывает значимость классов дескрипторов. Отмечается достоинством наречий их «словообразовательная, семантическая и синтаксическая мобильность, способность взаимодействовать в процессе формирования фразы с иными грамматическими классами и принимать на себя необходимую часть общей смысловой нагрузки» [4: 214].

Омонимичный союз *после того как* дифференцированной семантики [6: 82] репрезентируется в сложноподчинённых предложениях расчленённой структуры с временными отношениями.

После того как *с большого поста не уступал он в толстоте игумну того монастыря, пришла к нему смерть в другой раз* (Фонвизин).

Что там произошло, ***после того как*** *тебе исполнилось шесть с половиной?* (Геласимов). *Долго содрогалась худенькая спина девушки* ***после того, как*** *она утихла* (Астафьев). Описывается следование событий друг за другом. «Действие главной части начинает совершаться после действия придаточной предикативной единицы» [6: 82]. Позиция придаточной части не закреплена, она может находиться в препозиции и постпозиции.

Омонимичный предлог *после* организует темпоральные синтаксемы и темпоральные субстантивные обороты с абсолютным и относительным временным значением. Темпоральных конструкций с относительным временным значением превалирующее количество, так как в валентностных возможностях предлога заложена соотнесённость с событием, после которого произойдёт следующее событие.

Обращаются ли реки когда-нибудь вспять; цветут ли зимою деревья; не везде ли день сменяется ночью, а ***после ночи*** *наступает новый день?* (Загоскин). *Город* ***после зимы*** *прихорашивался* (Зорин). Темпоральные синтаксемы *после ночи* и *после зимы* являются словоформами с абсолютным временным значением, так как в семантике самих слов *ночь* и *зима* содержится сема времени. П.А. Лекант подобные единицы называл «именами времени» [2: 42]. ***После завтрака*** *расчистили стол, поставили клей, картон, положили ножницы, обвязали Алексея Петровича салфеткой: он будет клеить коробочки* (Толстая). Темпоральная синтаксема *после завтрака* является словоформой с относительным временным значением, так как в семантике слова («время утреннего принятия пищи; утренняя еда или еда, предшествующая обеду» [1]), помимо временного значения, содержится и событийное толкование. Приосновный временной распространитель *после завтрака* привносит в предложение полисобытийность, следовательно, конструкция может быть интерпретирована следующим образом: а) «синтаксема преобразуется в

обособленный член – деепричастие» [3: 288]: *Позавтракав, расчистили стол, поставили клей, картон* и т. д.; б) «синтаксема трансформируется в придаточную часть сложноподчинённого предложения с временными отношениями» [3: 288]: *После того как позавтракали, расчистили стол, поставили клей, картон, положили ножницы* и т. д.

Темпоральные субстантивные обороты отличаются тем, что в их составе всегда присутствует распространитель. «Семантика оборота содержит компонент времени, который складывается из лексического значения предлога, вещественного значения сочетающихся знаменательных слов, реализуется в их взаимодействии, а грамматическое значение предлога дополняет семантику управляемой им падежной формы существительного» [6: 39]. Анализируемые конструкции могут содержать один или несколько элементов-распространителей.

Темпоральные субстантивные обороты в предложениях: *Какая она мне родная, –* ***после долгого молчания*** *виновато молвил Данила* (Астафьев). ***После первой же рюмки*** *он почувствовал лёгкий хмель, очень захотел есть и долго, поглядывая искоса и стараясь не торопиться, ел одних омаров* (Бунин). ***После возвращения во Францию*** *он поселился в деревне Понтуаз, где пробыл до 1884* (Акимова) – содержат один зависимый компонент.

После долгого молчания имеет в своём составе атрибутив, выраженный качественным прилагательным *долгого*. *После первой же рюмки* репрезентирует относительное прилагательное *первой*, значимость которого увеличивает усилительная частица *же*. В состав темпорального субстантивного оборота *после возвращения во Францию* входит девербатив *возвращения* и зависимый от него локатив *во Францию*. Конструкция отражает синкретизм временных и пространственных отношений. В одной единице эксплицируется пространственно-временной континуум высказывания.

Темпоральные субстантивные обороты с несколькими распространителями наиболее подробно описывают время протекания действия, репрезентируемого основной специализированной (*бросал, назначал, поехал, не застал, узнал*) / неспециализированной формой (*произвело впечатление*) простого глагольного сказуемого. Часто проявляется синкретизм временных, пространственных и причинных отношений в одной конструкции: ***После каждого неудачного штурма*** *он бросал в подземелье очередного злосчастного кригсмана и назначал нового* (Быков); ***После таких разговоров с Погодиным*** *Гоголь немедленно поехал к нам, не застал нас дома, узнал, что мы в театре, и явился в нашу ложу* (Аксаков); *Помню, какое тяжёлое впечатление произвело на меня поле под Армавиром* ***в холодный октябрьский день после урупских боёв****, всё усеянное белыми фигурами (раздели до белья) пленных, взятых 1-й конной и 1-й Кубанской дивизиями…* (Деникин).

Темпоральный субстантивный оборот *после каждого неудачного штурма* содержит два атрибутивных элемента: определительное местоимение *каждого*, которое указывает на повторяемость событий и времени их протекания, и качественное прилагательное *неудачного*, которое эксплицирует оценку события.

Конструкция *после таких разговоров с Погодиным* в своём составе имеет два распространяющих компонента: согласованное определение, выраженное указательным местоимением *таких*, которое акцентирует внимание на явлении, после которого действия героя стремительно развиваются, что подтверждается употреблением наречия *немедленно*, и косвенное дополнение *с Погодиным*, выраженное предложно-падежной словоформой. Значение времени взаимодействует с объектным значением. Представляется длительность временного интервала, после которого совершается событие, эксплицированное сказуемым.

Темпоральный субстантивный оборот *в холодный октябрьский день после урупских боёв* имеет особое прочтение, так как часть с предлогом *после* выступает как дополнительный, а не основной компонент анализируемой конструкции. Актуализируется совпадение с обозначенным временем, так как субстантивный оборот организован непроизводным предлогом *в*. Первая часть *в холодный октябрьский день* содержит семантику абсолютного времени, вторая часть *после урупских боёв* соотносит протекание нескольких событий. Время событий становится многомерным и разноплановым, наиболее полно передаёт как реальность описываемых явлений, так и личностное восприятие героем времени и событий, его наполняющих.

Анализируемые темпоральные субстантивные обороты с предлогом *после* являются словоформами с относительным временным значением, так как «в позиции единиц измерения времени оказываются существительные, не содержащие семы темпоральности. <…> Они становятся образными, метафорическими единицами измерения времени, приобретают пропозитивность, несут событийные коннотации» [6: 34].

Как показал предпринятый анализ, омокомплекс *после* с темпоральным значением реализуется как наречие, союз, предлог в составе синтаксемы и субстантивного оборота с одним и несколькими распространителями. Исследуемые единицы содержат семантику времени, но по-разному её репрезентируют в зависимости от структуры, значения и функционирования в контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 12.03.2025).
2. Лекант П.А. Метафорическое поле имён времени в современном русском языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2016: сборник трудов Международной научной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 42–47.
3. Малинская Т.В. Темпоральные синтаксемы с лексемой *завтрак* (на материале произведений И.А. Бунина) // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины. Вып. 6. Северодвинск, 2013. С. 287–290.

4. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учебн. Пособие. М.: Флинта, 2020. 254 с.
5. Панков Ф.И. Русские наречия в их соотношении с русскими предлогами // Мир русского слова. СПб. 2009. № 1. С. 12–19.
6. Шаповалова Т.Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2020. 167 с.
7. Шаповалова Т.Е. Лексико-грамматические маркёры категории синтаксического времени в комедии А.Н. Островского «Свои люди – сочтёмся» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 43–55.

МАРКОВА Елена Михайловна *(Братислава, Словакия)*

доктор филологических наук, профессор
Экономический университет в г. Братиславе

ЕДИНСТВО МАТЕРИАЛЬНОГО И МЕНТАЛЬНОГО В СИМВОЛИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Аннотация. В статье речь идет о развитии символического значения у древних лексем в аспекте синергии материального и ментального. Соотносимое с разными культурными представлениями и временными пластами, символическое значение является индикатором его культурной значимости в том или ином языке. На материале древних славянских названий пищи – *хлеб* и *каша* – демонстрируются их многозначные символические значения, транслируемые синтагматическими комплексами и фразеологическими оборотами. Делается вывод, что наряду с общими символическими значениями, присущими славянскому сознанию в целом, в языках отмечаются национально и культурно специфические символы. Анализ эпидигматики лексем в русском и чешском языках позволяет говорить о преобладании общих символических значений у лексемы *хлеб* и этноспецифичности символики лексемы *каша* в русском и чешском языковом сознании.

Ключевые слова: символическое значение, праславянская лексика, названия пищи, славянские (русский и чешский) языки

Abstract. The article deals with the development of symbolic meaning in ancient lexemes in the aspect of synergy of the material and mental. Correlated with different cultural ideas and time layers, symbolic meaning is an indicator of its cultural significance in a particular language. Using the material of ancient Slavic names of food – bread and porridge – their polysemantic symbolic meanings are demonstrated, transmitted by syntagmatic complexes and phraseological units. It is concluded that along with the general symbolic meanings inherent in the Slavic consciousness as a whole, nationally and culturally specific symbols are noted in the languages. An analysis of the epidigmatics of lexemes in the Russian and Czech languages allows us to speak about the prevalence of general symbolic meanings in the lexeme bread and the ethnospecificity of the symbolism of the lexeme porridge in the Russian and Czech linguistic consciousness.

Keywords: symbolic meaning, Proto-Slavic vocabulary, food names, Slavic (Russian and Czech) languages

Говоря о внутренней, содержательной, стороне лексических единиц, можно выделить денотативное значение (соотнесенность с реальным объектом действительности), коннотативное значение (оценка данного объекта носителями языка) и символическое значение (способность лексемы выступать культурным знаком представлений того или иного этнокультурного сообщества). Символ оказывается интегральным понятием лингвистики и культурологии.

Символы национально и культурно обусловлены. В развитие мысли В.В. Колесова о том, что «каждая культура живет символами», можно сказать, что соотносимое с разными этнокультурными общностями и временными пластами, символическое значение является индикатором культурной значимости слова. Особенно наглядно это проявляется при сравнении близкородственных языков, в частности русского и чешского.

На вопрос Н.И. Толстого «Слово – это знак?» В.В. Виноградов отвечал: «Слово – это символ». «Человек живет… в мире символов, который он постоянно творит и обновляет» [3: 8]. Символическая структура лексического знака проявляется в самый момент его рождения в виде так называемой внутренней формы [5]. Затем слово превращается в знак вещи, который в процессе его функционирования может получить новые символические значения. Способность слова быть знаком знака позволяет символу вторично – после внутренней формы – являться в слове. Семиотическое движение лексической единицы можно представить формулой: символ – знак – символ. Можно согласиться с утверждением, что слово – *динамический символ*, который движется от образности к знаковости и далее вновь к образности [1]. «Символические значения слова должны отграничиваться и от прямых, и от переносных лексических значений, с которыми они могут отождествляться вследствие своей неочевидности. Совокупность исторически зафиксированных символических значений слова – это его культурная значимость» [1: 106].

При культурологическом подходе к изучению языковых явлений нас интересует бытование той или иной лексемы в языковом сознании представителей национального лингвокультурного сообщества, вся совокупность ее семантических переосмыслений, что вербализуется во вторичной номинации, во фразеологии, в паремиях. «Обыденному» значению слова оказывается противопоставлено его «мифологическое» или «символическое» значение [2].

Чтобы увидеть символические значения слова, нужно признать множественность реальностей. В рамках одной пропозиции наряду с реальностью эмпирической, предметной, артефактной предстает та или иная идеальная, ментальная реальность, по-разному соотносимая с реальностью эмпирической. Сознание ассоциативно сближает предметы и понятия, делая обозначения предметов одновременно символическими знаками понятий. Так соединяется в знаке материальное, эмпирическое, и идеальное, ментальное.

Даже в языках близкого родства общие лексемы нередко развивают различные символические значения, указывают на разные представления носителей сравниваемых языков. Культурные знаки, используемые в процессе коммуникации, образуют «общую схематическую картину той специфической среды, в которой живут и творят носители данного языка. Эта среда, в сущности, и есть то самое, что мы называем культурой» [8: 64].

Слово приобретает символическое значение, когда принимает на себя функцию ритуального элемента. Нужно учитывать, что «чаще всего ритуал бывает синкретичным и включает и действие, и слово» [11: 591]. Ритуал – это определенная последовательность действий, связанная с использованием артефактов в их знаковой (символической) функции. В символе внутреннее («идея») и внешнее («образ») равноправны, одинаково актуальны, обогащают друг друга в смысловом отношении. «В

символе – все “равно”, с чего начинать; и в нем нельзя узреть ни “идеи” без “образа”, ни “образа” без “идеи”» [4: 40].

Обратимся в качестве примера развития различной символизации у древних названий пищи – *хлеб* и *каша* [6].

Хлеб – наиболее сакральный вид пищи, символ достатка, изобилия и материального благополучия. С древних времен осмысливается как дар Божий и одновременно как самостоятельное живое существо и даже образ самого божества, поэтому требует к себе особо почтительного отношения [9: 476]. Недаром и церковная просфора – символ соединения с Богом – представляет собой маленький круглый хлебец. Поэтому не принято выбрасывать остатки хлеба, и даже крошки рекомендуется скармливать птицам. У восточных и западных славян было принято, чтобы буханка хлеба постоянно лежала на столе в красном углу. Недаром русский народ говорит: *хлеб всему голова*. Хлеб на столе символизировал богатство дома, готовность к приему гостя, был знаком божественного покровительства и оберегом от враждебных сил [10: 476–477].

Огромной символикой обладает и так называемое ***хлеб-соль*** – обобщенное наименование пищи, символизирующее собой приветствие и выражение гостеприимства, обращенное к гостям. Это отразилось в семантике русского словосложения *хлебосольство*, которым называют радушие и щедрость, с которым встречают гостей у русских, а также в недавно образованном от него глаголе *хлебосолить*. Обычай встречать хлебом и солью есть и у чехов, что отражено в выражении *uvítat chlebem a solí.* Однако у русских гостей всегда встречают *хлебом-солью* в виде *каравая* – большого круглого хлеба, символизирующего богатство и крепость крестьянского хозяйства. Само слово *каравай* этимологически восходит к лексеме *корова* – символу крестьянского дома.

В славянских языках слово ***хлеб*** в целом воспринимается и как основа жизни, нечто жизненно необходимое, что прослеживается в

выражениях *хлеб насущный* (чеш. *Denní chléb, každodenní chléb*, *chléb vezdejší*), в чешском фразеологизме *bylo chlébem jejího života* ‘было самым насущным в его жизни’ (ČRFS), а также в современном русском выражении *не хлебом единым* – ‘не только богатством, материальным достатком’. Уже в древности лексема *хлеб* означала не только ‘квасную пищу, приготовленную посредством печения из муки’, ‘хлебные зерна, мука’, ‘зерна в колосе или на корню’, но и ‘все необходимое для безбедного существования’ (Срезн.). В старочешском языке *chleb* также имело значение не только ‘продукт питания’, но и вообще пропитание (например, в выражении *z chleba slúžiti* ‘служить за пропитание’, в современном чешском *pracovat z chleba* ‘работать ради денег, без интереса’, откуда *chlebařina* ‘работа только из-за денег, подработка’, *chlebař* ‘кто работает только из-за денег’, *chlebodárce* ‘работодатель’ (SJČ).

О значении «достаток», «богатство», «имущество» у слова *хлеб* свидетельствует и древнее чешское выражение *jeden chléb*, означающее ‘иметь общее совместное состояние, имущество’ (SČS). Русский фразеологизм *быть на чьих-либо хлебах* ‘жить за чужой счет’ и чешская фразема *ujídat chléb* ‘объедать кого-л.’, чешская пословица *čí chleba jíš, toho píseň zpívej* ‘чей хлеб ешь, того и песни пой’ и русская *чей хлеб кушаю, того и слушаю* вступают в антонимические отношения с русским выражением *на своих хлебах*, с чешским *na svém chlebě* ‘на своем пропитании’ (ČRFS), благодаря одинаковому вторичному значению лексемы *хлеб*.

Хлеб означает и «заработок», «работа, приносящая хороший доход». В связи с этим уместно вспомнить русское сочетание *хлебное место* ‘выгодная в материальном отношении должность’, в чешском языке употребительно близкое в семантическом отношении выражение *dobýváti chléb* ‘добиваться хорошей должности’. Значение ‘лишиться заработка, средств к существованию’ выражают аналогичные фраземы

připravit o chléb – лишить кого-л. Куска хлеба ‘лишить кого-л. Заработка’, *přijít o chléb – лишиться куска хлеба* ‘лишиться работы, заработка’, *je bez chleba – остаться без куска хлеба* ‘остаться без работы, без средств к существованию’ (ČRFS).

Хлеб связан и с тяжестью его добывания. О трудностях зарабатывания денег, добывания пропитания красноречиво говорит чешская пословица с компонентом *хлеб*: *všude chleba o dvou kůrkách* (букв.: ‘хлеб везде с двумя корками’). Вместе с тем иногда то, чего не хочешь и в чем не нуждаешься, приходит легко и без труда, что вербализуется в чешской пословице с компонентом *хлеб*: *odříkaného chleba největší kus/krajíc*, означающей буквально ‘от отказного хлеба большой кусок, краюха’ (ČRFS).

Таким образом, в символических значениях, которые развила лексема *хлеб* в русском и чешском языках, мы видим много общего, что связано с единством представлений славян о хлебе как основе жизни.

Традиционным является и отношение славян к ***каше*** как к основе питания, жизни и силы, что находит выражение в русской фразеологии и паремиологии, например: *щи да каша – пища наша, мало каши ел* ‘о физически слабом человеке’. Множественность сваренных зерен изначально придавали этому блюду символику богатства, плодовитости, приумножения достатка.

Типичен для многих языков семантический перенос «пища, еда» → «мероприятие, собрание людей с какой-либо целью», что демонстрирует и лексема *каша*. Данный перенос носит метонимический характер и основан на том, что еда является необходимым атрибутом разного рода общественных мероприятий, главным образом празднований чего-либо. Уже в древнерусском языке *каша* могла обозначать и «пир» (Срезн.). Так, *кашей* в русских народных говорах называют «артель» как объединение людей (Даль), но чаще всего перенос названия связан с обозначением праздника, праздничного застолья: «званый вечер после крестин», а

также «праздник по случаю окончания жатвы», известно оно и в старинном значении «обед после свадьбы у молодых» (Даль). Лишь в говорах словацкого языка *kaše* является наименованием самого свадебного обряда (ЭССЯ).

Семантика «дело, требующее хлопот» проявляется у слова *каша* и в фразеологизмах *заварить кашу*, *расхлебывать кашу*, где оно имеет отрицательную коннотацию. Вместе с тем символика, связанная с этой лексемой в русском языке, амбивалентна. Положительное значение «серьезное дело» свойственно данной лексеме в обороте *с ним каши не сваришь*, близко по значению и сложение *однокашник*, вышедшее из выражения *в одной каше вариться*. Аналогично этому и у чеш. *Kaše* развилось значение ‘дело, ситуация’, однако лишь в отрицательном аспекте, которое проявляется, например, в устойчивых выражениях *být v pěkné kaši* ‘быть в неприятной ситуации’, *dostat se do kaše* ‘влипнуть, попасть в неприятную ситуацию’*, nechat v kaši* ‘бросить кого-л. В беде’*, tahat koho z kaše* ‘вызволять, вытаскивать кого-л. Из беды’ (ČRFS).

Наряду с общим, обусловленным исторически, восприятием слова *каша* разными славянскими народами отмечаются и абсолютно национально специфические символические смыслы, вербализуемые данной лексемой. У русских *каша* является символом беспорядка в голове, мешанины, путаницы, нечленораздельной речи (с отрицательной коннотацией): *у него каша в голове; во рту каша*. Для чехов *каша*, напротив, имеет положительную символику: означает богатство ума, остроумие**,** что объективировано во фраземе *jídat vtipnou kaši* ‘быть остроумным, сообразительным’ (ČRFS). Символом беспорядка, мешанины в голове и во рту в чешской лингвокультуре выступает другой образ кулинарного кода – чешская национальная еда *кнедлики*: *má jako knedlík v ústech, v puse, v hubě* букв. ‘у него словно кнедлик во рту’.

Каша выступает в качестве образного компонента и некоторых других чешских фразеологизмов с символикой горячего: *chodit jako kočka*

kolem horké kaše (‘ходить как кошка вокруг горячей каши’, аналог рус. *ходить вокруг да около*), а также пословицы *žádná kaše se její tak horká, jak se uvaří* (ČRFS) (букв. ‘ни одна каша не такая горячая, как когда ее варят’, аналог русской пословицы *не так страшен черт, как его малюют*).

В русском языке национально специфичным у слова *каша* является символика наказания, связанная с историческим образом *березовой каши* в значении ‘розги, прутья, которыми бьют, наказывая кого-л.’: *накормить березовой кашей* (Даль).

Не свойственна чешскому языку и метафорическая ассоциация рваных ботинок со ртом, просящим кашу, реализуемая во фраземе *ботинки/сапоги просят каши* (в чешском языке в данном случае возникает аналогия с акулами: *boty mají žraloky* букв. ‘у ботинок есть акулы’). Вместе с тем есть в чешском языке в названии обуви ассоциация с хлебом, имеющим округлую, большую форму: этот признак послужил основой названия обуви скинхедов – *chleby* (SSČ).

Как видим, современные славянские языки, вышедшие из одного праязыка-основы, сохраняют общие представления о важнейших явлениях бытия, что реализуется в символических значениях древних названий, одновременно с этим развивая и этноспецифические ассоциации. Национальная специфика объективируется в фактах вторичной номинации, в том числе фразеологической. В этом прослеживается связь не только лексики и фразеологии, но и материального и духовного, что составляет суть символического значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.В. Культурная значимость слова как предмет русской исторической лексикологии: дис. … док. Филол. наук. Т. 1. М., 2021. 330 с.
2. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 285 с.
3. Емельянов Ю.Н. Основы культуральной антропологии: Учеб. пособие. СПб.: СпбГУ, 1994. 48 с.
4. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.

5. Маркова Е.М. Когнитивные основания названий хлебных изделий в славянских языках // Русское слово. Вып. 4. Сб. научн. Тр. Волгоград: Изд-во ЦДОД «Олимпия», 2015. С. 186–199.
6. Маркова Е.М. Ценностно-смысловое развитие славянских названий пищи // Рациональное и эмоциональное в русском языке. Сб. тр. Межд. Научн. Конф. М.: МГОУ. 2014. С. 168–175.
7. Панов Е.Н. Знаки, символы, языки: коммуникация в царстве животных и в мире людей. Изд. 6-е, испр. И доп. М.: URSS, 2010. 502 с.
8. Славянская мифология. Энциклопедический словарь: Изд-е 2-е. М., 2002.
9. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995.
10. Толстая С.М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 591–597.

Словари и их сокращения

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1978–1980.
Срезн. – Срезневский И.В. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.
ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд; под ред. О.Н. Трубачева). М.; вых. С 1974.
SČS – Gebauer J. Staročeský slovník. T. 1-2. Praha, 1903–1916.
ČRFS – Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002.
SJČ – Travníček F. Slovník jazyka českého, 4-é vyd. Praha, 1952.
SSČ – Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2003.

МАСЛОВА Валентина Авраамовна
(*Витебск, Республика Беларусь*)

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
доктор филологических наук, профессор
mvavit@tut.by

ГРАНИЦЫ ДИАЛОГА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. Статья посвящена анализу диалога в поэтическом тексте. Нами рассмотрены три важнейшие сущности: феномен границы, феномен диалога и его реализация в поэзии. В статье показано, что текст вступает в ряд диалогов – с миром, автором, читателем, другими текстами, самим собой и т. д. Важнейший из них с адресатом, читателем, без которого текст мёртв.
Ключевые слова: диалог, полилог, лимология, поэтический текст, ментальное образование.

Abstract. The article is devoted to the dialogue analysis in a poetic text. We have considered three most important entities: the phenomenon of the border, the phenomenon of dialogue and its implementation in poetry. The article shows that the text enters into a number of dialogues – with the world, the author, the reader, other texts, itself, etc. The most important of them is with the addressee, the reader, without whom the text is dead.
Key words: dialogue, polylogue, limology, poetic text, mental education.

Диалог в данной статье представлен как многогранный феномен, проблемы которого решаются в философии, психологии, культурологии,

лингвистике, литературоведении и других гуманитарных науках. Мы рассматриваем его с позиции лингвокультурологии. Но решение многих проблем диалога может быть достигнуто только при интегрировании результатов, полученных различными науками. Истоки интереса к диалогу обнаруживаем еще в Античности. Например, у Платона диалог совпадает с Космосом: настолько он глобален и всеобъемлющ. Сегодня наука позволяет рассматривать человека как гетерогенную динамическую структуру, находящуюся в постоянном диалоге с миром: природой, социумом в целом, другими людьми, самим собой. Мышление тоже диалогично.

По М.М. Бахтину, первичен диалог сознания с миром, а в тексте, как отображении этого мира, сохраняется диалогическая природа: «Диалогичность познания закрепляется в структуре готового текста» [2: 48].

Диалогические идеи М.М. Бахтина нашли своё продолжение в трудах философа В.С. Библера, который считал, что диалог происходит на доязыковом уровне, а язык в диалоге играет лишь служебную роль [3: 261]. Напротив, М.М. Бахтин утверждал важность языка и писал, что диалогичность – это единственная форма существования языка, хотя многими исследователями до сих пор диалог признается лишь одной из форм существования языка. Понятие «другой» становится ключевым в концепции М.М. Бахтина.

И М.М. Бахтин, и Л.П. Якубинский справедливо считали, что, помимо собственно лингвистического, возможен психологический, социолингвистический, культурологический аспекты исследования диалога [1; 8]. В последние годы активно исследуется диалог в аспекте художественной коммуникации.

Особая область интереса – диалог с текстом, который порождает множество диалогов, то есть всякий текст полилогичен. Современная филология и лингвокультурология используют термины *диалог* и *полилог*

для описания обмена смыслами, значениями, через которые говорит каждый автор и каждый текст.

Цель данной статьи – показать, что «парадокс многоголосия» в поэтическом тексте имеет свои границы в процессе восприятия, понимания и интерпретации поэтического текста.

Для раскрытия проблемы, обозначенной в заглавии статьи, нам нужно рассмотреть три сущности: феномен границы, феномен диалога и его реализация в поэзии.

Что касается границы, то об этом существует целая наука – лимология. Эта проблема важна для целого ряда наук – от лингвистики до философии. Например, граница между материальным и идеальным (духовным) в языке, граница между устаревшими явлениями языка и формирующимся новоязом, границы между научной и наивной языковой картинами мира и т. д. Следовательно, многие явления и процессы в языке можно рассматривать сквозь призму границы. Граница как «переход» одного явления в другое – это особая гуманитарная реальность, требующая всестороннего исследования. С точки зрения философии, граница может быть рассмотрена в контексте смыслов бытия и познания. Феномен границы возникает на пересечении различных видов отношений человека с миром (природой, обществом) и самим собой. В любой, но чаще в гуманитарной науке, границы создаются, чтобы потом их разрушать.

Нас интересуют границы диалога человека и текста. Диалог в тексте – это диалог различных пониманий того, о чем идет речь. Как писал П. Флоренский: «В слове как таковом бьется ритмический пульс вопросов и ответов» [7, с. 256]. Но в тексте есть еще несколько ипостасей диалога: текст вступает в диалог с другими текстами; это явление интертекстуальности. Например, известные строки А.С. Пушкина *Я вас любил: любовь еще, быть может… Я вас любил безмолвно, безнадежно…* используются И. Бродским: *Я вас любил. Любовь еще*

(возможно, / что просто боль) сверлит мои мозги… Я вас любил так сильно, безнадежно, / Как дай вам Бог другими – но не даст! (6-й из «Двенадцати сонетов к Марии Стюарт»). Прямое цитирование у И. Бродского наблюдается лишь на поверхностном уровне, а на уровне глубинных смыслов диалог между двумя текстами значительно сложнее: с опорой на пушкинские смыслы порождается новый текст. А сама интертекстуальность не просто осложняет процесс восприятия текста читателем, а добавляет многочисленные смыслы, который симфонией звучат с пушкинскими. Но для этого нужен подготовленный читатель. Если такого читателя нет, то текст остается не до конца понятым. Чем шире культурный опыт читателя, тем больше «запускается» механизмов смыслообразования. Иногда даже читательское восприятие глубже и серьезнее того смысла, что вкладывал автор.

Диалог может возникать и у одного субъекта, у которого в разное время актуализируются разные смыслы. Примером может служить один и тот же текст, воспринимаемый читателем в молодом и зрелом возрасте. Текст может вступать в диалог с самим собой, когда в нем одновременно сталкиваются несколько позиций. Например, у И. Бродского:

… несло горелым
с четырех сторон – хоть живот кресты;
с точки зрения ворон – с пяти.

Для вороны важна еще и высота, с которой слышен запах.

Следовательно, границы диалога определяются сознанием воспринимающего текст читателя. Читая текст (стихотворение), воспринимающий вступает с автором и самим текстом в диалог, налагая на текст свою схему смысла, то есть текст адаптируется им под собственную картину мира. Итак, многое зависит от эрудиции, опыта и компетенции читателя, способного в него проникнуть. Но и личностные характеристики читателя (эмоциональное состояние), историческое время также вносят свои поправки в авторские смыслы.

Реализация диалога в поэзии. Поскольку диалогичность – основополагающее свойство художественного текста, то текст как бы заставляет нас вступить в диалог. В процессе диалога читатель превращается в со-творца, потому что сигналы, содержащиеся в этом тексте, будят его сознание и эмоции, которые откликаются на эти сигналы. Об этом писали А.А. Леонтьев [5], А.Р. Лурия [6], А.А. Брудный [4] и др. психологи и психолингвисты.

Можно сказать, что диалог *текст – читатель* – один из самых важных в поэзии. Насколько глубоко он сможет войти в текст и понять его, зависит не столько от текста, сколько от читателя. Отсюда вывод: образованный читатель необходим литературе. И еще одна сторона проблемы диалога текст – читатель: читатель, как ни странно на первый взгляд, может влиять на текст через автора: в русской поэзии XIX века довольно частотны были латинские и греческие заголовки, например, «Anno Domini» А. Ахматовой. После революции пришел новый читатель, не знающий классических языков, и такие заголовки постепенно исчезли.

В статье анализируются примеры стихотворения «Гамлет» Б. Пастернака и реакцию разных читателей на книгу Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь».

Мы видим разные интерпретации текста, то есть установление смысла представленных в тексте явлений и событий. Это интеллектуальная операция не может быть сведена к толкованию, которое отвечает на вопросы «что» и «почему» и обращено в сам текст. Интерпретация же отвечает на вопрос «зачем?». Читательская интерпретация текста не может полностью совпасть с авторской, причем не только потому, что у них, как у различных личностей, разные концептуальные системы, но и потому, что у них значительно различаются культурные контексты, жизненный опыт и т. д. Даже попадая в новую историческую эпоху, текст наполняется новыми смыслами по сравнению с теми, которые он имел во время своего создания. Вся

выдающаяся поэзия – это такая, в которой темы, мотивы, образы, смыслы мерцают один сквозь другой.

В поэтическом тексте смысл слов не столько разъясняется, сколько затемняется и тем самым актуализируются глубинные смыслы, воспринимаемые носителями языка как открытие. И тогда поэт кажется читателю провидцем. Так, в сборнике украинского поэта Дм. Бураго «Эхо мертвого города» за десяток лет до страшного события в Одессе, мы предчувствуем эту трагедию:

Жребий брошен. Стал невидимкой.
Срок назначен. Счета сытожены.
Покосилась до боли видимость –
оказалось, что век не прожит.

Поэт старается прорваться к истокам бытия. В его поэзии видим лишь очертания смысла, а основные смысловые мазки накладывает читатель.

Так что же такое текст – это хранилище смыслов или смыслопорождающий механизм? На это наука пока не имеет ответа. Однако поставить эти проблемы нас заставляет развитие нарратологии, рецептивной эстетики, герменевтики.

Выводы. В поэзии наиболее важен диалог между автором и читателем, исследователем и читателем, автором и исследователем, текстом и автором, текстом и читателем, текстом и исследователем, текста с самим собой, когда в нем одновременно сталкиваются несколько позиций, одного текста и разных его читателей и т. д. Важнейший из них – диалог с читателем, без которого текст – лишь набор знаков, то есть мертвый материал.

Художественный текст не единственно возможная репрезентация авторского сознания, а диалог равноправных сознаний – автора и читателя. Всякий читатель есть исследователь и интерпретатор текста, ибо он обладает собственным жизненным и культурным опытом. Автор

же подсознательно стремится отыскать равного себе собеседника, который смог бы стать со-творцом. Эти идеи выросли на фундаменте диалогической теории М.М. Бахтина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы текста // ВЛ, 1976, № 10.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
4. Брудный А.А. Пространство возможностей. Бишкек, 1999. 386 с.
5. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Ин-т языкознания РАН, 1993. С. 16–21.
6. Лурия А.Р. Язык и сознание; под ред. Е. Д. Хомской. М: МГУ, 1979. 320 с.
7. Флоренский П. А. Сочинения. В 3 т. Т. 2. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. 447 с.
8. Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. 208 с.

МЕЛЕХОВА Любовь Александровна *(Рязань, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
l.melehova@365.rsu-rzn.ru

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОСТИ КАК МЕНТАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье обоснован статус категории отрицания как одной из ментальных черт русского поэтического текста. Грамматические средства отрицания и отрицательные предложения рассматриваются в контексте лингвопоэтики и поэтического дискурса. Классифицируются субъективно-оценочные смыслы поэтического отрицания и их семантико-стилистические оттенки: прогнозирование отсутствия будущего, признание дисгармонии жизни, полинеганитвный самогипноз.

Ключевые слова: отрицание, коннотация, экспрессия, ментальность, лингвопоэтика, дискурс.

Abstract. The article substantiates the status of the category of negation as one of the mental features of the Russian poetic text. Grammatical means of negation and negative sentences are considered in the context of linguopoetics and poetic discourse. The subjective evaluative meanings of poetic negation and their semantic and stylistic shades are classified: predicting the absence of the future, recognizing the disharmony of life, and polyneganitic self-hypnosis.

Keywords: negation, connotation, expression, mentality, linguopoetics, discourse.

Отрицательное высказывание в современном русском языке является основным коммуникативным средством выражения категориального значения отрицательности. Данное понятие вводит профессор П.А. Лекант, указывая на способность частицы *не* присоединяться к любому компоненту предложения. Категориальное значение отрицательности понимается как основа логического смысла «противоположное», как неизменяемость, отдельность. Функционально-семантические особенности отрицания в русском поэтическом дискурсе открывают широкие возможности для реализации разнообразных экспрессивно-эмоциональных и стилистических оттенков высказывания. Теоретической основой рассматриваемой проблемы явились представления П.А. Леканта об особом статусе «негатива» как отдельной части речи, «занимающей промежуточное положение между знаменательными и незнаменательными классами слов» [2: 34; 3: 186] и проявляющей категориальное значение отрицательности, в том числе на синтаксическом уровне языковой системы, а также исследования А.В. Канафьевой об экспрессивно-эмоциональном потенциале отрицания в поэтическом тексте [1: 235]. В современных исследованиях категория отрицания осмысляется в аспекте оппозиций субъективного и объективного, рационального и эмоционального. «Семантика отрицания принадлежит к разряду аксиологически важных смыслов русского мыслечувствования» [4: 7]. Важным является утверждение М.С. Миловановой о том, что субъективное отрицание и эмоциональная составляющая его семантики выступает элементом русского коммуникативного поведения, а средства и способы его выражения – интенсификаторами экспрессии отрицания. Объектом проводимого анализа являются примеры русского поэтического дискурса, так как «в поэтической дискурсивной деятельности именно коннотативные компоненты создают эмотивное пространство и способствуют эмоционально-ассоциативному восприятию образа в структуре поэтического текста» [5: 52]. В связи с этим актуальным представляется

рассмотрение лингвоэстетической категории отрицания как аксиологической и художественной доминанты русской поэзии и необходимость обоснования языковых средств и способов её выражения как особого стилеобразующего средства выразительности.

Закономерно возникает вопрос о взаимосвязи отрицания и ментального отклика у читателя: почему строки, хорошо знакомые всем и отозвавшиеся в душе русского человека, содержат отрицание? Почему русское лирическое «я» погружено в категорию отрицательности, а семантикой отрицания проникнуто всё русское поэтическое пространство? Лирический герой русской поэзии пытается найти и определить своё место в мире через отрицание, а сама гармония мира постигается им по принципу «от обратного»: *Не то, что мните вы, природа, Не слепок, не бездушный лик…* (А. Фет); *Любимая, меня вы не любили, не знали вы, что в сонмище людском…* (С. Есенин); *Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить…* (В. Тютчев); *Не бродить, не мять в кустах багряных лебеды, И не искать следа…* (С. Есенин).

При этом все тематические группы лирики: любовная, философская, пейзажная, патриотическая, а также раскрывающиеся темы Родины, поэта и поэзии, дружбы, одиночества, народной судьбы – пронизаны категориальным (как грамматическим, так и философским) значением отрицательности. В любовной лирике это противопоставление себя объекту чувств, утверждение о невозможности взаимного счастья, горестное сожаление о безответности чувства, о разлуке, о том, что любовь осталась лишь в прошлом: *Мне нравится, что вы больны не мной, Мне нравится, что я больна не вами…* (М. Цветаева); *Не тобой я поцелован, Не с тобой мой связан рок…* (С. Есенин); *Не тобой болеет сердце…* (И. Бродский); *Нет, нет, не должен я, не смею, не могу Волнениям любви безумно предаваться…* (А. Пушкин).

В философской лирике – это отрицание себя, констатация непринятости себя миром, семантика дисгармонии мира и человека,

раздумье о непостижимости или предопределенности будущего, самоотрицание, отрицание прошлого или будущего: *Цели нет передо мною: Сердце пусто, празден ум…* (А. Пушкин); *Мне не жаль вас прошедшие годы, Ничего не хочу вернуть…* (С. Есенин); *И не избегнуть бури, Не миновать утрат…* (С. Есенин); *И ничто души не потревожит, И ничто её не бросит в дрожь…* (С. Есенин)*; На свете счастья нет, но есть покой и воля…* (А. Пушкин); *Не жаль мне лет, растраченных напрасно, Не жаль души сиреневую цветь…* (С. Есенин).

В пейзажной лирике отрицание выполняет образную функцию, создаёт картину того, как есть, через то, чего нет: *Не ветры бушуют над бором, Не с гор побежали ручьи…* (Н. Некрасов); *Не ветры осыпают пущи, Не листопад златит холмы…* (С. Есенин); *Весна на радость не похожа, И не от солнца жёлт песок…* (С. Есенин). Здесь негатив и общая деструктивная семантика в сильной мере обусловлены дискурсивной поэтической средой, так как в детской поэзии о природе мы почти не встречаем отрицательных высказываний.

Ментальность понимается нами как мироощущение, мировосприятие на основе общности «психического склада», в этом смысле ментальный характер русского поэтического отрицания определяется этническими и национальными обычаями, образом жизни, духовными навыками, культурными традициями русского человека.

Опираясь на утверждения В.В. Виноградова о наделённости грамматических категорий и форм особыми экспрессивными оттенками и понимая экспрессию отрицания как силу воздействия на собеседника – в поэтическом дискурсе – это читатель, – развиваем представление М.С. Миловановой о том, что субъективно-оценочный характер категории отрицания и его функционально-семантические грани в русском поэтическом пространстве декларируют отношение лирического героя к миру по принципу «отталкивания», исторически и традиционно являющегося частью русской языковой картины мира.

Отрицание обладает обширным функционально-семантическим диапазоном, который определяется множеством языковых средств для его выражения и особенностями их использования, организуя разнообразные субъективно-оценочные смыслы высказывания: несогласие, безразличие, горестное сожаление, плач души, заклинание, мольба, запрет, отрицание себя или отрицание окружающей действительности – то есть многогранные оттенки общего смысла декларативного отношения русского человека и русского лирического «я» к миру аксиологически детерменированного «отталкивания», что исторически и традиционно является частью русской языковой картины мира, а значит, обосновывает статус отрицания как одну из ментальных доминат русского поэтического пространства.

Основными маркерами отрицательного смысла в русском языке выступают слово *нет* и частица *не,* обладающие разной степенью экспрессивности, которая может быть усилена при участии специальных лексических, интонационных и грамматических средств, имеющихся в русском языке. В русском поэтическом дискурсе отрицание всегда экспрессивно и способствует выражению особых эмоционально-оценочных и стилистических оттенков. *Семантические оттенки отрицания* в русской поэзии ярко специфичны: эмоционально-экспрессивное признание невозможности полного познания жизни, аффективное утверждение о предельности жизни, невозвратности молодости: *Увяданья золотом охваченный, я не буду больше молодым…* (С. Есенин); драматический оттенок душевной тоски, плача, причиной которого является ощущение нарушения миропорядка: *Неужели не я? Что-то здесь навсегда изменилось…* (И. Бродский); *Не думай о секундах свысока…* (Р. Рождественский); противопоставление «ты» и «я» в контексте любовной лирики: *Ты меня не любишь, не жалеешь…* (С. Есенин); *Только нецелованных не трогай, Только негоревших не мани…* (С. Есенин); *И ничто души не потревожит, И ничто её не бросит в дрожь…* (С. Есенин); признание фатальной неизменности

прошлого; самооправдание, непринятие себя: *Не такой уж горький я пропойца…* (С. Есенин), сожаление о непознаваемости и предельности бытия, прогнозирование отсутствия будущего: *Стыдно мне, что я в Бога не верил, Горько мне, что не верю теперь…* (С. Есенин); *Кто любил, уж тот любить не может, Кто сгорел, того не подожжёшь…* (С. Есенин); признание дисгармонии жизни, полинеганитвный самогипноз: *В этой жизни умирать не ново, Но и жить, конечно, не новей…* (С. Есенин). Обзор поэтических форм отрицания позволяет сделать вывод: отрицание и его субъективно-модальные значения есть одна из форм утверждения автором идеалов, ценностей жизни и особый художественный инструмент, способствующий выразительности текста. Ментальный характер русского поэтического отрицания обусловлен глубинными противоречиями русской души и русского характера, отражёнными в лирике.

Категория отрицания с её разнообразием экспрессивно-эмоциональных и стилистических оттенков предстаёт как важный транслятор сознания и подсознания языковой личности автора, которая проявляет себя не только через утверждение идей, взглядов, идеалов, принципов, но и через феномен языкового отрицания, где многогранность семантики и полифункциональность есть способ отражения ощущения поэтом мира и познания места и назначения человека в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канафьева А.В. Отрицание в поэтическом тексте / Лекантовские чтения: матер. Междунар. Науч. Конф. М.: МГОУ, 2020. С. 235–239.
2. Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. М., 2002. 312 с.
3. Лекант П.А. Отрицательно-безличное нет у А.С. Пушкина в контексте образности / Русский язык: история, диалекты, современность: сб. науч. Ст. / отв. Ред. Л.Ф. Копосов. М.: МГОУ, 2019. С. 185–188.
4. Милованова М.С. Экспрессия русского отрицания (Русское коммуникативное поведение: взгляд со стороны): монография. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2021. 156 с.
5. Чумак-Жунь И.И. Бондарь А.В. Операторы выражения эмотивных смыслов в поэтическом тексте // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 6 (203). С. 52–59.

НЕМИЧ Наталья Николаевна *(Сызрань, Россия)*

кандидат филологических наук
Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
в г. Сызрани
nemich.natalya@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ВЫМЫШЛЕННЫХ ТОПОНИМОВ В МИРЕ ИНОБЫТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются языковые средства создания вымышленных топонимов в мире инобытия. Объектом исследования являются вымышленные топонимы, встречающиеся в произведениях русских писателей XIX-XXI вв. В качестве источников использованы произведения русской литературы, а также представлен краткий обзор научных работ по теме исследования. Отмечается, что вымышленные топонимы в произведениях русских писателей имеют свои особенности в разные исторические периоды. Использование фонетических и морфологических приёмов позволяет создавать запоминающиеся названия, подчёркивающие необычность фантастических миров.
Ключевые слова: вымышленные топонимы, языковые средства создания вымышленных топонимов, мир инобытия, языковая игра, русские писатели.

Abstract. The article examines the linguistic means of creating fictional place names in the world of otherness. The object of the study is fictional place names found in the works of Russian writers of the XIX–XXI centuries. The works of Russian literature are used as sources, as well as a brief overview of scientific papers on the research topic. It is noted that fictional place names in the works of Russian writers have their own characteristics in different historical periods. The use of phonetic and morphological techniques allows you to create memorable names that emphasize the uniqueness of fantastic worlds.
Keywords: fictional place names, linguistic means of creating fictional place names, the world of otherness, language game, Russian writers.

В последние десятилетия в русистике наблюдается интерес к изучению вымышленных миров в разных видах искусства (литературе, кино и др.). Одним из ключевых аспектов этих миров являются вымышленные топонимы. В отличие от реального мира, в мире инобытия действуют иные законы и правила. Этот мир преимущественно представлен в таких жанрах, как фантастика, фэнтези, сказки, мифы, легенды. В таких мирах часто встречаются вымышленные (ирреальные) топонимы, которые помогают передать особенности культуры, истории и географии ирреального пространства. Изучение вымышленных

топонимов важно для понимания организации национальной языковой картины мира, для восприятия мира инобытия.

В настоящем исследовании предпринята попытка анализа языковых средств создания вымышленных топонимов в художественных текстах XIX–XXI вв. Для анализа отобраны наиболее яркие и значимые произведения художественной литературы, в которых вымышленные топонимы играют важную роль в построении мира инобытия, различных исторических эпох, обладающие высоким уровнем художественной ценности и отражающие характерные особенности определённого периода. На основе этого анализа выявлена специфика использования различных языковых средств для создания ирреальных топонимов в каждом из указанных периодов.

Целью данной статьи является анализ языковых средств, используемых писателями разных исторических эпох для создания вымышленных топонимов мира инобытия.

Ирреальные топонимы привлекают внимание исследователей-лингвистов, литературоведов, культурологов. В настоящее время представлен ряд работ, посвящённых анализу вымышленных названий географических объектов.

Так, А.Т. Грязнова, характеризуя вербально-образную картину мира через когнитивный аспект, приходит к выводу, что топонимы в фэнтезийном тексте «составляют ядро художественного концепта *магическое отражение*» [3: 57]. Исследователь считает, что «романтики использовали в своих произведениях топонимы, окружённые в сознании носителей языка ореолом таинственности (загадочности)», см.: [3: 99]. А.Т. Грязнова акцентирует внимание на том, что в произведениях фэнтези обычно используются топонимы, возникшие в результате фонетических и словообразовательных трансформаций исходных единиц с целью создания каламбура [3: 157].

И.Я. Ганиева отмечает, что географические наименования, созданные фантазией авторов, используются в художественном тексте «для привнесения специальных коннотаций и эмоционально-экспрессивных оттенков» [2: 25]. Исследователь, анализируя творчество Д. Мамедкулизаде, предлагает следующую классификацию топонимических единиц, которые используются писателем в прозе и драматических произведениях: 1) топонимы, которые образуются с применением фонетических изменений, 2) вымышленные названия как продукт воображения писателя [1: 648].

Н.З. Коковина и И.П. Михайлова подчёркивают, что вымышленный топоним *Светлый Град*, как ядро мифопоэтической концепции, лежит в основе мировидения Пимена Карпова и символизирует утопические идеалы и духовное обновление, отражая мечты о создании идеального мира, «приобретает статус онтологической идеи, объединяющей эстетические и этические ценности» [5: 239].

Топоним *Светлый Град* связан с миром инобытия через его символическое значение как идеального, утопического пространства, которое отражает высшие духовные и моральные ценности. В контексте русской литературы и культуры *Светлый Град* нередко ассоциируется с представлениями о рае, небесном царстве или идеальном обществе, где царит гармония, святость и духовное преображение. Полагаем, что *Светлый Град* служит связующим звеном между земным и небесным, отражая стремление к идеалу и духовному обновлению, что делает его важным элементом в контексте инобытия.

П.С. Потехина, анализируя функциональный потенциал реальной и ирреальной топонимической лексики в прозе И.А. Бунина, акцентирует внимание, что мифологические топонимы, используемые писателем, «отсылают к древнееврейским, христианским, исламским текстам <…> и способствуют индивидуализации художественной картины мира, <…> даруя возможность писателю прикоснуться к Вечности» [6: 3177].

Исследователь, моделируя топонимическое пространство произведений И.А. Бунина, отмечает малочисленность использования вымышленных (мифологических) топонимов писателем, между тем указывает на их семантическую разнородность (Царство Небесное, Царство Божие и др.), см.: [6: 3175].

Г.Л. Девятайкина вымышленные топонимы называет авторскими или литературными [4: 75]. Исследователь на материале «Уральских рассказов» Д.Н. Мамина-Сибиряка раскрывает роль вымышленных топонимов в произведении, рассматривает их с точки зрения словообразования. Так, топоним *Пропадинск* образован суффиксальным способом от глагола «пропадать»; *Шатуново* образовано от существительного «шатун». Суффикс прилагательного -*ов*- указывает, по мнению исследователя, на характерность признака (шатания) для деревни [4: 76–77].

Авторские поэтические топонимы, как замечает Г.Л. Девятайкина, выполняя предсказательную, идейную, ассоциативную функции, репрезентируют пространство, расширяют его границы, создают авторскую картину мира [4: 81].

С.А. Скуридина, анализируя топонимы в творчестве Ф.М. Достоевского, утверждает, что ирреальные топонимы выступают как средство пространственно-временной организации художественного текста, усиливают символическое звучание романов [7: 100].

Анализ научной литературы по теме исследования показал, что вымышленные топонимы нередко обладают символическим значением, отражая культурные, исторические и мифологические аспекты мира инобытия; выражают индивидуальный стиль писателя; употребляются для раскрытия содержания произведения, характеристики персонажей.

Обобщая результаты исследований по изучению вымышленных топонимов, сформулируем основные языковые средства, используемые авторами произведений для создания ирреальных топонимов.

Среди писателей XIX в. Выделим Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, М.Е. Салтыков-Щедрина, использующих вымышленные топонимы для создания уникальных миров; XX в. – И. Бунина, Кира Булычёва, А. Грина, В. Каверина, Д.Н. Мамина-Сибиряка; XXI в. – И. Шевчука, О. Громыко, Д. Емца, А. Пехова, М. Успенского. Активное использование вымышленных топонимов в XXI в. Свидетельствует, на наш взгляд, о сохраняющейся актуальности данного художественного приёма в современной литературе.

Языковые средства, используемые авторами XIX в.:

– фонетическое комбинирование (созвучия, необычное сочетание звуков, сходство форм и др.): например, *Скворешники, Скотопригоньевск* (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»). На наш взгляд, оба топонима имеют яркий звуковой ряд, что привлекает внимание читателя и делает их легко запоминаемыми. В лексеме *Скворешники* звук [р] добавляет ритмичности и выразительности, в *Скотопригоньевск* звуки [р], [г], [с] создают плотность звучания, что может символизировать силу и устойчивость. Эти топонимы содержат в себе иронию для создания комического эффекта или абсурдного восприятия описываемых мест. Между тем С.А. Скуридина рассматривает данные топонимы в ином аспекте [7];

– словообразование: *Горелово, Неелово, Разутово, Знобишино* (Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо»); *Глупов* (М. Салтыков-Щедрин «История одного города»); *Калинов* (А.Н. Островский «Гроза»).

Топонимы *Горелово, Неелово, Разутово, Знобишино, Глупов, Калинов* образованы суффиксальным способом (при помощи суффикса *– ов(о)*, обозначающего местонахождение, и суффикса *– шино,* указывающего на персону и имеющего ярко выраженную эмоциональную окраску. Эти топонимы ироничны и аллегоричны по своему содержанию, символизируют нечто лишённое, незащищённое или обездоленное, добавляют образу места негативный оттенок. Кроме того, топоним

Калинов содержит и символическое значение: в этом месте находятся как светлые, так и тёмные стороны жизни, ведь калину воспринимают как символ жизни, красоты, женственности и страданий одновременно. Это помогает передать идею и настроение произведения.

Языковые средства, используемые авторами XX в.:

– фонетическая игра: *Зурбаган* (А. Грин «Зурбаганский стрелок»). Этот авторский неологизм загадочен, создает атмосферу таинственности и волшебства;

– словообразование: *Пропадинск, Шатуново* (Д.Н. Мамин-Сибиряк «Отрава»);

– ассоциация: *Немухин* (В. Каверин «Ночной сторож»). Данный топоним, на наш взгляд, вызывает ассоциации со словом «не муха»;

– символика: *Великий Гусляр* (Кир Булычёв «Великий Гусляр»);

– мифологические аллюзии: *Смарагд* (И. Бунин «Смарагд»); *царство Азазела, страна Азазела* (И. Бунин «Пустыня дьявола»).

В рассказе И.А. Бунина «Пустыня дьявола» топонимы *царство Азазела* и *страна Азазела* служат, на наш взгляд, для создания атмосферы таинственности и зловещести, а также для передачи идей о борьбе между добром и злом. Писатель использует мифологические аллюзии как языковое средство, что позволяет ему глубже раскрыть темы греха, искушения и морального выбора.

Выявлено, что в проанализированных произведениях XXI в. Авторами используется только фонетическое комбинирование: Вристоль, Крутемза, Кисляндия (И. Шевчук «Шерлок Гавс и Доктор Кваксон»); Ринтар и Саврия (О. Громыко «Год Крысы»); Магсква, Магтербург (Д. Емец «Обещание гарпии»); Прогансу, Ветеция (А. Пехов «Страж»); Хлестафорика, Стрижания, Габо-Маркес, Пуэрто-Борхес и Пуэрто-Кортасар (М. Успенский «Белый хрен в конопляном поле»); Дубодам, Тибидохс (Д. Емец «Таня Гроттер и…»); Неспания, Наглия, Бонжурия (М. Успенский «Там, где нас нет»).

Распределение вымышленных топонимов по языковым средствам носит условный характер, поскольку, на наш взгляд, достаточно трудно определить основное языковое средство появления топонима. Данные топонимы представляют собой комбинирование языковых средств: и фонетических, и словообразовательных, и стилистических, что придаёт им многозначность и символическую насыщенность.

Важно отметить, что независимо от временного периода, писатели часто обращаются к схожим языковым средствам: фонетическим, словообразовательным, стилистическим. В XIX в. Топонимы, например, *Глупов*, символизируют провинциальность и социальные проблемы; в XX в. Символика становится более многослойной: здесь и символ культурного наследия (*Великий Гусляр*), и мифологические, и философские образы (*царство Азазела*).

Между тем обозначим различия в создании топонимов писателями разных периодов. Так, в XIX в. Топонимы в художественном произведении преимущественно употребляются как средство социального и политического комментария, а также для сатиры на русскую действительность. Например, *Скворешники* и *Скотопригоньевск* в произведении Ф.М. Достоевского создают эффект иронии и сатиры на российскую действительность того времени. В XX–XXI вв. писатели всё больше склоняются к созданию абсурдных названий, что отражает усиление внимания к фантастике. В XX в. Наблюдается более частотное использование мифологических аллюзий, что особенно заметно в произведениях И.А. Бунина.

В XIX в. Авторы ограничиваются традиционными методами словообразования и фонетического комбинирования, в XX–XXI вв. современные писатели активно экспериментируют с неологизмами и необычными сочетаниями звуков, например, *Зурбаган*.

Таким образом в разные исторические периоды наблюдаются различные подходы к созданию вымышленных топонимов, что

обусловлено культурными, философскими и литературными традициями каждой эпохи. Вымышленные топонимы являются важным инструментом в создании мира инобытия, помогая автору передать уникальную атмосферу, культурные особенности вымышленного мира. Языковые средства, такие как фонетическое моделирование, морфологическое комбинирование, позволяют создавать топонимы, которые остаются в памяти читателей, подчёркивая необычность и уникальность фантастических миров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганиева И.Я. Ос
2. обенности употребления реальных и вымышленных топонимов в азербайджанских и английских художественных текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 643–653.
3. Ганиева И.Я. Проблемы исследования топонимов в разносистемных языках // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 1(14). С. 22–26.
4. Грязнова А.Т. Вербально-образная картина мира русского фэнтези. М.: Московский педагогический государственный университет, 2023. 296 с.
5. Девятайкина Г.Л. Поэтическая топонимика в «Уральских рассказах» Д. Н. Мамина-Сибиряка // Дергачевские чтения–2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 5–7 октября 2006 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; Издательский дом «Союз писателей», 2007. Т. 1. С. 75–82.
6. Коковина Н.З., Михайлова И.П. Мифологема «светлый град» в лирике Пимена Карпова // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 2. С. 235–250.
7. Потехина П.С. Топонимическая картина мира Бунина-ориенталиста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 10. С. 3173–3178.
8. Скуридина С.А. Вымышленные топонимы у Ф.М. Достоевского // Русская речь. 2018. № 3. С. 92–101.

ОДИНЦОВА Ирина Владимировна *(Москва, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
350hashkov350.irina@gmail.com

СОБСТВЕННО-, НЕСОБСТВЕННО- И КОНТЕКСТУАЛЬНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПРИЧИННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Аннотация. В статье рассматриваются три типа причинных отношений: собственно-, несобственно- и контекстуально-обусловленные причинные отношения.

Структурно-коммуникативными моделями, по образцу которых иностранные учащиеся могут создавать собственные высказывания, способны служить только предложения, в которых выражены первые два типа отношений. Предложения с контекстуально-обусловленными отношениями могут быть предъявлены учащимся лишь как материл для наблюдения.
Ключевые слова: причинные отношения, собственно-, несобственно-, контекстуально-обусловленные отношения, структурно-коммуникативная модель, синкретизм.

Abstract. The article deals with three types of causal relations: proper-, non- proper- and contextualized causal relations. Only sentences in which the first two types of relations are expressed can serve as structural-communicative models for foreign learners to create their own utterances. Propositions with contextually conditioned relations can be presented to students only as material for observation.
Keywords: causal relations, proper-, non-proprietary-, contextualized relations, structural-communicative model, syncretism.

При описании языковых средств выражения причинной обусловленности отношения причины могут быть разделены на три группы: собственно-причинные отношения, несобственно-причинные отношения и контекстуально-обусловленные причинные отношения. Подобная классификация основывается на теории функционально-семантического поля, которое «является системой разноуровневых средств того или иного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, лексико-синтаксических и т. п.), которые взаимодействуют на основе общности их функций, на определенной семантической категории» [1: 22].

При выражении *собственно-причинных отношений* наблюдается концентрация семантических признаков, которые характеризуют функционально-семантическое поле причины. Причинная семантика в этом случае передается: 1) в самом общем виде, недифференцированно: *Мы опоздали, потому что заблудились; Котята веселы, потому что сыты* или 2) дифференцированно, когда причинная семантика детализируется в виде благоприятной/неблагоприятной причины, причины-стимула, причины-мотива, причины-основания, причины-источника, причины-результата и т. д. (подробнее см. главу «Выражение причинных отношений» в «Книге о грамматике» [2: 522–533]): *Мы*

опоздали из-за того, что шел дождь; Мы опоздали из-за дождя; Девочка спасена в результате того, что операция проведена успешно; Девочка спасена в результате успешно проведенной операции.

При выражении *несобственно-причинных отношений* значение причины в предложениях осложнено другими видами смысловых отношений: отношениями обоснования, уточнения, альтернативной мотивации, условными отношениями и т. д.: *Прошел дождь, потому что асфальт мокрый; На кухне очень холодно: ведь там всю ночь было открыто окно; Закрой окно, а то замерзнешь; Раз пришел, то проходи.*

Для выражения собственно- и несобственно-причинных отношений в языке имеются специализированные или частично-специализированные лексико-грамматические средства, зафиксированные в грамматиках, толковых словарях и учебниках. Эти отношения, обладая собственными средствами выражения, регулярно воспроизводятся в речи. Таким образом, собственно- и несобственно-причинные отношения формируют структурно-коммуникативные модели [3], по образцу которых возможно порождение высказываний. Эти модели, являясь речевыми образцами, составляют предмет обучения иностранных учащихся.

Контекстуально-обусловленные причинные отношения не имеют специализированных средств выражения. Они не воспроизводятся в речи регулярно. Эти отношения формируются на семасиологическом уровне, на основе конфигурации смыслов, содержащихся в предложениях. При выражении контекстуально-обусловленных отношений причинная семантика наслаивается на выражение других, непричинных, отношений (отношений цели, объекта, места, времени и т. д.) и усложняет их: *Он вышел,* ***чтобы взглянуть на больную****; Ему стыдно****, что он ничего не сделал****; Мне приятно,* ***когда меня хвалят****;* ***За лесом*** *не видно дома;* ***На морозе*** *у нее горят щеки;* ***Без тебя*** *я скучаю;* ***В пиджаке*** *его не*

узнать; ***С тобой*** *мне весело;* ***После 20 лет работы в школе*** *он научился терпению.*

Структурно-коммуникативные модели, выражающие собственно- и несобственно-причинные отношения, являются конституирующими единицами при обучении как продуктивным, так и рецептивным видам речевой деятельности. Обучить же выражению контекстуально-обусловленных отношений нельзя. Однако предложения с этими отношениями могут быть использованы как материал для наблюдения при обучении рецептивным видам речевой деятельности, где актуальным является принцип «от формы языкового знака к его значению».

Несобственно-причинные и контекстуально-обусловленные причинные отношения объединяет то, что эти отношения входят в зону синкретизма.

Внеязыковая действительность содержит разнообразные связи и отношения между реальными событиями и явлениями. Эти связи и отношения, могут быть представлены в чистом виде. Однако существуют явления, которые находятся как бы на пересечении ряда смысловых отношений. Для языковой презентации такого рода явлений должны были бы существовать специальные языковые категории, обладающие особым набором грамматических средств. Но это усложнило бы грамматический строй языка. И язык для обозначения синкретичных явлений использует уже имеющиеся средства. Таким образом появляются синкретичные языковые единицы. «Надо помнить, – писал Л.В. Щерба, – что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать лингвиста» [5: 35–36]. Синкретичные единицы характерны для всех уровней грамматического устройства языка. Именно эти единицы прежде всего удовлетворяют нашу потребность в выражении оттенков смысла во всем их многообразии и взаимодействии. А эта потребность является

главным стимулом эволюционного развития и совершенствования языка и речи.

Несобственно- и контекстуально-обусловленные причинные отношения, находясь в зоне синкретизма, имеют принципиальное отличие. Несобственно-причинные отношения оформляются частично-специализированными средствами, что зафиксировано в грамматиках. Эти средства служат как для оформления причинной семантики, так и для оформления других, непричинных, значений. Например, союз *раз*: *Раз пришел, то проходи* используется для выражения и причинных, и условных отношений. Или употребление для выражения причинной семантики союза ***ведь***, который регулярно служит для выражения семантики уточнения, дополнения, факультативного примечания: *Он занимается спортом. Ведь спорт – это здоровье.* Явление синкретизма при выражении несобственно-причинных отношений имеет место как в плане содержания, то и в плане выражения предложения.

Контекстуально-обусловленные отношения не имеют собственных средств выражения. Явление синкретизма в этом случае имеет место только в плане содержания: *Мне грустно,* ***что ты уезжаешь****; Плох тот солдат,* ***который не мечтает стать генералом****;* ***С приближением весны*** *снег начал таять.* ***За работой*** *она забывает обо всем.* ***В школе*** *он стал настоящим учителем.* ***На морозе*** *у нее горят щеки. С трудом* ***в темноте*** *мы добрались до дома.*

Подобная классификация синтаксических отношений отражает иерархическое устройство функционально-семантического поля причины. Она может быть применена к характеристике других, непричинных, отношений (см., например, [4]). Опора на такую классификацию выражения семантико-синтаксических отношений средствами простого и сложного предложений способна помочь при создании «активных», коммуникативных, грамматик по РКИ.

ЛИТЕРАТУРА
1. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 133 с.
2. Одинцова И.В. Выражение причинных отношений // Книга о грамматике. Лингводидактические основы преподавания русского языка как иностранного // Коллективная монография. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2024. С. 522–533.
3. Одинцова И.В. Структурно-коммуникативные модели с причинной семантикой в простом предложении // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2002. № 1. С. 49–72.
4. Одинцова И.В. Собственно-целевые сложноподчиненные предложения в качестве структурно-коммуникативных моделей при обучении русскому языку иностранцев // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XV Международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка ВлГУ (Владимир, 26–28 сентября 2023 года). Владимир: Транзит-ИКС. С. 335–338.
5. Щерба Л.В. Избранные труды по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1958. 180 с.

ПАНЖИЕВ Нормахмат Панжиевич *(Термез, Узбекистан)*

кандидат филологических наук, доцент
Термезский государственный университет
panjiev.ruslit@gmail.com

КОНЕЧНЫЕ КОНСОНАНТНЫЕ КЛАСТЕРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В статье рассматриваются конечные консонантные кластеры (КК) современного русского литературного языка с позиций синтагматического анализа. Особое внимание уделяется их артикуляционной характеристике – способу и месту образования звуков. Проведена классификация КК на основе транскрибированного материала из «Словаря русского языка» С.И. Ожегова. Выявлены структурные типы кластеров, а также закономерности их сочетаемости. Исследование опирается на методы описательного, сравнительного и статистического анализа с элементами экспериментально-фонетического подхода.
Ключевые слова: консонантные кластеры, синтагматика, способ образования, место образования, типы, типичная структура, стабильность.

Abstract: The article examines final consonant clusters (CC) in contemporary standard Russian from the perspective of syntagmatic analysis. Particular attention is paid to their articulatory characteristics – specifically, the manner and place of articulation. The classification of CC is based on transcribed material from S.I. Ozhegov's Dictionary of the Russian Language. Structural types of clusters and regularities in their combinability are identified. The study employs descriptive, comparative, and statistical methods, complemented by elements of the experimental-phonetic approach.
Keywords: consonant clusters, syntagmatics, manner of articulation, place of articulation, types, typical structure; stability.

Фонетическая структура слова является неотъемлемой частью языковой системы и отражает закономерности речевой деятельности.

Консонантные кластеры (КК), особенно в конце слов, представляют собой трудные для произношения сочетания, что делает их важным объектом исследования в аспекте фонетической сложности, артикуляционной сочетаемости и языковой нормы. Несмотря на множество работ, посвящённых различным аспектам КК, конечные кластеры исследованы в меньшей степени, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Целью данной работы является описание и классификация конечных консонантных кластеров современного русского литературного языка на основе их артикуляционных характеристик – по способу и месту образования звуков – и выявление закономерностей их структурной организации. Материалом послужили слова из «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, в которых представлены конечные сочетания согласных. Все слова были транскрибированы с целью получения звуковой структуры КК. Сочетания классифицировались по способу и месту образования звуков. Использовались методы описательного, сравнительного и статистического анализа, а также элементы экспериментально-фонетического подхода.

В лингвистической литературе большое внимание уделяется изучению консонантных кластеров современного русского литературного языка. Ещё М.В. Ломоносов, говоря о звуковой организации речи, рекомендовал «оберегать непристойного слуху противного стечения согласных…» [4: 240]. Изучение КК русского языка не оставалось вне поля зрения исследователей: Р.И. Аванесов, Ж.В. Ганиев, Г.Т. Терехова, Р.М. Фрумкина, А.П. Василевич и другие рассматривали КК с точки зрения их произношения. Фонетической и фонологической структуре КК посвящены труды И.Г. Милославского, В.Н. Топорова и В.М. Бельдияна. Различные аспекты данной проблемы также нашли отражение в исследованиях Г.П. Торсуева, Е. Мередова, В.М. Живова, Н.А. Любимой и других.

Однако в настоящей работе делается попытка объединить отдельные сочетания согласных в типы в зависимости от способа и места их образования, поскольку возможность или невозможность существования той или иной группы согласных в современном русском литературном языке определяется прежде всего именно этими артикуляционными характеристиками [14].

Исследованный материал показал, что в конце слов русского языка представлены КК, состоящие из двух и трех согласных. Сочетания из двух согласных в количественном отношении преобладают над трехчленными, поэтому с них и начнем анализ конечных КК. Отметим некоторые их особенности:

1. В качестве предпоследнего звука выступают звонкие */б, в, г, д, з/* в позиции перед сонорными; глухие */к, с, т, ф, х, ч, ш, п/* и сонорные */j, л, л', м, н, р/*. Из перечисленных звуков более активны в отношении соединения с конечными звуками все сонорные и *к, с, т, ф*.

2. В качестве конечных выступают только глухие шумные */к, п, п', с, с', т, т', ф', ф, х, ч, ш, ш', ц/* и сонорные */м, л, л', н, н', р, р'/.*

3. Консонантные кластеры, состоящие из одинаковых звуков типа *сс*, *лл* (*колосс, металл* и т. д.), произносятся как один звук.

4. Невозможны в конце слов сочетания типа «глухой + звонкий», «звонкий + звонкий», потому что в них происходит оглушение конечных согласных и ассимиляция по глухости-звонкости.

5. КК представлены исключительно внутри морфем.

6. В качестве предпоследних в КК, если учесть группы согласных по способу образования, преобладающее место занимают смычно-проходные сонорные, которые образуют 65 сочетаний из 118 отмеченных. Активность остальных групп такова: смычно-взрывные образуют 25 сочетаний, щелевые – 26, смычно-щелевые – 2.

В качестве конечных чаще соединяются с предпоследними: сонорные – 47, щелевые – 30, смычно-взрывные – 32, аффрикаты – 9.

Конечные двучленные сочетания звуков в зависимости от способа их образования можно классифицировать в следующие типы (T – смычно-взрывные, ts – смычно-щелевые, S – щелевые, N – сонорные):

T + /T, ts, S, N/ – объект; матч; бокс, ветвь; ритм, внутрь;

ts + /T, N/ – причт; кецль;

S + /T, S, N/ – возраст, гвоздь; ковш; смысл, героизм, жизнь;

N + /T, ts, S, N/ – столб, долг, твердь; принц, смерч; вверх, курс, молвь; гимн.

В них: а) в качестве предпоследнего согласного выступают *T, S, N,* образуя с конечными по четыре типа; *ts* – два; б) в качестве конечного – *T, N* с предпоследними образуют по четыре типа, *ts* – два, *S* – три.

Одни из этих типов более распространены, потому что они представлены множеством конкретных сочетаний звуков (*NT* – 20, *NS* – 23, *NN* – 15, *ST* – 9, *TN* – 17, *SN* – 14). Другие, наоборот, редки (*TT* – 2, *Tts* – 1, *TS* – 5, *tsT* – 1, *tsN* – 1, *SS* – 2, *Nts* – 7), что объясняется самой закономерностью строения структуры конечных КК.

Так как конечные КК являются как бы зеркальным отображением начальных КС, если в большинстве случаев начальные КК строятся по схеме от менее открытого к более открытому, то в конечных наблюдается схема от более открытого к менее открытому.

Итак, исследованный материал показал, что более типичны те КК, в которых соблюдается закономерность от менее открытого к более открытому, редки те, в которых она нарушена. Например, закономерность соблюдается в 60 двучленных сочетаниях согласных из 118 (*NT* – 20, *NS* – 23, *Nts* – 7, *ST* – 9, *Sts* – 1), тогда как она нарушена в 58 сочетаниях. Из этих 58: 21 сочетание (*TT* – 2, *Tts* – 1, *tsT* – 1, *SS* – 2, *NN* – 15) образовано звуками одинаковой или почти одинаковой степени открытости, а 37 сочетаний образованы по схеме от менее открытого к более открытому (*TN* – 17, *SN* – 14, *TS* – 5).

Работы, посвящённые сочетаемости звуков, показывают, что изменениям подвергаются именно те сочетания, в которых нарушена основная закономерность конца слова. Например, сочетания типа *ТТ* в русской разговорной речи упрощаются разными способами [13]:

а) развитием гласного после сочетания (*продукта* вместо *продукт*);

б) вставкой гласного между согласными (*факът, акът* вместо *факт, акт*);

в) опущением конечного согласного (*фак, рецеп* вместо *факт, рецепт*).

Сочетания типа *NN* также подвергаются изменениям. Интересно в этом отношении исследование слоговых согласных русского языка на материале стихов, проведённое А.А. Реформатским. На основе анализа стихов он констатирует, что слоговые согласные в знаменательных словах русской речи – явление обычное. Одни и те же слова (*жизнь, бодр, Петр*) могут у одних и тех же поэтов и даже в тех же произведениях употребляться как с неслоговыми согласными, так и с их слоговыми вариантами [12: 206].

Слоговость сонорных согласных зависит от того, какой согласный предшествует конечному сонорному. Если это глухой (особенно взрывной), то возникают два варианта речевой интерпретации таких слов. В одних случаях конечный согласный оглушается и становится таким слабым, что может совсем исчезнуть, особенно перед начальным глухим согласным следующего слова: *Пет Петрович, пойдем в теат; минист просвещения, цент тяжести.* В других случаях конечный сонорный образует слог: *Петер, театер, психиатер.* Но в сочетаниях *NN, SN* конечный сонорный может становиться слоговым и давать «паразитический» гласный звук. При этом, по мнению А.А. Реформатского, «трудно определить, который же из двух соседних согласных дал вокалический эффект, например: *крем^{е}ль, гим^{е}н, жиз^{е}нь, болез^{е}нь»* [12: 206].

Анализ структуры КС типа *NN* с учетом степени открытости согласных звуков В.Н. Богородицкого показывает, что из 14 таких сочетаний по схеме от более открытого к менее открытому построено 11 (*j* более открытый, сочетается с менее открытыми звуками *р, л, м, н; л* – с *м, н; л'* – с *м*; *р* – с *л, м, н, н'*) [4: 144–145].

Сочетания типа *TN, SN*, пожалуй, чаще других подвергаются упрощениям, что особенно заметно в разговорной речи:

1. Происходит замена сонорного смычным (менее открытым): *жыс'т'*, *болес'т'* вместо *жизнь*, *болезнь*.

2. Появляется гласный после сочетания согласных: *жизня*, *ноябри* вместо *жизнь*, *ноябрь*.

3. Вставляется гласный между согласными: *жизень*, *журавель*, *добер*, *щедер* вместо *жизнь*, *журавль*, *добр*, *щедр* [13].

О произношении КС типа *tsT, SS*, которые представлены единичными нечастотными словами (*причт*, *ковш*, *нивх*), в литературе сведений немного.

Таким образом, различные изменения КК типов *NN, SN, TN*, их малочисленность по отношению к сочетаниям типа «сонорный + шумный», отсутствие конечных сочетаний с *j* (самый открытый согласный звук) в исходе слова подтверждают, что такие сочетания малохарактерны и не отвечают основной закономерности строения конца слов русского языка.

Правда, даже те КС, которые более характерны для конца слов русского языка, например: *банк*, *шерсть*, также могут подвергаться изменениям (*банка*, *шерс'* вместо *банк*, *шерсть*). Однако такие изменения единичны и не распространяются на другие сочетания данного типа [13].

Трехчленные конечные КС группируются в следующие типы по способу образования:

+T+ /TN, ST/ – спектр, *текст*;

+S+ /TN/ – министр;

+N+ /TT, TN, ST, SS, TS/ – пункт; *центр*; *холст*; *шерсть*; *волхв*; *зумпф*.

Они представлены 19 трехчленными конкретными сочетаниями звуков: *кст*, *ктр*, *лст*, *лст'*, *лхф*, *л'тр*, *мпт*, *мбр*, *мпф*, *мбл'*, *нтр*, *нкт*, *нкр*, *ндр*, *рст*, *рст'*, *ркт*, *стр*, *птр*.

В этих сочетаниях в качестве третьего с конца выступают *к, л, л', м, н, р, с, п*; в качестве второго с конца – *т, к, д, с, п, б, х*; в конце – *т, р, т', ф, р, л'*. Если учитывать группы согласных по способу образования, то:

в качестве третьего члена с конца выступают *Т, S, N*;

в качестве второго – *Т, S*;

в конце – *N, Т, S*.

Трудные типы трехчленных сочетаний, подобно двучленным, подвергаются упрощению в говорах (*пунк*, *Александер*, *министер* вместо *пункт*, *Александр*, *министр*), что объясняется теми же причинами, которые характерны для двучленных КС.

По месту образования конечные двучленные КК классифицируются в следующие типы (*Гг* – губно-губные, *Гз* – губно-зубные, *Яп* – переднеязычные, *Яс* – среднеязычные):

1. *Гг + /Яп, Гг, Гз/ – зубр, почтамт; ямб, штамп; триумф*.
2. *ГЗ + /Яп, ЯЗ, Гг/ – журавль, нефть; нивх, главк; логарифм*.
3. *Яп + /Гг, ГЗ, Яп, ЯЗ/ – герб, жандарм; верфь, нерв; въезд, гроздь, казнь, верность; вверх, восторг*.
4. *ЯЗ + /Яп, ГЗ, Гг/ – икс, тигр; хоругвь; парадигм*.
5. *Яс + /Гг, ГЗ, Яп, ЯЗ/ – лейб; сейф; комбайн, рейд; шейх*.

Типичность или редкость таких сочетаний:

1. В качестве предпоследнего элемента выступают *Гг, ГЗ, Яп, ЯЗ, Яс*; в качестве конечного – *Яп, Гг, Гз, ЯЗ*;
2. более типичны сочетания типа *Яп + Яп* (зубные), которые включают 37 конкретных сочетаний согласных;
3. *Яп* (зубные) + *Яп* (небные) – 9;

4. Я3 (заднеязычные) + Яп (зубные) – 9.

Остальные типы менее типичны и представлены от одного до восьми конкретными сочетаниями.

5. Сочетания типа *Гг + Яп* (небные), *Гг Я3, Яп* (небные) + *Гг, ГЗ Яп* (небные), *Яс + Яп* (небные), *Я3 + Яп* (небные), *Я3 + Я3* отсутствуют в исследованном материале.

6. Больше сочетаний формируются теми звуками, которые близки друг к другу по зоне образования. Например:

Гг с близкими по зоне образования звуками *ГЗ* и *Яп* образуют 9 сочетаний, но не образуют ни одного сочетания с *Я3*.

Гз с *Гг* и *Яп* – 9, но с *Я3* – только 2.

Яп с *Гг*, *Гз*, *Я3* – 23.

Яс с *Яп* и *Я3* – 9, но с *Гг* и *Гз* – всего 3.

Я3 с *Яп* – 9, но с *Гг* и *ГЗ* – 3.

Конечные трехчленные КС (их всего 20) по месту образования образуют следующие типы:

1. *Я3 Яп Яп – текст*.
2. *Яп Яп Яп – шерсть*.
3. *Яп Я3 ГЗ – волхф*.
4. *Гг Гг Яп – тембр*.
5. *Гг Гг ГЗ – зумпф*.
6. *Яп Я3 Яп – пункт*.

В этих сочетаниях в качестве третьего с конца выступают *Я3, Яп, Гг*; в качестве второго – *Яп, Я3*; в конечной позиции – *Яп, Гз*.

Анализ показал, что в конце слов русского языка представлены двух- и трёхчленные КК. Двухчленные кластеры преобладают количественно и демонстрируют разнообразие структур по способу образования (*T, ts, S, N*) и сочетаемости звуков. Кластеры, построенные по схеме от более открытого к менее открытому звуку, встречаются чаще, что указывает на их типичность. В то же время кластеры с нарушенной

закономерностью (например, *NN, TT, tsT*) являются менее частотными и подвержены изменениям в разговорной речи и говорах: редукции, вставке гласных, упрощению.

Отмечено, что

1) в качестве конечных выступают главным образом глухие шумные и сонорные;

2) КК встречаются исключительно внутри морфем;

3) типичная структура – *NT, NS, SN, ST* и др. – соответствует закономерности по степени открытости;

4) варианты произношения слов с КК демонстрируют влияние фонетического контекста, что отражено в данных о говорах.

Трёхчленные кластеры значительно менее распространены (20 сочетаний), структурируются по сходным принципам и также демонстрируют тенденции к упрощению.

По месту образования более типичны сочетания, включающие переднеязычные звуки, особенно зубные. Кластеры с участием заднеязычных и губных согласных – редкость. Типичными оказались сочетания, в которых звуки близки по зоне артикуляции.

Сделаем выводы.

1. Конечные КК в русском языке подчиняются определённым фонетическим закономерностям, главным образом – принципу постепенного закрытия (от более открытого звука к менее открытому).

2. Более устойчивыми являются сочетания *NT, NS, SN*, тогда как *TT, NN, tsT* – нестабильны и чаще подвергаются фонетическим трансформациям.

3. Фонетическая структура конечных КК обусловливает их поведение в речи, включая возможность упрощений, редукций, появления гласных вставок.

4. Частотность и стабильность кластеров зависят от сочетаемости звуков по способу и месту образования, что подтверждается преобладанием переднеязычных сочетаний.

5. Полученные результаты важны для описания фонетической нормы русского языка и могут быть применимы в преподавании русского языка, логопедии, автоматической обработке речи и фонетическом моделировании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И. Сочетания с непроизносимыми согласными // Русская речь. 1976. № 4. С. 57–59.
2. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1972. 383 с.
3. Бельдиян В.М. О некоторых фонологических особенностях сочетаний согласных в русском литературном языке // Русский язык и литература в узбекской школе. 1968. № 1. С. 23–28.
4. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. М.-Л.: Соцэгиз, 1935. 354 с.
5. Ганиев Ж.В. О произношении сочетании /стк/, /здк/, /ктк/, /ндк // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 85–93.
6. Живов В.М. Типология сочетании согласных в русских говорах // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 73–74.
7. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 10 т. М.-Л.: Изд.-во Академии наук СССР, 1952. Т. 7. 993 с.
8. Любимова Н.А. Влияние позиции на фонетические характеристики русских сонантов // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. М., 1973. С. 104–115.
9. Мередов Ё. Иерархическая система инициальных двучленных консонантных сочетании в современном русском языке // Вестник Московского университета. Филология. 1974. № 3. С. 79–85.
10. Милославский И.Г. Начальные сочетания согласных звуков // Русский язык в национальной школе. 1967. № 2. С. 48–52.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 6-изд. М.: Советская энциклопедия, 1964. 900 с.
12. Реформатский А.А. Слоговые согласные в русском языке // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1971. С. 200–208.
13. Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 485 с.
14. Терехова Г.Т. Произношение трёх согласных в современном литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 72–84.
15. Топоров В.Н. О дистрибутивных структурах конца слова в современном русском языке // Фонетика, Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 152–163.
16. Торсуев Г.П. Строение слога и аллофоны в английском языке. М.: Наука, 1975. 239 с.
17. Фрумкина Р.М., Василевич А.П. Исследование «произносительной трудности» русских триграмм психометрическими методами // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 69–82.

ПАНКРАТОВА Маргарита Владимировна
(Коломна, Моск. Обл., Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
ikt.1107@gmail.com

ЦВЕТОВАЯ СЕМАНТИКА ПЕЙЗАЖА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА, Б. ПАСТЕРНАКА И В. МАЯКОВСКОГО

Аннотация. В статье рассматривается проблема интерпретации цветовых образов в пейзажной лирике некоторых поэтов Серебряного века. Автор анализирует концепт природы в преломлении цвета, особенности цветовой семантики в построении поэтических приемов.
Ключевые слова: цветовая семантика, концепт, идиостиль, образ, пейзажная лирика, В. Маяковский, Б. Пастернак, С. Есенин.

Abstract. The article examines the problem of interpretation of colour images in landscape lyrics of some poets of the Silver Age. The author analyses the concept of nature in the refraction of colour, the features of colour semantics in the construction of poetic devices.
Keywords: colour semantics, concept, idiostyle, image, landscape lyrics, V. Mayakovsky, B. Pasternak, S. Yesenin.

Литература в начале XX века тесно переплетается с другими видами искусств – с музыкой и живописью. Художник слова в полной мере пользуется средствами иных сфер искусства: красками и звуками. Краски помогают нарисовать живой образ, яркий и заметный.

Цветовая лексика дает возможность расширить границы конкретного словесного материала и воплотить свой замысел в жизнь.

Образы в идиостиле В. Маяковского запоминаются стремительно, потому что уподобление одного предмета другому происходит на основе таких признаков, которые кажутся не характерными для этого предмета и вне контекста не смогли бы быть рассмотренными. Несмотря на то что Владимир Маяковский, по собственному признанию, очень рано «бросил интересоваться природой» как «вещью неусовершенствованной», особенно в его ранних произведениях концепт природы раскрывается в цветовых эпитетах и конкретных, «вещных» существительных. Используя поэтические народные образы в творчестве, футуристы включали фольклорные элементы в качестве стилизации, а не как обращение к подлинной народности.

Контраст между поэтами очевиден, хотя в стихотворениях С. Есенина достаточно много переносов значений и нетипичных образов, построенных с использованием метафор с цветовыми прилагательными.

Таблица. Поэтические образы с цветовой семантикой в стихотворениях В. Маяковского и С. Есенина

№	Поэтический образ	Примеры из стихотворений В. Маяковского	Примеры из стихотворений С. Есенина
1	вода	*Простыни вод под брюхом были.* *Их рвал на волны* ***белый зуб*** [4]	*И струится с гор зеленых /* ***Златоструйная*** *вода* [1: 126]
2	закат	*Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего.* ***Желтую*** *кофту из трех аршин заката* [4]	*По пруду лебедем* ***красным****/* *Плавает тихий закат* [1: 137]. ***Алый*** *мрак в небесной черни* */Начертил пожаром грань* [1: 67]
3	луна	*А вот и полная повисла в воздухе,* *Это бог, должно быть, дивной* ***серебряной*** *ложкой* *роется в ухе* [4]	*Луна, как* ***злат*** *бугор…* [1: 175]. ***Золотою*** *лягушкой луна* *Распласталась на тихой воде* [1: 138]
4	солнце	*И следом за ними, гонясь и сжирав,* *солнце погналось –* ***желтый*** *жираф* [4]	*Солнце* ***златою*** *печатью* *Стражем стоит у ворот* [1: 203]. *Я понял, что солнце из выси –* *В колодезь* ***златое*** *ведро* [1: 330]

Следовательно, через цветовую семантику слов поэты передают свое видение мира и особую выразительность, присущую их поэтическому стилю.

Б. Пастернак, который начинал свое творчество как футурист, видит природу в зените ее творческих возможностей. С. Есенин же, наоборот, предпочитает яркому полуденному свету – восходы и закаты за их мягкую, перламутровую «палитру»: *И чуть наполняет повозка / Раскатистым воздухом свод, – / Лиловое зданье из воска, / До облака вставши, плывет* [6]; *Как часто угасавший хаос / Багровым папоротником рос!* [5]; *Уж вечер. Жидкой позолотой / Закат обрызгал серые поля. / И ноги босые, как телки под ворота, / Уткнули по канавам тополя* [1: 217].

По словам А.М. Марченко, «Пастернак не так широко и энергично пользуется бытовым и просторечным словом как яркой стилевой краской, но настойчиво «обытовляет» природу (в «Стогах» даже *«месяц мимоезжий»* ведет себя как подвыпивший деревенский гуляка!)» [3: 97]. Из того же бытового ряда взяты и ассоциативные образы: постоялый двор, сеновал. Есенин же, при всей своей кажущейся «вещности», по сути дела избегает слишком близких контактов с предметами быта и обихода.

Пастернак, как правило, так освещает пейзаж, что он превращается в жанровую картину. Есенин жанровую картину столь старательно очищает от бытовых примесей, что она преображается в чистый пейзаж: *Топи да болота, / Синий плат небес. / Хвойной позолотой / Взвенивает лес. // Тенькает синица / Меж лесных кудрей, / Темным елям снится / Гомон косарей. // По лугу со скрипом / Тянется обоз – / Суховатой липой / Пахнет от колес* [1: 41].

Для Есенина, как и для Пастернака, характерно отношение к природе как к совершеннейшему из построений – *«терему», «храму», собору*». *«Хаты – в ризах образа»,* стога – церкви, *«молитвословный ковыль», «ивы – кроткие монашки»* – образ к образу возводит Есенин «купол», которым кроют «зори», строит храм, конца которому нет и имя которому мир, храм, открытый «во всякий час» и для живущих «на всяком месте».

В есенинском «храме» можно молиться не только во всякий час, на всяком месте, но и проходя мимо: *Пройдет проселочной дорогой, / Молясь на копны и стога* [1: 125],

Его пейзаж – это пейзаж, увиденный глазами человека движущегося – бредущего, идущего, бегущего или проносящегося на «бешеной тройке». Поэтому детали как бы смазаны, подчинены общему и сильному впечатлению.

Пастернак же никогда и ничего не рассматривает мимоходом. Конструкция его «храма природы» этой вольности не позволяет: *Природа,*

мир, тайник вселенной, / Я службу долгую твою, / Объятый дрожью сокровенной, / В слезах от счастья отстою [6].

Пейзажная лирика Пастернака, так же как и Есенина, развивает одну и ту же живописную традицию – гоголевскую.

«У Гоголя, – пишет А. Лежнев в своей книге «Проза Пушкина», – пейзаж сложный и трудный… Это – пейзаж, пропущенный сквозь сложное восприятие, как сквозь цветное стекло. Окраска восприятия здесь так же существенна, как сама действительность. Ощущение и реальность сливаются в одно, но не так, что одно поглощается другим (реальность – дремлющим сознанием), образуя фантасмагорию, а так, что реальность отчетливо проступает сквозь сильно окрашенное восприятие. И восприятие, и пейзаж здесь необычны по сложности» [2: 215].

То, что пейзаж Пастернака сложный и трудный, доказывать не нужно. Доказывать, что и есенинский пейзаж необычаен по сложности, – гораздо труднее, но виноват в этом не Есенин, а представление о нем как о «милом запутавшемся дитяти», «мальчике из русской сказки», солнечнокудром Леле, стихи которого обладают тем преимуществом, что для понимания их не приходится умственно напрягаться.

Таким образом, цветовая семантика пейзажа в идиостиле поэтов Серебряного века проявляется по-разному. У Маяковского образы запоминаются в ту же секунду, как только их прочитаешь, потому что уподобление одного предмета другому происходит на основе таких признаков, которые кажутся весьма для этого предмета не характерными и вне контекста они просто не смогли бы быть рассмотренными: вода – *«белый зуб»,* луна – *«серебряная ложка»,* солнце – *«желтый жираф»*. Это очень необычные цветовые метафоры, хотя и лишенные налета поэтизации. Есенинские же метафоры с цветовыми лексемами близки к народной традиции: закат – *«красный лебедь»,* луна – *«золотая лягушка»,* солнце – *«золотая печать».*

Б. Пастернак, который начинал свое творчество как футурист, видит природу в зените ее творческих возможностей. С. Есенин же, наоборот, предпочитает яркому полуденному свету – восходы и закаты за их мягкую, перламутровую «палитру».

В идиостиле С. Есенина и Б. Пастернака присутствует тяготение к природе как к великому храму, объединяющему всех живущих в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенин С.А. Я московский озорной гуляка: стихотворения. М.: «ЭКСМО-Пресс», 2002. 416 с.
2. Лежнев А. Проза Пушкина. М., 1975. 416 с.
3. Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. М., «Советский писатель», 1972. 310 с.
4. Стихотворения В.В. Маяковского 1912–1917 гг. URL: https://traumlibrary.ru/page/mayakovsky-pss13-01.html (дата обращения 27.02.2025 г).
5. Стихотворения Б.Л. Пастернака. URL: https://pitzmann.ru/pasternak2/ya-ih.htm (дата обращения 27.02.2025 г.).
6. Стихотворения Б.Л. Пастернака. URL: https://www.culture.ru/literature/poems/author-boris-pasternak (дата обращения 27.02.2025 г.).

ПЕТРОВА Зоя Юрьевна (*Москва, Россия*),

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН
zoyap@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕТАФОР И СРАВНЕНИЙ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПАРАДИГМАТИКИ И СИНТАГМАТИКИ (на материале зооморфных компаративных тропов современной русской прозы)

Аннотация. В статье рассматриваются сочетания компаративных тропов с образами сравнения семантического класса «Животные» друг с другом и с компаративными тропами других семантических полей в текстах современной русской художественной прозы. Выявлены регулярные типы семантической сочетаемости тропов рассматриваемого класса. Делается вывод, что сочетаемость метафор и сравнений зависит от их принадлежности к определенному семантическому классу, или, иначе говоря, синтагматика компаративных тропов во многом определяется их парадигматикой.

Ключевые слова: метафора, сравнение, зооморфный компаративный троп, сочетаемость, семантический класс, современная русская проза.

Abstract. The article considers combinations of comparative tropes with vehicles of the semantic class “Animals” with each other and with comparative tropes of other semantic fields in the texts of modern Russian prose. Regular types of semantic co-occurrence of tropes of the analyzed class are revealed. It is concluded that the compatibility of metaphors

and similes depends on their belonging to a certain semantic class, or, in other words, the syntagmatics of comparative tropes is largely determined by their paradigmatics.
Keywords: metaphor, simile, zoomorphic comparative trope, co-occurrence, semantic class, modern Russian prose.

Такое свойство метафор и сравнений, как их группировка в семантические классы, отмечается многими исследователями языка художественной литературы. Эти классы могут называться и определяться несколько по-разному: образные поля [9], образные параллели [3], парадигмы образов [7] и т. д. Оба компонента компаративного тропа – и предмет сравнения (tenor, по терминологии А. Ричардса), и образ сравнения (vehicle) являются элементами семантических полей, которые образуют систему, описываемую в терминах идеографической классификации лексики. Семантические отношения между элементами полей образов сравнения («род – вид», «целое – часть», «Х – совокупность Х», «Х – типичное местонахождение Х», «Х – действие, характерное для Х» и т. д.) играют важную роль в описании процессов, происходящих с компаративными тропами как в диахронии языка художественной литературы, так и в текстах художественных произведений. Мы коснемся такого распространенного и на сегодняшний день недостаточно изученного феномена, как сочетание в тексте компаративных тропов с образами сравнения, между которыми существует семантическая связь.

Проблеме семантического согласования образных словоупотреблений посвящено не так много исследований. Эта проблема изучалась на материале метафор обыденного языка [4: 120–138], политических текстов [2]. Сочетание семантически связанных метафор в тексте анализируют исследователи, оперирующие понятием развернутой метафоры. Так, например, В.П. Москвин определяет развернутую метафору (метафорическую цепочку) как такую, «в которой носителем образа является группа ассоциативно (например, тематически или в рамках “семантического поля”) связанных единиц» [5: 136]. По мнению

исследователя, основные параметры изучения развернутой метафоры – число звеньев в цепочке, логическая последовательность компонентов и степень полноты [5: 137–138]. Н.В. Аксенову интересует оценочная функция развернутых метафор (на материале англоязычной художественной литературы) [1].

Одним из путей дальнейшего исследования сочетающихся в контексте художественного произведения метафор и сравнений является, по нашему мнению, выявление устойчивых направлений их семантической сочетаемости исходя из принадлежности к различным семантическим классам, или, иначе говоря, изучение зависимости синтагматики тропов от их парадигматики. Исследования в этом направлении уже начаты. Некоторые типы семантической сочетаемости метафор и сравнений различных классов – «Человек», «Животные», «Кулинария», «Механизмы, техника» и др. – анализируются в работе [6]. В работе [8] в качестве одного из наиболее частотных случаев семантического согласования тропов с образами сравнения класса «Человек», или персонифицирующих тропов, детально рассматриваются их сочетания с тропами класса «Ткани, изделия из тканей». В настоящей работе мы рассмотрим указанную проблему на материале зооморфных тропов, ограничив исследование современным периодом развития русской литературы в ее прозаической разновидности. Таким образом, задача работы – выявить семантические классы (и подклассы) тропов, которые регулярно сочетаются в текстах современных художественных прозаических произведений с метафорами и сравнениями, включающими в качестве опорных слов названия животных. Материалом для анализа послужили произведения Е. Водолазкина, Ю. Буйды, А. Матвеевой, А. Иванова, А. Иличевского, О. Славниковой, А. Григорян, Н. Абгарян, Д. Рубиной, М. Рыбаковой, А. Сальникова, Л. Элтанг, Т. Толстой, Е. Чижовой, Г. Яхиной и др.

Наиболее естественный и распространенный случай взаимодействия – сочетание опорных слов, принадлежащих к одному семантическому полю «Животные». В этом случае самые частотные контексты включают сочетание обозначения животного и части его тела: *зверь – лапы*, *клыки*: *в обычном состоянии она [Катя] была неспособна на сострадание, мир представлялся безвкусным и опасным, как отдельный от нее хищный* ***зверь****, чьи* ***лапы*** *и* ***клыки*** *могли принадлежать кому угодно, даже Соломину, этому, в общем-то, доброму и безобидному человеку* (А. Иличевский. Анархисты); *бабочка – хоботок*: <…> *загородившись локтем от соседней нарядной девицы, сосущей через соломину, будто* ***бабочка хоботком****, очень скоро убывающий коктейль* (О. Славникова. 2017); *акула – плавники*: *«Вольво», белая* ***акула****, движется мощно и бесшумно <…> Поводя сырыми* ***плавниками****, «вольво» вплывает в затвор* (Е. Чижова. Терракотовая старуха); *кошки – когти*: *Все напоминает о Крыме, но только там волны совсем по-другому о скалы бились, думает Света, бух, бу-бух, и отходили, как* ***кошки*** *шипя, гальку за собой цепкими морскими когтями* ***тащили*** (М. Рыбакова. Черновик человека).

Распространены также контексты, в которых сочетаются обозначения животного и характерного для него действия: *змея – шелестела*, *жалила*: *и боль* ***шелестела*** *в горле и груди, как* ***змея*** *в высохшей траве, и* ***жалила****,* ***жалила****,* ***жалила****…* (Д. Рубина. Бабий ветер); *петух – закукарекать*: *Растрёпанный малиновый* ***петух*** *восхода, роняя перья, ворочался за распадком Шурыша, сидя где-то вдали на горе Клыктан. Он всё никак не мог* ***закукарекать****, примятый неровным небом* (А. Иванов. Золото бунта).

Менее частотны контексты, в которых сочетается:

– обозначение животного и название детеныша этого животного: *собака – щенок*: *Мелкая волна ластилась о белую скалу, вылизывала камень, как* ***собака*** *своего* ***щенка*** (А. Иванов. Золото бунта); *свинья –*

поросята: <…> *лучшие сыны еврейского народа сами были участниками и вдохновителями русского бунта* <…> *спустя несколько ярких прерывистых лет – гигантская имперская* ***свинья*** *с хрюком поднялась из вековой лужи и принялась равнодушно пожирать собственных* ***поросят****, не разбирая особо, какие из них кошерные, а какие – не очень* (М. Степнова. Женщины Лазаря);

– обозначение животного и название совокупности этих животных: *курица – курятник*: *– Проследишь за моими* ***курицами****? – спросил он, указывая сразу на Нину и Ганю. – Неплохой* ***курятник*** *у вас, приятно взглянуть! – улыбнулся начальник* (К. Буржская. Пути сообщения);

– обозначение животного и соотнесенное с ним видовое обозначение: *птица – журавль*, *жар-птица*: *В отличие от Кати, Глеб в квартире орнитологов никогда не жил, и сидящие на полках птицы его удивляли.* <…> *Впрочем, наибольшим удивлением в этой квартире была для него другая* ***птица*** *– Катя.* <…> *Она была* ***журавлем в небе****, который неожиданно спустился к Глебу в руки и не обнаруживал ни малейшего желания улетать. Просыпаясь по утрам, Глеб испытывал мгновенный страх, что счастье лишь приснилось, а его* ***жар-птица*** *улетела* (Е. Водолазкин. Брисбен);

– обозначение животного и соотнесенное с ним родовое обозначение: *летучая мышь – тварь рукокрылая*: *[о зависти]* ***Летучая мышь*** *ходила кругами – вот ведь* ***тварь рукокрылая****!* <…> *Мышь долгие годы нашёптывала Вере, что лучше бы им с Юлькой не видеться* (А. Матвеева. Завидное чувство Веры Стениной).

Распространены контексты, в которых в качестве образов сравнения компаративных тропов сочетаются два или более обозначений животных. Можно выделить три основных случая таких сочетаний: во-первых, между обозначениями животных не устанавливается никаких тесных семантических связей, они просто дополняют друг друга, рисуя предмет сравнения, например: *Однажды у меня была женщина сорока*

лет, скрытная, как ***коростель****, редкая, как* ***белобрюхая цапля****, но все, что я сумел с ней сделать, это поцеловать ее выпуклый, скрученный улиткой пупок* (Л. Элтанг. Царь велел тебя повесить). Во-вторых, обозначения животных вступают в отношения контраста: *кошечка – тигрица*: *Оказалось, что в кроткой как* ***кошечка*** *студентке скрывалась настоящая* ***тигрица*** (А. Григорян. Осьминог); *тараканы – коты*: *Раньше городские жители были похожи на* ***тараканов****, потому что бежали на какие-то халтуры, спешили в какие-нибудь места <…> Теперь все ходили по городу, как* ***коты*** *по квартире* (А. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него). В отношения контраста могут вступать не только обозначения животных, но и другие элементы этого семантического поля, в частности названия частей тела животных: *мышиный хвостик – павлиний хвост*: *Александра Эрнестовна закапывает в глаз желтые капли. Розовым воздушным шариком просвечивает голова через тонкую паутину. Этот ли* ***мышиный хвостик*** *шестьдесят лет назад черным* ***павлиньим хвостом*** *окутывал плечи?* (Т. Толстая. Милая Шура). И, в-третьих, обозначения животных взаимодействуют друг с другом, моделируя реальную ситуацию, происходящую с животными, например: *– Ты бы и с Турчиным уж больше не задирался, – сказал доктор. – Оба вы по отдельности хорошие ребята, а как сцепитесь – словно* ***собака с кошкой****, хоть водой разливай. Детский сад, право слово* (А. Иличевский. Анархисты); *Крюкова посмотрела на Пал Тиныча, как* ***голодная лиса на мышонка****, и даже, кажется, облизнулась* (А. Матвеева. Теория заговора); *Но сейчас первым должен наконец-то сдохнуть Яшка Гусев, Фармазон. Его судьба обвилась вокруг Осташиной, как* ***змея обвивается вокруг лошади*** *– и всё, лошадь как вкопанная на месте стоит* (А. Иванов. Золото бунта); *У Сюзанны резко зазвонил телефон. Злобной* ***гремучей*** *змеей завибрировал на тумбочке. Она в едином прыжке –* ***мангустом*** *– подскочила к нему* (А. Шинкеев. Мечты апреля).

Довольно часто в одном контексте сочетается множество различных элементов поля «Животные», выступающих в качестве образов сравнения компаративных тропов, создавая единый яркий образ, например: *В Насосном беснующееся море наступает:* ***стада белых диких коней, скаля зубы, поджимая колени****, рушатся с бутылочного цвета мутных гор,* ***спотыкаются о берег, переворачиваются через голову раскиданными копытами, пытаются встать, толкают круп и спину, пружинят, метя гривой****, я шарахаюсь, чтоб не зашибли* (А. Иличевский. Перс).

Взаимодействие образов сравнения зооморфных компаративных тропов может происходить и с элементами других семантических полей, выходя за пределы семантического поля «Животные». Проанализированный материал позволил выделить ряд повторяющихся случаев такого взаимодействия. Это, во-первых, сочетание названия животного и характерного для него места пребывания. В этом случае могут сочетаться названия животного и растения, например, *Ты когда-нибудь видел зеленую* ***квакву****? **Кваква** сидит на корнях **мангрового дерева** и ждет рыбу, просто сидит и ждет. Я так всю жизнь прожила. Я просто сидела на **корнях дерева**. И это **дерево** был Фабиу. Поверишь ли, он был большим раскидистым **деревом**, полным странностей и всяческой кривизны* (Л. Элтанг. Царь велел тебя повесить); *Я понимал, что застрял в нем [Иерусалиме], как* ***шмель в каперсе*** (А. Иличевский. Чертеж Ньютона), названия животного и его жилища, места содержания: *Осташа почувствовал, как гнев и раздражение привычно занимают своё место в душе, словно* ***цепной пёс в конуре*** (А. Иванов. Золото бунта); *[Соломин о Турчине] Я – доказательство бессмысленности его идей, устремлений, вождизма, желания перестроить общество. Я для него* ***трутень*** *и не подлежу долгой жизни* ***в его улье****…* (А. Иличевский. Анархисты). При сочетании названия животного и места его пребывания может моделироваться ситуация ловли и/или гибели животного,

например: *Утюг острова Волчник разглаживал волны, пряча под их складками отмели. На одной из них, словно* ***муха на клее****, уже сидела ревдинская барка* (А. Иванов. Золото бунта); *Он [Бах] тонул в буреломе, тонул неотвратимо и страшно – как* ***муха в меду****, как* ***мотылек в тающем свечном воске*** (Г. Яхина. Дети мои).

Во-вторых, обозначение животного может сочетаться с названием средства его травли, убийства: *Глеб читал комьюнити без всякого чувства. Лично ему всё стало уже безразлично. Тлел какой-то энтомологический интерес: сколько ещё* ***дихлофоса*** *могут вынести эти* ***мухи****? [о людях]* (А. Иванов. Комьюнити); *… И умирают ласки – по-разному. Одна – упадая в забытье, другая – бесясь по закрученной отчаяньем траектории агонии, – лишь теперь проявляя темперамент – подобно* ***бабочке в безвоздушной склянке морилки*** (А. Иличевский. Ай-Петри).

В-третьих, повторяются сочетания тропов поля «Животные» с тропами поля «Человек», которые также моделируют ситуации, наблюдаемые в действительности, например: *У сгорбленного Коляна мокрый воздух хлюпал в горле и в полупустых голенищах, высокий рюкзак, чьи лямки сделались ему велики, сидел на нем будто* ***всадник на тощем коне*** (О. Славникова. 2017).

Рассмотренное выше взаимодействие метафор и сравнений может быть не только контактным, но и дистантным, объединяя большие фрагменты текста. Таковы, например, образы *муравей – муравейник – муравьиная царица – рабочая самка – муравьиная тропа* в романе Е. Чижовой «Терракотовая старуха».

Проанализированный в работе материал показывает, что синтагматика метафор и сравнений в контексте художественных произведений чаще всего носит не случайный, а закономерный, системный характер, она зависит от их парадигматики, принадлежности к определенным семантическим классам.

ЛИТЕРАТУРА
1. Аксенова Н.В. Об оценочности развернутой метафоры // Филологический аспект. 2018. № 5 (37). URL: https://scipress.ru/philology/releases/5-37-maj-2018.html
2. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 55–72.
3. Кожевникова Н.А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. С. 6–78.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М: URSS, 2007.
5. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд. 2-е, перераб. И доп. М.: ЛЕНАНД, 2006. 184 с.
6. Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Взаимодействие компаративных конструкций и их элементов в современной русской прозе // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12. № 3. С. 109–124.
7. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Институт русского языка РАН, 1995. 491 с.
8. Петрова З.Ю. Семантическая сочетаемость персонифицирующих метафор и сравнений в художественном тексте // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2023. № 2. С. 68–82.
9. Weinrich H. Sprache in Texten. Stuttgart: Klett, 1976. P. 276–290.

ПОДТЕЛЕЖНИКОВА Елена Николаевна *(Воронеж, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Воронежский государственный университет
podtelezhnikova@yandex.ru

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЗАГОЛОВКА МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОГО ФИЛЬМА

Аннотация. В статье рассматривается синтаксическая структура заголовка и коммуникативный тип предложения, оформляющего заголовок мультфильма для детей до четырнадцати лет на естественно-научную тему, как средства формирования, структурирования и переструктурирования картины мира субъектов в конкретном культурном пространстве.
Ключевые слова: мультфильм как креализованный текст, научно-популярный текст, картина мира, термины.

Abstract. The article considers the syntactic structure of the title and the communicative type of sentence that forms the title of a cartoon for children under fourteen on a natural science topic as means of forming, structuring and re-structuring the picture of the world in a particular cultural space.
Keywords: cartoon as a creolized text, popular science text, world view, terms.

Интерес к мультфильмам для детей до четырнадцати лет на естественно-научную тему обусловлен их поликодовой природой, что облегчает социализацию и интериоризацию научного знания новыми носителями культуры.

Целью исследования является обнаружение возможных корреляций между синтаксической структурой заголовка мультфильмов для детей до четырнадцати лет на естественно-научную тему и способами формирования, структурирования и переструктурирования картины мира субъектов в конкретном культурном пространстве.

Значимость заголовка состоит в том, что он трактуется как самостоятельная коммуникативно-номинативная единица [3: 48], макрокомпонент текста [2: 21].

Анализ синтаксической структуры заголовков мультфильмов на естественно-научную тему показал её зависимость от возрастной группы реципиентов. Так, заголовки мультфильмов для детей до шести лет оформляются в виде побудительных (*«Не касайтесь электроприборов мокрыми руками*!») или вопросительных полных предложений («*Почему гром всегда гремит после вспышки молнии*?»). Психологи объясняют это тем, что развитие семантической стороны речи начинается с предложения, то есть глагольные конструкции являются первичными [1: 115; 4: 236].

Заголовки мультфильмов для детей от шести лет и старше оформляются в виде субстантивных эллиптических конструкций: «N» – «*Гирлянда», «Фен», «Ночник», «Сигнализация», «Электрочайник*»; «Adj+N» – «*Короткое замыкание», «Железная дорога», «Солнечная батарея*»; «Adj+N+Adj+N_2» – «*Волшебная сила бурной воды*»; «N+Adj+N_2» – «*Энергия морских приливов*». Их цель – идентификация с последующей классификацией объекта или явления, что соответствует первичному рассудочному мышлению, направленному на расчленение и сравнение свойств явлений и предметов.

Таким образом, синтаксическая структура заголовка и коммуникативный тип предложения, оформляющего заголовок мультфильма для детей до четырнадцати лет на естественно-научную тему, соответствуют возрастной категории детей и отражают способы

формирования, структурирования и переструктурирования картины мира субъектов в конкретном культурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА
1. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
2. Гришаева Л.И. Парадоксы медиалингвистики. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. 295 с.
3. Доценко М.Ю. Синтаксис газетного заголовка: структура, семантика, прогнозирование смыслового развития текста: дис. … канд. филол. наук. Санкт-Петербургский гос. Ун-т. СПб, 2009. 243 с.
4. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. 448 с.

ПОНКРАТЕНКОВА Анастасия Владимировна
(Горловка, Россия)

аспирант
Донецкий государственный педагогический
университет имени В. Шаталова
a_ponkratenkova@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА В ИССЛЕДОВАНИИ СЕМЕЙНОГО ДИСКУРСА

Аннотация: в статье рассматриваются понятия и термины, используемые в жанроведении. Автор анализирует категории первичности и вторичности речевых жанров (далее – РЖ) с точки зрения сферы их употребления; отмечает взаимопроникновение РЖ в речевом потоке, рассматривает возможность использования термина «жанроид» и применения гипержанровых форм в исследовании РЖ семейного дискурса.
Ключевые слова: речевой жанр, семейный дискурс, первичные / вторичные речевые жанры, гипержанр, жанроид.

Abstract: the article discusses concepts and terms used in genre studies. The author analyzes the categories of primacy and secondariness of speech genres (hereinafter – RG) in terms of the scope of their use. He notes the interpenetration of RG in the speech flow, considers the possibility of using the term «ganroid» and the use of hypergenre forms in the study of RG family discourse.
Keywords: speech genre, family discourse, primary / secondary speech genres, hypergenre, ganroid.

В настоящее время изучение РЖ является одним из актуальных вопросов современной лингвистики. Ученые исследуют различные подходы к определению РЖ, многие работы посвящены анализу отдельных РЖ в конкретной сфере общения, в том числе в различных

видах дискурса (научном, педагогическом, политическом, дискурсе СМИ и т. д.).

Изучению РЖ посвящены работы таких отечественных учёных, как В.В. Дементьева, К.Ф. Седова, Т.В. Шмелёвой и др.

Основой исследований РЖ является теория речевых жанров по концепции М.М. Бахтина, согласно которой РЖ представляют собой «относительно устойчивые типы высказываний»; определяющими признаками РЖ являются целенаправленность, целостность и завершенность, а также сфера коммуникации [1: 159–206]. Безусловно, на набор РЖ, которые реализуются в пределах какой-либо сферы коммуникации, влияют социальные, культурные и психологические особенности участников общения.

Целью данной работы является рассмотрение терминов и понятий, разрабатываемых в контексте изучения РЖ (первичность/вторичность РЖ, гипержанровость, границы РЖ и жанроидов), а также определение их места в типологии РЖ семейного дискурса.

В нашем исследовании разработана типология РЖ семейного дискурса на основании теории фатических РЖ В.В. Дементьева и модели РЖ Т.В. Шмелёвой [3: 40–44]. Таким образом, в предлагаемой типологии все РЖ разделены следующим образом: уровни эмоциональной связи коммуникантов в реализации РЖ (общение, улучшающее отношения коммуникантов; общение, поддерживающее отношения коммуникантов; общение, ухудшающее отношения коммуникантов не до критического уровня; общение, ухудшающее отношения коммуникантов до критического уровня); коммуникативные цели, с которыми собеседники вступают в общение (информативная, императивная, оценочная, этикетная).

Известно, что одним из важных положений теории М.М. Бахтина, имеющих основополагающую методологическую значимость для генристики, является деление РЖ на первичные и вторичные, различие

между которыми, по мнению учёного, «чрезвычайно велико и принципиально» [1: 161]. Идеи М.М. Бахтина базируются на понимании вторичного РЖ как онтологически производного от первичного РЖ. Вторичный РЖ отличается от первичного сферой функционирования или стилистической обработкой. В итоге, как правило, все жанры научной, деловой, публичной, художественной сфер имеют прообразы в бытовой речи (см. работы М.М. Бахтина, Н.В. Орловой, Ю.В. Щуриной и др.). При описании вторичных РЖ выявляются следующие признаки: а) универсальные, которые не модифицируются при изменении сферы функционирования РЖ (стиля); б) стилистически обусловленные. Н.В. Орлова, Т.Г. Рабенко, Н.Б. Лебедева в своих работах определяют различие первичности и вторичности РЖ: при наличии общих признаков первичные (в разговорной речи) и вторичные (в книжных стилях) РЖ различаются соотношением когнитивного и прагматического компонентов. В разговорной речи и публицистике ярче представлена эмоциональная и оценочная составляющая (коннотативное значение). Степень выраженности намерений различна: в деловой речи высокая степень экспликации обвинений усиливается посредством ритуального перформатива; в разговорной – преобладанием стилистически маркированных единиц [4: 50–61]. М.Вас. Пименова отмечает, что коннотация включает «выражение эмоционального или рационального отношения говорящего к объекту (оценочность и эмоциональность), <…> а также функционально-стилистическую характеристику, относящуюся не к семасиологической, а к социолингвистической сфере, хотя функционально-стилистическая характеристика, безусловно, в большинстве случаев сопровождает коннотативное значение» [2: 398–399].

Ю.В. Щурина отмечает, что вторичные РЖ, возникая в условиях более сложного культурного общения, имеют прообразы в виде РЖ бытовой сферы общения, которые могут быть в той или иной степени

трансформированными. Так, для комических РЖ (афоризм, бурлеск, веллеризм и др.) «общий прообраз – шутка в виде бытовой реплики. Она может быть взята непосредственно из действительности или включена органически в более сложный РЖ (например, роман), и тогда наряду с шуткой-репликой воспроизводится и ситуативно-речевой контекст» [6: 148].

Учитывая вышесказанное, категория первичности и вторичности РЖ не рассматривается в нашем исследовании, поскольку речь идет о живой разговорной речи в бытовой сфере общения, и РЖ семейного дискурса являются исключительно первичными.

Особенностями живой разговорной речи являются «переход» одного РЖ в другой, их переплетение в речевом потоке, невозможность чётко определить границы каждого жанра. В РЖ «семейная беседа»: – *Ну / и что ж / детей теперь не рожать / как в «Москва слезам не верит» / времена всегда одинаковые / бабушка в войну с четырьмя осталась / конечно / тяжело / но от детей не отказалась //* – темой является обсуждение личных (даже интимных) вопросов рождения и воспитания детей. Говорящий апеллирует к семейной истории – рассказывает о бабушке, пережившей сложное военное время с детьми без мужа. При помощи усечённой цитаты из к/ф «Москва слезам не верит» (1979): *«Времена всегда одинаковые! Прежде чем что-то получить, нужно заслужить, заработать!»* – рассказчица подчеркивает справедливость своих слов. Так, в РЖ «семейная беседа» включаются элементы РЖ «воспоминание», то есть образуются «осколки жанров» (А.Н. Байкулова).

К.Ф. Седов отмечает, что «текучесть, незавершенность норм внутрижанрового поведения позволяет выделить… переходные формы», для таких образований учёный предлагает термин «жанроид». Например: жанроид, «сочетающий в себе элементы ссоры и семейной беседы (конфликтная семейная беседа)» [5: 15]. Однако данный подход противоречит нашей типологии, основанной на уровнях эмоциональной связи: в РЖ «семейная беседа» и РЖ «ссора» степень этой связи

различна. В первом из названых РЖ – общение, улучшающее отношения коммуникантов; во втором – общение, ухудшающее отношения коммуникантов до критического уровня. Следовательно, в рамках нашего исследования можно говорить о взаимопроникновении жанров, схожих по основополагающим характеристикам типологии РЖ семейного дискурса (эмоциональная связь и целеполагание), но не об образовании гибрида (жанроида), который невозможно классифицировать как устойчивое и повторяющееся высказывание, поскольку взаимопроникновение РЖ неоднородно: нельзя предположить, какие жанроиды образуются в потоке речи.

Также следует отметить, что К.Ф. Седов, рассматривая РЖ, которые можно объединить, исходя из социально-коммуникативных ситуаций, выделяет гипержанровые формы, среди которых – «семейный гипержанр» [5: 14], который, по мнению учёного, объединяет РЖ, существующие в контексте семейной жизни. Однако такая гипержанровая форма образует не единый коммуникативный акт, а цепочку отдельных речевых событий, различающихся темой, целью, уровнем эмоциональной связи коммуникантов.

На этом основании, разрабатывая типологию РЖ семейного дискурса, мы не используем термины и понятия (жанроид, гипержанр), активно изучаемые в отечественном жанроведении. Это обусловлено тем, что в нашей работе проводится анализ РЖ, реализованных в пределах живого семейного общения (все РЖ бытового общения являются первичными) с постоянным набором коммуникативных партнеров, обладающих знанием психологических особенностей друг друга, связанных близкими отношениями, что позволяет говорить о постоянной эмоциональной связи коммуникантов, варьируется лишь её уровень в зависимости от темы и цели общения. В пределах семейной коммуникации происходит взаимопроникновение различных РЖ, однако такие образования не являются достаточно устойчивыми и постоянными,

чтобы говорить об их цельности. Учитывая теоретические положения, рассмотренные в данной работе, перспективой наших дальнейших исследований является предметный анализ РЖ семейного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собр. Соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
2. Пименова М.Вас. Компоненты коннотативного значения // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей III Международного симпозиума (8–12 июня 2019 г.) / отв. Ред. Е.Я. Титаренко. В 2-х т. Том 1. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 396–401.
3. Понкратенкова А.В. Типология речевых жанров семейного дискурса // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. Донецк, 2022. № 2. С. 40–44.
4. Рабенко Т.Г., Лебедева Н.Б. К соотношению жанров естественного и художественного дискурсов: постановка проблемы (на примере жанра «письмо в редакцию») // Вестн. Томск. Гос. Ун-та. Филология. 2016. № 1 (39). С. 50–61.
5. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров. М., 2007. С. 7–38.
6. Щурина Ю.В. Речевые жанры комического // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 146–157.

ПОНОМАРЕВА Татьяна Александровна *(Луганск, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Луганский государственный педагогический университет
tanya_p-05@mail.ru

КОНЦЕПТ «ПАМЯТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА ИОСИФА БРОДСКОГО

Аннотация. В статье рассматриваются особенности вербализации концепта «Память», который является одним из центральных концептов в художественной картине мира Иосифа Бродского. Отмечается, что особенностью этого концепта в концептосфере И. Бродского является его тесная взаимосвязь с концептами «Время» и «Пространство». Обращение поэта к таким метафизическим концептам – это стремление передать чувство «потустороннего», «нездешнего» и, с другой стороны, то сенсорно-эмпирическое знание, которое вбирает в себя концепт. Такие ценностные составляющие концепта «Память» включают в себя идиостилевые особенности художественной картины мира И. Бродского.

Ключевые слова: концепт, концепт «Память», концепт «Время», концепт «Пространство», взаимосвязь концептов.

Abstract. The article deals with the features of verbalization of the concept «Memory», which is one of the central concepts in the artistic picture of the world of Joseph Brodsky. It is noted that the peculiarity of this concept in J. Brodsky's conceptosphere is its close relationship with the concepts «Time» and «Space». The poet's appeal to such metaphysical concepts is a desire to convey the feeling of «beyond» and, on the other hand,

the sensory-empirical knowledge that the concept absorbs. Such value components of the concept «Memory» include idiostyle features of J. Brodsky's artistic picture of the world.
Keywords: concept, concept «Memory», concept «Time», concept «Space», interrelation of concepts.

В современной парадигме лингвистического знания когнитивная лингвистика продолжает оставаться одним из приоритетных направлений. Концепт, являющийся результатом когнитивной деятельности человека, в современной науке представляет собой междисциплинарное понятие, связывающее различные области человеческого знания: когнитологию, психологию, логику, культурологию, философию, лингвистику и другие.

Несмотря на множество вышедших работ (назовем авторов некоторых из них: С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, М.Вас. Пименова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.И. Теркулов и мн. Др.), рассматривающих концепты, единой трактовки данного термина нет, часто его содержание значительно различается. Мы присоединяемся к пониманию концепта как части языковой картины мира, представления, связанного с системой мировидения человека, своеобразного «пучка смыслов», что дает возможность многоаспектного анализа этого лингвокультурологического явления. В виде концепта культура входит в ментальный мир человека, в то же время концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а также влияет на нее. В.И. Карасик отмечает, что концепт – это «точка пересечения между миром культуры и миром индивидуальных смыслов» [5: 22]. По определению Ю.С. Степанова, «<…> человек проницаем для культуры, более того – он пронизан культурой… Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [9: 42–43].

М.Вас. Пименова рассматривает концепт «в рамках системы языка как единицу эмического (абстрактного) уровня, сопоставимую с фонемой, морфемой, лексемой, синтаксемой и др., которая на этическом

(конкретном) лексико-семантическом уровне материально реализуется в лексических значениях, сигнификатах – интенсионалах и экстенсионалах, внутренних формах слов – способах представления внеязыкового содержания и т. п.» [8: 53]. Концепт как единица эмического (абстрактного) уровня на этическом (конкретном) уровне материально реализуется в конкретных текстах определенного жанра и стиля, функциональных стилях, речевых высказываниях и др. [Там же].

По мнению В.И. Теркулова, лучшим определением концепта будет интегрированное определение, объединяющее дефиниции различных подходов к изучению концепта (лингвокогнитивного, лингвокультурологического, психолингвистического, семантического): «концепт – это квант знаний о категории, ментальное образование, представляющее собой результат психологически и нейропсихологически обеспеченной когниции, реализованной в знаковой форме» [10: 53].

Особый интерес представляет рассмотрение концептов в системе текста, так как современная лингвистика является не только антропоцентричной, но и текстоцентричной. Концептуальный анализ художественных текстов дает возможность получить сведения об универсальных и идиостилевых характеристиках языковой картины мира личности поэта (писателя), так как в каждом конкретном тексте концепты, обогащенные авторской символикой, реализуются по-разному, сохраняя основное концептуальное ядро. Концепт, по В.И. Карасику, – это «личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значений» [5: 22].

Цель данной статьи – рассмотреть некоторые особенности языковой реализации концепта «Память» в концептосфере Иосифа Бродского, описав те ценностные составляющие концепта, которые заключают в себе идиостилевые характеристики художественной картины мира поэта.

Концепт «Память» входит в число особо значимых концептов художественной картины мира Иосифа Бродского.

Являясь одним из центральных процессов когнитивной деятельности человека, память неразрывно связана с восприятием, сознанием (самосознанием) и мышлением. Связь с мышлением обусловливает отражение механизмов человеческой памяти в языке.

Памятью обладает и отдельная личность, и коллективное сознание. Можно говорить об исторической и культурной памяти целого народа, нации. Таким образом, память – принадлежность духовной культуры человечества, слово, несущее в себе значительный культурологический компонент.

В наивной картине мира память, по определению С.И. Ожегова, – это «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений» [7: 396] (одно из значений многозначного слова «память»). Естественной является связь памяти с идеей времени: восприятие, сохранение и воспроизведение в сознании явлений окружающего мира невозможно вне времени; именно память связывает прошлое субъекта с его настоящим и будущим. «Память имеет значение трансцендентальное, и в ней мы не можем не видеть нашего над-временного единства», – писал П. Флоренский [11: 202]. И далее: «Время дано мне, как некое “*сейчас*”, почему сам я, смотрящий на **все** Время, зараз мне данное, – сам я стою **над** Временем» [Там же].

В художественной картине мира поэта – уникальной языковой личности, обладающей трансцендентным мышлением, – память тем более неотделима от категорий времени. У Иосифа Бродского – поэта, переводчика, драматурга, эссеиста – со временем особые отношения.

О своём отношении ко времени Бродский наиболее полно сказал в интервью Д. Глэду: «Дело в том, что меня более всего интересует и всегда интересовало на свете (хотя раньше я полностью не отдавал себе в этом отчёта) – это время и тот эффект, какой оно оказывает на

человека, как оно его меняет, как обтачивает, то есть это такое вот практическое время в его длительности. Это, если угодно, то, что время делает с человеком, как оно его трансформирует. С другой стороны, это всего лишь метафора того, что вообще время делает с пространством и с миром. Но это настолько обширная идея, которой лучше не касаться, потому что на самом деле литература не о жизни, да и сама жизнь – не о жизни, а о двух категориях, более или менее о двух: о пространстве и о времени.

<…> Во всяком случае, время для меня куда более интересная, я бы даже сказал, захватывающая категория, нежели пространство, вот, собственно и всё…» [4: 110–111].

Время, по Бродскому, «синонимично, нет, даже вбирает в себя божество» (Эссе «Поклониться тени») [2: 144], оно больше Бога:

Уже не Бог, а только Время, Время,
зовёт его *(«На смерть Т.С. Элиота»).*

Время является условием изменения вещей, человека. Жизнь есть, пока «время не поглупеет так же, как пространство», не остановится, не окаменеет. Но Время и приводит к старости, несёт смерть. Торжествует «вычитанье»:

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит
(«Письма римскому другу»).

Пространство и время находятся у Бродского в таких взаимоотношениях:

Время больше пространства. Пространство – вещь.
Время же, в сущности, мысль о вещи
(«Колыбельная трескового мыса»).

Вещь является частью пространства:

Вещь есть пространство, вне
коего вещи нет
(«Натюрморт»).

В эссе «Отлёт из Византии» («Flight from Byzantium») Бродский формирует следующее философское положение: «Пространство для меня и меньше, и менее дорого, чем время. Не потому, однако, что оно для меня меньше, а потому, что оно – вещь, тогда как время есть мысль о вещи. Между вещью и мыслью, скажу я, всегда предпочтительнее последнее» [2: 219].

Время двусмысленно: с одной стороны, оно освобождает от духовной смерти, с другой – обращает человека к физическому небытию. Бомба Времени, разорвавшаяся над родительским домом, в котором Бродский провел своё детство и юность, оставляет только воспоминания: «бомба времени, которая разбивает вдребезги даже память» – эссе «In a room and a half» («Полторы комнаты»). Время превращает память в «союзницу забвения, союзницу смерти» [2: 58]. В одном из интервью Бродский сказал: «У меня перегружена память. Чем больше человек хранит в памяти, тем ближе он к смерти. Объем заполнен. Невозможно больше управлять мыслями. И все же вспоминать прошлое гораздо приятней, чем задумываться о будущем. Есть ощущение, что смерть может прийти раньше, до того, как я буду готов, придет не в срок. Меня не привлекает загробная жизнь. Она лишена для меня интереса» [4: 129].

Время, соприкасаясь с памятью, «уступает» свои позиции. В этой своеобразной иерархии метафизических номинаций память оказывается на порядок больше времени:

Ибо время, столкнувшись с памятью, узнаёт
о своём бесправии
(«Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером»).

Но, со своей стороны, время служит для памяти неким «ограничителем». Об этом читаем в эссе «Меньше единицы»: «Я немногое помню из своей жизни, и то, что помню, – не слишком существенно. Значение большинства мыслей, некогда приходивших мне в голову, ограничивается тем временем, когда они возникли» [2: 69].

Человеческой памяти свойственна нестойкость, изменчивость: «По безнадежности все попытки воскресить прошлое похожи на старания постичь смысл жизни. Чувствуешь себя как младенец, пытающийся схватить баскетбольный мяч: он выскальзывает из рук» (Эссе «Меньше единицы») [2: 69]. Важное свойство памяти – ее ослабление по мере того, как неумолимое время ведет человека к смерти. В одном из интервью Бродский так говорит об этом: «У меня такое чувство, что до тридцати трех – тридцати четырех лет я помнил свою жизнь до мельчайших подробностей. Я мог вспомнить, на какой стороне раскрытой книги прочел то или иное предложение. А теперь я редко помню, что происходило утром. <…> Это странно, но, с другой стороны, вне зависимости от того, что со мной происходит, это правда» [4: 213].

Свойством памяти является ее исключительная избирательность и субъективность, что позволяет Бродскому прийти к такому заключению: «Возможно, в том, что я тут наговорил [речь идет о воспоминаниях о родителях и детстве. – Т. П.], виновато совсем другое: несоответствие настоящего тому, что помнится. Память, я думаю, отражает качество реальности примерно так же, как утопическая мысль» (Эссе «Полторы комнаты») [2: 45].

Цепочка *память – душа – жизнь*, характерная для русской поэтической традиции [6: 90], присутствует и в поэзии Бродского. Эти слова переплетены настолько тесно, что сама память персонифицируется. Способностью помнить у Бродского наделены не только люди, а и все живое:

Шум шагов и лиры звук
будет помнить лес вокруг.
Будет памяти служить
только то, что будет жить.
Будет помнить лес и дол.
Будет помнить сам Эол.

Будет помнить каждый злак,
как хотел Гораций Флакк.
Томас Стерн, не бойся коз.
Безопасен сенокос.
Память, если не гранит,
одуванчик сохранит.
Так любовь уходит прочь,
навсегда, в чужую ночь,
прерывая крик, слова,
став незримой, хоть жива.
Ты ушел к другим, но мы
называем царством тьмы
этот край, который скрыт.
Это ревность так велит.
Будет помнить лес и луг.
Будет помнить все вокруг.
Словно тело – мир не пуст!
Помнит ласку рук и уст

(«На смерть Т.С. Элиота»).

Только перейдя в иное измерение, в пустоту, в Ничто – смерть, по Бродскому, – можно лишиться памяти.

Память присуща и пространству. Точнее, Бродский предполагает, что «если пространство обладает собственным разумом и способно выказывать предпочтение, то существует вероятность, что хотя бы один из тех десяти метров тоже может вспоминать обо мне с нежностью. Тем более теперь, под чужими ногами» (Эссе «Полторы комнаты») [2: 44].

Если в эссеистике Бродского память предстает как некая метафизическая сущность, тесно связанная со временем, то в поэзии память связана, скорее, с пространством и, как его следствием, расстоянием и разлукой. В концептуальное поле концепта «Память»

вносятся слова «прощание», «одиночество», «печаль». Глагол «забыть/забывать» становится синонимом опустошенности и отчужденности.

Прощай,
позабудь
и не обессудь

(«Прощай, позабудь…»).

При воспоминании события прошлого как бы переносятся в настоящее и созерцаются двумя «я»: нынешним «я» человека и его прошлым «я» непосредственного участника событий или их наблюдателя. «Важнейшим условием памяти является ощущение человеком тождественности этих двух «я»: человек идентифицирует себя в прошлом и настоящем как одно лицо» [3: 81]. У Бродского герой лирического сюжета часто лишен того или иного из этих «я».

Ты не будешь любим и забыт не будешь.
И тебя в поздний час из земли воскресит,
если чудищем был ты, компания чудищ.
Разгласит
твой побег
дождь и снег.
И, не склонный к простуде,
все равно ты вернешься в сей мир на ночлег.
Ибо нет одиночества больше, чем память о чуде.
Так в тюрьму возвращаются в ней побывавшие люди
и голубки – в ковчег

(«Фонтан»)

Итак, концепт «Память» в художественной картине мира Иосифа Бродского является одним из центральных концептов. Особенностью этого концепта в концептосфере Бродского является его тесная взаимосвязь с концептами «Время» и «Пространство». Обращение поэта

к таким метафизическим концептам – это стремление передать чувство «потустороннего», «нездешнего» и, с другой стороны, то сенсорно-эмпирическое знание, которое вбирает в себя концепт. Эти ценностные составляющие концепта «Память» заключают в себе идиостилевые характеристики художественной картины мира И. Бродского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский И. Письма римскому другу: Стихотворения. СПб.: Азбука-классика, 2001. 282 с.
2. Бродский И. Поклониться тени: Эссе. СПб.: Азбука-классика, 2001. 312 с.
3. Дмитровская М.А. Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. 204 с. С. 78–85.
4. Иосиф Бродский. Большая книга интервью / Сост. Валентины Полухиной. М.: Захаров, 2000. 701 с.
5. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
6. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. 204 с. С. 85–91.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка; под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1991. 915 с.
8. Пименова М.Вас. Понятие дискурса в трудах Владимира Викторовича Колесова: к 90-летию со дня рождения // Дискурсология: язык, культура, общество: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (10–11 апреля 2024 года, г. Луганск); под ред. И.А. Соболевой. Луганск: Издательство ЛГПУ, 2024. 316 с. С. 49–54.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
10. Теркулов В.И. Основы когнитивной лингвистики: учебное пособие. Донецк: ДонНУ, 2019. 110 с.
11. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины: В 2-х тт. М.: Правда, 1990. Т. 1. 494 с.

РАТКОВИЧ ДРАГАНА (*Белград, Сербия*)

научный советник
Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств
ratkovic1977@yahoo.com

ЗООНИМИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛЕНИВОГО ЧЕЛОВЕКА В РЕЧИ ПИРОТА*

Аннотация: В статье представлен многоаспектный (лингвокультурологический, лексико-семантический, словообразовательно-семантический и когнитивный) анализ имён существительных экспрессивной тональности, которые бытуют в речи области

* Работа профинансирована Министерством науки, технологического развития и инноваций Республики и Сербия по контракту № 451-03-47/2023-01, заключенному с Институтом сербского языка Сербской академии наук и искусств.

города Пирот (ПР); в первую очередь – наименования объекта животного мира, а во вторую – ленивого человека. Корпус состоит из двух словарей ПР: Новицы Живковича (Живкович 1987) и Драголюба Златковича (Златкович 2014; 2017; 2020; 2022; 2024). Перечисленные лексические единицы автор исследует с целью ответа на следующие вопросы: 1) какие человеческие характеристики, поведение и действия инициируют зоонимическую экспрессивную номинацию ленивого человека в ПР; 2) как номинации раскрывают параметры оценки; 3) какие словообразовательные, лексические и когнитивные механизмы в реализации данных языковых единиц, то есть их семантических реализаций. Такой методологический подход позволяет совершить реконструкцию (зоонимическими экспрессивными выражениями) концептуализации *человека* как *животного* в языковой картине мира и традиционной культуре пиротского края.

В ПР при наименовании людей, отличающихся ленью и дармоедством, используются пять уничижительных зоонимических наименований: *мујар*, *трут*, *трунтов*, *трутов* и *мрцетина*, переносное значение которых достигается за счёт полисемии, метафоризации. Более того, существует отрицательное выражение существительного *мрцетина*, креативно усиленное использованием суффикса с увеличительно-отрицательной коннотацией (*-етина*). В зоонимической номинации ленивого человека в пиротской диалектической картине мира используются понятия: «трутень» (*трут*, *трунтов*, *трутов*), «скот, чувствительный к мухам» (*мујар*), «труп мертвого животного» (*мрцетина*); *лень* концептуализируется использованием таких аксиологических и физических параметров, как *непродуктивность* (*трут*, *трутов*, *трунтов*), *статичность – пассивность, непродуктивность* (*мујар*) и *неподвижность* (*мрцетина*).

Лексемы *трут*, *трутов* и *трунтов* являются стандартными, тогда как лексемы *мујар* и *мрцетина* в такой форме не зафиксированы в толковых словарях современного сербского языка.

Выражая отвращение к именуемому существу, все пять зоонимических наименований ленивого человека в ПР характеризуются средней степенью экспрессивности.

Зоонимическая лексика в ПР свидетельствует о богатой выразительности и разнообразии наименований людей, отличающихся ленью и безынициативностью, что свидетельствует о глубоко укоренившейся метафорической и культурной связи человеческих характеристик негативного аксиологического восприятия с понятиями из животного мира.

Ключевые слова: пиротская речь, пейоратив, зооним, ленивый человек, традиционная культура, языковая картина мира.

Апстракт: Рад представља вишеаспектну (лингвокултуролошку, лексичко-семантичку, творбено-семантичку и когнитивну) анализу именица негативне експресивне тоналности којима се у пиротском говору примарно именују реалије из животињског света, а секундарно лење особе.

Кључне речи: пиротски говор, пејоратив, зооним, лења особа, традицијска култура, језичка слика света.

1. Рад је посвећен зоолошкој лексици и терминологији у именовању човека у пиротском говору (даље ПГ) и представља наставак истраживања експресивних назива за особу у овом говору (исп. Ратковић 2021; 2022; 2023а; 2023б; Раткович 2024). Предмет рада чине именице

експресивне тоналности којима се у ПГ примарно именују реалије из животињског света (животиње и њихови делови, појмови везани за понашање животиња, стање у којима се оне налазе, њихове излучевине), а секундарно људи. У анализу су укључени и деривати јединица које припадају семантичком пољу ’зооним’. Језичким јединицама, ексцерпираним из два речника ПГ, Новице Живковића (Живковић 1987) и Драгољуба Златковића (Златковић 2014; 2017; 2020; 2022; 2024), приступа се у складу с теоријско-методолошким апаратом примењеним у наведеним истраживањима номинације човека у ПГ, при чему је у овом раду, због ограничености простора, изостављен компаративни аспект (компаративна анализа одабраних експресивних назива у ПГ са одговарајућим називима у савременом српском језику и савременим призренско-тимочким говорима). Поменути радови који се баве ПГ садрже одређење термина *лаудатив* (в. Ратковић 2022: 71), *пејоратив* (в. Ратковић 2021: 111; Раткович 2024: 199–200), *зооним* (в. Раткович 2024: 200–201; Ратковић 2023б: 240–241), историјат истраживања лаудативних назива за човека у српском језику (в. Ратковић 2023а: 100–102) и указују на истраживања пејоративних назива за човека у српском језику (в. Раткович 2024: 201) и зоолошке лексике и терминологије у српском језику (в. Ратковић 2023б: 241–242; Раткович 2024: 202).

2. Грађа показује пет зоонимских назива за лице које се одликује лењошћу и готованством, што се оцењује негативно. То су: *мујар* ’говече осетљиво на зујање и ујед обада’ (Златковић 2014); ’нерадник, ладолеж’ (Златковић 2022), *трунтов* ’трут’ (Златковић 2014); ’лењивац’ (Златковић 2022), *трут* ’лењивац, нерадник’ (Златковић 2022), *трутов* ’лењивац’ (Златковић 2014), *мрцетина* ’леш угинуле животиње, стрвина’; ’лењивац’ (Златковић 2014). Фигуративно значење особе свих назива остварено је полисемијом, метафоризацијом.

Две лексеме развиле су још нека значења лица и животиње: *мујар* ’брљива и свадљива особа’ (Златковић 2014); ’пргава и плашљива особа’

(Златковић 2017); ’покварењак; преврtљивац’ (Златковић 2022), *трун-тов* ’дебео пас који не обавља своје дужности’ (Златковић 2022).

2.1. Метафорично значење именице *мујар* у ПГ одликује се семом колективне експресије везане за стоку (’нељудско, нехумано’) и семом специфичне карактеристике која се односи на одређену врсту стоке (’пасивност’). То је принцип по којем „хипероним *животиња* (и његове блискозначнице) уноси примарну детериорацију активирану архисемом *анимално* (анимално = нечовечно, нагонско), док се семе нижег ранга – којима се конкретно фигуративно значење обликује – јављају као одраз већ формираних стереотипа у вези с одређеном животињом, обично као семе колективне експресије“ (Вељковић Станковић 2018: 141). Лексема *мујар*, наиме, примарно означава говече осетљиво на зујање и уједе обада, заправо – говече које мирује / споро се креће бранећи од мува. На овакво имплицитно значење указује глагол из *Речника САНУ* (РСАНУ 1959–2023) *муарити се* ’бранећи се од мува чешати се трљањем о какво дрво, ограду и сл. (о стоци)’, као покрајинска лексема из призренско-тимочког ареала коју су с краја XIX и почетка XX века забележили Милан Цветковић у Зоруновцу (1907) и Станко Станојевић и Милан Цветковић у Црној Реци (1899).

Потоњи аутор у призренско-тимочком и косовско-ресавском говору бележи још два покрајинска придева – у Зоруновцу (1907) *муарљив* ’немиран коњ или во који се не да додирнути’ и у Сокобањи (1950–1951) *муаран* ’снажан, јак (о ветру, кошави)’, с којим семантички кореспондира именица *муар* у савременом тимочком говору – ’западни ветар у Тимоку’ (Динић 2008).

То су, ако изузмемо презиме *Мујар*, које је у *Речник САНУ* унето из збирке речи Владана Арсенијевића (1881–1900), а чије је творбено значење нејасно, једине лексеме које се творбено-семантички могу довести у везу с лексемом *мујар* у ПГ. У том смислу, лексема *мујар* у ПГ веома је драгоцена јер представља реликт и у лексичком и у семантичком смислу,

чувајући творбено-семантичку везу с глаголом и именицом старим више од једног века.

2.2. Сема ’анимално’ хиперонимског назива за животиње која у значењу човека добија негативну конотацију ’нечовечно, нехумано’ карактерише и назив *мрцетина*.

За разлику од претходног зоонимског назива за човека у ПГ, чија метафорична пејоративна значења човека индукује сема ’пасивност’, фигуративно значење лексеме *мрцетина* индуковано је семом хиперболичне нијансе ’непокретност’. Додатно негативно значење у семантички садржај овог назива за човека уносе архисема ’леш’, сема ’угинулост’ и аугментативно-пејоративна конотација суфикса *-етина*.

У ПГ бројне лексеме (именице, придеви, прилози, глаголи) из творбеног гнезда којем припада именица *мрцетина* потврђују (и) значења у сфери ’особа’, међу њима и ’лења особа’. Као обележје човека, лењост се везује за тромост, успореност, безвољност, бојажљивост, слабост карактера, неморал, али и за слаб апетит и нерадо узимање хране.

Значења човека карактеришу називе: *мрцав* ’који је слабог апетита; тром, спор’ (Живковић 1987); 1. ’бојажљив; снебивљив; безвољан, лењ’; 2. ’који слабо и нерадо једе’ (Златковић 2014), *мрцињав* ’који слабо и нерадо једе’ (Златковић 2014), *мрцоцуцав* ’који слабо и нерадо једе’ (Златковић 2014), ’безвољан, лењ’ (Златковић 2017), *мрцуцав* 1. ’бојажљив; снебивљив; безвољан, лењ’; 2. ’који слабо и нерадо једе’ (Златковић 2014), *мрцкав* ’који слабо и нерадо једе’ (Златковић 2017; 2020), *мрцла* пеј. ’лења и спора жена’ (Златковић 2014), *мрцоћецавштина* пеј. 1. ’безвољна особа; безначајна особа, ништарија’; 2. ’онај који слабо и нерадо једе’ (Златковић 2017), *мрцоћецав* ’безвољан, неоријентисан, неодређен’ (Златковић 2022), *мрцољ* ’изразито лења особа’ (Златковић 2022),

У пиротском крају у употреби су и лексеме које се односе на прехрамбене производе (млеко) – придев *мрцав* у синтагми *мрцаво млеко*

’некувано или недокувано млеко, које се развлачи због убрзаног множења бактерија у њему’ (Златковић 2022).

Именица *мрцетина* није заступљена у описним речницима савременог српског језика (РМС–(МХ) 1967–1976; РСАНУ 1959–2023; РСЈ 2007).

Ипак, *Речник САНУ* бележи њен алофон *мрцотина*, као лексички покрајинизам у значењима ’мршав, изнемогао коњ, кљусе’ и, погрдно, ’рђава, лоша, безвредна особа, нитков, гад; кукавица; ленштина; изнемогла, слаба особа’, који је у Пироту забележио Стеван Пејић (1900).

У остале именице које примарно реферишу на леш угинуле животиње, а секундарно, погрдно, на човека у ПГ спадају *липсотина/липцотина* ’тежак болесник’ (Златковић 2014), *мршљак* ’јако мршава (и неугледна) особа’ и *мршотина* ’живи леш, јако мршава и болесна особа’ (Златковић 2022). Лексемама *стрв* и *стрвина* у ПГ се не именује лице (Златковић 2014).

2.3. Значење лење особе лексеме *трут* индукује сема колективне експресије која се приписује именованом инсекту ’непродуктивност’.

Речници ПГ бележе и неке морфолошке варијанте именице *трут* (*тронт-*), чија су значења метафорична и односе на особу карактеристичног физичког изгледа и понашања. У те лексеме спадају придев *тронтав* ’тром; дебео’ (Златковић 2014) и глагол *тронта се* ’превише се облачи’ (Златковић 2020).

2.4. Методом когнитивне анализе евалуативних лексичких средстава Веронике Телије, по којој конотативно значење експресивних лексема садржи и емотивно-аксиолошку семантичку компоненту (Телия 1986: 5), долази се до закључка о природи компоненте субјективне оцене у семантичкој структури евалуативних лексичких средстава. По Телији та оцена може бити: 1) општа, заснована на параметру ’добро/лоше’ и 2) емоционална, заснована на параметру ’волим/не волим’ односно ’допада ми се/не допада ми се’ (Телия 1986: 29–35). Ту оцену

детерминишу еталони и стереотипи дате језичке заједнице, који представљају културалне информације садржане у лексичком значењу евалуативних лексема (Телия 1986: 39).

Све именице којима се именује лења особа у ПГ одликују се средњим степеном експресивности будући да се њима исказује антипатија, аверзија према таквом бићу. Применом структурног модела лексичког значења експресива који нуди В. Телија (Телия 1986: 110) семантичка структура лексеме којом се именује лења особа имала би следећи изглед: *мујар* / *мрцетина* / *трут* / *трутов* / *трунтов*: особа + лења + то је, као што је познато, лоше, непожељно + зато изражавам антипатију према особи 399hashk својством + чиним то избором погрдног имена у њеном именовању, чиме отворено исказујем своју негативну оцену.

3. У ПГ се за лице које одликују лењост и готованство употребљава пет пејоративних зоонимских назива: *мујар*, *трут*, *трунтов, трутов* и *мрцетина*, чије је фигуративно значење остварено полисемијом, метафоризацијом. Притом, негативна експресивизација назива *мрцетина* интензивирана је додатним творбеним средством: употребом суфикса аугментативно-пејоративне конотације (-*етина*). Појмови који у пиротској дијалекатској слици света представљају изворни домен зоонимске метафоризације у именовању лење особе јесу „трут“, „говече осетљиво на муве“ и „леш угинуле животиње“, а ЛЕЊОСТ се концептуализује помоћу аксиолошких и физичких параметара, као што су НЕПРОДУКТИВНОСТ (*трут*, *трутов*, *трунтов*), СТАТИЧНОСТ – ПАСИВНОСТ, ЛЕЖАЊЕ (*мујар*) и НЕПОКРЕТНОСТ (*мрцетина*).

Лексеме *трут*, *трутов* и *трунтов* су стандардне, док лексеме *мујар* и *мрцотина* у тој форми не бележе ни описни речници савременог српског језика ни лексикографски извори призренско-тимочких говора. Њихови варијантни облици наведени су само у *Речнику САНУ* (*мрцотина*) и *Речнику тимочког говора* Ј. Динића (*муар*).

Сема ’анимално’ хиперонимског назива за животиње која у именовању човека добија негативну конотацију ’нечовечно, нехумано’ активна је у именицама *мујар* и *мрцетина*.

Лексема *мујар* у ПГ веома је драгоцена јер представља реликт и у лексичком и у семантичком смислу чувајући творбено-семантичку везу са лексемама из призренско-тимочког и косовско-ресавског ареала забележених у дугом временском распону – с краја XIX и почетка XX века (*муарити се*, *муарљив*), из средине прошлог века (*муаран*) и с почетка XIX века (*муар*). Глагол *муарити се* ’бранећи се од мува чешати се трљањем о какво дрво, ограду и сл. (о стоци)’ и придев *муарљив* ’немиран коњ или во који се не додирнути’, нотирани у призренско-тимочком говору, указују на то да је номинација која се односи на стоку лексемама мотивисаним именицом *муха* стара више од једног века и да се у савременом ПГ односи и на човека.

Форма *мрцотина* кореспондентна је с формом *мрцетина* не само лексички већ и семантички и територијално. Забележена у Пироту у збирци речи с краја XIX века (1900) с примарним значењем животиње (’мршав, изнемогао коњ, клъусе’), а секундарним, погрдним, особе која може бити и лења (’рђава, лоша, безвредна особа, нитков, гад; кукавица; ленштина; изнемогла, слаба особа’), говори у прилог томе да је концепт ЛЕЊЕ ОСОБЕ као ЛЕША УГИНУЛЕ ЖИВОТИЊЕ у пиротском крају стар више од једног века.

Судећи по семантици бројних лексема (именица, придева, прилога, глагола) из творбеног гнезда којем припада именица *мрцетина*, сема ’лењост’ је веома заступљена. Као обележје човека, лењост се везује за тромост, успореност, безвољност, бојажљивост, слабост карактера, неморал, али и за слаб апетит и нерадо узимање хране.

У номинацији особе називима за животињски леш у пиротској лингвокултури лењост се лексички везује за именицу *мрцина*.

Исказујући аверзију према именованом бићу, свих пет зоонимских назива за лењу особу у ПГ одликују се средњим степеном експресивности.

Зооними у ПГ указују на богату експресивност и разноврсност назива за особе које се одликују лењошћу и непредузимљивошћу, што сведочи о дубоко укорењеној метафоричкој и културолошкој повезаности људских карактеристика негативне аксиолошке перцепције са појмовима из животињског света.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вељковић Станковић Д. Како мислимо речи: прилози проучавању когнитивних аспеката српске лексике. Београд: Јасен, 2018.
2. Ратковић Д. Фитонимски пејоративни називи за човека у пиротском говору (лингвокултуролошки аспект) // Slavistica Vilnensis бр. 66/2 (2021). С. 109–124.
3. Ратковић Д. Ботаничка лексика и терминологија лаудативног значења у именовању човека у пиротском говору // Фолклористика бр. 7/1 (2022). С. 67–90.
4. Ратковић Д. Лексика лаудативног значења у именовању човека у пиротском говору (лингвокултуролошки аспект) // Веселинка Лаброска и Станислав Станковић (ур.). Јазикот како запис на културата во етнолошката и лингвистичка анализа на релација Србија – Македонија. Том 2. / Језик као запис културе у етнолошкој и лингвистичкој анализи на релацији Србија – Македонија. Том 2. Скопје: МАНУ – Београд: САНУ, 2023а. С. 99–129.
5. Ратковић Д. Зоонимска лаудативна номинација жене с аспекта старосне доби у пиротском говору // Јужнословенски филолог бр. LXXIX/2 (2023б). С. 239–258.
6. Раткович Д. Зоонимическая пейоративная номинация ребенка в пиротской речи // Диалектная лексика – 2024 (К 100-летию со дня рождения Ф.П. Сороколетова) /Отв. Ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников СПБ: ИЛИ РАН. С. 198–212.
7. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

ИЗВОРИ

Диниħ Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2008.
Живковић Н. Речник пиротского говора. Пирот: Музеј Понишавља, 1987.
Златковић Д. Речник пиротского говора. Књ. 1–2. Београд: Службени гласник, 2014.
Златковић Д. Допуна Речнику пиротског говора // Српски дијалектолошки зборник бр. LXIV (2017). С. 603–993.
Златковић Д. Друга допуна Речнику пиротского говора // Српски дијалектолошки зборник бр. LXVII (2020). С. 123–296.
Златковић Д. Трећа допуна Речнику пиротского говора // Српски дијалектолошки зборник бр. LXIX (2022). С. 103–280.
Златковић Д. Четврта допуна Речнику пиротског говора // Српски дијалектолошки зборник бр. LXXI (2024): стр. 595–679.
РМС–(МХ). Речник српскохрватскога књижевног језика. Књ. 1–3. Нови Сад: Матица српска – Загреб: Матица хрватска, 1967–1969. Књ. 4–6. Нови Сад: Матица српска, 1971–1976.
РСАНУ. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. I–XXII. Београд: Српска академија наука и уметности – Институт за српски језик САНУ, 1959–2023.
РСЈ. Речник српскога језика. Мирослав Николић (ур.). Нови Сад: Матица српска, 2007.

РЕБЕЦКАЯ Наталия Александровна *(Москва, Россия)*

научный сотрудник
Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН
n.reb@mail.ru

ПОМЕТА «СОЧЕТАНИЕ» В СЛОВАРЕ ЯЗЫКА ПУШКИНА (исследование на материале базы данных)

Аннотация. В статье в структурно-семантическом, жанрово-хронологическом и стилистическом аспектах рассматривается один из элементов словарной статьи Словаря языка Пушкина – помета «сочетание». Исследование проведено в рамках реализуемого в Институте русского языка имени В.В. Виноградова РАН проекта «Электронизация Словаря языка Пушкина» с помощью инструментария базы данных. На основе количественного анализа выборок по опции «сочетание» определены жанровые предпочтения, а также тенденции в частоте использования фразеологических оборотов в разных периодах творчества Пушкина. Отмечены стилистические особенности употребления сочетаний в каждом жанре.

Ключевые слова: словарные пометы, фразеологические сочетания, Словарь языка Пушкина, база данных, жанры, периоды.

Abstract. The article examines one of the elements of the dictionary entry in structural-semantic, genre-chronological and stylistic aspects – “phraseological combination”. The research was conducted within the framework of the project “Electronic Dictionary of the Pushkin Language” implemented at the Vinogradov Institute of the Russian Language using database tools. Based on a quantitative analysis of samples using the “combination” option, genre preferences of word usage with such tags were determined, as well as trends in their use in different periods of Pushkin’s work. The stylistic features of the use of words with such a mark in each of the varieties of literary works are considered.

Keywords: dictionary tags, phraseological combinations, Pushkin’s Dictionary, database, genres, periods.

Под термином *сочетание* составители Словаря языка Пушкина (СЯП) подразумевают раздельно оформленную номинативную единицу языка, которая соотносится по общим и частным семантическим и грамматическим свойствам со словом определенной части речи. В соответствии со структурно-семантической классификацией В.В. Виноградова [2: 21] среди отмеченных сочетаний имеются: фразеологические сращения (устойчивые сочетания, обобщённо-целостное значение которых не выводится из значения составляющих их компонентов), например, *бить баклуши*; фразеологические единства (устойчивые обороты, в которых сохраняются признаки семантической раздельности компонентов), например, *прибрать к рукам, закусить*

язык, сломить шею; фразеологические сочетания (устойчивые обороты, в состав которых входят слова как со свободным значением, так и с фразеологически связанным), например, *гореть нетерпением*, *одержать победу*, *белый стих*. Такие сочетания в СЯП преобладают.

Для исследования словоупотреблений с пометой «сочетание» был использован аппарат программного продукта «База данных Словаря языка Пушкина» [1], реализуемого в рамках проекта «Электронизация Словаря языка Пушкина» [4], [5]. Каждая запись базы данных (БД) – это полноценная словарная статья со всеми разделами, представленными в печатном варианте. Инструментарий БД позволяет осуществлять поиск по лексеме, отбирать фразеологические сочетания, а также контексты, где слова употреблены в переносном значении или имеют стилистические пометы. Таблицы БД сгруппированы по жанрам и периодам.

Для сравнительного анализа пометы «сочетание» по жанрам из БД было выбрано 5 таблиц (назовем их подкорпусами): поэзия (включающая лирику, поэмы, фольклорный корпус и роман в стихах), драма, художественная проза, публицистика и письма – и подсчитана доля словоупотреблений с этой пометой в каждом подкорпусе (рис. 1).

Рис. 1. График распределения долей пометы «сочетание» по жанрам *поэзия, драма, художественная проза, публицистика, письма*

Как видно из графика, максимальная доля сочетаний принадлежит письмам и прозе, минимальная – поэзии. В промежуточном положении – драма и публицистика.

Содержательный анализ выборок показал, что больше половины сочетаний, отмеченных составителями во всех жанрах, относятся к так называемым стертым фразеологизмам, стилистически нейтральным, перешедшим в наречия и производные предлоги, широко распространенным: *быть может; в том числе; вот уж; хотя и; большею частию; во всяком случае; час от часу; в чужих краях; молодой человек; во имя*.

В *поэзии* большая доля фразеологизмов сосредоточена в фольклорном корпусе («Песни западных славян», Сказки). В произведениях, написанных на основе фольклорного материала, народно-бытовой, разговорной лексики, составители отмечают такие сочетания, как *белены объесться, бить челом, из ума выжить, жил-был, отколь ни возьмись, за тридевять земель, жить да поживать.*

27 сочетаний в жанре *поэзия* имеют помету *переносное*, и эта величина в процентном отношении значительно превышает употребление в остальных жанрах, например, в прозе доля такой пометы в сочетаниях в 25 раз меньше. Данный количественный показатель характеризует переносные употребления в составе фразеологизмов в поэзии в качестве маркеров средств художественной выразительности:

*Вот Глинка – **божия коровка…*** Перен.;

*Поварни **полный генерал***. Перен.

*Насытясь жизнию у юных дней **в гостях**.* Перен.

В лирике фразеологические единства зачастую образны: *в веке железном, сердце раскрыть.*

Для *драмы* и *прозы* характерна народно-разговорная фразеология*: шутку шутишь, ни лысого беса, наш брат; как не так, ободрать как*

липку, потянуть лямку. Иногда данная помета соседствует со стилистическими пометами «шутливое» и «каламбурное»:

Принялся я было за неподслащеную наливку, но от нее болела у меня голова; да признаюсь, побоялся я сделаться пьяницею с горя, то есть самым ***горьким пьяницею****, чему примеров множество.* В каламб. Употр. (Выстрел).

Заметное место в этих жанрах занимают пословицы (они помечены особо): *не всяко слово в строку пишется; пей, да про себя разумей*; *семь бед – один ответ; брань на вороту не виснет; утро вечера мудренее.*

В *публицистике* преобладают нейтральные сочетания: *в самом деле; может быть; в то же время*. Встречаются употребления в высоком стиле, а также с книжной стилистической окраской: *соборное деяние* (о уничтожении местничества), *отдать справедливость*. Здесь так же, как в драме и прозе, имеются словоупотребления с шутливой и каламбурной стилистической окраской:

Он… едет в свою деревушку – заложенную и перезаложенную, где живет в скуке и в нужде, мало заботясь о судьбе детей, которых ***на досуге*** *рожает ему жена*. В шутл. Употр.

Насыщенность фразеологизмами характерна для эпистолярного жанра. Половина фразеологизмов в письмах имеет нейтральную стилистику: *белый свет; во всех отношениях; между нами; нет дела; шутки в сторону; пойти своей дорогой; иметь в виду* и др. Среди стилистически окрашенных преобладают фразеологизмы разговорного стиля (*в дураках; на уме; не дело; ни слуху ни духу; по плечу* и др.). Здесь стилистические пометы «шутливое» и «каламбурное» встречаются в несколько раз чаще, чем в рассмотренных выше жанрах: *Смело полагаясь на решение твое, посылаю тебе черновое к самому* ***Белому****; кажется, подлости с моей стороны ни в поступке, ни в выражении нет*. (*Белый* в знач. Сущ. – то же, что ‘белый царь’. *В шутл. Употр. (об*

Александре I)); …что делает ***Вавилонская блудница*** *Анна Петровна?* (распутная, развратная женщина). В шутл. Употр. (об А.П. Керн).

Еще одно исследование пометы *сочетание* было выполнено на материале выборок из подкорпусов поэм двух периодов – раннего (1817–1824 гг.) и позднего (1825–1833 гг.) (рис. 2).

Рис. 2. Распределение долей сочетаний в подкорпусах поэм раннего и позднего периодов

График показывает, что доля фразеологических сочетаний во втором периоде сильно возрастает. В произведениях раннего периода, среди которых «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», где образы героев окружены атмосферой отвлеченных романтических символов и метафор, доля выражений с народно-поэтической окраской, основного источника фразеологизмов, невелика.

В поэмах позднего периода («Граф Нулин», «Полтава», «Домик в Коломне», «Медный всадник») пушкинский стиль всё теснее сближается с «сокровищами родного слова», всё больше проникается духом народного русского языка. Пушкин использует здесь «формулы простонародного слога и оборотов просторечия» [3: 232].

В обоих периодах большинство фразеологических выражений имеют нейтральную стилистическую окраску: *в самом деле; быть может; слава богу; здесь и там; в силах; во весь опор. В*о втором периоде чаще встречаются фразеологические единства с разговорной, просторечной

окраской, в том числе в каламбурном употреблении: *сломить рога; чем свет; начав за здравие, свести за упокой; держать мысль на привязи; ни полушки*; *как не так; перестать или пустить на пе?...* (поставить удвоенную ставку). В каламб. Употр. (дать двойную рифму на «пе»: «стопе» – «канапе»).

Заметим, что в лирике максимальная доля фразеологизмов также зафиксирована в позднем (1826–1836) периоде творчества поэта. В этот период у Пушкина появляются произведения в стиле устной народной словесности (в частности, «Песни о Стеньке Разине»). В выборке присутствуют такие сочетания с разговорной и фольклорной окраской, как *бог помочь, чорта с два, после дождичка (в) четверг, в чистом поле, бить челом, царство вечно* и другие.

Данное исследование подтвердило основное направление в поиске средств художественной выразительности у Пушкина – стремление поэта проникнуть в формы народной поэзии, ввести простонародный, песенный стих в литературу. Пушкин во второй половине своего творчества все чаще использует художественные приемы, в основе которых – народно-разговорный пласт лексики русского языка, сочетая формы простонародности с другими литературными стилями.

Определяя фразеологию с помощью пометы «сочетание», Словарь языка Пушкина тем самым разъясняет и описывает многие стилистические особенности художественного употребления, характеризующие творческий метод Пушкина, его поэтическую манеру, его стиль. Проведенное корпусное исследование систематизирует эту ценную информацию, внося дополнительные штрихи в общую картину и расширяя наше представление о природе творчества и духовной эволюции поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. База данных словаря языка Пушкина. Поэзия. Драма. Проза / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: https://ruslang.ru/pushkin_dict

2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
3. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Гос. Изд-во худож. Лит., 1941. 620 с.
4. Ребецкая Н.А. О некоторых аспектах электронизации Словаря языка Пушкина. Журнал Смоленского центра квантитативной филологии 2023 № 1 (5). С. 64–71.
5. Ребецкая Н.А., Шайкевич А.Я. Электронизация «Словаря языка Пушкина» Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, № 1, 2024. С. 49–57.

РЕИНЕР Ада Игоревна *(Санкт-Петербург, Россия)*

соискатель, младший научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
adairein@gmail.com

УСТОЙЧИВЫЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ СОЧЕТАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ТОРГОВЛЕЙ, В ОБИХОДНОМ И ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI – XVII ВЕКОВ

Аннотация. В статье на материале текстов обиходного и делового содержания XVI–XVII веков рассматриваются устойчивые предложно-падежные сочетания, отражающие особенности и этапы заключения торговых сделок: предложение товара, обозначение условий, способа покупки и продажи, форм оплаты, соответствие устоявшимся правилам торговли.
Ключевые слова: устойчивое предложно-падежное сочетание, торговая лексика, историческая лексикология, историческая фразеология, старорусский язык.

Abstract. The article analyzes stable prepositional combinations based on texts of everyday and official content of the 16–17 centuries, reflecting the features and stages of the trading process: the offer of goods, the designation of conditions, the method of purchase and sale, forms of payment, compliance with the rules of trade.
Keywords: stable prepositional constructions, trade vocabulary, historical lexicology, historical phraseology, Old Russian language.

Язык Московской Руси характеризуется формульностью, лежащей в основе деловых текстов [2: 21]. Формулы представляют собой устойчивые словесные комплексы (УСК), обозначающие «общепринятую норму, обычай, правила поведения, житейскую ситуацию, этикетное действие и заменяющие собой развернутое информативное описание» [2: 13]. Е.И. Зиновьева классифицирует формулы делового и обиходного языка Московской Руси по разным признакам, в том числе по сфере употребления: выделяет социально-экономические, торговые и другие [2: 13–16]. В настоящем исследовании рассматриваются формулы, связанные с заключением торговых сделок.

Торгово-экономические отношения Московской Руси нашли языковое отражение в разговорниках иностранных купцов, торговых, приходо-расходных книгах и других документах, представляющих «язык устного общения и частных деловых документов» [4: 656]. Лексика и фразеология торговой сферы старорусского языка была рассмотрена О.С. Мжельской (см. [5; 6; 7; 8]), Л.Ю. Костючук (см. [3; 8]), А. Болек (см. [1]) на материале разговорников и псковских документов.

Объектом исследования настоящей статьи послужил особый структурный тип УСК – устойчивое предложно-падежное сочетание (УППС). Такие единицы образуются по модели «предлог + падежная словоформа», обладают воспроизводимостью, устойчивостью структуры и семантики, а также единством значения. УППС, характеризующие торговый процесс, не были объектом специального лингвистического исследования и комплексно не рассматривались как особая группа формульных сочетаний старорусского языка.

Цель настоящей работы – провести семантико-функциональный анализ УППС, встреченных в контекстах, связанных с торговлей, в документах XVI–XVII вв.

Методом сплошной выборки из исторических словарей разных типов (общих, региональных, терминологических) были отобраны и проанализированы 529 УППС, из которых 58 единиц употребляются в контекстах, связанных с торговым процессом. В настоящей работе при указании контекстов употребления УППС приводится сокращение источника (памятника), адрес цитаты и датировка; при цитировании примеров из региональных и терминологических словарей, где не указывается конкретный памятник, приводится сокращение словаря, номер страницы и датировка.

Ниже представлена тематическая классификация УППС, связанных с торговлей, включающая как единицы, характерные исключительно для этой сферы, так и УСК, зафиксированные в разножанровых документах,

но выполняющие важные функции в торговой коммуникации (установление контакта, уточнение условий сделки и др.).

1) УППС, связанные с представлением и оценкой товара. Такие УППС фиксируются преимущественно в разговорниках иностранных купцов, поскольку свойственны разговорной речи.

На этапе предложения продавец стремился показать покупателю лучшие стороны товара, выкладывая его *перед очима* ‘на виду, так, что можно хорошо рассмотреть’: *Здесь лежи мой товар* ***перед очима****.* Разг. Фенне, 413, 1607 г. Продавец мог сообщить, что его товар качественный, *без зарока* ‘без изъяна’: *Мой товар строг,* ***без зароку****, добрый.* Разг. Фенне, 279, 1607 г. Если товар не был предоставлен для осмотра, покупатель мог отказаться покупать его *за очи* ‘не видя (товар)’: *Я товар* ***на взор*** *куплю,* ***за очи*** *я ёво не куплю*. Разг. Фенне, 423, 1607 г. После осмотра товара покупатель мог указать на изъян, используя УППС *с зароком* (*Твой товар* ***с зароком*** *[szarokum, hefft gebrek].* Разг. Фенне, 405, 1607 г.), и выразить сомнение в качестве с помощью модального УППС *по знатью* ‘по-видимому’ (*Мнѣ видится/* ***по знатью*** *[posnatiu, my dunkedt], твой товар смучен.* Разг. Фенне, 431, 1607 г.).

После того как товар был представлен покупателю, продавец мог уточнить, соответствует ли товар ожиданиям, используя предикативные УППС, образованные по конструкции «что-л. Кому-л. *По + N (Dat)*»: *мой товар…* ***по подобию-ль*** *тебѣ.* Разг. Фенне, 413, 1607 г.; *посмотри да понюхай, товар тебѣ* ***по обычаю*** *ль.* Разг. Фенне, 372, 1607 г.

2) *УППС, характеризующие условия продажи.* Устойчивые сочетания этой группы функционировали преимущественно в деловых документах, обозначая разные условия и обстоятельства продажи товара, в том числе связанные с таможенными требованиями, государственными указами и др.

УППС *(не) в продаже, (не) в продажу, (не) для продажи* обозначали предназначение товара для торговли или для других целей (личного

пользования, государственных нужд и др.): *товаръ* ***въ продажѣ*** *будетъ на денги*. ААЭ IV, 101, 1653 г.; *а велѣно имъ держать питье про себя, а* ***не на продажу****.* Пам. Кружечн. Голов., 2, 124, 1687 г. и др. Предназначение товара для продажи в другом городе или государстве обозначалось УППС *в отвоз* ‘для вывоза и продажи на стороне’: *соболи, государь,* ***в отвоз*** *пошли в Китайское государство*. Сл. Сибир., 98, 1672 г.; ***в отвоз*** *приѣзжм людем вино не продавали*. Сл. Промысл. I, 257, 1690 г.

Для обозначения запрета или разрешения на торговлю употреблялись УППС *под заповедью* ‘запрещен для продажи’ (*А которые нам [иностранным купцам] товары надобны, и те* ***товары под заповедью***. РШЭО, 214, 1662 г.), *без (всякого) запрещения / зацепки* ‘вольно, без запрета’ (*повольною торговлею торгуют… по всем городам повольно* ***безо всякого запрещенья*** *и* ***зацепки***. РШЭО, 140, 1649 г.).

Если торговцы были вынуждены из-за каких-то обстоятельств продавать товар по заниженной цене, то для обозначения такой ситуации использовали УППС *в неволю* ‘принудительно, по необходимости’: *они товары свои продавали* ***в неволю*** *дешевою ценою*. Астр. А., № 1506, 2. Гр. 1643 г.

3) УППС, обозначающие способ продажи. Торговля могла осуществляться *в разноску*, если она проводилась не в специально отведенных местах: *а въ иныхъ рядѣхъ и по кресцамъ и* ***въ розноску*** *тѣми ихъ товары никому торговать не велѣли.* ДАИ XI, 259, 1684 г. Широко использовались УППС для описания покупки товара поштучно или оптом: ***с ряду*** ‘полностью, всё подряд’ (*купили* ***с ряду****… 240 рыб*. Кн. Ден. Кир.-Б. м., 340, 1634 г.), *на розницу, в розницу*, *в рознь* ‘по отдельности’ (*и всякии товаръ псковичомъ* ***на розницу*** *продати добровольно или вместе*. Гр. Новг. И Псков., 134, XVI в. И др.). Товар,

пользующийся спросом, покупали ***в захват*** ‘нарасхват’ (*руские товары учнут покупат* ***в захватъ.*** В-К III, 86, 1645 г.).

К способу покупки относится и возможность/невозможность приобрести товар, выбирая подходящий из представленных: *на выбор* ‘с возможностью отбора товара’ (*яз тебе своего товару* ***на выбор*** *[wybor] не продам.* Аноним. Разг., 78, 1568 г.), *без выбора* ‘подряд, без возможности отбора’ (*купили…* ***без выбора*** *240 рыб.* Кн. Ден. Кир.-Б. м., 340, 1634 г.).

Важно было и то, взвешивали товар или нет: его продавали *на вес, в вес, по весу* ‘взвешивая’ (*Я твой товар* ***на вѣс*** *куплю*. Разг. Фенне, 309, 1607 г. и др.); *на вывес* ‘чистым весом, без тары’ (*Пуд 23 гривенки зел(ь)я* ***на вывѣс***. Сл. Мангаз., 58, 1649 г.), *без весу* ‘не взвешивая’ (***Без весу*** *я ёво [товар] не куплю.* Разг. Фенне, 309, 1607 г.) и др.

4) УППС, связанные с условиями оплаты и ценообразования.

Оплата товара могла производиться либо с использованием денег, либо путем обмена одного товара на другой: *на деньги* ‘оплачивая или получая оплату монетами’ (*Продали… 4000 троски* ***на деньги*** *по 13 рублевъ тысячи.* RA, 43, 1623 г.), к этому УППС примыкают и другие сочетания, образованные по модели «на + N (Acc)» (*на алтын, на рубль, на гроши, на гривну* и др.), а также *на мену* ‘обменивая’ (*А у нас… товаров* ***на мену*** *30 берковцев пеньки.* РШЭО, 383, 1675 г.).

При отсутствии денежных средств или товара для обмена использовался отсроченный расчёт: *без деньги* ‘даром; в долг с последующей оплатой’ (*Везде таков товар продажной, да нигде не умѣет* ***без деньги*** *ёво взять.* Разг. Фенне, 390, 1607 г.); *в долг* ‘получать что-л. На определенный срок с последующим возмещением денег или товаров’ и *за долг* ‘отдавая что-л. В счет погашения обязательств’ (*И мы тотъ хлѣбъ* ***за долгъ*** *отдаемъ дешевою цѣною…, а весною тотъ же хлѣбъ у нихъ же беремъ* ***въ долгъ.*** ДАИ X, 205, 1682 г.), *в заклад* ‘в залог’

(*Яз тебѣ свой товар* ***в заклад*** *положу, докуль я денёг добываю [dabuvaiu].* Разг. Фенне, 423, 1607 г.).

Кроме того, УППС этой группы могли указывать на ценообразование: *без замѣрки* ‘по справедливой цене, без превышения реальной цены’ [5: 178] (*уставь своёму товару цѣну прямо* ***без замѣрки****, ино я с тобою сторгую.* Разг. Фенне, 351, 1607 г.), *без убавки* ‘без торга, не снижая цену’ (*ты одною цѣну (!) торгуешь,* ***без убавки***. Разг. Фенне, 298, 1607 г.).

5) *УППС, характеризующие результат сделки.* Результаты торговли могли быть прибыльными или убыточными: *с прибытка* ‘с превышением цены, с процентами’ *(Я торгую* ***с прибытка****, да ты таково ж.* Разг. Фенне, 297, 1607 г.), *в наклад* ‘в убыток’ (*товару дешёво не продай, кабы тебѣ* ***в наклад*** *не было*. Разг. Фенне, 362, 1607 г.), *без прикупу* ‘без прибыли’ (*О чём торгуешь, коли тебѣ не иде вперёд / прикуп [koli tebe ne ide ffperot: prikup, wandt dy nicht vp winst geidt]? Лучше спать, как так торговать,* ***без прикупу***. Разг. Фенне, 385, 1607 г.), *за бесценок* и *на бесценок* ‘очень дешево’ (*мы продавали* ***за безценок****.* РД IV, 22, 1670 г.; *мы… тѣ лошади продаемъ* ***на бесцѣнокъ***. Шумаков. Акты офиц., 40, 1640 г.).

УППС *в людях* ‘(будет) проданным’ использовался для обозначения желаемого результата сделки (*пусть товар у меня лежит, даст Бог, будет* ***в людёх****.* Разг. Фенне, 288, 1607 г.) и для подчеркивания востребованности товара, если покупатель отказывается его приобретать (*Не торговаешь ли ты со мной, ино яз тебе к себѣ не зову; однако будет мой товар* ***в людёх****.* Разг. Фенне, 306, 1607 г.).

6) *УППС, указывающие на соответствие / несоответствие торгового процесса правовым нормам и моральным принципам.* УППС этой группы употреблялись, чтобы подчеркнуть честность и законность сделок: *по закону* ‘как положено; по реальной цене’ (*Продай ты мнѣ свой товар* ***по закону*** *[posakonu, vor de werde] да не задорожи своёго товару.*

Разг. Фенне, 303, 1607 г.), *через закон* ‘незаконно; превышая стоимость’ (*Не перелести меня в своём товарѣ да не возьми прийма/надойма от меня на своём товарѣ* ***через закон***. Разг. Фенне, 422, 1607 г.), *(не) в оман (обман)* ‘(не)честно’ и *без оманки* ‘честно’ (*Я прямо с тобой торгую.* ***Не в оман.*** Разг. Фенне, 370, 1607 г.; *надобь торговать* ***без оманки***. Разг. Фенне, 336, 1607 г.), *без хитрости* ‘(о товаре) не подменен хороший на плохой’ [4: 89] (*в продажу я своего товару не хитрил, мой товар* ***без хитрости***. Разг. Фенне, 339, 1607 г.), *без лести* ‘искренне’ (*Я с тобой торгую всѣм сердцём,* ***без лести***. Разг. Фенне, 303, 1607 г.) и др.

Итак, семантико-функциональный анализ показал, что УППС активно использовались в русском языке XVI–XVII вв., регулируя общение продавца и покупателя, а также характеризуя разные аспекты торгового процесса: предложение и оценку товара (*на взор* (куплю), *за очи* (не куплю) и др.), условия торговли (*в отвоз, под заповедью* и др.), способы торговли (*на розницу, в захват* и др.), формы оплаты (*на деньги, в долг* и др.) и методы ценообразования (*без убавки, без замѣрки* и др.), результат сделки (*в наклад, без бесценок* и др.), правила «честной» торговли (*по закону, без лести* и др.).

Около 10% от общего объема УППС, выявленных в старорусских памятниках делового и обиходного содержания, связаны с торговыми процессами, что указывает на значимость этих единиц для торговой коммуникации в Московской Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болек А. Лексика торговых сделок в Русской книге Томаса Шрове по списку 1596 года // Вопросы лингвистики и лингводидактики: Материалы конференции по материалам МАПРЯЛ, Краков, 1996. С. 171–177.
2. Зиновьева Е.И. Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI–XVII веков (систематизирующий подход) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. С. 9–26.
3. Костючук Л.Я. Уникальные источники о торговых отношениях и быте псковичей XVI–XVII вв. // Метаморфозы истории. 2020. № 15. С. 120–134.
4. Ларин Б.А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Филологическое наследие: Сб. статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2003. С. 656–659.

5. Мжельская О.С. Лексика и фразеология торгового койне Северо-Запада Руси в XV–XVII вв. // Севернорусские говоры. Вып. 7. СПб., 1999. С. 53–62.
6. Мжельская О.С. Лексика псковского рынка начала XVII в. // Севернорусские говоры. Вып. 4. Л., 1984. С. 84–96.
7. Мжельская О.С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2003. 220 с.
8. Мжельская О.С., Костючук Л.Я. Русско-иноязычные разговорники XVI–XVII вв. как источники сведений о жизни древнего Пскова и его обитателей (псковский торг) // Псков в российской и европейской истории: В 2 т. Т. 2. М., 2003. С. 207–212.

ИСТОЧНИКИ

ААЭ IV – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. Т. IV. СПб., 1836.
Аноним. Разг. – «Ein Rusch Boeck…» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter – und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / Hrsg. Von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien, 1994.
Астр. А. – Акты Астраханской воеводской избы XVII в. ФИРИ РАН, ф. 178.
В-К III – Вести-Куранты 1645–1646, 1648 гг. / Изд. Подг. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов / под ред. С.И. Коткова. М., 1980.
Гр. Новг. И Псков. – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. XII–XVI вв.; под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
ДАИ X–XI – Дополнения к Актам историческим, собр. И изд. Археограф. Комис. Т. 10–11. СПб., 1867–1869.
Кн. Ден. Кир.-Б. м. – Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. М.; СПб., 2010.
Пам. Кружечн. Голов. – Память кружечным головам // История княжества Псковского [митрополита Евгения]. Ч. II. Киев, 1831. С. 126–131.
Разг. Фенне – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / Ed. By L.L. Hammerich and R. Jakobson. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.
РД IV – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 4. М., 1976.
РШЭО, 140, 1649 г. – Русско-шведские экономические отношения в XVII в. / отв. Ред. М.П. Вяткин, И.Н. Фирсов М.; Л., 1960.
Сл. Мангаз. – Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в. / Сост. Н.А. Цомакион. Красноярск, 1971.
Сл. Промысл. – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / ред. Ю.И. Чайкина. Вып. 1–3. СПб., 2003–2015.
Сл. Сибир. – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Сост. Л.Г. Панин. Новосибирск, 1991.
Шумаков. Акты офиц. – Шумаков С. Официальные акты (1628–1701 гг.) // Чтения ОИДР. Кн. 4. Отд. 1. 1908. С. 38–111.
RA – Russiske aktstykker fra det 17de arhundrede / Av O. Broch, Chr. S. Stang. Oslo, 1961.

РЫБАКОВ Михаил Анатольевич *(Москва, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
416hashko_ma@pfur.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЕДИНСТВА СИНТАГМАТИКИ И ПАРАДИГМАТИКИ В СИСТЕМНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается трактовка парадигматических и синтагматических отношений, предложенная Г.П. Мельниковым в развитие диалектических идей системной лингвистики, объясняющей язык одновременно как процесс и продукт речевой деятельности человека. Особое внимание уделяется месту данных отношений в системе языка и единству парадигматического и синтагматического анализа как необходимому условию системности лингвистического анализа в целом. Парадигматика разъясняется как соотношение единиц и их классов, а синтагматика – частей и целого в пределах некоторого уровня в системе и сегмента в тексте.

Ключевые слова: лингвистический анализ, методология лингвистики, системная лингвистика, теория систем.

Abstract. The article examines the interpretation of paradigmatic and syntagmatic relations proposed by G.P. Melnikov in the development of dialectical ideas of systemic linguistics, which explains language as both a process and a product of human speech activity. Particular attention is paid to the place of these relations in the language system and the unity of paradigmatic and syntagmatic analysis as a necessary condition for the systematicity of linguistic analysis as a whole. Paradigmatics is explained as the relationship between units and their classes, and syntagmatics as the relationship between parts and the whole within a certain level in the system and a segment in the text.

Key words: linguistic analysis, methodology of linguistics, systemic linguistics, theory of systems.

Г.П. Мельников находил лингвистические истоки системной теории языка в идеях В. Фон Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, общенаучные истоки – в теории систем, опирающейся на естественнонаучные и технические методы системного анализа природных и искусственных объектов, а философские – в диалектике, и поэтому рассматривал понятия не только как лингвистические: *синтагматика* и *парадигматика* определяются им как частный случай целочастных и родо-видовых отношений: парадигматические отношения – это отношения любого компонента ко всем другим при родо-видовой классификации, а синтагматические – отношения компонента

определённого яруса, сопоставленного с избранными компонентами этого яруса в функционально выделенной группе на том основании, что они, вместе с исходным компонентом, в результате взаимосвязей и взаимодействий, образуют самостоятельную подсистему с определённой функцией [1: 26]. Учёный отметил, что синтагматика в лингвистике нередко определяется «несколько суженно, как способ рассмотрения интересующих нас объектов в *последовательных*, *линейных* цепях», тогда как части связываются в целое не только линейно, но также при помощи плоских и объёмных сетей, и такие связи также являются синтагматическими [2: 80]. Примерами синтагматических отношений за пределами языка можно считать взаимодействие органов одного организма, составных частей машины и т. д., что позволяет рассматривать язык в рамках общей теории систем [2: 80]. Парадигму в технической системе можно бы было представить как набор режимов её функционирования.

Парадигма, с позиций системологии, предстаёт как самая простая разновидность двухуровневой родо-видовой классификации: «один уровень – объединяющий, другой – различающий, заданный либо градациями некоторого признака, либо просто перечнем видов его проявления» [2: 79]. Таким образом, парадигматическое измерение системы отражает структуру сходств и различий элементов, а синтагматическое – структуру взаимодействий между элементами.

Принцип синтагматико-парадигматической функциональной согласованности выдвигается Г.П. Мельниковым как один из основных методологических принципов системного анализа. Этот принцип предполагает требование при системном изучении объекта, например языка, не только иметь в виду взаимную зависимость парадигматики и синтагматики, но и «учитывать, что в ходе становления системы, её развития протекает ещё и процесс *взаимосогласования* синтагматических параметров элементов системы с

парадигматическими, и чем глубже адаптация, тем выше уровень системности» [2: 82].

Данный принцип позволяет прийти к выводу о том, что типичное для структурализма антиномическое противопоставление синтагматики и парадигматики порождает ложную проблему приоритета одного из этих аспектов, которая снимается, как только исследователь добавит к этой диаде третий аспект – функцию системы, поскольку функция позволит увидеть закономерность как парадигматических сходств и различий между элементами, так и потенциальных и реальных взаимосвязей элементов в анализируемой системе.

Парадигматический анализ системы предполагает на начальном этапе установление состава элементов системы и их *материальных* особенностей, а в дальнейшем изучение своеобразия *сети* выявленных сходств и различий, то есть парадигматической структуры системы [2: 83].

Так, например, парадигму фонемы составят её аллофоны как виды, относящиеся к одному роду, морфемы – алломорфы, лексемы как единицы грамматики – словоформы, а лексемы как словарной единицы – аллолексы (лексико-семантические варианты). В синтагматике аллофон будет частью алломорфа, иметь позиционные связи с другими аллофонами, а последний, выступая частью словоформы, будет находиться в позиционных отношениях с другими алломорфами. На этих уровнях оба вида отношений зафиксированы языком как системой, на более высоких уровнях (предложения и текста) синтагматика и парадигматика, подчиняясь определённым системным правилам, будут отличаться большей гибкостью в связи с разнообразием речевых потребностей говорящего. Парадигматические и синтагматические связи всех уровней в системной лингвистике трактуются не как абстрактные структурные отношения, а именно как материальные связи самих единиц [3: 8]. В речи материальность связей проявляет себя в различных комбинаторных фонетических процессах, цельности звукового потока, а

также в ассоциированности смыслов как частей общего замысла сообщения в речемыслительной говорящего, а в языке – в психической ассоциированности вариантов некоторой языковой единицы друг с другом, обеспечивающей не только выбор контекстно уместного члена парадигмы говорящим, но также опознание адресатом речи функциональной языковой единицы.

Как полагал Ф. де Соссюр, «члены, составляющие ассоциативную группу, не даны в сознании ни в определённом количестве, ни в определённом порядке» [4: 158]. В системной лингвистике парадигма (в терминах Ф. де Соссюра – ассоциативная группа) рассматривается не только как система, включающая определённое количество видов одного рода, например значений некоторой грамматической категории, но и как система, элементы которой расположены не в произвольном, а в функционально обусловленном порядке. Второе важное отличие системного подхода к проблеме синтагматики и парадигматики заключается в объяснении этих структурных отношений не как абстрактных схем описания позиций и оппозиций, а как вполне материальных отношений элементов субстанции языка. Схемой же эти отношения становятся в языковых моделях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельников Г.П. Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадиальной. М.: Изд-во РУДН, 2000. 90 с.
2. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.
3. Валентинова О.И. Общая теория систем Г.П. Мельникова как научная универсалия // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. № 5 (1). С. 7–16.
4. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31–273.

РЫБАКОВ Михаил Анатольевич *(Москва, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
rybakov-ma@rudn.ru
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

КАМАРГО БОСИГА Яндира Хулиана *(Москва, Россия)*

магистрант
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
1032195044@pfur.ru

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ХОРХЕ ЛУИСА БОРХЕСА

Аннотация. В статье исследуются синтагматические и парадигматические аспекты текстов Хорхе Луиса Борхеса. Анализируются структурные особенности, нелинейное повествование и интертекстуальные связи. Особое внимание уделено взаимодействию синтагматики и парадигматики как механизмам смыслообразования. Борхес использует литературные и философские категории для создания многозначных структур, где текст моделирует альтернативные реальности. На примере произведений «Сад расходящихся тропок», «Вавилонская библиотека», «Тлён, Укбар, Orbis Tertius» показано влияние структуралистских и постструктуралистских подходов на организацию текста.
Ключевые слова: Хорхе Луис Борхес, синтагматика, парадигматика, интертекстуальность, метатекстуальность, структурализм, постструктурализм.

Abstract. The article explores the syntagmatic and paradigmatic aspects of Jorge Luis Borges's texts. It analyzes structural features, non-linear narrative, and intertextual connections. Special attention is given to the interaction between syntagmatics and paradigmatics as mechanisms of meaning creation. Borges employs literary and philosophical categories to construct polysemantic structures, where the text models alternative realities. Using examples from works such as "The Garden of Forking Paths", "The Library of Babel", "Tlön, Uqbar, Orbis Tertius", the influence of structuralist and poststructuralist approaches on text organization is demonstrated.
Keywords: Jorge Luis Borges, syntagmatics, paradigmatics, intertextuality, metatextuality, structuralism, poststructuralism.

Хорхе Луис Борхес (1899–1986) – один из наиболее значительных писателей XX века, чьи произведения отличаются высокой философской насыщенностью, интертекстуальностью и сложной структурой. Особое внимание исследователей привлекает языковая организация его текстов, в которых наблюдается активное взаимодействие синтагматических и парадигматических элементов.

Литературные произведения Борхеса создают ощущение лабиринта, в котором читатель вынужден самостоятельно выстраивать

связи между элементами текста. Это особенно заметно в рассказе «Сад расходящихся тропок» [3: 2], где альтернативные реальности переплетаются, создавая сложную систему взаимодействий: *Я подумал о лабиринте лабиринтов, о петляющем и растущем лабиринте, который охватывал бы прошедшее и грядущее и каким-то чудом вмещал всю Вселенную*, и в рассказе «Вавилонская библиотека», в которой концепция бесконечной структуры организует само повествование*: В этой истине, прямое следствие которой – грядущая вечность мира, не может усомниться ни один здравый ум.*

Подобный эффект наблюдается и в «Тлён, Укбар, Orbis Tertius» [4: 14], где Борхес представляет текст как отражение множества возможных реальностей, каждая из которых является частью метафизического лабиринта знаний. Эта особенность нарратива объясняется сознательным использованием структуралистских методов, основанных на идеях Фердинанда де Соссюра, Ролана Барта и Юрия Лотмана. Синтагматика и парадигматика в этом контексте становятся не просто инструментами анализа, но и ключевыми элементами художественного замысла.

В данной статье рассматриваются способы организации языковых единиц в текстах Борхеса, выявляются особенности синтагматического и парадигматического уровней его прозы и анализируется их влияние на смысловую структуру произведений.

Теоретические основы синтагматики и парадигматики. Концепции синтагматики и парадигматики были впервые сформулированы Фердинандом де Соссюром в рамках структурализма [8: 25]. Согласно его теории, язык представляет собой систему знаков, которая функционирует за счет двух видов отношений:

Синтагматические отношения – это линейные связи между элементами высказывания, определяющие последовательность языковых единиц.

Парадигматические отношения – это взаимозаменяемость языковых элементов, позволяющая одному знаку приобретать разные значения в зависимости от контекста.

Структуралистский анализ литературных текстов, развиваемый Кристевой, Бартом и Лотманом, основан на концепциях интертекстуальности, семиотической системы и культурных кодов. Например, Юлия Кристева [6: 78] в своих работах «Семиотика: исследования по семанализу» рассматривает текст как мозаичную структуру цитат, что напрямую связано с нарративной техникой Борхеса. Ролан Барт в «C/Z» [1: 102] анализирует множественные смыслы текста, подчеркивая принцип «писательского» и «читательского» текста, что проявляется в лабиринтоподобных структурах Борхеса. Юрий Лотман [7: 56], в свою очередь, в «Семиосфере» вводит понятие текста как части более широкой смысловой системы, что соотносится с идеей Борхеса о библиотеке как метафоре бесконечного знания. Он показывает, что синтагматические и парадигматические отношения выходят за рамки простого языкового анализа и формируют семиотическую организацию текста. Литературный текст можно рассматривать как систему знаков, взаимодействующих между собой по определённым структурным законам.

В текстах Борхеса синтагматические связи проявляются в нелинейной организации повествования, создании сложных нарративных конструкций и использовании анафорических повторений. В то же время парадигматические отношения выражаются в построении метатекстуальных систем, игре со значением слов и концептуальной взаимозаменяемости понятий.

Синтагматические структуры в произведениях Борхеса. Произведения Борхеса отличаются особыми нарративными структурами, в которых синтагматические связи реализуются следующим образом:

– нелинейное повествование. В рассказе «Сад расходящихся тропок» сюжет строится по принципу множественных альтернативных реальностей, что создает эффект фрагментарности повествования;

– рекуррентные мотивы. В «Вавилонской библиотеке» идея бесконечности выражена через повторяющиеся образы книг, коридоров и лабиринтов.

Анафорические конструкции. В «Книге песка» многократные упоминания книги без начала и конца создают эффект спиральной композиции [3: 15].

Таким образом, синтагматика в текстах Борхеса формирует нелинейную, многослойную организацию текста, где каждый элемент связан с другим, но не в строгом последовательном порядке. Литературная структура приобретает пространственный характер, что позволяет читателю самому выстраивать связи между элементами текста.

Парадигматические отношения и интертекстуальность. Парадигматические связи у Борхеса выражаются в том, как его произведения создают многозначность интерпретации. Читатель сталкивается с текстами, в которых знаки и символы могут приобретать различные смыслы в зависимости от контекста. Это позволяет формировать множество альтернативных прочтений, а также делает возможным взаимодействие произведений Борхеса с другими текстами через систему культурных кодов. Таким образом, парадигматические структуры расширяют границы восприятия, создавая ощущение нелинейности и изменчивости литературной реальности.

Метатекстуальность. Его произведения включают многочисленные отсылки к классическим текстам, философии и истории. Например, «Тлён, Укбар, Orbis Tertius» представляет собой сложную систему текстов внутри текста.

Взаимозаменяемость образов. Лабиринты, зеркала, книги и двойники – повторяющиеся мотивы, создающие парадигматические ряды. В «Кругах руин» герой осознает, что он сам является сном другого человека.

Размывание границ реальности. В «Смерти и компасе» парадигматическая структура приводит к осознанию цикличности времени и неизбежности предопределенного финала.

Борхес демонстрирует, что текст – это не статичная структура, а динамическое пространство, в котором значение постоянно варьируется в зависимости от контекста.

Анализ произведений Борхеса показывает, что его тексты представляют собой сложные языковые конструкции, примером чего может служить рассказ «Вавилонская библиотека», где организация текста отражает идею бесконечного множества книг и знания. В «Саду расходящихся тропок» автор использует нелинейную композицию, демонстрируя множественные альтернативные реальности, взаимодействующие между собой. Кроме того, «Тлён, Укбар, Orbis Tertius» представляет собой сложную интертекстуальную систему, в которой миры наслаиваются друг на друга, создавая сложную семантическую организацию текста, в которых синтагматика и парадигматика взаимодействуют, создавая многослойную семантическую структуру. Использование нелинейного повествования, интертекстуальности, фрагментарности и парадигматической взаимозаменяемости образов позволяет Борхесу разрушать традиционные нарративные схемы и предлагать читателю новые модели интерпретации [3: 14].

Борхес предлагает текст как открытый смысловой конструкт, способный к бесконечному количеству интерпретаций. Это делает его произведения частью постмодернистской традиции, где текстуальная реальность оказывается важнее реальности внешней.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с анализом влияния творчества Хорхе Луиса Борхеса на развитие цифровых текстов, включая гипертекстовые романы, интерактивную литературу и алгоритмически генерируемые нарративы. Произведения, такие как «Послеполуденный отдых» Майкла Джойса, «253» Джеффа Рамана и «Дом листьев» Марка З. Данилевского, хотя последний не является классическим гипертекстовым романом, демонстрируют схожие принципы нелинейного повествования и многослойности смыслов. В частности, «Дом листьев» использует нелинейную структуру, множество сносок, перекрестных ссылок и визуальных эффектов, что сближает его с гипертекстом в печатной форме. Эти работы, наряду с цифровыми архивами литературных гипертекстов, представляют собой актуальный объект для изучения в контексте борхесовской поэтики.

Кроме того, перспективным направлением может стать исследование методов организации смысла в творчестве Борхеса и их влияния на постмодернистскую литературу, включая гипертекстовые формы. Анализ взаимосвязей между борхесовскими концепциями, такими как лабиринт, бесконечность и интертекстуальность, и их воплощением в цифровых текстах, позволит глубже понять эволюцию литературных форм в эпоху цифровых технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. C/Z / Пер. с фр. И вступ. Ст. С. Зенкина. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Борхес Х.Л. Вавилонская библиотека / Пер. с исп. СПб.: Азбука, 1998. 224 с.
3. Борхес Х.Л. Сад расходящихся тропок / Пер. с исп. М.: Радуга, 1992. 192 с.
4. Борхес Х.Л. Тлён, Укбар, Orbis Tertius / Пер. с исп. М.: Эксмо, 2000. 288 с.
5. Иванов В.В. Теория текста и структурализм. М.: Наука, 2012. 368 с.
6. Кристева Ю. Семиотика: исследования по семанализу / Пер. с фр. СПб.: Академический проект, 2004. 496 с.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
8. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. И прим. С.И. Гиндина. М.: Прогресс, 1977. 272 с.

РЫКИН Евгений Юрьевич *(Владимир, Россия)*

кандидат филологических наук
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eugeny.rikin@yandex.ru

МОРНОВА Татьяна Михайловна *(Владимир, Россия)*

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
mornovat04@gmail.com

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОК РАЗНЫХ ВИДОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С.К. НИКИТИНА

Аннотация. В статье рассматриваются способы выражения оценок в творчестве владимирского писателя С.К. Никитина. В ходе работы за основу были взяты классификации Н.Д. Арутюновой, где наиболее полно представлены категории оценок с учётом семантики и характера образования оценки, и Е.М. Вольф, где учитывается языковой знак оценочных суждений. Выделяются способы выражения общей и частных оценок на разных языковых уровнях. Отмечается, что в произведениях С.К. Никитина встречаются все типы оценок, представленных в классификации Н.Д. Арутюновой.

Ключевые слова: оценка, классификация оценки, Н.Д. Арутюнова, С.К. Никитин, способы выражения оценки.

Abstract. The article considers the ways of expressing valuations in the creativity of Vladimir writer S.K. Nikitina. The work was based on the classifications of N.D. Arutyunova, in which the categories of assessments are most fully represented taking into account the semantics and nature of assessment formation and E.M. Wolf, whose classification takes into account the language sign of assessment judgements. There are ways of expressing general and private assessments at different language levels. It is noted that in the works of S.K. Nikitina all types of evaluations presented in classification of N.D. Arutyunova are found.

Keywords: assessment, classification of assessment, N.D. Arutyunova, S.K. Nikitin, ways of expressing valuations.

С древних времен учёные интересовались понятием оценки, однако вопросы, связанные с классификацией и значимости оценочных суждений, долго оставались неразрешёнными.

Н.Д. Арутюнова разделила оценочные значения на две категории: общеоценочные и частнооценочные значения. Реализациями первого типа оценок являются прилагательные *хороший* и *плохой*, а также их синонимы. Во вторую группу включаются значения, содержащие оценку

одного из аспектов оценивания с той или иной точки зрения. К ним относятся: сенсорно-вкусовые оценки; психологические оценки, в которых сделан шаг в сторону рационализации, осмысления мотивов оценки: интеллектуальные и эмоциональные оценки; эстетические оценки**,** представляющие собой сенсорно-вкусовые и психологические оценки; этические оценки; утилитарные оценки; нормативные оценки; телеологические оценки (см.: [1: 75–77]).

Рассмотрим способы выражения оценок разных видов в произведениях владимирского прозаика С.К. Никитина. В его рассказах присутствуют все виды оценок, которые представлены в классификации Н.Д. Арутюновой, к тому же они выражены на всех языковых уровнях. Так, общая оценка может быть выражена на лексическом уровне словами *хорошо – плохо* и их эквивалентами. Приведём несколько примеров. *«Собака **хорошая.** И как раз к сезону», – сказал Фиалковский* (С.К. Никитин. «Первые заморозки») – этот пример иллюстрирует выражение общей оценки с помощью слова с корнем *-хорош-.* Иногда для выражения оценки используется приставка *не-*: *«Все вам тут **нехороши»,** – проворчал Юра* (С.К. Никитин. «Спутники»). Не всегда общая оценка выражена явно, иногда за счет контекста слова могут приобретать особое (оценочное) значение. *Давно привыкнув к полутьме кухни, он свободно разглядывал Генку, стоявшего внизу, и с удовольствием отметил, что тот – парень **ничего:** из себя видный, и лицо у него широкое, доброе, даром, что фамилию он носит бедовую – Залихватов* (С.К. Никитин. «В бессонную ночь»). Слово *ничего* приобретает значение оценочной характеристики чего-либо как удовлетворяющего, сносного [3]. В произведениях встретился пример выражения общей оценки с помощью фразеологизма со значением того, что нравится и приходится по сердцу [3]: *Помнишь мою Сильву? Говорят, у каждого охотника бывает единственная собака, которая всеми*

статьями ему ***по душе.*** *У меня вот Сильва была такой* (С.К. Никитин. «Драма»).

Сенсорно-вкусовая оценка на морфемном уровне выражена с помощью суффиксов *-еньк-* и *-енн-*: *…прочитал и долго смотрел на заплаканное белобрысое лицо девочки, раздражаясь ее непонятливостью, думая о том, что в последний раз видит это* ***невзрачненькое*** *лицо, эти* ***жиденькие*** *косички-хвостики, эти белесые тупенькие глаза, в последний раз – и слава богу: такую беспросветную скуку нагоняет на него их вид* (С.К. Никитин. «Первые заморозки»). *«Уф, – сказала Нюшка, когда они выбежали на светлую просеку. – Ни за что бы не пошла этим лесом ночью. Беда, какой* ***страшенный****»* (С.К. Никитин. «По ягоды»). На синтаксическом уровне сенсорно-вкусовая оценка выражается с помощью сравнений: *Мне показалось, что если заговорю с ней, то это будет посягательством на прекрасное воспоминание моей юности, чистое, как тот* ***памятный запах цветущих лип*** *и грустное, как те чужие слова, которые мое воображение наполняло иным, своеобразным содержанием* (С.К. Никитин. «Рассказ о первой любви»).

Психологическая оценка, включающая интеллектуальную и эмоциональную, может выражаться в тексте по-разному. На морфемном уровне интеллектуальная оценка выражена в приставке *бес-* и суффиксе *-еньк-*: *«Вот видите? – опять сказал Никольский, протягивая ей свои руки, серые от пыли. – А подбор литературы у вас* ***бестолковый****»* (С.К. Никитин. «Спутники»). Эмоциональная оценка на лексическом уровне выражается в словах с корнями *-рад-* и *-счаст-*: *Я был* ***рад****, когда нашу школу заняли под госпиталь* (С.К. Никитин. «Рассказ о первой любви»). *Безрассудный от* ***счастья*** *самопожертвования, я отдавал ей все, что у меня было, а потом с тоской и болью понимал, что скоро опять потеряю ее* (С.К. Никитин. «Рассказ о первой любви»). Иногда эмоциональная оценка может быть выражена с помощью

фразеологической единицы: *Зашел я как-то в клуб… Вы, кажется, просили меня об этом, но я и без просьбы зашел бы, будьте уверены… Там же у вас, Юра,* ***мухи дохнут!*** (С.К. Никитин. «Спутники»). В этом примере используется фразеологизм со значением ‘невыносимо скучно (прост. Презрит.)’ [4].

Эстетическая оценка на морфемном уровне выражена с помощью суффикса *-аст-*: *Я знал, что сама Аля готовится стать актрисой и, полагая, будто нет выше призвания служить искусству сцены, не примет никаких возражений даже от нескладного, долговязого парня с* ***бровастым*** *лбом и большими рабочими руками* (С.К. Никитин. «Рассказ о первой любви»). На лексическом уровне оценка выражена с помощью корней *-крас-* и *-нежн-*: *Облик ее вполне совпадал с тем обликом деревенской* ***красавицы,*** *который априорно сложился в представлении Груздева* (С.К. Никитин. «Испытание»). *Пальцы у нее были такие* ***нежные,*** *что я мог бы раздавить их, словно гроздь винограда* (С.К. Никитин. «Рассказ о первой любви»).

Примеры этической оценки встречаются на разных языковых уровнях. Так, на лексическом уровне оценка выражается с помощью прилагательного с переносным значением: ***Тугой*** *человек, одно слово* (С.К. Никитин. «Весенним утром»). В этом контексте прилагательное относится к человеку и означает неподатливого на что-либо, мало склонного к чему-либо или всегда испытывающий в чем-либо затруднения (С.К. Никитин. «Испытание»). На фразеологическом уровне оценка выражена в примере: *Опять нализался, как скотина!* ***Загонишь*** *ты меня* ***в петлю****. Убегу я из этого дома, куда глаза глядят!* (С.К. Никитин. «Первые кляксы»). В этом контексте использован фразеологизм видоизмененный, поскольку составлен из выражений *лезть в петлю* и *вогнать в гроб* со значением ‘довести до самоубийства’, что подразумевает расхождение с нравственной нормой. На синтаксическом уровне этическая оценка выражается с помощью

однородных обстоятельств, за счет которых увеличивается степень отрицательности оценки: *Быть может, виною тому был спокойно-удивленный тон этих слов, а может быть, мне до обидного напрасными показались мои ночные треволнения, но только я вдруг почувствовал, что меня* ***нагло, несправедливо*** *и* ***насмешливо*** *обманули в чем-то очень большом и важном для всей моей жизни* (С.К. Никитин. «Рассказ о первой любви»).

Утилитарная оценка в нашем языковом материале встретилась один раз и была выражена на лексическом уровне – словом с корнем *-трутень-* со значением бесполезности: *«Эй, ты,* ***трутень****, – зашептала она, вздрагивая от утреннего холода. – Вставай, по ягоды пойдем. Слышь, что ли? Сейчас мать проснется, она нам задаст»* (С.К. Никитин. «По ягоды»).

Нормативная оценка в рассказах С.К. Никитина на лексическом уровне отражается с помощью корней со значением ‘норма’: *- благополуч-* , *-несуразн-*: *Овраг переехали* ***благополучно,*** *хотя лошадь шла по брюхо в воде, а всплывшую телегу с двумя седоками упругий поток пытался стащить в сторону* (С.К. Никитин. «Испытание»). *«Ты как везешь? Половину бочки расплескал, человек ты* ***несуразный****!» – крикнул Никон и сам удивился тому, какой у него слабый дребезжащий голос* (С.К. Никитин. «В бессонную ночь»).

В произведениях С.К. Никитина встретились примеры и телеологической оценки, выраженной на лексическом уровне с помощью слов с корнем *-проворн-*: *Он парень* ***проворный****. Ты не гляди, что он рыжий да колгатистый, он, брат, хваткий* (С.К. Никитин. «В бессонную ночь»).

Поскольку в работе мы ориентировались еще и на классификацию Е.М. Вольф (см.: [2]), то выделили несколько оценок с точки зрения знака оценки. На лексическом уровне положительная оценка выражена, например, с помощью слов с корнем *-крас-*. *И когда Груздев начертал*

затейливо-красивый *вензель, прибавил…* (С.К. Никитин. «Испытание»).

В произведениях С.К. Никитина встретились случаи выражения оценки с помощью контекста.

Казалось, что ее, ***тонкую артистическую натуру,*** *глубоко оскорбляют и эта пыльная сцена с раскрашенными* ***лоскутьями*** *вместо декораций, и этот* ***продавленный*** *диван, и керосиновая вонь, и сам я со своими* ***подносившимися*** *штанами и* ***подшитыми*** *проволокой валенками...* (С.К. Никитин. «Рассказ о первой любви»). В этом примере оценка выражена за счёт создания контраста между выражением *тонкую артистическую натуру* (имеющим явно положительную оценку) и словоформами *лоскутьями*, *продавленный*, *подносившимися*, *подшитыми*, которые в данном контексте, употребляясь после глагольной словоформы *оскорбляют*, приобретают значение отрицательной оценки.

«Колька-то?! Колгата-то?! – изумился Никон и тут же, точно оспаривая чье-то мнение, прибавил: – Он парень проворный. Ты не гляди, что он ***рыжий*** *да колгатистый, он, брат, хваткий»* (С.К. Никитин. «В бессонную ночь»). В этом примере оценка выражена контекстуально с помощью противопоставления, создаваемого конструкцией *ты не гляди, что он…, он….* В последней части используется оценочное прилагательное *хваткий*, следовательно, прилагательное, входящее в первую часть конструкции, тоже является оценочным. В этом примере прилагательное *рыжий* выражает отрицательную оценку.

В следующем примере оценка выражена с помощью фразеологической единицы, приобретающей новое значение. По «Фразеологическому словарю» А.И. Фёдорова фразеологизм *свести концы с концами* означает либо ‘с трудом справляться с нуждами’, либо ‘с трудом соединять части сложной работы’ [5]. В обоих случаях

выражается отрицательная оценка, однако в приведённом ниже контексте реализуется особое значение данного выражения, которое приобретает положительную оценочную коннотацию: так говорят про человека, который способен преодолеть любые трудности. *Сам отец часто говорит о нем с восхищением: «Ловкий жулябия этот Васька-такая-штука. Такой, брат, никогда не попадется, умеет* ***концы с концами свести****»* (С.К. Никитин. «Испытание»).

Итак, при исследовании произведений писателя было выявлено несколько особенностей: чаще всего в контекстах встречались оценки, выраженные на лексическом уровне с помощью корневых групп и на морфологическом уровне с помощью суффиксов субъективной оценки. Реже других встречались оценки, выраженные на синтаксическом и фразеологическом уровнях. Исследуя оценочные значения, можно отметить, что чаще встречались эстетические, этические и сенсорно-вкусовые оценки, реже – теологические и нормативные оценки, категория утилитарных оценок представлена вовсе одним примером. Оценочные единицы придают произведениям особую выразительность и помогают понять характер и психологию героя.

ЛИТЕРАТУРА

7) Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
8) Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
9) Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. URL: https://gufo.me/dict/efremova (дата обращения: 15.10.2024).
10) Словарь русского языка: в 4 т.; РАН, Ин-т лингвистич. Исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (дата обращения: 15.10.2024).
11) Федоров А.И. Фразеологический словарь. URL: https://gufo.me/dict/fedorov (дата обращения: 04.11.2024).

РЫКИН Евгений Юрьевич *(Владимир, Россия)*

кандидат филологических наук
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eugeny.rikin@yandex.ru

ХУДОЙБЕРДИЕВА Шахзода Сафар кизи *(Владимир, Россия)*

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
kh.shakhzo@gmail.com

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВ-КОЛОРОНИМОВ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на материале произведений В.А. Солоухина и У. Хошимова)

Аннотация. Статья посвящена изучению способов функционирования слов-колоронимов в русской и узбекской художественной литературе. Анализируются колоронимы в произведениях В.А. Солоухина «Владимирские просёлки» и У. Хошимова «Дела земные». Выявляются наиболее частотные и наиболее редкие цветообозначения у обоих авторов. Обращается внимание на символику цветов.

Ключевые слова: колоронимы, художественная литература, В.А. Солоухин, У. Хошимов, символика цвета.

Abstract. The article is devoted to the study of the ways of functioning of the words of coloronyms in Russian and Uzbek fiction. The author analyzes the coloronyms in the works of V.A. Soloukhin “Vladimir lanes” and U.Khoshimov “Earthly Affairs”. The most frequent and most rare coloronyms of both authors are identified. Attention is drawn to the symbolism of flowers.

Keywords: coloronyms, fiction, V.A. Soloukhin, U. Khoshimov, symbolism of color.

Колоронимы – это слова, обозначающие цвет. В лингвистике также существует понятие «хроматоним», но, по мнению Д.Н. Борисовой, термин «колороним» является более удачным [1: 36].

Цвета играют важную роль в жизни человека на протяжении всей истории и окружают нас повсюду – от природы до произведений искусства. В различных культурах и эпохах цвета имеют своё уникальное значение, символику и эмоциональную окраску. Колоронимы помогают лучше понять особенности восприятия мира различными народами.

Сопоставительный анализ функционирования колоронимов в художественных произведениях различных языков представлял

основную задачу исследования. Материалом для изучения послужили тексты В.А. Солоухина («Владимирские просёлки») и У. Хошимова («Дела земные»), из которых производилась выборка цветообозначений с последующим детальным рассмотрением особенностей их употребления.

Рассмотрим сначала собственно колоронимы – слова, которые указывают только на цвет предмета.

Приведем примеры контекстов с использованием колоронимов из произведения «Владимирские просёлки».

А вот собрались в кисточку крохотные ***белые*** *кувшинчики* [2: 10]. *На столе появился самовар, сахарница с мелкими кусочками рафинада, тарелка с* ***черным*** *хлебом* [2: 30]. *Длинный хвост пыли, что отставал от автомобиля во время быстрой езды, теперь нахлынул, и солнце сделалось* ***оранжевым****, смутным* [2: 79]. *Свободно гуляет теперь ветер в их высоких* ***зеленых*** *шатрах* [2: 40]. *…мужчина лет тридцати восьми, безусый и безбородый, с* ***розовым*** *лицом* [2: 32].

Приведём теперь примеры из произведения У. Хошимова «Дела земные».

Bir mahal kampir bir qo‘lida kattakon chinnikosa, bir qo‘lida choyshabga o‘xshash ***oq*** *matoko‘tarib kirdi* (*Однажды вошла старая женщина, неся в одной руке большую фарфоровую чашу, а в другой –* ***белую*** *ткань, похожую на простыню*) [3: 132]. *Erkaklardek barvastra gavdali, qopqora buxotinninguo‘g‘on ovozi ham, uzun girra burni, ketmonni yelkasiga tashlagancha etik kiyib g‘ozyurishi ham boshqa ayollarga o‘xshamas, hatto* ***qoramtir*** *siyrak mo‘ylovigacha bore di* (*Эта женщина, обладающая массивным телосложением, как у мужчины, с густыми чёрными волосами, имела также низкий голос, длинный острый нос и шагала гусиным шагом, закинув мотыгу на плечо, обутая в сапоги; её облик не походил на других женщин, и даже были видны тёмные редкие усы*) [3: 142]. *Ko‘zimni ochsam dasturxonda ustiga ko‘kpiyoz sepilgan bir lagan*

moshkichiri turibdi (Когда я открываю глаза, на столе стоит тарелка мошкичири с зелёным луком) [3: 102]. Oxiri sapsariq yong‘oq ajralib chiqadi (Наконец, желтый орех вылущен) [3: 16].

Рассмотрим теперь функционирование колоронимов, которые указывают не только и даже не столько на цвет, сколько на определённую речевую ситуацию.

Приведем примеры из произведения В.А. Солоухина «Владимирские просёлки».

*Вот уж показал из травы свои **яркие малиновые** башенки чистец лесной* [2: 43] – в данном случае колоронимы указывают на живость, выразительность лесного растения.

*Выбросила **пурпурные** стрелы плакун-трава* [2: 45] – с помощью колоронима передаются драматичность, динамика ситуации. *Как и следовало ожидать, Кучебжа оказалась крохотной лесной речкой с ледяной, почти **чёрной** водой* [2: 46] – колороним *чёрный* намекает на таинственность, опасность.

Колоронимы в этих примерах функционируют не только как обозначения цвета, но и как инструмент, передающий атмосферу, эмоции и динамику происходящего. Малиновый цвет передаёт образ живого и яркого появления растения, пурпурный – резкость, агрессивность, черный – создаёт ощущение глубины, иногда опасности и еще напряжённости движения.

В произведении У. Хошимова «Дела земные» также встретились контексты, в которых цветообозначения передают не только цвет, они в то же время что-то символизируют.

*Ikkala oyog‘i **qip-qizil** go‘sht bolib ketgan edi (Обе её ноги стали **ярко-красным** мясом)* [3: 21] – здесь подчёркивается красным цветом болезнь персонажа; кроме того, ярко-красный – это цвет крови.

***Qora** palto kiygan Risolat opa bir tomonga, **kulrang** shinel kiygan Afzalxon akam ikkinchi tomonga ketar edi (Рисолат-опа **в черном** пальто*

уходила в одну сторону, а Афзалхон-ака в ***серой*** *шинели – в другую)* [3: 217] – чёрный цвет в данном случае – символ грусти, печали: женщина осталась со своим сыном одна, жизнь для неё стала тёмной; серый цвет – знак скромности и элегантности.

Сравним: *Ayollar har xil alpozda sehrlangandek qotibqolishgan, bahor chechaklari barq urgandaraxtzor orasida,* ***oqishpushti*** *o‘rik gullariqanotida – Женщины застыли в разных позах, словно зачарованные, среди полей цветущих весенних цветов, среди бело-розовых цветущих слив* [3: 185] – колороним обозначает чистоту, надежду; *Oxiri ikkalasi ikkita* ***qora*** *nuqtaga aylaniboppoq qorliqqa singib ketdi – В конце концов, двое превратились в две черные точки, погруженные в снежный ком* [3: 218] – цветообозначение символизирует одиночество, исчезновение.

В творчестве В.А. Солоухина часто встречаются следующие цветообозначения: *зелёный* символизирует живую природу, поля, леса, свежесть и спокойствие, вызывает ассоциации с гармонией и умиротворением; *синий* и *голубой* часто используются для описания неба, рек и озёр, создают ощущение простора, свободы и чистоты; *жёлтый* – встречается в описаниях солнца, полей, осенней листвы, ассоциируется с теплом, радостью и ностальгией; *белый* – используется для описания снега, облаков, иногда домов, символизирует чистоту, свет и надежду. Редко встречаются колоронимы для передачи красного, фиолетового и чёрного цветов.

В произведениях У. Хошимова широко используются такие колоронимы, как *чёрный* и *белый*. В произведениях данного автора колоронимы отражают глубинные смыслы узбекской культуры: *жёлтый* и *золотистый* символизируют солнце, тепло, традиционные узбекские богатство природы; зелёный ассоциируется с жизнью, весной, садами и надеждой; синий и *голубой* передаёт спокойствие, чистоту неба и воды; белый – символизирует чистоту, свет, иногда духовность. У

Хошимова очень редко используются колоронимы для обозначения красного, оранжевого, фиолетового цветов.

Подчеркнем некоторые сходства в функционировании колоронимов у В.А. Солоухина и У. Хошимова: 1) цветообозначения усиливают атмосферу и эмоциональное восприятие текста; 2) колоронимы используются как инструмент для создания метафоры, с их помощью передаются настроение и характер объекта; 3) слова, обозначающие цвет, ассоциативно связаны с чувствами и состояниями.

При этом есть некоторые отличия: 1) в произведении В.А. Солоухина колоронимы связаны с природными явлениями и динамикой, а в У. Хошимова – с человеческим эмоциями и социальной символикой; 2) у Солоухина больше движения, а у Хошимова – статичности и символизма.

Отметим ещё моменты, связанные с символикой цветов. *Зелёный* в обоих произведениях символизирует природу, жизнь и гармонию. *Жёлтый* во «Владимирских просёлках» ассоциируется с солнцем и теплом, а в «Делах земных» – с богатством и традиционными ценностями узбекского народа. *Коричневый* цвет в обоих текстах связан с землёй, домами, устойчивостью; б*елый* во «Владимирских просёлках» передаёт чистоту и надежду, а в «Делах земных» – духовность и свет; к*расный* в «Делах земных» символизирует страсть и энергию, а во «Владимирских просёлках» – любовь к родине, уважение к традиции.

В целом в произведении «Владимирские просёлки» цвета вызывают чувство ностальгии, умиротворения и привязанности к родному краю. В «Делах земных**»** цветовая гамма передаёт тепло, традиции, жизненную силу и глубину души персонажей.

Итак, функционирование цветообозначений в художественных текстах, написанных на разных языках, отражает сходства и различия в восприятии мира, в культуре, обычаях и традициях народов-носителей этих языков.

ЛИТЕРАТУРА
1. Борисова Д.Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 21. С. 32–37.
2. Солоухин В.А. Владимирские просёлки. М.: Советский писатель, 1958. 159 с.
3. Hoshimov O. Dunyoning ishlari: Qissa va hikoyalar. T.: Yangi asr avlodi, 1982. 336 b.

САФРОНОВА Наталья Анатольевна *(Владимир, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

ИВАНОВА Анастасия Эдуардовна *(Владимир, Россия)*

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
nastivanova23@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ КАК ВТОРОСТЕПЕННЫЙ ЧЛЕН ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В современном русском языке приложение является самым неоднозначно трактуемым второстепенным членом предложения. В статье обозначены спорные вопросы в теории приложения, вызывающие наибольшее количество разногласий среди синтаксистов. Обозначены основные подходы к определению приложения как второстепенного члена предложения. Выявлены особенности синтаксических отношений и связи между членами аппозитивных сочетаний.
Ключевые слова: приложение, аппозитивное сочетание, согласованные и несогласованные приложения, синтаксическая связь, синтаксические отношения.

Abstract. *In modern Russian, the application is the most ambiguously interpreted secondary member of a sentence. The article identifies controversial issues in the theory of application that cause the greatest number of disagreements among syntacticians. The main approaches to defining an application as a secondary member of a sentence are outlined. The features of syntactic relations and connections between members of appositive combinations are revealed.*
Keywords*: application, appositive combination, agreed and uncoordinated applications, syntactic connection, syntactic relations.*

Термин «приложение» широко распространён в современной лингвистике, что отразилось в его активном использовании в учебниках по русскому языку для школ и вузов. Так, в учебнике русского языка для 8 класса Бархударова и др. приводится такое определение: «Приложение – это определение, выраженное существительным, согласованным с

определяемым словом в падеже» [1: 105]: *зима-**старуха***, *река **Клязьма***. Отмечается, что «особым видом приложений являются собственные наименования, обозначающие названия газет, журналов, предприятий, художественных произведений и т. п.» [1: 105]: *газета **«Комсомольская правда»**, роман **«Отцы и дети»***.

В вузовских учебниках отношение к приложению не такое однозначное. В некоторых учебниках предлагается трактовка приложения, встречающаяся в школьных учебниках: приложение – разновидность определения, имеющая особый способ выражения – имя существительное, обычно согласующееся с определяемым словом в падеже [10: 397]. Существует и другое понимание. Так, учебнике П.А. Леканта даётся такое определение приложения: «…это второстепенный член предложения, который заключает в себе второе наименование предмета, обозначенного определяемым существительным» [5: 451]. При этом учёный подчёркивает, что считать приложение разновидностью определения, как это принято в школе, «нет оснований» [5: 452].

В качестве обоснования этой точки зрения приводятся размышления о том, что приложение имеет особое значение, так как «значение приложения трудно подвести под понятие признака, даже если в функции приложения употребляется существительное с экспрессивно-качественным, характеризующим содержанием» [5: 452–453]: *сестра-**швея**, **бродяга**-ветер* и др. Е.С. Скобликова, хотя и относит приложение к разновидностям определения, также подчёркивает «своеобразие грамматической семантики приложений» [13: 218], так как приложения обладают «семантикой тождества» [Там же], то есть называют тот же самый предмет, что и определяемое существительное, характеризуя его при этом с другой стороны: *возница-**киргиз***, *ноги-**ходули*** и др. Таким значением не обладают другие виды определений, как согласованные, так и несогласованные. У согласованных определений отсутствует

значение предметности (*грустное лицо, голубое небо*), а у несогласованных признак предмета выражается при помощи «указания на его соотношение с *другим* предметом» [13: 219]. Ср.: *брат-**шофёр*** – *брат шофёра*. В словаре-справочнике «Современный русский язык» Л.Л. Касаткина и др. также отмечается, что «семантика приложения не собственно определительная» [2: 256].

В качестве следующего аргумента приводится мысль об особом характере связи приложения и определяемого слова. Указание на то, что приложение согласуется с определяемым существительным, принимается не всеми: «говорить о согласовании приложения с определяемым словом нет оснований… в аппозитивных словосочетаниях может не совпадать род или число существительных» [5: 452]. П.А. Лекант особо отмечает, что имя существительное, выступающее в роли приложения, «по своим грамматическим свойствам не принадлежит к согласуемым словам» [Там же]. На условность использования термина «согласование» применительно к связи приложения с определяемым словом указывают и другие исследователи: «…формы рода и числа в согласовании не участвуют: они могут совпадать (*гриб **боровик***…) или не совпадать (*гриб **сыроежка***…)» [4: 352]. Особо следует отметить так называемые «несогласованные приложения» [12: 298], к которым, наряду с названиями газет, журналов, предприятий и т. п., упоминаемыми ранее, относят также прозвища (о *Владимире **Красное Солнышко***) и постпозитивные приложения-топонимы (*на озере **Байкал***) [Там же]. Последняя группа приложений проявляет вариативность в употреблении падежных форм: может как согласовываться с определяемым существительным, так и употребляться в форме именительного падежа [9: 253]: *в городе **Владимире** – в городе **Владимир***, *на берегах реки **Клязьмы** – на берегах реки **Клязьма.***

Некоторые другие конструкции, относимые лингвистами к приложениям, тоже лишь формально могут быть подведены под эту

категорию, связанную с согласованием, например, отмечается, что средством ввода приложения в предложение может служить слова *по имени, по прозвищу, по фамилии, под названием* и др. [12: 298; 10: 446]: *Была у Ермолая легавая собака,* ***по прозванию Валетка*** (Л. Толстой). Совпадение в падеже приложения *по прозванию Валетка* происходит только в том случае, если определяемое существительное стоит в форме именительного падежа. Ср: *к собаке* ***по прозванию Валетка.*** Это подтверждают и данные Национального корпуса русского языка: *На этой неделе в прокат выходит испанский теологический боевик «Нет вестей от Бога», в котором Виктория Абриль играет ангела небесного* ***по имени Лола*** (Р. Волобуев). Имеются указания на то, что в случаях большой слитности приложения с определяющим словом приложение «(обычно препозитивное) теряет способность к падежному изменению и ведёт себя как часть сложного слова: *“царь-девица”, “жар-птица”*» [6: 298]. В «Русской грамматике» (1980) содержатся сведения о том, что «в разговорной, непринужденной речи в роли приложения при имени в форме им. или вин. П. может выступать сочетание с количественным числительным» [11: 58]: *…очередь* ***человек около двадцати***; *…ветер* ***десять метров в секунду***, а также «бессоюзные соединения слов, которые называют ограничивающие пункты маршрута, движения, периода, развития, точки взаимодействия, центральные единицы в составе группы» [11: 59] типа *поезд* ***«Нижний Новгород – Москва»***, *коллекция одежды* ***«весна – лето»*** и др., которые тоже не изменяются.

Наличие в языке большой группы разнообразных по своему строению и лексическому наполнению «несогласованных» приложений делает определение данного термина, представленное в школьных учебниках, лишённым всякого содержания: кроме того, что само согласование оказывается не полным, а только в падеже, это согласование может и совсем отсутствовать. В этом отношении более

удачным представляется определение, предложенное в учебнике для вузов П.А. Леканта. Однако и оно не является исчерпывающим, так как отражает семантическую сторону явления, но не грамматические связи и отношения между определяемым словом и приложением.

Отношения между приложением и определяемым существительным часто не могут быть однозначно охарактеризованы как подчинительные: «…подчинительные отношения часто стёрты, затушёваны. Не всегда ясно, какое существительное является главным словом, какое приложением, то есть подчинённым… словом» [13: 219]. Лингвисты говорят об «относительной равноправности» существительных в аппозитивных сочетаниях [13: 220; 4: 354]. В.И. Фурашов видит специфику приложения в том, что условное «согласование» приложения и определяемого существительного «грамматически не выражает направления данной зависимости… Эта зависимость… устанавливается лексическим или логическим путём, но никак не грамматическим, как… при согласовании прилагательного с существительным» [14: 178–179]. Другие исследователи полагают, что атрибутивные отношения, наблюдающиеся между определением и определяемым словом, у приложения, «близки к предикативным и, в известное степени, из них вытекают» [6: 298].

Связь между приложением и определяемым словом, как отмечалось ранее, невозможно однозначно охарактеризовать как согласование в традиционном понимании, что приводит к попыткам более точного определения характера этой связи. Высказывается мнение, что «несклоняемость приложения может сопровождаться не только опрощением согласовательной связи, но и сближением её со связью примыкания» [4: 354], связь в сочетании приложения с определяемым словом называется также аппозицией («наложением») [5: 452; 2: 256], параллелизмом [8: 232; 3: 6]. В «Краткой русской грамматике» приложение представлено не как второстепенный член предложения, а

как особый тип связи наряду с согласованием, управлением и примыканием: «Приложение – это согласование, при котором в отношения определяемого и определяющего вступают существительные» [4: 352]. В кандидатской диссертации А.С. Малахова связь между приложением и определяемым словом определяется как «нетипичное согласование, параллелизм, параллелизм с элементами согласования и окказиональное примыкание» [7: 5] в зависимости от грамматических и лексических признаков слов, входящих в состав аппозитивных сочетаний, и ряда других условий.

Таким образом, в современном языкознании под приложением понимается особый второстепенный член предложения. Единого понимания приложения у лингвистов не существует. Общее в представлении разных учёных о сущности приложения заключается в том, что этот второстепенный член выражен именем существительным, атрибутивные отношения, возникающие в аппозитивных сочетаниях, не тождественны тем, что существуют между определением и определяемым словом, это связано прежде всего с грамматической природой имени существительного, которое обладает предметным значением. Приложение даёт другому предмету второе название, поясняя и уточняя его. В то же время существует ряд спорных вопросов, касающихся грамматической связи приложения и определяемого слова и синтаксических отношений между ними, разграничения приложения и определяемого существительного. Определение синтаксической связи в аппозитивных сочетаниях как согласования в падеже имеет ряд ограничений в связи с разнородностью конструкций, объединяемых в настоящее время под названием «приложение». При понимании приложения как согласуемого члена предложения термин «несогласованное приложение» превращается в оксюморон. Таким образом, традиционно используемое в школьных учебниках определение приложения требует корректировки с упором не на указание способа

связи между определяемым существительным и приложением как согласование в падеже, а на семантическую функцию – второе название того же предмета с целью уточнения или пояснения. При этом необходимо чёткое разграничение двух групп приложений – по традиционной терминологии, «согласованных» и «несогласованных», с указанием на особенности согласовательной связи в приложениях первой группы (совпадение в падеже при возможном несовпадении в роде и числе). Высказанные соображения предполагают дальнейшие исследования приложения как второстепенного члена с целью уточнения и углубления представлений о синтаксической сущности данного синтаксического явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов С.Г. и др. Русский язык. 8 класс: учеб. для общеобразоват. Организаций. 2-е изд. М.: Просвещение, 2020. 271 с.
2. Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Современный русский язык: слов.-справ.: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2004. 304 с.
3. Копелиович А.Б. Синтагматика форм: согласование и параллелизм // А.Б. Копелиович. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. Владимир, 2008. С. 4–17.
4. Краткая русская грамматика / Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др.; под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989. 639 с.
5. Лекант П.А. и др. Современный русский язык: учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «Филология». М.: Высшая школа, 1991. 560 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Глав. Ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
7. Малахов А.С. Виды грамматической связи в аппозитивных сочетаниях: автореф. дис. … канд. филол. наук. Владимир, 2009. 25 с.
8. Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. Изд-е 2-е. СПб., 1912. 322 с.
9. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. И доп. М.: Высшая школа, 1974. 352 с.
10. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык: учеб. пособие для студентов-филологов заочного обучения. М.: Дрофа, 2001. 560 с.
11. Русская грамматика. В 2 тт. Акад. Наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2. 710 с.
12. Русский язык. Школьный энциклопедический словарь; под ред. С.В. Друговейко-Должанской, Д.Н. Чердакова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. 564 с.

13. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учеб. пособие. 3-е изд., испр. И доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 320 с.
14. Фурашов В.И. Синтаксические функции однопадежных существительных при неопределённых местоимениях // Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Владимир, 2010. С. 176–190.

СЕРЕБРЯК Марина Владимировна *(Луганск, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Луганский государственный педагогический университет
marinasv86@gmail.com

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ДОНАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Статья отражает результаты анализа некоторых языковых формул памятников деловой письменности донационального периода. Автор ставит целью определить, как повлияло религиозное мировоззрение на становление стилистических особенностей деловых документов. Материалом исследования стали тексты различных грамот, писем, из которых извлекались устойчивые языковые формулы, отражающие молитвенный призыв, упоминание Бога и под. Эти единицы, являясь чужеродным элементом делового стиля, все же закрепились в нем как общепринятые, что подчеркивает значимость религиозного мировоззрения для формирования древнерусской письменности.
Ключевые слова: языковая формула, религиозное мировоззрение, деловые документы, донациональный период.

Annotation. The article reflects the results of analysing some linguistic formulas of monuments of business writing of the pre-national period. The author aims is to determine how the religious worldview influenced the formation of stylistic features of business documents. The materials for the study were texts of various literatures and letters, from which were extracted stable linguistic formulas reflecting the call to prayer, mentioning God and so on. These units, being an alien element of the business style, are nevertheless fixed in it as generally accepted, which 445hashkov445s the importance of the religious worldview for the formation of Old Russian writing.
Key words: language formula, religious worldview, business documents, pre-national period.

Деловая письменность – важнейший компонент истории русского литературного языка, поскольку именно в текстах документов зачастую происходила выработка языковых норм и стандартизация деловой коммуникации. Основы исследования деловой письменности заложили А.Х. Востоков, И.И. Срезневский, А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, Н.Н. Дурново, С.П. Обнорский, В.В. Виноградов, Р.И. Аванесов и др.

Ученые уделяли внимание многим вопросам: выявлению характерных черт делового стиля, изучению культурно-исторических аспектов языка памятников приказного слога, их роли в истории языка и др. О.В. Никитин, обобщая исследовательский опыт предыдущих столетий, выделил следующие направления в изучении памятников деловой письменности: формально-грамматическое, лексико-семантическое, историко-стилистическое [11]. Отметим, что современные исследования направлены на воссоздание картины языкового развития деловой письменности (О.В. Никитин), изучение делового этикета разных эпох (Е.И. Зиновьева, Е.А. Чащина) и др. Нас заинтересовал вопрос о влиянии мировоззрения конкретного исторического периода на устойчивые формулы делового письма. Цель статьи – выявить и проанализировать языковые проявления религиозного мировоззрения в деловой письменности донационального периода.

Современные исследования, направленные на изучение культурного кода русского человека, не могут быть осуществлены в полной мере без учета влияния христианства на его язык и культуру. «Христианизация, – по свидетельству Е.В. Климова, – это сложный исторический процесс, охватывающий все важнейшие социальные институты, прежде всего семьи, власти и права, обряды и традиции, фольклор, искусство и архитектуру и т. д., направленный на изменение религиозного сознания (ментальности) отдельного индивида и общества в целом на основе христианских духовных ценностей» [10: 42]. Этот процесс был значимым, поскольку в донациональный период складывались духовные основы общества, ставшие важнейшим компонентом отечественной культуры. Это оказало влияние и на формировании языковой картины мира в виде закрепившихся в сознании русского человека некоторых стереотипных языковых формул, ставших обиходными в разных стилях речи.

Изучая деловые документы донационального периода, мы обратили внимание на то, что в текстах явственно отразилось религиозное мировоззрение. Оно обнаруживается на разных уровнях, в частности, многие исследователи (П.И. Гайденко, Т.Ю. Фомина, С.Г. Савицкий и др.) отмечают значительное влияние христианских духовно-моральных ценностей на становление норм древнерусского права. Безусловно, это отразилось и в языковых особенностях делового стиля. Одним из первых этот вопрос затронул Ф.И. Буслаев, уделявший большое значение культурно-историческому аспекту. Также исследования в данном направлении осуществляли Е.Ф. Карский, Е.А. Кудрявцева и др. Отметим, что разные типы деловых документов донационального периода содержат стереотипные языковые формулы, отражающие особенности религиозного мышления. Термин «стереотипная формула» понимается нами как «разной степени устойчивости языковая единица, представляющая собой словосочетание, номинирующее общепринятую норму, обычай, правила поведения, житейскую ситуацию, этикетное действие и заменяющая собой развернутое информативное описание» [9: 9]. Рассмотрим некоторые из них.

В деловых документах разных жанров обнаруживаем *обращение к Богу с молитвенной просьбой.* Например, анализ жалованных грамот XV века показывает, что часто их авторы начинают текст со слов *Во имя Отца, Сына и Святаго Духа* [2; 3; 4; 5 и др.]. Это краткая молитва, имеющая Евангельское происхождение, очень распространена в религиозном обиходе. С прославления Троицы начинаются церковные богослужения, таинства, молитвенные правила, а также какие-либо дела, совершаемые христианином в повседневной жизни. В контексте этой традиции формула в деловом тексте может выражать прагматическое значение ‘краткий молитвенный призыв о помощи к Богу перед началом важного дела, а также об успешном его исполнении’. Языковая формула варьируется: добавляется упоминание Божией Матери, различных

святых, например, в духовной грамоте [6] зафиксирован вариант: *Милости Божия и Пречистей Его Богоматери и святаго Николы чюдотворца*. Речь идет о завещании имущества монастырю «святаго Николы на Вежищах», поэтому добавляется обращение к этому святому. Также можно встретить языковые формулы, отражающие представления о том, что человек милостью Божией совершает какие-либо дела, что-либо получает или по грехам своим этого лишается: *А оже ми* ***даст Бог*** [2], *А* ***переменит Бог*** *Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду… А* ***по грехом****, которого сына моего Бог отъимет* [3]; ***по грехом*** *на кого род ополчится* [169].

Достаточно часто при утверждении решения в текстах различных документов включено *упоминание Божьего суда и ответа перед Богом* в случае обмана, несправедливого решения, нарушения договоренности и под. Эта формула уже содержится в переводах договоров Олега с греками и, вероятнее всего, закрепилась в русских текстах под влиянием греческой традиции. В Лаврентиевской летописи читаем: *И иже помыслить от страны Руския разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье прияли суть, да приимуть месть от Бога Вседержителя, осуженья и на погибель въ весь векъ в будущий; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи от бога ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посечени будуть мечи своими, от стрелъ и от иного оружья своего, и да будуть раби въ весь векъ в будущий* [1]. Традиция скреплять договоренности клятвой и именами богов имеет древние дохристианские корни, поскольку упоминается, по свидетельству М. Ростовцева, в документах II тыс. до н.э. Египта, М. Азии, а также Древней Греции и Рима [18]. В период распространения христианства формула преобразовалась согласно новым представлениям о загробной жизни. В ранний древнерусский период находим ее в письме Владимира Мономаха к Олегу Святославичу: *Помышляю, как предстать пред Страшным судией, не покаявшимся и не примирившимся между собою*;

На Страшном суде без обвинителей себя обличаю [14], а также в некоторых грамотах: *А кто сю грамоту порушит, судит ему Бог, а не буди на нем моего благословения в сий век, ни в будущий* [2], *А хто се рукописание мое преступит, и яз сужуся с ним пред Богом в день страшнаго суда Божия* [7]. В Псковской судной грамоте находим увещевательные слова, обращенные к судьям, посадникам и старостам, о необходимости судить справедливо, а если *не судеть право, ино суди им Бог вь страшный день втораго пришествиа Христова* [16]. Это относится и к свидетельским показаниям: людям нужно говорить *как прямо пред Богом* [16]. Отметим, что с точки зрения религиозного мировоззрения подобные формулы призваны были напомнить человеку о жизни перед лицом Божиим, а также о главной цели христианина – спасении души, а поэтому налагали обязательство неукоснительно соблюдать закон и выполнять договоренности, чтобы иметь чистую совесть в день страшного суда. Представление о суде Божием формировалось на Руси под влиянием текстов Священного Писания. В частности, в Евангелии и в притчах, и открыто повествуется о втором пришествии Христа, суде и участи праведников и грешников в вечном Божьем царстве. Также в «Откровении» Иоанна Богослова подробно описаны эти события. Слова *Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его* (Откр. 22:12) говорят о неотвратимости ответа каждого человека перед справедливым Судьей, суд Которого будет произведен соответственно делам. Поэтому для христианского сознания скрепление делового документа «печатью страшного суда» было формой подтверждения достоверности слов. Отметим, что в текстах княжеских и царских грамот эта формула трансформировалась в указание на неотвратимость ответа и перед земной властью: *А хто через сю грамоту подеет силу над ними, и яз, князь велики, могу боронити* [7]. Грамоты XVI–XVII вв. отражают процесс закрепления юридического права судить кого-либо за определенными

лицами, например, *А ведают и судят тех своих людей Власко и Михалко во всем сами или кому прикажут… А кому будет на Власке и на Михалке и на их людех чего искати, ино их сужу яз князь великий или мои бояря* [8].

Близкой по прагматическому значению является формула *целование креста*, призванная подтвердить правдивость слов или действий. Целование святыни, в том числе крестоцелование – христианский обряд, известен начиная с эпохи средневековья в политической, судебной и гражданской сферах в качестве клятвы (присяги). Крестное целование было известно в Западной Европе, в Византии, но наибольшее распространение получило в Древней Руси [15]. В Псковской судной грамоте эта устойчивая формула упоминается 26 раз, например: *А которому посаднику сести на посадничество, ино тому посаднику крест целовати на том, что ему судит право по крестному целованию…; у креста поставить своего исца; у креста ему положит и поцеловав да свои заклад возмет* [16]. В других жанрах также активно используется эта формула: *…а стояти им за ту землю без хитрости содного по крестному целованью* [17]. В Псковской судной грамоте также упоминается церковь как место, где оглашаются решения суда, а священник часто выступает как свидетель [16].

В православной традиции принято *брать благословение* у священников, архиереев. Благословение – это «словесная формула, связанная с жестом или литургическим знаком, содержащая прошение об освящающем действии или пожелание Божиих благодеяний» [15]. Оно имеет несколько значений: призывание Божией помощи для осуществления особо значимых дел; форма разрешения, напутствия духовного лица в любых затруднительных обстоятельствах и др. Присутствие и участие священнослужителей в процессе принятия решений, а также их благословение упоминается во многих документах, например: *А писал есм сю грамоту перед своими отци: перед игуменом*

перед Сергием, перед игуменом перед Савастьяном [3], *Ся грамота выписана… по благословению отец своих попов всех 5 съборов, и священноиноков, и дияконов, и священников и всего Божиа священьства всем Псковом на вечи, в лето 6905-е* [16]; *по благословенью нареченного на архиепископство Великого Новагорода и Пъскова священноинока Феофила* [12] и др. Также на Руси существовал обычай благословлять детей родовыми святынями. При составлении завещаний упоминается родительское благословение, которое сопровождалось передачей икон, креста и др.: *А благословляю сына моего, князя Василья… да крест честный животворящий патреяршь Филофеевский… даю ему икону Парамшина дела, да чепь хрестьчатую, што мя благословил отець мой…* [2]. В завещаниях также прописывалось почитание родителей, своего рода, молитва за них: *А ты сын мой, чти матерь свою и слушай своие матери в мое место, своего отца* [2].

Обращают на себя внимание формы *представления и обращения, выражающие христианское смирение, любовь,* например, *аз смиренный, многогрешный, раб Божий*: *Се яз, грешный худый раб Божий Дмитрий Иванович, пишу грамоту…* [3]. В обращениях можно проследить выражение отеческой или братской любви и уважения: *дети мои, верный человече, братья* [14], а также духовной характеристики человека: *Прошу у твоего мудролюбия*… [13].

Таким образом, исходя из анализа памятников донационального периода можно заключить, что влияние христианства на Руси простиралось не только на сферу церковного обихода и духовной жизни человека, но и на государственное делопроизводство. Многие историки выявили это влияние в становлении правовых норм государства, мы же, в свою очередь, констатируем значительный след религиозного мировоззрения в формировании языковой картины мира древнерусского книжника, что отразилось даже в нетипичном для делового стиля функционировании языковых формул религиозного содержания.

Безусловно, со сменой мировоззренческой парадигмы эти формулы постепенно вытиснялись из документов заменявшими их новыми этикетными образцами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договоры Олега с греками // Лаврентьевская летопись. Текст. Перевод. Исследования / Подгот. Текста, пер. и исслед. Г.М. Прохорова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2017. URL: https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php?list=27&n=41 (дата обращения (05.09.2025).
2. Духовная грамота (вторая) великого князя Василия I Дмитриевича (1417 г.). URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DG/vas1_2.htm (дата обращения (05.09.2025).
3. Духовная грамота (вторая) великого князя Дмитрия Ивановича (1389 г.). URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DG/dmi_2.htm (дата обращения (05.09.2025).
4. Духовная княгини Акулины, жены князя Фёдора (XV в.). URL: https://unikdoc.rusarchives.ru/0070-2003-duhovnaya-knyagini-akuliny-zheny-knyazya-fedora.
5. Духовная Орины на земли, завещанные Колмову монастырю (XV в.). URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XIV/1320-1340/Pskov_novg_gram/text.php (дата обращения (05.09.2025).
6. Духовной Остафия Михайловича на земли, завещанные Вяжицкому монастырю (1465–1478 гг.). URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XIV/1320-1340/Pskov_novg_gram/text.php (дата обращения (05.09.2025).
7. Жалованная грамота великого князя Василия Васильевича старорусским тонникам (1425–1462 гг.). URL: https://gis.spbiiran.ru/cyrillic/letters/letters/42 (дата обращения (05.09.2025).
8. Жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича вотчинникам Власу и Михаилу Слизневым (1546 г.). URL: https://gis.spbiiran.ru/cyrillic/letters/letters/11 (дата обращения (05.09.2025).
9. Зиновьева Е.И. Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI–XVII веков (систематизирующий подход) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. С. 9–26.
10. Климов Е.В. Религиозная реформа великого киевского князя Владимира I и христианизация Древней Руси. Тверь. 2010. 370 с.
11. Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): Лингвистические очерки. М.: Флинта: Наука, 2004. 266 с.
12. Новгородская судная грамота // Памятники русского права; под ред. С.В. Юшкова / сост. А.А. Зимин. М.: Госюриздат, 1953. Вып. 2. С. 212–227. URL: https://m.bigenc.ru/vault/1aef8174aeefcddbffec07a87c51ac18.pdf (дата обращения (05.09.2025).
13. Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4992 (дата обращения (05.09.2025).
14. Поучение Владимира Мономаха. URL: http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/pouchenie-vladimira-monomaha/pouchenie-vladimira-monomaha-original.htm
15. Православная энциклопедия; под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла URL: https://www.pravenc.ru (дата обращения (05.09.2025).

16. Псковская судная грамота. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1460-1480/Pskovc_sud_gr/text.htm (дата обращения (05.09.2025).
17. Раздельная Овдокии, Малафеевой дочери, своих детей Тимофея и Остафия на земли и дворы (XV в.). URL: http://rgada.info/kueh/index.php?T1=&Sk=3&page=35 (дата обращения (05.09.2025).
18. Ростовцев М. Международные отношения и международное право в древнем мире // Вестник СпбГУ. Серия 14. 2013. № 4. С. 67–84.

СИРОТКИНА Татьяна Александровна *(Сургут, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Сургутский государственный педагогический университет
sirotkina71@mail.ru

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ СУДОВ РУССКОГО РЕЧНОГО ФЛОТА (на материале книги А. Иванова «Речфлот»)

Аннотация. В статье на материале книги Алексея Иванова «Речфлот» рассматриваются принципы номинации судов русского речного флота. Выделяются группы гидропорейонимов, образованных от других видов имен собственных, а также разные типы названий, образованных от нарицательных слов русского языка.

Ключевые слова: принципы номинации, речной флот, А. Иванов, гидропорейонимы, ономастика.

Abstract. The article examines the principles of nomination of Russian river fleet vessels on the bases of the book “River Fleet” by Alexey Ivanov. Groups of hydroporeionyms formed from other types of proper names are distinguished, as well as different types of names formed from common nouns of the Russian language.

Key words: principles of nomination, river fleet, A. Ivanov, hydroporeionyms, onomastics.

В современной ономастике имена собственные транспортных средств традиционно относятся к порейонимам [2: 108]. Как отмечает В.И. Супрун, «изучение порейонимов отурывает для нас ономотургические традиции народа, особенности трансонимического взаимодействия единиц, интра- и интеръязыковые связи названий средств передвижения» [4: 339].

В современной ономастике до настоящего времени нет устоявшегося термина, определяющего личные названия судов. По аналогии с предложенным С.А. Поповым [3] для самолетов термином авиапорейоним мы будем использовать термин гидропорейоним, под

которым понимаем название морских и речных судов, барж, лодок и др. техники, связанной с передвижением по воде.

На материале книги Алексея Иванова «Речфлот» рассмотрим основные принципы номинации гидропорейонимов.

1. Отантропонимные порейонимы, образованные от имен родных и близких владельца судна: «Через пару лет Кашин решил «работать собственным пароходом», продал товарищу свою долю и купил новенький буксир, которому в честь деда дал имя «Аввакум» (с. 164); «Свои суда Каменские называли в честь сыновей: «Александр», «Иоанн», «Михаил», «Василий», «Алексей» [1: 170]; «На Каме обширные соляные промыслы графов Строгановых владели буксирами «Аника» и «Строганов», по озеру Селигер возили паломников и товары два судна богатой Ниловой пустыни» [1: 204]. В некоторых случаях пароходы назывались по именам тех, кто путешествует на них: «В 1872 году по Волге гастролировал пароход «Певец Славянский»; он возил капеллу Дмитрия Агренева-Славянского, собирателя народных песен» [1: 227].

2. Порейонимы, образованные от гидронимов: «Первая «коза» Зевеке – «Амазонка» – двинулась вверх по Волге в 1881 году» [1: 111]; «Парамонов вовлекся в речные дела еще в 1881 году, когда приобрел в Австрии буксир «Амур» (самый сильный на Дону)» [1: 235]; «Первую пассажирскую линию запустил помещик Пусловский: его пароходик «Висла» упрямо шлепал колесами от Кременчуга до Пинска на Припяти, притоке Днепра, и потом шел обратно» [1: 230]; «…на галерах «Волга» и «Ярославль» разместились гофмейстер Елагин, генеральс-адъютант Нарышкин, граф Шувалов, поэт Херасков и многие другие вельможи» [1: 34].

3. Названия судов, образованные от топонимов: «Лучшим считался астраханский пожарно-ледокольный пароход «Астрахань» [1: 193].

4. Гидропорейонимы, образованные от мифонимов: «В том же году в Криушах собрали буксиры «Геркулес» и «Самсон» [1: 76].

5. Номинации, связанные с названиями официальных лиц государства: «В 1867 году флот общества пополнился «Государем», в 1869-м – «Государыней» [1: 94].

6. Номинации судов, получившие название по какому-либо историческому событию: «В честь столетия победы над Наполеоном новые лайнеры «Кавказа и Меркурия» назывались «Бородино», «Кутузов», «Багратион» и «Двенадцатый год» [1: 178].

7. Отэтнонимные названия: «Назывались они в честь малых народов империи: «Бурят», «Монгол», «Орочанин», «Калмык», «Вогул», «Вотяк», «Зырянин», «Киргиз», «Корел» и «Сибиряк» [1: 191].

8. Гидропорейонимы, образованные от названий камней: «И «Дружина» быстро выпустила шесть «новинок»; они назывались «Бриллиант», «Жемчужина», «Яхонт», «Рубин», «Изумруд» и «Бирюза» [1: 149].

9. Названия судов, образованные от названий животных: «Первым в России «путейцем» считается пароход «Верблюд», построенный на заводе Бенардаки в 1857 году» [1: 193].

10. Наименования, связанные с идеей движения, передвижения: «А к «русалкам» присоединились «путешественники» – пароходы «Курьер», «Гонец», «Депеша», «Эстафета», «Вестник», «Путник», «Турист», «Странник» и далее в том же духе» [1: 79].

11. Номинации, имеющие семантику «легкий, быстрый»: «В 1825–1826 годах на Соломбальской верфи Архангельска мастер Андрей Курочкин построил для Беломорской флотилии два небольших парохода, они назывались «Легкий» и «Спешный» – это были первые паровые суда Северной Двины» [1: 236].

12. Названия, отражающие ценности послереволюционной России: «В 1920 году после возвращения красных «Николай» был переименован в «Красноармейца» [1: 156].

13. Наименования, образованные от названий символов Российского государства: «В честь российского герба фрегат нарекли «Орлом» [1: 17].

Отмечаются в тексте А. Иванова случаи переименования судов, случайного или преднамеренного: «Счастливый купец дал пароходу гордое имя «Основатель», но монах-богомаз, который малевал название на колесном кожухе, размахался так, что влезло только «Основа» [1: 61].

Таким образом, с точки зрения принципов номинации названия суда русского речного флота можно разделить на две большие группы – названия, происхождение которых связано с другими собственными именами (антропонимами, топонимами и т. д.), и названия, образованные от нарицательных слов русского языка (прилагательных с семантикой «быстрый», существительных, называющих людей, животных и пр.). Книга А. Иванова «Речфлот» является незаменимым источником изучения данных названий, поскольку представляет читателю всю историю российского речного пароходства – от его возникновения до нашего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.В. Речфлот: История речного флота Российской империи и Советского Союза. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 550 с.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. Ред. А.В. Суперанская. 2-е изд., перераб. И доп. М.: Наука, 1988. 187 с.
3. Попов С.А. К вопросу о собственных названиях самолетов // Слово. Текст. Контекст. 2020. № 3. С. 24–31.
4. Супрун В.И. Порейонимы в ономастическом поле: интра- и интеръязыковые связи // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: Сб. статей международной научной конференции. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2016. С. 329–332.

СЛАВИН Евгений Игоревич *(Москва, Россия)*

преподаватель
Московский государственный лингвистический университет
zhenya.slavin@yandex.ru

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ И ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ ПАРАДИГМА ТЕКСТОВ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассмотрен лингвостилистический потенциал текстов деловой коммуникации с точки зрения запланированного прагматического эффекта. Установлено, что цель изучения учебной дисциплины «деловой иностранный язык» в старшей школе заключается в формировании практических умений и навыков во всех видах языковой деятельности деловой коммуникации, ознакомлении старшеклассников с особенностями официально-делового стиля и этикета. Глубокие знания межкультурных, прагматических и лингвостилистических особенностей построения делового письма, смогут подготовить обучающихся к реальным коммуникативным ситуациям в будущей профессиональной деятельности.
Ключевые слова: функциональный стиль, речевой жанр, деловое письмо, коммуникативная интенция, коммуникативное задание.

Abstract. This article examines the linguistic and stylistic potential of business communication texts in terms of the planned pragmatic effect. It is established that the purpose of studying the academic discipline «business foreign language» in high school is to develop practical skills in all types of language activities of business communication, to familiarize high school students with the peculiarities of official business style and etiquette. Deep knowledge of intercultural, pragmatic and linguistic stylistic features of business writing will be able to prepare students for real communicative situations in their future professional activities.
Keywords: functional style, speech genre, business letter, communicative intention, communicative task.

Международная конкуренция и возникновение глобального рынка труда требуют повышения уровня практического владения иностранными языками в письменной форме, что является чрезвычайно важным условием для современных норм межнационального общения. Письменная коммуникация является важным навыком для развития старшеклассников. Она помогает им четко выражать свои мысли и идеи, что имеет решающее значение для успеха в учебе. Письменная речь также развивает навыки критического мышления, поскольку учащиеся должны анализировать информацию и формулировать аргументы структурированным образом [10].

Кроме того, письменное общение способствует творчеству и самовыражению. Учащиеся могут изучать различные стили и жанры письма, что позволяет им найти свой голос и развить уникальную точку зрения. Этот навык полезен не только в классе, но и в повседневной жизни, где эффективное общение может привести к улучшению отношений и карьерным возможностям [9]. Кроме того, письменная речь способствует активному усвоению материала. Старшеклассники, которые общаются в письменной форме, с большей вероятностью запоминают информацию и понимают сложные концепции. Они становятся более независимыми учениками, способными исследовать темы, обобщать информацию и связно представлять свои выводы.

При таких условиях определяющей становится деловая иноязычная коммуникация на всех уровнях производственных отношений и деловых отношений, которая, в свою очередь, требует знания лингвотекстовых особенностей официально-делового функционального стиля вообще и делового письма как речевого жанра, в частности. Функциональный стиль и жанр – это разные, но диалектически связанные категории, поэтому изучение определенного жанра невозможно без изучения функционального стиля, к которому он принадлежит. Жанровые функции образуют основу произведения, стилевые функции моделируют этот костяк, превращая в форму [3: 28].

Речевым жанрам свойственны четко очерченные коммуникативные интенции, обусловливающие язык и его структуру; уровень владения языком функционально-стилистический фактор; социолингвистический фактор; индивидуальные различия в речевом опыте; речевой контекст и языковой контекст, речевую ситуацию [2: 116–117].

В жанровую специфику, которая обеспечивает целостность функционального стиля, входит целостность прагматической установки того или иного жанра, которая фактически и диктует определенную цель и ситуацию общения и составляет экстралингвистический фактор этого

стилеообразования, вследствие чего возникает зависимость речевой структуры текста от его жанровой специфики [1].

Прагматическое намерение текста определяет правила его прагматической интерпретации; принимая во внимание особенности структуры прагматического контекста, придает ему определенной иллокутивной силы и статуса определенного речевого акта [5: 14]. Целенаправленное воздействие на адресата предполагает использование соответствующего арсенала языково-стилистических средств с целью повлиять на адресата, заинтересовать его, убедить, что есть в определенной степени спрогнозировать возможную реакцию реципиента, что позволило бы побудить его к соответствующему (нужному) коммуникативному действию.

Успешное соответствующее коммуникативное действие реципиента, учитывая запланированную прагматическую установку адресата, полностью обеспечивает целесообразность и правильность выбора тех или иных коммуникативных задач. Коммуникативные намерения и задачи адресата должны учитывать также и правила, которые действуют в этой лингвокультурной многонациональной среде. В связи с этим можно выделить следующие преимущества успешного коммуникативного воздействия (рис. 1).

Рис. 1. Условия эффективной коммуникации

Деловая корреспонденция – одна из форм речевого общения в сфере производственных отношений или деловых отношений. Тексты деловой корреспонденции представляют собой жанр делового письма и относятся к официально-деловому функциональному стилю [8].

Поскольку официально-деловой стиль обслуживает сферу официальных деловых отношений между институтами, учреждениями и отдельными людьми, к наиболее заметным его функциональным чертам относятся сознательное наставление на унифицированную, стандартную речь, которая с точки зрения психологии помогает сразу выделить основную информацию, ключевые моменты сообщения, что, в свою очередь, значительно облегчает восприятие информации и способствует ее оперативной обработке.

Такая унификация охватывает все языковые уровни: лексический, морфологический, синтаксически-стилистический и составляет, таким образом, устойчивый речевой стереотип, который воспринимается отправителем текста или его реципиентом как тип структурно-лингвистической нормы. Другие черты: нейтральный, подчеркнуто книжный, неэмоциональный, «холодный», умеренно строгий, чрезмерно сдержанный, частично невыразительный, монотонный, сухой тон изложения информации; четкая регламентация формы, использование готовых словесных формул, точность и четкость формулировки, эксплицитное изложение материала. Все это составляет гармоничное единство исходных общих черт всех речевых жанров официально-делового стиля. Трафаретные обороты и конструкции, закрепленные за аналогичными управленческими ситуациями, образуют следующую триаду: устойчивость фактов, подлежащих описанию или толкованию, то есть типичная ситуация – структурный стереотип – лингвостилистический стереотип (рис. 2) [9].

Рис. 2. Триада управления

Однако такая унифицированность формы официально-делового стиля означает, что, с одной стороны, этот процесс характеризуется своей шаблонностью, стандартностью, что позволяет говорить о его автоматизированном характере; с другой стороны, для официально-делового стиля характерно также явление вариативности структуры содержания, которое обуславливает и вариативность вербального оформления.

Здесь нужно четко различать текст управленческого документа и текст делового письма. Текст документа относится к законодательному подстилю и имеет императивный характер [4]. Это – язык законотворческих актов, которые составляют основу различных управленческих документов государственных и административных органов (госадминистрации и исполнительных комитетов всех уровней, а также: суда, прокуратуры, милиции, госбезопасности, юстиции и т. д.), а следовательно, образуют своеобразный лингвостилистический и структурный каркас официально-делового стиля вообще. Характерными чертами такого типа текста являются отсутствие речевых средств эмоционально-экспрессивной окраски, использование речевых средств логической, а не эмоционально-экспрессивной оценки.

Функция делового письма состоит в том, чтобы получить информацию, зафиксировать ее и передать. Деловое письмо в определенной степени выражает статус, уровень той или иной фирмы, компании или организации. Он может иметь частный характер, тогда в нем выявлена авторская индивидуальность (иногда достаточно четко), что, в свою очередь, ведет за собой наличие вербальных способов эмоционально-оценочной окраски [7].

Итак, управленческий документ и деловое письмо, хотя и принадлежат к одному функциональному стилю, имеют единый квантор общности, являются материальными носителями фиксированной информации, характеризуются общностью жанровых черт, однако это разные речевые жанры, которые являются последствиями двух разных процессов, а именно: процесса создания законотворческих актов и процесса деловой переписки. Эти процессы проявились в трех лингвостилистических явлениях: стандартизации, унификации и вариативности.

Эти наблюдения позволяют утверждать, что жанры «управленческого документа» и «делового письма» обусловливают структурные особенности того или иного типа текста, влияют на его объем и вербальное оформление, вследствие чего возникает обобщенная модель типового текста.

В завершение отметим, что цель учебной дисциплины «Деловой иностранный язык», которую изучают старшеклассники, – формирование практических умений и навыков во всех видах речевой деятельности деловой коммуникации, ознакомление обучающихся с особенностями официально-делового стиля и служебного этикета. Глубокие знания социокультурных, прагматических и лингвостилистических особенностей построения делового письма как типа текста смогут подготовить старшеклассников к реальным коммуникативным действиям в будущей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА
1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 444 с.
2. Бацевич Ф.С. Основы коммуникативной лингвистики. Киев: Академия, 2004. 344 с.
3. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. Для институтов и факультетов иностранных языков / М.П. Брандес. М.: Высшая школа, 1983. 272 с.
4. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 278 с.
5. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
6. Демьянков В.З. Интерпретация текста и стратагемы поведения // Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и психолингвистические исследования) / Институт языкознания АН СССР; Высшая школа профдвижения ВЦСПС, Кафедра русского языка. М: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт языкознания Российской академии наук», 1979. С. 109–116.
7. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. 432 с.
8. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарика, 2005. 287 с.
9. Микк Я.А. Оптимизация сложности учебного текста: в помощь авторам и редакторам. М.: Просвещение, 1981. 119 с.
10. Москальчук Г.Г. Размер предложения и абзаца как фактор структурной организации текста // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию БиГПИ, 290-летию г. Бийска, 70-летию В.М. Шукшина. Том 2. Бийск: Бийский государственный педагогический институт, 1998. С. 27–37.

СМИРНОВА Людмила Георгиевна *(Смоленск, Россия)*

доктор филологических наук, доцент
Смоленский государственный университет
naksemit@gmail.com

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКА, ОТРАЖЕННЫЕ НА УРОВНЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются новые устойчивые сочетания, которые появились в языке на протяжении последних десятилетий. В соответствии с широким подходом в понимании фразеологической системы анализируются не только идиомы, но и составные наименования, терминологические сочетания, связанные с различными сферами современной жизни (политикой, экономикой, сферой продвижения товаров, рекламы, интернет-пространством). Прослеживается сходство в характере отражения меняющегося мира с помощью неологизмов и новой фразеологии. Отмечается широкое функционирование фразеологических калек с английских оборотов. Указывается на преимущественное функционирование новых устойчивых оборотов в политическом дискурсе, отмечается их оценочный потенциал. Новые устойчивые сочетания определяются как элемент «модного» словоупотребления.

Ключевые слова: актуальные тенденции развития языка, устойчивые сочетания, широкое понимание фразеологии, медийные тексты, социокультурные изменения.

Abstract. The article examines new stable combinations that have appeared in the language over the past decades. In accordance with a broad approach to understanding the phraseological system, not only idioms are analyzed, but also compound names, terminological combinations associated with various spheres of modern life (politics, economics, the sphere of product promotion, advertising, Internet space). Similarities are traced in the nature of reflection of the changing world with the help of neologisms and new phraseology. The wide functioning of phraseological cripples from English turns of phrase is noted. The predominant functioning of new stable turns of phrase in political discourse is indicated, their evaluative potential is noted. New stable combinations are defined as an element of “fashionable” word usage.

Keywords: current trends in language development, stable combinations, broad understanding of phraseology, media texts, socio-cultural changes.

Последние десятилетия развития языка ознаменовались новыми тенденциями, которые наиболее ярко отразились в лексической системе. Значительное обновления жизненного уклада, общественных институтов, технологий обусловило появление новых слов, большинство из которых является заимствованиями (преимущественно англицизмами); образование неологизмов с использованием различных моделей и обширного набора аффиксов; развитие новых значений лексем и др. Именно слова; выполняющие преимущественно номинативную функцию, называют новые реалии активно меняющегося мира. Лексикографы указывают на чрезвычайно большое количество лексических новообразований, широкую сферу обращения неологизмов, затрудняющую сам процесс их лексикографирования. Так, Т.В. Бурцева и А.В. Зеленин отмечают большой объем лексики, вошедшей в язык в первые десятилетия XXI в.: «Это огромный пласт <…>, можно предположить, что это не менее 30 тыс. новообразований» [1: 37].

Характер новой лексики (ее происхождение, стилистическая окраска, коннотативный потенциал, особенности употребления) помогают понять важные социокультурные тенденции в развитии современного российского общества. Не менее интересную информацию о мире и обществе могут дать устойчивые выражения языка, состав которых также непрерывно пополняется и обновляется. Проследим, каким образом новая фразеология демонстрирует определенные тенденции в развитии языка и общества. Оговорим тот факт, что в статье

реализуется широкий подход в понимании состава фразеологической системы – это не только совокупность идиом, но и «совокупность всех типов устойчивых сочетаний, включая составные наименования, терминологические сочетания, разнообразные типы устойчивых конструкций с семантически слитными и неслитными компонентами» [4: 4].

Узкое и широкое понимание фразеологии до сих пор остается дискуссионным вопросом в лингвистике. Говоря о современном этапе расширения фразеологической системы, в качестве главного критерия отнесения сочетания слов к устойчивым единицам мы принимаем их воспроизводимость, повторяемость в различных текстах. При этом семантические и стилистические факторы (цельность семантики сочетания слов, стилистическая окраска оборота, образность, экспрессивность, оценочность) будем считать второстепенными. Комплексы лексем *устойчивые выражения, устойчивые сочетания, устойчивые обороты* в рамках данной статьи не разграничиваются терминологически и являются синонимическими.

Отметим тот факт, что сам фразеологический ресурс русского языка описан далеко не так подробно, как лексический. Он значительно меньше по объему, но до сих пор полностью не представлен в составе словаря. В предисловии к «Фразеологическому словарю современного русского литературного языка», вышедшему в 2004 г., А.Н. Тихонов писал: «Богатствами русской фразеологии восхищались многие писатели и исследователи. Однако мы до сих пор не имеем полного свода фразеологических оборотов русского языка, в то время как на материале западноевропейских языков созданы словари, в которых зафиксировано от 40 до 70 тыс. устойчивых сочетаний» [4: 3]. По словам ученого, «Пора провести полную инвентаризацию фразеологического фонда русского языка, разбросанного по всем лексикографическим изданиям» [4: 4]. Этот

фонд с учетом новых устойчивых сочетаний может составить, по мнению А.Н. Тихонова, не менее 100 тысяч единиц [4: 4].

При отсутствии достаточно полных словарей новой фразеологии появившиеся в последние десятилетия устойчивые выражения чаще всего описываются в словарях новой лексики. Так, в одном из наиболее полных собраний неологизмов (в «Толковом словаре русского языка начала XXI века: Актуальная лексика») среди многих других приводятся устойчивые сочетания с прилагательным *белый – белая сборка* (о вычислительной, бытовой и пр. технике, собранной в странах Европы или США и отличающейся высоким качеством), *белое духовенство* (священнослужители, не принявшие монашества, живущие в браке), *белый пиар* (формирование положительного общественного мнения о ком-, чем-либо); с существительным *карта – дисконтная карта, кредитная карта, магнитная карта, пластиковая карта, зеленая карта* и др. [3].

Несмотря на различие в количестве неологизмов и новых устойчивых сочетаний, по многим параметрам эти единицы схожи. В частности, как и лексические неологизмы, устойчивые выражения используются прежде всего в средствах массовой информации. Современные СМИ находятся в процессе постоянного обновления, демократизации, предлагая «потребителям информации» наряду с традиционными такие жанры, как посты, блоги, стримы, мемы, а также другие форматы. Роль художественной литературы и кинематографа как источников появления новых выражений, цитат, афоризмов в последние десятилетия стала заметно менее значимой, на что указывают многие лингвистические исследования [2].

Медийные тексты стали главным языковым полем для употребления устойчивых сочетаний разных типов. В большинстве случаев они называют новые явления жизни, представляют собой актуальные политологемы (*поставить лайк, оранжевая революция,*

постсоветское пространство, встать с колен), однако в некоторых случаях являются новыми номинациями вполне традиционных для общественной жизни понятий и явлений.

Например, опубликованная в «Российской газете» рецензия на комедию Эжена Скриба 1848 г. «Пуф, или ложь и истина» имеет подзаголовок, включающий новые фразеологизмы: *Это послание нетрудно экстраполировать на нашу с вами эпоху:* ***финансовые пузыри****, торжество пиара,* ***фейковые новости****, «****культура отмены****»* («Российская газета», 14.02.25 г.).

Многие устойчивые выражения так же, как и лексемы, заимствованы из главного на сегодня источника иноязычных элементов – из английского языка. Например, заметно активизировалось употребление калек английских выражений: *мыльная опера* (англ. Soap opera), *без комментариев* (англ. No comment); *утечка мозгов* (англ. Braindrain); *шоковая терапия* (англ. Shocktherapy); *делать деньги* (англ. To make money), *денежный мешок* (англ. Moneybag). Очень популярным в последнее время стало выражение *вишенка на торте* (англ. The cherry on top) – ‘приятная завершающая деталь, изюминка‘, иногда с иронией – ‘последняя неприятность после череды неудач’. Приведем пример свободного употребления выражения *сплотиться вокруг флага* (от англ. Rallying around the flag) – ‘объединиться вокруг вождя’: *Значимость консолидации подчеркнул и депутат Дмитрий Гусев (СРЗП). «От того, как мы будем заботиться о наших ребятах, зависит наша победа, – рассуждал он. – У нас в стране огромное* ***объединение людей вокруг флага и президента*** *– это показали президентские выборы»* («Коммерсант», 23.01.25 г.).

Подобно лексическим неологизмам наибольшее количество новых устойчивых сочетаний связано с различными сферами жизни современного общества, постоянно обновляющимися за счет появления разнообразных технологий. Это сфера политики (*бархатная революция*,

горячая точка, война компроматов, окно возможностей, административный ресурс, дорожная карта, законодательная брешь); экономики (*ключевая ставка, бросовые цены, теневая экономика, рублевое пространство, защищенная статья бюджета, валютный коридор, обвал цен*); сферы продаж, рекламы и потребления (*воронка продаж, черная пятница, (маникюр) под ключ, сладкая парочка*); компьютерных технологий (*искусственный интеллект, код доступа, электронная почта, социальные сети, базы данных*); досуга (*историческая реконструкция*) и др. Чаще всего это нейтральные терминологические сочетания, некоторые из них включают англицизмы (*фейковые новости*). Степень распространения подобных выражений и их понимания зависит от знакомства носителей языка с конкретными сферами деятельности. Эти выражения не являются идиоматичными, но демонстрируют воспроизводимость, структурную целостность, а также сдвиг в семантике одного из лексических элементов.

В политической сфере наряду с нейтральными устойчивыми сочетаниями используются воспроизводимые единицы, появившиеся как отражение определенных важных событий того или иного периода. Например, пандемия ковида породила целый ряд слов и выражений, составивший «ковидный словарь»: *ковидные ограничения, режим самоизоляции, масочный режим* и др. Идеологический плюрализм общественной жизни определяет то обстоятельство, что некоторые из устойчивых сочетаний политической сферы (изначально нейтральные или даже содержащие мелиоративную оценку) в оппонирующем политическом дискурсе могут поменять свой оценочный знак на противоположный. Например, выражение *эффективные собственники* в левом коммунистическом дискурсе используется для номинации «прихватизаторов», доводящих захваченные предприятия до банкротства; *традиционные ценности* в либеральном дискурсе трактуются как безнадежно устаревшие стереотипы жизни; *мягкая сила* –

как ультимативный способ решения международных конфликтов. Выражение *вражеские голоса* в либеральном дискурсе используется как ироническое воспроизведение советского клише и т. д.

Важная тенденция современной жизни – ее «технологизация», «цифровизация» и даже «виртуализация». В языке это отражается посредством широкого распространения технических или специальных компьютерных терминов – (в том числе жаргонных). Например: *Изменчивость законов о выборах «не баг, а фича»* («Ведомости», 21.09.2023 г.). Выражение *не баг, а фича* в компьютерном жаргоне означает следующее: то, что может показаться ошибкой, на самом деле является определенной функцией программы.

Из языка автомобилистов в речевую практику вошли выражения *правило трех д (дай дорогу дураку); зеленей уже не будет* (призыв не задерживаться на светофоре). Смысл отдельных устойчивых сочетаний в некоторых случаях может быть понятен только «посвященным», в других случаях их образность вполне прозрачна: *(делать что-либо) на коленке, (раздается) из каждого утюга, добавить свои пять копеек, танцы с бубнами, (сделать что-либо) на раз-два, снять с языка, цирк с конями* и др. Подобные обороты широко употребляются в разговорной речи и используются, в частности, для оценочной характеристики предмета речи или явления действительности.

Использование устойчивых выражений в речи в большей мере, чем употребление лексики, подчиняется языковой моде. Многие языковые обороты часто представляют собой элементы «современного, престижного» словоупотребления, характеризующие речевую «продвинутость» говорящего: *доброго времени суток, от слова совсем, за все хорошее против всего плохого* и др.

Подводя итоги рассмотрению общих тенденций развития современной фразеологии, еще раз отметим разнообразие новых устойчивых сочетаний с точки зрения их происхождения, стилистической

окраски, употребления. Как и лексические неологизмы, новые фразеологические сочетания используются в основном в медийных текстах, часто как единицы политического дискурса. Среди них значительную часть составляют английские по происхождению обороты, что демонстрирует сохраняющуюся ориентацию на западную лингвокультуру. Большинство единиц связаны со все более специализирующимися профессиональными сферами жизни. Новые фразеологизмы в большинстве своем являются элементами «модного» словоупотребления, имеют коннотации «современности» и «престижности». Фразеологизм часто представляет собой более сложную единицу, чем слово, для понимания значения устойчивого оборота в некоторых случаях нужны профессиональные знания, важен ассоциативный фон. Это обусловливает то обстоятельство, что круг людей, использующих новые устойчивые сочетания, в целом уже круга носителей языка, знакомых с лексическими неологизмами. Большие трудности в границах неологии создает проблема вычленения и лексикографирования новых устойчивых сочетаний. Новая фразеология представляет собой важный языковой ресурс, не только отражающий меняющийся мир, но и дающий возможность оценивать происходящие изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурцева Т.В., Зеленин А.В. Неологизмы в толковом словаре общего типа // Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации: сборник научных статей. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2023. С. 35–39.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с. https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/predislovie69786.html (Дата обращения 20.03.2025 г.)
3. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Авт.-сост.: Г.Н. Скляревская, Е.Ю. Ваулина, И.О. Ткачева, Е.А. Фивейская; под ред. Г.Н. Скляревской. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.
4. Фразеологический словарь современного русского литературного языка; под ред. Проф. А.Н. Тихонова / Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.

СОКОЛОВА Ольга Ивановна *(Владимир, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
sok.ol@list.ru

АЛЕКСАНДРОВА Валерия Олеговна *(Владимир, Россия)*

магистрант
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
aleksandrova.valer1a@yandex.ru

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОГО И «ЗАВИСИМОГО» СУБСТАНТИВА В ИМЕНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о синтаксическом статусе независимого и «зависимого» субстантива в именительном падеже. Представлен обзор возможных синтаксических реализаций субстантива (односоставные номинативные предложения, именительный изолированный, обращения, вокативные предложения); затронут вопрос о статусе названий; рассмотрено функционирование именительного падежа в значении косвенных падежей.
Ключевые слова: номинативное предложение, именительный в значении косвенных падежей, именительный изолированный, именительный темы, обращение, вокативное предложение, синтаксический синкретизм.

Употребление субстантивов в именительном падеже на месте косвенных и в целом частотность формы «прямого» падежа стали отличительными чертами устной и письменной речи последних десятилетий. Эти формы часто используются в повседневном общении, в рекламных текстах, обеспечивая высокую скорость восприятия информации и лёгкость её интерпретации получателями.

Будучи схожими формально, конструкции с субстантивами в именительном падеже функционируют по-разному: ***Бессонница. Гомер. Тугие паруса*** (О. Мандельштам); ***Александр Сергеевич****, разрешите представиться*. ***Маяковский*** (В. Маяковский); ***Любовь****? Что мы знаем о ней?;* ***Золотые ворота****… Как пройти?;* ***Анна****! Что ты!; «****Обломов****»; Вот* ***Толстой*** *книга* и др.

Независимый субстантив функционирует вне связей с другими членами предложения и образует самостоятельную синтаксическую

единицу. Такие употребления могут быть квалифицированы как номинативные предложения – «односоставные предложения с именительным падежом имени или количественно-именным сочетанием, утверждающим бытие предмета или явления» [3: 114].

При этом остаётся спорным вопрос о синтаксической функции главного члена номинативного предложения. Одни лингвисты определяли его как сказуемое (А.М. Пешковский, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов и др.). Другие считали его подлежащим (В.А. Богородицкий, Л.А. Булаховский, Д.Н. Овсянико-Куликовский). А.А. Шахматов [20: 51], а также Е.М. Галкина-Федорук [7: 306] разграничивали подлежащные и сказуемные номинативные предложения. Грамматика–1980 не давала квалификации главного члена таких предложений [17: 358–366]. В.В. Бабайцева примеры типа: ***Пожар! Дождь! Гроза!*** И под. рассматривала как случаи «недифференцированного диффузного синкретизма свойств подлежащего и сказуемого» [5: 273–276].

Неоднозначно решается вопрос семантической классификации номинативных предложений. А.М. Пешковский выделял предложения *экзистенциальные (бытийные), указательные* и *назывные* [14: 379], последние «легко найти на любой книжной обложке, на любой магазинной вывеске» [Там же: 380]. Детально описана семантика именного класса в Грамматике–1980, выделены «не лично-субъектные» и «лично субъектные» типы [17: 358–366].

В.В. Бабайцева делит предложения на *бытийные, указательные, собственно-назывные* типы (иными словами, названия), *побудительно-пожелательные, оценочно-бытийные* [3: 126]. Отнесение к номинативным пожелательным предложений типа: ***Подъём! Внимание! Ай да чудо****!* – признается не всеми, на периферийный характер таких употреблений указывала и сама В.В. Бабайцева [4: 409]. Схожую классификацию находим у С.В. Вяткиной [2: 124]: *бытийные*:

а) экзистенциальные, б) *предметно-бытийные; указательные*: а) указание, б) достижение; *оценочно-бытийные; желательно-бытийные*.

Интересна классификация М.А. Шелякина, которая включает 10 типов предложений «с вербально невыраженными (нулевыми) предикатами при субъектных сущ. В форме им. пад.», в числе которых объявления о наличии «предмета, предназначенного для продажи», «панорамное наличие предметов, явлений» и проч. [21: 20–24],

П.А. Лекант критически относился к делению номинативных нерасчленённых предложений на *указательные, бытийные* и *оценочные*, считая, что оно лишено «не только единого логического основания, но и чётких грамматических критериев», но предлагал выделять у предложений добавочные оттенки значения: ***Утро!*** (оттенок «непосредственного восприятия»); ***Вот дом*** (указательный или «указательно-ограничительный» оттенок), оттенки «завершённости восприятия», «обнаружения, достижения, указания на временной предел и эмоционально-экспрессивную оценку предмета» [13: 161–162; Ср.: 12: 437].

Хотя вслед за А.А. Шахматовым практически все исследователи выделяют *указательный* тип номинативных предложений (субстантив в сопровождении частиц *что за*, *ну и, вот* и под.), М.А. Шелякин полагает, что такие предложения должны быть рассмотрены как двусоставные «с субъектом в им. пад. И усиленным оценочно-атрибутивным предикатом» [21: 18].

Следует отметить, что относительно междометных эмоционально-оценочных предложений: ***Батюшки****! – изумился тонкий* (А. Чехов); ***Благодать****!.. – глубоко вдохнув хвойный ветер из тайги, умильно сказал Иона* (А. Иванов) не существует однозначного решения. Сложно определить статус ситуативно употребляемых предикатных имен типа *умница, молодец, счастливчик* и проч.: *Ну надо же, какой* ***идиот****!* (Е. Гришковец); *Какая* ***удача****!* (С. Седов). А.М. Пешковский, отмечая

подобные случаи (*Я их ужо! Десятого повешу,* ***разбойники****!* (А. Пушкин), считал такие предложения не номинативными, а неполными, где субстантив в именительном падеже «явно относится к слову предыдущей речи или представлению, вызванному ею», следовательно, здесь он «предикативный член» [14: 378]. Сходную точку зрения высказывает П.А. Лекант: «Если номинативная конструкция имеет сказуемостное значение, т. е. выражает предикативный признак предмета… то она должна квалифицироваться как неполное двусоставное предложение» [13: 164]. А.А. Шахматов, напротив, считал их «именными личными и предметными бесподлежащными» предложениями («***Бесёнок какой***!», «***Ребячество***!» и др.) [20: 62–64], указывая, что такие предложения близки неполным, в которых «опущено подлежащее», «эмфаза является заместителем недостающего подлежащего», но при этом они «не должны быть признаны неполными» [Там же: 64].

Спорность этого вопроса приводит лингвистов к отказу от классификации номинативных предложений с точки зрения их семантики. Таким образом, многие предложения нельзя однозначно отнести к одному из типов по причине нечёткости разграничения самих типов, вследствие различий в классификациях у разных авторов, синкретичности семантики субстантивов в определённых контекстах. По мнению Г.Н. Акимовой, сложность создания типологий в том, что конструкции часто рассматриваются вне их жанрово-стилистического употребления: «классические» предложения употребимы лишь в книжной речи, в основе многих экспрессивных письменных конструкций такого рода лежит «разговорный субстрат» [1: 97], см. также [6: 184].

Значимо также увеличение количества употреблений *именительного изолированного* – препозитивного и постпозитивного, не до конца определён статус различного рода *названий*, порой не разграничиваются *обращения* и *вокативные предложения*, не до конца описано функционирование именительного падежа в значении косвенных.

Взятый отдельно, *именительный изолированный* не выполняет коммуникативной функции, а существует лишь в составе целого предложения, связываясь с ним логически и интонационно. Это явление *сегментации* связано с всё большим развитием актуализированного синтаксиса – с грамматическим расчленением состава предложения, с выдвижением семантически значимых компонентов предложения в актуальные позиции, с нарушением синтагматических цепочек, с тяготением к аналитическому типу выражения грамматических значений.

Впервые проблема различения *номинативного предложения* и *именительного представления* была обозначена А.М. Пешковским [14: 379]. Выделяя бытийный тип номинативных предложений, учёный отмечает необходимость отличать эти предложения от «однородно построенных словосочетаний, выражающих представления, а не мысли» [там же]. Их он относит к «словам и словосочетаниям, не образующим ни предложений, ни их частей»: Альбер*. **Заклад**! А где мне взять заклада, дьявол!»* (А. Пушкин) и др. примеры [там же: 404].

Именительный изолированный носит также название «именительный темы», «именительный представления» [6: 181–193], так как «обозначает изолированное представление того предмета, о котором пойдет речь далее, в предложении» [19]. *Именительный представления* называет «предмет речи (или мысли, т. е. внутренней речи), чтобы актуализировать его, вызвать представление о нём и далее сделать сообщение о названном предмете, на названную тему» [10: 95]: ***Владимир Высоцкий****… Ещё мой папа пытался привить мне любовь к этому, как он считал, «Барду с большой буквы»* (А. Городницкий).

Термины *именительный представления* (А.М. Пешковский) и *именительный темы* (А.С. Попов) часто употребляются лингвистами как синонимичные. Если же их разграничивают, то термин *именительный представления* по значению несколько шире: такая структура способна не только называть тему последующего текста, но и вызывать в сознании

слушателя или читателя соответствующее представление. В.В. Бабайцева, предлагая классификацию номинативных предложений, включает наряду с бытийными, указательными, субстантивно-оценочными также «именительный представления» («**Труд**! Всё вокруг сейчас было полно им») и «именительный темы» (заголовки, пункты плана) [5: 161]: «содержание “именительного представления” нельзя свести только к обозначению темы последующего высказывания»: для читателя он является темой, для автора именительный представления является «вербализованной ремой» [5: 163].

У лингвистов нет единого мнения о границах этих явлений. Н.С. Валгина, П.А. Лекант, О.М. Чупашева и др. такие конструкции рассматривают особо [6: 187; 13: 213; 12: 488; 19]. У В.В. Бабайцевой, Е.М. Галкиной-Федорук они представлены как разновидность номинативных предложений [5: 161; 7] (детальный разбор содержится в [9: 5–8]).

М.А. Шелякин полагает, что «подобные простые предложения можно квалифицировать как предложения с обособленными членами в функции тематически фокусированных компонентов, которые, выступая в последующем тексте в качестве актантов, могут сопровождаться различными коннотациями в зависимости от своего местоименного выражения» [20: 26].

На наш взгляд, такая единица не выражает бытийного значения, не имеет предикативности и, как следствие, не является полноценным предложением, но интонационно выделяется в изолированную синтаксическую единицу.

Заглавия также иногда оказываются включёнными в состав номинативных предложений: относятся к средствам «специфического письменного общения» и не отличаются по функциям от обычных номинативных предложений [14: 379; 18: 67]. С другой стороны, заголовки, различные названия, надписи на вывесках номинативными

предложениями не считают [6: 180; 8: 301 и др.]. Н.С. Валгина предлагает считать их «собственно-назывными конструкциями», так как они выполняют «функцию называния без значения бытия» [6: 180]. Изолированная позиция субстантива заглавия текста (равно как и других названий) позволяет поставить вопрос о синтаксическом статусе подобных субстантивов: синтаксема / словосочетание или предложение: «***Обломов***» (И. Гончаров); «***Дети мои***» (Г. Яхина); «***Успех или счастье***?» (З. Кэролин). Выскажем предположение, что значение бытийности ярче проявляется у названий девербативов – существительных со «свёрнутой» предикацией (Е.И. Диброва), предикатных имен в целом или распространённых конструкций: «***Дурак***» (И. Тургенев), «***Поджог***» (А. Белый), «***Вечерняя беседа с господином особым послом***» (С. Лукьяненко) и др.

Обращения соотносятся с номинативными предложениями лишь формально, но речевые реализации часто создают периферийные зоны, где субстантивы не только называют адресата речи, но и характеризуют их, в этих случаях родство со сказуемым, с вокативными предложениями весьма ощутимо: *Иди отсюда, пьяный, скверный* ***дурак****!* (О. Павлов); *…та, ни секунды не раздумывая, залепила ему оплеуху и сказала с презрением: «Отстань,* ***подлиза****!»* (Р. Амосов); *Ты,* ***умница****, не особенно светись, вот что* (Н. Черных).

Место *вокативных предложений* в системе структурно-семантических типов до сих пор чётко не определено. Иногда их рассматривают как особые односоставные (А.А. Шахматов, П.А. Лекант Л.Ю. Максимов, Е.М. Галкина-Федорук); относят к нечленимым (А.Н. Гвоздев («междометные» предложения), К.В. Горшкова); считают разновидностью односоставных номинативных предложений (А.Г. Руднев); тип, стоящий на границе односоставных и нечленимых предложений (В.В. Бабайцева, С.В. Вяткина). В.В. Бабайцева такие предложения считала наделёнными «диффузным синкретизмом» [5: 276].

Если *обращения* привлекают внимание собеседника, предваряя или сопровождая сообщение, побуждение, вопрос [12: 95], выражение чувств, эмоций говорящего, то *вокативные* предложения содержат и то, и другое одновременно: – ***Антоша****! – громко воскликнула тётушка, – Нельзя быть столь эгоцентричным!* (В. Сорокин); – ***Женя! Господь с тобой!*** *– остановила её Фаина Абрамовна* (Г. Щербакова). Такое употребление всегда обусловлено ситуативно.

Именительный падеж – категория безотносительной предметности, «максимально асинтаксическая», «лишённая грамматической предметности» [14: 73], это особого рода предметность. В современном языке экспансия именительного падежа заключается в том, расширяются возможности его «зависимого» употребления «в позиции различных косвенных» [11: 439], что является одним из проявлений аналитизма. Такого рода примеры широко представлены в устной разговорной речи, например, в [17]: ***Сборник экономическая программа****/ вот такая/ двадцать шесть копеек/ нет у вас?* И др. [17: 272].

«Зависимый» именительный субстантив широко применим в рекламе, объявлениях, поисковых запросах, в разговорной речи (подкорпус «Социальные сети» в НКРЯ). Анализ показывает, что описываемые явления чрезвычайно частотны: *Квартира.* ***Третий этаж. Балкон. С/у раздельный. Свежий ремонт***; ***Толстой*** *роман-эпопея*. **Работа дизайнер** удаленно. Широкое поле для исследований предоставляют запросы в поисковых системах. Так, сайт Яндекс.Автопоэт составляет стихи, состоящие из запросов пользователей: ***Горящий тур сентябрь Египет*** и др.

Высказывание свёртывается до минимума, план содержания становится важнее плана выражения. Словоформы в именительном падеже, являющиеся результатом синтаксической компрессии, совмещают в себе значение бытийности со значениями других падежей. Значения косвенных падежей, на месте которых употреблен

именительный падеж, восстанавливаются из контекста в целом, а грамматическая структура текста приобретает имплицитный характер.

Субстантивы в именительном падеже в независимом и «зависимом» употреблении во многих случаях создают своего рода омонимию, где иногда сочетаются признаки сразу нескольких синтаксическую явлений, создавая периферийные зоны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: учеб. пособие. М.: Высш. Шк., 1990. 168 с.
2. Синтаксис современного русского языка / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, В.П. Казаков, Д.В. Руднев; под ред. С.В. Вяткиной. СПб.: СпбГУ, 2009. 346 с.
3. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968. 160 с.
4. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Изд-во «Дрофа», 2000. 640 с.
5. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: Флинта; Наука, 2011. 496 с.
6. Валгина Н.С. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высш. Шк., 2003. 416 с.
7. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. Синтаксис. М.: МГУ, 1958. 199 с.
8. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2. Синтаксис: Учебник для студентов фак. Рус. яз. И литературы пед. Ин-тов. 4-е изд. М.: Просвещение, 1973. 350 с.
9. Дрозд Н.В. Именительный темы как особая разновидность номинативных предложений. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2006. 22 с.
10. Синтаксис современного русского языка.: Учеб. пособие для студ. Филол. фак. Высш. Учеб. заведений / Г.И. Кустова, К.И. Мишина, В.А. Федосеева. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 256 с.
11. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: URSS, 2015. 520 с.
12. Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л. Современный русский язык: учебник для студ. Вузов, обучающихся по спец. «Филология» / под ред. П.А. Леканта. 4-е изд. М.: Дрофа, 2007. 557 с.
13. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высш. Шк., 2004. 247 с.
14. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
15. Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. Изд. 2-е М.: Высшая школа, 1968. 320 с.
16. Русская грамматика. Синтаксис. Т. 2. Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 686 с.
17. Русская разговорная речь. Тексты / Авт.-сост. Г.А. Баринова, Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе и др.; Отв. Ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М.: Наука, 1978. 307 с.
18. Скобликова Е.С. Избранные работы по теории синтаксиса. Самара: Самарский университет, 2016. 180 с.
19. Чупашева О.М. А предложение ли это? (О разграничении обращения, именительного темы и номинативного предложения) / «Русский язык», 2003. URL: https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200300702 (дата обращения: 15.02.2025).

20. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
21. Шелякин М.А. Опыт функционального описания субстантивного именительного падежа русского языка // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Tartu: Tartu Ülikooli Kiijastus/Tartu University Press, 1997. С. 9–38.

СТАРОСТИНА Татьяна Владимировна *(Коломна, Россия)*

заведующий отделом
Муниципального бюджетного учреждения
«Коломенская городская централизованная
библиотечная система»
meinbrief@bk.ru

ФОЛЬКЛОРНОЕ НАЧАЛО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б. А. ПИЛЬНЯКА: ОБЗОР ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация. Автор статьи делает попытку исследования фольклорных истоков в творчестве писателя Б.А. Пильняка (Вогау) (1894–1938), используя материалы, включающие произведения и его переписку, что позволяет представить целостную картину взаимодействия фольклорного начала и авторского замысла. Особое значение в формирование взглядов автора имеет окружение, включая фольклористов и этнографов, таких как А.С. Мадуев, М.М. Шкапская, С.В. Максимов, а также труды В.И. Даля, которые оказали значительное влияние на формирование образа России в произведениях Б.А. Пильняка.

Ключевые слова: Б.А. Пильняк (Вогау), фольклор, А.С. Мадуев, М.М. Шкапская, С.В. Максимов, В.И. Даль.

Abstract. The author of the article attempts to investigate folklore origins in the work of writer B.A. Pilnyak (1894–1938), using materials that include his works and correspondence, which allows presenting a comprehensive picture of the interaction between folklore elements and the author's intention. Of particular importance is the contribution of the writer's environment, including folklorists and ethnographers such as A.S. Maduev, M.M. Shkapskaya, S.V. Maksimov, and V.I. Dal', whose studies had a significant impact on shaping the image of Russia in B.A. Pilnyak's works.

Keywords: B.A. Pilnyak (Vogau), folklore, A.S. Maduev, M.M. Shkapskaya, S.V. Maksimov, V.I. Dal'.

Борис Андреевич Пильняк (Вогау) (1894–1938) занимает особое место в русской литературе первой трети XX века. Его художественный метод во многом сродни фольклорному творчеству сказителей, которые на протяжении многих лет совершенствуют один и тот же сюжет. Писатель, испытывая постоянную внутреннюю неудовлетворенность, дорабатывал и переосмысливал свои тексты, что роднит их с народной традицией устного повествования. Это отмечает И.О. Шайтанов, когда пишет: «Итак, легкость, с которой Пильняк идет на повторение чужого,

мотивирована его отношением к авторству, к личности, проявляющей себя полнее всего в самоуничтожении – через слияние с коллективной творческой памятью. Парадокс, принадлежащий не ему лично, но сознанию эпохи. Парадокс, породивший в литературе своеобразный дух фольклорности <…>» [13: 14].

Интерес к изучению творчества Б.А. Пильняка начинается только в 1990-е гг.: после его расстрела в 1938 году он был признан классовым врагом. Отсутствие биографических материалов позволяло исследовать творчество Б.А. Пильняка через призму его произведений. Так, Наталья Юрьевна Маликова, автор диссертации «Фольклорное начало в поэтике Б.А. Пильняка» (Коломна, 2004) исследует элементы фольклорной образности в поэтике автора. В рамках данной статьи мы ставим задачу выявить возможные источники фольклорного материала в произведениях Б.А. Пильняка, датированных не позднее 1922 года, основываясь на содержании его переписки в 1912–1922 гг.

Народная среда. Пространственная мобильность писателя в детские и юношеские годы – Богородск, Коломна, Нижний Новгород, Саратов – позволила ему погрузиться в различную культурную среду.

Примечательно, что уже в ранних письмах тогда еще Б.А. Вогау можно обнаружить записи народных песен, частушек, пословиц: «В поезде наблюдал за рабочими. Записал несколько метких выражений» (Богородск, 1912 г.) [2: 82]; запись четверостишия народной песни «Во субботу день ненастный» (Нижний Новгород, 1912) [2: 121]; текст народной песни про дочь лесника [2: 123]; образец речи: *Мужики говорят: «Пришел в великолепие, это значит – восхищался»* (Нижний Новгород, 1912) [2: 152].

Эта привычка к собирательству народного творчества не была случайной – она свидетельствовала о наблюдательности писателя и его способности ценить красоту народной речи, ее потенциал как средства выразительности в художественных текстах.

Непосредственное влияние на творчество могло оказать погружение в среду: во время учебы в Саратове Борис Андреевич часто слушает народное исполнение. Позднее он использует образы героев народных песен: образ Степана Разина фигурирует во многих ранних произведениях как выразитель народной воли, предтеча революций XX века; образ Добрыни Никитича из романа «Голый год» [7: 169] также мог быть почерпнут в песнях саратовской губернии. Так, у М.Е. Соколова – автора пособий по философии, собирателя фольклора, который был одним из первых, кто положил начало саратовский диалектологии, – записана народная песня «Отъезд Добрыни Никитича и неудачная женитьба Алеши Поповича» [11: 2], а также многочисленные варианты песен о Стеньке Разине [12]. К сожалению, Б.А. Вогау не записал ни одного варианта исполнения, поэтому мы можем сделать лишь предположительное утверждение об истоках этих образов.

А.С. Мадуев (1877–1941). Частый прием у Б.А. Пильняка – использование фольклорных мотивов, песен, попытки передать особенности речи на уровне звуков и лексики. Есть основания предполагать, что на это направление в прозе Б.А. Пильняка мог повлиять Аркадий Степанович Мадуев, фольклорист, лингвист и литературовед, с которым тесно общался тогда еще студент Борис Вогау в сентябре 1913 года. Отметим, что А.С. Мадуеву принадлежат труды «Приёмы фонетического записывания произведений народной словесности» (Саратов, 1903); «К диалектологии Саратовской губернии: говоры Северо-Западного сектора Сердобского уезда» (Саратов, 1928).

О близком знакомстве и обмене мнениями о литературном творчестве свидетельствует письмо И. Моталову и А.С. Перову от 23 сентября 1913 года, где Борис Андреевич пишет: «<…> будет у тебя “литературный блуд” – тащи. Сходим с ним <…> к … Аркадию Степановичу Мадуеву (я у него бываю: поэму мне свою читал он)» [2: 201]; В.А. Георгиевской от 16 июля 1914 года: «Из Богородска я встречаю

только “Адю”, Аркадия Степановича Мадуева. Когда встречаемся мы с ним – мы целуемся. И я так люблю его. Но – разве он Богородский?» [2: 206].

Позднее А.С. Мадуев всерьез погрузится в диалектологию и войдет в комиссию по «научному изучению диалектов Авт. Соц. Сов. Республики Немцев Поволжья» [6: 103].

О том, что общение с А.С. Мадуевым благотворно повлияло на Б.А. Пильняка, развило в нем интерес к фольклору и позволило перейти от непосредственного собирательства к анализу, находим подтверждение в письме к А.А. Альвингу от 1 июля 1915 г.: «Ну, так вот, в Касимове я набрал татарских песен. Все они в четыре строки рифмуются или все четыре, или только три. Татарин дал мне перевод и русскими буквами написал подлинник. Они, песни, напоминают газели». Далее он предлагает адресату написать статью «об этих татарах и их песнях, гл<авным> образом – о песнях» [2: 221–222].

С.В. Максимов (1831–1901). Текст романа «Голый год», как и многие произведения Б.А. Пильняка, сшит из более ранних коротких форм и изобилует фольклорными формами и сказочными мотивами др. [7: 90]. На это обратил внимание А.П. Ауэр в статье «О поэтике Б. Пильняка» (Коломна, 1991): «Стиль «былинно-напевный, дробно-частушечный, <…> скоморошество, анекдоты, притчи, фрагменты сказочной прозы» [1: 11].

Возможные истоки сказочных мотивов – из исследований этнографа Сергея Васильевича Максимова, которому принадлежат труды в области русского фольклора и мифологии, например, «Нечистая, неведомая и крестная сила» (Санкт-Петербург, 1903). Так, обряд девушек, замеченный археологом Баудеком на Увеке в день Петра-Солнцеворота в романе «Голый год», зафиксирован в разных вариациях в этом издании в главе «Мать-сыра земля».

О том, что Б.А. Пильняк был знаком с творчеством В.С. Максимова находим подтверждение в переписке с Н.С. Ашукиными и В.П. Ютановым

(от 10 апреля 1920): «Я купил себе корову, живу как мещанин у писателей народников (Максимов, Глеб Успенский), – экстенсивным манером хозяйства» [2: 315]. В письме Н.С. Ашукину от 28 октября 1921 г. упомянут В.С. Максимов – Б.А. Пильняк в то время готовил коломенский альманах и рассматривал возможность печати текстов этнографа в нем [2: 381].

М.М. Шкапская (1891–1952). С Марией Михайловной Шкапской – поэтессой, журналисткой и собирательницей фольклора – Б.А. Пильняк познакомился в 1921 году в Петрограде. У них завязалась тесная переписка, в которой они обмениваются частушками, так как еще в годы Первой мировой войны М.М. Шкапская собирала материалы для Академии наук, которые позднее передала Б.А. Пильняку [2: 335]. Об этом мы находим свидетельство в письме от 5 мая 1921 г. Коломна: «Мария Михайловна! Я не смог поблагодарить Вас в Петербурге за частушки. Спасибо большое Вам <…>» [2: 334].

М.М. Шкапской был собран обширный фольклорный материал. Об этом она сообщает в автобиографии: «Наряду с обследованием рыбацкого и других кустарных и отхожих промыслов, мы, как обычно студенты той эпохи, в порядке общественной нагрузки, выполняли поручения Академии Наук по сбору фольклора (запись различных говоров, слов, названий, промысловых орудий, частушек, песен), Помню, что из первой же поездки я привезла около 200 слов, не вошедших в словарь Даля» [14: 173].

Те образцы фольклора, которыми обмениваются Б.А. Пильняк и М.М. Шкапская, обнаруживаются в повести «Рязань-яблоко»:

Поют девки:
Я у тяти пятая,
У мила-девятая,
– Ничего нас так не губит,
Как любовь проклятая

Парни отвечают:

Тына, тына! Портки скину,
С девкой лягу на кровать
Я за то люблю советских,
Что без свадьбы можно спать [10: 63].

Ср. тексты частушек, отправленных М.М. Шкапской 20 июля 1921 г.:

Я у тяти пята,
у мила девятая –
Ничего нас так не губит,
Как любовь проклятая! –
<…>
Нету казенки, нету вина, –
Пей политуру, ребята, до дна!
Есть нечего,
Жить весело! [2: 351].

Вторая частушка в обрезанном до двух первых строк виде войдет в роман «Машины и волки» [8: 72].

Несомненно, письма М.М. Шкапской обогатили произведения Б.А. Пильняка, однако характер переписки не дает однозначного ответа, был ли использован фольклорный материал, присланный поэтессой, или их переписка носила характер обмена материалами, почерпнутыми из разных губерний: не присылал ли Борис Андреевич своему адресату частушки, записанные в Коломне? Или выбирал для писем что-то из текстов, присланных Марией Михайловной? На этот вопрос однозначный ответ может быть дан только после анализа текстов, собранных поэтессой для Академии наук.

В.И. Даль (1801–1872). Большой объем материалов Б.А. Пильняк заимствует из трудов Владимира Ивановича Даля – русского писателя-этнографа и языковеда. Описание протекания мужицкой жизни в повести «Былье», которая позднее войдет в роман «Машины и волки», сделано с помощью малых фольклорных форм, почерпнутых из сборника В.И. Даля

[3]. Большинство из них он берет без изменений, но некоторые подвергаются трансформациям: Ср. Даль *Горох в поле, да девка в доме – завидное дело: кто ни пройдет – тот щипнет* [3: 168], Пильняк: *Парни глушили девок,- «мимо гороха да мимо девки так не пройдешь»* [8: 16]; Даль: *Апрель сипит да дует, бабам тепло сулит, а мужик глядит – что-то будет?* [3: 978], Пильняк: *Апрель дует, бабам тепло сулит, а мужик глядит, что будет* [8: 15]; Даль: *Июль, Август, Сентябрь – каторга, да после будет мятовка* [3: 988]; Пильняк: *Июль, август, сентябрь – ваторга (!), да после будет – мятовка* [8: 16] и т. д.

Вероятное происхождение словаря описано тут же в романе: *На столе у меня <…> Даль, который я купил на базаре у бабы за гроши, ибо бумага в нем не годна для цигарок* [8: 216].

Как отмечает Е.А. Подшивалова, используя словарь Даля, писатель стремится создать многозначный образ России. Согласимся с мнением исследовательницы: обширные материалы для словаря В.И. Даль собирал по всей стране, они органично вплетаются в повествование книги «о России, о Расее, Руси».

Заключение

1. Большую роль в формировании творческого метода Б.А. Пильняка сыграла культурная среда, авторская восприимчивость писателя, который чутко улавливает народную речь и творчество. Перенесенные им в текст произведений мотивы и образы из народных песен Саратовской губернии подтверждаются записями саратовского фольклориста М.Е. Соколова.

2. Большое влияние оказал на Б.А. Пильняка круг общения и чтения: общение с диалектологом А.С. Мадуевым позволило студенту Б. Вогау перейти на новый уровень работы с фольклором: от восприятия – к анализу; переписка с М.М. Шкапской обогатила писателя фольклорными материалами, собранными для Академии Наук; знакомство с трудом

известного этнографа (В.И. Даль) сыграло немаловажную роль в становлении уникального авторского стиля и создания образа России.

3. Таким образом, фольклорное начало в творчестве Б.А. Пильняка – это результат сложного взаимодействия личного опыта, общения с собирателями фольклора и изучения этнографического материала. Безусловно, перечисленными выше источниками влияние на творчество Б.А. Пильняка не может быть ограничено. Это обширная тема, которая требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауэр А.П. О поэтике Б. Пильняка // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы: межвуз. Сб. науч. Трудов. Коломна: КПИ, 1991. С. 4–15.
2. Пильняк Б.А. Письма: в 2 т. Том I. 1906–1922. Составление, подготовка текста, предисловие и примечания К.Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 568 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. При Моск. Ун-те, 1862. [4], XL, 1096, 6 с.: 25 (Библиотека русских и иностранных писателей).
4. Мадуев А.С. Приемы фонетического записывания произведений народной словесности. Саратов, 1903.
5. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила / Сочинение С.В. Максимова. Санкт-Петербург: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. [2], IV, 526, III с.
6. Научные учреждения и научные сотрудники г. Саратова. Саратовское Губернское бюро секции научных работников, 1927.
7. Пильняк Б.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Голый год: Роман; Повести; Рассказы / Состав., вступ. Ст., коммент. К. Андроникашвили-Пильняк. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. 448 с.
8. Пильняк Б.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2: Машины и волки: Роман; Повести; Рассказы / Состав., коммент. К. Анроникашвили-Пильняк. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. 528 с.
9. Подшивалова Е.А. Словарь В. Даля в романе Бориса Пильняка «Машины и волки» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slovar-v-dalya-v-romane-borisa-pilnyaka-mashiny-i-volki (дата обращения: 11.05.2025).
10. Рязань-яблоко // Московский альманах. Берлин: Книгоиздательство «Огоньки», 1922. С. 55–123.
11. Соколов М.Е. Былины, исторические, военные, разбойничьи песни Саратовской губернии. Петровск, 1896.
12. Соколов М.Е. Песни А.С. Пушкина и крестьян Саратовской губернии о Стеньке Разине / Сост. М.Е. Соколов. Саратов: типо-лит. Ф.Е. Немирова, 1902. [4], VIII, 17 с.
13. Шайтанов И.О. Метафоры Бориса Пильняка, или История я лунном свете // Пильняк Б. Повести и рассказы. М., 1991.
14. Шкапская М. Час вечерний. Стихи. СПб, Лимбус Пресс, 2000. 192 с.

ТЕМНИКОВА Наталья Юрьевна *(Самара, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Самарский национальный исследовательский университет
имени акад. С.П. Королева
temnatasha@mail.ru

ДУСМУХАМБЕТОВА Сания Нуржановна *(Самара, Россия),*

студент
Самарский национальный исследовательский университет
имени акад. С.П. Королева

СЛОВЕСНЫЕ СПОСОБЫ УБЕЖДЕНИЯ В ЖАНРЕ ТРУКРАЙМ (на материале видеоподкаста Саши Сулим)

Аннотация. Статья посвящена анализу риторических приемов, используемых в документальном жанре «реальное преступление» (true crime), на основе видеороликов криминальной журналистки Саши Сулим. Данные ролики рассматриваются авторами как нарративные структуры с такими ключевыми составляющими, как маркер авторской идентичности (блогер выступает как исследователь, эксперт, воспитатель, а иногда и утешитель, но не как обличитель); четкое проговаривание того, что есть добро, а что – зло, а также экспликация взаимоотношений между добром и злом в общечеловеческом масштабе и в их локальных проявлениях (в конкретных разбираемых преступлениях). Выясняется, что анализируемый контент удовлетворяет прежде всего потребность аудитории в остроте ощущений, в освобождении от собственных доставляющих психологический дискомфорт эмоций, а также в подтверждении представлений о себе как об интеллектуально взыскательной и нравственно безукоризненной личности.

Ключевые слова: жанр «реальное преступление» (true crime), речевая прагматика, риторический прием, речевая этика, способы аргументации, эмоциональное воздействие, логос, этос, пафос.

Abstract. The article is devoted to the analysis of rhetorical techniques used in the documentary genre “true crime”, based on the videos of criminal journalist Sasha Sulim. These videos are viewed by the authors as narrative structures with the following key components: a marker of the author’s identity (the blogger acts as a researcher, an expert, a teacher, and sometimes a comforter, but not as a denouncer); a clear articulation of what is good and what is evil, as well as an explication of the relationship between good and evil on a universal scale and In their local manifestations (in specific crimes being analyzed). It is found that the analyzed content satisfies. First of all, the audience's need is for a sense of excitement, for release from their own emotions that cause psychological discomfort, and for validation of their perception of themselves as intellectually demanding and morally impeccable individuals.

Keywords: true crime, speech pragmatics, rhetorical device, speech ethics, methods of argumentation, emotional impact, logos, ethos, pathos.

Жанр true crime («реальное преступление) имеет глубокие корни и интересную историю: от криминальной хроники и судебных очерков XIX века он через литературу, кино и телевидение эволюционировал до

прямых трансляций судебных процессов в цифровых медиа. В плане содержания для него характерны документальность в сочетании с детективностью (напряжённой интригой) [3: 89], формой его реализации является нарратив о реальном преступлении, а лингвостилистические особенности жанра определяются взаимодействием криминалистического дискурса с художественным и научно-психологическим. Важно подчеркнуть социальное значение жанра: он привлекает внимание общества к вопросам насилия, правосудия, социальной справедливости, а также показывает сложные взаимосвязи между преступником, жертвой и самим обществом.

В настоящей статье предпринята попытка лингвистического рассмотрения современных текстов в жанре true crime. Непосредственным объектом исследования являются языковые приемы, используемые авторами true crime с целью убеждения адресата в истинности собственного нарратива и привлечения к нему интереса аудитории. Материалом для анализа послужил видеоподкаст криминальной журналистки Саши Сулим с одноименным названием «True crime».

Типичного зрителя (слушателя) этого подкаста мы определили бы как любознательного представителя цифрового поколения, привыкшего к аналитическому контенту, с выраженной потребностью в понимании девиантного поведения. Очевидно, что аудитория Сулим отличается определенной интеллектуальной взыскательностью и этической ангажированностью от потребителей контента о преступлениях (криминальной хроники), например, в пабликах в ВК или изданиях, подобных газете «Московский комсомолец», с их установкой на сенсационность и эпатирующее освещение табуированной тематики.

Каким образом автор вовлекает зрителей в свой нарратив? Наше исследование показало, что с этой целью Саша Сулим мастерски сочетает риторические приемы логоса, этоса и пафоса. Так, для

логического убеждения она использует языковые сигналы верификации через документальную конкретику и мультидисциплинарную экспертизу, в частности:

– «маркеры экспертности» слова и выражения с семантикой принадлежности к авторитетному социальному институту: *эксперты, судебные медики, криминалисты, прокуратура* и т п. (***прокуратура** объединила преступления в единое производство, **судебные медики** установили группу крови*);

– предоставление микрофона членам экспертного сообщества, которые активно употребляют специальную терминологию: следователи акцентируют процессуальные детали (*допрашивал; нестыковки в деле*)), психологи делают упор на диагностических моментах (*истероидность; шизотипический тип личности*), а медики выносят экспертные заключения относительно группы крови, медицинских причин смерти и т. п.;

– указания дат и географических подробностей преступления (хронотопа, по терминологии М.М. Бахтина): *В июне 1996 года в реке Абе нашли фрагменты человеческих тел.*

Кроме того, ощущение рациональности нарратива создается за счет обилия книжной лексики и научной терминологии *(паттерн; валидный; парафилия; маскулинность; расстройство шизоспектра; стрессовый фактор)* и специфического интеллектуального сленга *(майндсет*, *альфа-самец; мачизм* и т. д.), а также структурирования аргументов по моделям типа: *«три причины», «два ключевых фактора», «три тактики допроса»,* что соответствует принципам академического письма и дает ощущение того, что выдвигаемый тезис прочно подкрепляется конкретными фактами.

Таким образом, приемы реализации логоса в исследуемом материале призваны укрепить уверенность адресата в том, что он

потребляет интеллектуальный контент, рассчитанный на образованную аудиторию и удовлетворяющий ее тягу к объективности.

Магистральная линия этоса (установления доверия между автором и аудиторией) в нашем материале связана с рассмотрением преступления как одного из уродливых проявлений человеческой природы. При этом Саша Сулим подчеркивает, что она не упрощает реальность ради сиюминутного эффекта, делая упор в своих рассказах на их исключительно строгой документальности через медицинские детали (*колото-резаные раны*) и хронотоп (*1981 год, Ростов-на-Дону, Ростовская область*). Ей свойственна деликатная манера изложения, исключающая виктимблейминг: так, в интервью с жертвами домашнего насилия она говорит, обращаясь к собеседницам: – *Никто тебя не осудит за это; – Ты понимаешь, что здесь нет твоей вины?*

Пафос**,** или эмоциональное вовлечение аудитории, достигается в подкасте Саши Сулим самыми разнообразными способами. Прежде всего, это апелляция к чувству страха с помощью слов и выражений с семантикой «убийство», «смерть», «пытка», «маниакальность»: *маньяк; шизофрения; орудовал; страшная забава; квартира, которая скоро станет пыточной; пытка током* и т. д. Автор прибегает также к такому приему, как возмущение этического чувства аудитории посредством приведения шокирующих деталей (*Не все родители замечали пропажу собственных детей; собака, питающаяся человечиной*), критических замечаний в адрес правоохранительных органов (*Руководитель следственно-оперативной группы… должен был обратить внимание на* ***грубые нестыковки****…),* апелляции к эмпатии через использования трогательных деталей, акцентирования невинности жертвы перед лицом насилия (*девочка, не знавшая мужчин; жертве было всего семь лет)*.

Необычайно выразительны примеры воплощения трагического пафоса с помощью приема контраста между обыденностью и ужасом,

когда мирные, повседневные ситуации (*мальчики играют в футбол*) соседствуют с описанием преступлений.

Пафос обнаруживается также в активном использовании тропов и фигур. Существенную роль в речевой ткани произведений Сулим играют, например, антитеза, с помощью которой подчеркивается противопоставление добра и зла (*Он жаждал признания, но получил только осуждение; он хотел быть офицером, а стал убийцей; он искал любви, но находил только насилие; он писал стихи о красоте, но творил ужас*); сравнения, призванные создавать в воображении читателя образы жестоких, аморальных персонажей (ср.: *Он был как современный* ***Робеспьер*** *– стремился к власти, не замечая, сколько жизней ломает на пути*), риторические вопросы (*Разве можно простить тех, кто находит удовольствие в чужой боли?).*

Наконец, на воплощение пафоса работает прием драматизации, когда рассказ превращается в сценическое действо с завязкой, развитием действия, кульминацией и развязкой. В нарративе всегда нарастает напряжение, как, например, в ролике об Александре Спесивцеве, где история начинается с его рождения при темных обстоятельствах и постепенно движется к все более ужасающим подробностям его преступлений. Напряжению всегда способствует также «возгонка риторики»: на смену стилистически нейтральным языковым средствам приходят экспрессивно «заряженные» типа *«За три дня до того, как случилось* ***самое страшное****», накануне* ***трагедии*** и т. п. Очевидно, что подобная композиционно-речевая структура способствует катарсису – процессу, когда зритель, сопереживая героям, освобождается от собственного эмоционального напряжения и испытывает облегчение.

Итак, мы постарались показать, как в жанре трукрайм с помощью риторических приемов убеждения создается чрезвычайно интересная художественно-документальная форма – увлекательный, напряженный

нарратив, показывающий, что преступление и бесчеловечность имеют множество проявлений, и порождающий катарсический эффект [2: 310].

Разумно сочетая рациональное с трагическим и сентиментальным и отдавая дань общечеловеческой морали, журналистка создает эффект абсолютно объективного взгляда на проблемы насилия, беззакония и возмездия. Однако наивно было бы думать, что именно это является главной задачей подобного – в конечном счете развлекательного – контента. Очевидно, что основная цель подкаста – очищение от страха, тревоги и других аффектов, удовлетворение потребности аудитории в остром зрелище. Риторика служит важнейшим средством реализации этой цели, обеспечивая эмоциональное вовлечение зрителя, вызывая у него чувство собственной моральной состоятельности и способности к рациональному мышлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альпатова Л.С. True Crime: почему нам так нравится слушать истории про маньяков. URL: https://esquire.kz/true-srimepochemu-nam-tak-nravitsja-slushat-istorii-pro-manjakov/ (дата обращения: 20.03.2025).
2. Дударенок Ю.А. True-crime stories как документально-криминальный жанр в литературном направлении нон-фикшн // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы IX Междунар. Науч.-практ. Конф., Минск, 27–28 окт. 2022 г. Минск: БГУ, 2022. С. 307–311.
3. Лабузная В.Ю. «Спектакль эшафота» в «обществе спектакля»: генезис жанра true crime в литературе и экранных искусствах // Артикульт. 2019. № 1. С. 88–94.

УСМАНОВА Лилия Абраровна *(Казань, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
usmanova77@rambler.ru

НАРРАТИВ СНОВИДЕНИЙ КАК ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ СЕТЬ

Аннотация. В статье сновидческий нарратив рассматривается как сложный когнитивный феномен, организованный в виде сетей фреймов. Фреймы как когнитивные конструкции помогают интерпретировать и структурировать информацию, что особенно актуально для понимания сновидений. В этом контексте анализ сновидений через призму фреймовой теории позволяет глубже понять, как мы воспринимаем и обрабатываем бессознательные переживания. Отмечается, что

фрейм памяти играет важную роль в структурировании повествования, выявляя тем самым синтагматику элементов сновидения и опыт сновидца.
Ключевые слова: сновидения, нарратив, пропозициональные сети, фрейм, маркеры неопределенности.

Abstract. The article considers the dream narrative as a complex cognitive phenomenon organised in the form of networks of frames. Frames as cognitive constructs help to interpret and structure information, which is especially relevant to the understanding of dreams. In this context, analysing dreams through the prism of frame theory allows for a deeper understanding of how we perceive and process unconscious experiences. It is noted that the memory frame plays an important role in structuring the narrative, thus revealing the syntagmatics of dream elements and the dreamer's experience.
Keywords: dreams, narrative, propositional networks, frame, uncertainty markers.

Язык сновидений представляет собой уникальный когнитивный феномен, в котором находят отражение сложные процессы обработки информации, эмоциональной регуляции и символической интерпретации. В этом контексте сновидения могут рассматриваться как средство взаимодействия между сознательным и бессознательным, а также как способ интеграции опыта и эмоциональных переживаний.

Современные исследования сновидений показывают, что лингвистическая структура сновидческих нарративов функционирует через динамические пропозициональные сети, где лексический выбор, грамматические паттерны и связность повествования отражают подсознательные когнитивные процессы.

Анализ сновидений через призму пропозициональных сетей – взаимосвязанных узлов, представляющих темы, эмоции и действия – позволяет выявить закономерности смыслообразования сновидений. Рассмотрение сновидений как сети фреймов предполагает существование большого числа разных иерархических сетей, где каждый элемент (персонаж, событие, место) представляет собой отдельный фрейм или часть более широкой когнитивной структуры [1: 127–128].

В фокусе нашего внимания находятся лингвистические особенности сновидческого нарратива в пространстве интернет-форумов, посвященных обсуждению снов (Тонкий мир; Мир снов, somn.ru, dreamspro.ru и др.). На данных площадках пользователи размещают свои

сны для получения отзывов, эксперты или модераторы дают рекомендации по толкованию снов или пониманию психологических концепций, связанных со сновидениями.

Нарративы сновидений представляют собой уникальный лингвистический ландшафт, в котором оппозиция между воспоминанием и забыванием увиденного во сне играет решающую роль в формировании содержания и структуры сновидений. Нарративы сновидений часто демонстрируют специфические лингвистические паттерны, отражающие напряжение между воспоминанием и забыванием, что можно выразить в оппозиции «помню /не помню». Связь сновидения с памятью можно изобразить через предполагаемые «оси забвения», где запомнившиеся образы сновидений представлены по горизонтали в виде глаголов памяти: *помнить, запомнить, помнится,* ментальных глаголов: *знать, думать, понимать,* перцептивных глаголов: *видеть, слышать, чувствовать*, *ощущать,* подкрепленных наречиями и наречными выражениями *четко, точно, отчетливо, хорошо, в деталях* и т. п. Данные единицы составляют ядро фрейма памяти.

Также структурированию воспоминаний о сновидении содействуют временные и пространственные маркеры, способствующие плотности и связности нарратива. Временные маркеры, такие как «*сегодня», «вчера», «сначала», «потом», «сразу после этого», «с того момента, когда»* и др., служат для локализации событий сна в определённом временном контексте. Это позволяет связать сновидение с конкретными воспоминаниями или переживаниями из прошлого или настоящего. Пространственные маркеры, такие как «улица», «дом», «комната», «берег реки» и др., помогают создать конкретную обстановку для событий сна. Эти маркеры могут символизировать также эмоциональные состояния или внутренние переживания.

Наблюдения показывают, что эмоционально заряженное содержание сновидения запоминается с большей вероятностью, чем

нейтральные детали. В нарративе это выражается в детализации и сгущении повествования за счет перечисления подробностей и нюансов увиденного. Семантика состояния субъекта часто передается посредством аксиологически маркированных единиц, выражающих отношение к описываемому. Слова, обладающие семантикой состояния, могут выражаться традиционно в виде односоставных безличных предложений (*мне хорошо, страшно, противно* и т. д.), двусоставных предложениях с подлежащим, в роли которого выступает субъект речи (*в бреду, в волнении, в беспокойстве, на эмоциях* и пр.), а также комплексного представления через декларирование позиции по отношению к описываемому. Например: *Первый сон был про то, что у меня есть собака, немецкая овчарка,* ***помню****, что даже звала ее во сне Мухтаром, собака была красивая, здоровая, добрая, во сне вроде как одна тетка обидела моего ребенка и я позвала собаку, чтобы пес ее напугал, причем во сне я* ***четко помню****, что* ***знала****, что собака у меня добрая и что она этой тетке ничего плохого не сделает <…>, и я* ***помню четко*** *как я его обняла очень нежно и долго так с ним в обнимку сидела и* ***так мне хорошо было****)))* [4] (здесь и далее орфография и пунктуация автора поста сохранены).

Вертикаль фрейма забывания отображает попытки сновидца восстановить фрагментарные воспоминания, поскольку их изменчивость в контексте сновидений создает определенное напряжение между зонами «помню/ не помню». Определено, что забывание нарративно кодируется с помощью обширного арсенала средств, каждое из которых имеет свою функциональную нагрузку.

Наиболее очевидным индикатором забывания являются ретроспективные глаголы, выражающие события ментальной природы (*забыл, не запомнил* и т. п.) и состояния (*не помню, (не могу) вспомнить* и т. п.), что в целом обнаруживает когнитивную природу данного процесса как некой утраты позиции наблюдателя и перехода в другое (сумеречное)

состояние. Такая аналогия между забвением и утратой, как представляется, должна происходить вследствие разрыва связей между узлами сети в процессе аффективной и когнитивной обработки. Таким образом, доступ к информации в образе некоего хранилища, или контейнера, необратимо исчезает, поскольку «*не помнить* означает в конечном счете невозможность снова увидеть (внутренним зрением)» [Зализняк 2012: 486]. Например: *…меня окружают темные люди… шипят, но я их понимаю… хотя* ***не помню,*** *что говорят…* [4]; *«… я* ***не помню всего сна целиком****,* ***но помню****, что вдруг дома у себя обнаружила бегающего хомяка…»* [4].

Другое проявление фрейма забвения может вербализоваться в контексте воспоминаний о сновидении через семантику неопределенности и изменчивости. В первую очередь это неопределенные местоимения и наречия типа *какой-нибудь, кто-нибудь, какой-то, кто-то, кое-какой, один, однажды, некоторые, кое-где, некогда* и др., прилагательные со значением неопределенности: *неопределенный, неясный, смутный, непонятный, странный* и т. п.; показатели эпистемической модальности *должен, должно быть; вроде (бы); не то…, то ли… то ли, или; чуть ли не; как будто, как бы; что ли; что-то*; разные типы неопределенно-личных, безличных предложений и т. д.

Следует отметить, что семиотическая неопределенность как доминанта сновидческого нарратива в целом показательна для русского языка и образует разветвленную систему разноуровневых вербализаторов, «позволяющую просто выражать тонкие смысловые отличия, в других языках невыразимые» [3: 2].

Модус неопределенности как ключевой механизм при реконструкции фрагментированного опыта связан с попытками передать ирреальный характер ситуации, показать, что рассказчик ставит себя вне парадигмы «истина/ ложь» и говорит о возможном мире сна, который наполнен семантикой многозначности, неуловимости, спонтанности, девиации,

амбивалентности и т. п. Например: *Потом неожиданно в пасть кошке сует **какую-то** палочку, кладет ее на столик рядом, и Улька начинает умирать. Я в панике наклоняюсь, а там **какая-то** зелень у морды… и пахнет хмелем, пижмой и еще какими-то травами. Я начинаю **что-то** кричать, теребить ее, но она уже обмякла на руках, а женщина смотрит отстранено и кажется сочувствующе, и говорит, что это плата. Я **что-то** говорила, плакала, **уже не помню, что точно сказала**, но в итоге женщина **что-то** сделала и Улька очнулась, все закончилось* [4].

Итак, оппозиция «помню / не помню» является основополагающим звеном для конструирования нарративов сновидений как социально значимых текстов. Моделирование сновидческого нарратива как сети узлов и связей между ними позволяет глубже понять структуру и смысл сновидений. Это моделирование основано на структурно-семантических характеристиках, символических узлах и связях, нарративной интеграции, когнитивных и эмоциональных связях. Такой подход может быть полезен для интерпретации сновидений и понимания их роли в когнитивных и эмоциональных процессах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
2. Зализняк А.А. Концептуализация памяти и забвения в русском языке // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 485–505.
3. Падучева Е.В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира. 1996. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf (дата обращения: 20.02.2025).
4. Тонкий мир. Эзотерический форум // URL: https://tonkimir.ru (дата обращения: 20.02.2025).

УШАКОВА Алина Павловна *(Ярославль, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова
ushakowalina@yandex.ru

СЕМАНТИКА НЕОДОБРЕНИЯ В СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ «ЧТО ЗА + N_1»

Аннотация. В статье продемонстрирована возможность синтаксических фразеологизмов, построенных по схеме «Что за + N_1», выражать значение неодобрения с разной степенью интенсивности в современном русском языке. Приводятся примеры для демонстрации значения упрёка, критики, осуждения, порицания, пренебрежения, презрения, уничижения и оскорбления. Проанализирована специфика наполнения переменного компонента, играющего значительную роль в определении степени интенсивности проявления неодобрения. Приводится характеристика контекста, позволяющего правильно интерпретировать значение синтаксического фразеологизма.

Ключевые слова: синтаксический фразеологизм, неодобрение, контекст, переменный компонент, осуждение, порицание.

Abstract. The article demonstrates the ability of syntactic phraseological units constructed according to the scheme “What for + N1” to express the meaning of disapproval with varying degrees of intensity in the modern Russian language. Examples are given to demonstrate the meaning of reproach, criticism, condemnation, censure, disdain, contempt, humiliation and insult. The specificity of the content of the variable component, which plays a significant role in determining the degree of intensity of disapproval, is analyzed. The characteristics of the context are given, allowing to correctly interpret the meaning of the syntactic phraseological unit.

Keywords: syntactic phraseological unit, disapproval, context, variable component, condemnation, censure.

Неодобрение представляет собой одно из «самых продуктивных модальных значений, «смешанных», переплетённых с оценкой» [3: 118]. М.В. Петрушина отмечает, что неодобрение – «самое рациональное из всего отрицательного диапазона эмоционально-оценочных отношений, формирующее модальную семантику. Оно является ядерным значением, осложнённым различными оттенками на периферии высказываний с неодобрительной модальной семантикой, и характеризуется наименьшим «накалом страстей» [5]. В толковых словарях современного русского языка неодобрение трактуется как «неудовлетворённость чьими-либо действиями, поступками и т. п., порицание, осуждение»

[6: 459]. При этом для одобрения приводится следующее толкование: «признание кого-чего-либо хорошим, правильным, а также положительный отзыв, похвала в отношении того, кто или что признаётся хорошим, правильным» [2: 674]. Так как понятия одобрение и неодобрение состоят в антонимических отношениях, следует понимать неодобрение как признание кого-либо или чего-либо плохим, неправильным, отрицательная оценка того, кто или что является плохим и неправильным. Уже в толковании слова *порицание* и *осуждение* как близкие неодобрению по значению, но не идентичные ему.

Современный русский язык обладает богатой системой выражения неодобрения с разной степенью интенсивности. Демонстрируют возможность языковых средств реализовывать значение неодобрения синтаксические фразеологизмы, построенные по схеме «Что за + N_1». Данные построения транслируют замысел говорящего: выражение положительной (*Что за прелесть эта Наташа!* (М. Степнова Сад)) или отрицательной (*Что за склочный у нас народ!* (Е. Гришковец. Справедливость)) оценки предмета речи. Негативная оценка в рассматриваемых построениях характеризуется разной степенью интенсивности. Ср.: *Дышать было нечем абсолютно – будто нырнул с головой под ватное одеяло. И вонь, господи!* ***Что за вонь!*** (М. Степнова. Сад); ***Что за расспросы,*** *Туся? Это неучтиво, – не выдержала Борятинская.* (М. Степнова. Сад); *И* ***что это за спина****? Не спина, а корыто!* (М. Степнова. Женщины Лазаря).

Наиболее мягкая степень неудовлетворённости ситуацией реализуется в контекстах типа: ***Ну что за глупости!*** *– вдруг бодро отозвался Линдт и ловко, с удовольствием, впрыгнул в костюмные брюки. – Вот еще – дома* (М. Степнова. Женщины Лазаря); ***Что за расспросы,*** *Туся? Это неучтиво, – не выдержала Борятинская.* (М. Степнова. Сад); *Но проводить ее до конюшни считал своей обязанностью. Да не обязанностью,* ***что за ерунда****. Радостью*

(М. Степнова. Сад); *Когда мама заглянула в ванную, мы с Манькой, крепко обнявшись, безутешно рыдали. Каринка, грозно шипя и обзываясь дурами, поочередно утирала полотенцем наши зареванные лица. / – **Что за съезд плакальщиц**? – тоном Ба спросила мама* (Н. Абгарян. Манюня, юбилей Ба и прочие треволнения); *Ну **что за несправедливость такая**! – запричитали мы. – То в шкафу уберись, то полы помой…* (Н. Абгарян. Манюня). В данных контекстах выражается несогласие со сложившейся ситуацией, указывается на неправильное действие или суждение, выражается досада по поводу временного недостатка, допущенной ошибки. В контексте, окружающем синтаксический фразеологизм, демонстрируется состояние говорящего: *запричитали* – ‘громко плакать, жалуясь на что-либо, оплакивая кого-либо’ [4: 488]; *не выдержала* – не сумела ‘сдержать проявление каких-либо эмоций, чувств, желаний и т. п.’ [2: 162]; *тоном Ба* – здесь имеется в виду манера произношения, которая выражает строгость, категоричность, бескомпромиссность.

Умеренное неодобрение прослеживается в примерах, содержащих оценку имеющихся недостатков, основанную на объективных критериях. В контексте *Хрипунов морщился – и от акцента, и от шарахающихся во все стороны членистоногих моделек, и от бьющего по глазам золота – и только на улице, остановившись, переведя дух, раздраженно спрашивал: «Ну **что за спектакль** опять, Арсен. У меня инсульт когда-нибудь будет от твоей позолоты. И перестань, ради всего святого, паясничать* (М. Степнова. Хирург) синтаксический фразеологизм *что за спектакль* содержит аналитическую оценку явлений (акцент, модели, золото), указывает на их неуместность, подразумевает необходимость их исправления. Состояние говорящего подтверждается словами, свидетельствующими о неодобрении: *морщился* (‘сморщить лицо, сделать гримасу (от неудовольствия)’ [4: 302]), *раздражённо* (‘находясь в состоянии раздражения’). В иных случаях приводится негативная оценка

с рациональной аргументацией, подчёркивается непонимание, несоответствие ожиданиям, присутствует желание или требование объяснений. Ср.: 1) *Уголь. Березовый уголь. Брала серебряными щипчиками из специальной шкатулки, глотала, давясь, – скрип на зубах, антрацитовая крошка, круговорот углерода в природе, черные страдающие глаза, худоба. <…> А почему же уголь-то,* ***что за странные пристрастия****? Восемь детей. Старый любвеобильный муж. Токсикоз. Бесконечный токсикоз. Уголь – всего лишь тихий вариант ненормы, другие на сносях уписывают сырую штукатурку, ломкие карандашные грифели, даже глину* (М. Степнова. Безбожный переулок); 2) *Например, Пустошь. Пустыня. Песок до самого горизонта. Ни воды, ни растений, ни живности.* ***Что за мир такой?*** *Для кого он создан?* (В. Топоногова. Белая дверь); 3) *Саша. Ответственность вычеркнули. Что-то быстро. Я думал про ответственность… ну ладно, вычеркнули ответственность и вычеркнули. Какой мы с тобой темп взяли… Давай теперь… дети. Тема – дети. / Дима. Дети?* ***Что за странный выбор****?* (Е. Гришковец. Сатисфакция); 4) *Мале два года, она передвигает по солнечному полу деревянные кубики – самый любимый, страстно обкусанный по краям – с буквой «я». Видишь, Малечка, это – «я». Я. Я. Я.* ***Что за странное слово****? Неужели вот тот – это я?* (М. Степнова. Безбожный переулок). В контекстах 1, 3 и 4 использовано прилагательное *странный* – ‘такой, который обращает на себя внимание, вызывает удивлённое недоумение своей необычностью, непонятностью’ [2: 1186–1187], подтверждающее несоответствие происходящего привычному представлению.

Средняя и средне-сильная степень неодобрения присутствует в контекстах, в которых синтаксические фразеологизмы используются для выражения осуждения и порицания. В таких построениях действия или явления признаются аморальными, нарушающими социальные и этические нормы, базовые принципы. Ср.: *Серёжу тоже можно понять:*

***что за жена**, если голос ни разу не повысит? Наплевать ей, стало быть, на всё. Треска варёная, не жена* (Т. Алфёрова. Как можно оставить Манечку?); ***Да что за наказание такое**! **Что за дети такие**! Чтоб я еще раз согласилась на практику в пионерлагере!* (Н. Абгарян. Манюня пишет фантастичЫскЫй роман)*; «Люда, **что за безобразие**? – спросила старуха. – Кто это сделал? Почерк еще такой неразборчивый. Кракра…»* (С. Шаргунов. Жук); *Перестань всё перекладывать на себя. **Что за мания величия**? Я ничего не пытаюсь изобразить* (Е. Гришковец. Сатисфакция). В составе переменного компонента содержатся слова, указывающие на несоответствие происходящего норме, на системную проблему: *мания величия* – ‘болезненное состояние, когда индивид ощущает себя великим человеком, в том числе без объективных оснований’ [7]; *безобразие* – ‘то, что характеризуется или представляется крайне возмутительным, недопустимым’ [2: 43]. В описании речи говорящего, его характера, особенностях поведения обнаруживается проявление возмущения. Ср.: *Хозяйка дома, у которой они снимали угловую комнату, женщина склочная и патологически скупая, с завидным постоянством устраивала им разносы, обвиняя в расточительности. «**Это что за мещанство?**» – скандалила она, выдергивая из-под вазочки с фруктами белоснежную батистовую салфетку, которую Сильвия купила у обнищавшей старенькой аристократки* (Н. Абгарян. Симон); ***Ну что за женщина!** Утешить по-человечески не дает!* (Н. Абгарян. Понаехавшая); ***Что за времена бессовестные настали?** Пусть она только подойдет ко мне, уж я ее оттаскаю за длинные косы, вот увидишь!* (Н. Абгарян. Манюня пишет фантастичЫскЫй роман); *Ну **что за наказание такое**, – ругалась мама, – неужели нельзя хотя бы в воскресенье дать мне выспаться?* (Н. Абгарян. Манюня пишет фантастичЫскЫй роман); *Надя! – всколыхнулась Ба. – **Что за беспардонное отношение**? Я весь Новороссийск обошла…* (Н. Абгарян. Манюня пишет фантастичЫскЫй роман). В

приведённых примерах публичное неодобрение действий, нарушение базовых принципов реализуется и с помощью глагола *скандалить* (‘вести себя неуравновешенно, необузданно, принимая участие в чем-либо предосудительном, недопустимом, получившем широкую огласку и позорящем его участников’ [1]), *ругаться* (‘грубо ссориться, высказывать друг другу упрёки, оскорбления, обычно называя друг друга бранными, оскорбительными словами’ [2: 1029]); *всколыхнуться* (‘прийти в движение, в волнение; начать проявлять деятельность’ [4: 97]). Способствует правильной интерпретации синтаксического фразеологизма и описание действий говорящего. Например, в контексте *Максим Георгиевич чутко прислушивался и, если мусор падал внизу со стеклянным звоном, сокрушенно качал головой: «**Что за люди**, ведь сто раз просили стеклянное на помойку выносить!»* (Н. Абгарян. Бегония*)* состояние говорящего передаётся через действие *качал головой* (‘наклоняя голову поочерёдно к каждому плечу, выражать таким образом осуждение, неодобрение, сомнение и т. п.’ [2: 418]) и характеристику данного действия *сокрушённо* (испытывая сильное огорчение, печально).

Сильное неодобрение реализуется в синтаксических фразеологизмах, служащих для выражения пренебрежения и презрения. В построениях и контексте игнорируется значимость объекта речи, демонстрируется безразличие, показывается высокое чувство превосходства говорящего. Ср.: ***Что за бредни ты несешь, женщина.*** (С. Пригорницкая. Мисс Марковна); ***Что за лицемерный народ эти бердцы**, в глаза одно говорят, а в спину другое думают! Лучше бы мимо шли и не замечали, прожила она пятнадцать лет без них, и дальше проживет!* (Н. Абгарян. Дальше жить); ***Ну что это за имя – Тамаз**, был бы уж Камаз, что ли?* (Н. Абгарян. Понаехавшая). В приведённых контекстах присутствует недостаток уважения и должного внимания к объекту речи, умаляется значимость объекта, подвергшегося оценке.

Крайне сильная степень неодобрения прослеживается в таких примерах: *Ты куда пришла? В кино или в хлев? И* ***что это за чучело*** *тебя сопровождает?* (Н. Абгарян. Манюня); ***Что за бестолковые дети!*** *– обернулась к тете Вале Ба. – Попросила перебрать немного гречки. Два часа перебирают, два часа! Я бы за пять минут справилась!* (Н. Абгарян. Манюня пишет фантастичЫскЫй роман); ***Что за дети такие****, не дети, а бердские ишаки, – стеная, бабушки Забел скрылась за дверным косяком* (Н. Абгарян. Манюня, юбилей Ба и прочие треволнения); ***Что за никудышный я человек****, а, Малишка? Не смог уберечь невестку старой Маро. Не смог уберечь свою дочь Антарам. И тебя от шакалов уберечь не смог.* ***Что за никудышный я человек такой****? – шептал Хорен, гладя корову по тощей шее* (Н. Абгарян. Дальше жить). Синтаксические фразеологизмы используются для умышленного принижения достоинства, оказания давления на личность. С помощью исследуемых построений акцентируется внимание на недостатках лица.

Максимальное проявление неодобрения присутствует в контекстах, где синтаксические фразеологизмы указывают на прямое агрессивное неприятие, оскорбление. В качестве переменного компонента использованы грубые именования. Ср.: *Не ну* ***что за балбески такие беспросветные****! – всплеснула руками Ба* (Н. Абгарян. Манюня пишет фантастичЫскЫй роман); ***Что за ребенок такой****, – кипятился папа, –* ***что за позорище такое!!!*** (Н. Абгарян. Манюня). Указывают на крайнюю степень проявления агрессии, нарушения границы уважения, причинение боли, во-первых, переменные компоненты (*балбески беспросветные*, *позорище*), во-вторых, слова и словосочетания контекста: *кипятился* (‘горячиться, приходить в возбуждение’ [4: 231], сердиться), *всплеснула руками* (‘вскинув руки, слегка ударить в ладоши (в знак удивления, недоумения’ [4: 98]).

Синтаксические фразеологизмы, реализующие структуру «Что за + N1», представляют собой экспрессивные конструкции, которые не просто запрашивают информацию, а выражают эмоциональную реакцию говорящего: удивление, возмущение или несогласие. Приведённые в статье примеры отражают нарастание негативной оценки: от констатации факта (упрёк) до речевой агрессии (оскорбление).

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русских глаголов. URL: https://gramota.ru/poisk?query=скандалить&mode=slovari&dicts[]=5 (дата обращения: 11.05.2025).
2. Большой универсальный словарь русского языка / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачёва, Н.М. Луцкая; под редакцией профессора В.В. Морковкина. Около 30 000 наиболее употребительных слов. М.: Словари XXI века «АСТ+ ПРЕСС ШКОЛА». 1452 с.
3. Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Издательство МГОУ, 2002. 312 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений; под ред. Проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Издательство АСТ: Издательств «Мир и Образование», 2021. 736 с.
5. Петрушина М.В. Модальное значение неодобрения и его речевая реализация. М., 2005. 257 с.
6. Словарь русского языка. В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Т. 2. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 736 с.
7. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/9544/Мания_величия (дата обращения: 11.05.2025).

ФЕДОСЕЕВА Лариса Николаевна *(Рязань, Россия)*

доктор филологических наук, доцент
Академия ФСИН России
ln-fedoseewa@yandex.ru

СЕМАНТИКА И СИНТАГМАТИКА ПРЕДЛОГА «НА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОТ ЛОКАТИВНОСТИ К СОСТОЯНИЮ

Аннотация. В статье представлено исследование функционирования предлога «на», чрезвычайно частотного в речи носителей русского языка. Локативная семантика рассмотрена в качестве ядерной, на основе которой благодаря синтагматике развиваются другие значения. В качестве новой тенденции отмечена активизация данного предлога для выражения состояния.

Ключевые слова: предлог *на*, семантика, синтагматика, локативность, состояние.

Abstract. The article presents a study of the functioning of the preposition “on”, which is extremely frequent in the speech of native speakers of the Russian language. Locative

semantics is considered as a nuclear one, on the basis of which other meanings develop thanks to syntagmatics. As a new trend, the activation of this preposition for expressing the condition is noted.
Key words: preposition *on*, semantics, syntagmatics, locativity, state.

Частотность первообразного предлог *на* в речи носителей русского языка чрезвычайно высока. Участвуя в оформлении пространственных отношений, выражаемых управляющим и управляемым словами, он получает семантическое наполнение, прежде всего связанное с локативностью.

Предлогом *на* в сочетании с существительными пространственной семантики в предложном падеже передается общее значение событийности, являющееся семантической доминантой локативности.

Локализация событий выражается существительными, в семантическую парадигму которых входит обозначение места, где что-нибудь происходит или может происходить: жилищ человека и животных, предприятий, учреждений и организаций, административных органов и административно-территориальных единиц, географических понятий, ландшафта и т. д. Например: *«Володька после института работал* ***на заводе*** *маленьким начальником»* (Токарева) [3].

Слова с узким предметным значением локативную семантику получают только при «поддержке» грамматической формы (чаще всего в составе словосочетаний «глагол + существительное в предложно-падежной форме»): *носить на спине, лежит в кармане* и др.

Как отмечает О.Н. Селиверстова, денотаты значительной части слов не являются постоянными членами класса «пространство». Они получают данную характеристику лишь в определенных синтаксических или лексико-синтаксических моделях [1]. Таковы лексемы, входящие в следующие тематические группы:

– названия предметов быта: *на столе, на диване* и др. Например: *Эти мышки рядком располагались у него* **на тумбочке** (Спивакова);

На табуретке *около его кровати лежали кучкою в раскрытом и закрытом виде книги из библиотеки спецтюрьмы* (Солженицын); *Я заварил чаю и теперь сидел* ***на кушетке****, бездумно качая ногой* (Волос) [3];

– наименования плоских и листовых предметов: *на странице, на листе* и др. Например: *И надписи* ***на конверте*** *никакой не было* (Евсеев) [3];

– названия одежды (и ее частей): *на платье, на шинели* и др. Например: *Неброские тона его одежд мозолили глаза в пестром хороводе красок, как грязное пятно* ***на платье*** *невесты* (Осипов); *Перед подъездом группа парней, красные повязки* ***на рукавах*** (Илличевский) [3];

– названия художественных жанров и произведений: *на картине, на полотне* и др. Например: *Можно тайком писать романы и симфонии. Можно тайно экспериментировать* ***на холсте****. А вот попытайтесь-ка утаить четырехметровую скульптуру* (Довлатов); *Такие сапоги можно видеть* ***на портретах*** *Петра I и его сподвижников* (Осипов) [3];

– названия объектов флоры и фауны: *на дереве, на лошади* и др. Например: *Тихие, ровные, сонные их голоса предстают перед мальчиком в обличье зобатых, жирных голубей на нагретом подоконнике, потом превращаются в двух нахохленных серых ворон* ***на суку*** (Дмитриев) [3];

– наименования органов и частей тела: *на голове, на спине, на руке* и др. Например: *И вдруг обнаруживаешь* ***на голове*** *толстую марлевую повязку* (Довлатов); *У меня* ***на ногах****, кажется, начинают расти волосы* (Слаповский) [3].

На место совершения действия или нахождение кого-либо или чего-либо на поверхности предмета, площади, являющейся местом

нахождения, обнаружения чего-нибудь, обозначенного именем, указывает сочетание предлога *на* с предложным падежом существительного *(плато на горе, живопись на фарфоре*; *царапины на носу*; *гардины на окнах*; *на нем шляпа и новое пальто*; *на ногах туфли*; *ваза на столе).* Например: *Она стояла* ***на сцене*** *в розовом платье, черноволосая, невозможно красивая – прямо-таки восточный цветок* (Архипова) [3]. То же при именном управлении: *Баку – красивый, вальяжный* ***город на берегу*** *моря* (Токарева) [3].

Предлог *на* употребляется с предложным падежом в сфере локативности и в других случаях:

– при названиях горных областей для обозначения места действия: *на Кавказе, на Урале, на Алтае, на Памире, на Балканах* (но ср. по отношению к горным областям Западной Европы: *в Карпатах, в Альпах, в Андах, в Пиренеях, в Тироле*);

– при названиях островных государств: *на Кубе, на Мальте, на Кипре*, в отличие от названий материковых стран: *в Швейцарии, в Испании, в Норвегии* и т. п.);

– при названиях островов и полуостровов: *на Сахалине, на Яве, на Тайване, на Камчатке, на Аляске, на Таймыре* (но: *в Крыму*)*;*

– при названиях частей света: *на западе, на востоке, на юге, на севере, на Ближнем Востоке, на Крайнем Севере,* в отличие от названий стран света, крупных географических районов: *в Европе, в Азии, в Америке, в Африке, в Арктике, в Прибалтике, в Антарктиде, в Скандинавии;*

– при названиях безлесных пространств в природе: *на поляне, на лугу, на берегу, на опушке (*но *в степи, в пустыне),* в отличие от лесистых: *в лесу, в парке, в саду, в тайге, в джунглях;*

– переносно – при обозначении предмета, который мыслится как фон проявления и сосредоточения какого-нибудь душевного состояния: *на душе какая-то тяжесть*; *тоска на сердце*;

– наряду с предлогом ***в*** при обозначении предмета, пространства, в пределах которого происходит, замыкается проявление какого-нибудь действия, свойства. Например: *Первый* ***на селе*** *работник*; ***На предприятиях*** *и* ***в учреждении*** *идет предвыборная кампания*. При этом, в отличие от предлога ***в***, обозначающего лишь область, сферу, в пределах которой что-нибудь происходит, предлог *на* обозначает одновременно и сферу, место действия, и сопричастность действию, участие пассивное или активное в какой-нибудь деятельности: *сидеть на лекции*; *быть на концерте* (но: *быть в театре*); *работать на заводе, на складе* (но: *работать в мастерской*); *учиться на курсах, на медицинском факультете* (но: *учиться в институте, в университете*);

– при словах, обозначающих сразу и время, и сферу проявления какого-нибудь действия или свойства: *на приеме у врача*; *на работе*;

– при обозначении средства передвижения: *ехать на трамвае, прилететь на самолете, доехать на такси, добраться на поезде;* при обозначении местонахождения внутри закрытых транспортных средств используется предлог ***в***: *В троллейбусе жарко; В такси было четыре человека; В метро прохладно; В поезде чисто*;

– со словами *вокзал, студия, таможня, конюшня,* если имеется в виду место действия без актуализации семы «здание»: *встретиться на вокзале, работать на конюшне, трудиться на киностудии, задержать на таможне,* тогда как *В вокзале прятались от дождя; Лошади стояли в большой конюшне; В студии было многолюдно; В таможне поставили платежные терминалы*;

– со словом *кухня* в разговорной речи: *болтали на кухне;* но: *ужинали в кухне*;

– при обозначении близости к какому-нибудь предмету, преимущественно к орудию действия, пребывания возле него: *двое на веслах*; *один на руле*.

Базируясь на пространственной семантике, предлог *на* используется при обозначении пребывания в каком-нибудь положении, в какой-нибудь деятельности: *состоять на службе*; *находиться на излечении*; *стоять на часах, на страже*; *быть на иждивении*; *на моей ответственности*; *Чтоб служила мне рыбка золотая и была бы у меня на посылках* (Пушкин) [3].

Находясь после именительного падежа какого-нибудь слова перед тем же словом в предложном падеже, предлог *на* образует в разговорном языке такие фразеологические сочетания, которые обозначают обилие кого-нибудь, чего-нибудь, заполненность всего пространства чем-нибудь (преимущественно чем-нибудь отрицательным): *овраг на овраге*; *дурак на дураке*; *ухаб на ухабе*; *дыра на дыре*; *заплата на заплате*.

В русском языке встречаются случаи немотивированной замены одних предлогов другими. В роли такого «заместителя» выступает и предлог *на*: *отдыхать на море, на озере, на реке, на пруду* (то есть *рядом с морем, озером, рекой, прудом*, в отличие от *в реке, в озере, в море, в пруду* – в водоеме, в его водах), *загорать на солнце* (то есть под солнцем). Можно лишь предположить, что в русском языковом сознании предлог *на* ассоциируется с поверхностью предмета, то есть непосредственной близостью к нему, а поскольку и солнца, то есть греющего солнечного света, и водных побережий в России немного, то интуитивно русский человек хочет приблизить к себе эти субстанции, заменяя предлог со значением, включающим сему дистантности (*рядом с, недалеко от, вблизи* и под.), на предлог с семой контактности. Больше всего на эту роль подходит в данном случае предлог *на*. Трудно точно определить, какие ассоциации стали основанием замены предлога *в* предлогом на в распространенном на районе (*Мутные темы они закрутили. Сейчас типа самые крутые на районе* [3]) и относительно новом на кранах (см. в рекламе ресторана: *Десять сортов пива на кранах*). Возможно, то же интуитивное желание приблизить предмет за счет семы контактности.

Еще одно наблюдение, касающееся особенностей использования в русском языке предлога *на.* При оперировании им в значении ‘нахождение чего-либо на поверхности предмета’ носитель русского языка не дифференцирует горизонтальные и вертикальные поверхности, например: *на стене, на столе, на вешалке, на полу.* Фразу *На окне стоят цветы* следует понимать как *На подоконнике стоят цветы.* Здесь также сказывается тенденция к неразличению носителями русского языка горизонтали / вертикали при условии, если локализуемый предмет соприкасается с поверхностью локализатора.

Кроме того, даже если поверхность находится выше локализуемого предмета, соприкасающегося с ней, будет использован предлог *на,* например: ***На потолке*** *в это время погасили лампочки* (А.Н. Толстой)*; Место телевизора – в зале на стене, а не в ванной* ***на потолке*** (Пищикова) [3]. Ср.: *Когда Институтов вздумал окружить для чего-то вновь прибывшего подобием карантина, его взгляд сам собой прицепился к одному из подневольных солдат, что уже был занят работой и одиноко возвышался на малярных козлах* ***под потолком*** (Павлов) [3]. В последнем случае предметы не соприкасаются с поверхностью, поэтому используется предлог *под.* Таким образом, можно утверждать, что предлог *на* используется в ряде случаев в русском языке вместо мыслимого предлога *под* с целью «разведения», то есть дифференциации ситуаций соприкосновения / несоприкосновения локализуемых предметов с поверхностями локализаторов.

Вокруг собственно локативной семантики предлога как центральной благодаря синтагматике группируются производные значения: локативно-орудийное (*сидеть на веслах*), локативно-временное (*танцевать на балу*), определительно-квалифицирующее (*встать на костыли*), локативно-целевое (*отправиться на лечение*). Это доказывает универсальность и значимость в языке пространственной семантики.

В пространственных категориях могут мыслиться и те стороны действительности, которые не имеют собственно локативных, физических параметров. Сюда можно отнести такие отвлеченные существительные, как *каникулы, выборы, смотрины, выходные, воля* (*отправился на каникулы, работал на выборах, сидел на смотринах, был на выходных, жил на воле*) и др., а также названия виртуальных пространств: *на сайте, на связи, на проводе* и др. В последнее время в русской речи активизировались такие формы, как *на моде, на спорте, на пике, на позитиве, на подъеме, на нервах.* И если в этом списке первые три словоформы еще ассоциируются с пространством, пусть и умозрительным, то остальные обозначают состояние. В таком переносе проявляется, очевидно, абстрагирующая способность нашего мышления.

В Русской грамматике-80 читаем: «Как и у всякой единицы языка, значение предлога заключено в нем самом. Однако для выявления (установления) того или иного значения первообразного предлога всегда требуется контекст, минимальное словесное окружение» [2: 712, т. I]. Древние предлоги, в том числе предлог *на*, в отличие от предлогов позднейшего образования в большинстве своем многозначны и совмещают самые разнородные, иногда даже противоречивые значения, которые полностью раскрываются лишь в составе тех словосочетаний, в которых они выступают в своей служебной функции. «Соединением предлога с падежной формой образуется новая, особая и целостная смысловая единица», – отмечает Русская грамматика-80 [Там же]. В сфере синтагматики наблюдается богатство значений и лексических оттенков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селивёрстова О.Н. Понятия «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1983. Т. 43. С. 142–150.
2. Русская грамматика: в 2-х т. / Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко и др. М.: Наука, 1980. Т. I. 783 с., т. II, 709 с.
3. Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru

ЧЕРЕДНИКОВ Алексей Игоревич *(Волгоград, Россия)*

аспирант
Волгоградский государственный университет
ale-cherednikov@yandex.ru

ВОЙСКОВЫЕ ГРАМОТЫ XVIII ВЕКА В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ ИНФОРМАТИВНОСТИ

Аннотация. Исследование посвящено выявлению типов информации, представленных в войсковых грамотах 1735–1753 гг., которые хранятся в фонде Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области. С учетом существующих в лингвистике классификаций охарактеризована фоновая и новая информация, содержащаяся в документах. Показано, что оба типа информации реализуются не только в основном тексте документа, но и в реквизитах.

Ключевые слова: текстовые категории, информативность, региональные документы, история русского языка, диахрония.

Abstract. The study is devoted to identifying the types of information presented in military letters of 1735–1753, which are kept in the Mikhailovsky Stanichny Ataman's fund of the State Archive of the Volgograd Region. Taking into account the classifications existing in linguistics, the background and new information contained in the documents are characterized. It is shown that both types of information are implemented not only in the main text of the document, but also in the details.

Keywords: text categories, informativeness, regional documents, history of the Russian language, diachrony.

Исследование текстовых категорий в их многообразии является актуальным направлением исторической лингвистики текста. Несмотря на имеющиеся достижения в структурировании отдельных категорий и выявлении средств их репрезентации в текстах разных жанров и разных эпох (см., например: [1; 5; 6]), категория информативности остается мало изученной в диахронии как в плане содержания, так и в плане выражения.

Наше исследование посвящено категории информативности, находящей реализацию в текстах региональных документов XVIII века. Материалом для работы послужили опубликованные войсковые грамоты (основной управленческий документ в Области Войска Донского, см. о них [7]), отложившиеся в фонде Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области (ГАВО. Фонд 332. Опись 1, дела 1–9, 1735–1753 гг.) [8]. При цитировании документов указывается номер архивного дела и лист.

В лингвистике текста информативность толкуется неоднозначно, поскольку для ее определения используются разные критерии. Традиционно вслед за И.Р. Гальпериным лингвисты выделяют содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию с учетом степени ее новизны [3; 4]. По мнению А.Ф. Папиной, существует предтекстовая, притекстовая и подтекстовая информация [10: 15]. Согласно Н.В. Глухих, с содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной соотносится притекстовая информация, подтекстовая информация содержится в ссылках, наличие которых характерно для деловых текстов [6: 39]. Предтекстовая информация, по мнению Н.С. Болотновой, «может быть рассмотрена как фоновая информация, которой обладает читатель текста до его восприятия и на которую ориентируется автор, создавая текст» [2: 167]. М.В. Косова, исследуя тексты современных документов, предложила разграничивать документную информацию, которая передается в реквизитах, и собственно текстовую информацию, включающую основное содержание документа [9].

Учитывая имеющиеся в лингвистике классификации информации, охарактеризуем войсковые грамоты в аспекте реализации фоновой и новой информации, обязательные сведения о документе, имеющие фиксированную позицию в структуре текста. Фоновая информация передается речевыми формулами, указывающими на адресата и адресанта, место составления документа, сведения о наличии печати, например: *Сѻт донских атаманов и казаков от воискового определенного до указу атамана Ивана Ивановича сына Ѳролова и от всего Воиска Донскаго по Хопру от Букановскои до Михайловскоі станицъ станищнымъ атаманомъ и казакамъ*; *писана в Черкаскомъ; у сеи грамоты н(а)ша Воиска Донскаго печать* (Войсковая грамота атаманам и казакам хоперских станиц о розыске беглого рекрута Василия Мазурина от 17 января 1735 г. [8, Д. 1. Л. 2–2 об.]).

К новой информации, содержащейся в реквизитах, можно отнести даты составления и/или получения документа, регистрационные номера, например: помета *получена декабря 28г(о) дня 1753 году*, сделанная вдоль левого края документов почерком, отличным от того, которым составлен сам документ; регистрационный номер *№ 46 вз*, указанный на левом поле грамоты [8, Д. 1. Л. 2–2 об.].

Собственно «текстовая» часть войсковой грамоты также содержит фоновую и новую информацию. Фоновая информация выражается в начале текста (после реквизитов адресант и адресат) и представляет собой «предысторию» вопроса. В войсковых грамотах такая информация отличается большим объемом и детализацией. Кроме того, как фоновая информация может быть охарактеризовано упоминание документов, в ответ на которые составлена грамота (иногда подробно передается их содержание). Приведем пример: *Сего июля 17г(о) дня в присланнои в канцелярию воисковых делъ Азовского драгунского полку ис полковои канцеляри* ***промемориі*** *обявлено минувшаго де июня 29 числа полку Азовского от стоящего с ротою Воиска Донскаго в Трехъостровянскои станице порутчика Ивашъкина* ***репортом*** *представленѡ стоящеи при закрити казенного табуна подпрапорщикъ Ломовъ ему* ***репортовал*** *<…> и требовано* ***тою промемориею*** *чтоб для поиску і поимки таковых злодеевъ в случае требования давоно было полку Азовскому споможение* (Войсковая грамота атаманам и казакам хоперских станиц об усилении охраны от набегов воровских партий от 19 июля 1751 г. [8, Д. 7. Л. 11–12 об.]).

Новая информация в войсковых грамотах вводится однотипно (для этого используется перформатив *обявляем* или глаголы речи в форме прошедшего времени в перформативном употреблении) и представляет собой перечисление принятых решений, например: *того ради приговорили мы Войском Донскимъ в своемъ войсковомъ кругу оное камандрование с походным атаманомъ Іваном Ханжонком всемъ*

казакам кои в томъ камандрованиї были зачитат(ь) за поход (Войсковая грамота атаманам и казакам хоперских станиц о зачете в службу казакам похода под Крым с атаманом Иваном Ханжонком от 17 декабря 1735 г. [8, Д. 1. Л. 5–5 об.]).

Таким образом, категория информативности в войсковых грамотах XVIII века репрезентируется фоновой и новой информацией, которая представлена как в реквизитах, так и в основном тексте документа. Фоновая информация актуализирует контекст документа, новая информация обеспечивает реализацию функции войсковой грамоты – осуществление управления Войском.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Э.Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.). Саранск: Издательство Мордовского университета, 2006. 240 с.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2006. 631 с.
3. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. М.: Высшая школа, 1974. 174 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
5. Герасимова И.С. Средства реализации когезии в региональных документах середины и конца XVIII века // Научный диалог. 2017. № 12. С. 60–73.
6. Глухих Н.В. Деловой эпистолярий конца XVIII – начала XIX в. На Южном Урале: лингвистика текста. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2008. 169 с.
7. Горбань О.А., Ильинова Е.Ю., Косова М.В., Шептухина Е.М. Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 182–199.
8. Документы Войска Донского XVIII века: лингвистическое описание и тексты / О.А. Горбань, М.В. Косова, Е.М. Шептухина, Е.Г. Дмитриева, И.А. Сафонова / отв. Ред. О.А. Горбань. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета. 464 с.
9. Косова М.В. Информативность документного текста: лингвистические критерии меры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 85–89.
10. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М.: Едиториал УРСС, 2002. 368 с.

ЧЕРНИКОВА Наталия Владимировна *(Мичуринск, Россия)*

доктор филологических наук, доцент
Мичуринский государственный аграрный университет
chernikovanat@mail.ru

БУБНОВА Людмила Валерьевна *(Мичуринск, Россия)*

студент
Мичуринский государственный аграрный университет
mila.bubnova04@mail.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ДОСТОИНСТВО» В «ПИСЬМАХ О ДОБРОМ И ПРЕКРАСНОМ» Д.С. ЛИХАЧЁВА

Аннотация. Рассматриваются лексические средства репрезентации концепта «Достоинство» в «Письмах о добром и прекрасном» Д.С. Лихачёва. Выявлена частотность употребления, проанализирована контекстная семантика и синтагматика лексем, репрезентирующих концепт. Сделан вывод о том, что, осмысливая содержания данного концепта, автор употребляет раскрывающие его содержание лексические единицы не только в традиционных, словарных значениях. Нередко он наполняет слова и их сочетания своим, индивидуально-авторским смыслом. С помощью разных языковых средств, вербализующих концепт, Д.С. Лихачёв передаёт жизненный опыт, делится своими жизненными наблюдениями за людьми и их поступками, даёт советы молодому поколению.

Ключевые слова: концепт «Достоинство», Д.С. Лихачёв, «Письма о добром и прекрасном», лексемы достоинство, достойный, достойно.

Abstract. The article examines the lexical means of representing the concept of “Dignity” in “Letters on the Good and the Beautiful” by D.S. Likhachev. The frequency of use is revealed, the contextual semantics and syntagmatics of the lexemes representing the concept are analyzed. It is concluded that, comprehending the contents of this concept, the author uses lexical units that reveal its content not only in traditional, dictionary meanings. He often fills words and their combinations with his own, individual authorial meaning. With the help of various linguistic means that verbalize the concept, D.S. Likhachev conveys his life experience, shares his life observations of people and their actions, and gives advice to the younger generation.

Keywords: concept of “Dignity”, D.S. Likhachev, “Letters on the Good and the Beautiful”, lexemes dignity, worthy, worthy.

«Письма о добром и прекрасном» [1] – публицистическая книга, адресованная молодому поколению. Это произведение, вышедшее в 1985 г., состоит из 47 очерков, в которых Д.С. Лихачёв поднимает вопросы формирования духовного мира молодого человека, воспитания важных качеств личности (доброты, порядочности, совести, бескорыстия и многих других). Все важные проблемы, обозначенные в произведении, «остаются актуальными и сегодня» [6]. Ранее мы проанализировали

осмысление концептов «добро», «интеллигентность», «честь», «совесть» в «Письмах о добром и прекрасном» Д.С. Лихачёва [3; 4; 5]. Данная статья посвящена изучению содержания концепта «Достоинство», который относится к числу ключевых ментальных единиц произведения. Лексическими средствами репрезентации концепта в «Письмах…» выступают существительное *достоинство* (15 употреблений), прилагательное *достойный* (2 употребления) и наречие *достойно* (1 употребление).

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова у существительного *достоинство* зарегистрировано 4 значения (ЛСВ): 1) «положительное качество»; 2) «совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе»; 3) «стоимость, ценность денежного знака» (спец.); 4) «то же, что титул (в 1 знач.)» [2: 421].

В «Письмах…» лексема *достоинство* употребляется во 2-ом и 3-ем значениях (ЛСВ-2 и ЛСВ-3) и в составе фразеологизма *оценить по достоинству.*

Самым частотным в произведении Д.С. Лихачёва является ЛСВ-2 (12 употреблений), обозначающий совокупность высоких моральных качеств человека.

В письме 5 «В чем смысл жизни» автор утверждает: *Одно правило в жизни должно быть у каждого человека, в его цели жизни, в его принципах жизни, в его поведении:* ***надо прожить жизнь с достоинством****, чтобы не стыдно было вспомнить* [1: 16]. Далее в письме перечислены морально-нравственные качества человека, которые раскрывают содержание концепта «Достоинство» в осмыслении отдельного концептоносителя – Д.С. Лихачёва. В их числе: доброта, великодушие, правдивость, отсутствие эгоизма, внимание к людям, помощь другим, умение дружить и др. См.: *Достоинство требует*

доброты, великодушия, умения не быть узким эгоистом, быть правдивым, хорошим другом, находить радость в помощи другим [1: 16].

Как правило, лексема *достоинство* входит в состав словосочетаний с качественным значением, построенных по модели: глагол/глагольное словосочетание/отглагольное существительное + *достоинство* (ЛСВ-2) в творительном падеже с предлогом *с* (V_f + N_5): *прожить жизнь с достоинством, относиться с достоинством, уступить с достоинством, ответить на обиду с достоинством, отказаться от своих убеждений с достоинством, принять свою победу с достоинством, отступление с достоинством.*

Например: *Только жизненно необходимая цель позволяет человеку* ***прожить свою жизнь с достоинством*** *и получить настоящую радость* (письмо 6) [1: 19]; …*не бойтесь своих физических недостатков.* ***Относитесь к ним с достоинством****, и вы будете элегантны* (письмо 8) [1: 27]; *Допустим, что вас обидели из побуждений благородных, – произведите деление вашего чувства на побуждения благородные, вызвавшие оскорбительное замечание, и т. д. Произведя в уме некую нужную математическую операцию, вы* ***сможете ответить на обиду с большим достоинством****, которое будет тем благороднее, чем меньше значения вы придаете обиде* (письмо 9) [1: 29]; *Если вы с самого начала ведете спор вежливо и спокойно, без заносчивости, то тем самым вы обеспечиваете себе спокойное* ***отступление с достоинством*** (письмо 17) [1: 47]; …***уступить с достоинством*** *в вопросе, который не заставляет вас отказаться от своих общих убеждений (надеюсь, высоких), или* ***с достоинством принять свою победу****, не злорадствуя над побежденным в споре, не торжествуя, не оскорбляя самолюбия оппонента, – как это красиво!* (письмо 17) [1: 48].

В письме 8 «Быть веселым, но не быть смешным» лексема *достоинство* дважды употреблена в составе словосочетания *сохранять*

достоинство, которое Д.С. Лихачёв использует в индивидуально-авторском значении. В этом письме речь идет о форме поведения человека, которая, как утверждает автор, должна «войти в нашу привычку» и «стать нашим внутренним содержанием» [1: 25]. Даже если у человека горе, произошло несчастье, он должен сохранять достоинство. В контексте этого письма *сохранять достоинство* означает «несмотря на внутренние переживания, всегда быть приветливым, весёлым, ровным со всеми, не погружаться в себя».

Процитируем письмо: *Надо… и в горе сохранять достоинство, быть ровным со всеми, не погружаться в себя и оставаться по возможности приветливым и даже веселым* [1: 25]; *Умение сохранять достоинство, не навязываться другим со своими огорчениями, не портить другим настроение, быть всегда ровным в обращении с людьми, быть всегда приветливым и веселым – это большое и настоящее искусство, которое помогает жить в обществе и самому обществу* [1: 25].

ЛСВ-1 лексемы *достоинство* («положительное качество чего-либо») встречается в «Письмах…» дважды в составе субстантивных словосочетаний с определительным значением: *достоинство жизни, достоинство научного языка*. См.: *Ради достоинства жизни надо уметь отказываться от мелких удовольствий и немалых тоже…* (письмо 5) [1: 16]; …*образность языка не всегда достоинство научного языка* (письмо 21) [1: 56].

Фразеологизм *оценить по достоинству* («составить о ком-чем-н. правильное мнение» [2: 421]) в письме 12 «Человек должен быть интеллигентен» служит средством обозначения одного из качеств интеллигентного человека: *Пусть он забыл все на свете, не будет знать классиков литературы, не будет помнить величайшие произведения искусства, забудет важнейшие исторические события, но если при всем этом он… сможет восхититься красотой природы,*

понять характер и индивидуальность другого человека, войти в его положение, а поняв другого человека, помочь ему, не проявит грубости, равнодушия, злорадства, зависти, ***а оценит другого по достоинству****… – вот это и будет интеллигентный человек* [1: 35].

У прилагательного *достойный* в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова зарегистрировано три ЛСВ: 1) «заслуживающий чего-н.»; 2) «справедливый, заслуженный»; 3) «уважаемый, почтенный» [21: 421].

В произведении Д.С. Лихачёва выявлено 2 употребления прилагательного: в полной форме (ЛСВ-2) и в краткой форме (ЛСВ-1): *Если человек живет, чтобы приносить людям добро, облегчать их страдания при болезнях, давать людям радость, то он оценивает себя на уровне этой своей человечности. Он ставит себе* ***цель, достойную человека*** (письмо 6) [1: 19]; *Тратьте свое время на* ***то, что достойно*** *этой траты. Читайте же больше и читайте с величайшим выбором* (письмо 22) [1: 69].

С помощью наречия *достойно* (1 употребление) характеризуется поведение человека: *Вечно «сыплющий» остротами молодой человек перестает восприниматься как* ***достойно*** *ведущий себя* (письмо 8) [1: 26].

Итак, в концептосфере Д.С. Лихачёва концепт «Достоинство» относится к ключевым ментальным знакам духовно-нравственной сферы, причем он отражает не одно, а совокупность высоких моральных качеств личности. Осмысливая содержания данного концепта, автор употребляет раскрывающие его содержание лексические единицы не только в традиционных, словарных значениях. Нередко он наполняет слова и их сочетания своим, индивидуально-авторским смыслом. С помощью разных языковых средств, вербализующих концепт, Д.С. Лихачёв передаёт жизненный опыт, делится своими жизненными наблюдениями за людьми и их поступками, ненавязчиво даёт советы молодому поколению.

ЛИТЕРАТУРА
1. Лихачёв Д.С. Письма о добром и прекрасном. М.: АСТ, 2023. 192 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2006. 2152 с.
3. Черникова Н.В., Бубнова Л.В. Осмысление концепта «ДОБРО» в «Письмах о добром и прекрасном» Д.С. Лихачёва // Лекантовские чтения – 2024: материалы Междунар. Науч. Конф. (г. Москва, 18 ноября 2024 г.) / отв. Ред. Е.Н. Орехова. М.: Государственный университет просвещения, 2024. С. 246–251.
4. Черникова Н.В., Бубнова Л.В., Кузьмина А.А. Осмысление концепта «ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ» в «Письмах о добром и прекрасном» Д.С. Лихачёва // Наука и Образование. 2024. Т. 7. № 4. URL: http://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/7056/7117 (дата обращения: 17.02.2025).
5. Черникова Н.В., Бубнова Л.В. Осмысление концептов «честь» и «совесть» в «Письмах о добром и прекрасном» Д. С. Лихачёва // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс: материалы IV Междунар. Науч.-практ. Конф. Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ» (г. Борисоглебск, 14–15 ноября 2024 г.). М.: Перо, 2024. С. 425–430 (дата обращения: 17.02.2025).
6. Черникова Н.В., Подольская А.А. Понятие чести в «Письмах о добром и прекрасном» Д.С. Лихачёва // Наука и Образование. 2019. № 2. URL: http://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/835/836 (дата обращения: 17.02.2025).

ЧУМАК-ЖУНЬ Ирина Ивановна *(Белгород, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
chumak@bsuedu.ru

КАН Татьяна Владимировна *(Москва, Россия)*

старший преподаватель
Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт»

ОППОЗИЦИЯ *СВОИ/ЧУЖИЕ* В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА БЛОГОСФЕРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. В статье повествуется о месте виртуальной реальности в картине мира современного человека. Отмечается, что в интернете создана специфическая коммуникативная среда, которая служит для формирования идеологической картины мира. Рассматривается текстовое пространство языка блогосферы в аспекте идиостилевых характеристик языка журналистов-блогеров и заполнения в этом пространстве лингвокультурных позиций своего/чужого. Идиостилевые маркеры современных блогеров верифицируются при сравнении нескольких текстов разных авторов на одну и ту же актуальную тему.

Ключевые слова*:* национальное самосознание, оппозиция свои/чужие, журналисты-блогеры, идиостиль, текстовое пространство.

Abstract. The article tells about the place of virtual reality in the picture of the modern man's world. It is noted that a specific communicative environment has been created on the Internet, which serves to form an ideological picture of the world. The article considers the text space of the blogosphere language in the aspect of idiostyle characteristics of the language of bloggers and filling in the linguistic and cultural positions of one's own/someone else's in this space. The idiosyncratic markers of modern bloggers are verified by comparing several texts by different authors on the same relevant topic.

Keywords: national identity, the opposition of friends/foes, journalists-bloggers, idiosyncrasy, text space.

Формирование мировоззренческих установок в лингвокультурной среде зависит от исторического контекста и этических норм, доминирующих в обществе, при этом идеологическим дискурсом в коммуникативном пространстве задается когнитивная матрица *свой/чужой*. Эта матрица транслируется в социум преимущественно публицистическим и художественным дискурсами как наиболее «идеологически заряженными», но, несомненно, в формировании актуального, «сиюминутного» общественного мнения публицистический дискурс занимает ведущие позиции.

Так как современный публицистический дискурс переместился с пространства теле-, радио-, печатных платформ в коммуникативное пространство всемирной сети, то основным инструментом формирования общественного мнения (как нам видится, в немалой степени оттого, что появилась возможность обратной связи) стали различные мессенджеры, лидирующую позицию среди которых в России сегодня занимают Telegram-каналы. Многие профессиональные журналисты, работающие на традиционных платформах, ведут в Telegram-каналах журналистские блоги от своего имени. Это, например, В. Соловьёв, М. Симоньян, О. Скобеева, К. Собчак, М. Ахмедова, А. Коц, А. Прохорова, А. Медведев, которые, занимая патриотическую идеологическую позицию, в своих политических постах транслируют соответствующие смыслы, формируя при этом в социуме актуальное мировоззренческое поле. Все названные журналисты-блогеры имеют большое количество подписчиков, что предполагает в их деятельности не только наличие черт, характерных

для авторской журналистики в целом (единоличное участие автора на протяжении всего цикла; четкую авторскую позицию по предлагаемому вопросу), но и яркие идиостилевые черты, нетривиальный подход к освещению темы и, как уже отмечалось, обратную связь с аудиторией.

В немалой степени именно Telegram-каналы формируют национальное самосознание, которое включает и осознание своей национальной идентичности, и систему оценок, суждений, взглядов представителей данной нации на мир и на свою общность как на часть этого мира. Представление о *своем-чужом* обусловлено социо-когнитивно-культурной лингвосредой обитания личности: человек меняет дискурсивные лики, сферы «своё» и «чужое» наполняются многомерным содержанием, обусловленным также и публицистической деятельностью, но неизменными остаются национальные и/или конфессиональные условия его существования.

Суть базовой для любой национальной картины мира ментальной оппозиции *свой/чужой* мы ранее обобщили в нескольких основных тезисах:

«– оппозиция формирует основные исторические типы мировоззрения, являясь определяющей для каждой национальной картины мира;

– является универсальной и встречается в любой лингвокультуре и в любой ее разновидности;

– опирается на различные мировоззренческие схемы, которые можно определить как когнитивные матрицы;

– члены оппозиции преимущественно разграничиваются на шкале оценочности: свое как положительное, а чужое – как отрицательное;

– оппозиция вербализуется как дейктическими элементами (местоимениями, указательными словами), так и коннотативно окрашенной лексикой;

– отношения между участниками оппозиции могут выстраиваться по-разному – от воинственного неприятия до философского отношения к Другому» [2: 439].

Реагируя в своих текстах на фрагменты исторического События, журналисты по-разному интерпретируют базовую оппозицию *свои/чужие*, определяя нарративные векторы в зависимости от своей прагматической задачи. Обратимся к текстам трех известных журналистов – Telegram-блогеров, представляющих одну внетекстовую ситуацию (налет БПЛА на Москву 11 марта) в контексте глобального исторического События (СВО).

Вслед за Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казариным «представим семантическое пространство текстов в трех ракурсах:

– как концептуальное пространство, то есть фрагмент индивидуально-авторской художественной картины миры, воплощенной в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора;

– как денотативное пространство, то есть воплощенное в тексте индивидуально-авторское знание о мире, представленное в интерпретированном отображении определенной ситуации;

– как эмотивное пространство, то есть воплощенная в тексте оценка мира автором с целью воздействия на этот мир, преобразования его» [1: 49–122].

Обратимся к текстам.

Анна Прохорова (https://t.me/Vcentresob)

И о ночной атаке беспилотников к этой минуте. Дроны ВСУ, атаковавшие Москву и Подмосковье, были начинены поражающими элементами для большей убойной силы – шарами от подшипников диаметром 7 миллиметров. Число пострадавших в Подмосковье достигло 8, среди них двое детей, один человек погиб. На Домодедовской улице в Москве из-за падения обломков дрона повреждена кровля дома. Также в Домодедово произошло возгорание

после падения обломков на парковке «Мираторга», там как раз подтвержденный погибший.

В Раменском обломки беспилотников упали на многоквартирный дом, повреждены как минимум 7 квартир с 19 по 22-го этажи. Из них эвакуированы 12 человек, включая 3 детей. Помощь пострадавшим врачи оказали на месте. Часть эвакуированных разместили в соседней гимназии, остальные – находятся сейчас у родственников.

Андрей Медведев (https://t.me/MedvedevVesti)

Каждый раз, когда у ВСУ начинает рушиться фронт, или происходит «отход на ранее подготовленные позиции», можно ждать очередной гадости. Теракт, удар ракетами по мирным объектам пограничья, или вот этой ночью, массовый налет дронов. Основной удар, совершенно предсказуемо, наносили по Москве и Московской области. Почему предсказуемо? Потому что так устроено мышление жителей бывшей Украины.

«Сейчас мы по Москве ударим, все испугаются и увидят нашу потужность».

Собственно, налет сделан исключительно как террористическая атака. Потому что удары по мирным домам и гражданским аэропортам это террор. Ничего иного.

Марина Ахмедова (https://t.me/Marinaslovo)

Сегодняшний налет на Москву и Подмосковье многим захочется объяснить поражением, которое терпит ВСУ под Курском. Но далеко не только. Зеленский уже прибыл в Саудовскую Аравию, и там американцы будут грубо возить его мордой по мирным соглашениям. А вдруг не выдастся больше шанса закрыть гештальт, то есть отбомбить Москву? Причинить разрушения именно Москве – незакрытый гештальт Зеленского. Согласившись на мир, он всю жизнь будет жалеть, что не бомбил Москву. Ну и ещё униженное письмо, которое ему пришлось писать Трампу. У себя в стране он тщательно

скрывает, что извинялся. У него же рейтинг вырос после хамства в Белом доме. Он и форму письма выбрал неслучайно. Письмо избавляет его от необходимости извиняться публично, своим голосом, а письмо вообще мог писать кто-то другой. Однако Зеленский чувствует себя униженным, и хочет вылить ярость. Ночью беспилотники его ярости полетели на Москву.

Рассмотрим наполнение модели *свои/чужие*, которая представлена в текстах.

Концептуальное пространство текстов совпадает – как *чужие* в текстах представлены Вооруженные силы Украины (ВСУ – эта аббревиатура встречается в каждом посте), использующие дроны против мирного населения, как *свои* – жители Москвы и Подмосковья, то есть в широком контексте, жители России.

Когнитивно-пропозициональная структура текстов включает одинаковые позиции этих элементов: *чужие* – их характеристика – их действия по отношению к *нашим* – отношение к описываемому блогера.

Денотативное пространство отражает тот образ *чужих*, который стремится сформировать автор у читателя. *Чужие*, в контексте данного реального события – это вооруженные враги, но в каждом тексте оппозиция выстроена по-своему.

У А. Прохоровой в центре изложения – детали внутритекстовой ситуации, достоверность текста достигается фактуальной информацией, основана на статистическом материале. Повествование построено динамично, субъектно-предикатная текстовая структура отражает драматичность ситуации и зловещую грозную силу *чужих*: *дроны ВСУ, атаковавшие, были начинены*; *число пострадавших достигло*; *человек погиб; повреждена кровля дома; произошло возгорание; подтвержденный погибший; обломки беспилотников упали*; *эвакуированы 12 человек, включая 3 детей; врачи оказали помощь*,

часть эвакуированных разместили. Таким образом, *чужие* предстают как ‘вооруженные’, ‘безжалостные’, ‘бесчеловечные’ ‘сильные’.

В тексте А. Медведева фактуальная информация представлена предельно лаконично – *вот этой ночью массовый налет дронов. Основной удар, совершенно предсказуемо, наносили по Москве и Московской области.* Автор строит рассуждение, вынося в центр описания слово *предсказуемый* как ‘типичный’ и определяя причину произошедшего как месть ВСУ за неудачи на фронте. Текстовый центр *чужой* (номинированный как *жители бывшей Украины*) представлен не только как ‘мстительный’, ‘никчемный’, ‘бессильный’, но и как ‘лживый’ (ложь об «отходе на ранее подготовленные позиции») ‘неисправимый’ субъект, ‘не соблюдающий норм общечеловеческой морали’ (трижды повторяется лексема *террор*).

В тексте М. Ахмедовой фактуальная информация представлена также предельно лаконично: *Сегодняшний налет на Москву и Подмосковье многим захочется объяснить поражением, которое терпит ВСУ под Курском.* Блогер выражает несогласие (вернее, частичное несогласие) с позицией, высказанной в предыдущем тексте, олицетворяя *чужого* в образе Зеленского. Именно ему журналист придает характерные качества врага, строя свой рассказ как психологический портрет личности *чужого*, отражая его внутренний мир – *закрыть гештальт – отбомбить Москву*, *причинить разрушения Москве, униженное письмо, хамство в Белом доме, чувствует себя униженным, и хочет вылить ярость*. Журналист заканчивает свой пост обобщающей метафорой: *Ночью беспилотники его ярости полетели на Москву.* Образ чужого несет смыслы ‘униженность’, ‘лживость’, ‘мстительность’, ‘непорядочность’.

Таким образом, в денотативном пространстве текстов образы чужого представлены в разных обличиях и несут разные смыслы. Не

менее разнообразно и эмотивное пространство текстов, в котором, в общем-то, и выражается отношение журналиста в высказываемому.

В тексте А. Прохоровой эмотивное пространство выражено неявно, оценочность выражена имплицитно. Очевидно, что плохо использовать для обстрела мирного города *снаряды с поражающими элементами для большей убойной силы*, плохо *обстреливать детей*, мирные районы (детально представлена топонимика пострадавшей местности), находящиеся рядом с социальными объектами (*соседняя гимназия*). Автор выражает сдержанное, но очевидное возмущение по поводу описываемых фактов.

Эмотивность пересекается с оценочностью в тексте А. Медведева, который демонстрирует не только негодование и возмущение (*ждать очередной гадости*), но и насмешку (*все испугаются и увидят нашу потужность*). Эмотивность выражается и в апелляции к мнению читателя, выраженной вопросом: *Почему предсказуемо?*

Наиболее эмоционально выразительным представляется пост М. Ахмедовой, в котором она проявляет по отношению к чужому (Зеленскому) насмешку, пренебрежение и презрение в целом, не стесняясь в выражениях, использует грубо-просторечную лексику *американцы будут грубо возить его мордой по мирным соглашениям*.

Таким образом, семантическое пространство рассмотренных нами текстов имеет особенности, которые определяют их актуальность для реципиента и воздействуют на его сознание;

– каждый из авторов строит собственную модель текстовой оппозиции, способствуя формированию национальных мировоззренческих категорий;

– в каждом тексте есть когнитивно-пропозициональная структура, которая позволяет противопоставить *своих* чужим, при этом характеристики своих не приводятся, но, по контрасту с чужими они априори приобретают положительные качества;

– каждый текст представлен индивидуально-авторскими знаками, которые характеризуют идиостиль блогера и репрезентируют особую авторскую манеру, узнаваемую читателем и востребованную им.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. М.: Флинта: Наука, 2003. 496 с.
2. Чумак-Жунь И.И. Когнитивная оппозиция Свой/Чужой как компонент поэтического мировидения и фактор дискурсивного противодействия // Русский язык в поликультурном мире: материалы I Международного симпозиума, Ялта, 08–12 июня 2017 года. Том 1. Ялта: «Ариал», 2017. С. 439–444.

ШАДИЕВА Дилрабо Курбановна (Термез, Узбекистан)

преподаватель
Термезский государственный университет
dilrabo.shod.74@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАФИЧЕСКОГО ОРГАНАЙЗЕРА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА АНАЛИЗА НАРУШЕНИЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ НОРМ

Аннотация: Рассмотрены приёмы использование графического органайзера на занятиях по русскому языку как иностранному для формирования навыка анализа нарушений морфологических норм, встречающихся в языке СМИ.

Ключевые слова: педагогические технологии, графический органайзер, нормы, ошибки, анализ, язык СМИ.

Abstract: The techniques of using a graphic organizer in classes on Russian as a foreign language for developing the skill of analyzing violations of morphological norms found in the language of mass media are considered.

Keywords: pedagogical technologies, graphic organizer, norms, errors, analysis, media language.

Основная задача СМИ **–** удержать аудиторию. Сенсация, громкие события, захватывающие репортажи – это то, без чего не может существовать ни пресса, ни радио, ни телевидение. Желание прочно «зацепить» читателя приводит к тому, что автор становится не особо разборчивым в средствах. Одним из вариантов такого пренебрежения становится нарушение языковых норм. Очевидно, что языковая распущенность при попытке одновременного использования калькированных фраз, неологизмов, которые сейчас «в тренде»,

разговорной лексики и речевых оборотов сниженного плана, неумелое употребление фразеологических оборотов и прочих фигур речи приводят к образованию определенной «языковой помойки», которой становятся средства массовой информации [4].

В статье представлены нарушения языковых норм русского литературного языка на современном этапе его развития в средствах массовой информации, в частности морфологических норм, а также приёмы использования графического органайзера «Кубик» [1] на занятиях по русскому языку с узбекскими студентами для формирования навыка анализа данных нарушений.

В методике преподавания русского языка как иностранного долгое время считалось, что адекватная коммуникация с соблюдением речевых норм доступна только студентам старших курсов. Использование графического органайзера на занятиях позволяет ускорить процесс формирования навыка анализа нарушений норм (в нашем случае – морфологических). Шесть граней кубика помогают проанализировать содержащее нарушения норм предложение с различных точек зрения. Инструкции на шести сторонах куба имеют следующий вид (рис. 1):

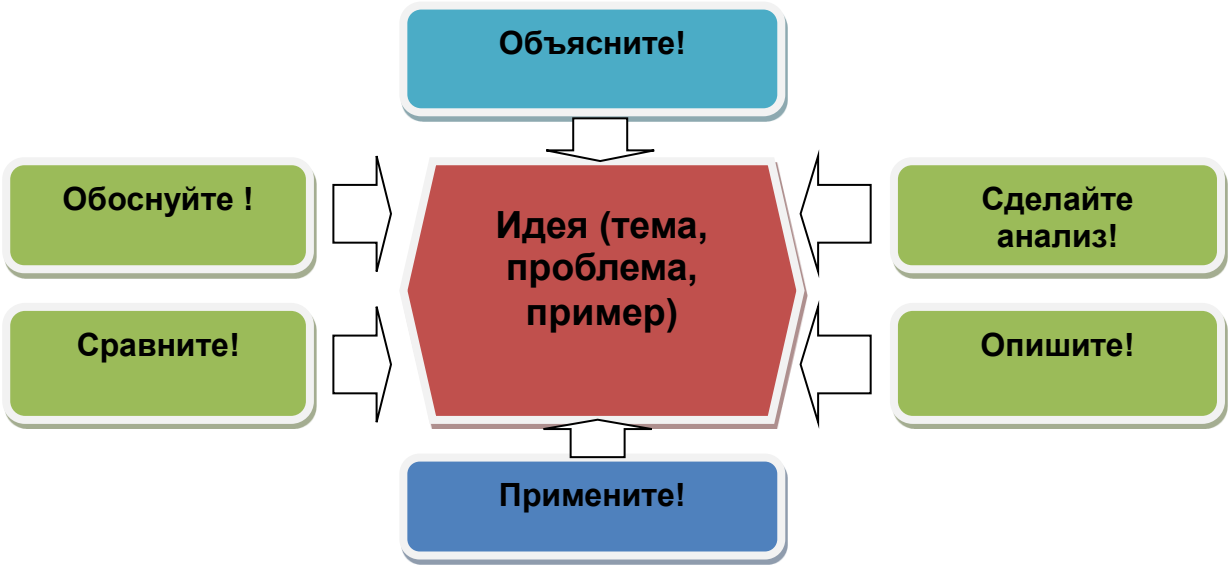

Рис. 1. Инструкция для графического органайзера «Кубик»

Морфологические нормы требуют правильного образования грамматических форм слов разных частей речи (форм рода, числа, кратких форм и степеней сравнения прилагательных и др.) [2]. Типичным нарушением морфологических норм является употребление слова в несуществующей форме или в словоизменительной форме, не соответствующей контексту (***царящиеся*** (должно быть: *царящие*) *порядки, победа над* ***фашизмами*** (должно быть: *фашизмом*). Иногда можно прочитать такие словосочетания: ***железнодорожная*** (должно быть: *железнодорожный*) *рельса* (должно быть: *рельс*), ***импортная*** (должно быть: *импортный*) *шампунь*, ***заказной*** (должно быть: *заказная*) *бандероль*. В этих словосочетаниях допущена морфологическая ошибка – неправильно определён род имён существительных.

Самое большое количество речевых погрешностей встречается при употреблении имени числительного. В приведённых далее примерах ошибки объясняются именно незнанием особенностей склонения слов этой части речи.

Распространенную ошибку допускают журналисты, употребляя существительное в родительном падеже с предлогами *согласно* и *благодаря*: *согласно приказа, согласно договора, благодаря хорошей погоды*. Правильно: *согласно* ***приказу****, согласно* ***договору****, благодаря хорошей* ***погоде***. Имя существительное в сочетании с предлогами *благодаря* и *согласно* употребляется в дательном падеже.

Рассмотрим несколько примеров.

… Вчера еще здесь было около четыреста камер (правильно: *около* ***четырехсот***) [3]. *Операции будут проводиться пятидесятью процентами акций холдинга* (правильно: *с* ***пятьюдесятью*** *процентами*) [3]. *Более восемьсот тысяч пенсионеров могут жить теперь достойно* (правильно: *более* ***восьмисот*** *тысяч пенсионеров*) [3].

Отсутствие склонения или неполное склонение сложных и составных числительных является нарушением литературной нормы. Например, при склонении числительного *полтора*: *В течение **полтора** суток город опустел* (правильно: *суток*). Нередки ошибки и в выборе падежной формы составного числительного, оканчивающегося на *два, три, четыре* в сочетании с одушевленным существительным. В таких конструкциях независимо от категории одушевленности винительный падеж сохраняет форму именительного (*Строительство комплекса должно быть завершено к **двум тысячам** одиннадцатому году* (правильно: *… к две тысячи одиннадцатому году*) [3], так как в составном порядковом числительном склоняется только последнее слово). Встречаются ошибки и такого рода: *… поставили в Навоийскую, Кашкадарьинскую, Хорезмскую и Ташкентскую области около 5,5 **тысячи** голов племенного крупного рогатого скота…* [3] (правильно: *…около 5,5 тысяч*). *…столичный потребитель использовал лишь 6 млн. 195 тыс. сомони – на 52,7 **процента** меньше* [3] (правильно: *процентов*).

Рассмотрим алгоритм работы на занятиях по русскому языку с графическим органайзером «Кубик».

На шести сторонах «Кубика» даны следующие указания:

1. **Опишите!** В данной ситуации предметом у нас будет являться предложение, в котором допущена морфологическая ошибка. Предположим, мы нашли в газете нарушение нормы с точки зрения морфологии: *Ведь для поездки в Сингапур девушкам нужно было занимать место не ниже четвёртого среди претендентов на лицензию.* Студентам необходимо разобрать целое предложение и описать его.

2. **Сравните!** На основе сравнения студентам нужно будет подобрать все знакомые им синонимы на найденное слово с ошибкой, а

также на основе сравнения рассказать, чем отличается данное слово от подобранных.

3. **Объясните!** Объясните, почему вы выбрали данный синоним к анализируемому слову. Каждый выбранный ответ студентами должен быть обоснован, что помогает мыслить и рассуждать свободно.

4. **Произведите анализ!** В этом пункте студенты высказывают свою точку зрения и таким образом производят анализ предложения с нарушением норм.

5. **Примените!** Здесь необходимо применить все найденные правильные варианты слов в предложении. Каждый из студентов вставляет найденное слово вместо ошибки. Вариантов может оказаться очень много.

6. **Обоснуйте!** Студенты должны обосновать свою точку зрения при выборе примера с нарушением норм, а также доказать и убедить всех в выборе своего правильного варианта.

Правильный вариант: ***занять*** (сов. В.) *Ведь для поездки в Сингапур девушкам нужно было* ***занять*** *место не ниже четвёртого среди претендентов на лицензию.*

Далее даются несколько примеров. Морфологические ошибки допущены в следующих случаях: ошибочное использование падежной формы, формы числа, несогласованность в роде, числе, падеже, виде и других морфологических категориях:

1) *… потребитель использовал лишь 6 млн. 195 тыс. сомони – на 52,7* ***процента*** (правильно: *процентов*).

2) *Благодаря направленной работе педагогов у детей появилась отличная возможность* ***принимать*** (правильно: *принять*) *участие в районных и республиканских предметных олимпиадах, различных конкурсах и спортивных соревнованиях.*

Итак, соблюдение речевых норм – важнейшее условие точности речи и её правильности. Их нарушение приводит к речевым ошибкам.

Такие ошибки могут внести искажение и в план содержания, то есть стать фактической ошибкой.

Если журналист не допускает ошибок в употреблении форм слов, в их образовании, в построении предложений, его речь мы называем правильной. Однако этого мало. Речь может быть правильной, но плохой, то есть не соответствовать целям и условиям общения. В понятие хорошей речи включаются как минимум три признака: *богатство, точность и выразительность*. Показателями *богатой речи* являются большой объём активного словаря, разнообразие используемых морфологических форм и синтаксических конструкций. *Точность речи* – это выбор таких языковых средств, которые наилучшим образом выражают содержание высказывания, раскрывают его тему и основную мысль. *Выразительность* создается с помощью отбора языковых средств, в наибольшей мере соответствующих условиям и задачам общения.

Графический органайзер побуждает учащихся подойти к конкретной проблеме (теме) и обсудить ее с разных точек зрения, что позволяет ускорить как процесс формирования навыка анализа нарушений речевых норм, так и хорошей речи в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 192 с.
2. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973. 520 с.
3. Шадиева Д.К. Изменения, происходящие в литературных нормах русского языка // Современные проблемы филологии. 2021. С. 120–127.
4. Язык средств массовой информации. Часть 2. М.: Изд-во МГУ, 2004. 753 с.

ШАНХОЕВА Яха Ахмет-Башировна *(Москва, Россия)*

аспирант
Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина
yaha.shoan@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛОКАТИВНЫХ СИНТАКСЕМ В ТЕКСТАХ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются семантические и функциональные особенности локативных синтаксем в текстах интернет-рекламы. Показано, что локативные синтаксемы выступают не только средством пространственной репрезентации, но и ключевым инструментом семантической организации рекламного сообщения. Выделены ключевые функции локативных синтаксем в рекламных текстах: информативная, эмоционально-ассоциативная, мотивирующая и эстетическая. Установлено, что локативные синтаксемы не только обеспечивают логическую связность текста, но и служат инструментом воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: синтаксема, локатив, локативная синтаксема, рекламный текст, интернет-реклама.

Abstract. The article examines the semantic and functional features of locative syntaxemes in Internet advertising texts. It is shown that locative syntaxemes act not only as a means of spatial representation, but also as a key tool for the semantic organization of an advertising message. The key functions of locative syntaxemes in advertising texts are highlighted: informative, emotional-associative, motivating and aesthetic. It is established that locative syntaxemes not only provide logical coherence of the text, but also serve as a tool for influencing the audience.

Keywords: syntaxeme, locative, locative syntaxeme, advertising text, Internet advertising.

Современный рекламный дискурс представляет собой сложную систему смысловых и коммуникативных стратегий, направленных на привлечение внимания реципиента и формирование у него определенных ассоциаций и эмоций [2]. Важным аспектом изучения рекламного текста является анализ его синтаксической структуры, поскольку именно синтаксические единицы определяют способ передачи информации, специфику ее восприятия и интерпретацию [1].

Особую роль в процессе формирования синтаксической структуры рекламного текста играют синтаксемы – минимальные семантико-синтаксические единицы, обеспечивающие синтаксическую целостность и логическую связность предложения [3; 4].

Актуальность исследования синтаксем обусловлена тем, что именно с них начинается построение смысла рекламного текста и

осуществляется воздействие на восприятие потребителя. В рамках исследования рекламного текста, особое место занимают локативные синтаксемы, создающие пространственные образы и ассоциации, влияющие на восприятие и поведение реципиента.

Цель исследования заключается в анализе семантических и функциональных особенностей локативных синтаксем в рекламном тексте, а также в определении влияния синтаксем на восприятие реципиента. В качестве материалов исследования использовались тексты современной интернет-рекламы в социальных сетях.

Локативные синтаксемы являются минимальными семантико-синтаксическими единицами, содержащими информацию о местоположении объекта в пространстве. В рекламных текстах такие единицы служат для создания конкретных или абстрактных пространственных образов, влияющих на восприятие потребителя. Локативные синтаксемы не просто информируют о местоположении, но и привязывают продукт или услугу к определенному контексту, акцентируя внимание на удобстве, эксклюзивности или доступности.

Анализ текстов интернет-рекламы в социальных сетях позволяет выделить основные функции локативных синтаксем в рекламном тексте: информативная, эмоционально-ассоциативная, мотивирующая, эстетическая.

Информативная функция локатиных синтаксем направлена на предоставлении точной информации о местоположении товара или услуги: *Наши магазины расположены* ***в крупнейших торговых центрах города****; Офис находится* ***по адресу ул. Ленина, д. 15*** и т. д.

Выполняя эмоционально-ассоциативную функцию, локативные синтаксемы помогают создавать у потребителя ассоциации с определенным местом, что влияет на восприятие товара или услуги, делает его более желанным. Например, Прогулки ***по набережной с видом на закат***. В данном случае у реципиента формируется

романтический, умиротворяющий образ, вызывающий ассоциации с отдыхом и спокойствием. *Пятизвездочный отель* ***в самом центре Парижа*** – пример использования локативной синтаксемы для создания ассоциаций с роскошью, престижем и эксклюзивностью. Местоположение связывается с культурным наследием, исторической значимостью и высококлассным сервисом, что повышает привлекательность предложения.

Локативные синтаксемы могут активно побуждать потребителей к действиям, выполняя мотивирующую функцию: *Мы находимся* ***всего в 5 минутах от Вашего дома!****; Доставка доступна* ***по всей России*** и т. д. Такие синтаксемы заставляют потенциального клиента ощущать, что продукт или услуга легко доступны и не требуют значительных усилий для их получения, что может мотивировать к совершению покупки, визиту или другому действию.

Эстетическая функция локативных синтаксем ориентирована на формировании положительного имиджа продукта или услуги через описание эстетических характеристик местоположения: *Элитный жилой комплекс* ***на берегу озера****; Отель* ***на вершине горы с панорамным видом*** и т. д. Указание ***на берегу озера*** создает у потребителя ассоциации с красотой природы, уединением и высоким социальным статусом. Конструкция ***на вершине горы с панорамным видом*** создает в воображении образ уникального отдыха в красивом, исключительном месте, который не только предлагает комфорт, но и заставляет чувствовать себя частью чего-то особенного и роскошного.

В зависимости от семантической нагрузки локативные синтаксемы могут обозначать конкретное местоположение ***(в центре города, на набережной, в Санкт-Петербурге*** и т. д.). Такие синтаксемы часто включают географические объекты, адреса, ориентиры: *Кафе* ***в центре города*** *с уютной атмосферой; Теперь мы* ***в шаговой доступности***

от Вашего дома!*; Мы находимся* ***по адресу ул. Малая Калужская, д. 1*** и т. д.

Также синтаксемы могут структурировать образ абстрактного пространства: *Погрузитесь* ***в атмосферу комфорта****, Почувствуй себя* ***на вершине успеха*** и т. д. Абстрактные локативные синтаксемы часто используются в рекламных текстах, направленных на создание эмоциональной привязанности к бренду, особенно в рекламе люксовых товаров, туристических услуг и образовательных программ. Такие синтаксемы формируют желаемый имидж продукта и мотивируют реципиента к взаимодействию.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что формирование смысловой структуры рекламного текста начинается с синтаксем. В частности, локативные синтаксемы не только обеспечивают логическую связность предложения, но и становятся основой для создания пространственных и ассоциативных образов, влияющих на восприятие и поведение реципиента.

Локативные синтаксемы выполняют ряд важных функций в рекламном тексте: информативную, предоставляя точные данные о местоположении; эмоционально-ассоциативную, вызывая у реципиента образы, связанные с пространственными характеристиками объекта; мотивирующую, побуждая к действиям, и эстетическую, формируя положительный имидж продукта или услуги.

Таким образом, локативные синтаксемы являются неотъемлемой частью рекламного текста, обеспечивая его целостность и функциональность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникина Т.В. Синтаксические особенности англо- и русскоязычной интернет-рекламы // Филология: научные исследования. 2021. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskie-osobennosti-anglo-i-russkoyazychnoy-internet-reklamy (дата обращения: 28.03.2025).
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта, 2008. 263 с.

3. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
4. Мухин А.М. Синтаксема как функциональная синтаксическая единица // Филологические науки. 1961. № 3. С. 53–65.

Шашков Игорь Александрович *(Луганск, ЛНР, Россия)*

кандидат филологических наук
Луганский государственный педагогический университет
541hashkov.phd@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРОДУЦЕНТА
(на гипертекстовом материале веб-ресурсов)

Аннотация. Статья посвящена когнитивно-прагматическим особенностям организации языковой личности продуцента и ретранслятора закодированного знания в рамках функционирования гипертекстового материала в дискурсивных практиках сетевого дискурса. Исследователь рассматривает синтаксические особенности задействования языкового инструментария, способствующего эффективной ретрансляции закодированного знания и обеспечивающего реализацию адресант-адресатных отношений в пространстве заявленной сетевой дискурсивной практики.
Ключевые слова: продуцент, реципиент, синтаксические единицы, словосочетания, субъективно-кодируемое знание.

Abstract. The article is devoted to the cognitive and pragmatic features of the organization of the producent's and transmitter's language identity of encoded knowledge within the framework functioning of hypertext material in the discoursive practices of network discourse. The researcher examines the syntactic features of using language tools that facilitate the effective transmission of encoded knowledge and ensure the implementation of addresser-addressee relationships in the space of the stated network discoursive practice.
Keywords: producent, recipient, syntactic units, word groups, subjectively encoded knowledge.

Компетентная уровневая организация языковой личности продуцента обеспечивает успех информационно-дистрибутивной практики и само по себе эффективное функционирование сетевого дискурса. Задействование разноуровневых языковых средств позволяет продуценту репрезентировать себя как участника той или иной дискурсивной практики, обладающего определённым социально значимым статусом, превосходящим статус реципиента. «Социальный характер процесса идентификации подразумевает исполнение индивидом различных ролей, когда человек, преследуя свои цели,

примеряет определённую социальную маску – лицо, которое является проявлением самости в обществе. Реакцию окружающих на те или иные маски влияет на формирование идентичности при социальном взаимодействии» [2: 6]. «Взаимозависимое подчинение уровней организации личности обеспечивает успех в процессе самопрезентации себя как «авторитетного» субъекта дискурсивной практики <…>» [11: 85]. «При помощи определённых стратегий речевого поведения, а также лексических и синтаксических средств адресат транслирует образ самого себя, что позволяет воспринимать порождаемый в рамках дискурса текст как отражение человеческой личности» [5: 174]. «Отражение», формирующееся в сознании реципиента, способно создать представление о предполагаемом авторитетном статусе информатора, то есть того, кто подаёт информацию в читаемом им тексте. Созданное представление является отправной точкой для развития продуцент-реципиентных отношений.

Возможности многоуровневого лингвистического кодирования сетевого контента (в данном случае мы подразумеваем ориентировку сетевого пользователя по принципу *«от общего к частному»,* что соответствует поэтапному практическому устройству меню веб-ресурса, а именно: от уровня рубрик, анонсирующих тематические направления и информационное оснащение веб-ресурса до уровня представления гипертекстового произведения, то есть уровня частного / субъективного проявления особенностей идентификации языковой личности продуцента), позволяют выявить авторские особенности сосредоточения на когнитивно-прагматическом потенциале языковой личности реципиент-аудитории с целью эффективной массовой ретрансляции закодированных смыслов. «Речь – это и речевое действие, и ее результат – текст. Сама речевая деятельность – это и речевое поведение говорящего и его языковая способность (компетенция, компетентность)» [8: 192]. Суть идентификации лингвокреативного потенциала продуцента

рассматривается в нашем случае через текстотворческие возможности автора, под которыми мы подразумеваем способности оперирования средствами языка синтаксического уровня для передачи информации, для формирования необходимого впечатления в адрес реципиента. «Именно через креативное высказывание происходит актуализация языка, реализация языковой способности человека, попытка его вербальной самоактуализации» [6: 128].

На примере гипертекстового фрагмента, размещенного в открытом доступе на странице протоиерея Андрея Ткачева в социальной сети «Вконтакте», считаем возможным рассмотреть особенности реализации лингвокреативной деятельности продуцента на синтаксическом уровне.

«*Поститься мы можем? Глазами, ушами, языком, чревом? Нет. Весь наш современный мир создан для обжорства. Остаётся у нас милостыня. В первую очередь в слове, затем в деле и потом в деньгах. Деньги – это последний вид милостыни для тех, кто ничего другого не может. Потому что вскопать огород старухе или помыть окна калеке, принести продуктов инвалиду – это всё милостыня. Затем, если вы будете иметь духовный опыт, то никому не крича, вдруг почувствуете, что к вам слетаются люди, потому что пчела прилетит, если есть цветок. Цветок не кричит в поле, пчела сама его находит.*

Если вы сможете враждующих помирить, унывающего человека приободрить словом, погибающему сказать слово спасения, то к вам тоже придут люди <…>» (Протоиерей Андрей Ткачёв).

Так, например, оперирование средствами языка позволяет языковой личности продуцента наделить концепт «милостыня» субъективно ретранслируемыми когнитивными признаками, представляемые авторскими анонсируемыми ассоциатами. Методология выявления авторских признаков основывается на сопоставительном анализе словарных статей (лексических значений) из

лексикографических источников с авторским набором языковых средств, которыми передаётся содержательное наполнение и расширение концепта *«милостыня»* в представленном фрагменте гипертекстовой пробы.

Результаты сопоставления позволяют отметить наличие интенционально кодируемого знания, ретрансляция которого осуществляется в условиях поликодовой компетентности со стороны автора, что эффективно сказывается на лингвокреативной возможности содержательного наполнения концепта авторскими индивидуальными когнитивными признаками через средства языка.

На синтаксическом уровне идентификация лингвокреативного потенциала продуцента наблюдается через прием использования:

а) *глагольных словосочетаний* («<…> синтаксическая конструкция, образующаяся на основе подчинительных связей: согласования, управления и примыкания» [12: 79]): *вскопать огород старухе, помыть окна калеке, принести продуктов инвалиду, враждующих помирить, унывающего человека приободрить словом, погибающему сказать слово спасения.* Так, словарные дефиниции лексической единицы «милостыня» представлены следующим образом: «подаяние нищему» [1: 542], «подаяние нищему, нуждающемуся» [10: 300], «то, что подается нищему, подаяние» [9: 356]. Среди ближайших реакций на слово-стимул «милостыня» мы выделили: *«раздача, бедняк, нуждающийся, нищий, убогий, щедрый, оборванный, раздавать, подавать, просить»* [4]. По данным Национального корпуса русского языка наиболее частотными коллокатами с ключом «милостыня» *представлены: просить, подавать, нищий, подать, собирать* [3];

б) *вопросительных предложений: Поститься мы можем? Глазами, ушами, языком, чревом? Нет. Весь наш современный мир создан для обжорства.* В данном случае наблюдается прием включения вопросно-ответного блока (Л.Н. Синельникова), что создает эффект участия

адресата. «Делается расчет на реакцию гипотетического адресата, стимулируемую такого рода включением» [7: 255]. Использование вопросительных структур создает ситуацию, когда «<…> адресат вовлекается в мыслительный процесс, ему предоставляется психологически и этически значимое право размышлять и рассуждать вместе с адресантом» [там же: 255];

в) *предложений с участием подлежащего***,** выраженного личным местоимением 1 лица множественного числа**,** притяжательным местоимением 1 лица множественного числа: *Посту**ти**ться* ***мы*** *мо**же**м?, Весь* ***наш*** *современный мир создан для обжорства*. Авторский прием подобного построения предложения, на наш взгляд, способствует корреляции социокоммуникативных статусов реципиента и продуцента, «подстраиванию» под восприятие закодированного знания реципиент-аудиторией, конструированию иллокутивных установок реципиента.

Природа функционирования сетевого дискурса обусловлена возможностями ретрансляции информационного материала. Перспектива филологических исследований невозможна без учета адресант-адресатных отношений, в рамках которых реализуется лингвокреативный потенциал языковой личности продуцента, проявляющийся в задействовании средств языка разных уровней в процессе кодирования информации. Гипертекстовый материал, как поликодовое произведение, как результат планомерной кодируемой деятельности продуцента, является средством ретрансляции ценностных ориентиров и обладает способностью реализации когнитивно-прагматических установок и достижения перлокутивного эффекта в отношении реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
2. Громова В.М. Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2007. 18 с.

3. Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 29.07.2025).
4. Онлайн-проект «Сеть словесных ассоциаций». URL: https://wordassociations.net (дата обращения: 22.07.25).
5. Пак Л.Е. Дискурсивная личность спортивного комментатора США и России: гендерный аспект: дис. … канд. филол. наук. Владивосток, 2018. 178 с.
6. Серебренникова Е.Ф. К проблеме креативности в синтаксисе / Е.Ф. Серебренникова // Когнитивные категории в синтаксисе: кол. Монография; под ред. Л.М. Ковалевой (отв. Ред.), С.Ю. Богдановой, Т.И. Семеновой. Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 127–139.
7. Синельникова Л.Н. Стратегии приближения к адресату в современном медиатексте // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 22. 2014. № 13 (184). С. 253–261. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-priblizheniya-k-adresatu-v-sovremennom-mediatekste (дата обращения: 14.07.2025).
8. Степанова Ю.В. Языковая личность и аспекты ее изучения / Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2012. № 1. С. 186–192. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=17746112 (дата обращения: 29.07.2025).
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2013. 800 с.
11. Шашков И.А. Языковая личность продуцента в русскоязычном религиозном интернет дискурсе: дис. … канд. филол. наук. Донецк, 2019. 263 с.
12. Русская грамматика: [в 2 т.] / редкол.: д. филол. н. Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980. Т. 2. 717 с.

ШЕПТУХИН Михаил Константинович (*Волгоград, Россия*)

аспирант
Волгоградский государственный университет
mikhailsheptukhin@yandex.ru

СОЧЕТАЕМОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Аннотация. В статье рассматривается формирование специального значения у глагольных единиц, функционирующих в сфере IT. Установлены разновидности этого процесса: источниками специального значения могут быть уже имеющееся у слова специальное значение в другой сфере коммуникации или значение общеупотребительного слова. Показано, что изменение синтагматических свойств общеупотребительных глаголов, проявившееся в новой сочетаемости, приводит к изменению их парадигматических отношений. Отмечено, что такая лексика отражает адаптацию к адресату и деофициализацию современной профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: сочетаемость, лексическое значение, специальное значение, синтагматика, парадигматика.

Abstract. The article examines the formation of a special meaning for verb units operating in the IT field. Varieties of this process have been established: sources of special

meaning may be the special meaning of a word already existing in another field of communication or the meaning of a commonly used word. It is shown that the change in the syntagmatic properties of commonly used verbs, manifested in the new compatibility, leads to a change in their paradigmatic relations. It is noted that such vocabulary reflects adaptation to the addressee and de-formalization of modern professional communication.
Keywords: compatibility, lexical meaning, special meaning, syntagmatics, paradigmatics.

Функционирование языка представляет собой реализацию его парадигматики и синтагматики – самостоятельных, но связанных друг с другом аспектов языковой системы. Парадигматика реализует синтагматические возможности единиц и категорий языка, а синтагматика в свою очередь влияет на их парадигматические отношения.

Одним из проявлений синтагматики слова является его сочетаемость – «совокупность его синтагматических потенций, принадлежность которых слову характеризует его как определенное свойство, иначе говоря – это набор и условия реализации распространителей слова, парадигматика его синтагматических свойств, его связеизменение» [5: 81]. Определяя свойства единиц разных уровней языковой системы, особую роль она играет на лексическом уровне, который характеризуется сложной организацией, наличием подсистем, объединяющих разнородные по форме, семантике и функциям элементы. При этом единство речемыслительного процесса человека обусловливает взаимодействие единиц разных подсистем лексического уровня.

Такое взаимодействие демонстрирует процесс формирования специального значения слова на основе переосмысления семантики уже существующего в языке слова. Следует отметить, что данный процесс затрагивает не только семантику слова, но и его системные связи, в частности словообразовательные отношения, парадигматические и синтагматические свойства.

Проанализируем относительно недавно закрепившиеся в сфере IT глаголы (*провести*, *загрузить*, *скачать*, *перетащить*), которые, называя действия с файлами при работе в рамках компьютерной

программы, приобрели специальное значение в результате новой для них сочетаемости и изменили свой статус в лексической системе языка. Файл понимается как «информация, размещаемая на внешних запоминающих устройствах, снабженная идентификатором и оформленная как единое целое средствами операционной системы или языка программирования» [3: 486].

Наблюдения позволяют выделить две разновидности процесса формирования специального значения.

1. Специальное значение глагола формируется на основе слова, которое уже имеет в русском языке специальное значение в другой (других) сфере коммуникации.

Рассмотрим глагол *провести*.

Словарь фиксирует его как многозначный, отмечая 9 значений, одно из них – ‘Оформить, соблюдая все необходимые правила’ [2].

Это значение можно считать специальным, относящимся к сферам документирования управления (*П. сотрудника по штату. П. приказом по институту*) и финансовой деятельности (*П. счет через бухгалтерию*). В таком употреблении глагол *провести* не имеет синонимов, что характерно для специальных слов, у которых синонимические отношения либо отсутствуют, либо представлены ограниченно, как дублетные наименования исконного и заимствованных единиц (подробно об этом см.: [1: 126]).

В сфере IT, применительно к компьютерным программам, например программе 1С, проведение документа означает, что он становится доступен для анализа, контроля, отчетности. Глагол *провести* (*провести документ*) **обозначает** процедуру, при которой документ вносит изменения в состояние учитываемых данных, как правило, записывает движения в регистры (ср.: *проведенный документ* – документ, полноценно отраженный в учете).

Таким образом, в разных, хотя и близких специальных сферах глагол *провести* имеет сходную сочетаемость: объектом, на который направлено действие, является документ – бумажный или электронный (файл). При использовании в сфере IT произошла специализация значения этого глагола, его адаптация к новым условиям коммуникации, к системе новых понятий. Новая сочетаемость не привела к изменению парадигматических отношений этого глагола.

5. Специальное значение глагола формируется на основе значения общеупотребительного слова.

В научной литературе отмечается, что доминирующей тенденцией в восприятии мира человеком является движение от конкретного к абстрактному. Это находит отражение в языке [6]. Общеупотребительное слово, востребованное в социуме, со временем расширяет сочетаемость, что приводит к абстрагированию значений, при этом последующие значения становятся более «размытыми» [4: 32–34]. При формировании специального слова происходит другой процесс: изменение и ограничение сочетаемости и сужение лексико-семантической парадигмы.

Примером могут послужить глаголы *загрузить*, *скачать*, *перетащить*. Как общеупотребительные лексические единицы они многозначны, обозначают действия, направленные на разные объекты.

Так, глагол *загрузить* имеет значения: 1. ‘Наполнить грузом, запасами, товарами’; 2. ‘Обеспечить работой, занять работой, делами в нужном количестве’; 3. ‘Заложить руду, топливо и т. п. в печь, домну и т. п.’ [1]. Он имеет синонимы: *нагрузить*, *погрузить.*

На основе значения ‘Наполнить грузом, запасами, товарами’ у этого глагола в рамках предметного поля IT в сочетании с существительным *файл* сформировалось специальное значение ‘Скопировать данные из внешнего запоминающего устройства в оперативную память компьютера’, то есть ‘наполнить оперативную память компьютера’ [2].

Изменились свойства объекта, на который направлено действие, характер действия (оно осуществляется не в реальном, а виртуальном пространстве, не с реальными, а виртуальными объектами).

Глагол *скачать* в сфере общего употребления выражает значения: 1. ‘Выкачивая, удалить откуда-л. Что-л. Жидкое, поверхностный слой жидкости и т. д.’; 2. *Прост.* ‘Избавиться от чего-л., отделаться от кого-, чего-л.’ [7: 105]. Он имеет более частотный синоним *перекачать*.

Первичное значение легло в основу специального ‘Получить данные по сети (обычно с сервера) в основную память компьютера пользователя’. *Скачать файл* – ‘Получить файл либо документ, содержащийся в файле, через компьютерную сеть’ [3: 442].

Глагол *перетащить* также имеет несколько значений: 1. ‘Переместить, волоча, таща через что-л. ’; 2. ‘Таща, переместить, перенести, перевезти из одного места в другое’ [7: 100]. Как общеупотребительное слово он имеет в качестве синонимов глаголы *переместить*, *передвинуть*, *переставить*, *сдвинуть*, *сместить*.

На основе первичного значения у этого глагола в сочетании с существительным *файл* формируется специальное значение ‘Переместить файл из одной папки в другую с помощью мыши (перетаскивать, перемещать)’. Обратим внимание на то, что в словаре компьютерной терминологии описывается процесс «перетаскивания файла»: первый этап – нужно «зацепить» файл мышью; изображение перетаскиваемого объекта переместится; второй этап – буксировка; третий этап – отпустить кнопку мыши, как бы роняя перетаскиваемый объект в новом месте [3: 364].

Новая сочетаемость глаголов *загрузить*, *скачать*, *перетащить* обусловила формирование у них специального значения и привела к изменению их парадигматических отношений: в сочетании с существительным *файл* они синонимизировались, включились в одну лексическую (лексико-семантическую) парадигму. Отметим, что

выраженная метафоричность и «разговорность» этих глаголов дает основание считать их не собственно терминами, а профессионализмами. Такая лексика отражает процессы адаптации к адресату (слова, которые будут понятны широкому пользователю) и деофициализацию современной профессиональной коммуникации.

Исследование лексико-семантической сочетаемости слов позволяет выявить закономерности формирования их синтагматических связей, расширить существующие в лингвистике представления о значении как одном из актуальных вопросов лексикологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоус Е.С. Терминология управления документацией: семантика, структура, функционирование. Волгоград: ВГТУ, 2021. 164 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 26.03.2025).
3. Дорот В.Л., Новиков Ф.А. Толковый словарь современной компьютерной лексики. 3-е изд., перераб. И доп. СПб.: БХВ-Петербург, 2004. 608 с.
4. Косова М.В., Шептухина Е.М. Методологические положения лингвистической концепции профессора С.П. Лопушанской: новые сферы применения // Слово и текст в синхронии и диахронии: сборник статей: к 95-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2022. С. 26–48.
5. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании). Л.: Наука, 1975. 164 с.
6. Лопушанская С.П. Конкретно-пространственное и абстрактно-пространственное восприятие мира человеком как философская основа объяснения эволюции языка // Человек в современных философских концепциях: материалы Междунар. Науч. Конф. (Волгоград, 17–19 сент. 1998 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. С. 337–346.
7. Словарь русского языка. В 4 т. РАН, Ин-т лингвистич. Исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 3. М.: Русский язык, 1999. 800 с.

ШЕТЭЛЯ Виктор (*Москва, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
E-mail: szetela@mail.ru

О РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ТЕКСТЕ ПОЭМЫ АДАМА МИЦКЕВИЧА «ПАН ТАДЕУШ»

Аннотация. В статье рассматриваются значимые образные выражения русского происхождения, употребленные в тексте поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш». В статье отмечается, что единицы русского происхождения имеют свою историю, т. к. повсеместно употреблялись в разное время в польских газетных текстах XIX века и

раньше. Следует вместе с тем учитывать, что слова русского происхождения употреблялись и в текстах художественной литературы, а в частности в поэтических текстах. Пример употребления русских выражений как раз находим в поэме А. Мицкевича, в которой отражена польская речь, с вкрапленными в нее русскими выражениями, этого провинциального региона Литвы. В статье производится по возможности семантический, грамматический и проч. Анализ таких слов и объясняются причины, по которых они были употреблены.

Ключевые слова: заимствование, образные выражения русского происхождения, текст поэмы, польский язык региона, поэтический текст, трансформация.

Abstract. The article examines significant figurative expressions of Russian origin used in the text of A. Mickiewicz's poem "Pan Tadeusz". The article notes that units of Russian origin have their own history, since they were widely used at different times in Polish newspaper texts of the 19th century and earlier. At the same time, it should be taken into account that words of Russian origin were also used in fiction texts, and in particular, in poetic texts. An example of the use of Russian expressions is found precisely in A. Mickiewicz's poem, which reflects Polish speech, interspersed with Russian expressions, of this provincial region of Lithuania. The article, where possible, provides semantic, grammatical, etc. analysis of such words and explains the reasons for their use.

Keywords: borrowing, figurative expressions of Russian origin, text of the poem, Polish language of the region, poetic text, transformation.

Адам Мицкевич (Adam Mickiewicz, 1798–1855) – выдающийся польский поэт и новатор в области польского языка, в 1832 – 1834 гг. на эмиграции в Париже создает поэму «Pan Tadeusz» («Пан Тадеуш»), на волне ностальгических воспоминании о родной Литве.

Поэма и язык, на котором было сочинено произведение, не сразу было принято консервативной группой литераторов, не воспринимающей ее новаторские значение.

Сам поэт мечтал и пожелал своим будущим читателям из простонародья, чтобы его произведение попало под крыши их простых крестьянских хат.

О том, какое впечатление произвела поэма на носителей польского языка писал Л.Н. Гомулицкий, который вспомнил статью В. Ходасевича о том, как в его детские годы мать молилась вместе с нам по-польски перед Матерью Божьей Остробрамской, а затем читала ему «Пана Тадеуша». Поэма для нее была той же молитвой [2].

Г. Сенкевич в новелле «Latarnik» («На маяке») поэме «Пан Тадеуш» отвел заключительную роль, определившую судьбу человека [8].

Вместе с тем в одной из заметок «Литературного наследия» нами было обнаружено высказывание Н.Г. Чернышевского о том, что в польской родной речи поэта русский акцент был весьма ощутим.

При всей спорности подобного высказывания можно выдвинуть несколько предположений, поддерживающих эту мысль. Во-первых, возможно, так называемый русский акцент будущего поэта. Он мог образоваться в детские годы под влиянием языковой среды местности, где он родился и воспитывался, то есть в окрестностях Новогрудка (ныне белорусского городка). Во-вторых, этот «акцент» мог усилиться во время его учебы в Вильно, где нетрудно было попасть под влияние особой «виленской мовы». В-третьих, эта особенность речи поэта могла усилиться во время его пребывания в России, путешествия по Крыму в обществе русских спутников, с которыми он должен был как-то общаться.

Но все же это не помешало созданию цикла «Крымских сонетов», которые являются образцом польской литературной речи.

Н.Г. Чернышевский не определяет ни время, ни ту среду пребывания поэта, которая могла повлиять на формирование особенностей его речи, если такое в самом деле имело место.

Но все же, все это вместе взятое, не столь уж и важно. Более важным является вопрос, на который пока нет ответа: а откуда Чернышевский мог знать подобное о поэте? Только носитель польского языка как родного может почувствовать эту произносительную особенность своего земляка. Чернышевский, даже если и владел польским языком, даже если и слышал выступление Мицкевича, то никаким образом не мог на слух определить правильность или же неправильность речи.

Польский и русский языки слишком близки, чтобы носитель русского языка как родного мог оценить речь носителя польского языка с точки зрения правильности ее произношения.

Только правдивая ли эта «неправильность»? Скорее всего, высказывание о польской речи поэта является лишь слухом, распускаемом теми, кто бывал в салоне Волконской во время пребывания там Мицкевича, кто общался с ним там или в Остафьево, кто «близко стоял» и слушал его поэтических импровизации, кстати, производимые на французском языке. Эти импровизации были высоко оценены А.С. Пушкиным.

Ничего необычного в речи Мицкевича не отметила А.О. Смирнова-Россет, которая довольно близко общалась с поэтом, вероятно, на русском языке или же на языке салонов, то есть на французском, и которая высоко оценивала дружбу А. Мицкевича и А.С. Пушкина [4: 54, 340].

Это наше пространное вступление должно показать значимость поднятой темы о русских заимствованиях в тексте поэмы «Пан Тадеуш».

В поэме «Пан Тадеуш» имеются единицы русского происхождения, наличие которых не только показывает, из какого материала состоит стихотворная строка поэмы, но и демонстрирует, какой была польская речь шляхты литовской провинции. Такой она и была эта польская речь, и до сих пор она такой является у поляков, проживающих в Вильно и ее окрестностях.

А. Мицкевич воспроизводил польскую речь своих соплеменников в таком виде, какой она действительно была на его памяти.

В его поэме употреблено русское слово *rozgowor* – польск. *Rozmowa*: *Resztę dowodów pana Ekonoma / Nie mógł usłyszeć Sędzia, bo pomiędzy dwoma / Rozprawami wszczęło się dziesięć* ***rozgoworów****, Anegdot, opowiadań i na koniec sporów* [7: 68].

В переводе С. Мар это русское слово отсутствует, и при определенной трансформации, сохранявшей все же содержание, текст выглядит следующим образом: *Но дальше продолжать не дали эконому,*

/ Шумело общество, и каждый по-иному / Доказывал свое; посыпались остроты, / Но вскоре спор прервал смешки и анекдоты [3: 210].

Можно привести и другие примеры подобной смешанной речи, в которой появляются русские слова. Скажем, слово *pomieszać* – должно быть: польск. *Przeszkodzić*: «*Przepraszam, rzekł, Panienko! Widzę, żem pomieszał Zabawy*» [7: 79] – *Прошу прощения, я* ***помешал*** *забаве, Паненка на меня теперь сердится вправе* [3: 103].

Лингвистическим курьёзом является употребление в тексте названия бахчевой ягоды, по-русски называемой *тыква*, по-польски *dynia*. Но переводчик разницы не видит, хотя польская дыня – это *kawun, melon: głową Wspartą kręcił, jak tykwą wbitą na kij długi* [7: 199] – *головой, подпертою дубиной, Вертел, как тыквою, на шест надетой длинный* [3: 222]. Мицкевич знал, о чем писал, и умело воспроизводил речь этой специфической языковой среды.

Отметим в этой речи еще такое слово, как *kałamaszka* от *kałamaga* – «разновидность гужевого транспорта», которое, на наш взгляд, является русизмом в тексте поэмы: *Tymczasem szlachta coraz gęściej przybywało… W* ***kałamaszkach*** *i bryczkach, i piesi, i konni, Stawią wozy, podjezdki* [7: 188].

В переводе С. Мар названы не все эти средства передвижения, наиболее колоритные из них пропущены, см.: *А шляхтичей меж тем все больше прибывало <…> Повозки и возы оставили снаружи* [3: 210]. Переводчик в своём тексте не оставляет русских слов и не передаёт в этом и в предыдущих случаях, эту особенность подлинника.

Общеславянским, а не сугубо русским, является название для «небольшой речки» – *ruczaj*, от которого повествование и начинается: Śród takich pól przed laty, nad brzegiem **ruczaja**, / Na pagórku niewielkim… [7: 8].

В переводе С. Мар эта речка названа: *Среди таких полей, на берегу холмистом, / Где пробегал* ***ручей*** *с журчаньем серебристым* [3: 35].

«Историко-этимологический словарь» П.Я. Черных указывает на целый ряд национальных вариантов слова **ручей** в славянских языках и общего для них слова-источника ***ručjь**, которое от ***rukëjь** родственному глаголы **рычать** [5: 129].

Кроме таких единиц в поэме употреблены слова, происхождение которых связано с российской тематикой и русским языком. Прежде всего такими являются названия московских титулов и званий.

Мицкевич употребляет слово *car* часто в сочетании со словом *ukaz* – «dekret»: *Stąd się Hrabia żali, Że cywilizacyja większa u Moskali, Bo tam tam o polowaniu są **ukazy cara** I dozór policyi…* [7: 65] – *У москалей найдёте Цивилизацию – законы об охоте! Там для охотников **указы** есть **царевы*** [3: 86].

Это не первое употребление слова *car* в польской поэтической строке. В 1583 году Ян Кохановский (1530–1584), выдающийся поэт польского Возрождения, сочиняет по заказу Радзивиллов поэму «Поход на Москву» („Jezda do Moskwy”), в которой отметим следующие строки с имеющимся там словом *car*. См.: *Czyli temu dawne czasy, kiedy szczęściu swemu **Car** moskiewski ufając chciał światu wszystkiemu Groźnym być* [6: 159] – *В былые времена, когда, доверяя своему счастью, царь московский хотел для всего мира Грозным быть* (перевод наш. – В.Ш.).

Как известно, этот титул Иван Грозный принял в 1547 году, а Кохановский употребил его в своей поэтической строке 36 лет позже.

В начале XIX века слово *царь* в польской речи употреблялось для названия императора Российского государства.

В тексте поэмы «Pan Tadeusz» употреблены и другие титулы и наименования должностных лиц: *kniaź, sprawnik, pop,* которые все же не всегда находили соответствия в переводе на русский язык.

Переводчик не счёл нужным вводить в свой текст русские заимствования, которых множество в подлиннике.

Русская поэтическая строка отражает и содержание текста, и смыслы употребленных различных стихотворных средств высказывания.

Сказанное определяет заслугу Адама Мицкевича как новатора и создателя польского поэтического языка XIX века, а также как автора значимых поэтических произведений, которые вошли в фонд польской и мировой литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боборыкин П. Две славянские повести: «Пан Тадеуш» и «Евгений Онегин» // Северный вестник. СПб., 1894. № 3. С. 49–86.
2. Гомулицкий Л.Н. По поводу русской «страницы Мицкевича». В Литературном Содружестве» // Сочинения русского периода. Проза. Литературная критика. Т. 3. URL: Lit.wikireading.ru / 35722
3. Мицкевич А. Пан Тадеуш, или Последний наезд на Литве, шляхетская история 1811–1812 годов в двенадцати книгах стихами / перевод С. Мар (Аксеновой). М.: Книга, 1985. 415 с.
4. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С.В. Житомирская. М.: Наука, 1989. 789 с.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз. Медиа; Дрофа, 2009. Т 2.
6. Kochanowski J. Jezda do Moskwy i posługi z młodych lat aż i przez wszystek czas przyszłej wojny z Moskiewskim ojczyźnie swej i panom swym czynione jego m. I pana Krzysztofa // Dzieła polskie. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1953. T. III. S. 156–170.
7. Mickiewicz A. Pan Tadeusz czyli ostatni zajazd na Litwie. Historia szlachecka z r. 1811 i 1812 we dwunastu księgach wierszem. Wrocław – Warszawa – Kraków: Ossolineum, 1963. 430 s.
8. Sienkiewicz H. Latarnik // Sienkiewicz H. Pisma w układzie Ign.Chrzanowskiego. T.XXXVIII. Nowele. T.VI. Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Lwowie. 1933. S. 1–24.

ЮДКИН-РИПУН Игорь Николаевич (*Киев, Украина*)

доктор искусствоведения, член-корреспондент
Национальной академии художеств Украины
dr.iyudkin@gmail.com

МЕРОНИМЫ В АМПЛИФИКАЦИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АСПЕКТА ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПРОЗЕ В.Ф. ПАНОВОЙ И В.А. КАВЕРИНА

Аннотация. Накопление деталей в амплификации обнаруживает совмещение свойств обозначения предметов и признаков, номинации и предикации, свойственное синкретсемии. Меронимы становятся ремами и предикатными аргументами, открывая возможность обуславливать аспектуальные характеристики предикации. Эмфаза деталей становится средством мотивировки событий, обозначает целевую направленность действий.

Ключевые слова: рема, семантический синкретизм, семантический субъект, концептуальная схема, симптом, диатеза.

Abstract. The accumulation of details in amplification displays the coexistence of the properties to designate both objects and attributes, of nomination and predication peculiar for syncretism. Meronyms turn to become rheme and predicative arguments enabling thus the determination of the aspectual dimensions of predication. The emphatically pointed details become the means of events' motivation and designate the purposefulness of actions.

Key words: rheme, semantic syncretism, semantic subject, conceptual scheme, symptom, diathesis.

Старинный риторический приём, амплификация находится на краю поля внимания исследователей и оценивается обычно отрицательно, как источник многословия, плеоназма – достаточно вспомнить упреки О. Бальзаку в «болтливости» (фр. Bavardage). Между тем уже А.П. Чехов рекомендовал строить текст как вычеркивание излишеств, подразумевая тем самым их предварительное накопление, а в прозе XX в. (у продолжателя мемуарной традиции М. Пруста, в восходящем к театральной солилоквии «потоке сознания» В. Вульф, в «латиноамериканском романе») изобилие подробностей предстает как необходимое средство мотивировки событийного ряда. Вопреки распространенным взглядам на амплификацию как необязательную, факультативную, декоративную составляющую текста, наращивание второстепенных членов предложения, обособленных оборотов, перечислений однородных членов оказывается способным открывать непредсказуемые смысловые возможности, оставляющие открытым вечный вопрос Ф.И. Тютчева – «как слово наше отзовется».

Именно мотивационное призвание амплификации определяет ее незаменимость в прозаическом эпосе, где сосредоточение частностей обретает решающее значение для обоснования повествования. Если в драме (и в пассажах прямой речи прозы) она используется в тирадах, монологах либо в авторских ремарках, если в лирике она может отождествляться с образом либо служить описательным целям, то для прозы ее назначение видится в определении самих условий игры

персонажей, создании «предлагаемых обстоятельств». Здесь неизбежно вовлекаются меронимы – обозначения частей целого, деталей, причем именно предметов, в противоположности гипонимам, указывающим на членение признакового пространства. Это отличительное свойство меронимов открывает возможности особой метонимии, когда «признаки части … приписываются целому» (*в зеленом платье – зеленая барышня*) [7: 87], не говоря уже о подразумеваемых синекдохах, где целое предполагает имя собирательное. Дальнейший шаг в таких семантических переходах – субстантивация признака в имени собирательном (напр., *зелень*, *желтизна*), метонимия *abstractum pro concreto*, однако для обозначения деталей существеннее обратный ход от предмета к признаку, превращение в название симптома (как в медицинских терминах – *сыпь*, *лихорадка*) [13: 96]. Именно этот ход открывает путь превращению меронима в обозначение актуального предикатного признака – рему, где деталь предстает как место «рематического акцента» (термин С.Г. Ильенко), предикатной эмфазы. Факторы актуализации предиката, как отмечал А.В. Бондарко, «характеризуются не собственно синтаксической, а функционально-семантической организацией» [1: 447], включая детализацию в амплификациях. Предметно-признаковые превращения деталей в симптомы переходят в субъектно-предикатные отношения текста, мотивирующие действие уже как предикатные признаки, возникшие из обозначений предметных обстоятельств.

Именно мотивирующую роль деталей находим в русской прозе середины XX в. Таков дверной *крючок* в эпизоде из повести В.А. Каверина «Перед зеркалом», где героиня, эмигрантка, беседует с художником в его жилье: «*Он … закрыл дверь, не решившись все-таки накинуть крючок. Но этот крючок уже участвовал во всем, что он рассказывал, как бы заставив его раздвоиться*» [6: 212]. Деталь становится активной силой, ввиду которой в итоге герой отказывается от намерений относительно

собеседницы: возникнув как рема (обозначение отгораживания), она превращается далее в агенс действия. Так средство амплификации в описании жилья оказывает воздействие на предикацию текста, превращая активные действия в пассивное следование обстоятельствам. В романе В.Ф. Пановой «Времена года» развернутая амплификация дана в описании эпизода в заводском общежитии: «*В одной из комнат общежития угол был огорожен ширмой. За ширмой ужинали мужчина и женщина. Больше ни души сейчас не было в комнате, и стол, стоявший посредине, был свободен, но женщина кормила мужчину в своем уголке, у тумбочки … Им было тесно и неудобно, но все же это был свой угол, своя тумбочка; здесь был коврик над кроватью, и прошивки на наволочках, и цветочки на ширме, это был очаг, в час семейного отдыха они льнули к очагу*» [8: 88]. Относительно предикации здесь очевидны аспекты однократного действия (*ужин, кормление*), статальности (констатация того, что *было*), наконец, узуальный аспект обычая (*льнуть*). Но особенно существенна зависимость предикации от перечисленных обстоятельств (*уголок, тумбочка* и др.) с объединяющим их собирательным именем *очаг*. Первоначально ремой оказывается *ширма*, а не само отгораживание или ужин. Именно она стоит под эмфазой и определяет адверсативное, противительное отношение (*но*) между пространством комнаты и устройством ужина.

Мотивировка действия деталями в этих примерах предполагает освещение субъектной перспективы текста, а не только предикации, поскольку, согласно А.В. Бондарко (поддержавшего С. Г. Ильенко), «персональность включается в круг предикативных актуализационных категорий» [1: 547]. Меронимы становятся как ремами, так и аргументами предикатов и сказываются на характеристике семантических субъектов повествования, таких как «коммуникативный субъект или тема предложения», «субъект – детерминант», в частности выполняющий «дублирующую роль … дополнения» [4: 67]. Здесь опознается хорошо

известная в театральной практике «мультипликация субъектов» (когда, например, «камень преткновения» из притчи становится главным действующим лицом драмы) [12: 71]. Такого рода метаморфозы субъектов в амплификациях демонстрирует место из романа В.Ф. Пановой, где говорится о довоенном детстве одного из персонажей: *Бабушка … растирала в ладонях листья ноготка и нюхала; и Саша растирал и нюхал … Ему казалось, что и подушка, на которой он спал у бабушки, и бабушкино платье, и вся ее усадьба пахнут этим крепким солнечным запахом* [8: 94]. Уже узуальный аспект обычного, повторяемого действия (*растирать*, *нюхать*), обнаруживая черты обрядности, подготавливает следующий, перцептивный аспект созерцания (*казаться*), превращающий переживания в неотъемлемый личный опыт. Ремой становится *запах*, смысл которого выходит далеко за рамки частного обонятельного ощущения: спустя много лет те места возвращаются в память «*темными полями, пахнущими мятой*» [8: 97]. Если учесть, что далее героя ожидает гибель отца на фронте, то бабушкин цветок, вся атмосфера ее обретает смысл того, что обозначается собирательным именем *благословение*.

Подобные примеры семантических сдвигов сгущения деталей в амплификации свидетельствуют о двойственности, множественности их выразительных возможностей, в частности о потенциальной совместимости обозначений признаков и предметов, а не только об актуализуемом в тексте превращении в предикаты. В частности, совмещение возможностей представления меронима в качестве обозначения как предмета, так и признака (в духе поговорки о «*красной тряпке для быка*», где признак цвета отождествляется с его носителем), свидетельствует о применимости в данном случае правила «языковой знак имеет тенденцию приобретать иконичность» [11: 100, 271, 294]. Неотделимость свойств предмета и признака указывает не на полисемию и деривацию переносного смысла, а на синкретсемию, которую

актуализирует амплификация. М.Вас. Пименова, разработав саму концепцию синкретсемии, отметила особую сигнификативную разновидность «в амальгамных… значениях, в синкретичных значениях имен-концептов» [9: 40]. Здесь есть основания говорить не о тропах с семантическим переходом, а именно о формировании локальных концептов или «концептуальных схем» как альтернативы деривации [2: 42]. Амальгамой представляется и «диффузное субъектно-объектное значение» [3: 51], где активность семантического субъекта зависима от «предлагаемых обстоятельств» амплификации.

Например, саркастически описанные В.Ф. Пановой «*зеленые выдвиженцы, не соображающие, какие возможности свалились им в руки вместе с выдвижением*», попадают в поле зрения героини романа Нади, которая сама на курсах секретарш слышит от преподавательниц, что «*служащая девушка должна быть как картинка*» и следует этому так, чтобы «*сходство с букетом … придать себе*» [8: 212]. Меронимы *букет* и *картинка* предстают как активные силы, предикатные аргументы, определяя поведение подчиненных им персонажей. Такое превращение персонажей в объекты, определяемые правилами игры и ее обстоятельствами, свидетельствует о своеобразной диатезе, подмене активности формально не выраженным, но подразумеваемым страдательным залогом.

Накапливаемые в амплификациях меронимы могут не только выделяться эмфазой как ремы, но и определять характер предикации, поскольку «возможность включения показателей модальности в состав уточняющих и поясняющих обособленных конструкций может служить доказательством их полупредикативной природы» [10: 422], на основании известной концепции В.И. Фурашова. Продолжая эту мысль, можно утверждать, что в амплификации создаются предпосылки определения не только залога (диатезы) и модальности, но и аспектуальной характеристики предикации в целом. В частности, приоритетное место

занимает перцептивный аспект как «условная наблюдаемость» [1: 277], необходимая для описательных эпизодов. Именно детализация повествования дает возможность судить об интенциональных показателях предикации, о целях сообщения.

Так, в повести В.А. Каверина «Косой дождь» герой – мальчик, мать которого еще в его младенчестве рассталась с отцом, – узнает о ком-то неведомом, услышав, как «*мама и тетя Ирина разговаривали о человеке*», и слова в разговоре удивили: *до сих пор мама выставляла на холод, за окно только мясо и масло* [5: 501]. Так очерчивается мотив тайны, который далее становится движущей силой поступков героя – поисков неведомого отца. Бытовые предметы (*мясо*, *масло*) и детали пространства (*холод*, *окно*) раскрывают новый для мальчика смысл уже известного глагола – аспект противительности. Они становятся симптомами, признаками надвигающихся событий. Формально выраженная однократность (*разговаривали*) оборачивается начинательным аспектом, отправной точкой поисков Инкогнито.

У В.Ф. Пановой описание обычной встречи героем на вокзале жены, возвращающейся из обычных командировок, определяется амплификацией деталей обстановки: *Всегда… Чуркин с бьющимся сердцем шел по платформе… И всегда… милое лицо… показывалось в другом окне… Нина стучала в стекло, Чуркин… стоял у вагонной подножки* [8: 289]. Стабильность (*всегда*) узуального аспекта, неизменность действий передается здесь постоянством предметных деталей, где особое место занимают пограничные, пороговые предметы (*окно*, *подножка*), указывающие на ритуальный смысл происходящего. Устойчивость эпизода подготавливает контраст с последующим, где за встречей сообщается о событиях в городе. Обозначения границы становится симптомом перехода к новой ситуации.

Полупредикативные свойства, обнаруживаемые меронимами с их накоплением в амплификации, проявляются в совмещении предметного

и признакового значения как семантического синкретизма. Детали в амплификации предстают не как тропы, а как концепты, в частности, в роли ремы или предикатного аргумента, обуславливая аспект предикации. Повесть «Перед зеркалом» перед эпилогом завершается эпизодом воспоминаний героя, математика, о давней встрече с возлюбленной и совместном купании в летней реке во время и после «слепого» дождя: *Потом, когда дождь перестал…, она долго сидела на берегу в купальном костюме, обхватив колени руками. Все дымилось вокруг, от песка шел пар … Лиза ушла одеваться и не возвращалась так долго… – «из озорства», подумалось ему. Но она сказала, что не шалила, просто задумалась* [6: 233]. Здесь очевидно преобладание аспекта перцептивности (созерцаемые героем воспоминания) и возвратного залога, определяя пассивность субъектов, следующих заведенному порядку. Меронимы обстановки *дождь, пар, дым* указывают на активность среды. Однако ключевую роль играют последняя рема – *задуматься*, предстающая как антоним *озорству*, и дважды упомянутые, размещенные под эмфазой наречия *долго*. Речь идет о неназванном *предчувствии*, поглощающем мысли и чувства Лизы. Обращенный в прошлое, эпизод несет начинательный аспект по отношению к судьбе, о которой была повесть.

У В.Ф. Пановой один из персонажей, поссорившись с матерью, оказался в притоне под давлением темных лиц и с раскаянием спешит вырваться. В этом эпизоде аспекты предикации определяются меронимами обстановки: *Геннадий долго возился с незнакомыми запорами… и пустился наутек по лужам… Он мчался домой. Не к Зинке, а домой, под кров… К сильным заботливым рукам, которые он оттолкнул… Уже подбегая к своему крыльцу, …поскользнулся в грязи и грохнулся с маху… почувствовал удар в спину* [8: 264–265]. Не говоря уже о воссоздании тут мотива «возвращение блудного сына», пейзажа со всеми признаками психологического параллелизма, об открыто

названном концепте *удар в спину*, уместно указать две детали, определяющие аспекты действия – *бегства*: это, во-первых, *запор* как указание на подразумеваемое собирательное имя *препятствия* (вместе с деталями погоды), а во-вторых, *кров* как образ родного дома и цель действия. Значимость иных перечисленных деталей (как *крыльцо*) указывает на аспект предельности, на терминальную ситуацию, а материнские *руки* (ранее *оттолкнутые*) противопоставляются перечисляемым препятствиям.

Итак, сосредоточенные в амплификации детали обладают предикатными свойствами. Представая как симптомы событий, они воздействуют на аспекты предикации, мотивируя развертывание действия. Детализация повествования с привлечением меронимов позволяет путем эмфатического выделения раскрывать модальность сообщения, цели субъектов действия, каузальную связь событий. Эти возможности зиждутся на раскрываемой в амплификации синкретсемии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
2. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
3. Иосилевич Н.В. К вопросу об односоставном предложении // Грамматические категории и единицы. Владимир: ВГПУ, 2004. С. 47–52.
4. Иосилевич Н.В. Семантический субъект как многозначное понятие // Языковые значения, формы и категории. Владимир: Транзит – ИКС, 2021. С. 60–68.
5. Каверин В.А. Косой дождь // Каверин В.А. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1977. С. 491–544.
6. Каверин В.А. Перед зеркалом // Каверин В.А. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1977. С. 23–240.
7. Кожевникова Н.А. Синтаксическая синонимия в художественном тексте // Вопросы языкознания. 2005.№ 2. С. 82–88.
8. Панова В.Ф. Сентиментальный роман / Панова В.Ф. Собр. Соч. в 5-ти тт. Т. 2. Л.: Художественная литература. 1987. С. 303–494.

9. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания, 2011, № 1. С. 19–48.
10. Сафронова Н.А. О полупредикативности уточняющих и пояснительных обособленных членов // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы двенадцатой Международной научной конференции. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 421–423.
11. Тэк-Гю Хонг Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М.: Индрик, 2003. 446 с.
12. Юдкін-Ріпун І.М. Феноменологія культури як методологія інтерпретації. Київ: Інститут культурології НАМ України, 2020. 336 с.
13. Юдкин-Рипун И.Н. Многозначность меронимии как источник многомерности повествования в русской прозе середины XX в. // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции. Орел: ООО Модуль-К, 2024. С. 91–100.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии……..… 3

Фурашов В.И. Владимир Фёдорович Киприянов…… 7
Пименова М.Вас. Типология лексических значений в трудах Владимира Фёдоровича Киприянова ……..…… 24

Авдийчук Е.Н. Атрибутивная функция сакральной лексики в современном поэтическом субпространстве (на материале современной поэзии о войне на Донбассе)……..…… 29
Агрова Г.Н. Ольфакторный модус перцепции в поэзии Ю. Мориц, посвящённый ёлке……..….. 34
Алексеев А.В. Происхождение лексического концепта *деревня*…….. 41
Алиев Т.А. *У*потребление некоторых терминов графики, орфографии и фонетики в русском языке от начала XVIII в. до наших дней…… 48
Баско Н.В. Взаимосвязь синтагматического и парадигматического аспектов при обучении иностранных учащихся русской фразеологии…… 54
Бекасова Е.Н. Челобитные Владимирского края: особенности «прошивки» текста…… 59
Брахим Т.А. Контрастивный анализ структуры семантического класса глаголов удаления в русском и французском языках: ядро и периферия.…… 69
Бычкова В.С. Семантические особенности окказиональной лексики, мотивированной номинацией *провинциал*……..….. 76
Варнаева А.Е. Образ Родины в русском языковом сознании…… 79
Васильева М.А. Новые мирные переговоры по Украине: европейский взгляд (на материале статей в The Guardian)……..…… 87
Виноградов С.Н. Метаязыковой потенциал речевых последовательностей при описании парадигматики …… 94
Владимирова Т.Е. Эстетический потенциал языка и ментальный образ мира…… 101
Волошина О.А. Приемы синтагматического и парадигматического анализа языка в древнеиндийской грамматике Панини……..…….. 104
Генералова Е.В., Филиппова М.А. Функциональные особенности фразеологизмов положительной и отрицательной оценки с частицей *не* в современном русском языке……..…….. 107
Грачев М.А. Условные обозначения криминальных элементов как часть их мировидения……..……..… 114
Давыдова Р.С. Контаминация как способ окказионального словообразования прагматонимов – фиктонимов пищевой промышленности... 121
Данич О.В. Лингвокультурная грамотность в контексте белорусской ментальности (на материале учебного словаря лингвокультурной грамотности младших школьников)……..…… 126
Девятова Н.М. Предметные реалии: когнитивный и сравнительный потенциал (на примере существительного *трамвай*)……. 132
Дединкин А.Л. Речевая стратегия уговаривания в русскоязычном экстремистском дискурсе……..... 135
Дмитриева Ю.Л. *Я*зыковой образ горловчанина в текстах печатных изданий Донбасса (на материале газеты «Кочегарка»)……..…….. 141

Дубинина В.А. Милитарные эргонимы в современном городском ономастиконе…….. 147
Дубова М.А. «Расплеснутое время» Б. Пильняка: лингвопоэтическое прочтение…… 153
Ермолова К.А. Семантика ЛСП «Театр» в рецензиях в издании «Театральный журнал»…… 159
Ерофеева И.В. *Добро* и *зло* в языковой категоризации мира средневекового книжника……..…. 166
Жаркова А.В. Амплуа: определение и понятие……..….. 174
Иванчук И.А. Язык и ментальность в естественно-научном и терминологическом творчестве М.В. Ломоносова……. 181
Иванян Е.П. Особенности лексикона владельцев собак……..…… 188
Ивашевская Е.А. Роль перцептивной лексики в рецепции лирики С. Парнок (на материале сборника «Ненужное добро») …… 195
Казмирчук О.Ю. Возможности использования фразеологических единиц в художественных текстах (на примере поэтического цикла Б.Л. Пастернака «Переделкино»)…….…… 202
Камышева С.Ю., Канафина З.Т. Языковая политика и номинативные практики: влияние на коммерческую ономастику и языковой ландшафт…… 210
Качан О.Г. К вопросу о лексической парадигме слова и семантике синтаксической конструкции (на материале целевых конструкций в русском и белорусском языках)…….. 213
Килина Л.А., Сафаргалина А.В. Прилагательное *доскональный* в русском языке: корпусное исследование лексической семантики……..… 219
Киселёва Л.А., Коровкина А.В. Семейный язык в социокультурном аспекте..…… 224
Киселёва Л.А., Самигуллина К.А. Звук как элемент художественной картины мира в произведениях М.А. Шолохова……. 228
Климкович О.А. Особенности употребления лексических единиц, обозначающих участников судебных процессов, в витебской деловой письменности XV – XVII вв. ..……. 236
Козлова А.Ю. Особенности этнографических записей крестьянина В.К. Влазнева (Зарайский уезд Рязанской губернии): лексика и семантика…. 241
Козлова А.Ю., Маркина Е.А. Прецедентные имена Великой французской революции в современном русском литературном языке…….…… 249
Королева И.А. Дмитрий Николаевич Ушаков – уникальный лексикограф советской эпохи …….. 256
Кравченко М.А. «Одно слово» vs «одно название»: функциональная дифференциация метаоператоров в дискурсе …….. 262
Кудрявцева И.П. Лексико-семантические характеристики фразеологических единиц английского языка со значением времени…… 268
Кузнецова Е.А. К вопросу о переименованиях в ойконимии (на материале Владимирской области)…… 277
Куранова Т.П., Павлова К.О. Контекстуальные трансформации фразеологических единиц в заголовках российских СМИ…… 283
Куранова Т.П., Черкасова М.П. Реализация метафорических концепций в заголовках печатных СМИ…… 290
Лагузова Е.Н., Сысойкина М.О. Внутренняя и внешняя синтагматика описательных глагольно-именных оборотов в эпистолярных текстах А.П. Чехова…….. 295

Лагутова А.С. Устойчивые конструкции жанра акафиста: фраземы и синкретемы…….. 300
Ланская О.В. Природа и человек в лирике Ю.П. Кузнецова: ключевые слова-символы …… 302
Ларина Н.А., Мичурина Д.А. Лингвоцинизмы в рекламном дискурсе……. 309
Малахова Л.В. Образ дома в повести С.А. Есенина «Железный Миргород»…… 315
Малинская Т.В. Реализация темпорального омокомплекса *после* (на материале НКРЯ)…… 317
Маркова Е.М. Единство материального и ментального в символическом значении языковых единиц…….. 323
Маслова В.А. Границы диалога при изучении поэтического текста…….. 331
Мелехова Л.А. Категориальное значение отрицательности как ментальная доминанта русского поэтического текста…… 337
Немич Н.Н. Языковые средства создания вымышленных топонимов в мире инобытия…..…… 343
Одинцова И.В. Собственно-, несобственно- и контекстуально-обусловленные причинные отношения в практике преподавания РКИ……. 350
Панжиев Н.П. Конечные консонантные кластеры в русском языке: синтагматический анализ…… 355
Панкратова М.В. Цветовая семантика пейзажа в произведениях С. Есенина, Б. Пастернака и В. Маяковского…….. 365
Петрова З.Ю. Семантическая сочетаемость метафор и сравнений: взаимодействие парадигматики и синтагматики (на материале зооморфных компаративных тропов современной русской прозы)…… 369
Подтележникова Е.Н. Синтаксическая структура заголовка мультипликационного фильма…… 377
Понкратенкова А.В. К проблеме определения понятия речевого жанра в исследовании семейного дискурса…….. 379
Пономарева Т.А. Концепт «память» в художественной картине мира Иосифа Бродского…… 384
Раткович Д. Зоонимические наименования ленивого человека в речи Пирота…… 393
Ребецкая Н.А. Помета «сочетание» в словаре языка Пушкина (исследование на материале базы данных)…… 402
Реинер А.И. Устойчивые предложно-падежные сочетания, связанные с торговлей, в обиходном и деловом языке Московской Руси XVI – XVII веков…….. 408
Рыбаков М.А. Методологическое обоснование единства синтагматики и парадигматики в системной лингвистике…… 416
Рыбаков М.А., Камарго Босига Я.Х. Синтагматические и парадигматические аспекты в творчестве Хорхе Луиса Борхеса…… 420
Рыкин Е.Ю., Морнова Т.М. Способы выражения оценок разных видов в произведениях С.К. Никитина…… 426
Рыкин Е.Ю., Худойбердиева Ш.С. Функционирование слов-колоронимов в русской и узбекской художественной литературе (на материале произведений В.А. Солоухина и У. Хошимова)…….. 433
Сафронова Н.А., Иванова А.Э. Приложение как второстепенный член предложения…… 438

Серебряк М.В. Отражение религиозного мировоззрения в деловой письменности донационального периода…… 445
Сироткина Т.А. Принципы номинации судов русского речного флота (на материале книги А. Иванова «Речфлот»)…… 453
Славин Е.И. Лингвопрагматическая и жанрово-стилевая парадигма текстов деловой коммуникации……..…… 457
Смирнова Л.Г. Новые тенденции в развитии языка, отраженные на уровне фразеологии……..……..…… 463
Соколова О.И., Александрова В.О. Синтаксическое функционирование независимого и «зависимого» субстантива в именительном падеже..…… 471
Старостина Т.В. Фольклорное начало в произведениях Б.А. Пильняка: обзор возможных источников…… 480
Темникова Н.Ю., Дусмухамбетова С.Н. Словесные способы убеждения в жанре трукрайм (на материале видеоподкаста Саши Сулим)…… 488
Усманова Л.А. Нарратив сновидений как пропозициональная сеть…… 493
Ушакова А.П. Семантика неодобрения в синтаксических фразеологизмах «Что за + N_1»……..……. 499
Федосеева Л.Н. Семантика и синтагматика предлога «на» в современном русском языке: от локативности к состоянию……..……. 506
Чередников А.И. Войсковые грамоты XVIII века в аспекте категории информативности……..……..…… 514
Черникова Н.В., Бубнова Л.В. Осмысление концепта «Достоинство» в «Письмах о добром и прекрасном» Д.С. Лихачёва…… 518
Чумак-Жунь И.И., Кан Т.В. Оппозиция *свои/чужие* в текстовом пространстве языка блогосферы как элемент формирования идеологической картины мира…… 523
Шадиева Д.К. Использование графического органайзера на занятиях по русскому языку для формирования навыка анализа нарушений морфологических норм…… 531
Шанхоева Я.А.-Б. Особенности семантики и употребления локативных синтаксем в текстах интернет-рекламы…… 537
Шашков И.А. Синтаксический уровень идентификации языковой личности продуцента (на гипертекстовом материале веб-ресурсов)…… 541
Шептухин М.К. Сочетаемость как фактор формирования специального значения слова…… 546
Шетэля В. О русских заимствованиях в тексте поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш»…… 551
Юдкин-Рипун И.Н. Меронимы в амплификации как показатель аспекта повествования в прозе В.Ф. Пановой и В.А. Каверина…… 557

Научное электронное издание

ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ:
СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Материалы XVI Международной научной конференции, посвященной
100-летию со дня рождения профессора В. Ф. Киприянова

23 – 25 сентября 2025 г.
г. Владимир

Издаются в авторской редакции

За содержание, точность приведенных фактов и цитирование
несут ответственность авторы публикаций

Компьютерная верстка О. И. Соколовой

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader; дисковод CD-ROM

Тираж 9 экз.

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.